

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Барнаульский юридический институт

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ И ИНЫМИ ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

*Материалы
шестнадцатой международной научно-практической конференции*

Часть I

Барнаул 2018

А43 Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы шестнадцатой международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. – Ч. 1. – 314 с.

Редакционная коллегия:

Анохин Ю.В., доктор юрид. наук, доцент
(председатель);
Богущий А.В., канд. ист. наук, доцент
(заместитель председателя);
Авдюшкин Е.Г. (ответственный за выпуск);
Бублик И.Г., канд. юрид. наук, доцент;
Гришаков А.Г., канд. юрид. наук, доцент;
Малетин С.В., канд. пед. наук;
Моисеев С.В., канд. ист. наук, доцент;
Морковин А.М., канд. пед. наук, доцент;
Семенов В.В., канд. техн. наук, доцент;
Сорокина А.Г., канд. юрид. наук, доцент;
Суверов Е.В., доктор ист. наук, профессор;
Трофимова Ю.В., канд. психол. наук, доцент;
Федоров А.Ф., канд. пед. наук, доцент;
Черепанова Л.В., канд. юрид. наук, доцент;
Шаганян А.М., канд. юрид. наук;
Шкурихина Н.В., канд. юрид. наук, доцент;
Шмидт А.А., канд. юрид. наук;
Жолобова Ю.С. (ответственный секретарь).

В сборник включены тезисы докладов и выступлений участников международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями» (2 февраля 2018 г.).

В материалах конференции освещены проблемы совершенствования оперативно-разыскной деятельности, расследования преступлений, борьбы с административными правонарушениями, уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями и правонарушениями, а также проблемы профессиональной подготовки сотрудников ОВД.

Сборник предназначен для сотрудников ОВД, преподавателей, научных сотрудников и адъюнктов образовательных организаций системы МВД России, а также ученых, занимающихся исследованием проблем борьбы с преступностью.

Пленарное заседание. Доклады

*Р.М. Абызов, доктор юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Барнаульский юридический институт МВД России*

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА КРИМИНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ

Сегодня важнейшим инструментом усиления борьбы с преступностью становится комплексный анализ и прогноз развития криминальной ситуации на региональном уровне. Региональный (пространственный) анализ преступности выступает обязательным атрибутом криминологических исследований. В его рамках преступность рассматривается как интегративный результат сложного взаимодействия всех социальных явлений и процессов, протекающих не только в обществе в целом, но и имеющих территориальную специфику [1, с. 85].

Исследованием было установлено, что комплексный анализ региональной преступности на территории субъектов РФ затруднен по многим обстоятельствам. Прежде всего, это связано с несопоставимостью, а иногда наличием либо отсутствием ряда важных криминологических показателей преступности, поскольку территориальные различия её причинного комплекса связаны: а) с различиями социально-экономического характера региона; б) со степенью криминализации и социальной запущенности населения; в) с особенностью практики борьбы с преступностью [4, с. 12-13].

В зависимости от целей и задач регионального исследования на практике сложились два основных подхода территориального изучения преступности: 1) конкретно-криминологический; 2) комплексный социально-криминологический. Оба подхода имеют близкие черты, но одновременно им свойственны и существенные различия.

Общим недостатком конкретно-криминологических исследований является то, что социальная природа преступности изучается через территориальные проявления самой преступности как совокупности преступлений. На практике лишь в

отдельных случаях ведется поиск социально-экономических условий, способствовавших локализации преступности в отдельных частях региона [4, с. 42-51]. Чаще всего эти условия описываются формально, без расчёта корреляционных зависимостей условий (факторов) и состояния преступности.

Согласно второму, социально-криминологическому подходу изучение криминальной ситуации осуществляется от социально-экономической характеристики региона к территориальной специфике преступности. Следовательно, целью социально-криминологического исследования является изучение влияния социально-территориальных условий (факторов) на уровень, динамику, структуру и характер преступности в пределах конкретного региона [2, с. 6-7].

В этом случае преступность изучается как социально обусловленное явление, а не как простая совокупность преступлений, что позволяет более глубоко проанализировать весь комплекс социальных условий в регионе, не ограничиваясь лишь зонами повышенной криминальной активности.

Именно этот подход был положен в основу нашего исследования, поскольку, наряду с узковедомственными задачами борьбы с преступностью, он выполняет более широкий спектр задач: от анализа криминальной ситуации в разных частях региона до социально-криминологического прогноза и разработки комплексных программ борьбы с преступностью.

На практике анализ преступности чаще всего проводится в сравнении с её количественно-качественными показателями предыдущего года, что, на наш взгляд, явно недостаточно, поскольку это не позволяет сгладить «шероховатости» учёта

преступлений за каждый год в отдельности и вывести средневзвешенные показатели. Для большей объективности сравнение данных при таком анализе целесообразно проводить с помощью динамических рядов от 3 до 5 лет и более.

Первоначальной стадией криминологического познания преступности, её причинного комплекса является информационное обеспечение, представляющее собой целенаправленную деятельность по сбору, переработке, анализу информации, необходимой для эффективного функционирования системы правоохранительной деятельности.

Важно понимать, что только обоснованная и значимая криминологическая информация будет способствовать повышению эффективности предупредительной деятельности. В свою очередь, достоверная и точная криминологическая информация должна по своему содержанию объективно отражать: а) не только состояние и процессы функционирования системы предупреждения преступлений; б) но и состояние внешней среды с необходимой степенью точности.

Негативные социальные, экономические, политические и иные процессы, в разной степени обуславливающие криминальную ситуацию в регионе, способствуют количественно-качественным изменениям преступности. Не зная реального состояния социально-экономической характеристики региона, невозможно понять и оценить их влияние на состояние и уровень преступности.

Не случайно в комплексном анализе криминальной ситуации правоохранители лишь указывают официальные статистические данные о социально-экономической характеристике региона, без проведения корреляционного анализа между отдельными криминогенными факторами и преступностью. Для эффективного управления территориальными ОВД важно не только владеть необходимой информацией, но и уметь правильно ее оценивать.

Одним из основных источников криминологической информации являются статистические данные о преступности, представляющие собой материалы официальной государственной статистики о состоянии преступности и результатах работы правоохранительных органов. Сегодня это является, пожалуй, одной из самых важных и больных проблем в деятельности всех правоохранительных органов [8].

Недостоверные статистические данные о фактической преступности, а также факторах, её обуславливающих, существенно затрудняют изучение криминальной ситуации в регионе. Отсюда проблема учёта и регистрации сообщений и заяв-

лений граждан о совершённых преступлениях и правонарушениях напрямую связана с предыдущей – лукавой статистикой состояния социально-экономической характеристики региона.

По мнению профессора В.Н. Фадеева, именно этим объясняется невозможность прогнозирования и предупреждения преступности, осознанного управления данным явлением в жизни общества и прочих целенаправленных действий в отношении к преступлениям, которые понимаются как неизбежный в принципе атрибут жизни общества [14, с. 34-37].

Сегодня даже у криминологов нет понимания реального состояния преступности в стране. Имеются лишь логически обоснованные и математически просчитанные вероятностные представления о ней. К примеру, по данным профессора С.М. Иншакова, в современной России ежегодно совершается от 26 до 30 млн преступлений, в то время как в официальную регистрацию попадает чуть больше 2 млн преступлений [5, с. 6].

Сегодня статистика преступности – это искусственно созданная картина преступности, не тождественная её реальным, фактическим масштабам. В основе искажения статистики лежит давно изжившая себя система оценки деятельности правоохранительных органов, поэтому криминальная статистика не раскрывает, а наоборот – прячет реальную информацию о преступности.

Начальник Управления правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ О. Инсаров считает, что статистика сфальсифицирована сверху донизу, она не позволяет понять социальную реальность, вводит в заблуждение, а следовательно – вредна. По данным газеты «Коммерсантъ» с начала 2017 г. Генпрокуратурой РФ выявлено 650 тысяч нарушений в учёте информации о преступлениях [9].

В этой части примечателен опыт Казахстана, в котором начиная с 2012 г. МВД РК стало регистрировать все преступления надлежащим образом. Количество преступлений сразу же выросло в 2-2,5 раза, соответственно раскрываемость снизилась до 40-45%, а по отдельным видам ещё больше: по кражам – до 10%, по грабежам – до 14% и т.д. На обеспокоенность Парламента и Правительства ухудшением статистики преступности Министр внутренних дел РК заметил: «Это не рост преступности, она осталась на прежнем уровне, просто мы показали всем то, что раньше скрывали».

Справедливости ради стоит отметить, что уже несколько лет в России идёт работа по реальному реформированию системы учёта и регистрации преступлений правоохранительными органами. В

27 регионах уже тестируют автоматизированную систему «Правовая статистика», внедрение которой в масштабах всей страны предполагается в 2018 году. Приказом Генерального прокурора РФ от 14.09.2017 утверждена Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры РФ до 2025 г. Полагаем, что вслед за прокуратурой эту работу ускорит и МВД России, что наконец-то может привести к реальному изменению положения дел в системе учёта и регистрации преступлений.

Сегодня очевидно для всех, что МВД России нуждается в замене модели управления, поскольку низкая эффективность правоохранительной деятельности не позволяет успешно решать поставленные перед ним задачи.

Правоохранительные органы испытывают огромные издержки контроля за работой своих сотрудников как во времени, так и в ресурсах. Известно, что половину рабочего времени у исполнителей уходит на составление бумаг. Особенно это заметно в работе участковых уполномоченных полиции, которые стали основным субъектом отсева, в том числе «неудобных» преступлений. Ими выносятся до 80% всех постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел.

В нашумевшей в своё время статье профессора П.А. Скобликова приводятся данные по динамике количества постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел и постановлений о возбуждении уголовных дел за 2008-2012 гг. [12, с. 68-74]:

	2008	2009	2010	2011	2012
Постановления об отказе в ВУД	5317087	5640693	6030001	6142306	6142425
Динамика к предшествующему году	(+6,2%)	(+6,1%)	(+6,9%)	(+1,9%)	(+0,1%)
Количество постановлений о ВУД	(-12%)	(-7,1%)	(-10,7%)	(-9,2%)	(-6,1%)

Если бы увеличение числа отказов в возбуждении уголовных дел носило естественный характер, следовало бы ожидать пропорционального увеличения количества возбуждённых уголовных дел. Однако произошло всё с точностью до наоборот: количество последних последовательно снижалось. Следовательно, значительное увеличение числа отказов в возбуждении уголовных дел носило искусственный характер.

Вместе с тем подавляющее большинство участковых уполномоченных полиции получило высшее юридическое образование по заочной форме обучения, зачастую на платной основе, порой в непрофильных вузах. Отсюда соответствующее качество их теоретических знаний и практических навыков. Масштабный и повсеместный контроль, сложившийся в ОВД, воспринимается как свидетельство низкого профессионализма подчинённых и недоверия к ним со стороны руководителей.

Численность сотрудников ОВД, непосредственно занятых в правоохранительной деятельности, на протяжении последних 10 лет колебалась в пределах 60-70% от всего личного состава. Остальные заняты учётом, анализом, документооборотом, планированием, контролем, что конечно так же необходимо. Именно сотрудники этих направлений деятельности генерируют огромный

поток запросов, отчётов, справок и т.п., нередко ненужных документов, что порождает избыточную и бесполезную информацию.

Ещё одним направлением совершенствования управленческой деятельности в сфере обеспечения общественного порядка и безопасности граждан следует считать создание общегородских дежурных частей с одновременным сокращением городских управлений внутренних дел, в большинстве случаев, дублирующих функции районных отделов внутренних дел.

Известно, что в городах существуют так называемые «горячие точки» с хронически высокой частотой совершения преступлений. Криминологами доказано, что до 50% всех регистрируемых преступлений концентрируется в 5% городского пространства. Такая географическая локализация преступности позволяет выявлять наиболее вероятные места совершения насильственных, имущественных и прочих преступлений. И здесь могут быть крайне полезны и эффективны общегородские дежурные части, организующие работу полицейских нарядов в системе «Единой дислокации» как по раскрытию, так и пресечению уличных преступлений.

Вместе с тем изучение информационно-аналитического обеспечения и ведомственных разработок, посвященных проблемам криминоло-

гического анализа криминальной ситуации, свидетельствует: а) как об отсутствии методологии проведения комплексного исследования складывающейся криминальной ситуации и предвидения ее изменения; б) так и выработки мер управленческого характера по противодействию преступности на основе результатов криминологического анализа и прогноза преступности в регионе.

Современный этап развития нашего общества обусловил масштабную криминализацию социально-экономической сферы, породив появление новых, неизвестных ранее видов преступлений и механизмов их совершения. Криминогенные процессы захватывали все большее социальное пространство, все более отчетливо проявлялось криминальное перерождение институциональных структур общества, преступная субкультура интегрировалась в социальную структуру общества [10, с. 4].

В то же время реформы МВД России, нацеленные на повышение эффективности ОВД, ожидаемых результатов не достигли [13]. В частности, снижение эффективности профилактической деятельности ОВД на районном уровне негативным образом сказалось на состоянии криминогенной ситуации на территориях оперативного обслуживания.

Эволюция общероссийских и региональных угроз, постоянно меняющиеся криминальные модели и растущий спрос на услуги, предоставляемые полицией, требуют постоянного обновления стратегий, приоритетов, планов и методов работы.

Соответственно возникает потребность в новых современных подходах в противодействии преступности. На сегодняшний день существуют следующие модели правоохранительной деятельности:

- традиционная полицейская деятельность, которая предполагает в основном реагирование на инциденты и обращения граждан;
- полицейская деятельность, основанная на взаимодействии с населением;
- проблемно-ориентированная полицейская деятельность;
- полицейская деятельность на основе оперативных данных и достоверной информации (ПДОДИ) [11, с. 14-15].

ПДОДИ – относительно новая, развивающаяся концепция, предлагающая тесное сотрудничество между аналитиками (криминологами) и лицами, принимающими организационно-управленческие решения, обладающими необходимыми навыками и компетенциями.

Ключевым элементом в методе ПДОДИ является систематический сбор и анализ информации и данных, связанных с предотвращением, сокращением и ликвидацией преступности. Специалисты-аналитики выделяют три ключевых элемента ПДОДИ: а) преступную среду; б) криминологов-аналитиков; в) лиц, отвечающих за принятие решений.

Качественное управление полицией, в том числе принятие эффективных решений, требует качественных материалов и квалифицированных аналитиков, которые способны подготовить для руководителей достоверные отчеты. Анализ оперативных данных требует усовершенствованных, а иногда и новых аналитических знаний и навыков в правоохранительных органах.

Это позволит разработать и использовать в комплексном анализе дополнительные аналитические методы:

1. Системный анализ преступной практики, представляющий собой совокупность нескольких видов анализов, включая выявление тенденций преступности и анализ «горячих точек».
2. Анализ и оценку влияния социально-экономических и демографических изменений на преступность (корреляционный анализ).
3. Анализ потенциального рынка сбыта определенных товаров и услуг, к примеру, алкоголя, наркотиков, проституции.
4. Анализ сфер преступного бизнеса, позволяющий выявить, изучить и понять способы совершения экономических преступлений (сферы, отрасли, ОПГ).
5. Анализ рисков и угроз, создаваемых криминальной средой для правоохранительных органов и населения.

При этом следует понимать, что оценка угроз – это не описательные доклады о текущем положении дел, это прогнозные документы. В оценках угроз должны содержаться выводы с перечнем ключевых угроз и рекомендации по их нейтрализации.

Литература

1. Бурлаков В. Социально-криминологическая обстановка в регионах России // Криминология XX век. СПб., 2000. 554 с.
2. Габиани А.А., Гачечиладзе Р.Г. Некоторые вопросы географии преступности (по материалам Грузинской ССР). Тбилиси, 1982. 143 с.

3. Долгова А.И. Изучение социально-экономических проблем преступности // Сб. науч. статей. М., 1985. 116 с.
4. Забрянский Г.И. Криминологическая классификация регионов Российской Федерации // Вестн. Моск. ун-та. Серия 11. Право. 1993. № 2. С. 42-51.
5. Иншаков С.М. и др. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности. М., 2011. 839 с.
6. Каныгин В.И. Проблемы комплексного анализа и предупреждения преступности в регионе (по материалам Приволжского федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 21 с.
7. Кондратюк Л.В. Преступность в сельской местности и некоторые проблемы ее предупреждения // Проблемы преступности в городах и сельской местности и пути совершенствования предупредительной деятельности органов внутренних дел: сб. науч. тр. М., 1986. 223 с.
8. Об утверждении временного наставления по службе штабов органов внутренних дел (с изменениями на 8 февраля 2011 г.) [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 12 февраля 1997 г. № 86. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
9. Правоохранительные органы подделывают данные криминальной статистики. URL: <http://virtual-iurist.ru/new-1404.html> (дата обращения: 24.10.2017).
10. Радовицкий К.А. Преступность в современной России: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2004. 23 с.
11. Руководство ОБСЕ по полицейской деятельности на основе оперативных данных и информации. Серия: ДТНУ / ОСВПД, Вена, 2017. издание 13. URL: <http://www.osce.org/ru/chairmanship/357211?download=true> (дата обращения: 20.09.2017).
12. Скобликов П.А. Мотивы необоснованных и незаконных отказов в возбуждении уголовных дел // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 68-74.
13. Состояние преступности за январь-декабрь 2015 г. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/2994866/> (дата обращения: 31.01.2017).
14. Фадеев В.Н. Проблемы неопределённости корней преступности и сущности личности преступника. // Сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. «Характеристики личности преступника и их изменений» (г. Чебоксары, 5-6 июля 2017 г.) / под ред. д.ю.н., проф. А.И. Долговой. Чебоксары, 2017. С. 34-37.

Б.В. Ларин

Уполномоченный по правам человека в Алтайском крае

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ – СФЕРА ВНИМАНИЯ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В соответствии со ст. 18 Конституции Российской Федерации права и свободы человека определяют не только смысл законов, но и деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Деятельность Уполномоченного по правам человека в Алтайском крае в силу закона не отменяет и не влечёт пересмотра компетенции органов власти.

Свою компетенцию Уполномоченный реализует, прежде всего, через рассмотрение жалоб, поданных на решения и действия властных органов.

Ежегодно Уполномоченный получает около двух тысяч обращений, в т.ч. до 700 жалоб.

Несмотря на положительные результаты работы правоохранительных органов в последние годы к Уполномоченному, а также в органы государственной власти края продолжают поступать жалобы на незаконные и необоснованные действия (бездействие) сотрудников органов внутренних дел и других правоохранительных структур. За 11 месяцев 2017 г. в адрес Уполномоченного поступило 278 таких обращений (в 2016 г. – 256 обращений).

Много обращений к Уполномоченному от граждан связано с необоснованными отказами в возбуждении уголовных дел либо с их прекращением. После изучения таких обращений и анализа приведенных в них фактов возникают обоснованные сомнения относительно преждевременности вынесения сотрудниками полиции постановлений.

Уполномоченный в силу своей компетенции не вправе отменить процессуальное решение, принятое следственными органами. В случае получения таких жалоб Уполномоченный обращается в интересах заявителей в прокуратуру Алтайского края или территориальные прокуратуры с просьбой проверить законность и обоснованность вынесенного решения.

По запросу Уполномоченного органами прокуратуры в порядке надзора изучаются материалы по жалобам, поступившим от граждан. По результатам проверок прокурорами, в большинстве

случаев принимаются положительные решения. Основаниями отказов в возбуждении дел нередко является личное усмотрение должностного лица, проводящего доследственную проверку, иногда невзирая на очевидные факты правонарушений и преступлений.

Прокурорские проверки показывают, что зачастую принятые решения об отказе являются незаконными и необоснованными, в связи с чем они отменяются, а материалы по обращениям граждан возвращаются в соответствующие подразделения для проведения дополнительных проверок.

Много жалоб касается нарушений сотрудниками полиции норм УПК РФ при проведении дознания и предварительного следствия, угроз и применения физической силы при задержании и расследовании уголовных дел. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов заблуждения граждан, вызванные незнанием процессуального законодательства и предъявляющие требования к правоохранителям, не основанные на нормах УПК РФ.

К подобным обращениям Уполномоченный относится особенно внимательно и предпринимает все возможные меры для защиты прав граждан.

Так, в 2017 г. к Уполномоченному обращалась гр. Б. с жалобой на неправомерные действия следователя отдела полиции по Индустриальному району СУ УМВД России по городу Барнаулу, которым неоднократно выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по факту мошеннических действий гр. Б. без проведения дополнительной проверки.

По просьбе Уполномоченного проводились проверки, по их результатам вынесенные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела прокуратурой Индустриального района, прокуратурой края неоднократно отменялись, материалы направлялись на дополнительное расследование. Указания прокурора по устранению недостатков не выполнялись. Вновь выносилось постановление об отказе в возбуждении дела. Тем не менее в результате совместной с прокуратурой работы уголовное дело возбуждено, в настоящее время идет следствие.

Еще один пример. К Уполномоченному обратился президент Некоммерческой организации «Адвокатская палата Алтайского края» в интересах адвоката Л. по вопросу незаконного изъятия у него сотового телефона следователем Следственного управления в ходе проведения следственных действий в отношении ее доверителя гр. В.

Изъятие у адвоката телефона, содержащего в себе информацию по значительному количеству дел и в отношении конкретных лиц, является грубейшим нарушением права на защиту не только гр. В., но и других доверителей адвоката.

В соответствии со ст. 8 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» следователь мог изъять телефон у адвоката только на основании решения суда, однако оно отсутствовало. Уполномоченный обратился к прокурору Алтайского края с просьбой дать правовую оценку действиям следователя.

В отношении следователя проведена служебная проверка, в результате он привлечен к дисциплинарной ответственности, уголовное дело передано другому следователю. Права адвоката восстановлены.

Есть случаи, пусть и единичные, обращений граждан, указывающие на неправомерное применение сотрудниками полиции физической силы и проникновение в жилище.

В мае 2017 г. житель г. Барнаула гр. П. обратился к Уполномоченному с жалобой на действия сотрудников отдельной роты патрульно-постовой службы отдела полиции по Индустриальному району г. Барнаула, указывая, что он был избит сотрудниками полиции, которые незаконно проникли в его жилище.

Жалоба для проведения служебной проверки направлялась в адрес руководства ГУ МВД России по Алтайскому краю. По ее результатам в действиях сотрудников ОР ППСП УМВД России по г. Барнаулу установлены нарушения ст. 15 Федерального закона «О полиции». Виновные привлечены к дисциплинарной ответственности. По факту применения физической силы в отношении гр. П. принято решение о направлении материалов проверки руководителю СУ СК России по Алтайскому краю для правовой оценки действий сотрудников полиции.

Одним из направлений деятельности Уполномоченного является проверка соблюдения прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения содержание под стражей и находящихся в изоляторах временного содержания.

На территории Алтайского края функционируют 38 ИВС. Охранно-конвойными подразделениями территориальных органов внутренних дел края обслуживается 72 суда, 36 судов оборудованы камерными блоками для содержания подозреваемых и обвиняемых и помещениями конвоя, в 13 судах камерные блоки и помещения для конвоя отсутствуют.

Уполномоченному поступают жалобы от адвокатов, родственников граждан, помещенных в ИВС. В своих обращениях они сообщали о нарушениях, связанных с ненадлежащими условиями содержания и неправомерными действиями работников полиции.

В 2017 г. Уполномоченный и сотрудники его аппарата совместно с представителями ГУ МВД России по Алтайскому краю, а в некоторых случаях с представителями районных прокуратур и членами Общественной наблюдательной комиссии Алтайского края посетили 18 ИВС в городах и районах края.

В ходе бесед с содержащимися под стражей гражданами, жалоб на неприемлемые условия содержания, отказ в оказании амбулаторной неотложной медицинской помощи, на нарушение права на личную безопасность не поступало.

Вместе с тем ряду руководителей районных отделов полиции Уполномоченный указывал на необходимость проведения ремонта в камерах, улучшения искусственного освещения, замены в камерах сантехнических устройств, плохую работу вентиляции. Необходимо отметить, что руководством ГУ МВД России по Алтайскому краю принимаются меры по укреплению материально технической базы изоляторов временного содержания.

Поступают жалобы, указывающие на нарушения сроков содержания подследственных в ИВС, – свыше 10 суток.

Указанное возможно по причине расхождений норм Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части определения сроков содержания в ИВС и сроков, отводимых для рассмотрения уголовных дел в суде.

Уполномоченным и сотрудниками его аппарата проводятся проверки соблюдения прав граждан, задержанных за административные правонарушения в дежурных частях органов внутренних дел, куда попадают лица, совершившие мелкое хулиганство, обнаруженные в общественных местах в состоянии опьянения, а также иностранные граждане, нарушившие режим пребывания в Российской Федерации. В соответствии с КоАП

РФ и иными нормативными актами им гарантируется право на надлежащие условия содержания, обеспечение питанием, медицинским обслуживанием и т.д. Проверки территориальных отделов полиции показывают, что в основном камеры для административно задержанных соответствуют установленным требованиям, однако не обходится и без нарушений в предоставлении питания и постельных принадлежностей.

В поступающих жалобах и в ходе личного приема граждан не уменьшается число упреков и недовольств работой участковых уполномоченных полиции.

Между тем служба участковых уполномоченных полиции занимает центральное место в системе органов внутренних дел и является гарантом защиты прав и свобод граждан от преступных посягательств по месту их жительства, является связующим звеном полиции с населением. Из всех сотрудников органов внутренних дел именно на участковых ложится основная нагрузка по выполнению комплекса профилактических мероприятий, направленных на предупреждение преступлений и административных правонарушений на обслуживаемой территории.

В 2017 г. увеличилось количество жалоб граждан на нарушение тишины и покоя. В своих обращениях граждане, которым было рекомендовано обратиться за помощью к своему участковому, сообщали о бесполезности таких обращений.

Так, в ноябре 2017 г. в очередной раз обратился гр. П. с жалобой на бездействие участкового полиции Индустриального района. В письме заявитель сообщил, что он неоднократно обращался в отдел полиции по факту хулиганских действий гр. П. и гр. Г., однако его сообщения остались без принятия необходимых мер. От сложившейся конфликтной ситуации страдают четверо несовершеннолетних детей. Для решения данного вопроса Уполномоченный обратился к руководству УМВД России по городу Барнаулу, поскольку территориальным отделом необходимых мер не принято.

На личном приеме к Уполномоченному обратилась гр. С. с жалобой на бездействие участкового полиции МО МВД России «Рубцовский». Заявительница сообщила, что ей были нанесены побои двумя женщинами. Участковым полиции должным образом проверка не проводилась, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела вынесено преждевременно. По просьбе Уполномоченного прокурор г. Рубцовска постановление отменил, указал о допущенных нарушениях участковым уполномоченным полиции. Материалы дела направлены в суд.

Права Уполномоченного при рассмотрении жалоб заявителя в отношении территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство РФ, организаций федерального подчинения, краевых органов госвласти и местного самоуправления сегодня закреплены законодательством не только региональным, но и федеральным.

Вместе с тем взаимодействие с территориальными подразделениями правоохранительных органов вследствие неполноты законодательной базы Уполномоченный осуществляет, основываясь на заключенных с ними соглашениях, предусматривающих информационное взаимодействие, проведение совместных проверок и приемов граждан, координацию действий по защите прав и свобод граждан, совершенствованию законодательства. Такие соглашения о сотрудничестве заключены Уполномоченным с прокуратурой Алтайского края, Следственным управлением следственного комитета РФ по Алтайскому краю, Западно-Сибирским следственным управлением на транспорте СК РФ, Управлением Министерства юстиции РФ по Алтайскому краю, с Управлениями Федеральных служб исполнения наказаний и судебных приставов, Главным Управлением Министерства внутренних дел России по Алтайскому краю.

Тем не менее такие соглашения, на наш взгляд, не самая прочная правовая платформа для взаимодействия. Собственно говоря, они не предусмотрены никакими правовыми актами. Инициатива их подписания исходила зачастую от руководителей федеральных ведомств как продвижение на региональный уровень федерального опыта.

В рамках разрабатываемого сегодня проекта федерального закона «Об общих принципах организации и деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации», который призван обеспечить комплексное регулирование различных вопросов, связанных с деятельностью региональных уполномоченных, одним из ключевых моментов, требующих правового закрепления, как раз и является сфера взаимодействия региональных омбудсменов с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти. И возможно правовое закрепление в законе основ действующих сегодня соглашений.

Безусловно, расширение компетенции Уполномоченных может серьезно способствовать повышению эффективности защиты и восстановления нарушенных прав граждан.

К.В. Лен, канд. ист. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России

300 ЛЕТ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ. ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ. УРОКИ ПРОШЛОГО

В последнее время отечественные исследователи в сфере изучения истории правоохранительной системы нашей страны постоянно фиксируют положительные и отрицательные уроки прошлого, оговаривая их значение и для сегодняшнего дня [1; 2, с. 78-82; 3, с. 78-82; 4, с. 4-5; 5; 6, с. 78-82; 7, с. 36-56; 8, с. 127-132].

В конечном итоге, сегодня можно сделать целый ряд выводов о роли полиции (милиции) в истории российской государственности, а также об определенной корреляции правоохранительной системы от общих тенденций исторического развития вне зависимости от временных и пространственных характеристик.

Во-первых, с момента своего основания в 1718 г. полиция играла роль системообразующего начала в формировании новой модели петровской императорской России. Для Петра I, его преемников и вплоть до середины XIX в. полиция – это основной инструмент реформ, структура, которая, по сути, занимается управлением российским городом, а начиная с Екатерины II – сельской территорией уезда, с 1802 г., с созданием МВД, – всей империей. Даже после октября 1917 г., когда произошел резкий разрыв с предшествующей исторической традицией, общая тенденция оставалась неизменной – НКВД РСФСР (СССР) образца 1917-1945 гг. по объему функций и самых разных полномочий в той или иной степени мало уступает МВД Российской империи. Рабоче-крестьянская милиция в первые годы советской власти способствовала становлению новой государственности, т.е. активно занималась формированием власти советов («советским строительством»).

Во вторых, 300-летний опыт истории свидетельствует еще об одной закономерности. Общая политика страны, направленная на усиление роли государства, в т.ч. и для решения сверхзадач, реакции на внешние вызовы, нередко сопровождающаяся авторитаризмом, а то и тоталитаризмом, как правило, укрепляет всю правоохранительную систему. Это заметно на примере истории всей императорской России – эпохи, где в принципе отсутствовали неавторитарные методы управле-

ния. 30-40-е гг. XX в. – это время укрепления всех основных звеньев советской милиции, и этим процессом успешно руководили, меняя друг друга (отправляясь в расстрельные камеры) наркомы внутренних дел – Г. Ягода, Н. Ежов, Л. Берия (фамилии одиозные, не всегда справедливо одиозные). В 70-е и в начале 80-х гг., в период, отличающийся более жестким политическим режимом в сравнении с предшествующей хрущевской эпохой, можно увидеть небывалую ранее мощь всей советской правоохранительной системы – «золотой век советской милиции». И с точностью наоборот, демократизация политической системы, дрейф страны от авторитаризма (или тоталитаризма) к демократии, сопровождаемый критикой, а то и шквальным огнем существующих государственных устоев зачастую наносит непоправимый удар по правоохранителям. Ряд примеров. В начале XX в., в период думской монархии, полицейские – для многих «церберы», «цепные псы самодержавия», третья Государственная дума заблокировала все предложения П.А. Столыпина по полицейской реформе (повышение жалования, создание учебных заведений для полицейских и др.). Почему? Укреплять полицию – значит укреплять царизм. В период Временного правительства – упразднили все полицейские структуры страны, отменили даже форму, а взамен ничего толкового создать не смогли (да и не успели). В двадцатые годы нэпа, времени относительной либерализации политического режима наблюдалось общее ослабление советской милиции. Во второй половине 50-х – начале 60-х гг., т.е. в период робкой демократизации советской системы при Н.С. Хрущеве, взятый курс на расширение народовластия и развития общественных формирований в связи с ускоренным построением коммунизма в нашей стране привел к серьезному расшатыванию наиболее важных скреп правоохранительной системы – ликвидировано общесоюзное МВД, заморожен на долгое время рост денежного содержания, постоянные сокращения личного состава. Ведь скоро коммунизм. Преступности не будет. Милиция в ближайшей перспективе станет ненужной, а ее легко заменят

общественные формирования в виде ДНД. В годы перестройки (1985-1991 гг.) советская милиция, так же как КГБ, вооруженные силы, партийные и комсомольские органы – основы советской государственности, подвергалась остракизму, переживала время чисток по политическим мотивам и не всегда продуманных управленческих решений.

Исторический опыт позволяет извлечь и ряд уроков.

Во-первых. Нельзя допускать ослабления принципов централизма и единоначалия в управлении. Достаточно вспомнить не очень последовательный процесс формирования вертикали власти по схеме МВД – регионы в первой половине XIX в. В 1802 г. было создано МВД, которое руководило деятельностью губернаторов, а им в свою очередь на местах подчинялась полиция. Через губернаторов министр внутренних дел руководил охраной общественного порядка и борьбой с преступностью. Впервые был создан единый орган управления, объединивший полицию империи в общегосударственном масштабе. Уже в 1811 г., учитывая многообразие функций министерства, из него выделяется Министерство полиции, которое начинает функционировать параллельно с МВД. Однако создание Министерства полиции, усилив специализацию в управлении полицией на министерском уровне, ослабило «правоохранителей» на губернском (местном) уровне. Полицеймейстеры, городничие и уездные исправники по-прежнему подчинялись непосредственно губернаторам. Сами же губернаторы по вопросам полиции были подконтрольны Министерству полиции, а по другим вопросам – Министерству внутренних дел. Таким образом, с созданием Министерства полиции в местном управлении создавалось своеобразное двоевластие, ставшей одной из причин упразднения Министерства полиции в 1819 г. в начале XX в. Так, П.А. Столыпин предлагал ввести на местах должности помощников губернаторов по полиции, которым подчинить как общую, так и жандармскую полицию и охранные отделения. Предполагалось также создание губернских полицейских управлений, подчиненных губернаторам через их помощников по делам полиции. Дело в том, что начиная с 1802 г., со времени образования МВД, губернатор, или «начальник губернии» был чиновником Министерства внутренних дел, а значит высшим «полицейским лицом губернии». Однако многочисленные обязанности не позволяли губернаторам заниматься исключительно правоохранительными вопросами. По этой причине предложение Столыпина о создании должности помощника по полиции было очень своевременным.

Оправданно было и стремление Столыпина к созданию губернских полицейских управлений. Еще в 60-70-е гг. XIX в. повсеместно создавались уездные полицейские управления, которые стали управлять деятельностью полиции, как села, так и города (до этого сельская и городская полиция друг от друга находилась в автономном режиме). Нельзя забывать, что в начале XX в. самой крупной административной единицей России была губерния, состоящая из 5-7 уездов. В итоге российская правоохранительная система обладала существенным недостатком. Она была централизована или имела общий штаб на уровне уезда, но была децентрализована (т.е. не имела общего штаба) на уровне губернии. Основным гарантом координации усилий всех полицейских губернии являлся губернатор, у которого и без того хватало работы. Отступление от принципов централизма и единоначалия в начале XX в. привело к низким результатам деятельности уголовно-сыскных отделений и ослаблению полиции в целом как аппарата борьбы с преступностью и обеспечения общественного порядка.

Во-вторых. Правоохранительные органы в нашей стране в значительно большей степени должны являться частью государства, проводником государственной политики, а не муниципалитетов. Финансирование органов правопорядка необходимо максимально возлагать не на муниципальный, а на государственный бюджет. Примеров здесь тоже предостаточно. Достаточно вспомнить, что после городской реформы 1870 г. города обязаны были за свой счет содержать городскую полицию. При этом численность полиции напрямую зависела от численности населения конкретного города. Для многих городов расходы на полицию были тяжелым бременем, зачастую трудно выполнимой задачей, отвлекавшей от решения острейших проблем жизни (благоустройство, образование, здравоохранение и т.д.). К тому же городская полиция находилась в прямом подчинении собственного руководства. В период Временного правительства финансирование нового органа, милиции, целиком перешло на муниципалитеты, а те в свою очередь имели право самостоятельно определять даже численность милиционеров. В годы нэпа в целях экономии государственных средств, необходимых для скорейшего восстановления народного хозяйства, содержание милиции было передано на местный бюджет. В большинстве случаев это привело к ухудшению материального положения сотрудников милиции и дальнейшему сокращению штатов (к 1925 г. личный состав милиции сократился более чем в 6 раз).

Урок третий. Нельзя допускать в кадровой политике принцип выборности на полицейские должности, да и чрезмерной зависимости при занятии должности от мнения населения. В этом вопросе история правоохранительной системы нашей страны имеет свой негативный опыт. Достаточно вспомнить созданную во второй половине XVIII века должность руководителя уездной (сельской) полиции – капитан-исправника (позже исправника). Капитан-исправник

не назначался, а избирался дворянами уезда. В результате в своей профессиональной деятельности сильно зависел от мнения «общества», собственных соседей, приятелей, партнеров по карточным играм и охоте. В XIX в. случаев кумовства, круговой поруки, злоупотреблений властью на уездном уровне стало так много, что правительство Александра II в рамках полицейских реформ 60-70-х гг. решило назначать исправников.

Литература

1. Ахмедов Ч.Н. Правоохранительная система Российской империи. Исторический опыт реформирования и структурирования: монография. СПб.: Астерион, 2008.
2. Борисов А.В. Проблемы реформирования полиции Российской империи в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 1.
3. Косенко А.А. Реформирование полиции Российской империи в 1862-1917 годах // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 1.
4. Кудин В.А. От полиции Российской империи к полиции Российской Федерации: Два века истории // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 2 (50).
5. Лен К.В. Знаменитые сыщики Российской империи (XVIII – начало XX в.): монография. Барнаул, 2016.
6. Лен К.В. История службы участковых полиции: учеб. пособие. Барнаул, 2015.
7. Лен К.В. К вопросу о приемах работы уголовного сыска Российской империи (XVIII-XIX вв.) // Сборник материалов криминалистических чтений / под ред. Ю.Л. Бойко. Барнаул: БЮИ МВД России, 2014.
8. Шатилов С.П. Государственно-правовая политика в области кадрового состава государственно-го аппарата в период правления Петра I // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы седьмой научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2013. Ч. 2.

*Цзян Сюлань, доктор юрид. наук
Синьцзянская полицейская академия;
Ван Янь
Синьцзянская полицейская академия*

ПРОВЕДЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В РАМКАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В настоящее время специальные оперативно-разыскные мероприятия, в отличие от традиционных, все чаще применяются в существующем международном сотрудничестве в области уголовного судопроизводства. Впервые они были описаны «Конвенцией Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» в 1988 г. Статья XI Конвенции предусматривает

использование новой формы международного сотрудничества в области расследований на международном уровне – «Контролируемая поставка». Конвенция установила общую модель и основные принципы, которые должны применяться при контролируемой поставке, что заложило хорошую основу для будущего законодательства. Далее «Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организован-

ной преступности» 2000 г. расширила это понятие, заменив термин «контролируемая поставка» на «специальные оперативно-разыскные мероприятия» и добавив такие методы, как использование электронных и других видов наблюдения (electronic or other forms of surveillance) и тайные операции (undercover operations). Таким образом, использование специальных оперативно-разыскных мероприятий было усовершенствовано и расширено.

1. Контролируемая поставка

«Контролируемая поставка» – специальное оперативно-разыскное мероприятие, при котором с ведома и под контролем органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, допускаются ввоз на территорию страны, вывоз с этой территории либо перемещение (пересылка, перевозка и иная транспортировка) по ней продукции, предметов и веществ.

Целью контролируемой поставки является выявление правонарушения и выявление лиц, принимающих участие в его совершении.

Контролируемая поставка применяется для обнаружения или перехвата контрабанды во время ее транспортировки и последующей ее доставки под наблюдением для выяснения обстоятельств деятельности предполагаемой преступной организации.

Статья 11 «Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» является первым международным законодательным актом, санкционировавшим метод контролируемой поставки. Этот важный подход все чаще используется на международной арене в настоящее время, и он находит себе применение в самых разных ситуациях при оперативно-разыскной деятельности на международном уровне.

При отсутствии соответствующего соглашения или договоренности решение о том, следует ли использовать такие специальные оперативно-разыскные мероприятия на международном уровне, должно приниматься в каждом конкретном случае. Это требует того, чтобы каждое государство-участник по крайней мере имело возможность самостоятельно осуществлять сотрудничество по использованию данных мероприятий в каждом отдельном случае.

Использование контролируемой поставки требует особого внимания к двум вопросам: первый – о планировании финансирования; второй вопрос касается осуществления юрисдикции.

2. Электронные и другие виды наблюдения и тайные операции

Электронное наблюдение в Конвенции выражается как «электронное или иное». К нему относятся наблюдение с использованием специального электронного оборудования либо слежка за соответствующими лицами с целью получения доказательств по тому или иному делу. Согласно тексту Конвенции наблюдение в других формах также включает в себя отслеживание и длительную работу на местности по наблюдению за соответствующими лицами. Под «тайными операциями» понимается то, что сотрудники скрывают свою личность или используют ложные персональные данные при проведении расследования. «Тайные операции» также включают «внедрение» и «засаду». Необходимость таких средств обнаружения описана в пункте «Меры против коррупции», принятом на восьмом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1990 г. «Скрытая коррупционная деятельность, если ее не раскрывать, будет продолжаться бесконечно, а другие методы не смогут раскрыть коррупционные правонарушения. Теоретически и на практике доказано, что совместное использование “тайных операций” и открытых прозрачных методов работы оказывается эффективным и время от времени способствует раскрытию глубоко сокрытых коррупционных правонарушений на самом высоком уровне».

Использование специальных оперативно-разыскных мероприятий имеет свою специфическую подоплеку.

Таким образом, основываясь на юридическом и политическом аспектах использования специальных оперативно-разыскных мероприятий, степень законности и масштабов применения данных мероприятий требует к себе серьезного внимания и тщательного рассмотрения со стороны всех стран-участников подобного сотрудничества. Для обеспечения защиты прав человека и доказательности последующего судопроизводства также необходим строгий контроль над применением специальных оперативно-разыскных мероприятий.

Секция «Проблемы совершенствования оперативно-разыскной деятельности»

И.В. Бандорина

Нижегородская академия МВД России

ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ПРАКТИКЕ РАСКРЫТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Борьба с нецелевым использованием и хищением государственных средств, коррупцией, теневой и криминальной экономикой выступает основным направлением государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности [2].

В реализации данного направления задействована вся система правоохранительных органов, ключевым звеном которой выступают сотрудники подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции. Эффективность решения поставленной задачи будет напрямую зависеть от оптимального сочетания сил и средств, которыми располагают сотрудники данных подразделений. На необходимость активизации деятельности по борьбе с экономической преступностью указывают выводы специалистов, проводивших исследования динамики экономической преступности, которые прогнозируют ее рост в ближайшей перспективе (2017-2018 гг.) [1, с. 217].

В этой связи хотелось бы напомнить, что Нижегородская академия МВД России имеет многолетний опыт в подготовке кадров, нацеленных на борьбу с экономическими преступлениями, и выступает в соответствии с Приказом МВД России № 820 ««О профилизации образовательных организаций МВД России» учебно-научным центром по реализации приоритетного профиля

подготовки кадров «Деятельность подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции».

В рамках реализации данного профиля подготовки кафедрой судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета проводится работа (при преподавании экономических и специальных дисциплин) по привитию интереса работы с учетно-отчетной документацией. Особое внимание при этом уделяется вопросам непосредственного использования приемов исследования документальных данных будущими сотрудниками подразделений ЭБиПК.

Дело в том, что именно оперативный работник ОВД в своей поисковой деятельности первым сталкивается с неявными признаками преступной деятельности, проявившимися в экономической информации, большую часть которой составляют первичные документы и учетные регистры.

Особенность сегодняшней экономической преступности состоит в том, что большая часть преступлений совершается посредством использования бестоварных документов, которые используются для отражения в учете хозяйственных операций, на самом деле не имевших места. Данные документы позволяют создать в учетных данных кредиторскую задолженность (фиктивную по своему происхождению), погашение которой связано с «выведением» денежных средств

и последующим присвоением участниками преступления. Кроме этого, принятие бестоварных документов к учету экономическими субъектами – плательщиками налога на добавленную стоимость позволяет уменьшить сумму налога, причитающуюся к уплате в бюджет путем предъявления необоснованного налогового вычета.

Для установления подобных фактов и признания подложными документов, которыми оформлены не совершаемые в реальности операции по реализации продукции, выполнению работ, оказанию услуг, целесообразно применять такие приемы работы с документами, как встречная проверка и метод взаимного контроля.

Под встречной проверкой понимают сопоставление разных экземпляров одного и того же документа [3, с. 75].

Метод взаимного контроля представляет собой сопоставление самых различных документов, прямо или косвенно отражающих проведенную операцию [3, с. 77].

Последний метод может быть особенно эффективным в случае установления бестоварности оказываемых услуг. Так, продажа продукции поставщиком покупателю может дополнительно сопровождаться услугами по доставке (доставка осуществляется за счет поставщика). Причем в целях признания дополнительных расходов последний заключает договор с организацией, которая на самом деле не принимает участия в оказании услуг транспортировки, а используется в целях «обналичивания» денежных средств. На самом деле доставка осуществляется силами поставщика. В этой ситуации при наличии оперативной информации о выведении денежных средств под видом приобретения услуг транспортировки оперативному сотруднику следует провести сопоставление отдельных реквизитов следующих документов: транспортных накладных, накладных на отпуск продукции покупателю (торг-1), путевых листов. Метод сработает в том случае, если преступниками подготовлен неполный пакет фальсифицированных документов. Так, анализ путевых листов, выполняющих роль дополнительных документов, в части прослеживания маршрутов движения транспортных средств, принимавших участие в перевозке про-

дукции, позволит установить рассогласованность с содержанием основного документа (транспортной накладной). Установленная рассогласованность как раз и будет выступать доказательством того, что операция по транспортировке продукции выполнялась силами поставщика. Однако нельзя исключать тот факт, что преступниками может быть использована полная маскировка следов преступной деятельности с помощью документов бухгалтерского учета. В любом случае для сбора доказательственной базы необходимо подключать дополнительные приемы. Такими приемами могут выступать получение объяснений от лиц, принимавших участие в совершении и документальном оформлении «сомнительной» операции (данные приемы относятся к группе приемов фактической проверки документальных данных).

Определенную помощь в проведении документальных исследований документов бухгалтерского учета могут оказать специалисты, обладающие специальными знаниями в этой области. Причем деятельность данных специалистов предполагает использование более широкого круга приемов документальной проверки. В частности, для установления бестоварности расходных накладных на отпуск материальных ценностей на сторону (оформление которых зачастую бывает связано с преступлениями, совершаемыми материально-ответственными лицами) может использоваться хронологический анализ операций.

Хронологический анализ движения ценностей состоит в том, что анализируются даты совершения тех или иных хозяйственных операций, отраженные в данных учета [3, с. 80]. Подтверждением факта бестоварности расходной накладной можно считать появление так называемых красных остатков по материальным ценностям (остаток, рассчитанный на дату совершения операции, имеет отрицательное значение), которые якобы отпускались на сторону или для внутреннего потребления.

Следует помнить, что результаты использования рассмотренных выше методов документальной проверки необходимо использовать в совокупности с другими доказательствами, в т.ч. собранными путем проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Литература

1. Рубцов И.В. Анализ динамики экономической преступности в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4. С. 214-217.
2. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 (п.15 раздела III 2). URL: <http://www.garant.ru>.
3. Судебная бухгалтерия: курс лекций / С.П. Голубятников, С.С. Воронов, Е.С. Леханова, А.Н. Мамкин. Н. Новгород: НА МВД России, 2014. 345 с.

Е.Л. Глушков

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина;

А.Б. Свистильников, канд. юрид. наук, доцент

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

ОСОБЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ О ЛИЦАХ, ПОДОЗРЕВАЕМЫХ В НЕПРАВОМЕРНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРИ БАНКРОТСТВЕ И ПРЕДНАМЕРЕННОМ БАНКРОТСТВЕ ПРЕДПРИЯТИЙ (ОРГАНИЗАЦИЙ)

Особую угрозу в реализации национальных интересов и неприкосновенности права собственности в России представляют незаконные захваты имущественных комплексов юридических лиц, получившие в специальной литературе и в средствах массовой информации название «рейдерство». Как отмечают эксперты, рейдерство стало высокодоходным криминальным бизнесом, однако законодательного определения данному термину до сих пор нет [5, с. 20].

Дестабилизирующее воздействие оказывает рейдерство на состояние экономической деятельности в стране и мире, ухудшает криминогенную обстановку в обществе и причиняет огромный ущерб развитию предпринимательской жизни.

Изложенная криминальная ситуация причиняет значительный вред государству, делает Российскую Федерацию неудобной для многих стратегических инвесторов.

При написании статьи изученные нами материалы доследственной проверки, собранные для решения вопроса о возбуждении уголовных дел по ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве», ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство» [4, с. 126-127], показали, что оперативные сотрудники подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – сотрудники ЭБиПК) не всегда подготовлены, недостаточно владеют умениями и навыками, позволяющими собрать достаточное количество сведений, доказывающих виновность лиц в совершении вышеуказанных преступлений, а также отсутствуют качественные источники информации по линии работы.

В объеме данной статьи невозможно в полной мере раскрыть все оперативно-разыскные меры, которые бы гарантированно позволили собрать информацию для дальнейшего доказывания виновности лиц, совершающих неправомерные действия при банкротстве либо осуществляющих преднамеренное банкротство.

Наше исследование показало, что чаще всего это происходит в силу недостаточного уровня знаний и отсутствия должных умений и навыков у сотрудников оперативных подразделений и отсутствия источников, предоставляющих оперативно значимую информацию. Именно эти составляющие не позволяют реализовать весь имеющийся у правоохранительных органов потенциал при получении и реализации ими оперативной информации о неправомерных действиях при банкротстве и преднамеренном банкротстве предприятий (организаций).

В предлагаемой статье невозможно подробно исследовать алгоритм всех оперативно-разыскных и иных мероприятий, выполнение которых гарантировало бы полное раскрытие рассматриваемого вида преступления. Вместе с тем для решения вопроса о возбуждении уголовного дела о неправомерных действиях при банкротстве, преднамеренном банкротстве сотрудники ЭБиПК в период проведения оперативной и доследственной проверки должны собрать материал, отражающий сведения о предприятии (организации) в целом, его названии, дате и месте регистрации; учредителях предприятия либо организации; руководящих органах организации, распределении обязанностей между ними; лицах, наделенных правом подписи договоров; наличии в организации представительств, филиалов, в т.ч. за пределами территории Российской Федерации; номерах счетов, открытых в кредитных организациях; кредиторах организации, в т.ч. сумме обязательств перед ними; размерах кредиторской и дебиторской задолженности организации; контрагентах организации по заключенным сделкам; перечне ценных бумаг (при их наличии), принадлежащих организации, их ликвидности, времени приобретения; контрагентах организации, не выполняющих условия договоров; лицах (как физических, так и юридических), на счета которых поступили денежные средства организации, а также направ-

лениях их дальнейшего использования; фактах перечисления средств в филиалы или представительства организации, в т.ч. зарубежные, с целью их последующего обналичивания и использования на личные нужды; перечисления средств на личные счета, в т.ч. в банки, расположенные за рубежом; актах аудиторских и иных документальных проверок предприятия (организации); сумме ущерба, причиненного организацией кредиторам и государству в результате неправомерных действий; сумме средств организации, ее филиалов на их счетах; наличии арестов, наложенных на счета организации, в период действия процедур банкротства.

Завершая, необходимо отметить, что на стадии сбора материалов в ходе проведения доследственной проверки основное внимание следует обращать на получение всего перечня документов, необходимых для подтверждения события преступления, их своевременное изъятие; наличие в материалах проверки конкретной информации по обстоятельствам совершения преступления.

Наличие в материале проверки вышеизложенной документальной информации послужит основанием для принятия решения о возбуждении уголовного дела или доказывании преступных действий лиц по расследуемому уголовному делу.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Российская газета. 1995. 18 авг. № 160.
3. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Городец, 2007.
6. Хайдиулина Р.Н., Лабутин А.А., Хайрулин А.Р. Организация и тактика выявления, пресечения и раскрытия механизма недобросовестных корпоративных захватов. Казань: Казанский юридический институт МВД России; ВНИИ МВД России, 2009.
7. Фроловичев Я.В. Уголовно-правовое противодействие рейдерским захватам имущества юридических лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
8. Организация и тактика борьбы с криминальным банкротством предприятий и организаций: учеб. пособ. / под ред. В.М. Васильева, Л.И. Транчук, С.В. Фомова, В.Ф. Щербакова. М., 2002.

*О.Б. Дронова, канд. юрид. наук, доцент
Волгоградская академия МВД России*

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ СУБЪЕКТАМИ ОРД ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ

В ходе зарождения и значительного периода развития сыска (IX в. – начало XIX в.), применение специальных знаний, направленных на изучение всех значимых данных по делу, было прерогативой лиц, наделенных полномочиями изучения обстоятельств совершенного противоправного поступка, включая выявление и интерпретацию следовой информации, отобразившейся в различных формах, которая позволяла установить лиц, его совершивших. Привлечение отдельных лиц, обладающих специальными знаниями, долгое время не являлось ни обязательной, ни рекомендательной процедурой и находилось на усмотрении лиц, осуществляющих сыск.

Со временем, по мере расширения научных основ, теоретического и практического опыта выявления и расследования преступлений происходила трансформация в структуре правоохранительных органов. В частности, были выделены подразделения, осуществляющие уголовную, а в последующем криминалистическую регистрацию, образованы кабинеты, ведущие антропометрические измерения (бертильенаж) и дактилоскопирование, созданы кабинеты судебной экспертизы и постепенно носителями специальных знаний стали сотрудники специализированных подразделений, которые почти полностью исключили использование субъектами ОРД собственных специальных знаний.

Между тем насущные потребности практики выявления противоправных действий в сфере потребительского рынка требуют от субъектов ОРД наличия ряда качеств [4, с. 47; 1, с. 28], таких как:

- обладание знаниями о требованиях, предъявляемых к производству (ввозу в страну), хранению, транспортировке и реализации потребительских товаров, а также необходимых документах, сопровождающих товарооборот, которые наиболее часто становятся предметами преступного посяательства;

- практические навыки разведывательной, поисковой, организационной и исследовательской деятельности (практические навыки планирования и реализации оперативно-разыскных, опе-

ративно-поисковых и оперативно-технических мероприятий; агентурной и информационно-аналитической работы; оперативного обслуживания территории; опыт практической деятельности работы в должности оперативного сотрудника);

- специфические свойства интеллекта и мышления, включающие в себя умение анализировать, обобщать, систематизировать, моделировать и т.п.;

- специфические психофизиологические качества, в число которых входят: внимание, наблюдательность, память, длительная работоспособность, настойчивость.

Наличие данных качеств, наряду с необходимыми компетенциями, полученными в ходе освоения программ высшего образования или повышения квалификации, создает предпосылку использования сотрудниками ЭБиПК собственных знаний в целях выявления, фиксации, получения первоначальной криминалистически значимой информации о противоправной деятельности в сфере потребительского рынка.

В юриспруденции существует неоднозначное мнение по поводу использования оперативными сотрудниками собственных специальных знаний, которое дифференцируется между исследователями в области ОРД, уголовного процесса и судебной экспертизы. При этом речь идет об обыденных, общедоступных (общеизвестных), правовых, профессиональных и специальных знаниях.

С позиции теории оперативно-разыскной деятельности носителем специальных знаний может являться субъект оперативно-разыскной деятельности, выступающий в роли специального исследователя или специалиста [5, с. 7]. Применительно к рассматриваемой тематике выявления правонарушений в сфере потребительского рынка специальные знания оперативных сотрудников могут быть использованы в ходе государственного контроля, надзора и мониторинга, результаты которых можно использовать в ОРД.

По мнению С.П. Жданова, под специальными знаниями оперативного сотрудника следует рассматривать умение работать с лицами, кото-

рые оказывают содействие (в первую очередь конфиденциальное) оперативно-разыскным органам, а также применение специальных знаний при решении вопросов, касающихся организации, а также иных аспектов ОРД [2, с. 26].

При рассмотрении основных задач, которые должен выполнить оперативный сотрудник в рамках проведения ОРМ, направленных на выявление рассматриваемых правонарушений, целесообразно применение подхода, предложенного В.Я. Колдиным. Он предусматривает системно-содержательное описание целого, отражающее состав, т.е. количественную и качественную характеристику элементов частей объектов; структуру, обусловленную характером взаимосвязей компонентов объекта; интегративные свойства объекта, являющиеся результатом его внутренних и внешних взаимосвязей; отображение интегративных свойств целого в его частях [3, с. 31].

Основываясь на данном подходе, можно резюмировать, что оперативным сотрудникам подразделений ЭБиПК МВД России, осуществляющим борьбу с противоправными действиями в сфере потребительского рынка, необходимо уметь гласно и негласно (конспиративно) применять современные технико-криминалистические средства и методы, направленные:

- на обнаружение (выявление) товаров, несоответствующих установленным требованиям по ряду внешних признаков и отдельным свойствам;
- оценку возможности причастности технологического оборудования и отдельных предметов (приспособлений) к их производству (фасовке, изготовлению);
- установление взаимосвязи ненадлежащих качеств с условиями и факторами их производства, хранения, транспортировки и реализации;
- изъятие необходимых товарных образцов для осуществления их дальнейшего экспертного исследования;
- фиксацию фактов незаконного товарооборота;
- обработку и интерпретацию финансовой, бухгалтерской и иной экономической информации для принятия решений о проведении комплекса мероприятий.

Данный набор функциональных обязанностей предусматривает необходимость использования оперативными сотрудниками собственных специальных знаний, которые нередко относятся к общеизвестным (общедоступным), профессиональным, однако в своей совокупности позволяют оценить легитимность конкретного товара (партии).

Литература

1. Ермаков С.В., Лазебный Н.А. О проблемах борьбы с распространением контрафактной продукции // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы пятой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2007. С. 28-29.
2. Жданов С.П. К вопросу о специалисте и использовании его специальных познаний (знаний) в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2014. № 4 (41).
3. Колдин В.Я. Идентификация при расследовании преступлений. М.: Юридическая литература, 1978.
4. Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2011.
5. Нестеров А.В. Применение специальных знаний в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2011. № 1 (26).

С.В. Ермаков, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ

Выдающийся юрист Иван Яковлевич Фойницкий в 1871 г. писал: «...Как человек времен первоначальных прибежал для похищения имущества главным образом к топору и кистеню, а человек нашего времени к тайному взятию чужого, так вскоре, что уже весьма заметно теперь, преобладающее место этих способов заменит орудие интеллектуальное, хитрость, обман...» [9, с. 9]. Данное высказывание в полной мере соответствует реалиям настоящего времени, а именно современным способам и видам мошенничества.

Изучение статистических данных о зарегистрированных на территории Алтайского края мошенничествах, раскрытие которых отнесено к компетенции уголовного розыска (ч. 2-4 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации), свидетельствует о ежегодном росте доли телефонных мошенничеств. Так, из 984 зарегистрированных в 2014 г. мошенничеств компетенции уголовного розыска 394 (40%) являлись телефонными, соответственно в 2015 г. из 2167 мошенничеств телефонными являлись 1248 (57%), по итогам 1 полугодия 2016 г. из 1402 зарегистрированных мошенничеств 721 является телефонным (51%). Оценивая вышеуказанные статистические данные, следует учитывать высокий уровень латентности рассматриваемых преступлений.

Анализ различного рода источников позволяет прийти к выводу о том, что, несмотря на широкую актуализацию рассматриваемой проблематики, работ, практически ориентированных на разработку оперативно-разыскной характеристики телефонных мошенничеств [4, 5, 7], алгоритмов оперативно-разыскных мероприятий, направленных на раскрытие телефонных мошенничеств в различных оперативно-разыскных ситуациях¹,

непосредственно доступных оперуполномоченным уголовного розыска, крайне мало [3].

Учитывая взаимосвязь оперативно-разыскной характеристики и оперативно-разыскной методики выявления и раскрытия однотипных видов или групп преступлений, которую достаточно аргументированно обосновали Г.К. Синилов и И.А. Климов [6], полагаем, что уровень развития методики раскрытия мошенничеств, совершаемых с использованием средств сотовой связи, зависит от степени познания оперативно-разыскной характеристики указанных преступлений.

Изучение оперативно-разыскной практики раскрытия мошенничеств, совершаемых с использованием средств сотовой связи, позволило выделить ряд особенностей их оперативно-разыскной характеристики.

Одним из наиболее специфичных элементов оперативно-разыскной характеристики мошенничеств, совершаемых с использованием средств сотовой связи, является личность преступника. Следует отметить, что осведомленность об особенностях лиц, совершающих преступления, традиционно считается неперенным условием правильной организации оперативно-разыскной деятельности [8, с. 41]. В этой связи нельзя не согласиться с точкой зрения Р.Л. Ахмедшина о том, что «аксиомой является утверждение о невозможности эффективного раскрытия преступлений без использования познаний о человеке» [1, с. 6].

Результаты исследования позволяют прийти к выводу о том, что преступниками в большинстве случаев выступали мужчины (97%).

Наиболее криминогенные возрастные группы: 18-25 лет (57%), 25-35 лет (31%), старше 35 лет (12%).

На момент совершения преступлений большинство преступников находились в следственных изоляторах либо в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний России (74%). Соответственно, 26% преступлений совершено лицами, находящимися на свободе.

Также отмечается групповой характер совершения большинства мошенничеств.

¹ В контексте настоящей статьи под оперативно-разыскной ситуацией следует понимать складывающуюся по поводу криминального поведения совокупность пространственно-временных и иных факторов, характеризующих ход, процесс оперативно-разыскной деятельности, условия, в которых она осуществляется и одновременно оказывающих управляющее воздействие на ее организацию и тактику (См.: Давыдов С.И. Ситуационный подход в теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2009. С. 109).

Образовательный уровень преступников, совершивших мошенничества с использованием средств сотовой связи, следующий. Неполное среднее образование имеют 47% преступников, среднее общее образование – у 35%, среднее специальное образование – у 10%, окончили высшее учебное заведение 8%.

Немаловажное значение имеют сведения о личности потерпевшего.

Исследование позволило прийти к выводу о том, что потерпевшими от мошенничеств, совершенных с использованием средств телефонной связи, как правило, становятся женщины (81%). Возраст потерпевших в большинстве случаев составляет 50-70 лет (47%) и 30-50 лет (22%). Потерпевших характеризуют такие особенности их личности, как ярко выраженная виктимность поведения, доверчивость и наивность во взаимоотношениях с людьми, повышенная эмоциональность и неспособность в таком состоянии объективно воспринимать и оценивать происходящие события, принимать адекватные решения.

Изучение и анализ оперативно-разыскной и следственной практик показывают, что основными электронными системами, в которых остаются оперативно значимые сведения о совершенном мошенничестве с использованием средств сотовой связи являются подвижная радиотелефонной связи стандарта GSM-900/1800 и стационарная телефонная связь, а также системы денежных переводов. Следует отметить непродолжительность использования основных средств совершения (сотового телефона и сим-карты) с последующим их уничтожением или заменой, а также возможность осуществления преступниками в ходе совершения мошенничества звонков с подменой номера звонящего абонента, путем использования IP-телефонии с терминацией голосового трафика посредством VOIP GSM-шлюзов.

Способ совершения преступления является одним из специфичных элементов оперативно-разыскной характеристики мошенничеств, совер-

шаемых с использованием средств сотовой связи. При этом под способом совершения преступления следует понимать систему действий (бездействий) по подготовке, совершению, сокрытию преступления, с присущими ей следами-последствиями, избираемую субъектом для достижения преступного результата в соответствии с его личными свойствами и обстановкой преступления [2, с. 44].

Исходя из результатов проведенного исследования следует, что способ совершения телефонных мошенничеств постоянно меняется и совершенствуется преступниками. Отмечается межрегиональный характер развития способа совершения рассматриваемых преступлений. Наиболее распространенными способами совершения мошенничеств, совершаемых с использованием средств сотовой связи, на сегодняшний день являются:

- «блокировка» банковской карты (банковского счета) потерпевшего (57%);
- «проблема» у родственника (знакомого) потерпевшего (23%);
- вы «выиграли» приз (15%).

Таким образом, достаточно динамичная оперативно-разыскная характеристика мошенничеств, совершаемых с использованием средств сотовой связи, обладает рядом оперативно значимых особенностей: высокий уровень латентности; многообразие способов совершения; групповой характер совершения; мошенник – лицо, как правило, отбывающее наказание в местах лишения свободы; потерпевший – лицо, как правило, пенсионного возраста; межрегиональный характер совершения; непродолжительность использования основных средств совершения (сотового телефона и сим-карты) с последующим их уничтожением или заменой; возможность осуществления преступниками в ходе совершения мошенничества звонков с подменой номера звонящего абонента, путем использования IP-телефонии с терминацией голосового трафика посредством VOIP GSM-шлюзов.

Литература

1. Ахмедшин Р.Л. Изучение личности преступника в методике расследования преступлений. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.
2. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.
3. Десятов М.С., Васильченко Д.А. Алгоритм действий оперуполномоченного при раскрытии мошенничеств, совершаемых с использованием мобильных телефонов // Полицейский сыск: научно-практический сборник. 2014. Вып. 3. С. 118-124.
4. Закурдаев А.Н. Основные способы мошенничеств, совершаемых с использованием мобильных средств связи // Полицейский сыск: научно-практический сборник. 2015. Вып. 4. С. 71-75.
5. Зуев Е.А. Оперативно-розыскная характеристика «телефонных мошенничеств» // Полицейский сыск: научно-практический сборник. 2014. Вып. 3. С. 125-130.

6. Климов И.А., Синилов Г.К. Предмет, система, методология, история и перспективы развития теории оперативно-розыскной деятельности: курс лекций. М.: ЮИ МВД России, 1995. Вып. 1. С. 11-14.
7. Козлов И.В. Проблемы раскрытия телефонных мошенничеств // Актуальные проблемы оперативно-розыскной и административной деятельности органов внутренних дел: научный журнал. 2015. № 1 (33). С. 93-98
8. Осипенко А.Л., Луговик В.Ф., Поправко С.Н. Оперативно-разыскные мероприятия в сети Интернет: учебное пособие. М.: ЦОКР МВД России, 2007.
9. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование. М.: Изд-во СГУ, 2006. Ч. 1.

С.И. Иванов, канд. юрид. наук

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Тенденции современного развития науки и техники, проникновение современных высокотехнологических гаджетов в повседневную жизнь обычных граждан, доступность постоянного обращения к возможностям сети Интернет, популярность различных социальных сетей среди самых разных общественных групп не оставляют сомнения, что интернет-пространство охватывает своим воздействием и возможностями все большее количество людей и все большее количество сторон жизни современного человека. Как следствие этого, интернет становится как местом, так и средством совершения преступлений.

Спектр видов преступлений и способов их совершения достаточно широк и заслуживает отдельного глубокого внимания к своему изучению, мы же обсудим вопрос противодействия преступлениям в сети Интернет при помощи оперативно-разыскной деятельности. Начнем с того, что оперативно-розыскная деятельность согласно ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] осуществляется посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий, исчерпывающий перечень которых закреплен в ст. 6 данного федерального закона. Следовательно, осуществлять ОРД в Интернете возможно посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий. В рамках данной статьи рассмотрение вопроса основания и условий проведения ОРМ не является целью исследова-

ния, поскольку как при проведении ОРМ в сети Интернет, так и при проведении ОРМ вне интернет-пространства, основания и условия их проведения будут одинаковые, и они четко регламентированы федеральным законом. По условиям проведения все ОРМ можно разделить на три группы: не требующие санкционирования; санкционируемые судом; ведомственного санкционирования. По форме проведения ОРМ могут быть гласными и негласными. ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» позволяет использовать при проведении ОРМ различные технические средства и привлекать к подготовке и проведению ОРМ различных лиц, в т.ч. конфиденентов.

При этом сама оперативно-разыскная деятельность является деятельностью непроцессуальной, информационной, сутью которой является поиск и добывание информации, необходимой для решения задач ОРД. Таким образом, ОРМ выступают в роли инструментов, с помощью которых необходима для решения задач ОРД информация находится и добывается.

Поскольку виртуальное пространство также является средой информационной, используемой людьми, воспринимающей и сохраняющей следы воздействия на нее человека в различных ситуациях соприкосновения с нею, то для проведения ОРМ она является не только допустимой, но и вполне комфортной. Проведение в данной среде ОРМ, направленных на добывание информации у лица, имеет такие благоприятные стороны, как:

возможность оперативного получения информации от лица, находящегося на значительном удалении от оперативного сотрудника; возможность использовать при этом аудиальную, визуальную, графическую информацию; сохранять в тайне личность собеседника; осуществлять одновременно с этим сбор образцов для сравнительного исследования; опрашивать одновременно значительное количество респондентов.

Наведение справок в Интернете также имеет значительное количество преимуществ, поскольку, как уже было отмечено, по своей сути является средой информационной и содержит в себе не только огромное количество ценной информации, но и для удобства пользования такой информацией имеет всевозможные поисковые системы, позволяющие многократно увеличить эффективность ее поиска и обработки. Подключенные онлайн к сети Интернет камеры наружного наблюдения позволяют эффективно осуществлять такое ОРМ, как наблюдение, причем за несколькими участками территории или несколькими помещениями.

Исследование предметов и документов в сети Интернет имеет свои определенные ограничения, поскольку объектом исследования в таком случае выступает не сам предмет или бумажный документ, а его фотография, видеозапись с ним или его электронный вариант. Такие же ограничения характерны и для обследования здания, сооружения, участка местности и транспортного средства.

При проведении отождествления личности в виртуальной среде значительную помощь могут оказать всевозможные социальные сети. Поскольку интернет является местом проведения сделок купли-продажи различных товаров, то и проведение с его помощью проверочной закупки является весьма логичным и обоснованным дей-

ствием. То же применимо и к проведению контролируемой поставки, когда для покупки товара и его транспортировки используются различные интернет-ресурсы.

Проведение оперативного эксперимента в сети оправдано в случае, когда местом совершения уголовно наказуемого деяния является виртуальное пространство, а участниками таких событий выступают пользователи всемирной паутины. Приобретающие все большую популярность у пользователей сервисы IP-телефонии, почтовые электронные сервисы, мессенджеры оправдывают необходимость и возможность проведения в сети Интернет таких ОРМ, как прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, контроль почтовых, телеграфных и иных отправок, а также получение компьютерной информации. Подводя итоги рассмотрения вопроса особенностей проведения ОРМ в сети Интернет, следует отметить, что:

- во-первых, проведение ОРМ в сети Интернет является не только возможным или оправданным с точки зрения практики и действующего законодательства, но и необходимым, поскольку сама виртуальная среда на сегодняшний день является местом совершения противоправных деяний;

- во-вторых, специфика проведения ОРМ в интернете предоставляет оперативным подразделениям значительное количество возможностей и преимуществ, которые должны быть изучены, обобщены и опробованы на практике;

- в-третьих, проведение отдельных видов ОРМ в интернет-среде имеет принципиальные отличия и ограничения по сравнению с их проведением в обычных условиях, что также требует научного исследования, практического воплощения в работе и возможного дополнительного законодательного закрепления.

Литература

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А.В. Климачков

Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О ЗАПРЕТЕ ПРОВОКАЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ПРОВЕРОЧНАЯ ЗАКУПКА» ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ СБЫТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Согласно официальной статистике Министерства внутренних дел Российской Федерации в январе-сентябре 2017 г. выявлено 158,5 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (далее – НОН), что на 3,3% больше, чем за аналогичный период 2016 г. При этом на 6,8% возросло число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а их удельный вес в числе преступлений, связанных с НОН, вырос до 50,4% (в январе-сентябре 2016 г. – 48,8%) [5].

В сложившихся условиях результативность деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия незаконному сбыту наркотических средств во многом предопределяется уровнем организации и проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), особенно проверочной закупки. Процесс и результаты проведения проверочной закупки имеют решающее значение как для возбуждения уголовного дела, так и для последующей оценки доказательств и правильной квалификации действий лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

Практика показывает, что результаты проверочной закупки, проведенной сотрудниками оперативных подразделений, не всегда удовлетворяют законным требованиям по соблюдению конституционного принципа уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Значительное количество жалоб, поступающих в Конституционный Суд Российской Федерации и Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), на нарушение прав обвиняемых в процессе проведения проверочных закупок и использования их результатов при рассмотрении уголовных дел свидетельствует о том, что указанный конституционный принцип ОРД по борьбе с НОН обеспечивается далеко не должным образом [8, с. 19-20].

Норма статьи 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в качестве меры соблюдения

прав и свобод человека и гражданина содержит прямой запрет органам (должностным лицам), осуществляющим ОРД, подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, т.е. провоцировать совершение незаконного сбыта запрещенных средств. Таким образом, провокация преступления законодательно признается незаконным методом ведения ОРД. При этом российский законодатель не указал ни понятия, ни способов провокации, лишь в общей форме установив направленность поведения сотрудников оперативных подразделений к совершению противоправных действий.

В юридической деятельности под провокацией (*provokatio* (лат.) – вызов) понимается подстрекательство, побуждение отдельных лиц, групп, организаций к действиям, которые могут повлечь за собой тяжкие последствия. Ни в одном нормативном правовом акте нет разграничения провокации преступления от правомерного поведения сотрудников оперативных подразделений. При этом в теории ОРД понятие «провокация» вызывает бурные споры и является понятием неоднозначным [1, 3]. С одной стороны, провокацию рассматривают как явление негативное и недопустимое в деятельности правоохранительных органов, с другой – как необходимый и единственный способ уличения преступника в его противозаконной деятельности, общественно полезное действие [4, с. 65-66].

В доктрине предлагается исключение провокации в следующих случаях:

- при наличии оснований, предусмотренных законом (т.е. решение на проведение ОРМ должно быть обоснованным);
- если ОРМ проводится в целях выполнения задач, закрепленных законом (т.е. ОРМ должно быть законным);
- умысел объекта ОРМ формируется независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений;

- в ходе ОРМ должны быть установлены подготовительные действия, необходимые для совершения противоправного деяния [7, с. 51-52].

Анализ деятельности ЕСПЧ по жалобам российских граждан позволяет сделать вывод о распространенности в Российской Федерации проблемы, связанной с использованием в качестве доказательств виновности обвиняемого данных, полученных в результате проведения проверочных закупок, имеющих признаки провокации преступления.

Согласно анализу постановлений ЕСПЧ к числу оснований, по которым действия оперативных сотрудников могут быть признаны провокацией, относятся:

- отсутствие достаточных оснований для проведения ОРМ;
- активное содействие совершению преступлений со стороны оперативных сотрудников;
- направленность ОРМ в отношении неопределенного круга лиц [6, с. 113];
- осуществление давления на лицо, в отношении которого проводится ОРМ;
- отсутствие действий со стороны оперативных сотрудников, направленных на пресечение преступлений, с целью сбора дополнительных доказательств.

Таким образом, мы видим, что проблема провокации связана с неурегулированностью пределов допустимого поведения оперативных сотрудников, выявляющих и документирующих деятельность лиц, вовлеченных в преступную деятельность, связанную с НОН.

Следует задаться вопросом, является ли проверочная закупка ОРМ, подстрекающим к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления и требующим применения норм уголовного законодательства к лицам, ее осуществившим?

По нашему мнению, при оценке действий оперативного сотрудника следует придерживаться позиции не только лица, совершающего незаконный сбыт наркотических средств, чья антиобщественная деятельность сама в принципе полностью антагонистична конституционно закрепленным правам и свободам человека, но и разделять позицию так называемых «потерпевших» (вовлеченных в НОН лиц, приобретших наркотическую зависимость, их родных и близких, страдающих от асоциального поведения наркомана), обще-

ственные и государственные интересы (здоровое население российского государства). Нельзя допустить, чтобы лица, занимающиеся незаконным сбытом наркотиков, чувствовали себя в полной безопасности, а сотрудники оперативных подразделений постоянно находились под угрозой обвинения в провокации и привлечения за нее к уголовной ответственности.

Поведение участника проверочной закупки следует считать законным и не являющимся провокацией, если оно инициирует преступное поведение объекта, но не подавляет его волю и не вводит в заблуждение: в конце концов нельзя провести проверочную закупку, не предложив объекту продать наркотик. Активность сотрудника оперативного подразделения всегда будет иметь место. Крайне важно, чтобы умысел у преступника на совершение данного преступления сформировался и проявился свободно в конкретных действиях независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений или лиц, оказывающих им содействие в проведении ОРМ [2, с. 96].

Логично полагать, что в силу латентного характера наркопреступлений умысел сбытчика на продажу наркотиков в большинстве случаев будет неочевиден. Данное лицо вряд ли будет предавать гласности свои противоправные деяния, а тем более проявлять гласную инициативу в продаже наркотиков. В силу специфики отношений между наркозависимыми лицами скорее «покупатель» будет проявлять заинтересованность в приобретении наркотиков.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что, несмотря на установленный законодателем запрет на провокацию преступлений, никакие законодательные или иные нормативные акты не дают определения или толкования данного термина или каких-либо практических указаний, как ее избегать. Таким образом, необходимо на законодательном уровне урегулировать данное понятие с целью исключения неверного толкования провокации судебной практикой. Закон должен помогать бороться с преступностью, а не препятствовать этому.

При этом существует необходимость в разработке комплексных методик, предназначенных для установления алгоритма правомерного поведения сотрудников оперативных подразделений в ходе проведения проверочной закупки.

Литература

1. Ермаков С.В. К вопросу о запрете провокации при осуществлении оперативно-разыскной деятельности (постановка проблемы) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы четырнадцатой международной научно-практ. конф-ции / под ред. А.А. Андреева. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. Ч. 1.

2. Кандауров С.И. К вопросу об отграничении оперативного эксперимента и проверочной закупки от провокации или подстрекательства // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27).
3. Кондратьев М.В. О провокации при проведении оперативно-разыскных мероприятий «Проверочная закупка» и «Оперативный эксперимент» // Оперативник (сыщик). 2015. № 2 (43).
4. Радачинский С.Н. Провокация как обстоятельство, исключаящее преступность деяния // Уголовное право. 2009. № 2.
5. Состояние преступности за январь-сентябрь 2017. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/11341800>.
6. Трубникова Т.В. Запрет на использование данных, полученных в результате провокации преступления, как один из элементов права на судебную защиту и гарантии его реализации в уголовном процессе РФ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16).
7. Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. проф. А.Е. Чечетина. 12-е изд., перераб. и доп. Барнаул: БЮИ МВД России, 2007.
8. Чечетин А.Е. Обеспечение прав личности при проведении проверочных закупок наркотиков // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2015. № 2 (19).

В.Н. Кукарцев, канд. юрид. наук

Главное управление МВД России по Алтайскому краю

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПРОСА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ АУДИОЗАПИСИ И ОФОРМЛЕНИЯ ЕГО РЕЗУЛЬТАТОВ

Оперативно-разыскное мероприятие «опрос», предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» [1] (далее – ФЗ «Об ОРД»), является, пожалуй, самым распространенным в работе оперативных подразделений ОВД. Несмотря на его простоту, достаточную научную проработанность организационных и тактических аспектов его осуществления, у сотрудников оперативных подразделений нередко возникают затруднения, связанные с проведением и документальным оформлением результатов опроса, особенно в случаях, когда оперативные сотрудники для фиксации хода беседы с лицами, представляющими оперативный интерес, негласно используют на основании ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об ОРД» подручные технические средства (сотовые телефоны, портативные диктофоны, планшеты, компьютеры и пр.) с возможностью аудиозаписи.

Прежде всего проблема состоит в отграничении опроса, проведенного с использованием технических средств аудиозаписи, от оперативно-разыскного мероприятия «наблюдение». Для

ее разрешения, на наш взгляд, необходимо исходить из сущности указанных оперативно-разыскных мероприятий. Опрос по своему содержанию представляет собой беседу, наблюдение – это слежение, контроль. Таким образом, если целью использования технических средств является фиксация сведений, полученных непосредственно в ходе беседы оперативного сотрудника с лицом (лицами), то такое мероприятие является опросом, если же помимо диалога зафиксированы целенаправленно или невольно иные сведения (например, разговоры других лиц, не являющихся объектами опроса, звуки, шумы и пр.), имеющие значение для решения задач оперативно-разыскной деятельности, то всю полученную информацию следует оформлять как результат наблюдения.

Некоторые оперативные сотрудники, получившие аудиозапись проведенного опроса, признают ее результатом данного ОРМ и не считают необходимым составлять по результатам мероприятия какой-либо оперативно-служебный документ. По нашему мнению, оформление такого документа

является обязательным. Если объяснение не составлялось либо лицо отказалось его подписать, то оперативному сотруднику необходимо оформить рапорт, в котором следует указать: когда, где, с кем состоялась беседа, ее правовая основа, краткое содержание полученных сведений, использованное для их фиксации техническое средство (с указанием марки, модели, номера и пр.), полученный файл аудиозаписи (его название, расширение, объем и т.д.), а также факт копирования файла с технического средства аудиозаписи на переносной носитель информации (оптический диск, карту памяти, USB-флеш-накопитель и др.), который упаковывается и опечатывается печатью ОВД для исключения деформации (изменения) и оформляется в виде приложения к рапорту. После доклада рапорта руководителю ОВД, уполномоченному на осуществление оперативно-разыскной деятельности, данный документ вместе с приложением приобщается к материалам дела оперативного учета, накопительно-наблюдательного производства (номенклатурного дела) и впоследствии может быть представлен и использован в соответствии со ст. 11 ФЗ «Об ОРД».

В случае принятия решения о представлении результатов опроса уполномоченному государственному органу, должностному лицу сотрудника оперативных подразделений, как правило, прослушивают аудиозапись беседы, по результатам чего составляют стенограмму (справку), в которой отражается ее дословное содержание, а затем, ошибочно полагая, что данный документ

также является результатом опроса, представляют вместе с рапортом и оптическим диском. Однако, по нашему мнению, это является результатом другого оперативно-разыскного мероприятия – исследование предметов и документов, поэтому предоставлению подлежат результаты двух мероприятий. Следует отметить, что в случаях предоставления результатов опроса в виде копии аудиофайла на оптическом диске оригинальный файл аудиозаписи следует хранить на техническом устройстве, с помощью которого он получен, в течение одного года, если интересы правосудия или служебные интересы не требуют иного.

При необходимости негласного использования находящихся при оперативном сотруднике технических средств для фиксации хода и результатов опроса, проводимого в жилище гражданина, в т.ч. когда сотрудник оказывается в помещении по приглашению (с согласия) проживающего в нем опрашиваемого лица, на наш взгляд, следует получить решение суда либо в случаях, не терпящих отлагательства и могущих привести к совершению тяжкого, особо тяжкого преступления, составить постановление руководителя ОВД, уполномоченного на осуществление ОРД, в порядке, предусмотренном ст. 8 ФЗ «Об ОРД», поскольку даже при полной очевидности проводимого оперативно-разыскного мероприятия согласие на использование оперативным сотрудником технических средств аудиозаписи в своем жилище лицо не давало.

Литература

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

В.А. Леденёв

Барнаульский юридический институт МВД России;

И.М. Проскурин

Барнаульский юридический институт МВД России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПРОСА ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ МОШЕННИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Активное развитие интернет-технологий обеспечило рост популярности интернет-ресурсов, используемых для продажи товаров и предоставления различного вида услуг. Это объясняется удобством приобретения товаров и услуг, а также их относительно низкой стоимостью. Однако вместе с этим отмечается и рост количества преступлений, совершаемых в сети Интернет [1]. На территории Алтайского края за период январь-ноябрь 2017 г. совершено 2745 мошенничеств с использованием «всемирной паутины», что на 5% выше показателей аналогичного периода прошлого года. Более 60% рассматриваемого вида преступлений ежегодно остаются нераскрытыми.

Проведенное анкетирование сотрудников оперативных подразделений, изучение уголовных дел и анализ содержащихся в них результатов оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) указывают, что одним из решающих оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) при раскрытии рассматриваемого вида мошенничеств является опрос лица, причастного к совершению преступления.

Считаем, что именно проведение данного ОРМ в отношении лица, совершившего мошеннические действия с использованием сети Интернет, является кульминацией раскрытия преступления. Его признательные показания, как правило, играют решающую роль для последующего сбора доказательств по уголовному делу. Проведение других ОРМ, а также следственных действий имеет своей целью закрепление полученного результата.

Условно весь процесс осуществления опроса можно разделить на два относительно самостоятельных этапа:

1. Подготовка к опросу.
2. Непосредственно проведение опроса.

Особенностью раскрытия рассматриваемой категории мошенничеств является то, что опрос

не должен начинаться до того момента, пока у оперативного сотрудника не будет полной убежденности в том, что опрашиваемый причастен к совершению преступления. Для этого оперативный сотрудник должен провести ряд подготовительных мероприятий:

1. Подробно опросить по обстоятельствам совершенного преступления потерпевшего и свидетелей. При этом необходимо учитывать, что они не всегда обладают хорошими познаниями в области компьютерной техники и сети Интернет, соответственно, могут заблуждаться в изложении фактов о способе общения с преступником и перечисления ему денежных средств. Кроме того, в практической деятельности встречаются случаи, когда потерпевшие по собственной инициативе сами проводят поисковые мероприятия с целью установления личности преступника и его фактического места жительства. К сведениям такого рода следует относиться критически, и они подлежат обязательной проверке.

2. В ходе проверки по учетам органов внутренних дел установить адрес регистрации лица, причастного к совершению преступления, лиц, совместно с ним проживающих, наличие (отсутствие) у него судимостей и фактов совершения административных правонарушений. Полученные сведения позволят сделать вывод о том, что анкетные данные «продавца» реальны либо это данные несуществующей личности.

3. Установить банковский счет либо счет иной небанковской электронной платежной системы, куда были переведены денежные средства потерпевшего. Банковский счет необходим для определения наименования банка, в который будет направлен запрос о движении денежных средств.

4. Определить физический адрес подключения электронной вычислительной техники подозреваемого к сети Интернет, посредством которой было размещено объявление о продаже товара или оказании услуги. Данная информация будет

способствовать установлению владельца жилища (офиса организации, интернет-кафе и т.д.), лица, на которое заключен договор об оказании услуг доступа к сети Интернет, фактического пользователя компьютерной техники.

5. Установить адреса электронной почты и абонентские номера сотовой связи, с использованием которых осуществлялась регистрация на интернет-ресурсе, где было размещено объявление. Указанные сведения обеспечат возможность установления анкетных данных лица, совершившего мошенничество.

Проведение опроса лица, совершившего мошеннические действия с использованием сети Интернет, до установления указанных сведений нецелесообразно. Связано это с тем, что полученная информация позволит оперативному сотруднику сформировать четкое представление о способе и орудиях совершения преступления, местах нахождения предметов и документов, которые впоследствии могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу.

Практика показывает, что в большинстве случаев местом проведения опроса целесообразно выбирать служебный кабинет оперативного сотрудника.

Непосредственно в процессе проведения опроса лица, совершившего мошеннические действия с использованием сети Интернет, оперативному сотруднику необходимо установить

следующие обстоятельства совершенного преступления:

- 1) дату и способ подтверждения регистрации на интернет-ресурсе;
- 2) дату и время размещения объявления на интернет-ресурсе;
- 3) фактического место подключения к сети Интернет;
- 4) местонахождение использованной для совершения преступления компьютерной техники, сотовых телефонов, сим-карт, банковских карт и т.д.;
- 5) способ общения с потерпевшим;
- 6) номер счета электронной платежной системы, на который поступили денежные средства потерпевшего;
- 7) место и способ обналичивания похищенных денежных средств.

Оперативному сотруднику необходимо в ходе опроса сформировать у опрашиваемого устойчивое мнение о том, что правоохранным органам известны все обстоятельства совершенного преступления, и дача признательных показаний будет единственным логически правильным выходом из создавшегося положения.

Соблюдение вышеуказанных рекомендаций, по нашему мнению, положительно отразится на результативности проведения опроса лиц, совершивших мошеннические действия с использованием сети Интернет.

Литература

1. Ермаков С.В., Леденев В.А. Предупреждение мошенничества с использованием средств сотовой связи // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2012. № 2 (23). С. 72-74.
2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (с изм. и доп.; принят Гос. Думой 05.07.1995). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. М.: ИНФРА-М, 2006. 832 с.

*И.Э. Никитина, канд. юрид. наук
РФЦСЭ при Минюсте России*

ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ГЛОБАЛЬНЫМ ВЫЗОВАМ

На современном этапе развития мировое сообщество столкнулось с возрастающим числом глобальных угроз и вызовов человечеству, среди которых терроризм, транснациональная организованная преступность и нелегальная миграция. В связи с этим государствам и институтам глобального управления следует прислушиваться к советам «мудрецов», которые по поручению Генерального Секретаря ООН подготовили доклад по угрозам и вызовам, где, в частности, поставили неотложные задачи перед ООН и ее государствами-членами [1].

Террористические организации, объединяясь в масштабах ИГИЛ, захватывают территории суверенных государств и создают преступные органы управления, держат местное население в постоянном терроре. Обладая мощными ресурсами, они активно вторгаются в общее информационное пространство, в глобализацию торгово-экономических, политических и социальных связей.

Транснациональная организованная преступность характеризуется особой масштабностью и негативными трансграничными последствиями во всех сферах жизнедеятельности современного общества.

Что касается современной миграционной политики, то она является индикатором стабильности и благополучия политико-идеологической составляющей жизни общества. Нелегальная миграция приводит к росту социальной напряженности, проявлениям ксенофобии и ненависти на национально-этнической почве, ухудшению криминогенной обстановки, усилению коррупции.

За 2016 год во многих странах было совершено 1787 терактов разной степени тяжести. Статистика жертв терроризма в мире зафиксировала 13759 убитых и 16683 раненых. Многие жертвы терроризма были похищены боевиками, в частности женщины в Сирии, Ираке, Ливане, с целью их продажи на черном рынке. Таких случаев зарегистрировано 4034 [2].

По данным Агентства Европейского Союза по правоохранительному сотрудничеству (Европол),

5000 международных организованных преступных групп, состоящих из представителей более 180 национальностей, сегодня находятся в разработке правоохранительных органов, из них от 30 до 40% действуют на международном уровне и обладают свободными сетевыми ресурсами, а преступная деятельность 7 из 10 указанных групп распространяется на три и более страны [3].

Российская Федерация занимает третье место в мировом рейтинге по числу мигрантов – 11,9 млн человек в 2016 г., из которых 3,6 млн человек незаконно въехали в страну [4].

В настоящее время мировое сообщество пришло к пониманию необходимости углубления сотрудничества государств в сфере экспертно-криминалистической и оперативно-разыскной деятельности в рамках интеграционных и межправительственных объединений с целью оказания эффективного противодействия современным вызовам глобального характера, что подтверждается созданием ряда тематически предметно обозначенных институтов, заявленной готовностью государств взаимодействовать в формате согласованного разрешения всего комплекса межгосударственных проблем, важной составляющей чего является транснациональная организованная преступность. Именно от состояния и согласованности действий государств в указанной сфере деятельности зависит развитие упреждающих и стратегических подходов к профилактике и предупреждению транснациональных преступлений, к их совместному раскрытию и расследованию, а также разработке единых подходов к обеспечению прав человека при проведении оперативных мероприятий, при отборе, хранении и межгосударственном обмене криминалистической и иной информацией, в частности биологическими данными личности. Интеграционные и межправительственные объединения призваны решать спорные проблемы, возникающие между государствами, содействовать конструктивному диалогу и укреплению сотрудничества в сфере экспертно-криминалистической и оперативно-разыскной деятельности.

В Стратегии сотрудничества государств в сфере оперативно-розыскной деятельности в целях предупреждения транснациональных преступлений от 21 апреля 2014 г. [6] рассматриваются два основных подхода к сближению правовых позиций совместной деятельности государств:

- установление межгосударственного обмена оперативной и разведывательной информацией;
- учреждение «наднационального» органа, принимающего обязательные решения в указанной сфере.

До 1990-х годов прошлого столетия в мировой политике доминировала деятельность, направленная на обеспечение сотрудничества государств при раскрытии и расследовании преступлений. С развитием упреждающих и стратегических подходов основной особенностью новой концепции сотрудничества в сфере экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности в рамках интеграционных и межправительственных объединений становится отдача приоритета деятельности по профилактике и предупреждению преступлений.

В целях обеспечения реализации концепции развития сотрудничества государств в сфере экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности в рамках интеграционных и межправительственных объединений в январе 2016 г. директор Европола Роб Уэйнрайт (Rob Wainwright) представил новый Европейский центр по борьбе с терроризмом (European Counter Terrorism Center (ECTC)), расположенный в Гааге (Нидерланды). Решение о его создании было принято после ряда террористических атак во Франции. Центр специализируется на расши-

рении обмена оперативной и разведывательной информацией между государствами и международными правоохранительными организациями, активизации сотрудничества в сфере экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности, включая отслеживание передвижений подозреваемых в террористической деятельности лиц, оборота нелегального оружия и незаконных финансовых средств.

В перспективе дальнейшего сближения национальных законодательств государств в сфере экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности и интеграции по линии внутренних дел и юстиции в Европейском Союзе предусматривается «оснащение ЕС средствами совместных действий по предотвращению террористических угроз, введение автоматического режима передачи информации о лицах, причастных к террористической деятельности, от разведывательной службы ЕС национальным спецслужбам и полиции государств-членов; наделение структуры Генерального прокурора ЕС полномочиями по возбуждению уголовных дел в случае совершения террористических актов» [5].

Особое значение придается расширению контактов по взаимодействию Европола с частным сектором, что будет способствовать достижению наилучших результатов по линии оперативно-розыскной деятельности. Новое положение о Европоле во многом определяет рамки сотрудничества организации с частными лицами. Обновленная внешняя стратегия и усовершенствованный механизм мониторинга и оценки соглашений о сотрудничестве будут определять дальнейшие шаги по расширению такого взаимодействия.

Литература

1. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность» от 2 декабря 2004 г. // Док. ООН. A/59/565. URL: www.un.org/ru/events/pastevents/a_more_secure_world.shtml.
2. Статистика терроризма. URL: <http://vawilon.ru/statistika-terrorizma/> 3. file:///C:/Users/user/Downloads/report_socsta2017_1%20(1).pdf. P. 14 URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/serious-and-organised-crime-threat-assessment>.
4. Статистика миграции. URL: <http://vawilon.ru/statistika-migratsii>.
5. Энтин М., Энтина Е. Европейский союз распрямляет плечи. Традиционное ежегодное послание Председателя Европейской Комиссии Жан-Клод Юнкер перед депутатами Европейского Парламента (13 сентября 2017 г.) // Вся Европа: ежемесячное интернет-издание. 2017. № 9 (122). URL: <http://alleuropalux.org/?p=14786>.
6. Strategic intelligence in law enforcement: anticipating transnational organized crime APRIL 21, 2014. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/33490706.pdf>.

*В.Н. Омелин, доктор юрид. наук, профессор
НИИ ФСИН России*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В Российской Федерации и Республике Таджикистан в разное время были приняты соответствующие законы, регулирующие правоотношения в сфере ОРД: Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 03.07.2016) (далее – ФЗ РФ об ОРД); Закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 68 «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 26.07.2014) (далее – закон РТ об ОРД).

Сравнительный анализ вышеперечисленных законов позволяет констатировать, что они по содержанию норм, регулирующих перечень, основания и условия проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), не содержат в себе принципиальных различий. Это можно объяснить тем, что разработка и принятие указанных законов обусловлены общими историко-правовыми корнями законодательства республик СССР.

Вместе с тем в анализируемых законах существует ряд отличий. Так, с положительной точки зрения можно отметить статью 1 закон РТ об ОРД, в которой наряду с другими понятиями раскрываются понятия ОРМ, используемые в данном законе. В ФЗ РФ об ОРД, к сожалению, отсутствует аналогичная норма.

В ст. 1 закона РТ об ОРД сформулировано следующее определение ОРМ – установленная законодательством Республики Таджикистан система мер, применяемая гласно или негласно органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, в целях решения задач оперативно-разыскной деятельности.

По нашему мнению, такая трактовка понятия ОРМ не дает достаточно полного представления о содержании ОРМ. Неточность определения данного понятия заключается в том, что ОРМ проводятся при наличии определенных оснований и в соответствии с установленными правилами (условиями) (см. ст. 7, 8 ФЗ РФ об ОРД; ст. 7, 8 закона РТ об ОРД). Представляется, что в этом заключается отличие ОРМ от иных законных действий, проводимых для решения задач ОРД.

В тексте ФЗ РФ об ОРД (ч. 3 ст. 5) и закона РТ об ОРД (ч. 2 ст. 5), помимо ОРМ, говорится о действиях органов, осуществляющих ОРД. Кроме этого, ч. 3 ст. 6 закона РТ об ОРД устанавливает: «При осуществлении оперативно-розыскной деятельности наряду с оперативно-розыскными мероприятиями, предусмотренными в части 1 настоящей статьи, применяются следующие оперативно-розыскные действия: блокирование, засада, захват, погоня и прочесывание местности, направленные на пресечение преступлений и (или) задержание лица, подготавливающего, совершающего или совершившего преступление». С подобной позицией следует согласиться.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что ОРМ являются только одним из элементов ОРД и не исчерпывают всего содержания ОРД. Учитывая многогранность ОРД и в то же время узость определения ОРД в ст. 1 ФЗ РФ об ОРД и ст. 1 закона РТ об ОРД, полагаем целесообразным наряду с другими признаками указать, что ОРД осуществляется посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий и иных законных действий.

Другим спорным моментом является цель ОРД. Статья 1 ФЗ РФ об ОРД и статья 1 закона РТ об ОРД предусматривают, что цель ОРД – защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств. Вместе с тем оба указанных закона допускают проведение ОРМ в ходе так называемой административно-проверочной работы – об установлении или о поддержании с лицом отношений сотрудничества при подготовке и проведении оперативно-разыскных мероприятий; о допуске к сведениям, составляющим государственную тайну; о выдаче разрешений на частную детективную и охранную деятельность и др. (ч. 2 ст. 7 ФЗ РФ об ОРД, ч. 2 ст. 7 закона РТ об ОРД). Важно подчеркнуть, что объектами ОРМ в данном случае не являются лица, подготавливающие, совершающие или совершившие преступления. Цель проводимых при этом (не всех, а ограничен-

ного круга) ОРМ заключается в гипотетической возможности соответствующих лиц действовать вопреки государственным, служебным и профессиональным интересам, что предполагает повышенные требования к проверяемым лицам.

С учетом вышеизложенного законодательное определение ОРД полагаем целесообразным изложить в следующей редакции:

Оперативно-разыскная деятельность – вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим законом, в пределах их компетенции посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий и иных законных действий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств и в иных предусмотренных законом целях.

Касаясь вопроса о перечня ОРМ, перечисленных в ст. 6 ФЗ РФ об ОРД и ст. 6 закона РТ об ОРД, следует отметить, что в настоящее время в ФЗ РФ об ОРД закреплено 15 ОРМ, а в законе РТ об ОРД – 16. По сравнению с законом РТ об ОРД в ФЗ РФ об ОРД в перечень ОРМ включено такое ОРМ, как получение компьютерной информации. По сравнению с ФЗ РФ об ОРД в законе РТ об ОРД в перечень ОРМ включены личный сыск, образование юридического лица.

Следует обратить внимание на то, что в специальной литературе ведется весьма острая дискуссия по поводу личного сыска и образования юридического лица и их места в системе оперативно-разыскных действий. Не вступая в дискуссию по данному вопросу, выскажем нашу позицию.

Против отнесения личного сыска к самостоятельному ОРМ говорят специфические особенности данного способа собирания оперативно значимой информации. Представляется, что личный сыск представляет собой не отдельное ОРМ,

а совокупность (комплекс) взаимосвязанных и взаимообусловленных ОРМ (наблюдение, опрос, наведение справок, исследование предметов и документов и другие ОРМ), проводимых лично уполномоченным субъектом в любой последовательности, диктуемой конкретной сложившейся оперативно-тактической ситуацией и решаемыми задачами в сфере оперативно-разыскной деятельности. Указанный признак является основным, отличающим личный сыск от самостоятельных ОРМ.

Как нам представляется, создание и использование предприятий, учреждений, организаций (п. 5 ст. 15 ФЗ об ОРД) можно рассматривать как разновидность непосредственного проведения оперативного внедрения под прикрытием подставных юридических лиц (предприятий, организаций, учреждений). Такие объекты позволяют скрыть принадлежность сотрудников оперативных подразделений к соответствующим оперативно-разыскным органам. Оперативные сотрудники, выступая в качестве работников той или иной экономической структуры, применяют разведывательные методы добывания оперативно значимой информации, необходимой для решения задач оперативно-разыскной деятельности. Речь прежде всего идет о добывании (поиске) сведений о структуре, характере преступной и иной деятельности организованных преступных формированиях и иных коррумпированных связях.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос об отнесении к самостоятельному ОРМ *«переговоры с лицом, совершившем преступление»*.

Аргументируя данное предложение, следует отметить, что в действующем законодательстве РФ ведение переговоров предусмотрено ст. 16 «Ведение переговоров в ходе контртеррористической операции» Федерального закона РФ от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» (в ред. от 06.07.2016).

*Е.М. Рябков, доктор юрид. наук, доцент
Нижегородская академия МВД России*

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЧАСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ВРЕДА

Возмещение вреда, причиненного преступлениями в целом, и особенно коррупционного характера, является одним из важнейших направлений деятельности следственных органов и оперативно-разыскных подразделений.

Единой статистики по возмещению ущерба от преступлений в целом по стране нет в силу объективных причин. По результатам различных экспертных оценок [1] оно колеблется в пределах 15-30%, что, конечно же, явно неадекватно требованиям реалий обстановки борьбы с преступностью, восстановлению социальной справедливости и обеспечению законных прав и интересов граждан.

Чтобы взыскать с виновного ущерб, требуется отыскать материальную и финансовую базу, подлежащую аресту и конфискации, которая в большинстве своем скрывается виновными лицами.

Однако данное направление деятельности правоохранительных органов продолжает носить формальный характер.

В качестве причин следует назвать как теоретическую неразработанность проблемы в целом, так и слабость практических механизмов реализации.

Именно то, что пострадавшим от преступлений не возмещается ущерб, а неуклонение виновных от ответственности в наибольшей мере подрывает авторитет государственной системы в глазах граждан, порождает негативное отношение к представителям власти и неверие в реальность предпринимаемых правительством мер в борьбе с преступностью.

В настоящий период в деятельности следственных органов по возмещению вреда имеется ряд существенных недостатков. По делам так называемой общеуголовной направленности оно осуществляется большей частью за счет изъятия похищенного в период первоначальных следственных действий. Отыскание имущества и финансовых средств, полученных от его реализации, сталкивается с рядом проблем как правового, так и организационного характера.

Серьезным фактором, влияющим на сложившееся положение, можно признать отсутствие в действующем уголовном законодательстве конфискации имущества как полноценного вида наказания.

Все изложенное является обоснованием для проведения действенного информационного обеспечения расследования данными оперативно-разыскного характера, которые должны быть получены в идеале в результате предшествующей предварительной оперативной проверки, причем речь идет не столько о сведениях из конфиденциальных источников, сколько об открытых базах данных.

В свою очередь все многочисленные электронные базы данных могут быть дифференцированы по субъектам владения и использования информации.

1. Базы криминальной информации (информационные системы правоохранительных органов).

2. Базы государственных органов и учреждений, действующих во исполнение постановления Правительства РФ, касающегося мер по обеспечению информационного взаимодействия государственных органов и органов местного самоуправления [2].

К ним относятся массивы информации структур Федеральной службы по финансовому мониторингу, ЦБ РФ, ФТС РФ, ФНС РФ, Пенсионного фонда РФ, регистрационных палат, подразделений статистики, отделов Министерства юстиции, судебных арбитражных инстанций, контрольно-ревизионных подразделений Министерства финансов РФ, управлений и отделов министерств, ведомств, агентств по линиям контроля и многочисленных подразделений местных органов власти.

3. Базы данных хозяйствующих субъектов различных форм собственности.

4. Базы данных средств массовой информации (архивы передач и печатных изданий).

5. Открытые базы данных зарубежных стран, регистрирующие участников публичных сделок,

кадастры недвижимого имущества, не относящиеся к сведениям коммерческой и банковской тайны.

6. Социальные сети.

Сложность установления имущества обусловлена тем, что преступники, предвидя возможность попадания в поле зрения правоохранительных органов, предпринимают самые ухищренные меры по его сокрытию.

1. В частности, будучи осведомлены о контроле безналичного перевода средств со стороны банковских структур и подразделений Росфинмониторинга, они не открывают счета на свое имя. Для этой цели используются третьи лица: родственники, друзья, знакомые, лица, зависимые от них.

2. По той же причине преступники предпочитают обналичивать финансовые средства. Достоянием широкой гласности являются факты обнаружения у лиц, занимающих высокие должности на государственной службе, от миллионов до миллиардов, хранящихся в коробках и хозяйственных сумках. Обналиченные деньги преступники затем через свои связи вкладывают частями в легальный бизнес, передают третьим лицам для приобретения собственности, как движимой, так и недвижимой, и вывозят за рубеж.

Детальное рассмотрение многочисленных вариантов и конкретных приемов сокрытия финансов и собственности выходит за объем статьи.

В контексте рассматриваемой темы следует отметить, что при проведении предварительной проверки оперативно-разыскными средствами и методами следует устанавливать и фиксировать с помощью технических средств: фото, видео, аудио и других современных технических технологий:

- места нахождения имущества, банковских счетов, предприятий и организаций, где используются преступно полученные средства;

- документы, в которых отражено нахождение имущества и средств, подлежащих изъятию и конфискации;

- лица, которые используют средства, полученные от преступников, вне зависимости от того, осведомлены они или нет о преступном источнике средств. Если они не осведомлены, то в будущем расследовании таковые приобретут статус свидетелей. При осведомленности они подлежат ответственности по ст. 174, 175 УК РФ;

- конкретные действия лиц, заключающиеся в передаче имущества, денег, владении и пользовании в своих целях имуществом и средствами, формально принадлежащими третьим лицам.

При наличии подобной информации она в дальнейшем будет передана следователю, проверена в соответствии с процессуальными требованиями и будет представлять законную базу для конфискации и возмещения причиненного преступлениями ущерба.

Литература

1. Белобородов С. Возмещение ущерба. URL: <http://gazetarb.ru/news/section-incident/detail-269257/> (дата обращения: 15.09.2017).

2. О некоторых мерах по обеспечению информационного взаимодействия государственных органов и органов местного самоуправления при оказании государственных услуг гражданам и организациям: постановление Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2007 г. № 931.

С.А. Самороковский

Воронежский институт МВД России

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ХИЩЕНИЯМИ В СФЕРЕ ЖКХ

Современное состояние преступности, сложившееся в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), показывает дальнейшее развитие ее криминализации. Неслучайно показатели эффективности противодействия преступности в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ) являются объектом пристального внимания со стороны правоохранительных органов [1]. Возможность хищения¹ крупных сумм денежных средств и товарно-материальных ценностей притягивает сюда организованные преступные группы, что зачастую приводит к сращиванию общеуголовной и экономической преступности и негативно сказывается на эффективности проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Проведенное исследование позволило выявить ряд моментов, которые затрудняют процесс борьбы с хищениями в указанной отрасли экономики.

1. Следует учитывать, что с 2011 г. подразделения ЭБиПК были сокращены более чем на 25%, их численность по всей стране составляет около 19 тысяч сотрудников [3]. Конечно, руководству МВД России приходилось реагировать на происходившие изменения, организовывать работу таким образом, чтобы сокращения не сказывались на ее качестве. Однако многие опытные сотрудники, имевшие пенсионный возраст, ушли на заслуженный отдых. В настоящее время практическая помощь молодым специалистам оказывается не на должном уровне, что подтверждается резуль-

татами опроса², проведенного среди оперативных сотрудников подразделений ЭБиПК, получивших внутриведомственное высшее образование и имеющих стаж в занимаемой должности не более трех лет. Мы считаем, что в подразделениях ЭБиПК целесообразно создавать наставникам условия для наиболее качественного выполнения ими своих функциональных обязанностей. Также мы придерживаемся мнения А.С. Петровой, согласно которому одним из таких условий будет являться ходатайство непосредственного начальника перед руководством региональной полиции о материальном поощрении наставников, добившихся наиболее эффективных результатов в указанном направлении деятельности [6].

2. На территории отдельных субъектов РФ проблематичным остается вопрос принятия решений следственными органами при возбуждении уголовных дел в сфере ЖКХ. Например, в Воронежской области для решения данной проблемы ежеквартально проводятся рабочие совещания в органах прокуратуры с привлечением руководства оперативных подразделений ЭБиПК и следственных органов, где обсуждаются проблемы раскрытия и расследования таких преступлений. При этом указанная практика может быть не совсем эффективной и не давать положительного результата. По нашему мнению, взаимодействие целесообразно осуществлять в более короткие сроки с обсуждением имеющихся материалов оперативно-разыскной деятельности и обязательным присутствием не только руководства следственных подразделений, но и конкретных следователей, выделенных по отраслевому признаку с целью расследования наиболее сложных и резонансных дел.

3. Значимой проблемой в борьбе с хищениями в сфере ЖКХ остается долговременный срок выполнения строительно-технических экспертиз специалистами соответствующего профиля по уголовным делам. Сумма финансирования одной строительно-технической экспертизы многоквартирного дома начинается от 200 тысяч рублей. Средняя ежегодная потребность в их проведении на тер-

¹ Необходимо отметить, что понятие хищения дается в примечании 1 к ст.158 УК РФ. Впервые данное определение было сформулировано в примечании к ст. 144 УК РСФСР, введенном ФЗ от 1 июля 1994 г. В этой норме было указано, что «под хищением понимается совершенное с корыстной целью, противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб». В действующем УК РФ дано почти идентичное определение хищения, отличие состоит в том, что в УК РФ 1996 г. отсутствует ссылка на статьи УК, предусматривающие ответственность за хищения. Это объясняется тем, что в УК 1960 г. не указывалось на отнесение мошенничества и присвоения вверенного имущества к хищениям, а в Кодексе 1996 г. в ст. 159 и 160 прямо указывается на то, что вышеуказанные преступления являются хищениями.

² С 2015 по 2017 гг. нами было опрошено 174 сотрудника подразделений ЭБиПК по предмету исследования.

ритории РФ составляет 1 тыс. 500 экспертиз [5]. Мы полагаем, что сотрудникам подразделений ЭБиПК необходимо внести предложения руководству ГУ(У) МВД по субъектам РФ о включении в штат экспертно-криминалистических подразделений либо отделов документальных исследований (ОДИ) ЭБиПК уполномоченных лиц, наделенных правом проводить строительные экспертизы, как в рамках возбужденных уголовных дел, так и в рамках процессуальных проверок.

4. В большинстве крупных городов России на протяжении длительного периода времени существует проблема, связанная с погашением задолженности предприятий ЖКХ перед ресурсоснабжающими организациями за потребленные топливно-энергетические ресурсы. Данная ситуация позволяет недобросовестным руководителям управляющих организаций в дальнейшем совершать хищения денежных средств, предназначенных поставщикам ресурсов. Так, в постановлении Правительства РФ № 253-2012 указано, что денежные средства населения за потребленные услуги управляющими организациями в течение суток должны быть перечислены в адрес поставщиков услуг [4]. Однако указанные денежные средства, полученные управляющими организациями от населения, идут на иные цели,

связанные с обслуживанием жилого фонда, что предусмотрено тарифом «на ремонт и содержание жилья». В деятельности управляющей организации по предоставлению коммунальных услуг граждан отсутствует коммерческий интерес (прибыль). В результате указанного сбора с населения денежные средства расходуются руководством управляющих организаций по своему усмотрению, в частности на выплату заработной платы работникам, обеспечение договоров на обслуживание жилого фонда или придомовой территории. Некоторые же руководители управляющих организаций осуществляют незаконные действия по выводу и легализации похищенных средств через подставные фирмы, зарегистрированные в оффшорных зонах [5]. В данной ситуации руководству подразделений ЭБиПК необходимо акцентировать внимание личного состава на активном взаимодействии с сотрудниками Интерпола для проведения совместного комплекса оперативно-разыскных мероприятий.

Таким образом, руководству оперативных подразделений ЭБиПК для организации деятельности по предупреждению, выявлению и раскрытию хищений в сфере ЖКХ необходимо комплексно использовать оперативно-разыскные силы, средства и методы, учитывая положительный опыт своих коллег из других субъектов РФ.

Литература

1. В Генпрокуратуре обсудили состояние преступности в ЖКХ. URL: <http://rg.ru/2016/07/26/v-genprokurature-obratili-vnimanie-na-zavyshennye-tarify-zhkh.html> (дата обращения: 19.12.2016).
2. Золотарев Е.В. Оффшорные зоны как угроза экономической безопасности Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. 2011. № 4.
3. Нужно поставить чиновника в такие условия, чтобы у него пропал интерес брать взятки. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3242816> (дата обращения: 15.08.2017).
4. О требованиях к осуществлению расчетов за ресурсы, необходимые для предоставления коммунальных услуг [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 28 марта 2012 г. № 253 (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Обзор Следственного департамента МВД России о деятельности органов предварительного следствия МВД России по расследованию преступлений в сфере жилищно-коммунального комплекса. М., 2015.
6. Петрова А.С. Актуальные вопросы функционирования института наставничества в органах внутренних дел // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № 9 (сентябрь). С. 81-85. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15315.htm>.

И.Д. Шатохин

Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О ТИПИЧНЫХ НАРУШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Об актуальности представленной темы мы можем судить по постоянному потоку жалоб граждан на нарушение их конституционных прав при проведении оперативно-разыскных мероприятий сотрудниками полиции в Конституционный Суд Российской Федерации.

Проведенное нами исследование посредством изучения по специально разработанной анкете материалов 175 жалоб граждан в Конституционный Суд РФ на нормы Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), по которым были вынесены судебные решения, позволяет сделать вывод о существующих на сегодняшний день проблемах нарушения конституционных прав граждан при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. Таким образом, в ходе проведенного нами исследования нами были выявлены типичные поводы обращений граждан в Конституционный Суд РФ за защитой своих прав.

К числу таких поводов следует отнести, прежде всего, неудовлетворительное обеспечение конституционного права на судебную защиту. На нарушение этого права указывалось в 37,1% изученных нами жалоб, и чаще всего это связывается с отказами судов общей юрисдикции в удовлетворении ходатайств о признании недопустимыми доказательств (34,9%). Эти жалобы напрямую связаны с использованием результатов ОРД в уголовном судопроизводстве и, прежде всего, с оценкой судами материалов, представленных следователю оперативно-разыскными службами. По этому вопросу Конституционный Суд РФ сформулировал достаточно твердую правовую позицию, согласно которой результаты ОРМ являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований ФЗ об ОРД, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона. В то же время из представленных заявителями материалов следует, что, несмотря на это категорическое предписание,

следователи и суды нередко используют в качестве самостоятельных доказательств документы, составленные по результатам ОРМ: объяснения, рапорты, акты, справки об исследованиях и пр., в которых содержатся не проверенные уголовно-процессуальным путем сведения, а потому дающие основания для оспаривания их законности.

Второй по распространенности проблемой из числа поднимаемых в конституционных жалобах является обеспечение равенства всех перед законом, о чем ставился вопрос в каждом третьем из числа изученных нами обращений. Нарушение этого конституционного права связывается, как правило, с неопределенностью оспариваемых норм, регламентирующих проведение оперативно-разыскных мероприятий, и, прежде всего, статьи 6 Закона об ОРД, положения которой оспаривались в 40,6% обращений граждан. Столь массовое оспаривание именно этой статьи представляется вполне закономерным, поскольку оперативно-разыскные мероприятия составляют основное содержание ОРД, а потому большая часть нарушений прав личности связана с действиями оперативных сотрудников по их осуществлению.

Типичным нарушением конституционных прав в связи с поступающими в Конституционный Суд РФ жалобами граждан на нормы Закона об ОРД можно считать проведение проверочной закупки наркотиков (31,4%). При этом больше половины (53,1%) авторов таких жалоб были привлечены к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков. Доля же лиц, осужденных за такие преступления, по данным судебной статистики, ежегодно составляет около 11% от всех лиц, в отношении которых судами Российской Федерации вынесен обвинительный приговор [1]. Сопоставление этих данных позволяет сделать вывод, что нарушение конституционных прав граждан чаще всего имеет место в деятельности правоохранительных органов по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

К числу типичных следует отнести и жалобы лиц, привлеченных к уголовной ответственности, на имевшую место в их деле провокацию пре-

ступления со стороны оперативных сотрудников при проведении оперативно-разыскных мероприятий. По мнению заявителей, это нарушает целый ряд их конституционных прав, гарантированных статьями 21 (часть 1), 22 (часть 1), 23 (часть 1), 45 (часть 1), 49 (часть 3), 50 (часть 2) и др. Конституции РФ. По данным нашего исследования, доля таких жалоб составила 18,9% и имеет тенденцию к увеличению.

Достаточно распространенными являются жалобы на нарушения конституционных прав при осуществлении прослушивания телефонных переговоров (далее – ПТП), доля которых составила 16% от общего числа изученных нами обращений. В качестве поводов для оспаривания законодательных норм, регламентирующих ПТП, заявители ссылаются на формальный характер предварительного судебного контроля, допускающий, по их мнению, возможность дачи разрешения на проведение данного ОРМ без достаточных оснований; вынесение постановлений неуполномоченными судьями и с нарушением родовой подсудности рассмотрения ходатайств о проведении ПТП; возможность подмены уголовно-процессуального контроля и записи переговоров аналогичным ОРМ; отсутствие в постановлениях о проведении ПТП необходимых сведений о признаках противоправного деяния, в отношении которого разрешено проводить ОРМ, о лицах, чьи конституционные права подлежат ограничению, о конкретных номерах телефонов и их местонахождении; вынесение одного постановления на прослушивание телефонных переговоров нескольких лиц; возможность проведения ПТП в отношении лиц, не причастных к противоправной деятельности; отсутствие в материалах уголовных дел постановлений о проведении ПТП; отказы в рассмотрении жалоб на незаконность судебных решений о проведении ПТП; признание допустимыми доказательствами записей телефонных переговоров, произведенных с согласия одного из участников таких переговоров; ис-

пользование в доказывании по уголовным делам фонограмм с результатами ПТП по истечении срока хранения, установленного ч. 7 ст. 5 ФЗ об ОРД. Таким образом, поводом для подавляющего большинства жалоб, касающихся использования результатов ПТП в уголовном судопроизводстве, послужило не содержание правовых норм, а несоблюдение их требований в правоприменительной практике, что дало достаточные основания Конституционному Суду для вынесения более двух десятков определений об отказе в принятии их к рассмотрению. Однако это обстоятельство отнюдь не дает оснований для вывода об удовлетворительном качестве правового регулирования ПТП в целом, поскольку Европейский суд по правам человека в своем Постановлении по делу «Захаров против России» от 4 декабря 2015 г. дал резко негативную оценку российскому законодательству, регламентирующему прослушивание мобильных телефонов [2].

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что жалобы на нарушение конституционных прав граждан в процессе ОРД большей частью связаны с неправильным применением закона оперативными сотрудниками. Причинами этого, по нашему мнению, являются: во-первых, слабый контроль за их действиями со стороны руководителей оперативных служб, прокуроров, надзирающих за законностью в сфере ОРД, а также судей, осуществляющих предварительный и последующий контроль за проведением ОРМ и использованием их результатов в доказывании по уголовным делам; во-вторых, видимо, недостаточное правовое информирование сотрудников оперативных подразделений, которое не содержит обязательного ознакомления с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, указанными в решениях, принятых по результатам жалоб граждан на нарушение их конституционных прав при осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

Литература

1. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2016 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 09.10.2017).
2. URL: <http://europeancourt.ru/2015/12/04/21378/> (дата обращения: 09.10.2017).

А.А. Шмидт, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

О ДУБЛИРОВАНИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ И СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ (НА ПРИМЕРЕ НАВЕДЕНИЯ СПРАВОК И ИСТРЕБОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ)

Статья 74 Уголовно-процессуального кодекса России (далее – УПК России) [9] предусматривает перечень доказательств, в числе которых называет «иные документы». Наиболее распространенным способом введения «иных документов» в уголовное дело является такое процессуальное действие, как «истребование предметов и документов». Более того, в соответствии со ст. 21 УПК России данные процессуальные действия могут осуществляться до возбуждения уголовного дела [3, с. 310].

В деятельности следователя (дознателя) истребование письменных документов и предметов как процессуальное действие при расследовании преступлений применяется довольно часто. Оно осуществлялось по всем изученным нами уголовным делам. В ходе исследования была выявлена тенденция следователей (дознателей) к весьма частому применению истребования указанных объектов как способа собирания доказательств вместо производства выемки или обыска.

Как отмечается в литературе, содержательными элементами института истребования письменных документов и предметов являются: а) направление письменного требования лицу или организации; б) доставление истребуемого объекта, отражение этого факта и индивидуальных признаков объекта в материалах дела; в) приобщение доказательств к делу (сразу по получении после установления его относимости и допустимости) [10, с. 120-121].

Таким образом, можно сделать вывод, что по своему содержанию истребование документов как процессуальное действие и наведение справок как оперативно-разыскное мероприятие имеют определенное сходство, а при практическом применении дублируют друг друга. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности повторения действий оперативного сотрудника следователем для получения аналогичной информации с целью придания ей доказательственного значения, поскольку это влечет за собой дополнительные материальные затраты, связанные с изготовлением повторного запроса, его доставкой адресату (по-

чтовые, проездные), а также временные (ожидание ответа).

В научных кругах вопросы дублирования оперативно-разыскных мероприятий и процессуальных действий также обсуждались. Так, например, А.Г. Маркушин высказывал мнение о том, что «в практике повсеместно получается так, что добытые на основе Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» данные полностью воспринимаются следователем через призму фактически одноименных последующих действий, повторяя оперативные сведения в процессуальной форме (опрос – допрос; отождествление личности – опознание; исследование – экспертиза и т.д.), идет двойное удостоверение». Исходя из изложенного, автор предлагает «обратить внимание на исследование вопросов сочетания, соотношения оперативно-разыскных и следственных действий, устранив неоправданные повторы в методах познания» [7, с. 145]. Данную позицию полностью поддержал М.П. Поляков [8, с. 43].

Аналогичные выводы были сделаны и нами относительно наведения справок и истребования предметов и документов. Так, в ходе изучения уголовных дел было установлено, что наиболее часто истребуемыми органами предварительного расследования являются документы характеризующего плана. При этом все изученные нами документы были истребованы из официальных учреждений и составлялись должностными лицами. Часть из них (28%) была истребована и получена до решения вопроса о возбуждении уголовного дела и впоследствии была использована как доказательства, в качестве «иных документов». Мы полностью разделяем мнение Л.Н. Башкатова, Г.Н. Ветровой, А.Д. Донченко, В.И. Зажицкого, которые определяют «иные документы» как письменные акты установленной или общепринятой формы, исходящие от предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан, в которых они излагают обстоятельства и факты, имеющие значение для уголовного дела [1, с. 136].

На основании вышеизложенного полагаем, что если документ самостоятельно устанавлива-

ет какое-либо обстоятельство, подлежащее доказыванию по уголовному делу, то он сразу приобретает свойство достоверности, и дальнейшая проверка осуществляется в рамках логического доказывания. Примером может служить справка о наличии (отсутствии) судимости обвиняемого, которая имеется в каждом уголовном деле. Проверять источник сведений, предпринимать какие-либо действия для определения его достоверности необязательно. Высокая степень доверия к источнику сведений фактически снимает вопрос о его достоверности по крайней мере в тех случаях, когда отсутствуют данные, порождающие сомнение в достоверности официального документа. Безусловное доверие к источнику таких документов связано с условиями формирования официальных документов, с тем, что сведения, изложенные в них, всегда могут быть подвергнуты самой тщательной проверке. Справка о судимости является копией карточки, хранящейся в оперативно-справочной картотеке ИЦ МВД, УМВД России по субъекту федерации; сведения, изложенные в свидетельстве о рождении, могут быть проверены по книге регистрации, которая хранится в соответствующем органе ЗАГС и т.д.

Аналогичной точки зрения придерживается и А.В. Бочкарев, считающий, что введение в уголовный процесс применимо для результатов оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД), объективно обладающих высокой достоверностью, например официальных документов, полученных при проведении оперативно-разыскного мероприятия «наведение справок». При этом вводимые в уголовный процесс результаты ОРД изначально удовлетворяют требованиям относимости и достоверности. Они могут быть проверены любой инстанцией уголовного судопроизводства путем повторного запроса документов, проведения других следственных действий [2, с. 42].

По мнению Н.А. Кузнецовой, «... чтобы документы были признаны доказательствами, сведения, содержащиеся в них, должны быть связаны с предметом доказывания, т.е. отвечать признаку относимости; формой сохранения и передачи этих сведений (т.е. источником) должны быть соответствующим образом оформлены, а носителем информации – отвечающее определенным требованиям лицо, от которого исходит документ» [6, с. 13].

Соответствующим образом оформленным следует считать документ, содержащий необходимые реквизиты – дату и место составления, ре-

гистрационный номер, фамилию должностного лица, его составившего, необходимые подписи, штампы, печати и т.д.

Отвечающим определенным требованиям лицом, от которого исходит документ, полагаем возможным считать должностное лицо, действующее в пределах предоставленных ему полномочий. Естественно, что полномочия данного должностного лица не могут выходить за рамки сферы приложения властных полномочий органа, с которым должностное лицо находится в трудовых правоотношениях [4, с. 11].

Аналогичной точки зрения придерживается и А. Земскова, указывая на то, что если наведение справок выразилось в форме запроса, направленного за подписью представителя оперативного аппарата в государственное учреждение, на который получен официальный ответ в письменном виде, то этот документ может быть приобщен к уголовному делу в качестве «иного документа», о котором идет речь в ст. 88 УПК РФ. Если же результат наведения справки отражен в рапорте оперативного работника, то полученные им сведения носят исключительно ориентировочное значение [5, с. 23].

Таким образом, получаемые в рамках наведения справок официальные сведения, отвечающие ранее указанным требованиям (самостоятельно устанавливающие какое-либо обстоятельство, подлежащее доказыванию по уголовному делу; содержащие необходимые реквизиты – дату и место составления, регистрационный номер, фамилию должностного лица, его составившего, необходимые подписи, штампы, печати и т.д.; исходящие от должностного лица, действующего в пределах предоставленных ему полномочий), ничем не отличаются от сведений, получаемых следователем при истребовании документов. Фактические данные, отраженные в официальных документах, полученные в рамках оперативно-разыскного мероприятия «наведение справок», по нашему убеждению, полностью отвечают требованиям, перечисленным в ч. 1 ст. 74 УПК России, а само это мероприятие проводится на основе действующего законодательства. Единственным препятствием на пути их прямого, без дополнительной проверки использования в качестве доказательств является ч. 2 ст. 74 УПК России, содержащая исчерпывающий перечень источников доказательств, где результаты оперативно-разыскной деятельности отсутствуют.

Литература

1. Башкатов Л.Н., Ветрова Г.Н., Донченко А.Д. Уголовный процесс: учебник для вузов. М., 2000.
2. Бочкарев А.В. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности // Следователь. 2004. № 8 (76).
3. Григорьев В.Н. Порядок рассмотрения сообщения о преступлении // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Мозякова. М., 2002.
4. Громов Н.А., Комиссаров С.Б., Царева Н.П. Документы, допускаемые в качестве доказательств // Следователь. 2002. № 7.
5. Земскова А. Документирование результатов оперативно-розыскной деятельности // Российская юстиция. 2001. № 7.
6. Кузнецова Н.А. Собираение и использование документов в качестве доказательств по уголовным делам: пособие. М.: ВНИИ МВД России, 2003.
7. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность – необходимость и законность. Н. Новгород, 1997.
8. Поляков М.П. Результаты ОРД как альтерпроцессуальная информация // Следователь. 2001. № 5 (43).
9. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. № 249.
10. Шейфер С.А. Собираение доказательств в советском уголовном процессе. Саратов, 1986.

Секция «Криминалистическое обеспечение деятельности ОВД по расследованию преступлений»

Д.В. Алехин, канд. юрид. наук, доцент

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ПРОВЕРКЕ ВЕРСИИ ОБ ИНСЦЕНИРОВКЕ ПРЕСТУПНОГО СОБЫТИЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СООБЩЕНИЯ О БЕЗВЕСТНОМ ИСЧЕЗНОВЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

В Концепции общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) отмечается, что «несмотря на принимаемые государством и обществом усилия, направленные на борьбу с преступными и иными противоправными посягательствами... необходимый уровень обеспечения общественной безопасности не достигнут. В стране сложилась непростая криминогенная обстановка, отличающаяся высоким уровнем преступности».

В подобных условиях особую важность и значимость приобретает необходимость повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по обеспечению безопасности граждан, защите их жизни и здоровья от преступных посягательств, в т.ч. наиболее тяжких, связанных с безвестным исчезновением граждан.

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, в 2015 г. разыскивалось 93 085 лиц, пропавших без вести, из них 8564 несовершеннолетних. Установлено местонахождение 45 311 лиц, из которых 7251 несовершеннолетний. В 2016 г. разыскивался 88 751 пропавший без вести, из них 8399 несовершеннолетних. Установлено местонахождение 42 937 лиц, из которых 7131 несовершеннолетний. Стали жертвами преступлений в 2015 г. 467 человек (32 несовершеннолетних), в 2016 г. – 451 человек (14 несовершеннолетних).

Безусловно, в последние годы в подразделениях Следственного комитета Российской

Федерации проделана большая работа по совершенствованию работы по сообщениям о без вести пропавших лицах, что привело к повышению качества проводимых проверок и недопущению фактов вынесения при их рассмотрении незаконных решений, своевременности возбуждения уголовных дел, однако с учетом неочевидности обстоятельств исчезновения, недостатка информации об исчезнувшем и лицах, причастных к исчезновению, в условиях обнаружения трупов пропавших с выраженными гнилостными изменениями, затрудняющими их опознание и установление причины смерти, у следователей по-прежнему возникают трудности как на этапе проведения предварительной проверки, так и в ходе дальнейшего расследования.

Успешная работа следователей по уголовным делам, возбужденным по сообщениям о безвестном исчезновении граждан, в первую очередь и во многом зависит от согласованности действий с другими службами, входящими в структуру правоохранительных органов, на которые возложены задачи приема и регистрации сообщений о пропавших лицах, организации их розыска, однако немаловажным фактором успеха является хорошее знание следователем особенностей проведения проверок поступивших сообщений и следственных действий по таким преступлениям, правильная оценка следственных ситуаций.

При проверке сообщений о безвестном исчезновении человека, помимо общих версий о том, что имело место убийство (при этом предполагается, что оно совершено человеком, близким потерпевшему или посторонним) или причины исчезновения не носят криминального характера, следует уделять внимание версии о возможной инсценировке преступного события, которая преследует следующие цели:

- избежание уголовной ответственности, что характерно для совместно проживающих лиц, когда после бытовой ссоры и причинения телесных повреждений один из супругов сначала обращается с заявлением в правоохранительные органы о привлечении к ответственности, а затем, после примирения, подает заявление о «безвестном исчезновении», пытаясь, таким образом, прекратить уголовное преследование;

- привлечение к уголовной ответственности невиновного лица. Такие случаи встречались в следственной практике при наличии конфликтных отношений с деловыми партнерами при совместном ведении бизнеса.

Проведенный анализ материалов уголовных дел позволяет отнести к обстоятельствам, свидетельствующим об инсценировке безвестного исчезновения потерпевшего, следующие факты:

- следовая картина на объекте последнего пребывания пропавшего, противоречащая данным, указанным в сообщении;

- конфликтные отношения между заявителем и потерпевшим;

- совместное времяпрепровождение в день исчезновения;

- поступление противоречивой информации от лиц, знавших исчезнувшего, о причинах пропажи;

- направление поисковых мероприятий по заведомо ложному пути;

- запоздалое обращение с заявлением (например, отец погибшей отметил странности в поведении внука после исчезновения матери – тот с неохотой пошел писать заявление в полицию о розыске матери, в отделе полиции инсценировал звонок по телефону, якобы поступивший от матери);

- сообщение данных, свидетельствующих о причастности заподозренного к совершенному преступлению;

- произвольное проявление осведомленности о фактах, знать которые может лицо, совершившее преступление;

- совершение действий, дающих основание полагать, что заявителю известно о смерти исчезнувшего лица (например, после исчезновения своей сожительницы Б. подарил своему другу Л. ее домашний кинотеатр, горные лыжи и стационарный телефон, а своему брату – ноутбук. В другом случае А. нашла возле гаража, где Х. и О. избивали Н., телефон последнего и передала его Х. На следующий день Х. вернул ей телефон, сказав, что она может им пользоваться, т.к. Н. телефон искать не будет, а если спросят, где она его взяла, сказать, что купила).

Следователям следует иметь в виду, что наличие данных обстоятельств не всегда однозначно указывает на инсценировку безвестного исчезновения потерпевшего при совершении его убийства, но совокупность двух и более из них может говорить о необходимости выдвижения и проверки подобной версии.

Как правило, убийства, скрытые инсценировкой, чаще встречаются там, где отношения между преступником и потерпевшим носят семейно-бытовой характер, а также в случаях убийств предпринимателей или убийств, связанных с завладением жилой площадью потерпевшего. На наш взгляд, объясняется это такими детерминирующими условиями, как совместное проживание, знание образа жизни и личностных особенностей жертвы, наличие времени и, что самое главное, возможностей для соответствующей подготовки и претворения инсценировки в действие.

У лиц, ранее не знакомых друг с другом или не состоящих в близких отношениях, необходимости в инсценировке не возникает. Совершая убийство, преступник рассчитывает, что подозрение вообще не падет на него. В данной ситуации для него главное – принять меры к сокрытию своих собственных следов, но никак не преступного характера действий.

Алгоритм основных действий следователя, направленных на сбор данных в целях разоблачения инсценировки безвестного исчезновения, может быть следующим: проведение следственного эксперимента; обыски по месту жительства и работы; допросы свидетелей (для установления наличия или отсутствия особенностей поведения потерпевшего в предшествующий совершению преступления период); повторный осмотр места происшествия; криминалистическая экспертиза следов (позволяет установить истинный характер действий, в результате которых образовались следы).

*Р.Л. Ахмедшин, доктор юрид. наук, профессор
Томский государственный университет*

О НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТАХ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПСЕВДОТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ (ОБОБЩЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА)

Терроризм, как и любое социальное явление, претерпевает эволюционные изменения. Время, когда относительно автономные группы террористов совершали террористические акты (стихийный терроризм), прежде всего террористические взрывы, уже позади. Как показывает анализ практики расследования террористических актов, на смену стихийному терроризму приходит системный терроризм, под которым мы понимаем такую разновидность террористической деятельности, в которой наиболее активной стороной выступает иностранное государство, лоббирующее свои экономические, реже – чисто политические интересы, организующее террористический акт на территории другого государства. Одной из разновидностей системного терроризма является терроризм корпоративный, точнее, транскорпоративный, когда за террористическим актом стоит заказчиком крупный банковско-производственный конгломерат, имеющий свои коммерческие интересы на территории, на которой планируется совершение террористического акта. Терроризм сегодня становится обыденным инструментом геополитики и экономики.

Увеличение видового многообразия террористической деятельности породил интересный феномен, который в криминалистической литературе освещен достаточно слабо – псевдотеррористический акт, т.е. преступное событие, имеющее внешние черты террористического акта, но направленный не на дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений, а на достижение иных целей. Заказчиком псевдотеррористического акта выступает не внешняя сторона и не экстремистски настроенная социальная группа, а лица, имеющие достаточно высокий социальный статус и выступающие гражданами той страны, на территории которой организует псевдотеррористический акт, часто обладающие достаточными властными полномочиями.

Как и любое явление, псевдотеррористический акт обладает рядом признаков, отличающих его от сходных явлений. Так, в отличие от

террористического, псевдотеррористический акт обладает следующими выраженными признаками:

- происходит в утренние часы в деловых учреждениях либо днем в местах компактного проживания, что обеспечивает минимальное количество жертв при высоком уровне общественного беспокойства;
- происходит на территории явно малозначительных объектов инфраструктуры, что обеспечивает как малое количество жертв, так и низкий ущерб;
- заявление от правоохранителей об установленных целях и заказе преступления поступает в первые сутки;
- заявление о предполагаемых преступниках, содержащее конкретную информацию, поступает от правоохранителей в первые сутки;
- на месте преступления сразу или спустя три-пять дней находят носитель информации, который содержит данные о группе преступников, совершивших акт;
- заявление о результатах расследования делается не представителем министерства, отвечающего за разведку и контрразведку, а представителем госструктуры, осуществляющей общее следствие или дознание;
- основные подозреваемые погибают при задержании;
- через месяц с основного подозреваемого снимаются обвинения, или в течение недели он заканчивает жизнь самоубийством, или с ним происходит несчастный случай;
- изъятые из редакций СМИ файлы с аналитическим обзором произошедшего террористического акта программно датируются временем, предшествующим преступному событию;
- наблюдается подозрительное стечение обстоятельств, в результате которых меняется насыщенность территории предстоящего преступления патрулями или понижается эффективность пропускной системы;
- у правоохранителей находятся «затерявшиеся» документы, в которых содержится информа-

ция о подготовке расследуемого террористического акта;

- параллельно с обсуждением произошедшего события в СМИ идет активная пропагандистская кампания, направленная на пропаганду целесообразности корректировки кадрового состава региональной власти;

- при обсуждении последствий террористического акта уже с первых дней фигурируют достаточно конкретные размеры последствий, оцененные в денежном эквиваленте;

- замалчивается или игнорируется информация, полученная с помощью телефонов доверия или горячих линий;

- становятся известными широкой общественности показания свидетелей, однако экспертные исследования, если они не сделаны в течение первых трех дней, не освещаются;

- присутствует элемент сценарийной (интригующей, нецелесообразной с точки зрения эффективности, но целесообразной с точки зрения эффективности) организации события преступления: преступник с холодным оружием, преступник на автомобиле, преследующий жертв и пр.;

- активно публикуются заключения специалистов о результатах исследований, проведенных в первые дни после террористического акта.

Гипотетическая проработка обстоятельств, которая может сориентировать следователя на то, что он имеет дело со случаем псевдотеррористического акта, на наш взгляд, является актуальной и целесообразной. Анализ террористических актов, произошедших на территории европейских государств в 2015-2016 гг., показывает, что наличие большинства из названных в статье обстоятельств заставляет задуматься об их истинной природе.

В.И. Балко

Колледж «Кайнар» г. Семей, Казахстан

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ РУК ТРУПА К ДАКТИЛОСКОПИРОВАНИЮ

Дактилоскопирование трупов является одним из достоверных способов установления личности.

Согласно пункту 3 ст. 222 УПК Республики Казахстан неопознанный труп подлежит обязательному фотографированию и дактилоскопированию [1].

Для экспертного исследования следователь вправе получить образцы, если их исследование имеет значение для дела. В качестве образцов для экспертного исследования могут быть отпечатки кожного узора (ст. 246 УПК РК) [1].

Практически целесообразно и необходимо получать отпечатки неопознанного и опознанного трупа, т.к. полученные отображения могут способствовать установлению важных для дела обстоятельств. Это относится к следующим случаям:

- если при осмотре места происшествия (далее – ОМП) предполагаемого самоубийства обнаружены следы на предметах, не принадлежащих потерпевшему, то надо исключать инсценировку убийства;

- если при ОМП найдены пальцевые следы, и только путем их сравнения с отпечатками паль-

цев трупа можно определить, оставлены ли они потерпевшим или другим лицом, возможно, преступником;

- если есть основания предполагать, что погибший совершал преступления, и его отпечатки пальцев необходимо проверить по оперативно-розыскному учету;

- если есть серьезные основания подозревать, что потерпевший перед смертью жил под вымышленной фамилией, и точное установление личности поможет выяснить важные обстоятельства его смерти.

Установление личности граждан по трупам, т.е. отождествление погибших (умерших) лиц, является первоочередной и важнейшей задачей сотрудников полиции непосредственно с момента поступления сведений об обнаружении трупа. Отождествление неопознанного трупа обеспечивает возможность быстрого раскрытия преступления, розыска преступника и пропавшего без вести гражданина.

Осмотр пальцев рук трупа производится непосредственно на месте происшествия и в морге,

при этом сотрудники оперативной группы, прибыв на место происшествия (далее – МП), должны убедиться в том, что перед ним находится мертвое тело.

На МП после установления наличия смерти вся работа по получению отпечатков пальцев рук условно делится на семь этапов, начинающихся с МП, продолжающихся в морге и заканчивающихся по месту службы:

- 1) подготовка средств дактилоскопирования;
- 2) предварительный осмотр и изучение;
- 3) установление места и объема дактилоскопирования;
- 4) изъятие возможных вещественных доказательств на исследование по рекомендации следователя или по инициативе специалиста в зависимости от конкретных обстоятельств и по рекомендации непосредственного начальства;
- 5) подготовка трупа к дактилоскопированию, обычная и (или) специальная обработка (если есть необходимость);
- 6) собственно дактилоскопирование (неповрежденного и поврежденного эпидермиса после обычной, общей или специальной обработки);
- 7) заключительный этап.

Рассмотрим 5-й этап – этап подготовки трупа к дактилоскопированию. Этот этап условно разобьем на действия-шаги.

1-й шаг. *Короткая инструкция помощнику, санитару.* В зависимости от конкретной ситуации дактилоскопирующий проводит инструктирование и дает рекомендацию помощнику или санитару, не исключена консультация судмедэксперта: как, например, помощнику зафиксировать руку дактилоскопируемого (использовать медицинский инструментарий или специальное приспособление).

2-й шаг. *Проведение обычной и общей обработки пальцев рук у трупа для дактилоскопирования.* Обычная и общая обработка рук трупа для дактилоскопирования производится при легких и средних трупных явлениях. Обычная (бытовая) обработка рук трупа – это мытье рук трупа, если они грязные, высушивание электрическим феном, сухим полотенцем, ветошью, если руки мокрые. Общая обработка рук трупа – это нехарактерная бытовая обработка рук спиртосодержащим раствором, растворителем, при необходимости – опускание кисти руки трупа в теплую воду и её разминание, введение масляного раствора, например, в область верхней фаланги большого пальца экспертом-криминалистом, имеющим ме-

дицинское образование и прошедшим соответствующую специализацию.

3-й шаг. *Проведение специальной обработки пальцев рук у дактилоскопируемого для дактилоскопирования.* Если проведение обычной обработки пальцев рук оказывается недостаточным, то проводится специальная обработка пальцев рук и ладоней у дактилоскопируемого при средних и выраженных трупных явлениях, например, введение масляного раствора в область верхней фаланги большого пальца специалистом-криминалистом, не имеющим медицинского образования, а также перерезание сухожилий или отчленение пальцев рук трупа судебным медицинским экспертом по постановлению следователя.

4-й шаг. Подготовка 1-й, 2-й пластин, «пальцевой» стеклянной пластины и дактилоскопического валика к работе. Типографскую краску наносят на чистое обезжиренное стекло или пластину и распределяют нужным слоем (с удельной интенсивностью слоя краски от 1,0 мг/см² до 2,0 мг/см²) при помощи резинового валика на первой пластине, затем более тонким слоем (с удельной интенсивностью слоя краски от 0,84 мг/см² до 1,0 мг/см²) на второй пластине, и на третьей «пальцевой» стеклянной пластине тонким слоем краски (с удельной интенсивностью слоя краски от 0,34 мг/см² до 0,84 мг/см²), а при сравнительном исследовании порошкопии или эджеоскопии рекомендован слой краски с удельной интенсивностью от 0,25 мг/см² до 0,34 мг/см². Поверхность дактилоскопического валика при прокатывании должна быть чистой и ровной.

5-й шаг. При отсутствии 1-й, 2-й пластин и дактилоскопического валика к работе *подготавливают подушку дактилоскопическую*, которую применяют для получения отображения пальцев рук.

Важным моментом при подготовке рук трупа к дактилоскопированию является обработка, которую условно делим на **обычную, общую и специальную**. Выделение разновидностей обработки и их определение поможет в образовательном процессе для улучшения теории и практики, повышения знаний, умений и навыков при обработке рук трупа при получении качественных отпечатков и оттисков рук трупа, что в итоге скажется на качестве сравнительных образцов отпечатков кожных узоров рук трупа, сделанных специалистами-криминалистами, и в конечном итоге скажется на оперативности и качестве дактилоскопической экспертизы.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК (с изм. и доп. по сост. на 26.07.2016). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852.

Е.А. Бартнев, канд. юрид. наук

Институт повышения квалификации (с дислокацией в г. Новосибирск) Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ, ДОПУСКАЕМЫЕ СЛЕДОВАТЕЛЯМИ ПРИ ФОТОФИКСАЦИИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ И ИЗГОТОВЛЕНИИ ФОТОТАБЛИЦ

Фотоснимки, полученные в ходе осмотра места происшествия и других следственных действий, входят в число приложений к протоколу и являются его составной частью, они дополняют протокол, делая его более емким, содержательным и наглядным. Изучая фотоснимок, суд, следователь, дознаватель и другие участники уголовного процесса знакомятся с некоторыми, не отраженными в протоколе, особенностями вещной обстановки места происшествия, что позволяет воссоздать картину преступления и получить более ясное и максимально точное представление об исследуемом объекте.

Однако процессуальное оформление фотоснимков в виде приложений к протоколам не урегулировано ни законом, ни подзаконными актами. «Процессуально фотоснимки оформляются, как и протоколы, с учетом рекомендаций, разработанных криминалистической практикой» [4, с. 34].

Несмотря на то, что криминалистическим правилам оформления фототаблиц посвящено много работ таких ученых, как А.А. Зотчева, В.Г. Булгакова, А.А. Курина, А.А. Сафонова, Е.П. Дмитриева и др., проведенный анализ фототаблиц, изготовленных в ходе осмотров мест происшествий, показал, что в них продолжают встречаться ошибки, которые допускаются в ходе фотофиксации места происшествия и при их изготовлении. Наиболее часто встречаются следующие:

1. В фототаблицах отсутствует взаимосвязь между снимками. Согласно криминалистическим правилам оформления фототаблиц последовательность размещения снимков определяется «от общего к частному». Каждый последующий снимок должен быть логическим продолжением предыдущего, т.е. сначала помещаются ориентирующие снимки, потом обзорные, узловые и детальные.

2. Снимки должны быть снабжены пояснительными надписями, раскрывающими их содержание. Однако правильно подписанное следователями изображение на снимке на практике

встречается редко. Наиболее часто следователь указывает, что на снимке общий вид какого-либо объекта (предмета). Например, «Общий вид входной двери...», «Общий вид сейфа...» и т.д., а по факту на снимке только фрагмент такого объекта, т.е. часть входной двери, сейфа и т.д.

3. Снимки в фототаблице должны располагаться в порядке, соответствующем последовательности описания в протоколе осмотра запечатленных на них фактов (ориентирующие, обзорные, узловые, детальные), и иметь единую последовательную нумерацию.

Трудности возникают при применении узловой и детальной фотосъемки. Так, по общему правилу узловая фотосъемка производится для фиксирования крупным планом наиболее важных участков места происшествия или отдельных крупных объектов его обстановки (окно, дверь, место столкновения ТС, труп и т.п.). Детальная фотосъемка предназначена только для запечатления отдельных, относительно небольших, а также мелких предметов (орудий взлома, оружия, пуль, гильз, порошинок и т.п.) и следов (рук, обуви, орудий взлома и т.п.) [2, с. 36-37].

Однако на практике следователи нередко «забывают» об этих понятиях и путают назначение детальных снимков с узловыми. А именно, при выполнении узловых снимков в большинстве случаев в кадре размещается масштабная линейка, которая при применении такого вида съемки не требуется, т.к. оказавшаяся в глубине кадра линейка становится непригодной для каких-либо измерений. Именно поэтому для таких целей служит детальный вид съемки.

Детальный снимок часто в ходе дальнейшего расследования преступления служит объектом исследования при назначении какой-либо судебной экспертизы, поэтому особенно важно качественно производить такой вид фотосъемки. Необходимо стараться делать максимально видимыми на снимке все индивидуальные признаки объекта. Если вся линейка значительно больше объекта (пули, гильзы и т.п.), то в кадре

достаточно разместить только часть линейки со штрихами-делениями. Не следует забывать и о необходимости «правильного» ее размещения, т.е. перпендикулярно относительно линии объекта фотокамеры и как можно ближе к объекту, на одном уровне с верхним его краем. При несоблюдении этого правила, из-за разницы в толщине объекта с линейкой, четкое изображение будет только одного предмета – или линейки, или объекта. Как правило, четким оказывается изображение линейки, а не объекта (из-за ее контрастности). Выравнивать, т.е. выводить на один уровень линейку с объектом, можно путем подкладывания под нее любого предмета, схожего по толщине с объектом.

4. Если осмотр места происшествия производится по одному адресу, то нет необходимости указывать его под узловыми и детальными снимками.

5. Обращаем особое внимание на ошибки, допускаемые при фотофиксации осмотра места происшествия, связанного с применением огнестрельного оружия. В фототаблицах по таким происшествиям часто отражается поза погибшего и отдельно – обнаруженные пули, гильзы, повреждения от пуль и т.п., при этом не фиксируется (а это часто возможно) расположение данных объектов относительно местонахождения погибшего.

6. При выполнении детального снимка должен фиксироваться только сам объект. Цель получения снимка – показать только объект, а не место его обнаружения. Это означает, что он может фиксироваться не в месте его обнаружения, а в более удобном месте. Можно, например, перенести объект в светлое для съемки место и разместить под объектом чистый лист бумаги (необходимо

учитывать сохранность имеющихся на объекте возможных следов), и т.д. Само место обнаружения объекта фиксируется при выполнении узлового снимка.

7. В соответствии с криминалистическими правилами при изготовлении фототаблиц с использованием фотоснимков, выполненных традиционным (пленочным) способом, каждый снимок скреплялся оттиском печати, т.к. это позволяло исключить их подмену. Именно поэтому данные фотоснимки в фототаблице необходимо было заверять оттиском мастичной печати.

В настоящее время фотоснимки в фототаблице изготавливаются при помощи компьютерных программ и не подлежат последующему вклеиванию, а значит, исключается необходимость постановки оттиска печати на угол каждого снимка. Достаточно постановки одного оттиска печати внизу каждой страницы, чтобы исключить замену всей страницы.

В ряде регионов отдельные руководители следственных подразделений, прокуроры продолжают требовать постановки оттиска печати на каждый снимок фототаблицы, выполненной цифровым способом.

Таким образом, от точного соблюдения криминалистических правил судебной фотографии и процессуальных требований к оформлению фототаблиц, полученных в ходе проведения следственных действий [1, с. 53], зависит доказательственная ценность фотоснимков. Оценка доказательств не всегда бывает правильной. Прежде всего, это связано с неверным пониманием участниками уголовного процесса содержания процессуальных документов и низким качеством фототаблиц из-за допускаемых ошибок при их изготовлении.

Литература

1. Вершицкая Г.В. Правовые особенности применения фотографии в ходе расследования преступлений // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 2 (47). С. 53-58.
2. Гадельшин Р.И., Кузнецов В.К. Криминалистика: учебное пособие. М.: Кнорус, 2015. 224 с.
3. Дмитриев Е.Н. Судебная фотография: курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2010. 392 с.
4. Судебная фотография и видеозапись: учебник. 2 изд., перераб. / под ред. А.А. Проткина. М., 2011. 816 с.

Е.Б. Беседина, канд. мед. наук

Барнаульский юридический институт МВД России;

В.В. Остробородов, канд. мед. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПОЧЕРКА И АНАМНЕЗА ПАЦИЕНТОВ, НАХОДЯЩИХСЯ НА ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ЛЕЧЕНИИ С ДИАГНОЗОМ «ПАРАНОИДНАЯ ШИЗОФРЕНИЯ», С РАЗЛИЧНОЙ ДЛИТЕЛЬНОСТЬЮ ЗАБОЛЕВАНИЯ

Сегодня психическими расстройствами, по официальным данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в России страдают не менее 10% граждан. Это 14-15 млн человек [1]. И в их числе каждый пятый – российский подросток. Но это только официальная статистика.

Больных шизофренией в нашей стране, по данным ВОЗ, порядка 900 тысяч. Ещё 300 тысяч – те, чьё состояние эксперты называют «маниакальным», больные с «неконтролируемым возбуждением».

Известно, что достаточно большое количество преступлений против здоровья и жизни человека, против личности и собственности в настоящее время совершаются на фоне различных психических заболеваний. Эти лица, согласно Уголовному кодексу Российской Федерации, не несут уголовную ответственность за совершенные преступления, а направляются по решению суда на принудительное лечение.

Согласно статистическим данным, большую долю лиц, совершивших преступления, составляют больные, страдающие различными формами шизофрении.

В Алтайской краевой клинической психиатрической больнице (АККПБ) им. Ю.К. Эрмана на принудительном лечении в отделении специализированного типа находится 52% больных шизофренией, которые представляют наибольшую социальную опасность. Остальную часть составляют пациенты с умственной отсталостью, органическими поражениями головного мозга, расстройствами личности, эпилепсией.

Целью нашего исследования является установление особенностей анамнеза, клинической картины и почерка лиц, находящихся на принудительном лечении в отделении специализированного типа.

Для достижения поставленной цели нами было проведено изучение медицинских докумен-

тов, а также исследование почерка пациентов с диагнозом «параноидная шизофрения».

Результаты исследования.

Пациент В., 56 лет. В школе учился хорошо. Закончил 8 классов, техникум. Служил в армии в строевых частях. Поступил в институт, ушел с 4-го курса по семейным обстоятельствам. Работал мастером на стройках. В 1993 г. женился, имеет сына. Ранее привлекался из-за нарушений покоя и тишины, нарушений ПДД. Впервые обратился к психиатру с жалобами на шум в ушах, раздражительность, бессонницу, снижение настроения, утомляемость, музыку в ушах. Сообщал, что за ним следят, могут убить, заявлял о присутствии посторонних в квартире; говорил, что его хотят отравить, жена организует гонения на него. Затем бросил работу, не выходил из дома. От лечения отказывался. Далее сдавал анализы, искал подтверждение отравления, обращался в прокуратуру, ФСБ. Во время ссоры угрожал жене убийством, при этом душил её руками. В период следствия сообщил, что душить не хотел, только хотел попугать, потому что она хочет его отравить. Заявлял, что жена изменила ему, сын не родной, его травят; хотел «добиться правды от жены», поэтому душил, убивать не хотел.

Была проведена судебно-психиатрическая экспертиза, в результате которой был выставлен диагноз «шизофрения, параноидная форма, аффективно-бредовый синдром, непрерывно-прогредиентный тип».

Пациент А., 39 лет. В 1 год 7 месяцев перенес тяжелую пневмонию с явлением клинической смерти. С 5 лет беспокоят головные боли. С 10 лет состоит на диспансерном учете у психиатра с диагнозом «органическое снижение интеллекта». В школу пошел с 8 лет. Общеобразовательную программу не усваивал, дублировал 1-й класс. Со 2-го класса учился во вспомогательной школе-интернате, окончил 11 классов. С 13 лет периоди-

чески лечился в психиатрических больницах края по поводу аффективных колебаний, астеничных состояний. Инвалид 2-й группы. После окончания школы несколько лет работал грузчиком, пел в церковном хоре. Не женат. Периодически алкоголизировался. В 29 лет был привлечён к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 111 УК РФ.

В результате проведения судебно-психиатрической экспертизы выставлен диагноз «шизофрения, вялотекущая форма, состояние стойкой ремиссии». Был осужден условно.

Проживал с сожительницей, работал дворником. Изредка обращался к психиатру с жалобами на плохой сон. В возрасте 36 лет нанес удары ножом собутыльнику, причинив тяжкие телесные повреждения.

Проведена судебно-психиатрическая экспертиза, в результате которой был выставлен диагноз «шизофрения, параноидная форма, приступообразно-прогредиентный тип течения, аффективно-параноидный синдром». Был направлен в Орловскую ПБСТИН, а затем в АККПБ.

Учитывая сказанное, следует акцентировать внимание на том, что отличает пациентов друг от друга:

- у пациента В., 56 лет, длительность заболевания составляет 2 года, а у пациента А., 39 лет – 29 лет;
- пациент В. страдает параноидной шизофренией с непрерывно-прогредиентным течением и стойким аффективно-бредовым синдромом, пациент А. имеет параноидную шизофрению с эпизодическим типом течения;
- в психиатрических больницах пациент В. лечился амбулаторно, пациент А. – стационарно;
- пациент В. имеет неоконченное высшее образование, в то время как пациент А. получил среднее образование (коррекционная школа);
- данные пациенты, находящиеся на принудительном лечении с диагнозом «параноидная шизофрения», страдали алкоголизмом;
- время от начала заболевания до совершения первого преступления у пациента В. составляет полгода, у пациента А. – 26 лет.

Кроме этого, среди особенностей анамнестических данных хотелось бы отметить, что пациенты были рождены от вторых родов, а дети от первых родов в их семьях были психически здоровы.

Далее в отношении пациентов проводилось экспериментально-психологическое исследование. Был проведен Стандартизированный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ). Данный тест является реализацией типологического подхода к изучению личности [2].

Опросник состоит из утверждений, образующих 10 основных диагностических шкал. На каж-

дое из утверждений обследуемые (лица от 16 лет и старше с коэффициентом интеллекта не ниже 80) должны дать ответ «верно» или «неверно». Ответ, совпадающий с «ключом», оценивается в один балл.

Были получены следующие результаты. По шкалам 6 и 8 превышены показатели по сравнению с нормативными, это указывает на то, что до определенного предела такие лица производят впечатление лиц, устойчивых к стрессу. В значительной степени это обусловлено их гомонимностью (неподвластностью средовым влияниям) и тугоподвижностью нервных процессов с трудностью переключения из обычного состояния в иное, новое (от покоя к действию). Однако при этом происходит постепенное накопление потенциальной активности, которая позже проявляется аффективной реакцией с проявлением агрессии, что и приводит к совершению преступлений.

Кроме этого, у пациентов было проведено исследование почерка. Им было предложено написать диктант, содержащий все буквы русского алфавита, а также текст, который они сами захотят написать (несколько строк по их желанию). Были выявлены следующие закономерности общих признаков почерка:

- у пациента А. поля соблюдены, извилистые малые, у пациента В. – прямые средние;
- красной строки у пациентов нет;
- интервал между строками средний;
- знаки препинания у пациента В. соблюдены, у пациента А. знаки препинания отсутствуют;
- степень выработанности у пациента В. средняя, низкая – у пациента А.;
- у пациента В. размер почерка средний, у пациента В. средний или большой (с преобладанием среднего);
- преобладает низкая связность у пациента В., средняя связность – у пациента А.;
- средний нажим у обоих пациентов;
- наклон у пациента А. вертикально-правый, у пациента В. – вертикальный;
- пациент В. ошибки исправляет поверх букв, пациент А. – не исправляет;
- грамотность у пациентов низкая;
- в тексте не имеется признаков упрощения;
- в конце предложения пациент А. точки ставит многократным повторением окружности.

В заключение хотелось бы отметить, что при сравнении анамнестических данных клинической картины выявлены определенные закономерности развития и течения психического заболевания, а также определены особенности почерка, которые могут указывать на наличие психического расстройства.

Литература

1. Атлас психического здоровья ВОЗ, 2014. URL: http://www.who.int/mental_health/evidence/atlas/mental_health_atlas_2014/ru/.
2. Собчик Л.Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМЛ. СПб.: Речь, 2000. 219 с.

М.А. Бойко

Барнаульский юридический институт МВД России

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ ЖУРНАЛИСТОВ В СВЯЗИ С ИХ ЗАКОННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Возникновение криминалистической характеристики преступления явилось естественным и закономерным результатом развития криминалистики [2, с. 3]. Именно стремление к наиболее полному выявлению криминалистически значимой информации о преступной деятельности и ее использованию в практике расследования преступлений обусловило появление и развитие данной научной категории.

Значительный вклад в развитие структуры и содержания криминалистической характеристики преступлений внесли такие известные ученые-криминалисты, как Р.С. Белкин, А.Н. Васильев, И.А. Возгрин, В.К. Гавло, И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин, С.П. Митричев, В.А. Образцов, И.Ф. Пантелеев, Н.А. Селиванов, В.Г. Танасевич, А.Г. Филиппов, Н.П. Яблоков и др.

Как любая полноценная теория, научная концепция криминалистической характеристики преступлений и до настоящего времени порождает в отношении себя острые дискуссии относительно своего понятия, содержания и структуры, места и роли в частной методике расследования.

Не вдаваясь в дискуссию относительно понятия криминалистической характеристики преступления, полагаем, что наиболее точное в теоретическом отношении и полезное в практическом отношении понятие криминалистической характеристики преступлений впервые было предложено Л.Я. Драпкиным еще в 1978 г. Он определил криминалистическую характеристику как «научную категорию, в которой с достаточной степенью конкретности описаны типичные признаки и свойства события, обстановки, способа и механизма совершения общественно опасных деяний

определенной классификационной группы, процесса образования и локализации доказательств, типологические качества личности потерпевших, а также устойчивые особенности иных объектов посягательства» [1, с. 18].

Представляется, что в структуру криминалистической характеристики преступлений, совершенных в отношении журналистов в связи с их законной профессиональной деятельностью, должны войти такие элементы, как сведения о типовой личности потерпевшего журналиста, сведения о типовой личности преступника и мотиве его поведения при совершении данной категории преступлений, сведения о способе преступления, механизме слеодообразования, данные об обстановке совершения преступления.

Выбор указанных структурных элементов обусловлен их существенным отличием от аналогичных элементов криминалистической характеристики иных категорий преступлений. Они составляют основу криминалистической характеристики и, существуя во взаимосвязи, представляют систему.

Личность потерпевшего журналиста имеет первостепенное значение в криминалистической характеристике исследуемой группы преступлений. Установление его правового статуса, признаков законной или незаконной осуществляемой им деятельности определяет обстоятельства, способствующие совершению преступления. Способ подготовки, совершения и сокрытия преступлений обусловлен такими характеризующими потерпевшего качествами, как пол, возраст, сфера профессиональных интересов и длительность законной журналистской деятельности. Именно

осуществление профессиональной деятельности, являющейся источником криминалистически значимой информации о преступлении, способствует появлению самого события преступления, а виктимологическое поведение потерпевшего журналиста в этой связи является фактором, провоцирующим к совершению преступления. В зависимости от полноты изучения личности потерпевшего, степени его конфликтности с лицами, находящимися в сфере его профессиональной деятельности, возможно получение важнейшей информации о преступнике, его мотивах и целях, способе, месте и времени совершения преступления. Именно сведения, характеризующие личность потерпевшего, его профессиональную деятельность, в значительной степени (а иногда – безусловно) определяют направления раскрытия рассматриваемых преступлений.

Личность преступника и мотивация его поведения обусловлены особым социальным статусом потерпевшего, его заинтересованностью в осуществлении правомерной, законной журналистской деятельности. Личность преступника и мотив совершения преступления отражаются в способах и следах преступной деятельности. Месть за совершение потерпевшим законной журналистской деятельности осуществляется лицом из числа объектов профессионального интереса потерпевшего, когда применяется физическое насилие при помощи как мускульной силы, так и посредством использования различных, в т.ч. специальных, средств. Однако чаще всего, особенно на первом этапе криминальной деятельности, преступники применяют психологические способы оказания давления на журналиста, в т.ч. и посредством направления в его адрес различного рода угроз. От качеств личностных характеристик преступника, его социального статуса, возраста, должностного положения зависят содержание и способ направления угроз, что отражается в непосредственно оставленных следах преступной деятельности, маскирующих или прямо указывающих на личность преступника.

Особенности обстановки рассматриваемой категории преступлений обусловлены, прежде всего, специальной сферой, в которой они совершаются, т.е. в условиях осуществления законных профессиональных обязанностей журналиста. Специфику имеют такие элементы обстановки преступления, как время, место, особенности исполнения служебных обязанностей потерпевшим, его взаимоотношение с преступником при решении конфликтной ситуации. В 41,5% случаев преступлению предшествовали конфликтные ситуации, в 48,3% случаев незадолго до соверше-

ния преступлений журналистом были получены в свой адрес угрозы. Особое значение для исследования обстановки до момента совершения преступления имеет выявление общественно-политических условий, во время которых было совершено преступление. В данном случае имеется в виду время, когда совершение преступления совпало со временем повышенной политической активности в определенном регионе или стране (например, в период выборной кампании). Время и место совершения преступления обусловлены особенностями личности преступников и руководимыми мотивами. Преступления по мотивам мести за уже опубликованные разоблачительные или скандальные материалы спустя незначительное время после обнародования таких сведений также имеют свои особенности. В 70% случаев указанные преступления совершаются в вечернее и ночное время у здания редакций либо по месту жительства журналиста, в то время как воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста в 71,4% случаев совершается в дневное время по месту исполнения им законных профессиональных обязанностей.

Наиболее характерными способами преступного воздействия на журналиста является физическое насилие и оказание психологического давления. При этом способ преступления детерминирован не только сферой профессиональных интересов потерпевшего, но и мотивами преступной деятельности. Уничтожение (повреждение) имущества журналиста, направление в его адрес угроз нередко преследуют цель оказания на него психологического давления, запугивания, лишения его возможности свободно принимать решения о дальнейших публикациях и сбору конкретного материала. Способ совершения преступления неизбежно связан с оставлением преступником материальных и идеальных следов, как бы он ни стремился их скрыть. Наравне с традиционными имеют огромное поисковое значение электронно-цифровые следы преступления, отличительной особенностью которых является наличие специальных следообразующих и следовоспринимающих объектов, в качестве которых выступают технические устройства и программные средства связи.

Представляется, что криминалистическая характеристика рассматриваемых преступлений как сущностное знание о деятельности по подготовке, совершению и их сокрытию выступает (наряду с техническими и организационными средствами) в качестве информационного средства формирования самой криминалистической методики рассматриваемой группы преступлений.

Литература

1. Драпкин Л.Я. Предмет доказывания и криминалистические характеристики преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений в методике расследования преступлений. Свердловск: Свердловский юрид. ин-т, 1978. Вып. 69.
2. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2000. № 2.

Ю.Л. Бойко, канд. юрид. наук, доцент

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Т.С. Симонова, канд. юрид. наук

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ СТРУКТУРЫ ЧАСТНОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Одним из структурных элементов частной криминалистической методики расследования отдельных видов и групп преступлений является криминалистическая профилактика. Последняя, являясь частью общей профилактики в правоохранительной деятельности, связана с установлением причин и условий, способствующих совершению преступления, с конкретизацией объектов криминалистического воздействия следователя, применения им специфических мер следственной профилактики, которые затрудняют подготовку и совершение новых преступлений преступником и связаны прежде всего с пресечением, прерыванием преступной деятельности определенных конкретных лиц. На возможность использования профилактических мер следователем в целях криминалистической науки указывали такие видные ученые-криминалисты, как Р.С. Белкин, И.М. Лузгин, И.Ф. Пантелеев, В.Г. Танасевич, И.Н. Якимов и др.

Общепринято считать, что криминалистическая профилактика – это система взглядов, представлений о закономерностях использования правонарушителем объективно существующих явлений, процессов, объектов и их свойств в качестве обстоятельств, способствующих совершению и сокрытию правонарушений, о закономерностях и основанных на них средствах, приемах и методах установления и принятия мер по устранению этих обстоятельств [1, с. 65]. Вместе с тем в криминалистике продолжает доминировать мнение о том,

что следственная и экспертно-криминалистическая профилактика является предметом и видом криминалистической деятельности и что чрезмерное расширение, а равно и сужение ее предмета одинаково неприемлемы для криминалистики, ибо не соответствуют ее служебной роли. Однако действующий уголовно-процессуальный закон (ст. 158 УПК РФ) возлагает на работников дознания и следственного аппарата специальные обязанности: выявлять причины и условия, способствовавшие преступлению, а установив их, принять специальные меры к их устранению в целях предупреждения совершения аналогичных или иных преступлений. Как известно, и те и другие с большой неохотой, а зачастую с большим формализмом относятся к выполнению этих обязанностей. Нам представляется верным разделение криминалистической профилактической деятельности на два вида: следственная профилактика (приемы следственного предупреждения преступлений) и экспертно-криминалистическая профилактика (приемы экспертно-криминалистической профилактики) [2, с. 156].

Осуществление профилактической деятельности следователя в основном происходит как в ходе непосредственного расследования, так и сразу после окончания расследования в виде предупредительных приемов и методов криминалистики. Основные средства выявления – это те следственные действия (ОМП, допросы, проверка показаний, проведение экспертиз и т.д.),

которые следователь проводит в ходе расследования для выяснения обстоятельств совершенного преступления, не ставя перед собой задачу выявления причин и условий. Только по окончании расследования он вспоминает об обязательной профилактической деятельности по конкретному расследуемому им уголовному делу. И тут возникает проблема: срок расследования оканчивается, а какие причины и условия, способствовавшие преступлению, указать в своем представлении, неясно.

В этой ситуации фантазии следователя не безграничны. Чаще всего объектом профилактики становится деятельность своих же коллег: участкового уполномоченного полиции, инспектора ПДН, реже деятельность администрации по месту работы обвиняемого.

Так, в представлении следователя СУ СК по Алтайскому краю по факту задержания двух студентов вузов г. Барнаула при закладке наркотиков в представлении указывались факты, которые в ходе расследования не выяснялись. По другому уголовному делу о причинении тяжкого вреда здоровью сослуживцами в ходе совместного распития спиртных напитков в квартире одного из них следователь в качестве причины указал: не оказание профилактических мер к виновному участковым уполномоченным, однако сам виновник непринятия этих мер допрошен не был. Таких примеров можно приводить достаточно много. Данные меры практически не всегда бывают направлены на устранение действительных причин и условий совершенного преступления, а лишь их вуалируют, делают видимость профилактических мероприятий. Вместе с тем, если из имеющихся данных становится ясно, что в ходе расследования складывается обстановка, которая реально сохраняет возможность совершить преступление такого же характера или иного плана преступления, т.е. возникает профилактическая ситуация, следователь обязан принять соответствующие меры по недопущению совершения этого преступления.

Несмотря на различные взгляды криминалистов, в большей степени практиков, на существующие формы профилактической деятельности, к основным следует отнести предусмотренные

уголовно-процессуальным законодательством следующие формы, направленные на устранение непосредственных причин и условий по конкретным уголовным делам. Это прежде всего: подготовка и направление в адрес руководителя той организации, где оно было совершено или работал преступник, представления, предписывающего организацию и принятие должных мер для устранения выявленных причин и условий, способствовавших совершению преступления; выступление перед коллективом организации, в которой работал виновный или потерпевший, самого следователя с информацией профилактического характера.

На наш взгляд, к формирующим особенностям таких профилактических ситуаций по материалам расследуемых уголовных дел можно отнести: возникшую необходимость проведения соответствующей профилактической работы именно в этот конкретный момент расследования; безусловное наличие у следователя возможности в этот период наиболее эффективно профилактически воздействовать на объект; определение объема, качества и криминогенности криминалистической информации о причинах и условиях, способствующих совершению преступления; возможность четко определить характер требуемого профилактического воздействия на выявленный объект в данный момент в реальных для следователя форме и объеме; проверку характера источников доказательственной и иной информации о причинах и способствующих условиях; установление наличия и особенностей профилактического воздействия; определение момента отсутствия или наличия процессуальных и тактических преград для его осуществления; достаточность времени, технических и иных возможностей для осуществления проводимых профилактических мероприятий.

Нам представляется, что успех криминалистическо-профилактической деятельности следователя по конкретному уголовному делу, как показывает личный опыт и следственная практика, во многом зависит от своевременного выявления и должной оценки, складывающихся при расследовании конкретного уголовного дела, следственных ситуаций профилактического характера.

Литература

1. Лузгин И.М. Расследование как процесс познания: учебное пособие. М., 1969. 178 с.
2. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001, 781 с.

Г.Е. Брызгалов

Барнаульский юридический институт МВД России

МЕХАНИЗМ СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВРЕДОНОСНЫХ ПРОГРАММ

В настоящее время одним из технических средств, наиболее часто используемых в противоправных целях, являются мобильные устройства сотовой связи (мобильные телефоны, смартфоны, планшеты и т.д.). При этом они выступают не только предметами преступлений, но и носителями криминалистически значимой информации, позволяющей раскрывать преступления, а в дальнейшем использовать полученную информацию в качестве доказательств по уголовным делам.

Природе отражения событий, связанных с совершением преступлений в сети Интернет, в последние годы уделялось много внимания, при этом важность борьбы с преступностью в сети Интернет увеличивается с каждым фактом совершения противоправных деяний.

В ходе расширенного заседания Совета Безопасности, которое прошло 26 октября 2017 г., Владимир Путин констатировал, что «уровень угроз в информационном пространстве повышается, число рисков увеличивается, а негативные последствия разного рода кибератак носят уже не локальный, а действительно глобальный характер и масштаб» [2, с. 1]. Таким образом, вновь было акцентировано внимание правоохранительных органов Российской Федерации на необходимость противодействия преступности в сети Интернет.

Однако полученные результаты исследований, позволяющие понять механизм следообразования в электронной цифровой среде для различных форм представления исходной информации, не удовлетворяют постоянно возрастающие потребности в знаниях сотрудников правоохранительных органов, необходимых для раскрытия и расследования хищений денежных средств, совершаемых с использованием вредоносных программ. Поэтому наблюдаются ошибки и недочеты, в результате чего большинство уголовных дел не доходит до судебного разбирательства.

Деятельность правоохранительных органов по указанным делам часто нерезультативна из-за отсутствия системных знаний о механизме сле-

дообразования, методических началах предварительного расследования по уголовным делам данной категории и имеющихся научно-технических достижениях в этой области.

В настоящее время продолжают дискуссии по поводу следов преступной деятельности, оставляемых в сети Интернет, при этом учёные сходятся на том, что их нельзя называть традиционными и относить к одной существующей в криминалистике группе следов.

В своей научной работе мы придерживаемся точки зрения В.А. Мещерякова, который ввёл термин «виртуальный след» и определил его как «...любое изменение состояния автоматизированной информационной системы (образованного ею “кибернетического пространства”), связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации (то есть информации в виде, пригодном для машинной обработки) на материальном носителе, в том числе на электромагнитном поле» [3, с. 104].

При осуществлении предварительного расследования по уголовным делам о хищениях денежных средств, совершаемых с использованием вредоносных программ, следователем назначается множество судебных экспертиз, таких как авторовередческо-лингвистические, компьютерные, программно-технические, фоноскопические и др. с целью получения информации, изобличающей соучастников преступной деятельности и приводящей доказательства виновности указанных лиц.

Особую сложность представляет длительность проведения указанных выше судебных экспертиз по причине большого объёма информации, находящейся на изъятых цифровых носителях, которую группе следователей, обладающих знаниями о механизме следообразования при совершении данных преступлений, необходимо сначала осмотреть, после чего проанализировать и только затем представить для проведения указанных экспертиз.

Программно-технические судебные экспертизы – наиболее информативные и показательные по обнаружению виртуальных следов находже-

ния на мобильном устройстве сотовой связи вредоносных программ.

В ходе проведения программно-технической судебной экспертизы экспертом могут быть обнаружены виртуальные следы нахождения на мобильном устройстве сотовой связи вредоносных компьютерных программ или приложений, идентифицируемых как вредоносные (например, Odnoklassniki.apk, Odnoklassniki 203-1.ap, Odnoklassniki 203.apk, com.ex.reset-3.apk), наличие которых может служить доказательством незаконного проникновения в программное обеспечение мобильного устройства сотовой связи с целью удалённо управлять мобильным устройством. Управление заключается в подчинении командам, приходящим с сервера, подконтрольного преступникам, при этом преступники способны управлять устройством, отправлять смс-сообщения, перехватывать и пересылать входящие смс-сообщения на подконтрольный им сервер, а также скачивать на указанный сервер персональные данные с мобильного устройства сотовой связи [1].

При производстве программно-технических судебных экспертиз, прежде всего, устанавливается принцип действия вредоносной программы, а также с какого сервера, когда она попала в мобильное устройство сотовой связи и каков её функционал.

При назначении указанных экспертиз необходимо предоставлять эксперту не только мобильное устройство сотовой связи, но и обязательно оптический диск, на котором записаны вредоносные программы или приложения, изъятые экспертами при производстве исследования. Это обусловлено тем, что в ряде случаев после производства исследования абонентские устройства возвращались собственникам, и при дальнейшем использовании указанных устройств вредоносные программы либо удалялись установленным антивирусом, либо вновь подвергались установке из сети Интернет. Таким образом, первоначально изъятая и записанная на оптический диск вредоносная программа имеет доказательственное значение для уголовного дела.

Обобщая все вышесказанное, хотелось бы отметить, что следователям необходимо обладать знаниями о механизме слеодообразования и виртуальных следах с целью эффективного использования этих знаний при расследовании уголовных дел данной категории и получения максимального количества информации и доказательств.

Также необходимо обратить внимание на важность продолжения исследования механизма слеодообразования по уголовным делам о хищениях денежных средств, совершаемых с использованием вредоносных программ, т.к. от этого зависит результативность деятельности следователей.

Литература

1. Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула, 2017. Д. № 1-18/2017.
2. Материалы расширенного заседания Совета Безопасности от 26.10.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/55924> (дата обращения: 29.11.2017).
3. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. 408 с.

*И.О. Жук, канд. юрид. наук, доцент
Нижегородская академия МВД России*

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТИ СУБЪЕКТА ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вопрос о личности субъекта преступной деятельности, связанной с экстремизмом, является центральным и важнейшим элементом криминалистической характеристики. Являясь универсальным источником воспроизводства и накопления многообразной информации, личность

правонарушителя изучается с позиций многих наук: уголовного права, криминологии, оперативно-разыскной деятельности, психологии и т.д. Для криминалистической характеристики экстремистской деятельности в первую очередь важны такие данные о личности субъекта, кото-

рые указывают на ее закономерности с совершенным преступлением, проявляющиеся в многообразных следах – последствиях совершенного общественно опасного противоправного деяния. В этом плане личность целесообразно изучать не только как источник информации о совершенном преступлении, связанном с экстремизмом, но и как одно из важнейших средств его раскрытия и расследования.

При этом необходимо учитывать следующие сведения о личности субъекта преступной деятельности: его статус, целевая установка, мотивация, операциональная установка, ролевые функции, преступные и иные связи, свойства характера, пристрастия [2, с. 50].

Информацию о личности субъекта экстремистской деятельности можно получить путем тщательного изучения материалов предварительной проверки или уголовного дела, по результатам анализа обстановки, из свидетельских показаний, из источников оперативно-разыскной информации. При этом важно выяснить психологическую характеристику субъекта, что позволит выдвинуть версии о круге лиц и определить способ его установления и изобличения.

Данные о субъекте преступной деятельности, связанной с экстремизмом, могут иметь значение для установления причин, целей, мотивов и характера его противоправных действий. Поэтому следователю по уголовному делу, связанному с экстремистской деятельностью, необходимо выяснить:

- образование, род занятий, опыт субъекта преступления, включая профессиональный и криминальный;
- характер, направленность личности, особенности воспитания в семье, школе и т.д.;
- отношение к окружающим, в т.ч. к иностранным гражданам по национальному и расовому признакам;
- занятие какой-либо деятельностью, есть ли связь с экстремизмом;
- не поддерживает ли он взгляды о разделении наций и рас на высшие, избранные и неполноценные;
- какую литературу читает, изучает, а какую не признает и где и у кого приобретает;
- поддерживает ли контакты с лицами, занимающими экстремистские позиции, если да, то с кем именно, в чем они проявлялись;
- уровень интеллекта, психическое состояние;
- наличие заинтересованности и увлечения;
- уровень материального благосостояния, источник и размер доходов;

- участвовал ли ранее в каких-либо конфликтных ситуациях, в т.ч. на национальной, расовой почве, если да, то в каких;

- привлекался ли ранее к административной ответственности, если да, то когда, кем, как реагировал на это и изменил ли свое поведение;

- привлекался ли ранее к уголовной ответственности, в т.ч. и за совершение преступлений экстремистской направленности.

Особенности личности экстремиста связаны с тем, что в основном преступления данной категории совершаются людьми молодого возраста и несовершеннолетними. Это во многом понятно, поскольку именно молодым людям присущи радикализм во взглядах и оценках и максимализм в неприятии несправедливостей. Кроме того, молодежь подвержена влиянию со стороны идеологов экстремистских учений.

В большинстве случаев это молодые люди в возрасте до 20 лет (в редких случаях до 30 лет), выступающие членами неформальных молодежных экстремистских группировок. Причем разница в 1 год и больше, особенно в 16 лет, является заметной, поскольку команды, исходящие от 20-летнего экстремиста, будут исполняться 16-летними и соответственно игнорироваться соратниками 30-летнего возраста. При этом, возрастная группа показательна при совершении конкретных преступлений экстремистской направленности. Учитывая психологию несовершеннолетних лиц, проще управлять ими и направить молодого экстремиста на совершение более изощренного насильственного преступления.

Как показывает правоприменительная практика, у них в основном низкий образовательный уровень, что естественно, связано с их возрастом. На момент совершения преступления они либо обучаются в различных учебных заведениях: школах, ПТУ, техникумах, колледжах, гимназиях, в вузах, либо нигде не учатся и не работают. Большинство из виновных не имеют судимости. Субъектами преступлений данной категории, как правило, выступают юноши, однако членами неформальных молодежных экстремистских группировок наряду с молодыми людьми являются и девушки.

Действия экстремистских неформальных молодежных объединений часто носят скандальный и политизированный характер и поэтому привлекают пристальное внимание журналистов.

Так, в Москве огласили приговор бывшей студентке философского факультета МГУ Александре Ивановой, больше известной как Варвара Караулова, которая летом 2015 г.

пыталась пробраться в Сирию, чтобы примкнуть к запрещенной группировке ИГИЛ [1].

Социальная природа и психология молодых людей, выражающаяся в потребности к общению, самоутверждению, завоеванию внимания и признания, отчасти объясняет их стремление к объединению в группы, что выступает причиной возникновения и основой существования молодежных преступных группировок:

- объединений несовершеннолетних правонарушителей;

- молодежных экстремистских групп.

В силу своих особенностей, в т.ч. психологических, лица молодого возраста, не имея четких жизненных ориентиров, достаточно внушаемы.

Высокая подверженность влиянию обуславливает тот факт, что характерным признаком молодежных преступных группировок является наличие лидера-руководителя: инициатора идей, организатора действий группы или отдельных лиц, который оказывает на них сильное влияние, мнение которого является определяющим.

Таким образом, личность субъекта экстремистской деятельности отличается своеобразием, склонностью к аффективным состояниям, борьбой за чистоту расы, проповедующая религиозную нетерпимость, имеющая установки, образ врага, противопоставляющая себя внешнему миру и стремящаяся к достижению цели кратчайшим путем.

Литература

1. В Москве оглашен приговор Варваре Карауловой, которая пыталась примкнуть к запрещенной ИГИЛ. URL: <https://www.1tv.ru/news/2016/12/22/316662> (дата обращения: 15.01.2017).

2. Криминалистика. Расследование преступлений в сфере экономики: учебник / под ред. проф. В.Д. Грабовского, доц. А.Ф. Лубина. Н. Новгород: НВШ МВД РФ, 1995.

Н.Н. Ильин, канд. юрид. наук

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

О НАПРАВЛЕНИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ЦЕЛЯХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Рассматривая содержание криминалистического установления личности, необходимо подчеркнуть, что в процессе его осуществления выясняется причастность конкретного человека к фактам и событиям, интересующим органы дознания, следствия и суд. Как верно отмечается некоторыми учеными [2, 4], использование следователем средств массовой информации и современных возможностей информационно-телекоммуникационных систем существенным образом помогает в расследовании преступлений.

Однако несмотря на то, что проблемам криминалистического установления личности посвящено достаточно много исследований [1, 3, 5], в настоящее время требуется усовершенствование теоретических основ использования информации не только о свойствах и признаках преступника, жертвы, но и других лиц для последующей их реализации при раскрытии и расследования преступлений.

Представляется, что на современном этапе развития криминалистического учения о личности необходимо комплексно исследовать различные направления организации деятельности следователя по использованию результатов оперативно-разыскных мероприятий, следственных действий, судебных экспертиз, различных учетов, а также достижений науки и техники. В связи с этим можно выделить следующие направления криминалистического установления личности:

1) оперативно-разыскное – получение информации о личности с помощью оперативно-разыскных мероприятий (например, опрос, наведение справок, наблюдение, оперативное внедрение, отождествление личности);

2) следственное (процессуальное) – установление личности при производстве следственных действий (например, допрос, очная ставка, осмотр места происшествия, осмотр предметов и

документов, предъявление лица для опознания, проверка показаний на месте);

3) экспертное – получение информации о личности при производстве судебных экспертиз: а) непосредственное (прямое, конкретное) установление личности (например, с помощью дактилоскопической, почерковедческой, фоноскопической, молекулярно-генетической и т.д.), б) опосредованное (косвенное) установление личности (например, с помощью баллистической, компьютерно-технической и т.д.);

4) регистрационное – получение информации о личности при проверке по различным учетам;

5) информационно-техническое – использование современных достижений науки и техники, а также средств массовой информации и общест-венности: а) установление личности с помощью технических средств, б) установление личности с помощью средств массовой информации и общественности, в) установление личности с помощью средств информационно-телекоммуникационных систем (в т.ч. сети Интернет).

Исходя из приведенной классификации, просматривается комплексный подход при получении криминалистически значимой информации в целях установления личности человека.

Следует согласиться с мнением о том, что установление свойств личности потерпевшего, его связей с преступником позволит следователю либо иным субъектам выдвинуть обоснованные версии о личности самого преступника, собрать информацию о причастности конкретного лица к совершению преступления и т.д. [1, с. 15-26]. Связь преступника и его жертвы может быть установлена при изучении обстановки места происшествия, исследовании различных следов и объектов, а также личных особенностей и образа жизни потерпевшего.

Опираясь на данную концепцию, предлагаем криминалистическое установление личности классифицировать следующим образом:

1) в зависимости от типа устанавливаемого лица: а) установление личности лица, совершившего преступление (исполнитель), б) установление личности лица, причастного к совершению преступления (организатор, подстрекатель, пособник), в) установление личности потерпевшего, г) установление личности свидетелей;

2) в зависимости от лица, оставившего следы на месте происшествия: а) установление личности лица, совершившего преступление,

б) установление личности жертвы преступления, в) установление личности очевидцев, г) установление личности иных лиц, случайно оставивших следы (следователем, оперативным сотрудником, специалистом);

3) в зависимости от способов установления:

а) установление личности с помощью специальных знаний (с помощью судебных экспертиз и исследований), б) установление личности с помощью оперативно-разыскных мероприятий (например, опрос, наведение справок, наблюдение, оперативное внедрение, отождествление личности), учетов (например, криминалистические учеты) и следственных действий (например, допрос, очная ставка, осмотр места происшествия, осмотр предметов и документов, предъявление лица для опознания, проверка показаний на месте), в) установление личности с помощью технических средств, г) установление личности с помощью средств массовой информации и общественности, д) установление личности с помощью средств информационно-телекоммуникационных систем (в т.ч. сети Интернет);

4) в зависимости от субъекта установления:

а) установление личности следователем (дознавателем), б) установление личности оперативным сотрудником, в) установление личности экспертом или специалистом;

5) в зависимости от полученной информации:

а) установление личности по первично собранной информации, б) установление личности по вторично собранной информации (промежуточное); в) установление личности на основе полной собранной информации (итоговое);

б) в зависимости от следов преступления:

а) установление личности по материальным следам, б) установление личности по идеальным следам; в) установление личности по электронным или цифровым (виртуальным) следам.

Не претендуя на исчерпывающее изложение проблемы, полагаем, что обсуждение рассматриваемых вопросов позволит уяснить актуальность постановки проблемы, расширить перспективы теоретического развития криминалистического учения о личности, чтобы в последующем использовать результаты в учебном процессе в высших учебных заведениях, а также практических исследованиях для установления личности при раскрытии и расследований преступлений.

Литература

1. Джуманбетова А.А. Использование специальных знаний при установлении связи «преступник-жертва»: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 189 с.

2. Лозовский Д.Н. Актуальные вопросы взаимодействия средств массовой информации с правоохранительными органами в процессе расследования преступлений // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 194-196.

3. Малыхина Н.И. Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2017. 403 с.

4. Першин А.Н., Сидорова К.С. Использование ресурсов информационно-телекоммуникационной сети Интернет в розыскной деятельности следователя // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2017. № 4 (33). С. 320-325.

5. Поврезнюк Г.И. Теория и практика криминалистического установления личности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 432 с.

И.Я. Ильина

Барнаульский юридический институт МВД России

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА И ИНТЕРНЕТ-ПРОДАЖА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ – СУРРОГАТА АЛКОГОЛЯ

Ежегодно в России происходит падение легального рынка алкогольной продукции. Основной поток фальсифицированной безакцизной алкогольной продукции в Сибирь идет с Северного Кавказа. И если стационарные торговые точки, реализующие суррогат алкогольной продукции, еще можно как-то выявлять и закрывать, то точки, торгующие суррогатами алкоголя посредством сети Интернет, вообще не поддаются точному учету и выявлению. Целевой аудиторией таких продавцов является молодежь, которая легко поддается влиянию извне, у них нет чувства страха, присутствует переоценка своих сил, бравада перед сверстниками.

Реалии современной России таковы, что детский и подростковый алкоголизм уже никого не удивляет. Возраст, с которого дети начинают пробовать алкогольную продукцию, постоянно снижается. Тридцать три процента мальчиков и двадцать процентов девочек пьют с 13 лет и даже раньше, каждый день [2]. В настоящее время уже не редкость, когда на лечении в специализированных медицинских учреждениях находятся несовершеннолетние в возрасте 13-15 лет, имеющие значительный «алкогольный» стаж. В беседах с подростками о том, где и как они покупают алкоголь, большинство из них называют мелкие торговые точки, покупку с рук или через интернет.

Степень проработанности рассматриваемых вопросов, несмотря на их острую и постоянную актуальность, невелика. Серьезные публикации на данную тему отсутствуют, а имеющиеся носят обрывочный характер и не позволяют увидеть глубину и остроту проблемы. Среди юристов, занимающихся исследованием темы суррогата алкоголя, можно назвать В.Н. Коротуна, В.И. Витера, Е.В. Кучину и других авторов. Исследования на тему розничной продажи несовершеннолетним суррогатной алкогольной продукции практически отсутствуют.

Согласно пункту 7 ст. 2 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» под алкогольной продукцией понимается пищевая продукция, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5% объема готовой продукции, за исключением пищевой продукции в соответствии с перечнем, установленным Правительством Российской Федерации. Алкогольная продукция подразделяется на такие

виды, как спиртные напитки (в т.ч. водка, коньяк), вино, фруктовое вино, ликерное вино, игристое вино (шампанское), винные напитки, пиво и напитки, изготавливаемые на основе пива, сидр, пуаре, медовуха [4].

Следует отметить, что ни в научной юридической литературе, ни в действующем законодательстве РФ нет четкого определения понятия суррогата алкогольной продукции. До 90-х гг. прошлого века в отечественной специальной литературе либо отсутствовало упоминание о суррогатах алкоголя, либо отмечалось, что неправильно называть суррогатами алкоголя любые вещества, которые употребляются вместо спиртных напитков. Термин «суррогат алкоголя» был описан в судебно-медицинской литературе и стал широко применяться с 90-х гг. прошлого столетия и распространяться фактически на все спиртосодержащие жидкости, не отвечающие предъявляемым к алкогольной продукции требованиям [1].

Действующее законодательство РФ, в частности ст. 151.1 УК РФ, не содержит понятия суррогата алкоголя для целей применения в указанной статье и не предусматривает ответственности за розничную продажу несовершеннолетним указанной алкогольной продукции ни на стационарных торговых точках – как легальных, так и нелегальных, ни посредством сети Интернет. Статья 151.1 УК РФ предполагает ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, если это деяние совершено неоднократно на легальных стационарных торговых точках [5]. Анализируя научную литературу, касающуюся понятий суррогата алкоголя, а также практику применения указанного понятия, представляется, что наиболее правильно будет понимать термин «суррогат алкоголя» в узком и широком смыслах, и отнести к понятию суррогата алкоголя в узком смысле спиртосодержащую продукцию, не отвечающую требованиям, предъявляемым к алкогольной продукции в соответствии с действующим законодательством РФ, производимую не в промышленных масштабах, чаще всего в домашних условиях, и реализуемую преимущественно на нелегальных стационарных «торговых» точках. Суррогат алкоголя в широком смысле – это спиртосодержащая продукция, не отвечающая требованиям, предъявляемым к алкогольной продукции в соответствии с действующим законодательством РФ, производимая в промышленных масштабах с элементами имитации под алкогольную продукцию, соответствующую действующему законодательству РФ чаще

всего известных и наиболее популярных брендов, и реализуемая преимущественно на легальных стационарных торговых точках. Представляется целесообразным внести в ст. 151.1 УК РФ изменения относительно розничной интернет-продажи несовершеннолетним алкогольной продукции – суррогата алкоголя.

В настоящее время в интернете существует большое количество сайтов, которые предлагают широкий выбор алкогольной продукции, в т.ч. и фальсифицированной, купить которую может и несовершеннолетний. Интернет-торговля алкоголем была запрещена в России в 2017 г. По оценкам эксперта алкогольного рынка Вадима Дробиза, 70% продаваемого таким образом алкоголя – суррогат [1].

Минфин России предлагает лицензировать деятельность по осуществлению розничной продажи алкогольной продукции через Интернет. Предполагается, что соответствующий Федеральный закон вступит в силу с 1 января 2018 г. Однако указанный нормативный акт не затрагивает продажу суррогатов алкогольной продукции несовершеннолетним, вред от которых значительно больше, особенно если учитывать, что продажа будет осуществляться несовершеннолетним [3].

Самым печальным в данной ситуации можно назвать то обстоятельство, что розничная интернет-продажа несовершеннолетним алкогольной продукции – суррогата алкоголя является еще более латентным явлением, чем розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции посредством стационарных торговых точек (как легальных, так и нелегальных). Статистика случаев такой продажи суррогатной алкогольной продукции несовершеннолетним не ведется.

Таким образом, суррогатная алкогольная продукция для целей применения в ст. 151.1 УК РФ – это алкогольная продукция, не отвечающая требованиям, предъявляемым действующим законодательством РФ, производимая в промышленных и непромышленных масштабах с элементами имитации под алкогольную продукцию, соответствующую действующему законодательству РФ и без элементов имитации, реализуемая на легальных и нелегальных стационарных торговых точках, а также реализуемая с использованием сети Интернет широкому кругу лиц, в т.ч. и несовершеннолетним гражданам, зачастую реализуемая способами, имеющими высокий процент латентности к выявлению таких случаев розничной продажи суррогатной алкогольной продукции.

Литература

1. Коротун В.Н., Витер В.И. К вопросу о корректности применения термина «суррогат алкоголя» в судебной медицине. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-korrektnosti-primeneniya-termina-surrogat-alkogolya-v-sudebnoy-meditsine>.
2. Леонтьев А. Сократить употребление алкоголя в России вдвое – это реальная задача. URL: <http://pravoslavie.ru/51708.html>.
3. Минфин расширил список разрешенного для онлайн-продажи алкоголя. URL: <https://www.rbc.ru/business/31/07/2017/597f5f309a7947a8fe588f38>.
4. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Ж.Ю. Кабанова, канд. юрид. наук, доцент
Кузбасский институт ФСИН России

О ПОНЯТИИ СУЩНОСТИ «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

На протяжении развития криминалистики у большинства ученых сформировалась устоявшаяся на настоящее время позиция, что криминалистика – это «наука, способствовавшая своими положениями деятельности правоохранительных органов по установлению истины в судопроизводстве, отправлению правосудия и предупреждению преступлений» [1, с. 32]. Исходя из представленного понятия, можно предположить, что криминалистика является обеспечительной для правоохранительной деятельности. Последняя выражается в различных формах: уголовно-процессуальной; оперативно-разыскной; административной; уголовно-исполнительной и иной. Каждая форма отражена в определенном виде правоохранительной деятельности, которая касается непосредственно или опосредованно борьбы с преступностью в целом и каждым преступлением в отдельности. Поэтому при осуществлении правоохранительной деятельности, направленной на борьбу с преступностью в различных ее формах, используется криминалистическая деятельность.

В настоящее время в научной криминалистической литературе все чаще встречается термин «криминалистическая деятельность». Отдельные авторы проводят исследования по понятию и содержанию криминалистической деятельности, рассматривая вопросы соотношения понятий

«криминалистическая деятельность», «криминалистическое обеспечение» [6, с. 115]; типологии криминалистической деятельности, доказывания в гражданском (арбитражном) судопроизводстве с помощью криминалистической деятельности [3, с. 1070] и др.

Термин «криминалистическая деятельность» встречается и в учебной криминалистической литературе. Так, Н.П. Яблоков, рассматривая объект криминалистики, пишет: «в криминалистике можно выделить два объекта или двуединый объект познания – преступную деятельность и криминалистическую деятельность по ее расследованию и предупреждению. Криминалистическая деятельность, антагонистическая преступной деятельности и порожденная последней, также разделяется на несколько видов в зависимости от специфики стоящих перед ней задач в борьбе с преступностью: криминалистическая деятельность по раскрытию и расследованию преступлений (в определенной мере деятельность по судебному рассмотрению уголовных дел); экспертно-криминалистическая деятельность; криминалистическая профилактическая деятельность; оперативно-разыскная деятельность; криминалистическая научно-педагогическая деятельность» [5, с. 4; 6, с. 5]. Как видим, ученый использует термин «криминалистическая деятельность», но не дает его четкого понятия, связывая

его с деятельностью по расследованию и предупреждению преступлений. Из анализа позиции Н.П. Яблокова следует, что не все считается криминалистическим, изучающимся в рамках науки «криминалистики», а только деятельность по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. Но остальные виды криминалистической деятельности также обеспечивают процесс раскрытия, расследования и предупреждения преступлений: экспертно-криминалистическая, профилактическая и др. Поэтому криминалистическая деятельность имеет место быть в любом виде правоохранительной деятельности, с помощью которых обеспечивается процесс раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, например повседневная учетно-регистрационная деятельность.

Одним из первых о криминалистической деятельности высказал свою позицию в диссертационном исследовании, посвященном предмету криминалистики, Р.Г. Домбровский. В ней автор обосновал, что криминалистика является формой практической деятельности, поэтому следует выделять криминалистическую деятельность как совокупность приемов и методов практического действия (практическое познание) и научную криминалистическую деятельность как совокупность методов научного познания [2, с. 2-4]. Рассуждая над данным положением, следует отметить, что форма является одним из структурных элементов деятельности. Однако не любая деятельность может иметь форму, отражаться в нормативных правовых актах, документах, в отличие, например, от деятельности по расследова-

нию преступлений, рассмотрению и разрешению уголовных дел в суде, имеющей уголовно-процессуальную форму, закрепленной в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Кроме этого, не вся деятельность отражается в материальной форме, к примеру мыслительная деятельность. Следовательно, любая деятельность имеет форму, которая не всегда является материальной и отраженной в натуре, документах, нормативных правовых актах. Думается, что и криминалистика имеет собственную форму, которая может носить материальный и нематериальный характер. Нематериальная форма, отображается через поисково-мыслительную деятельность, возникающую, например, при оценке следственной (доследственной и иной) ситуации, выдвижении криминалистических версий, планировании производства отдельных уголовно-процессуальных действий, оперативно-разыскных мероприятий, раскрытии, расследовании преступления в целом. Материальную собственную форму криминалистика как вид практической правоохранительной деятельности приобретает при осуществлении процесса, связанного с выявлением, обнаружением, изъятием и фиксацией следов преступлений; дактилоскопированием живых лиц и трупов; составлением словесных портретов и т.д. Результатами таких процессов являются слепки следов.

Таким образом, криминалистическая деятельность – это вид деятельности, имеющей собственную форму, которая может носить материальный и нематериальный характер, и реализующейся в разных видах правоохранительной деятельности.

Литература

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
2. Домбровский Р.Г. Предмет криминалистики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1974.
3. Жижина М.В. Доказывание в гражданском (арбитражном) судопроизводстве и криминалистическая деятельность // Lexrussica. 2014. № 9. С. 1070-1078.
4. Зайналабидов А. Типология криминалистической деятельности // Юридический мир. 2011. № 11.
5. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001.
6. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005.
7. Шутемова Т.В. Криминалистическая деятельность и криминалистическое обеспечение: соотношение понятия // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 2 (52). С. 115-119.

Н.В. Кондраткова, канд. экон. наук

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ЗА ТРУД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ

Основной закон государства гарантирует каждому право на вознаграждение за труд (ч. 3 ст. 37 Конституции Российской Федерации). В то же время кризисы капиталистической экономики, проявляющиеся все чаще, оказывают все более разрушительное воздействие на рынок труда, провоцируя нарушения прав трудящихся и рост безработицы. Задержки в выплате заработной платы могут быть обусловлены не только экономическими причинами, но и наличием у руководства предприятия умысла на невыплату зарплаты по личным соображениям.

В последнем случае с целью восстановления нарушенных прав работников ст. 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) установлена ответственность за невыплату заработной платы. Количество сообщений о преступлениях, предусмотренных указанной статьей, ежегодно растет (в январе-сентябре 2016 г. данный показатель вырос на 17,3% по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. и составил 7 575 сообщений), так же как и увеличивается количество возбужденных уголовных дел (рост составил 85,6%, или 1 214 дел, вместо 654 за аналогичный период 2015 г.) [1]. В ходе предварительного следствия и доследственных проверок работодателями было возмещено более 2,2 млрд рублей, что не только определяет качественные показатели работы следователей, но и эффективность уголовно-правовых механизмов защиты конституционных прав граждан.

Вместе с тем, как показывает следственно-судебная практика, при расследовании уголовных дел рассматриваемой категории возникает ряд трудностей, среди которых необходимость изучения большого объема бухгалтерской документации; проведения судебной бухгалтерской экспертизы; значительное число потерпевших; отказ потерпевших являться по вызову следователя ввиду отсутствия правовых оснований для взыскания с работодателя задолженности по «серой» заработной плате, значительно превышающей размер указанного в трудовом соглашении вознаграждения; подтверждения факта трудовых отношений и размера произведенных выплат (задолженно-

сти) при отсутствии на предприятии надлежащего кадрового учета либо отказа работодателя в предоставлении следователю информации (документов). Роль указанных факторов является существенной при наличии риска истечения двухлетнего срока привлечения к уголовной ответственности, в последнем же случае существует риск признания судом неполноты экспертного исследования и его последующего исключения из числа доказательств.

Определенные трудности у следователей вызывает и отсутствие единой методики расчета периодов полной и частичной невыплаты заработной платы. Так, в рамках нескольких уголовных дел, возбужденных по ст. 145 УК РФ, были проведены бухгалтерские экспертизы, в ходе которых эксперты по-разному рассчитали периоды полной невыплаты заработной платы. В одном случае эксперт указал, что работнику в полном объеме не выплачивалась заработная плата свыше двух месяцев в периоды: с 26.07.2014 по 26.09.2014 (сумма задолженности на 26.09.2014 составила 8404 рубля), с 26.08.2014 по 26.10.2014 (сумма задолженности на 26.10.2014 составила 8404 рубля), с 26.09.2014 по 26.11.2014 (сумма задолженности на 26.11.2014 составила 11 593 рубля). В другом случае эксперт ограничился указанием на невыплату заработной платы свыше двух месяцев в полном объеме, подлежащей выплате в июле 2014 г., в сумме 53 015 рублей. В третьем случае указан период невыплаты, например, с 01.09.2016 по 30.11.2016 в срок до 30.01.2017 в размере 21 128 рублей; в четвертом, отталкиваясь от размера задолженности в сумме 53 101 рубля, эксперт указывает отработанное время в период с 11.10.2013 по 10.03.2014.

Наиболее удачной представляется формулировка, приведенная в Приговоре Шахунского районного суда Нижегородской области [3], согласно которой подсудимый свыше двух месяцев не выплачивал заработную плату работнику: за сентябрь 2011 г. в размере 2487 рублей, за октябрь 2011 г. в размере 2487 рублей, за ноябрь 2011 г. в размере 2487 рублей, за декабрь 2011 г. в размере 2487 рублей. Общий размер невыплаченной на

протяжении более двух месяцев в полном объеме заработной платы составляет 9948 рублей.

Еще одной причиной формирования разрозненной судебной практики являются проблемы доказывания мотива невыплаты заработной платы в виде иной личной заинтересованности. Так, органами предварительного расследования Н. обвинялся в невыплате заработной платы из иной личной заинтересованности, выразившейся в производстве расчетов с поставщиками, погашении кредитов, уплате налогов и других обязательных платежей. По версии следствия, пренебрегая конституционными правами работников, Н. осуществлял действия, направленные на поддержание деловой репутации и финансовой состоятельности предприятия, руководителем и учредителем которого он являлся. Приговором Ноябрьского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 24.02.2014 Н. оправдан в связи с отсутствием состава преступления [2]. Решение суд мотивировал тем, что задолженность по заработной плате образовалась из-за неисполнения финансовых обязательств контрагентом предприятия. Кроме того, установлено неоднократное внесение Н. в кассу предприятия денежных средств в виде беспроцентных займов, что, по мнению суда, опро-

вергает наличие умысла на невыплату зарплаты из иной личной заинтересованности.

Представляется справедливым, что при изложенных обстоятельствах мотив не нашел подтверждения в суде, поскольку задержка в выплате заработной платы была вызвана объективными причинами, а Н. предпринимал действия для погашения задолженности. Однако образование дебиторской задолженности само по себе не исключает наличия в действиях руководителя состава преступления. Во избежание ошибок органам следствия необходимо установить причины возникновения задолженности, например, исключить риск ее преднамеренного образования по договорам с аффилированными лицами, увода денежных средств через фирмы-однодневки и т.д.

Достаточно часто в качестве обоснования иной личной заинтересованности следователи также указывают на желание руководителя сохранить высокооплачиваемый пост, но при этом не приводят соответствующих пояснений. Интересной в этом плане является практика, связанная с анализом рынка труда, в т.ч. посредством направления запросов о наличии вакантных должностей аналогичных занимаемой неплательщиком заработной платы по размеру денежного вознаграждения.

Литература

1. В СКР прошло совещание, касающееся практики расследования уголовных дел о невыплате заработной платы // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1084414/> (дата обращения: 27.01.2017).
2. Приговор Ноябрьского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 24.02.2014 по делу № 10-11/2014. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/7YKZ8oMWczr8/> (дата обращения: 27.01.2017).
3. Приговор Шахунского районного суда Нижегородской области от 28.11.2012 по делу № 1-182/12. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/104602110/#ixzz4znf7fBds> (дата обращения: 27.01.2017).

С.Е. Кузнецов

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

ВИДЕОЗАПИСЬ КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ

Одной из основных задач следователя в ходе расследования уголовного дела является фиксация следов преступления, позволяющая в дальнейшем восстановить цепь предшествующих ему событий и картину самого деяния.

Для решения указанной задачи следователем применяются различные технические средства, позволяющие наиболее полно воспроизвести картину преступления. Появление в арсенале следователя видеозаписи как средства фиксации

объективной реальности явилось естественным отражением технического прогресса – появления технических средств фиксации объективной реальности в динамике. Нельзя по данному поводу не указать мнение Р.С. Белкина, который справедливо отметил, что «видеозапись сочетает простоту фотографии, динамику кинематографического изображения и достоинства звукозаписи перед “немым” отображением объектов фиксации. Стремительное развитие видеоаппаратуры. Особенно цифровой. Открывает перед этим способом фиксации доказательственной информации широкие и многообещающие перспективы» [1, с. 170].

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством видеозапись может применяться как средство фиксации объективной реальности. Возможность ее использования установлена ч. 6 ст. 164 УПК РФ, предусматривающей применение технических средств фиксации следов и вещественных доказательств, к которым относится и видеозапись.

Представляется, что в настоящее время видеозапись как источник доказательственной информации можно рассматривать в трех аспектах, соответствующих действующему уголовно-процессуальному законодательству.

Первый аспект: видеозапись можно рассматривать как самостоятельное доказательство, если с ее помощью зафиксированы преступные деяния, в таком случае сама запись является средством обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела (п. 3 ч. 1 ст. 81 УПК РФ). В данном случае фиксация изображения и звука производится очевидцами произошедшего либо системами видеонаблюдений, установленными в различных местах скопления людей. Таким образом, фиксация не связана с производством по уголовному делу, а сама запись в последующем изымается в ходе расследования преступления.

Второй аспект: в соответствии с ч. 2 ст. 84 УПК РФ видеозапись может относиться к документам, содержащим сведения по уголовному делу, в результате фиксации какого-либо юридически значимого факта. В данном случае на видеозаписи фиксируются сведения, которые могут быть доказательственной информацией по уголовным делам о совершенных преступлениях, поэтому следует согласиться, что неразумно было бы не использовать такого рода носители доказательственной информации в интересах быстрого и полного расследования и раскрытия совершенных преступлений и изобличения виновных. В данном случае видеозапись как относящаяся к

документам вещественное доказательство является самостоятельным источником доказательств.

Третий аспект: видеозапись рассматривается как способ фиксации следственных, оперативно-разыскных, судебных мероприятий, а также производства экспертиз. Результат применения видеозаписи в ходе производства следственных действий прилагается к письменному протоколу следственного действия и является его частью (ч. 8 ст. 166 УПК РФ). Помимо следственных действий, возможна фиксация изображения и звука в ходе оперативно-разыскных мероприятий (ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»). Применение видеозаписи при производстве следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий позволяет с документальной точностью фиксировать исследуемое событие в динамике, например воспроизведение обстановки и обстоятельств события, а также сохранять зафиксированную информацию о динамических признаках объекта. Воспроизводить и оценивать ее в любое время на предварительном следствии и в суде [3, с. 103].

Не обходится без видеозаписи и в суде, где предусмотрена возможность использования систем фиксации и передачи изображения и звука в ходе судебного разбирательства, например в случае допроса свидетеля путем использования систем видеоконференцсвязи (ст. 278¹ УПК РФ). Видеоконференцсвязь является особой или специальной разновидностью видеозаписи и используется при значительном удалении места производства судебного разбирательства от места проживания или нахождения свидетеля, затрудненном транспортном сообщении между этими населенными пунктами; обременительных (т.ч. в финансовом плане) для свидетеля затрат на проезд к месту проведения судебного разбирательства; наличии заболеваний, препятствующих или делающих невозможным явку в судебное заседание; наличии угроз для его безопасности, нейтрализация которых может быть достигнута посредством применения системы видеоконференцсвязи [2, с. 607].

В последнее время широко используется возможность видеосъемки исследований в рамках производства судебной экспертизы. Так, при производстве экспертиз зачастую требуется изучить недоступные человеческому глазу, быстро протекающие события, например выстрел из огнестрельного оружия, взрыв снаряда. В таком случае имеется техническая возможность применить скоростную видеосъемку, что позволяет при замедленном просмотре посекундно исследовать протекающие процессы вылета снаряда, горения

взрывчатого вещества при взрыве и т.д. В таком случае в соответствии с ч. 3 ст. 204 УПК РФ видеозапись как иллюстрирующий материал заключения эксперта прилагается к указанному заключению и является его составной частью.

Развитие технических средств фиксации изображения и звука позволяет расширить сферы применения видеозаписи правоохранными органами, что положительно сказывается на результате их работы.

Литература

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., 1997. Т. 2.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2014. 1087 с.
3. Салтевский М.В., Гапонов Ю.С. Судебная фотография и кинематография в деятельности органов внутренних дел. Киев, 1974.

Н.А. Куликова

Черепановский районный суд

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИГРАФА В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

На современном этапе полиграф вносит большой вклад в расследование и раскрытие преступлений, поэтому, по нашему мнению, данная тема является актуальной для рассмотрения.

При расследовании преступлений широко используется психофизиологическая экспертиза. Данную экспертизу проводят с 2002 г., в институте криминалистики ФСБ России – с 2004 г. [3].

Приверженцы использования полиграфа заявляют, что «это очень надежная технология, позволяющая обеспечить успешный результат для раскрытия преступлений в подавляющем большинстве случаев». Но, конечно, есть и противники, которые осуждают использование полиграфа в тактике расследования и раскрытия преступлений. Часто критики особо акцентируют свое внимание именно на реакционности полиграфа, называя полиграф псевдонаучным и реакционным способом установления истины. Сторонники полиграфа утверждают: «Машина не может быть реакционной! Прибор не бывает ненаучным! Он или работает, или не работает!» [2, с. 56].

Статистика показывает, что процент успеха в разных странах мира колеблется от 80 до 90%, а в России полиграфологи дают гарантию показателя в зависимости от поставленных задач на 80-92% [5, с. 66].

Тем не менее, когда данной технологии дают оценку уже независимые эксперты по общепринятым критериям, то состояние показателей ме-

няется в меньшую сторону. Это связано, прежде всего, с тем, что нет конкретных формул или достоверных сведений, дающих стопроцентную гарантию точности полученного результата. Независимые эксперты называют высокий процентный показатель «рекламным ходом». Под этим они подразумевают психологическое давление на тестируемых лиц, которое лишает их воли к сопротивлению и повышает, таким образом, результативность проверок. По их мнению, такой подход, образно говоря, «помогает обеспечить победу еще до начала сражения» [4, с. 44]. Однако если все же опираться на процент достоверности, полученный в результате проверок, то он весьма высок, что, в свою очередь, является уже ощутимым показателем серьезности данного прибора.

Для демонстрации приведем примеры из практики в защиту полиграфа. В 2006 г. был арестован Дмитрий Тихонов, которого обвинили в убийстве и сокрытии преступления. Суд первой инстанции осудил его на 14 лет лишения свободы. Через три года его дело попало на повторное рассмотрение в Гагаринский суд Москвы. Проверка на полиграфе осуществлялась в зале суда. В помещении находились только осужденный, адвокат, охрана и специалист-полиграфолог. Судьи были также удалены. Проверка показала, что Тихонов не причастен к преступлению. Суд, оценив в совокупности все доказательства, оправдал подсудимого [6].

Другой пример. В сентябре 2003 г. было раскрыто убийство сестер Шеяновых в Мордовии. Их родственник, подозреваемый Ю. Крючков, давал противоречивые показания, он твердо убеждал следствие в своей невинности, утверждая, что «показания даны под влиянием психологического напряжения и давления со стороны следствия». Допрос на полиграфе показал полную причастность к преступлению, подтвердив, что Ю. Крючков нанес Шеяновым смертельные ножевые удары. Результаты экспертизы были исследованы судебным заседанием и подтверждены дальнейшим расследованием дела [1, с. 248].

Впрочем, не стоит и забывать, что имеются случаи, когда итоги тестирования на полиграфе в прямом смысле разрушали судьбы ни в чем не повинных людей по причине того, что даже честный и невинный человек может переживать страх и ощущать напряжение во время проверки. Такую тревогу и страх испытуемого прибор может воспринимать как причастность к преступлению или заинтересованность в нем, поэтому проверку на полиграфе нельзя относить к числу определяющего фактора совершения преступления на сто процентов.

Детекция лжи является довольно глубокой и серьезной проблемой. Этой проблеме посвящено множество научных трудов. Ложь – одна из неотъемлемых частей жизни, она была, есть и будет. Но если в повседневной жизни ложь можно «принять благосклонно», то в расследовании уголовного дела снисходительность или, наоборот, неверие могут нанести роковой отпечаток на судьбу человека.

Конечно, использование полиграфа во многом обеспечивает увеличение вероятности получить необходимую информацию для расследования и раскрытия преступления, и мы не являемся противниками или критиками данного прибора, но, по нашему мнению, в практике не стоит радикально опираться только на результаты проверки, полученные в ходе допроса на полиграфе.

Необходимо также использовать и другие методы для выяснения обстоятельств дела, т.к., по нашему мнению, именно использование различных методов в совокупности могут обеспечить наибольшую гарантию эффективности расследования и раскрытия совершенного преступления.

Литература

1. Егоров Н.Н. Вещественные доказательства: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты. М., 2007.
2. Карлов В.Я. Использование криминалистической техники в расследовании преступлений: научно-практ. пособие. М.: Изд-во «Экзамен», 2006. 192 с.
3. Комиссарова Я.В. Актуальные проблемы использования специальных знаний в области полиграфологии // Вестник криминалистики. 2011. Вып. 4. С. 40-49.
4. Нестеренко И.В. Процессуальные проблемы проведения опросов с использованием полиграфа // Адвокат. 2010. № 8.
5. Семенцов В.А. Применение полиграфа при производстве отдельных следственных действий // Российский полиграф. 2010. Вып. 6.
6. Холодный Ю.И. Теоретические концепции криминалистических исследований с применением полиграфа // Вестник криминалистики. 2012. Вып. 1 (41). С. 89-98.

О.И. Локтевич

Академия МВД Республики Беларусь

ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ С УЧАСТИЕМ ЗАЩИТНИКА

Любой вид человеческой деятельности невозможен без предвидения ее результатов, без осмысления поставленных задач, без обдумывания и выбора наиболее эффективных средств и методов достижения поставленной цели.

На необходимость планирования следственной деятельности обращал внимание еще Г. Гросс, который справедливо отмечал, что «если трудно составить себе план следствия, то еще труднее придерживаться этого плана в точности... План следствия рассчитан на явления подвижные, изменяющиеся, часто совершенно неизвестные и отнюдь не зависящие от воли составителя плана. Такой план нельзя сравнить с чертежом для постройки дома и можно сравнить лишь с планом предстоящей войны. План предварительного следствия строится на таких данных, которые следователь имел или предполагал иметь при составлении плана: этому плану надо следовать энергически, пока и данные, на которых он был построен, остались теми же или даже получили более осязательную форму» [2, с. 18-19].

Стоит отметить, что планирование проведения отдельного следственного действия, особенно если предстоит его проведение с участием защитника, играет важную роль для достижения целей, поставленных следователем перед проведением указанного действия. При планировании проведения следственного действия с участием защитника необходимо уделить основное внимание следующим аспектам планирования.

Информационный аспект включает в себя информацию ориентирующего характера об обвиняемом и его защитнике. Что касается защитника, участвующего в деле, то следователю целесообразно предварительно получить и оценить данные о личности адвоката, имеющуюся информацию о нем из различных источников (собственный опыт, информация от подзащитного, других следователей, иное). Немаловажное значение приобретает учет психологических особенностей как подозреваемого (обвиняемого) и его защитника, так и самого следователя, в связи с чем в настоящее время в криминалистике широко используются данные общей и судебной психологии.

Процессуальный аспект связан с тем, что деятельность как следователя, так и защитника четко регламентирована в законе, т.е. при планировании должны быть соблюдены все требования УПК. Кроме того, необходимо оценить, какие доказательства будут, по необходимости, предъявлены подозреваемому (обвиняемому) и его защитнику в ходе проведения следственного действия, а также спрогнозировать, какие доказательства могут быть представлены защитником по результатам его проведения.

Тактический аспект направлен на то, чтобы результаты следственного действия объективно отражали обстоятельства совершенного преступления, и в дальнейшем чтобы можно было их использовать в качестве доказательства по уголовному делу. План должен включать указания на необходимые тактические приемы, последовательность их применения с учетом прогнозирования линии поведения подозреваемого (обвиняемого) и его защитника, при этом должно быть спланировано применение таких тактических приемов, которые не позволят подозреваемому (обвиняемому) и его защитнику изменить ход расследования в свою сторону.

Организационный аспект связан в первую очередь с определением места и времени предстоящего следственного действия с участием защитника. Кроме того, должно планироваться проведение необходимых подготовительных мероприятий, носящих обеспечивающий характер (подготовка транспорта, обеспечение мер безопасности и т.д.).

Как справедливо отмечает В.В. Бирюков, не следует забывать и о психологическом аспекте планирования, поскольку план дисциплинирует, активизирует восприятие, внимание, память следователя, заставляет продуктивно мыслить и действовать; принимать осознанные решения, четко контролировать свои действия. Планирование способствует развитию у следователя качеств, необходимых для совершенствования его профессионального мастерства, повышает наблюдательность, сосредоточенность, внимательность. Планирование способствует осознанию собствен-

ной мыслительной деятельности, ее организации и упорядочению [1, с. 11].

Стоит отметить, что составление письменного плана проведения отдельного следственного действия не является обязательным. Однако, как справедливо отмечается в литературе, письменная форма плана имеет ряд неоспоримых преимуществ: позволяет максимально конкретизировать мысли следователя; позволяет следователю одновременно охватить все стоящие перед ним задачи по расследованию преступления; облегчает запоминание большого количества необходимых фактических данных, связей между ними, а также причин, вызвавших их появление; позволяет следователю осуществлять постоянный самоконтроль за своей деятельностью, а руководителю следственного органа контролировать как сам процесс планирования, так и выполнение планируемых мероприятий, что существенно повышает эффективность следственной деятельности [3, с. 63-64].

В связи с этим, полагаем, что в случаях, если в ходе проведения указанного действия необходимо выяснить ряд вопросов, имеющих значение для уголовного дела, или расследование представляет определенную сложность (например, много эпизодов преступной деятельности), или ведется расследование уголовного дела, связанного с особенностями деятельности в конкретной узкой сфере, где начальные знания следователя могут быть ограничены материалами уголовного дела (например, жилищное строительство, легкая

промышленность и т.д.), составление письменного плана является обязательным. Указанные вопросы становятся особенно актуальными в ситуации участия защитника в процессе расследования, особенно если подозреваемый (обвиняемый) и (или) их защитник имеют ярко выраженную установку на конфликт. Считаем, таким образом, что составление письменного плана хоть и требует от следователя определенных затрат времени, но в последующем всегда окупается за счет целенаправленности, организованности и ритмичности проведения запланированного следственного действия, а также достижения целей его проведения.

Таким образом, планирование проведения следственного действия с участием защитника включает в себя информационный, процессуальный, тактический, организационный и психологический аспекты. При планировании проведения следственных действий с участием защитника, помимо общих вопросов, необходимо отражать сведения о защитнике, участвующем в деле (в т.ч. личностную характеристику адвоката), имеющую оперативную информацию о нем (при наличии), ссылки на представленные защитником доказательства, заявленные ходатайства, указания на необходимые тактические приемы, последовательность их применения с учетом прогнозирования линии поведения защитника и т.д. Кроме того, считаем целесообразным практику составления письменного плана проведения следственного действия в ситуации участия защитника.

Литература

1. Бирюков В.В. Теория и практика планирования расследования преступлений: учеб. пособие. Луганск: Луганская академия внутренних дел Украины им. 10-летия независимости Украины, 2002. 72 с.
2. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002.
3. Кулагин Н.И. Организация следственной работы: учеб. пособие. Волгоград: ФГОУ ВПО «Волгоградская академия МВД России», 2007. 367 с.

*А.Н. Мамкин, канд. юрид. наук, доцент
Нижегородская академия МВД России*

ПОНЯТИЕ ОБЪЕКТА СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» относит к числу объектов судебной экспертизы вещественные доказательства, документы, предметы, животных, трупы и их части, образцы для сравнительного исследования, а также материалы дела [1, ст. 10]. То есть законодатель подчеркивает материальную составляющую рассматриваемых объектов. Отчасти подобной точки зрения придерживаются и ученые, рассматривающие их в качестве носителей информации о фактах [4, с. 16] или источников сведений [3, с. 40]. Вместе с тем особого внимания заслуживает подход, согласно которому данный термин определяется более широко, а именно как сложная динамическая система, включающая: материальный носитель, источник информации о факте, механизм передачи информации от источника к носителю [2, с. 24].

Такое понимание объекта судебной экспертизы в полной мере согласуется с криминалистическим учением о механизме слеодообразования и оправдано с точки зрения практики производства, в т.ч. криминалистических экспертиз. Между тем с позиции теории и практики судебно-бухгалтерской экспертизы указанный выше подход требует некоторого уточнения. Представляется, что и сама информация должна рассматриваться в качестве элемента объекта экспертизы. Данный тезис объясняется как «информационной природой» бухгалтерского учета, так и спецификой экономического преступления, оказывающего воздействие на процесс формирования достоверных сведений о хозяйственной деятельности и ее результатах. Подобного рода преступления связаны с нарушением информационных связей между отдельными элементами метода бухгалтерского учета.

Информацию, содержащуюся в объектах судебно-бухгалтерской экспертизы, можно разделить на два вида. К первому относится экономическая информация. Извлекается такая информация из системы документально зафиксированных данных, характеризующих отдельные стороны финансово-хозяйственной деятельности организации. Экономическая информация становится объектом судебно-бухгалтерского исследования

при разрешении задач, связанных с установлением правильности отражения в учете тех или иных операций (например, о правильности отнесения отраженной в первичном документе операции на конкретный счет).

Зачастую преступная деятельность совершается под видом учетных операций. Связано это со стремлением преступников замаскировать возникающий в результате их противоправных действий материальный ущерб либо необъяснимые изменения, проявляющиеся на уровне учетных записей (например, возникшие отрицательные остатки по активным счетам). В подобных случаях формируется второй тип информации, которую можно определить как судебно-бухгалтерскую. Такая информация характеризует состояние бухгалтерского учета, наличие контрольных равенств, согласованность числовых показателей, содержащихся в первичной учетной документации, учетных регистрах и материалах бухгалтерской отчетности.

То есть в материалах бухгалтерского учета может обнаруживаться информация о нарушении объективных связей между основными ее элементами, указывающая на определенный способ маскировки.

Судебно-бухгалтерская информация может быть получена на основе анализа «разрывов» в цепочке передачи данных от первичного документа к бухгалтерской отчетности. Такие «разрывы» или несоответствия проявляются в виде отсутствия какой-либо записи (неотражение фактически совершенной операции в первичном документе, неотражение первичного документа в сводном документе, неотражение учетного документа в регистре бухгалтерского учета), документально необоснованных записей в первичных документах, учетных регистрах и отчетности, записей в ненадлежащие счета бухгалтерского учета или ненадлежащие статьи бухгалтерской отчетности и т.п.

Экономическая и судебно-бухгалтерская информация становится объектом экспертного исследования в тех случаях, когда требуется установить новые факты, относящиеся к событию преступления. К числу таких фактов относятся: механизм внесения необоснованных записей,

реальное (фактическое) содержание учетных документов, размер скрытого необоснованными записями ущерба, период возникновения недостатков или излишков и т.п. Решение возникающих в подобных случаях задач предполагает проведение раздельного диагностического исследования объектов судебно-бухгалтерской экспертизы.

Диагностируемым объектом становится информация о различных сторонах фактически совершенных хозяйственных и учетных операций, в т.ч. о действиях виновных в причинении ущерба лиц.

Признаками таких объектов являются различные отклонения от технологии учетной регистрации, а также деструкции, возникающие внутри элементов метода бухгалтерского учета либо между этими элементами. До определенного момента времени диагностируемый объект находится в потенциальном состоянии. Начиная раздельное исследование, эксперт приступает к его актуализации путем построения гипотетической модели распознаваемого факта. Сама модель в дальнейшем становится образцом сравнения.

Диагностирующий объект «извлекается» из системы документально зафиксированных данных. Его признаками будут являться фактические противоречия, обнаруживаемые в содержании различных источников экономической и судебно-бухгалтерской информации. При совпадении признаков модели следовой картины с признаками системы документальных и учетных несоответствий делается вывод о наличии искомого факта.

Предложенное определение понятия объекта судебно-бухгалтерской экспертизы позволяет определить два основных направления совершенствования теоретического и методического обеспечения производства экспертных исследований. Первым направлением является разработка принципиальных положений общей методики судебно-бухгалтерской экспертизы, относящихся к диагностическому процессу. Второе направление связано с формированием теоретических предпосылок для построения частной судебно-бухгалтерской теории о признаках (судебно-бухгалтерской семиотики).

Литература

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1999. № 23. С. 1239; Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 22914.
2. Российская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2010. 423 с.
3. Селиванов Н.А. Понятие и виды криминалистической экспертизы // Современные проблемы судебной экспертизы и пути повышения эффективности деятельности судебно-экспертных учреждений в борьбе с преступностью: тез. науч. конф-ции. Киев, 1983. С. 34-48.
4. Шляхов А.Р. Предмет и система криминалистической экспертизы // Труды ВНИИСЭ. М., 1971. Вып. 3. С. 12-20.

О.С. Мизунов

Барнаульский юридический институт МВД России

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ НА ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ МАТЕРИАЛОВ ПО ФАКТАМ СБЫТА ПОДДЕЛЬНЫХ ДЕНЕЖНЫХ КУПЮР

Фальшивомонетничество появилось в мире с незапамятных времен. Как только между людьми появились простейшие рыночные отношения на базе «продавец-товар-покупатель», возникла необходимость оплаты приобретаемого товара. На начальном этапе данные отношения были построены на бартерной основе, т.е. «продавец-товар-покупатель-товар», однако с развитием человечества, появлением различных ремесел и социальных классов, а также излишков товаров возникла необходимость в универсальной платежной единице. Данной платежной единицей стали деньги. У разных народов мира функцию денег изначально выполняли разные предметы, так, например, в Китае 3500 лет назад в качестве валюты использовались раковины каури [2]. Постепенно с развитием технологий деньги обрели наиболее привычную для нас форму – монеты. С тех пор и появилось фальшивомонетничество – т.е. подделка денег.

В Российской Федерации фальшивомонетничество как вид преступной деятельности закреплено в ст. 186 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Диспозиция данной статьи содержит следующий перечень запрещенных уголовным законом деяний, а именно: изготовление в целях сбыта, хранение и перевозка с целью сбыта и сбыт поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации, металлической монеты, государственных ценных бумаг или других ценных бумаг в валюте Российской Федерации либо иностранной валюты или ценных бумаг в иностранной валюте [4]. Преступления данной категории направлены на подрыв экономики государства.

Наиболее распространенными преступлениями, указанными в диспозиции этой статьи, являются сбыты поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации – поддельных денежных купюр.

В 2016 г. правоохранительными органами в России выявлено 18 778 преступлений, предусмотренных ст. 186 Уголовного кодекса Российской

Федерации. Предварительно расследованы уголовные дела о 787 преступлениях, из которых 726 направлены в суд. Выявлено 699 лиц, совершивших преступления указанной категории. Привлечено к уголовной ответственности 682 граждан. Изъято из обращения 54 738 фальшивых денежных купюр и ценных бумаг [3].

Особое значение для досудебной криминалистической деятельности по преступлениям этой категории имеет этап предварительной проверки материалов. Как считает В.К. Гавло, «в методике расследования целесообразно выделять два взаимосвязанных этапа раскрытия преступления: предварительный (неполный) и окончательный (полный). Этап предварительного (неполного) раскрытия преступления, в процессе которого решается одна из основных задач расследования – устанавливаются события преступления и лицо его совершившее» [1, с. 49]. Опираясь на вышесказанное, рассмотрим несколько проблемных ситуаций возникающих на вышеуказанном этапе.

Наиболее распространенными местами сбыта поддельных денежных купюр являются базары, рынки, а также магазины розничной торговли, входящие в торговую сеть с ценовой политикой, направленной на людей среднего и низкого достатка. Вышеперечисленные предприятия торговли характеризуются большой пропускной способностью покупателей, а также отсутствием какого-либо специального оборудования, предназначенного для выявления поддельных денежных средств. При этом хочу отметить, что качество поддельных денежных купюр со временем повышается, в связи с чем не все приборы, созданные для их выявления, справляются с этой задачей. Зачастую кассиры магазинов, а также продавцы в торговых точках на рынках и базарах не обучены способам визуального распознавания поддельных денежных купюр. Таким образом, при сбыте поддельной денежной купюры кассир не может отличить поддельную купюру от настоящей, что обусловлено, нередко, высоким качеством изготовления подделки. В последующем вырученные магазином за определенный период денежные на-

личные средства инкассируются в региональные отделение главного расчетно-кассового центра главного управления Центрального банка России (ГРКЦ ГУ Банка России), где при пересчете и проверке на подлинность поступившей денежной наличности выявляется наличие в выручке поддельной денежной купюры. Таким образом, с момента сбыта до момента обнаружения может пройти несколько дней.

В связи с продолжительным периодом между совершением преступления и его обнаружением в предварительной проверке материалов по фактам сбыта поддельных банковских билетов возникают следующие, негативно влияющие на процесс криминалистической деятельности обстоятельства:

1) одним из основных доказательств преступной деятельности лица, занимающегося сбытом поддельных денежных купюр, по преступлениям вышеуказанной категории, является видеозапись с камер видеонаблюдения. Данная видеозапись позволяет нам зафиксировать момент сбыта, а так же лицо его совершающее. Получение данных доказательств является одной из главных проблем. Это связано с тем, что вышеуказанные места торговли и торговые предприятия зачастую не оборудованы камерами видеонаблюдения. Кроме того, в тех случаях, когда видеонаблюдение имеется, в связи с большим временным периодом между моментом сбыта и обнаружением поддельной купюры повышается вероятность утери данной видеoinформации. Это условие зависит от установленного периода сохранения видеозаписи с камер видеонаблюдения, установленного в определенном торговом предприятии;

2) опознание свидетелями лица, совершившего сбыт. Данное следственное действие позволяет нам произвести отождествление лица, совершившего преступление. Однако большой поток покупателей, проходящих мимо продавцов или кассиров, а так же длительный промежуток времени, сливает мысленные образы увиденных ими лиц в одну бесформенную массу, затрудняя, таким образом, процесс опознания конкретного лица.

При выявлении вышеуказанных обстоятельств необходимо по каждому факту выносить представление об устранении условий, способствующих совершению преступлений. В данных представления указывать на необходимость установки видеонаблюдения с возможностью длительного сохранения видеoinформации. При установленном видеонаблюдении на необходимость увеличить временной период сохранения видеoinформации, оборудовать кассы и места

торговли аппаратами для определения подлинности денежных купюр. Кроме того, указать на проведение с персоналом занятий по способам визуального выявления поддельных купюр.

Кроме того, еще одним негативно влияющим обстоятельством является тот факт, что при задержании лица за совершение сбыта поддельной денежной купюры одним из тактических приемов направленных на выявление его преступной деятельности является незамедлительное проведение обыска по месту жительства последнего. Однако производство обыска возможно только по возбужденному уголовному делу. Основным условием для его возбуждения является справка специалиста по установлению подлинности сбытой денежной купюры. Данное исследование может проводить только специалист, прошедший специальную подготовку и получивший допуск на производство указанного исследования. В тех случаях, когда в экспертно-криминалистическом подразделении населенного пункта, где совершен сбыт поддельной денежной купюры, отсутствует специалист с соответствующей формой допуска, то поручение на производство исследования вместе с купюрой направляется в ближайшее экспертно-криминалистическое подразделение, в штате которого имеется соответствующий специалист. Указанное обстоятельство увеличивают временной промежуток между моментом задержания лица, возбуждением уголовного дела и возможностью производства обыска, что, в свою очередь, уменьшает эффективность, а также целесообразность применения данного тактического хода.

Одним из выходов в сложившейся ситуации в некоторых случаях является производство осмотра места происшествия. Однако не стоит забывать, что в отличие от обыска, который имеет принудительный характер, осмотр места происшествия в случаях, касающихся неприкосновенности жилища, требует согласия лица, у которого будет производится данное следственное действие. Наиболее целесообразно проведение осмотра места происшествия в случаях, когда задержанное лицо проживает в гостиничном номере, номере хостела, арендуемой квартире и т.п. В данной ситуации за согласием на производство осмотра необходимо обращаться непосредственно к собственнику помещения.

Таким образом, рассмотренные проблемы этапа предварительной проверки материалов и предложенные пути их решения будут способствовать оптимизации досудебной криминалистической деятельности по сбытам поддельных денежных купюр в Российской Федерации.

Литература

1. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений / под ред. А.Н. Васильева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985.
2. Каури // Сайт «Троицкий вариант. Наука». URL: <http://trv-science.ru/2017/10/10/kauri/>.
3. Статистика МВД о поддельных деньгах и ценных бумагах // Сайт «Банкноты стран мира». URL: <https://www.cashcirculation.ru/статистика-мвд-о-поддельных-деньгах-и>.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*Д.А. Михалева, канд. юрид. наук
Барнаульский юридический институт МВД России*

К ВОПРОСУ О ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЙ О ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Защита жизни и здоровья человека является одним из ключевых направлений в правовом государстве. Преступления против здоровья представляют собой такие общественно опасные деяния, при совершении которых умышленно или неосторожно причиняется вред здоровью человека.

Важным этапом в выявлении указанных преступлений является рассмотрение сообщения о причинении вреда здоровью.

Источниками информации о преступлениях, связанных с причинением вреда здоровью, могут служить:

- сведения сотрудников учреждений органов здравоохранения, которые непосредственно занимаются оказанием квалифицированной медицинской помощи (медицинские сестры, врачи, сотрудники станций скорой медицинской помощи), которые в силу выполнения своих профессиональных обязанностей близко контактируют с гражданами, нуждающимися в медицинской помощи, в т.ч. получившими телесные повреждения в быту;

- сведения сотрудников кризисных центров (в крупных городах организованы кризисные центры для женщин, подвергшихся насилию в быту; сотрудники данных центров напрямую общаются с такими женщинами, оказывают им профессиональную психологическую помощь. Как показывает практика, большинство из женщин, подвергшихся насилию в семье, в силу разного рода зависимостей не могут реализовать свое право на

защиту от преступных посягательств и не обращаются в правоохранительные органы);

- сведения сотрудников детских дошкольных учреждений (воспитателям детских садов, помощникам воспитателей в ходе общения с детьми, в силу непосредственности последних, могут стать известны факты нанесения ребенку телесных повреждений в семье);

- сведения медицинских работников, занимающихся частной практикой (к данной категории медицинских работников зачастую обращаются граждане, которые не желают афишировать факты причинения им телесных повреждений, в т.ч. причиной этому может быть наличие какой-либо зависимости от заподозренного);

- сведения сотрудников образовательных учреждений (преподаватели, школьные психологи, которым, как и сотрудникам дошкольных учреждений, могут стать известны факты причинения телесных повреждений несовершеннолетнему ребенку непосредственно в ходе общения с последним);

- сведения лиц, проживающих в учреждениях государственного обеспечения (к таким учреждениям относятся госпитали для ветеранов, интернаты для престарелых, детские дома).

Обычно в данных учреждениях находятся лица, в силу своего малолетнего или престарелого возраста неспособные реализовать свое право на защиту. В ходе общения с данной категорией граждан или обслуживающим персоналом учреждений можно выявить факты причинения

телесных повреждений несовершеннолетним или престарелым как со стороны самих сотрудников учреждений, так и других лиц.

Полагаем, в материалах предварительной проверки по преступлениям, связанным с причинением вреда здоровью, должны содержаться следующие документы:

- заявление потерпевшего (рапорт об обнаружении признаков преступления);
- протокол осмотра места происшествия;
- документы, удостоверяющие факт наличия зависимого или беспомощного состояния (медицинская справка, свидетельство о рождении несовершеннолетнего потерпевшего, свидетельство о регистрации брака и т.д.);
- объяснения заявителя (либо законного представителя);
- постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы;
- заключение судебно-медицинской экспертизы;
- объяснения очевидцев;
- объяснение заподозренного;
- требование о судимостях;
- характеристика с места жительства и работы на заподозренного и заявителя.

Указанный перечень может быть расширен в зависимости от конкретных обстоятельств произошедшего события.

В ходе осмотра места происшествия описанию и оценке подлежат: место происшествия в целом, следы преступления (перевернутая мебель, оборванные занавески, разбросанная посуда и другие признаки борьбы, следы обуви, рук и др.).

В случае возникновения сложностей в предварительном определении степени тяжести причиненного вреда здоровью для последующей квалификации действий лица, совершившего насильственные действия, может быть получена устная консультация судебно-медицинского эксперта. Устная консультация судебно-медицинского эксперта не является доказательством, а носит рекомендательный характер для предварительной квалификации деяния лица, совершившего насильственные действия.

Проведение судебно-медицинской экспертизы является обязательным для определения характера и степени тяжести повреждений. При необходимости медицинскому эксперту предоставляется история болезни, рентгеновские снимки, выписки из истории болезни.

В ходе получения объяснения от заявителя необходимо выяснить следующие обстоятельства:

- время и место совершения преступления, обстоятельства получения телесных повреждений;
- кем совершены насильственные действия, данные о его личности, в каких отношениях находятся между собой, имеется ли материальная или иная личная зависимость от этого лица, трудоспособен и дееспособен ли пострадавший, имеются ли у него физические недостатки, препятствующие ему в полной мере осуществлять свое право на защиту;
- предшествовал ли нанесению телесных повреждений словесный конфликт;
- наличие телесных повреждений;
- чем были нанесены удары, их количество, по каким частям тела;
- терял ли равновесие, обо что ударился при падении;
- наличие очевидцев, свидетелей преступления, данные о них;
- обращался ли потерпевший в медицинские учреждения, каков результат обращения, нуждается ли в настоящее время в медицинской помощи и др.

В ходе получения объяснения от очевидцев необходимо выяснить:

- в каких отношениях находится с пострадавшим и с лицом, совершившим насильственные действия, что известно о взаимоотношениях между ними;
- каких конкретно событий является очевидцем, какие наблюдал последствия.

В ходе получения объяснения заподозренного лица выясняется:

- знает ли он заявителя, в каких отношениях находится (родственники, бывший супруг, соседи и т.п.), каков характер их отношений;
- предшествовала ли ссора причинению вреда здоровью, ее причины;
- с какой целью, по каким мотивам он причинил телесные повреждения и др.

Полагаем, что деятельность сотрудников, осуществляющих проверку полученного сообщения о причинении вреда здоровью, а также полнота собранных ими материалов окажут существенное влияние на обоснованность принятия решения о возбуждении уголовного дела и, в итоге, на результативность предварительного расследования в целом.

Э.Д. Нугаева

Уфимский юридический институт МВД России

АЛГОРИТМЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ ОКАЗАНИИ ОККУЛЬТНЫХ УСЛУГ, СОВЕРШЕННЫХ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ

Судебной практикой отмечается значительное преобразование моделей мошенничества: наряду с традиционными приемами обмана и злоупотребления доверием преступники применяют современные разнообразные способы, не имевшие аналогов в прошлом. При осуществлении мошеннических действий наблюдается тенденция активного использования не только информационных технологий, но и различных форм скрытого психологического воздействия на потерпевших, основанного на знании психологии личности, приемов нейролингвистического программирования (НЛП), внушения, транса, эриксоновского гипноза и т.п.

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод, что наибольшую распространенность получили мошенничества при оказании оккультных услуг, совершенные дистанционным способом. Этот способ мошенничества позволяет преступникам не встречаться лично с клиентом, соответственно, сохранить в тайне данные о своей личности.

Верно замечено Е.П. Ищенко, что организация расследования – это комплекс мер по созданию оптимальных условий для применения наиболее эффективных и целесообразных в данной следственной ситуации рекомендаций криминалистической методики в целях достижения максимальных результатов при минимальных затратах времени, сил и средств при расследовании конкретного преступного посягательства [1, с. 4].

На первоначальном этапе расследования мошенничества при оказании оккультных услуг, совершенных дистанционным способом, складываются следующие типичные следственные ситуации:

- мошенничество имело место при обстоятельствах, о которых сообщил заявитель. Лица, причастные к совершению преступления, не установлены;

мошенничество имело место при обстоятельствах, изложенных в материале оперативных под-

разделений, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела.

Алгоритм следственных действий на первоначальном этапе расследования в первой ситуации следующий:

1) признать заявителя потерпевшим от преступления. Осуществить подробный допрос в качестве потерпевшего;

2) произвести выемку представленных потерпевшим документов (например, о переводе денежных средств, квитанций к приходным кассовым ордерам, договоров об оказании услуг, продажи движимого и недвижимого имущества, оформлении кредита, рекламных буклетов, газет с рекламой экстрасенсов и т.п.), а также предметов и вещей, приобретенных у мошенников (оккультной атрибутики, литературы, дисков с записями, «заряженной» воды и т.п.), переданных преступником с целью мошеннического завладения материальными ценностями;

3) допросить свидетелей;

4) ходатайствовать перед судом о производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров;

5) ходатайствовать перед судом о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;

6) произвести осмотр документов и предметов, изъятых у потерпевших, а также информации о входящих и исходящих соединениях с абонентского номера заявителя за период, интересующий следствие; вынести постановление о признании их вещественными доказательствами;

7) назначить судебные экспертизы (например, химические, почерковедческие и т.п.).

С целью раскрытия и эффективного расследования фактов мошенничества при оказании оккультных услуг, совершенных дистанционным способом, целесообразно проведение следователем совместно с оперативными подразделениями тактических операций.

На первоначальном этапе расследования рассматриваемой категории дел результативными

будут такие тактические операции, как «Розыск», «Изобличение», «Выявление», «Оперативный эксперимент», «Контрольная закупка» и т.п.

Во второй типичной ситуации алгоритм следственных действий на первоначальном этапе расследования напрямую зависит от объема представленной оперативными подразделениями информации. Первоочередная задача следствия, по нашему мнению, состоит в определении мест и способов обнаружения доказательств. С целью обнаружения и закрепления доказательственной информации необходимо:

1) произвести обыски по месту расположения колл-центров, основных офисов, а также по месту жительства организатора (организаторов) и основных исполнителей преступления. Бесспорно, более результативными будут обыски, проведенные по вышеуказанным местам одновременно;

2) задержать подозреваемых лиц и их допросить;

3) осуществить выемку документов (например, договоров об аренде помещений, эфирном времени, выпуске рекламы и т.п.) и предметов, имеющих отношение к расследуемым событиям (оргтехники, автомобилей);

4) получить образцы для сравнительного исследования;

5) произвести опознания;

6) назначить судебные экспертизы;

7) допросить свидетелей;

8) провести при необходимости очные ставки;

9) осуществить выемку предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях (ч. 4 ст. 183 УПК РФ);

10) наложить арест на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях (ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116 УПК РФ);

11) осуществить мероприятия по сбору характеризующего материала на подозреваемых лиц, их проверке по учетам;

12) избрать меры пресечения подозреваемым лицам;

13) по изъятым при обыске объектам назначить соответствующие судебные экспертизы.

В дальнейшем, исходя из следственных ситуаций, органами предварительного расследования принимается самостоятельное решение о производстве тех или иных следственных действий, даются поручения в органы дознания о проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Исходя из специфики и большого объема работы по уголовным делам данной категории, для обеспечения эффективного и успешного их расследования целесообразно создавать специализированные следственно-оперативные группы.

Литература

1. Ищенко Е.П. Как улучшить управление следственными органами? // Современные проблемы расследования преступлений: оптимальные пути их решения: сб. мат-лов межвуз. круглого стола 25 ноября 2011 г. Хабаровск: Дальневосточный юрид. ин-т МВД России, 2012. С. 3-9.

В.В. Овсянников

Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ, СОПРЯЖЕННОГО С ПОЖАРОМ

Теория производства пожарно-технической экспертизы говорит о том, что пожар не представляет собой в полном смысле этого слова случайность. Возникновение пожара есть следствие ряда событий и обстоятельств, складывающихся еще до пожара, которые и обуславливают его причину. Последняя находится с ними в определенной причинной связи [1, с. 5].

Также, на наш взгляд, является бесспорным тезис о том, что осмотр места происшествия — одно из основных процессуальных действий при расследовании любого пожара. Это важнейший источник информации, причем, что необходимо отметить, информации объективной, в отличие от показаний свидетелей, актов ведомственного расследования и т.д. Некачественно и непро-

фессионально проведенный осмотр часто делает бессмысленными дальнейшие усилия по расследованию данного пожара. Место пожара обычно невозможно законсервировать и сохранить (на всякий случай) для повторных исследований. Поэтому восполнить пробелы в информации о пожаре в дальнейшем будут бессильны даже лучшие специалисты и эксперты [2, с. 6].

Анализ более 700 материалов предварительной проверки, а также материалов уголовных дел по делам о пожарах, произошедших с 2015 по 2017 г. на территории Алтайского края, позволяет свидетельствовать о ряде существенных недостатков фиксации обстановки на месте пожара, а также обнаружения, изъятия и упаковки вещественных доказательств. Такие недостатки значительно затрудняют расследование данной категории дел, а некоторые из них приводят к невозможности установления точного месторасположения очага пожара и, как следствие, невозможности последующего установления причины пожара в рамках производства пожарно-технической экспертизы.

Осмотр места пожара (далее – ОМП) может производиться в любое время суток. При этом в качестве особенности можно рассматривать необходимость/неотложность первоначального проведения ОМП в ночное время, а дополнительного ОМП – в светлое время суток. На наш взгляд, при проведении осмотра места происшествия в ночное время целесообразно производить отыскание и изъятие следов, вещественных доказательств, которые могут быть утрачены в течение короткого промежутка времени. К таким следам можно отнести образцы пожарного мусора, фрагменты обугленной древесины и другие объекты, на поверхности которых возможно сохранение следов интенсификаторов горения, таких как легковоспламеняющиеся или горючие жидкости, используемые при поджоге.

Зачастую необходимость проведения дополнительного ОМП также обусловлена невозможностью производства фото-, видеосъемки непосредственно на объекте пожара ввиду значительного задымления помещений или большого скопления пара, образующегося в ходе действий по тушению горения в скрытых полостях строительных конструкций.

Одной из особенностей ОМП, сопряженного с пожаром, также является необходимость расширения границ осматриваемой территории с целью отыскания криминалистически значимых следов и объектов, таких как следы подхода и отхода преступников – следы транспортных средств, следы подошв обуви; объектов, на которых возможно наличие следов биологического происхождения;

различных предметов и емкостей со следами интенсификаторов горения, на которых, в свою очередь, возможно сохранение следов рук.

Необходимо отметить, что особенностью упаковки таких объектов является обеспечение ее герметичности. Согласно ряду методических рекомендаций, в качестве упаковки необходимо использовать стеклянные емкости с притертой крышкой [1, 2], при этом в комплектацию криминалистических чемоданов, имеющихся в распоряжении экспертных подразделений территориальных органов внутренних дел, данный упаковочный материал не входит.

Многолетняя практика экспертов в области производства химических и пожарно-технических экспертиз в ЭКЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю свидетельствует об эффективности использования в качестве упаковочного материала фольги, в которую помещаются образцы с последующей упаковкой объектов в полиэтиленовый пакет, что позволяет длительное время сохранять даже следовые количества вещества.

Особенностью производства данного следственного действия непосредственно на объекте пожара является тот факт, что работа сотрудников следственно-оперативной группы зачастую сопряжена со значительными термическими повреждениями строительных конструкций, как видимыми – обрушениями, выгораниями и сквозными прогарами, так и скрытыми или неочевидными на первый взгляд, такими как потеря сечения несущих деревянных конструкций, обеспечивающих целостность строения, значительным односторонним выгоранием, обугливанием межэтажных перекрытий и других конструкций. В связи с этим в первую очередь должна быть обеспечена безопасность работы сотрудников следственно-оперативной группы на объекте пожара.

Также к особенностям ОМП, сопряженного с пожаром, можно отнести необходимость производства фотосъемки объекта пожара со всех сторон, в т.ч. фотосъемки расположения линий электропередач (далее – ЛЭП), проходящих в непосредственной близости к объекту пожара, столбов ЛЭП, от которых осуществляется электроснабжение, и участков ввода электроэнергии на объект пожара, приборов учета и устройств защиты электросети.

В стадии статического ОМП, после производства фотосъемки непосредственно объекта пожара, в качестве одной из основных особенностей хотелось бы отметить необходимость составления плана-схемы объекта пожара с нумерацией помещений и пояснительными надписями, а также обязательным указанием ориентации объекта

пожара относительно сторон света, с использованием компаса. Далее в ходе ОМП необходимо осуществлять описание строительных конструкций стен и объектов вещной обстановки в соответствии с ориентацией относительно сторон света, указанной в плане-схеме места пожара.

Одной из основных особенностей ОМП является фиксация термических повреждений строительных конструкций и объектов вещной обстановки с обязательным использованием сравнительной характеристики, т.е. описания термических повреждений поверхности объекта или конструкции со стороны, обращенной к зоне наибольших термических повреждений, и с противоположной стороны для последующей возможно-

сти анализа термических повреждений с целью установления путей распространения горения и установления точного места расположения очага пожара в рамках производства пожарно-технической экспертизы.

Следует отметить, что представленный перечень особенностей ОМП не является исчерпывающим, однако, на наш взгляд, может рассматриваться как базовый.

Знание особенностей производства осмотра места происшествия, сопряженного с пожаром, позволяет не только эффективно производить данное следственное действие, но и во многом предопределяет дальнейшее расследование данной категории дел.

Литература

1. Мегорский Б.В. Методика установления причин пожаров. М.: Стройиздат, 1966. 346 с.
2. Осмотр места пожара: метод. пособие / под ред. И.Д. Чешко. М.: ВНИИПО, 2004. 340 с.

А.А. Погребной, канд. юрид. наук

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

МОРФОЛОГИЯ ПОРОХОВЫХ ЗЕРЕН 5,45-ММ ПАТРОНА МПЦ

Типичной задачей судебно-баллистической экспертизы является определение модели огнестрельного оружия по следам его применения. Для ее решения чаще всего используют следы на обнаруженных пулях или гильзах, отложение продуктов выстрела на преградах и т.п.

При отсутствии таких «традиционных» объектов сведения о вероятной модели оружия могут быть получены исследованием частиц пороха на преграде. Дело в том, что патроны различных образцов снаряжаются порохами определенных марок, отличающихся по морфологии и цвету. Определив по частицам пороха круг патронов, которые им снаряжаются, затем несложно сформировать перечень моделей оружия, для которых патроны являются штатными.

В литературе чаще всего можно найти сведения о том, какие марки порохов применяются для снаряжения патронов, изготавливаемых в России. В то же время ощущается нехватка сведений о морфологии порохов этих марок, а также о том, какие пороха применяются в случае, когда эти же образцы патронов изготавливаются в других странах. Почти отсутствуют также данные о по-

рохах патронов, используемых в основном за рубежом.

В такой ситуации наиболее надежным и едва ли не единственным способом получить нужную информацию о порохе является разборка патрона и исследование пороха. В настоящей работе результаты этой процедуры приведены для 5,45-мм малокалиберного пистолетного патрона центрального боя (МПЦ).

В статье содержатся технические характеристики патрона, сведения о морфологии порохов, а также перечень моделей оружия, для которых патрон является штатным.

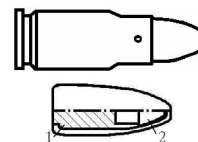

Рис. 1. Конструкция патрона, гильзы и пули к нему. 5,45-мм малокалиберный пистолетный патрон центрального боя (МПЦ): 1 – свинцовый сердечник; 2 – стальной сердечник

Таблица 1

Технические параметры патрона

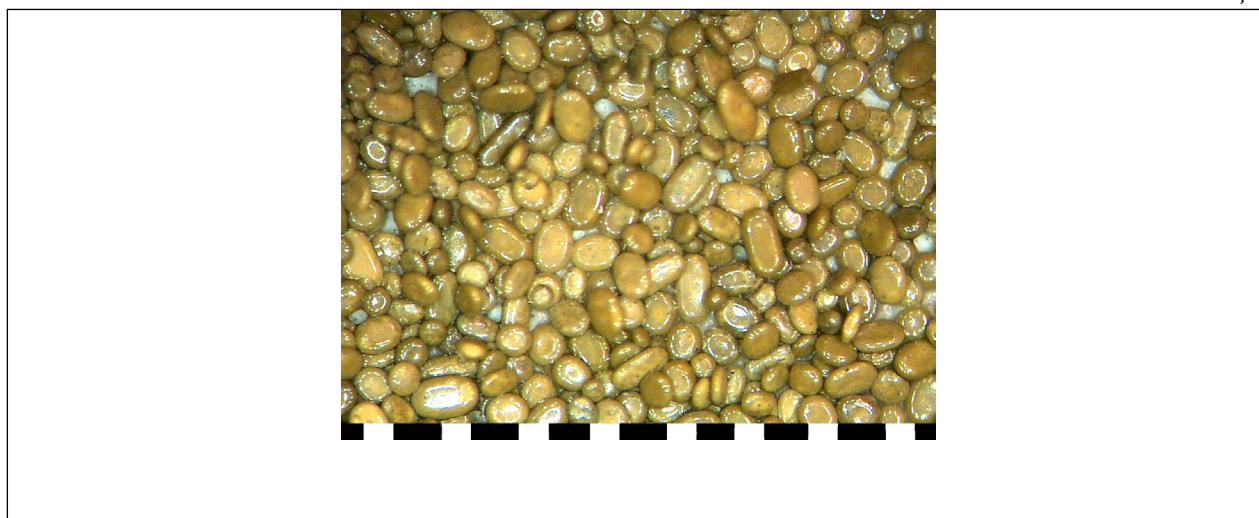
Параметр	Значение
Патрон	
Длина патрона, мм	24,5-25,0
Масса патрона, г	4,5-4,9
Гильза	
Тип гильзы	латунная
Длина гильзы, мм	17,6-18,1
Диаметр дульца гильзы, мм	6,1-6,3
Диаметр корпуса у ската, мм	7,3-7,4
Диаметр корпуса у проточки, мм	7,5-7,6
Диаметр фланца, мм	7,5-7,7
Пуля	
Тип пули	Оболочечная, сердечник – свинцовый или стальной
Длина пули, мм	14,0-14,3
Диаметр пули, мм	5,59-5,7
Масса пули, г	2,4-2,6
Начальная скорость пули, м/с	290-325
Порох	
Марка и масса пороха, г	Сф 040; ПСН 850/4.37 0,12-0,17
Форма зерна	«вытянутая лепешка»
Толщина зерна	0,11-0,14 мм
Размер стороны зерна	0,2-1 мм
Цвет	желто-зеленый

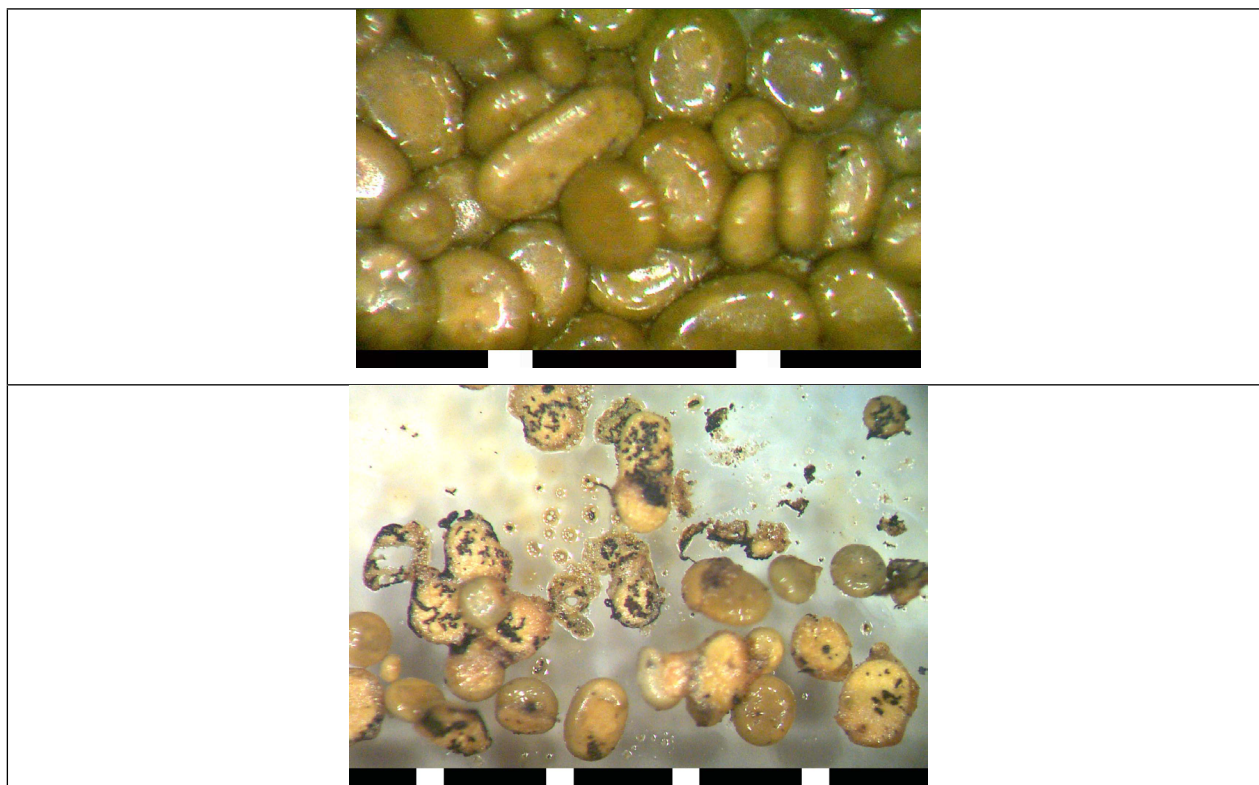
Примечания:

крепление пули в гильзе – трехточечное кернение;
длина стального сердечника пули 6,4 мм, диаметр 4,2 мм;
масса гильзы с капсюлем 2,09-2,1 г.

Применяемый для снаряжения патрона порох (сверху вниз): общего вида пороха, отдельных зерен и сгоревших (полусгоревших) пороховых зерен.

Таблица 2

Патрон является штатным к следующим моделям огнестрельного оружия: СССР, Россия – 5,45-мм пистолет самозарядный малогабаритный («ПСМ»), Иж-75, ОЦ-23 «Дротик», ОЦ-26 и «Дрель».

Пользуясь материалами статьи, необходимо учитывать, что морфологически сходные пороха могут применяться в других патронах к огнестрельному оружию.

Литература

1. Блюм М.М., Волнов А.М., Жук А.В., Одиноккина Т.Ф., Устинов А.И., Филиппов В.В. Патроны ручного огнестрельного оружия и их криминалистическое исследование. М., 1982. 296 с.
2. Дик В.Н. Взрывчатые вещества, пороха и боеприпасы отечественного производства: справочник. Ч. 1. Справочные материалы. Минск, 2009. 280 с.
3. Коломийцев А.В., Собакаръ И.С., Никитюк В.Г., Сомов В.В. Патроны к стрелковому оружию (справочные материалы). Харьков, 2003. 336 с.

Н.В. Поляков

Сибирский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О ДОКУМЕНТИРОВАНИИ И ДОКАЗЫВАНИИ ФИКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИРМ-ОДНОДНЕВОК ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НЕЗАКОННОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одной из существенных проблем, возникающих при расследовании уголовных дел, возбужденных по ст. 172 УК РФ, является установление, документирование и доказывание фиктивной деятельности фирм-однодневок, при помощи которых незаконно обналичиваются и транзитируются денежные средства. Как показывает правоприменительная практика, данные фирмы не ведут реальной финансово-хозяйственной деятельности и создаются только для конспирации преступных схем лиц, причастных к незаконной банковской деятельности. Между тем для того, чтобы доказать факт отсутствия реальной деятельности у таких организаций, следователям приходится производить множество следственных действий и кропотливо собирать доказательственную базу.

Как справедливо отмечает И.С. Соловьев, фирма-однодневка – это созданная формально в соответствии с законодательством о государственной регистрации юридических лиц организация, используемая в качестве средства для совершения и (или) сокрытия следов правонарушений и преступлений и обладающая признаками, затрудняющими идентификацию физических лиц, в действительности причастных к ее учреждению и руководству финансово-хозяйственной деятельностью [3, с. 50].

В результате незаконных действий «обнальщиков» государству причиняется колоссальный ущерб в виде недополученных налоговых отчислений в бюджет, а также неподконтрольной массы наличных денежных средств, попавшей в теневой оборот и используемой представителями криминального мира для дачи взяток, подпитки «откатных» и других коррупционных схем [2, с. 262].

Представляется, что после возбуждения уголовного дела по факту осуществления незаконной банковской деятельности следователь должен как можно быстрее проверить следственную версию о фиктивности деятельности фирмы-однодневки, неподконтрольной лицу, представляющему интерес для следствия. С этой целью необходимо истребовать в ФНС России следующие сведения: о самой организации (выписку из ЕГРЮЛ, копии

учредительных документов, копии балансовых отчетов и иных бухгалтерских документов, информацию о применяемой системе налогообложения, информацию об имеющихся и имевшихся расчетных счетах, копии приказов о назначении на должность директора и главного бухгалтера); об учредителе (руководителе) организации с просьбой предоставить информацию обо всех фирмах, где он является таковым; о доходах учредителя (руководителя) за интересующий период; о количестве работников организации, по которым предоставлялись формы 2-НДФЛ (в виде реестра с указанием Ф.И.О., даты рождения, адреса места проживания).

Кроме того, для подтверждения фиктивности деятельности фирмы-однодневки необходимо запросить в Пенсионном Фонде РФ и Фонде социального страхования РФ информацию о работах организации, за которых вносятся платежи. В ГИБДД и службе по надзору за состоянием самоходных и других видов техники необходимо истребовать сведения о зарегистрированных на юридическое лицо и его учредителя (руководителя) транспортных средствах, самоходных машинах, тракторах и т.д.

Для подтверждения осуществления фирмой-однодневкой банковской деятельности без соответствующей лицензии следователю необходимо направить в Центральный Банк РФ соответствующий запрос.

Кроме того, для анализа финансово-хозяйственной деятельности фирмы-однодневки следователю необходимо получить в кредитных организациях выписки по ее расчетным счетам, которые нужно тщательно проанализировать с целью установления ее контрагентов и допроса их представителей о совместной деятельности.

Как показывает анализ судебно-следственной практики по уголовным делам, возбужденным по ст. 172 УК РФ, у фирм-однодневок отсутствуют необходимые условия для достижения результатов экономической деятельности и, соответственно, эта деятельность носит фиктивный характер.

Об этом могут свидетельствовать такие условия, как:

- отсутствие в штате организации необходимого персонала, где, кроме ее номинального руководителя, других работников нет;
- от имени организации предоставляются нулевые или минимальные балансы, что может свидетельствовать об отсутствии осуществления ею реальной финансово-хозяйственной деятельности;
- согласно справке о доходах учредитель (руководитель) фирмы-однодневки имеет минимальный размер заработной платы, которую фактически даже не получает;
- учредитель (руководитель) организации является массовым регистратором, т.е. на его имя может быть зарегистрировано сразу несколько десятков фирм-однодневок [1, с. 100].

Из анализа остальных полученных документов также можно сделать вывод о фиктивности деятельности проверяемой организации, т.к. на практике у нее нет никакой собственности (офисных и складских помещений, транспортных средств и т.д.) или арендованного имущества, работников, отсутствуют лицензии на осуществление банковских операций, в выписках по расчетным счетам фигурируют одни и те же фирмы-заказчики обналичивания и фирмы-однодневки, расчетные счета которых используются для придания видимости легальности осуществляемых операций и последующего снятия наличных денежных средств [1, с. 100-101].

Кроме того, следователю в обязательном порядке необходимо на основании судебного решения произвести выемку регистрационного дела фирмы-однодневки в ФНС России с целью его анализа, а также для предъявления документов в ходе допроса ее номинального руководителя, а также в случае необходимости назначения почерковедческой судебной экспертизы.

Представляется, что для того, чтобы подтвердить факт отсутствия организации по указанному адресу, необходимо произвести осмотр места происшествия, в ходе которого зафиксировать отсутствие любых упоминаний о ней на прилегающей территории (табличек, указателей, баннеров, стендов, рекламных плакатов и т.д.).

Нельзя не согласиться с точкой зрения А.В. Щелконогова, что при расследовании незаконной банковской деятельности, осуществляемой с использованием фирм-однодневок, свидетелей целесообразно разделить на следующие группы:

- лица, имеющие прямое отношение к банкам и банковской деятельности;
- лица, указанные в регистрационных и учредительных документах юридического лица в качестве директора или учредителя (индивидуального предпринимателя);
- лица, непосредственно осуществляющие снятие наличных денежных средств со счетов в банке;
- лица, непосредственно осуществляющие регистрацию юридического лица или индивидуального предпринимателя;
- иные лица, обладающие информацией о деятельности юридического лица и его руководителях [4, с. 109].

Данных лиц необходимо допросить в кратчайший срок для подтверждения ранее полученной информации и дальнейшего планирования расследования.

На основании изложенного можно констатировать, что фирмы-однодневки являются основным средством получения преступного дохода лицами, осуществляющими незаконную банковскую деятельность, что обуславливает необходимость решения тактической задачи по доказыванию их фиктивной деятельности посредством производства комплекса следственных действий.

Литература

1. Поляков Н.В. Документирование лжеэкономической деятельности фирм-однодневок, используемых для осуществления незаконной банковской деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 1 (26). С. 98-104.
2. Поляков Н.В. О необходимости разработки методики расследования незаконной банковской деятельности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: сб. мат-лов XX междунар. научно-практ. конф-ции. Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2017. Ч. 2. С. 262-264.
3. Соловьев И.Н. Фирмы-однодневки: противодействие и проблемы уголовно-правовой квалификации // Налоговая политика и практика. 2011. № 1. С. 50-55.
4. Щелконогов А.В. Особенности доказательственной информации, получаемой при допросе свидетелей при расследовании незаконной банковской деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 3 (30). С. 108-113.

Н.Ю. Русанов

Следственное управление УМВД России по г. Барнаулу

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Статья 196 УПК России посвящена обязательному назначению судебной экспертизы [2]. Среди указанных в этой статье случаев отсутствует указание на судебную фоноскопическую экспертизу, тем не менее в ряде обстоятельств ее проведение является обязательным для всесторонности и объективности предварительного расследования. Судебно-фоноскопическая экспертиза предоставляет возможность идентифицировать личность по голосу и речи, а также выявить признаки монтажа и иных изменений, привнесенных в содержание фонограммы, кроме того, в ряде необходимых случаев при постановке соответствующих вопросов позволяет установить, была ли речь свободной, заученной или прочитанной, а также каково было эмоциональное состояние личности в предоставленной на исследовании фонограмме. Кроме того, при некачественной записи предоставленной фонограммы возможно при производстве такой экспертизы получить дословное содержание записи. Указанные вопросы при их разрешении могут иметь существенное доказательственное значение.

В настоящее время практика расследования преступлений столкнулась с проблемой увеличенных сроков производства судебной фоноскопической экспертизы. Так, в соответствии с п. 12 приказа МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» [1] предусматривается проведение судебных экспертиз в срок, не превышающий пятнадцати суток. Указанный срок при проведении судебных фоноскопических экспертиз не соблюдается. Следователь или дознаватель уведомляется о том, что экспертно-криминалистическое подразделение органов внутренних дел в соответствии с очередностью назначает дату окончания экспертизы, соответствующей трехмесячному сроку со дня назначения экспертизы или даже более. Данное обстоятельство вызвано большим количеством экспертиз и исследований, находящихся в производстве экспертов-фоноскопистов.

Однако анализ материалов уголовных дел показал, что, помимо загруженности экспертных подразделений, сроки назначения и производства фоноскопической экспертизы увеличиваются также и по следующим причинам:

1. Несвоевременное предоставление фонограмм органами дознания следователю или дознавателю. Действие данного факта возможно уменьшить путем направления поручения в соответствующий орган дознания, а в случае неисполнения просьбы, указанной в поручении, возможно направление в этот же орган представления на должностное лицо, ответственное за исполнение поручения. Также возможно инициирование совещания в вышестоящем подразделении органа дознания с установлением сроков предоставлений фонограмм.

2. Противодействие со стороны защиты путем непредоставления образцов голоса и речи от лица, которое необходимо идентифицировать. Данный вид противодействия осуществляется в форме прямого отказа, в основном подозреваемых и обвиняемых, от дачи образцов голоса и речи. При этом следователь или дознаватель, руководствуясь ст. 202 УПК России, обязан для получения таких образцов провести следственное действие «Получение образцов для сравнительного исследования» и только после фиксации в протоколе факта отказа от дачи образцов вправе направить в орган дознания поручение о проведении оперативно-разыскных мероприятий, направленных на получение образцов голоса и речи. В случае игнорирования производства действий, указанных в ст. 202 УПК России, проведение оперативно-разыскных мероприятий, направленных на получение образцов голоса и речи, можно расценивать как подмену следственному действию «Получение образцов для сравнительного исследования», что недопустимо.

Кроме того, необходимо заранее ориентировать органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, на получение образцов голоса и речи подозреваемого еще на этапе предварительной проверки материалов для экономии времени производства предварительного рассле-

дования, назначения и производства фоноскопической экспертизы в будущем.

3. Противодействие со стороны защиты путем предоставления некачественных образцов голоса и речи от лица, которое необходимо идентифицировать. Данный вид противодействия осуществляется следующим образом: лицо, подлежащее идентификации, намеренно искажает предоставляемые им образцы голоса и речи, используя другую тональность или камуфлируя речь наличием речевых дефектов. В данном случае следователь или дознаватель при изъятии образцов для сравнительного исследования должен в обязательном порядке привлечь к указанному следственному действию специалиста из числа сотрудников экспертно-криминалистического подразделения органов внутренних дел, присутствовать при проведении изъятия и обо всех искажениях голоса и речи сообщать сотруднику, проводившему изъятие образцов. Сотрудник, осуществляющий изъятие образцов голоса и речи, делает соответствующие коррективы при изъятии, в т.ч. увеличивает срок изъятия образцов.

4. Кроме того, также одной из причин увеличения сроков назначения судебно-фоноскопической экспертизы является продолжительный осмотр следователем и дознавателем фонограмм для оценки необходимости предоставления в экспертное подразделение той или иной записи для проведения исследования. В данном случае при наличии значительного материала, подлежащего

осмотру, следует прибегнуть первоначально к выборочному осмотру предоставленных материалов для выбора записей, которые в последующем направляются на фоноскопическую экспертизу. Также при первоначальном осмотре следует скопировать имеющиеся записи, о чем составить соответствующую запись в протоколе осмотра фонограмм. Впоследствии это позволит при повторном осмотре более детально осмотреть имеющиеся фонограммы.

5. Предоставление на фоноскопическую экспертизу излишнего количества фонограмм, что естественным образом влияет на увеличение сроков ее производства. Для устранения этой причины перед назначением экспертизы следует провести совместное совещание с сотрудниками экспертно-криминалистического подразделения, согласовать вопросы, задаваемые эксперту, и объем фонограмм, предоставляемых ему.

Значительное увеличение срока предварительного следствия и доследственной проверки при назначении фоноскопической экспертизы нередко приводит к отказу следователя или дознавателя от проведения указанного следственного действия. Однако необходимо учитывать, что результатом его производства является появление новых доказательств, которые позволят объективно оценить действия лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении расследуемого преступления.

Литература

1. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 // Российская газета. 1995. № 191.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017, с изм. от 14.11.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А.М. Сажжев, канд. юрид. наук, доцент

Институт повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

ОРГАНИЗАЦИЯ И ТАКТИКА ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШЕЙ ПО ДЕЛАМ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ, СОВЕРШЕННОМ ГРУППОЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Групповая преступность несовершеннолетних — одна из ключевых проблем современного общества. Борьба с ней, наряду с расширением профилактической работы, требует своевременного, полного и объективного расследования уголовных дел при строгом соблюдении норм уголовно-процессуального законодательства. Для этого необходимо владение современными методами расследования преступлений, совершаемых подростками, тактическими приемами организации и проведения следственных действий, знание специфики работы по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению данных преступлений [1, с. 7; 2, с. 243].

Несмотря на принимаемые меры, в настоящее время процесс омолаживания преступности имеет свое продолжение. Совершение преступлений в группе, в т.ч. тяжких и особо тяжких, состоящих как из малолетних, так и несовершеннолетних, уже не является чем-то ординарным в практике следственных органов. В числе таких преступлений мы можем увидеть и половые преступления, в первую очередь изнасилования, совершенные группой несовершеннолетних.

Важным следственным действием при расследовании данных преступлений, совершенных подростковыми группами, является допрос потерпевшей, без которого не обходится ни одно расследование изнасилований, совершенных группой несовершеннолетних, и который характеризуется особой спецификой как его организации, так и тактическими приемами. Особенно это проявляется в ходе расследования подобных изнасилований, жертвами которых являются несовершеннолетние. Именно этот фактор создает определенные трудности при получении от них показаний.

Многие следователи хорошо знают, как иногда трудно получить правдивые показания от таких потерпевших в более «простой» ситуации — при изнасиловании, совершенном одиночкой. Нередко несовершеннолетние потерпевшие после преступления находятся в состоянии протра-

ции, напуганы, на них нередко действует негативная эмоциональная реакция родителей и близких, да и сама обстановка допроса. В ходе общения со следователем, особенно на первом допросе, у них начинают проявляться такие качества, как чувство стыда, подавленности, безразличия, боязнь последствий изнасилования. Поэтому они зачастую не в состоянии достаточно полно описать личность даже одного насильника. В нашем же случае речь идет о группе насильников из числа несовершеннолетних, поэтому задача для следователя, связанная с получением сведений от потерпевшей, усложняется.

Расследуя групповое преступление, следователю необходимо получить от потерпевшей информацию о внешности преступников, особых приметах, особенностях их речи, имена, прозвища и т.п. При этом в ходе подготовки к допросу необходимо учитывать ряд особенностей, характерных для показаний несовершеннолетних потерпевших по делам об изнасиловании:

- преувеличенное представление о некоторых моментах пережитого события;
- обобщенность, особенно в первоначальных показаниях о действиях насильников («все держали», «все угрожали» и т.п.);
- пробелы, пропуски при описании некоторых важных фактов происшедшего;
- заблуждения относительно последовательности развития событий, перестановка отдельных деталей и действий конкретных участников;
- условия восприятия обстоятельств преступления [4, с. 27-28].

Помимо перечисленных особенностей, влияющих на результат допроса потерпевшей по групповому изнасилованию, следователю необходимо также учесть и ряд моментов, связанных с личным поведением потерпевшей и кругом ее общения.

Как показывает практика расследования данных дел, группы несовершеннолетних, совершающих изнасилования, нередко в качестве жертв выбирают девушек аналогичного возраста [3,

с. 58], имеющих репутацию «доступных» и даже входящих в одну неформальную группу с насильниками. В итоге «свободное» и даже где-то провокационное поведение такой девушки в общении со сверстниками завершается совершением в отношении нее преступления. И когда таким жертвам изнасилования приходится общаться со следователем, они нередко стараются скрыть такое свое поведение, мотивируя свою позицию тем, что боятся огласки, осуждения родных и близких и даже наказания с их стороны, снижения своего статуса в своем кругу. Отсюда можно сделать следующий вывод – в рамках подготовки к допросу несовершеннолетней потерпевшей по факту ее изнасилования группой подростков требуется более углубленное изучение ее личности, поведения не только в момент совершения преступления, но и до и после него, а также круга ее знакомых.

Поэтому при определении тактических приемов допроса несовершеннолетней потерпевшей по изнасилованию, помимо традиционных (например, в форме свободного рассказа), в первую очередь необходимо выбирать и такие, которые будут направлены на преодоление психической травмы, причиненной преступлением, имеющие своей целью помочь адаптироваться и получить достаточно полные и достоверные показания непосредственно после совершения преступления, исключив тем самым необходимость проведения повторного допроса [5, с. 19].

Важным элементом подготовки к допросу несовершеннолетней потерпевшей является формулирование вопросов. Необходимо заранее расположить их в логической последовательности так, чтобы они как бы подводили допрашиваемую к изложению наиболее важных сведений. При этом содержание вопросов не должно каким-либо образом унижать, оскорблять или даже смущать потерпевшую. Особо это касается при исследовании эпизода непосредственного изнасилования.

В связи с тем, что речь идет о совершении группового преступления, в основе допроса потерпевшей должно быть выяснение двух важнейших обстоятельств дела: 1) сколько преступников совершили изнасилование (если потерпевшая

знает насильников, то сразу выясняется, кто они такие, их местонахождение, где их можно найти); 2) какое участие принимал каждый из преступников в совершении изнасилования.

Установление роли преступников в ходе допроса несовершеннолетней потерпевшей целесообразно проводить по следующей схеме: сначала выясняется, кто из участников группы был наиболее активен: первым подошел к потерпевшей, больше всех проявлял грубость, угрожал или избивал, первым совершил половой акт. Затем устанавливается, кто из участников изнасилования занимал наиболее пассивную роль, и не было ли таких, кто вообще никакого участия в преступлении не принимал. После выяснения наиболее активных и пассивных соучастников уточняется, какие действия совершали остальные участники группы.

Анализ практики расследования подобных преступлений, а также криминалистической и криминологической литературы [6, 7, 8] позволяет определить ряд организационных и тактических особенностей данного такого следственного действия, как допрос несовершеннолетней потерпевшей по делам об изнасиловании, совершенного группой несовершеннолетних. К их числу можно отнести: производить допрос конфиденциально – следователь, допрашиваемая, другие и только необходимые участники уголовного процесса; допрос поручать более авторитетному следователю, умеющему устанавливать с потерпевшей психологический контакт; строго проинструктировать сотрудников уголовного розыска, иных участников расследования о том, чтобы их работа с потерпевшей ограничивалась кругом вопросов, необходимых для установления и задержания преступников; разъяснить потерпевшей и ее законному представителю (как правило, это мамы) о том, что будут приняты меры по сохранению тайны следствия; принять меры к недопущению воздействия на потерпевшую со стороны заинтересованных в исходе дела лиц; умело и доходчиво разъяснить потерпевшей о необходимости дачи полных и правдивых показаний; умело обращаться к положительным чертам личности допрашиваемой.

Литература

1. Бакаев А.А., Лелеков В.А., Остапенко Н.И. О мерах по совершенствованию правового обеспечения профилактики правонарушений несовершеннолетних // Российский следователь. 2003. № 5. С. 7.
2. Веселков К.В. Проблемы психологии формирования показаний потерпевшего и особенности тактики его допроса на следствии (по конкретным категориям уголовных дел): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 28 с.
3. Иванов А.В. Расследование изнасилований малолетних. Челябинск, 2004. 32 с.
4. Иншаков С.М. Криминология: учебник. М., 2000. 432 с.

5. Комиссаров В.И., Лялина Е.В. Первоначальный этап расследования изнасилований, совершаемых группой несовершеннолетних. М.: Из-во «Юрлитинформ», 2007. 200 с.
6. Скичко О.Ю. Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 222 с.
7. Скорченко П.Т. Расследование изнасилований. М.: «Былина», 2004. 224 с.
8. Центров Е.Е. Криминалистическое учение о потерпевшем. М., 1988. 160 с.

В.В. Сиделев

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

СПЕЦИАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В 90-х гг. XX в. в России произошли глобальные изменения в политической и экономической жизни государства и общества, на фоне которых произошел резкий рост преступности в целом и организованной преступности в частности.

Руководством СССР в конце 80-х гг. и руководством Российской Федерации в начале 90-х гг. были приняты необходимые политические решения и создана нормативно-правовая база для борьбы с организованной преступностью. Рассмотрим основные из них.

Так, 15 ноября 1988 г. на базе 6-го управления МВД СССР были созданы подразделения по борьбе с организованной преступностью, так называемые «шестые отделы» [6].

Указом Президента СССР от 4 февраля 1991 г. № УП-1423 «О мерах по усилению борьбы с наиболее опасными преступлениями и их организованными формами» [4] определялась необходимость создания в МВД СССР Главного управления МВД СССР по борьбе с наиболее опасными преступлениями, организованной преступностью, коррупцией и наркобизнесом.

Постановлением Правительства РФ от 29 ноября 1992 г. № 914-63 «Об организационных мерах по обеспечению борьбы с организованной преступностью», принятым во исполнение Указа Президента РФ от 8 октября 1992 г. № 1189 «О мерах по защите прав граждан, охране правопорядка и усилению борьбы с организованной преступностью» [3] штатная численность органов внутренних дел увеличена на 20 тысяч человек и выделены значительные государственные средства на обеспечение их деятельности, созданы

Главное управление по организованной преступности МВД Российской Федерации (ГУОП).

Особой вехой в борьбе с организованной преступностью явился Указ Президента РФ от 14 июня 1994 г. № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности» [5], согласно которому введена в действие система неотложных мер борьбы с бандитизмом и иными тяжкими преступлениями, совершаемыми организованными преступными группами.

22 мая 1995 г. Генпрокуратурой, МВД, ФСБ и ДНП подготовлен совместный приказ [2], утверждающий Положение о совместных следственно-оперативных группах (бригадах) органов прокуратуры, внутренних дел, безопасности и налоговой полиции для пресечения и расследования деятельности организованных преступных групп.

В 2008 г. на фоне улучшения криминогенной обстановки принято решение о ликвидации службы: содержание значительного по количеству аппарата без достаточного обоснования его деятельности было признано нецелесообразным.

Следует признать, что накопленный опыт успешно функционировавшей службы после ее ликвидации фактически остался невостребованным другими оперативными подразделениями МВД РФ. Основная причина – серьезные различия в принципах и в подходах в организации оперативной работы.

Так, если уголовный розыск работает по схеме: от обстоятельств совершенного преступления к лицу, его совершившему, то подразделения по борьбе с организованной преступностью – наобо-

рот, а именно: от лица, который может совершить преступление, к подготавливаемому преступлению. Большое значение в их деятельности уделялось профилактике и минимизации преступной деятельности лидеров организованных группировок. Кроме того, подразделения по борьбе с организованной преступностью сочетали в себе весь спектр возможностей оперативных подразделений по всем видам преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями. Достичь такой концентрации в органах криминальной полиции не представляется возможным, т.к. каждая служба имеет собственные задачи и оперативные интересы, что затрудняет их постоянное и планомерное взаимодействие, а также значительно снижает его эффективность.

Вместе с тем организованная преступность в России не исчезла. Так, сложная с ней ситуация наблюдается в ряде регионов, в т.ч. на Северном Кавказе, Дальнем Востоке и др. Помимо традиционных организованных преступных формирований общеуголовной и экономической направленности, которые при возникновении благоприятных для них социально-экономических и политических условий в любой момент готовы перейти к активным преступным действиям, серьезную угрозу несут многочисленные экстремистские организации различных форм и проявлений. Этому в значительной мере способствуют современные

средства связи и интернет, которые позволяют производить быструю организацию деятельности неограниченных масс людей и манипуляцию ими, которые в умелых, но «нечистых» руках превращаются в орудие преступления. Остается только выбрать преступную цель и направить на нее управляемую массу. Какой будет эта цель, кто стоит за всеми этими процессами, какие внутренние изменения там протекают, как будут развиваться события далее, неизвестно. А знать нужно, чтобы не повторять обидные ошибки прошлого.

Таким образом, объективно назрела необходимость возрождения специальных подразделений по борьбе с организованной преступностью. Численность таких подразделений и конкретные задачи их деятельности должны определяться всесторонним анализом криминогенной обстановки. Следует сделать соответствующие выводы и при организации специализированной службы учесть и исключить ранее допущенные просчеты. Достигнуть этого возможно путем правового регулирования, должного контроля и организации работы данных подразделений. Не вызывает сомнения, что упорядоченная деятельность указанных подразделений принесет колоссальный эффект в виде стабилизации обстановки в обществе и государстве, отсутствии социально-экономических потрясений и потерь, связанных с разгулом организованной преступности.

Литература

1. Бычков В.В. Противодействие организованной преступности: нормативная база: хрестоматия. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2014.
2. Об утверждении положения о совместных следственно-оперативных группах (бригадах) органов прокуратуры, внутренних дел, безопасности и налоговой полиции для пресечения и расследования деятельности организованных преступных групп [Электронный ресурс]: приказ Генпрокуратуры РФ, МВД РФ, ФСБ РФ, ДНП РФ от 22.05.1995 № 32/199/73/278. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О мерах по защите прав граждан, охране правопорядка и усилению борьбы с организованной преступностью: Указ Президента РФ от 8 октября 1992 г. № 1189 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1992. № 15. С. 1157.
4. О мерах по усилению борьбы с наиболее опасными преступлениями и их организованными формами [Электронный ресурс]: Указ Президента СССР от 4 февраля 1991 г. № УП-1423. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности: Указ Президента РФ от 14 июня 1994 г. № 1226 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 8. Ст. 804.
6. О создании управления по борьбе с организованной преступностью [Электронный ресурс]: приказ МВД СССР от 15.11.1988 № 0014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С.Ю. Скобелин, канд. юрид. наук, доцент

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Современные открытия в области генетики, психологии, экономики, а также технико-цифровой общественный прогресс требуют пересмотра некоторых устоявшихся в криминалистике направлений. В частности, совершенно по-другому, чем, допустим, еще пять лет назад необходимо подходить к тактике проведения всех видов следственного осмотра. Следует оберегать видимые и латентные следы преступников от их повреждения или утраты, привнесения следов участников следственно-оперативной группы, нарушения следовой обстановки. В первую очередь речь идет о биологических следах: крови, спермы, эпителия, влагалищных выделениях (генетические, запаховые следы), следах пальцев рук, обуви, транспортных средств; цифровых следах. По делам о преступлениях против личности недопустимо проводить осмотр места происшествия без обработанных спиртом перчаток, защитного костюма, бахил, шапочки и маски, однако у российского следователя это пока вызывает улыбку.

Значительно расширились экспертные возможности, а научно-технический прогресс приводит к тому, что ряд экспертиз постепенно переходит в разряд следственных осмотров, т.к. для получения криминалистически важной информации не требуется особых специальных познаний, а технические устройства выполняют самостоятельно весь сложный исследовательский процесс. Речь, к примеру, идет о цианоакрилатовых камерах для окулирования парами клея различных предметов и выявления потожировых следов рук; об извлечении полной (в т.ч. удаленной) цифровой информации из современных гаджетов, позиционировании их местонахождения и движения в определенный период времени за счет использования для их осмотра программно-аппаратных комплексов (Universal Forensic Extraction Device (UFED), «Мобильный криминалист», XRY, MOBILedit, «Тарантула» и др.); и даже о генетическом исследовании с помощью специализированных систем быстрого анализа ДНК (DNAscan Rapid DNA Analysis).

Эффективность обнаружения, фиксации, изъятия и упаковки следов и орудий преступления значительно возрастает при использовании совре-

менной криминалистической и специальной техники, средств аудиовизуальной фиксации, тестов на биологические следы. Активное применение технико-криминалистических средств весьма положительно сказывается на повышении производительности труда следователя, объективности и оперативности расследования. Арсенал криминалистической техники, состоящей на вооружении следователей-криминалистов СК России, экспертов-криминалистов МВД, ФСБ довольно богат.

Так, использование аудио-, фото- и видеозаписи ускоряет фиксацию обстановки, в которой проводятся следственные действия. Измерительная аппаратура (лазерные дальномеры, навигаторы) облегчает составление планов и схем места происшествия, позволяет точно определить координаты места происшествия.

В криминалистических подразделениях представлены последние образцы поисковой техники, функционирующей посредством геолокации, металлодетекции, световой и нелинейной локации. Указанные приборы предназначены для поиска захороненных трупов, металлических объектов, средств мобильной связи и их частей в различных средах (вода, земля, снег, песок и пр.), а также средств скрытой видео- и аудиофиксации.

Средства для обнаружения и исследования следов рук, обуви, орудий взлома, транспортных средств позволяют в отдельных случаях задерживать преступника по горячим следам. На вооружении криминалистов имеются современные средства обнаружения и изъятия следов пальцев рук с различных поверхностей. Многообразные дактилоскопические порошки позволяют визуализировать отпечатки пальцев на гладких поверхностях, крашеном дереве, полиэтилене, кроме того, имеются криминалистические средства выявления отпечатков пальцев на пористых поверхностях, таких как бумага, картон и необработанное дерево. Имеются криминалистические средства обнаружения и изъятия следов пальцев рук с липких поверхностей, например ленты-скотча. Криминалистами при выявлении пальцевых отпечатков применяется и нингидриновые камеры, позволяющие выявлять следы пальцев рук на бумаге, денежных купюрах, картоне.

Широко используется установка для изготовления компьютерной сферической панорамы и виртуальных туров мест происшествий, что обеспечивает наглядность и виртуальное присутствие на месте преступления. Внедрена программа «Конструктор места происшествия», с помощью которой следователь проводит данное следственное действие с одним планшетом, определяет координаты, составляет протокол, таблицы, схемы, производит фотосъемку и пр. Это является необходимым при рассмотрении уголовных дел в суде с участием присяжных заседателей, для формирования представления о месте совершения преступления, количестве потерпевших, наличии у них телесных повреждений, а также последствий преступного посягательства в целом.

Современные источники света «вооружают» невооруженный взгляд следователя и позволяют обнаружить невидимые следы. С помощью аппаратно-программных комплексов есть возможность извлечь из современных «гаджетов» не только содержание переписки, фото-, видеофайлы, но и проследить маршрут движения заподозренного лица, его соучастников или жертвы.

Следователи имеют возможность использовать в ходе производства осмотра места происшествия, обыска или иных следственных действий беспилотные летательные аппараты, источники криминалистического света, эндоскопы,

микроскопы, лупы, ультрафиолетовые и инфракрасные осветители, магнитометры, тесты для выявления латентных (невидимых или слобовидимых) следов преступления биологического происхождения, микроволокон, спрятанных или замаскированных объектов.

Успешное раскрытие и расследование преступлений во многом зависит сегодня от аккуратного отношения всех субъектов, задействованных в данном процессе, к следовой обстановке как на месте происшествия, так и при собирании, упаковке, транспортировке и хранении вещественных доказательств.

Только квалифицированная работа следователя, а также других участников следственно-оперативной группы, экспертов, помощников следователей, ответственных за хранение вещественных доказательств, позволяет сохранить микрообъекты (обрывки волокон текстильных тканей или волос, песчинки, капли крови, краски, частицы эпидермиса, почвы, пищевых продуктов, строительных материалов, пороха и т.д.), их локализацию на предмете (одежде), запаховые следы, цифровую информацию в современных гаджетах, следы рук, обуви, транспортных средств, аудио-, фото-, видеоматериалы и др. Это, в свою очередь, позволяет путём осмотра или экспертного исследования таких объектов изобличить виновных, объективно и оперативно раскрыть преступление и направить уголовное дело в суд.

В.Б. Стукалин, канд. юрид. наук, доцент

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»

НЕКОТОРЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЭТАПА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ, СОПРЯЖЁННОГО С ОСМОТРОМ ТРУПА

К различным вопросам наружного осмотра трупа на месте его обнаружения, рассматриваемого в криминалистике как следственное действие, обращались различные криминалисты, к числу которых можно отнести: А.Р. Белкина, Н.М. Букаева, В.К. Гавло, Е.П. Ищенко, А.Г. Филиппова, Н.П. Яблокова, В.В. Яровенко и др. [1, 2, 3, 4, 5].

Обобщая мнения различных авторов, следует отметить, что основное внимание направлено на рассмотрение тактических особенностей производства рабочего этапа осмотра, где основным объектом осмотра является труп. Анализируя содержание заключительного этапа осмотра места происшествия следует отметить, что одним из элементов, указываемым различными авторами,

является транспортировка трупа в бюро судебной медицинской экспертизы для производства исследования. При этом не определяется, кто должен это осуществлять. По смыслу излагаемого представляется, что эта процедура возлагается на органы внутренних дел.

Следует отметить, что данная точка зрения имеет под собой определённую правовую основу, поскольку в соответствии с п. 12 Приказа Минздравсоцразвития РФ от 12.05.2010 № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» доставка объектов и материалов осуществляется органом или лицом, назначившим экспертизу, в соответствующие структурные подразделения государственных судебно-экспертных учреждений. Содержание указанного приказа, как представляется, основывается на положениях ст. 27 ФЗ от 31.05.2001 № 73 (ред. от 08.03.2015) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в которой указано, что доставка в медицинскую организацию или иное учреждение лица, направленного на судебную экспертизу, обеспечивается органом или лицом, назначившими судебную экспертизу. Казалось бы, всё логично, за исключением того, что положения данной статьи относятся к условиям «производства судебной экспертизы в отношении живых лиц». Представляется, что перенесение данных положений с живого лица на «объекты и материалы», в т.ч. на труп, необоснованно, поскольку упоминания в законе о доставке трупа для производства судебно-медицинской экспертизы нет.

В соответствии со статьей 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» в обязанность полиции не входит доставка трупов (останков тел) с мест происшествий в медицинские учреждения. В соответствии с приложением № 1 к Приказу МВД России от 30 июня 2017 г. № 430 «Об организации и проведении мониторинга качества предоставления государственных услуг в системе МВД России», где определён исчерпывающий перечень государственных услуг, предоставляемых подразделениями МВД России, услуги, связанные с перевозкой тел погибших в результате совершения преступления в учреждения судебно-медицинской экспертизы, не оказываются.

Анализируя положения действующего законодательства, следует отметить, что реализация функций по транспортировке (перевозке) тел умерших (в т.ч. погибших в результате совершения преступления) в государственное судебно-

экспертное учреждение для проведения судебно-медицинской экспертизы, а также их захоронение относятся к полномочиям органов местного самоуправления.

Так, в соответствии с п. 2.3.9 ГОСТа 32609-2014 «Межгосударственный стандарт. Услуги бытовые. Услуги ритуальные. Термины и определения» к основным видам ритуальных услуг относится «перевозка тел, останков умерших или погибших в места проведения патологоанатомического вскрытия – судебно-медицинской экспертизы...». В соответствии с п. 22 ч. 1 ст. 14, п. 17 ч. 1 ст. 15 и п. 23 ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» организация ритуальных услуг отнесена к вопросам местного самоуправления.

Аналогичные положения, связанные с погребением умерших и устанавливающие основы организации похоронного дела в Российской Федерации как самостоятельного вида деятельности, относимого к ведению органов местного самоуправления, закреплены соответствующими нормами Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле», например ч. 2 ст. 26, ч. 2 ст. 29 и др. В то же время в указанном законе ритуальная услуга и, соответственно, относимая к ней транспортировка (перевозка) тел умерших (погибших) не входят в гарантированный перечень услуг по погребению, оказываемых специализированной службой по вопросам похоронного дела (п. 2 ст. 9 федерального закона № 8-ФЗ).

Как видится, данная услуга может оказываться любым хозяйствующим субъектом, занимающимся деятельностью в указанной сфере, с организацией конкурсных процедур, что также находится в ведении органов местного самоуправления. Так, в Новосибирской области вопросы, связанные с транспортировкой тел погибших (умерших) на исследования в бюро судебно-медицинской экспертизы, регламентированы приказом Департамента здравоохранения Новосибирской области, которым утверждено положение «О подразделении по круглосуточной доставке трупов из лечебно-профилактических учреждений и мест происшествия районов области и г. Новосибирска в морг ГУЗ “Новосибирское областное бюро судебно-медицинской экспертизы”».

Следует отметить, что не везде рассматриваемые вопросы решаются аналогично. Анализ практики решения этих вопросов в субъектах Сибирского федерального округа позволяет сделать вывод, что в рамках столиц субъектов, ад-

министративных центров сельских районов проблем с транспортировкой трупов нет. Но по мере удаления от них такие проблемы периодически возникают. Так, в республиках Тыва и Бурятия, Красноярском и Забайкальском краях, Иркутской области имеются существенные проблемы, которые вызваны значительной удалённостью и их транспортной недоступностью, а также отсутствием финансовых средств в бюджетах со-

ответствующих органов местного самоуправления. Транспортировка тел погибших (умерших) из таких районов осуществляется, как правило, с помощью служебного транспорта фельдшерских пунктов, администраций сельских поселений либо органов внутренних дел. В Красноярском крае и в Республике Бурятия имеют место случаи доставления в морг погибших силами родственников.

Литература

1. Белкин А.Р. Осмотр и освидетельствование как следственные действия: проблемы законодательной регламентации // Уголовное судопроизводство. 2015. № 2.
2. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001.
3. Лебедев Н.Ю. Теоретические основы конфликтов, возникающих в процессе досудебного и судебного производства по уголовному делу, и пути их разрешения: монография / под ред. В.К. Гавло. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012.
4. Степанов С.А., Хомяков И.Д. Некоторые аспекты производства осмотра места происшествия при расследовании преступлений насильственного характера не связанных с причинением смерти потерпевшему, совершенных военнослужащими внутренних войск МВД России // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства: сборник статей по мат-лам ежегодной международной научно-практ. конф-ции. 2015. С. 551-555.
5. Стукалин В.Б. Отдельные аспекты осмотра места происшествия // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы одиннадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2013. Ч. 1. С. 30-32.

Т.С. Табурова, канд. психол. наук

Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТОВ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ С ПРИЗНАКАМИ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Интерес к анализу текстов экстремистской направленности, наблюдающийся в последние годы, обусловлен как повышенной социальной значимостью проблемы экстремизма, так и возрастанием роли сети Интернет, становящейся все более популярным средством воздействия на сознание людей. Интернет-пространство является подходящей средой для распространения экстремистских материалов, поскольку обеспечивает, с одной стороны, широкий охват аудитории и возможность избирательного воздействия на социальные группы с заранее определенными особенностями, с другой стороны, в некоторых пределах обеспечивает анонимность их авторов и распространителей. При этом наблюдается увеличение

объема назначаемых лингвистических экспертиз экстремистских текстов, поскольку именно она позволяет выявлять в массиве публикуемых в сети материалов те, которые направлены на возбуждение ненависти и вражды, оправдание террористической деятельности и т.д., т.е. являются собственно экстремистскими.

Особенно часто лингвистическая экспертиза назначается по делам о возбуждении ненависти либо вражды, а равно об унижении человеческого достоинства (ст. 282 Уголовного кодекса РФ) [7]. При этом, как подчеркивают эксперты [3, 6], анализ материалов именно по данной статье является одним из самых сложных, поскольку, несмотря на постоянное развитие и совершенствование мето-

дов лингвистической экспертизы, диапазон применяемых методик не может охватить все многообразие феноменов, возникающих при порождении и восприятии текста экстремистской направленности, что связано со спецификой данного вида экспертизы. Ее задачей является установление направленности речевого действия, решение же вопросов о направленности умысла автора, мотивов, причин и целей его действий находится вне пределов компетенции экспертов-лингвистов, поскольку охватывает социальный контекст и мотивацию поведения воздействующего субъекта, а также предполагаемое состояние человека, воспринимающего текст, и требует исследования с применением специальных познаний в области психологии [3, 6].

В связи с этим в последнее время все большее распространение получают комплексные психолого-лингвистические экспертизы текстов. Однако методологический и методический аппарат данного вида экспертизы находится в стадии разработки и требует проведения дальнейших исследований. Для его совершенствования необходим психологический анализ проблемы возбуждения ненависти и вражды. Такой анализ предполагает обращение к понятию «психологическое воздействие», поскольку объективная сторона возбуждения ненависти и вражды состоит в оказании активного воздействия на людей с целью побуждения их к совершению экстремистских действий [4]. Ряд авторов полагает, что именно посредством анализа приемов психологического воздействия возможно раскрытие побудительного потенциала текста при отсутствии в нем явно выраженных речевых признаков призыва и возбуждения ненависти [3, 6].

Психологическое воздействие представляет собой «изменение психологических характеристик личности, групповых норм, общественного мнения или настроения за счет использования психологических и социально-психологических закономерностей» [2, с. 23]. Результатом воздействия является формирование, изменение и закрепление у собеседника социальных установок относительно объектов, упоминавшихся в сообщении [3, 5]. Значительная часть приемов воздействия имеет манипулятивную природу. Манипуляция представляет собой разновидность психологического воздействия, направленного на скрытое возбуждение у субъекта желаний, не совпадающих с его актуальными потребностями; косвенное внедрение в его психику целей, намерений и установок для побуждения к совершению нужных манипулятору действий [1]. Именно приемы сознательного манипулирования, предпола-

гающие эксплуатацию потребностей, чувств, отношений, ценностей, установок адресата, согласно мнению ряда авторов [5, 6], подлежат в первую очередь выявлению в спорных текстах для установления характера и интенсивности воздействия текста на адресата, а также для установления намерений автора, направленности текста.

Использование в тексте приемов манипулирования предполагает соблюдение основных условий воздействия (правильный выбор мишени воздействия; использование особенностей коммуникатора; учет особенностей адресата), соблюдение которых позволяет авторам экстремистских текстов достигать своих целей, причем выявление признаков активного использования потенциала этих условий в спорных текстах способствует установлению факта сознательного манипулирования как способа возбуждения ненависти и вражды [6]. Однако задача выявления данных признаков в конкретных текстах является достаточно новой для экспертной практики. В настоящее время отсутствует общепризнанная методика психологического анализа текста на предмет выявления в нем признаков манипуляционного воздействия, комплексная психолого-лингвистическая экспертиза текстов экстремистской направленности проводится с опорой на различные основания, что обуславливает необходимость создания унифицированного алгоритма проведения экспертизы подобных материалов и повышает значимость научных исследований в данном направлении.

Таким образом, возбуждение ненависти и вражды посредством текстов экстремистской направленности как активное психологическое воздействие зачастую предполагает применение манипулятивных приемов. Однако распознавание признаков их использования в конкретных текстах является достаточно сложной задачей, не решенной в настоящий момент. Хотя ряд авторов констатирует, что косвенное воздействие на аудиторию зачастую оказывается более действенным, чем прямая пропаганда [3], психологические механизмы, обеспечивающие эту действенность, по-прежнему недостаточно изучены, а конкретные индикаторы, позволяющие выявить наличие в экстремистском материале косвенных приемов воздействия, недостаточно четко сформулированы. В связи с этим представляется перспективной разработка алгоритма анализа экстремистских материалов на предмет выявления в них признаков возбуждения ненависти и вражды путем скрытого воздействия на систему установок человека с использованием психологических преимуществ воздействующего субъекта и с учетом

психологической уязвимости человека по отношению к действию определенных стимулов с целью побуждения его к совершению враждебных действий.

Литература

1. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 2000. 344 с.
2. Кабаченко Т.С. Методы психологического воздействия: учеб. пособие. М.: Пед. общ. России, 2000. 544 с.
3. Классификация видов воздействия текста на читателя, характеристик текста, определяющих это воздействие, а также описание оценки степени воздействия текста на читателя / А.Н. Баранов [и др.]. М., 2011. 73 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: ТК Велби, Проспект, 2017. 664 с.
5. Кроз М.В., Ратинова Н.А., Онищенко О.Р. Криминальное психологическое воздействие. М.: Юрлитинформ, 2008. 200 с.
6. Кукушкина О.В., Сафронова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011. 330 с.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (по сост. на 25 марта 2017 г.). М.: Прогресс, 2017. 288 с.

А.Е. Хорошева, канд. юрид. наук
Алтайский государственный университет

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ УЧЕНИЯ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Одним из главных теоретических базисов, нуждающихся в разработке, является определение основ, субъектного состава и содержания криминалистической деятельности участников судебного разбирательства уголовных дел. Именно это понятие и выступает сегодня краеугольным камнем дискуссий о целесообразности развития так называемой криминалистики для суда. Хотя корректность последней фразы не может не вызывать сомнений, потому как правовая природа криминалистики *a priori* предполагает не возникновение какой-то специальной, в нашем случае судебной, криминалистики, а позволяет обеспечить криминалистическими рекомендациями в одинаковой степени и предварительное следствие, и судебное разбирательство. Таким образом, предмет криминалистики не может быть расширен или видоизменен, он также включает в себя два объекта – деятельность криминальную и деятельность криминалистическую. Разница состоит лишь в том, что последний вид деятельности реализуются в разных условиях и в разной

обстановке. Разница условий предопределяется уголовно-процессуальными, психологическими, организационными и иными факторами. К числу уголовно-процессуальных факторов можно отнести наличие общих принципов ведения предварительного следствия, среди которых тайность, письменность, специфический круг участников и т.д., и принципов судебного разбирательства: публичности, открытости, непосредственности, устности и т.д. Психологические факторы, влияющие на ведение криминалистической деятельности, во многом связаны с факторами процессуальными и коррелируют с исторически сложившимся типом уголовного процесса.

В научном сообществе общепризнана точка зрения, в соответствии с которой криминалистические знания представляют собой своего рода инструмент, способствующий эффективному достижению задач процессуального доказывания. Данного мнения придерживаются представители не только процессуальной науки, но и криминалистической. Этому факту есть логическое объясне-

ние. По справедливому замечанию В.Я. Колдина, «все основные понятия теории судебных доказательств: доказательства, источники, средства, предмет доказывания и др., сформировались в процессе доктринального толкования норм процессуального права и анализа практики их применения при расследовании и судебном рассмотрении уголовных и гражданских дел. <...> Теория судебных доказательств в рамках правовых дисциплин ограничена рамками нормативно-правового анализа и в ее традиционном виде не позволяет всесторонне развивать это научное направление» [1, с. 17-18].

Одним из важных вопросов, позволяющих раскрыть содержание криминалистической деятельности, выступает соотношение данного термина с понятием «доказывание» в различных его аспектах. Представляется, что термины «доказывание» и «криминалистическая деятельность» соотносятся как явление и форма воплощения в жизнь этого явления. К тому же известно, что институт доказательственного права, размещенный в общей части уголовно-процессуальной науки, не предусматривает хоть какого-то процессуального механизма, направленного на реализацию содержащихся там конструкций.

Доказательственная деятельность сторон, являясь предметом многочисленных исследований, рассматривается многими авторами в широком смысле, особенно ее процессуальный аспект, чего нельзя сказать о доказывании криминалистическом, ориентированном на специфику конкретной группы уголовных дел. Важная отличительная особенность криминалистического аспекта доказывания, осуществляемого в судебном разбирательстве – неприменимость тех приемов, методов и технологий, которые могли бы быть использованы в ходе предварительного расследования. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что судебное доказывание не следует изучать односторонне, а уж тем более предлагать какие-либо рекомендации государственным обвинителям, в рамках которых проигнорированы возможные «выпады» другой стороны. Анализ зарубежных источников показал, что именно интегративное комплексное изучение таких категорий как доказательственная деятельность обвинения и защиты во взаимосвязи с процессуальными, криминалистическими, организационными, психологическими аспектами работы с разными видами доказательств – вещественными и личными, позволило получать качественные практико-ориентированные исследования.

Рассматривая криминалистическую деятельность в качестве родового понятия или понятия

«тип», охватывающего все криминалистические аспекты деятельности раскрытия, расследования и предотвращения преступлений [2, с. 102], а также судебного рассмотрения и разрешения уголовных дел, попробуем провести анализ данного явления.

Мы стоим на позиции того, что деятельность, реализуемая участниками судебного разбирательства, носит поисково-познавательный характер, под этим подразумевается отыскание и выявление субъектами доказывания фактов, полученных из других фактов, представляющих собой первооснову. Выводы, сформулированные через исследование, сопоставление, проверку и оценку фактов и составляют существо судебного разбирательства. Также нельзя забывать, что подобная деятельность сегодня перенесена и в суд апелляционной инстанции, имеющей права принимать процессуальные решения, провозглашающие виновность или невиновность подсудимого. В этой связи мы стоим на позиции расширенного использования термина «судебное разбирательство уголовных дел» как части судопроизводства, нуждающейся в криминалистическом обеспечении и способной, в силу своих содержательных и смысловых особенностей, быть обеспеченной криминалистическими рекомендациями.

Как верно отмечает О.А. Крестовников, «при судебном рассмотрении осуществляется верификация, сведение искомого факта (предмета доказывания) к совокупности обосновывающих его доказательств. В процессе верификации осуществляется не только проверка допустимости и относимости доказательств, положенных в основу судебного решения. Основной задачей при этом является установление достоверности фактов, установленных путем исследования источников информации, а также достоверности выводов, сделанных на основе логического анализа системы положенных в основу судебного решения юридических фактов» [3, с. 257-258].

Ядро криминалистической деятельности составляет механизм судебного доказывания. Познание механизма судебного доказывания может происходить посредством создания ситуационных тактико-поведенческих моделей, позволяющих проследить характер внутрисистемных связей участников судебного процесса как по «горизонтали», т.е. внутри своей группы и иной социальной общности с противоположными интересами, так и по «вертикали». Обозначенная вертикаль включает в себя систему взаимоотношений между непосредственными участниками доказывания и субъектами, облада-

ющими полномочиями по принятию юридически значимых решений. К таким субъектам относятся председательствующий в судебном заседании судья, коллегия из трех судей-профессионалов и коллегия присяжных заседателей. При этом не имеет значения правовая природа выносимых такими субъектами решений и наличие обязанности эти решения мотивировать.

Механизм доказывания как неотъемлемый компонент системной структуры может состоять из следующей совокупности звеньев: 1) определение тактически выгодного порядка представления доказательств; 2) учет фактора возможности исследовать доказательства; 3) стремление опровергнуть невыгодные доказательства наиболее

благоприятными; 4) применение при доказывании новейших криминалистических приемов; 5) активное использование в доказывании специальных знаний.

Таким образом, поддерживаемый автором настоящей статьи криминалистический подход в доказательственном праве, предполагающий совершенствование состязательных начал в судебном процессе именно через призму поведенческих (ситуационных) моделей доказывания, разрабатываемых на основе последних научных достижений в области технико-, тактико- и методико-криминалистического обеспечения рассматривания и разрешения уголовных дел, представляется вполне удачным.

Литература

1. Колдин В.Я. Проблемы методологии правоприменения // Государство и право. 2011. № 1. С. 11-20.
2. Коновалов С.И. Актуальные проблемы теории и методологии криминалистики. Ростов н/Д.: Изд-во Донского юрид. ин-та, 2010. 157 с.
3. Крестовников О.А. Системно-деятельностный анализ методологии криминалистики. М.: Юрлитинформ, 2013. 266 с.

Е.В. Цымбалюк

Крымская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции России;

М.В. Медведева

Крымская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции России

КВАЛИФИЦИРОВАННАЯ ПОДДЕЛКА ПОДПИСЕЙ В ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ

На современном этапе развития почерковедения и почерковедческой экспертизы как его продукта нельзя не коснуться темы, все чаще обращающей на себя внимание. Экспертная практика последних лет свидетельствует о необходимости и актуальности более пристального изучения такого явления, как «квалифицированная подделка подписей». Причиной тому являются участвовавшие случаи исследования экспертами столь сложных почерковых объектов, отчасти являющихся следствием приобретения определенными лицами собственного опыта в области судебно-почерковедческой экспертизы либо результатом получения дополнительной информации из специальной литературы.

То есть под «квалифицированной подделкой подписей» мы понимаем подражание неким лицом, обладающим специальными познаниями в

области судебного почерковедения, подписи иного лица с предварительной тренировкой.

Главным критерием, индивидуализирующим почерк каждого конкретного лица, является степень отклонения признаков почерка от типового выполнения письменных знаков. При этом исправление (изменение) почерка не влечет за собой уничтожение старого стереотипа. В данном случае происходит его угасание разной степени выраженности с наложением нового стереотипа (новых нервных связей), вместе создающих новую структуру механизма навыка письма. Иными словами, происходит кратковременная «диффузия» собственных и вновь приобретаемых письменно-двигательных навыков. Однако следует отметить, что вновь образуемые нервные связи обладают меньшей физиологической силой, чем образованные ранее, а потому они менее устой-

чивы и могут уступать место старым при определенных условиях.

Описанная борьба старых и приобретаемых стереотипов является отражением как процесса подражания (с предварительной тренировкой, по памяти, «на глаз»), так и умышленного изменения исполнителем собственных почерковых признаков. Поскольку пишущий не в состоянии полностью подавить присущие ему при письме стереотипные движения, эксперту удастся выявить то или иное количество признаков почерка, в т.ч. нарушения координации движений 1-й и/или 2-й групп. Зачастую именно подражание и автоподлог превалируют в сознании эксперта до заключительной стадии – формирования вывода.

«Деавтоматизация движений» [1, с. 65], присущая пишущему при намеренном изменении собственных почерковых признаков, характерна также и подражанию, но, как правило, отличается от последнего большей степенью выраженности признаков необычности письма. Объясняется это тем, что при намеренном изменении собственных почерковых признаков пишущий пытается максимально или полностью изменить общий вид своей подписи, а при наследовании, наоборот, – придать подписи наибольшее сходство с подписью-оригиналом. То есть в основе подражания и автоподлога лежат идентичные психофизиологические процессы, преследующие разный результат.

Успешность выработки навыка выполнения чужой подписи, прежде всего, зависит от длительности тренировки. Каждый последующий этап тренировки характеризуется все большим сходством с оригиналом и приобретением опре-

деленной степени автоматизма при ее выполнении. Наибольшая сложность в этом процессе возникает с отображением нажимных характеристик, имеющих проприоцептивный контроль.

Отличительной чертой, которая может свидетельствовать о выполнении подписи с подражанием лицом, обладающим специальными познаниями в области судебного почерковедения, является полное отсутствие или минимальная (единичная) степень проявления признаков нарушения координации движений 1-й и/или 2-й групп.

С целью определения частоты встречаемости описываемых объектов исследования было проведено изучение экспертной практики в учреждении за три предыдущих года. Установлено, что в 60 из 670 заключений эксперты пришли к выводам о выполнении исследуемых подписей с подражанием после предварительной тренировки, по памяти или на глаз. В 12 из указанных 60 случаев экспертами не выявлены признаки нарушения координации движений 1-й и/или 2-й групп, что составляет 20% от общего количества экспертиз, выводы которых констатировали подражание. Указанные факты свидетельствуют о важности изучения данного вопроса.

Ниже рассмотрен один случай из экспертной практики, который может свидетельствовать о выполнении исследуемой подписи с подражанием лицом, обладающим специальными познаниями в области судебного почерковедения.

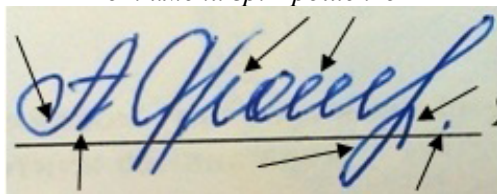
Итак, как видно на расположенных ниже изображениях, схожесть исследуемых почерковых объектов является безусловной.

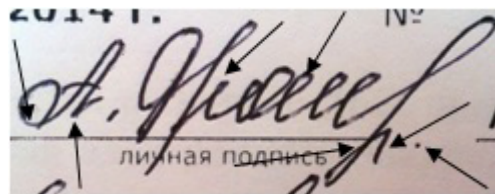
Изобр. 1. Вид исследуемой подписи от имени гр. Ярошенко

Изобр. 2. Вид образца подписи гр. Ярошенко

Изобр. 3. Вид образца подписи гр. Ярошенко

Изобр. 4. Вид образца подписи гр. Ярошенко

Следуя схеме исследования подписей, не содержащих отчетливо выраженных признаков необычного выполнения [4, с. 219-267¹], эксперты на первом этапе приступили к исследованию диагностических признаков. В результате проведенного на традиционном уровне исследования установлено, что все объекты выполнены почерком высокой степени выработанности в среднем темпе. Несмотря на то, что темпу выполнения исследуемой подписи и присуща некоторая монотонность, признаки его замедления, а также нарушения координации движений 1-й группы отсутствуют. Даже отображение нажимных характеристик (контролируемых проприоцептивно) выполнено на высоком уровне. Наряду с этим установлено несоответствие протяженности движений по вертикали некоторых элементов исследуемой подписи в сравнении с образцами. Оценивая результаты проведенного исследования, эксперты пришли к выводу о возможном выполнении подписи в измененных (необычных) условиях.

На следующем этапе с целью определения объема содержащейся в исследуемой подписи графической информации экспертами использован количественный метод определения априорной информативности [4, с. 219-267¹]. В результате применения указанного метода установлено, что исследуемая подпись содержит 340 единиц полезной информации и, следовательно, относится к области достаточно надежных решений, полученных с помощью традиционных методов.

В связи с установленным фактом пригодности подписи к почерковой идентификации дальнейшее исследование проведено и закончено на традиционном (2-м) уровне. Одним из этапов 2-го уровня решения задачи является исследование вариационности. В данном случае исследование показало, что образцы подписного почерка лица, которому подражают, одновариантны.

Следующий этап – исследование частных признаков почерка – позволил экспертам подтвер-

дить выдвинутую на ранних этапах исследования частную версию. Так, установлены различия (отмечены на изображениях) формы движений, направления движений, а также состава подписей (отсутствие в заключительной части исследуемой подписи знака «.», имеющего место в образцах). Наряду с этим установлено значительное количество совпадений частных признаков почерка.

Оценка выявленных совпадающих и различающихся общих и частных признаков позволила экспертам однозначно прийти к выводу о выполнении исследуемой подписи не гр. Ярошенко, а иным лицом с подражанием после предварительной тренировки. В дальнейшем указанный вывод экспертов был подтвержден выводами повторной экспертизы.

Как показало проведенное исследование, старый стереотип (старые нервные связи) «подражателя» не был уничтожен новым и нашел свое отображение в различиях общих и частных признаков. Нельзя не обратить внимание на особо точное воспроизведение «подражателем» нажимных характеристик, а также ориентированных по вертикали и горизонтали движений. Именно данные признаки позволили экспертам выдвинуть версию о наличии у подражавшего лица специальных познаний в области судебного почерковедения.

Подытожив все изложенное, хотелось бы, прежде всего, обратить внимание на то, сколь сложными для почеркового исследования являются описанные объекты. Несомненно, всеобъемлющая глобализация, стремительное распространение и доступность информации оказывают свое влияние в т.ч. и на почерковедение, выливаясь в подобные описанному случаи. Недостаточная изученность данного аспекта в работе экспертов-почерковедов диктует необходимость более глубокого осмысления проблемы с целью повышения осведомленности и профессионализма сотрудников.

Литература

1. Липовский В.В., Хасманене П.З. Исследование подписи при автоподлоге (случай из практики) // Вопросы судебной экспертизы и криминологии. Вильнюс, 1978. Вып. 14. С. 65-70.
2. Пахомов А.В., Сысоева Л.А. Судебно-экспертное исследование современной подписи: учеб. пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2007. 60 с.
3. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: учебник / под ред. В.В. Серегина. Волгоград: ВА МВД России, 2007. 340 с.
4. Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование малообъемных почерковых объектов: 2-е изд., перераб. и доп. / под науч. ред. В.Ф. Орловой. М., 2011. 538 с.
5. Томилин В.В. Основы судебно-медицинской экспертизы письма. М.: Медицина, 1974. 125 с.

Е.С. Черкасова, канд. психол. наук

Институт повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (г. Новосибирск);

Ю.Г. Галитарова

Новосибирская областная психиатрическая больница № 6 специализированного типа;

И.Г. Соловьева, доктор психол. наук

Новосибирский государственный медицинский университет

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Актуальность исследования определена показателями статистики, которые наглядно свидетельствуют о том, что удельный вес зарегистрированных преступлений в Российской Федерации, совершенных несовершеннолетними, в общих показателях преступности составляет от 1,7% до 6% (в зависимости от региона). По экспертным оценкам, число латентных преступлений, совершенных этой же возрастной категорией, имеет значительно большие показатели [2, с. 38].

Констатируем, что подростковый период, характеризующийся остро протекающим переходом от детства к взрослости, зачастую обладает чертами «запускающего механизма» к разнообразным психическим и поведенческим расстройствам. Определение критериев для выявления подростков группы риска и направлений медико-социально-психологической профилактики подростковой делинквентности, по мнению авторов, заслуживает пристального внимания как специалистов помогающих профессий (психологи, педагоги, медики), так и сотрудников правоохранительных органов, занимающихся вопросами профилактики детской и подростковой преступности и расследующих преступления, совершенные несовершеннолетними нарушителями закона.

Целью проведенного исследования явилось изучение личности несовершеннолетних, совершивших противоправные действия. Исследование проводилось на базе Новосибирской областной психиатрической больницы № 6 специализированного типа в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (далее – КСППЭ). Выборку составили 100 человек, обвиняемых по различным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации и направленных на КСППЭ. Средний возраст испытуемых 16 лет (14-17 лет). Все обследуемые в рамках экспертизы осмотрены психиатром. Исключены из настоящего исследования 20 подростков, имею-

щих умственную отсталость легкой степени. Из 80 оставшихся: 69 (86,25%) – мужского пола и 11 (13,75%) – женского. У 21 (26,25%) из обследованных несовершеннолетних подэкспертных выявлено социализированное расстройство поведения, у 11 (13,75%) – органическое легкое когнитивное расстройство, у 2 (2,5%) – смешанное расстройство поведения и у 46 (57,5%) психических нарушений не выявлено. Методы исследования: клиническое интервью, библиографический метод и проективные методики, среди которых – тест рисуночной фрустрации С. Розенцвейга, метод цветовых выборов (МЦВ) – модифицированный восьмицветовой тест Люшера. Математическая обработка полученных данных проводилась с помощью частотного анализа и методов непараметрической статистики в программе «Statistica 10.0».

Полученные результаты позволяют получить развернутое представление об индивидуально-психологических характеристиках несовершеннолетних правонарушителях, в т.ч. через призму социальной ситуации их развития и становления. В частности, 95% респондентов имеют социализированное расстройство поведения, состоят на учете в подразделении по делам несовершеннолетних (ПДН), причем более 80% из них совершали уголовно наказуемые деяния неоднократно и имеют судимость. При исследовании социальной ситуации оказалось, что более 2/3 подростков (71,4%) с социализированным расстройством поведения воспитывались одним родителем, каждый пятый – сирота и воспитывался опекуном или в детском доме. У каждого третьего подростка указанной группы родители/родитель страдают алкоголизмом. Все подростки (100%) в ходе клинического интервью указывают на то, что курят табак и пробовали наркотики. Таким образом, определенный социальный срез выглядит более чем наглядно.

При исследовании личностных особенностей выявлено, что у 86% подростков с социализированным расстройством поведения регистрируется гипертимный личностный радикал со склонностью к реагированию по неустойчиво-импульсивному типу, т.е. для этой категории импульсивное поведение под влиянием сиюминутных потребностей не способно тормозиться психикой, сдерживающие механизмы в отношении них не сформированы. Для 71% подростков характерны экстрапунитивные реакции в ситуациях фрустрации и признаки социальной дезадаптации. Подростки этой группы чаще дублируют классы при обучении (76,2% против 32,6%, $p < 0,01$) и имеют дисциплинарные взыскания (90,5% против 26,1%, $p < 0,01$) в сравнении с группой подростков, у которых психические нарушения не выявлены. Только 24% подростков с социализированным расстройством поведения имеют хобби, занимаются спортом.

Среди подростков, у которых диагностировано органическое легкое когнитивное расстройство, на учете в ПДН состоит 54,4%, предшествующая судимость есть у каждого пятого, что позволяет сделать вывод о рецидивном характере. Социальная характеристика их развития характеризуется экономическими и маргинальными проблемами семьи. Половина подростков указанной группы воспитывалась одним родителем, 18,2% подростков – сироты. У 45,5% подростков родители страдают алкогольной зависимостью, занимают социально низшее звено. 81,8% подростков курят табак и 90,9% хотя бы однократно пробовали наркотики. 45,5% подростков в настоящее время не учатся, 27,3% находятся на домашнем обучении, 18,2% учатся в вечерней школе. Большая часть указанной группы подростков дублировали классы при обучении. У 91% подростков на фоне органической патологии в анамнезе имеют несформированный, низкий уровень общекультурной компетентности. В то же время 36% имеют хобби, занимаются спортом и посещают секции. Ведущего радикала личности, характерного для данной группы, не выявлено, но большим показателем их всех значений является ригидный (36,4%) со склонностью к смешанному варианту реагирования по ригидно-импульсивному типу с одинаковой выраженностью как экстрапунитивных, так и импунитивных реакций в ситуациях фрустрации. Подростки указанной группы достоверно реже имеют судимости в анамнезе в сравнении с подростками с социализированным расстройством поведения ($p < 0,05$). По результатам интервью, подростки с легким когнитивным расстройством совершают противоправные действия

чаще вследствие конформности, ведомости, когда попадают в неблагоприятную подростковую среду.

Подростки, у которых не выявлены психические расстройства, имеют более благоприятную семейную ситуацию (чаще, в сравнении с подростками вышеуказанных групп, воспитывались в полной семье, реже встречается алкоголизм родителей); достоверно реже, чем подростки с социализированным расстройством поведения и когнитивным расстройством, пробовали наркотики ($p < 0,01$), реже состоят на учете в ПДН и имеют судимости ($p < 0,01$). Около половины из них курят табак и пробовали наркотические вещества. 87% подростков этой группы учатся в средней школе или в вечерней школе, у 60% из них познавательный интерес сформирован, имеется достаточный кругозор, 56% имеют хобби и посещают секции. Для данной группы подростков характерно наличие двух ведущих радикалов личности: гипертимный с соответствующим типом реакции по неустойчиво-импульсивному типу и демонстративный с иррациональным типом реагирования. У подростков одинаково часто в ситуациях фрустрации встречаются экстрапунитивные, интропунитивные и импунитивные реакции, что свидетельствует об их способности к рефлексии. Данная группа респондентов имеет определенное чувство ответственности за свои поступки, что подтверждается более низкой частотой (10%) повторного делинквентного поведения в сравнении с вышеописанными группами.

Таким образом, обследованные подростки, совершившие противоправные действия, различаются по социальному статусу, психологическим характеристикам и прогнозу делинквентности.

Более прогностически благополучной является группа подростков, у которых не выявлены психические расстройства. Подростки данной группы имеют более благоприятную семейную ситуацию: как правило, учатся в школе, чаще посещают секции, реже состоят на учете в ПДН и имеют судимости, реже пробовали наркотики и более адаптированы в социуме, более критичны к себе, способны быть ответственными за свои поступки и, как правило, извлекают уроки из сложившейся ситуации. Более неблагоприятной являются группы подростков с социализированным расстройством поведения и когнитивными нарушениями. Делинквентность указанных групп подростков ассоциируется с неблагоприятной семейной ситуацией, аддиктивными расстройствами членов семьи и самих подростков (алкогольной и наркозависимостью), дезадаптацией в социуме, тенденцией переносить ответственность на других.

Полученные результаты могут быть использованы при выявлении подростков группы риска

при первичной и вторичной профилактике подростковой делинквентности.

Литература

1. Корягина С.А. Неформальные группы несовершеннолетних (по материалам Иркутской области) // Российский следователь. 2009. № 17. С. 30-31.
2. Корнакова С.В. Преступность несовершеннолетних. Основные криминологические аспекты и предупреждение. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. 128 с.
3. Курганов С.И. Криминология. М., 2012. 180 с.
4. Ратинова Н.А. Саморегуляция поведения при совершении агрессивно-насильственных преступлений: дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.
5. Селянин А.В. Криминология. М., 2012. 312 с.

Е.В. Шишкина, канд. юрид. наук, доцент

Уральский государственный юридический университет

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ

Проверка показаний на месте прочно вошла в арсенал следственных действий и продолжает оставаться в числе наиболее распространенных в следственной практике. Это обстоятельство лишний раз подтверждает правильность решения о законодательном закреплении этого следственного действия, принятого в 2001 г. Вместе с тем излишняя лаконичность, с которой законодатель изложил правила производства одного из самых сложных во всех отношениях следственного действия, каковым, безусловно, является проверка показаний на месте, во многом способствует неоднозначной интерпретации как установленных в законе правил, так и тех, которые напрямую им не регулируются.

К сожалению, в последнее время стало появляться множество научных статей по проблемам проверки показаний на месте, в которых рассматриваются вопросы, не имеющие прямого практического значения, а в большей степени затрагивающие внешние ее характеристики, а то и вовсе уводящие в сторону от ключевых проблем. Ранее нами уже была подвергнута критике позиция отдельных ученых по поводу одновременной проверки показаний нескольких участников расследования [4]. Кроме того, несмотря на то, что запрет одновременной проверки показаний на месте нескольких лиц приобрел процессуальный статус, в литературе отдельные авторы продолжают называть его тактическим приемом, забывая о том, что в отличие от императивной нормы права

тактический прием обладает свойством необязательности [2, с. 92].

Проблемы реализации проверки показаний на месте при производстве расследования уголовных дел различных категорий вызваны многими обстоятельствами. Немаловажное место в их числе занимает объективная близость ее уголовно-процессуальной и криминалистической природы с другими следственными действиями. Разграничение проверки показаний на месте и допроса, очной ставки, следственного эксперимента, предъявления для опознания, осмотра необходимо искать в понимании их сущностной основы. Целевое назначение любого из вышеперечисленных следственных действий может быть связано с проверкой доказательств, в частности, с проверкой показаний ранее допрошенного лица. Однако каждое из них в силу своего процессуального формата и определенных законом рамок предлагает свой способ достижения этой цели. Выбор следователя заключается в определении наиболее рационального, оптимального с точки зрения тактических возможностей следственного действия, способного решить поставленную задачу.

Тактическая природа проверки показаний на месте позволяет говорить о ее широких возможностях в решении множества задач проверочного характера. Во-первых, проверка показаний на месте может быть проведена не только на месте совершения преступления, а и в любом другом месте, связанном с расследуемым событием (на-

пример, на месте сокрытия похищенного, месте встречи соучастников, включая маршрут их передвижения и др.). Во-вторых, проверка показаний на месте может проводиться не только в ситуации, когда проверяемое лицо признает себя виновным, но и в случаях, когда он отрицает частично или полностью свою причастность к событию и согласен указать на месте проверки на обстоятельства, подтверждающие его позицию. Наконец, круг участников проверки показаний на месте определен законодателем весьма широко, что также увеличивает ее тактический потенциал и позволяет в случае необходимости проверять и уточнять на месте показания не только подозреваемых и обвиняемых, но и свидетелей, и потерпевших. Еще одним из наиболее весомых аргументов в пользу широких возможностей проверки показаний на месте является сложность ее структуры. На наш взгляд, в структуру проверки показаний на месте входят: 1) указание места совершения преступления или иного места, связанного с событием (напрямую об этом в ч. 2 ст. 194 УПК РФ не сказано, однако именно с этого начинается большинство проверок); 2) воспроизведение на месте обстановки и обстоятельств события; 3) указание на предметы, документы, следы, имеющие значение для уголовного дела; 4) демонстрация действий проверяемым лицом (собственных или иных лиц).

Все указанные действия, как вытекает из смысла ч. 4 ст. 194 УПК РФ, сопровождаются пояснениями лица, чьи показания проверяются по поводу указываемых им обстоятельств и совершаемых действий. Таким образом, фактически речь идет о моделировании допрошенным ранее лицом на месте события его обстоятельств путем рассказа о произошедших событиях и производства определенных действий. Именно этот комплексный характер проверки показаний на месте, включающей в себя элементы разнообразных действий в условиях определенной обстановки, придает ей уникальность и неповторимость и способствует достижению наибольшего «проверочного эффекта».

В связи с этим, как нам представляется, весьма странно звучат предложения об исключении из структуры проверки показаний на месте одного из ее ключевых элементов – демонстрации действий. По мнению авторов, «исключение из содержания проверки показаний демонстрации действий позволит предельно четко отграничить данное следственное действие от следственного эксперимента» [1, с. 111].

Полагаем, что разграничение следственного эксперимента и проверки показаний на месте,

близость которых обусловлена схожестью решаемых задач и отдельных процедурных характеристик, должно осуществляться путем четкого определения сущности каждого следственного действия, и ни в коем случае не за счет искусственного изменения содержания одного из них.

Действия проверяемого лица в ходе проверки его показаний на месте являются органичным, естественным продолжением его пояснений по поводу проверяемых обстоятельств дела. Исключение этого элемента из содержания проверочных действий приведет к максимальному сближению проверки показаний на месте с допросом на месте события и полностью выхолостит ее сущность. Действительно, сложно представить себе проверку показаний не месте в ее классическом варианте без включения в показания проверяемого лица отдельных демонстрационных моментов, которые помогают ему более детально пояснить суть события и отдельных ее обстоятельств, а следователю – воспринимать информацию и осуществлять ее проверку за счет сопоставления услышанного, увиденного с теми доказательствами, которые имеются у него в наличии.

Авторы указанной выше позиции в числе одного из аргументов также упоминают правила грамматики, согласно которым, по их мнению, «проверка и уточнение показаний содержательно отличаются от демонстрации действий и уж точно не могут соотноситься как целое и часть» [1, с. 111]. В качестве возражения следует вспомнить известного советского лингвиста С.И. Ожегова, который так понимал значение слова «проверить»: 1. Удостовериться в правильности чего-нибудь. 2. Подвергнуть испытанию для чего-нибудь [3, с. 524]. Способы решения проверочных задач могут быть разными. И следственный эксперимент, и проверка показаний на месте являются следственными действиями проверочного характера. Разница заключается в способе, который избирает следователь для их решения. В рамках следственного эксперимента осуществляется постановка опыта с элементами демонстрации относительно спорного обстоятельства, вызвавшего сомнение. В ходе проверки показаний на месте показания ранее допрошенного лица также подвергаются испытанию, т.е. проверке, но уже за счет того, что, воспринимая предлагаемую проверяемым лицом «модель» события, в которой присутствуют и элементы демонстрации, и пояснения, и указания на предметы, следователь сопоставляет ее с имеющимися в деле доказательствами и делает выводы о результатах проверки.

Литература

1. Ахмедшин Р.Л., Чаднова И.В. Процессуальная и криминалистическая природа проверки показаний на месте // Уголовная юстиция. 2016. № 2 (8).
2. Белоусов В.И., Натура А.И. Проверка показаний на месте в ходе предварительного следствия. М., 2006.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1974.
4. Шишкина Е.В. Правовая природа и тактика проверки показаний на месте // Правовые и организационные механизмы реализации уголовно-процессуального законодательства (к 15-летию вступления в действие УПК РФ): сб. мат-лов Всерос. научно-практ. конф-ции. М., 2017. С. 703-709.

Н.В. Шкурихина, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ФАКТУ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО ДОНОСА

В соответствии с ч. 2 ст. 148 УПК РФ при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам проверки сообщения о преступлении, связанного с подозрением в его совершении конкретным лицом или лицами, прокурор, следователь, орган дознания обязаны рассмотреть вопрос о возбуждении уголовного дела за заведомо ложный донос в отношении лица, заявившего или распространившего ложное сообщение о преступлении¹.

Особенности возбуждения уголовного дела по преступлениям, предусмотренным ст. 306 УК РФ, связаны, прежде всего, со спецификой получения первичной информации о преступлении, определения допустимых признаков состава преступления и принятия окончательного решения в порядке ст. 144 УПК РФ.

Фактическими данными, на основе которых следователь принимает решение о возбуждении уголовного дела по факту заведомо ложного доноса (основанием возбуждения), являются:

- во-первых, наличие заявления о совершенном ложном преступлении;
- во-вторых, подпись заявителя о предупреждении его об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ.

Выявление ложности заявления о преступлении может быть осуществлено как на этапе предварительной проверки заявления, сообщения о преступлении, так и в процессе расследования уголовного дела. Следователь в результате проведения следственных действий по уголовному делу, возбужденному по заявлению доносчика, может установить ложность информации, полученной от заявителя. Поводом к возбуждению уголовного дела о заведомо ложном доносе чаще бывает рапорт сотрудника отдела дознания или следователя, выявившего факт заведомо ложного доноса. Следует отметить, что такие поводы к возбуждению уголовного дела о заведомо ложном доносе, как заявление гражданина и явка с повинной, встречаются крайне редко. Затем следователь выносит постановление о выделении в отдельное производство материалов уголовного дела о заведомо ложном доносе.

После того, как следователь принял решение о возбуждении уголовного дела по ст. 306 УК РФ, он приступает к его расследованию. В ходе расследования должны быть установлены следующие обстоятельства:

1. Был ли совершен заведомо ложный донос?
2. Время, место и условия совершения преступления. Когда и в какой правоохранительный орган поступило ложное заявление?
3. Каким способом совершено преступление? Получен ли заведомо ложный донос по почте, либо написан заявителем лично в органах вну-

¹ Статья 151 УПК РФ не предусматривает подследственность по данному виду преступлений. Исходя из буквального толкования закона, следует считать, что расследование или дознание должен вести тот орган, которому подследственно преступление, указанное заявителем в заведомо ложном доносе.

тренних дел, либо заявитель обратился с устным заявлением?

4. В отношении кого совершено преступление? Указывает ли заявитель конкретное лицо, совершившее преступление, о котором говорится в заведомо ложном доносе, либо заявитель говорит о неизвестном лице?

5. Кто совершил преступление? Устанавливаются данные заявителя, обратившегося с заведомо ложным доносом, его процессуальный статус (потерпевший, свидетель, обвиняемый, защитник и т.д.).

6. Цели и мотивы совершения преступления.

7. Размер причиненного ущерба в целом (с учетом последствий и морального вреда) и последствия преступного посягательства.

8. Причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

При расследовании преступления данного вида на первоначальном этапе могут складываться различные следственные ситуации. Ученые определяют криминалистическую (следственную) ситуацию как «совокупность фактических данных, отражающих существенные черты события на определенный момент расследования преступления» [1]. Такой взгляд на криминалистическую ситуацию отражает ее главные составляющие: информационный аспект (наличие или отсутствие фактических данных криминалистически значимой информации о расследуемом событии и его обстоятельствах); этапность возникновения и разрешения ситуаций; временную характеристику ситуаций.

По преступлениям, предусмотренным ст. 306 УК РФ, следственные ситуации первоначального этапа расследования можно классифицировать по следующим основаниям:

В зависимости от цели ложного доноса:

- заявитель хочет привлечь к ответственности конкретное лицо;

- заявителю необходимо, чтобы было возбуждено уголовное дело.

В зависимости от времени, когда была выявлена ложность заявления о преступлении:

- на этапе предварительной проверки заявления, сообщения о преступлении;

- на этапе расследования преступления, о котором сообщено в заведомо ложном доносе.

Исходя из типичной следственной ситуации, сложившейся в определенный момент расследования заведомо ложного доноса, можно говорить об алгоритме ее разрешения. Так, если о ложности заявления стало известно на этапе предварительной проверки заявления о преступлении, то следователю надлежит:

- допросить соседей, близких родственников заявителя, которым что-либо известно об обстоятельствах якобы совершенного преступления;

- путем допроса получить от заявителя подробное объяснение обо всех известных ему обстоятельствах дела;

- собрать документы – вещественные доказательства, опровергающие заявление о якобы совершенном преступлении.

Если разоблачение ложного доноса происходит в процессе расследования уголовного дела, а факты, указанные в заявлении, не подтверждаются, то следователю необходимо:

- собрать доказательства ложности заявления при помощи следственных действий, ОРМ и организационных мероприятий;

- допросить свидетелей, которым что-либо известно о произошедшем событии либо с которыми заявитель делился своими планами, соображениями, которых уговаривал дать ложные показания.

Традиционно материалы уголовного дела по расследованию факта заведомо ложного доноса содержат:

- 1) рапорт сотрудника, выявившего факт заведомо ложного доноса;

- 2) заявление лица, обратившегося с заведомо ложным доносом (либо протокол устного заявления, подписанный заявителем) в подлиннике. Копию этого заявления нужно оставить в деле, прекращенном за отсутствием состава преступления;

- 3) протоколы допросов свидетелей, к которым обращался доносчик с целью склонить к даче ложных показаний либо рассказывал о произошедшем событии;

- 4) протоколы допросов лиц, на которых указывал доносчик в своем заявлении как на преступников;

- 5) протоколы очных ставок между доносчиком и свидетелями;

- 6) протокол осмотра места происшествия;

- 7) подлинник протокола допроса доносчика с показаниями, данными им в качестве потерпевшего;

- 8) протоколы выемки якобы похищенного имущества;

- 9) протоколы выемки документов;

- 10) справки из различных страховых компаний либо копии договоров о страховании имущества заявителя;

- 11) протокол приобщения изъятых предметов в качестве вещественных доказательств;

- 12) протоколы осмотра предметов и документов;

13) протокол проверки показаний доносчика на месте;

14) заключения экспертов по различного рода экспертизам (почерковедческой, технико-криминалистического исследования документов и др.);

15) протокол допроса обвиняемого.

Таким образом, возбуждение уголовного дела по факту заведомо ложного доноса имеет свои особенности, учитывая которые следователь или дознаватель может доказать ложность заявления о преступлении и собрать необходимую доказательственную базу для привлечения доносчика к уголовной ответственности.

Литература

1. Гавло В.К. О первоначальных следственных действиях при расследовании преступлений: доклад итоговой науч. конф-ции юрид. факультетов. Томск, 1968. Ч. 3.

В.Л. Юань

Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМАЯ ЦЕННОСТЬ ФОТОГРАФИЙ АККАУНТА (СТРАНИЦЫ) В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ОБВИНЯЕМОГО

Имеющиеся на сегодняшний день результаты научных исследований позволяют сделать вывод о существенной информативности сведений о личности пользователей, содержащихся в социальных сетях [4, с. 651, 656-658; 5, с. 439; 6, с. 193; 7, с. 136-137]. Фотографии, загружаемые пользователем, привлеченному по уголовному делу в качестве подозреваемого (обвиняемого) на свои аккаунты (страницы) в социальных сетях, могут быть достаточно полезным источником криминалистически значимой информации об его личности. Основываясь на необходимости криминалистического исследования личности обвиняемого, обеспечивающего результативность проведения расследования по уголовным делам [2, с. 108; 3, с. 30-31], ряда следственных действий [1, с. 174], в числе которых допрос, очная ставка, представляется целесообразным обратить внимание на криминалистически значимую ценность фотографий аккаунта (страницы) в социальной сети обвиняемого. На первоначальном этапе, предшествующем анализу содержательной стороны представленных в аккаунте (странице) фотографий, разумно выяснить, насколько он связан с личностью обвиняемого с целью установления степени отражения свойств его личности в данных самого аккаунта (страницы) и, как следствие, насколько высоко содержание криминалистически значимой информации о личности обвиняемого в фотографиях.

Допустим, показатель Z – это суммарное количество всех фотографий, Y – это сумма общего числа фотографий, загруженных в течение года, X – это сумма общего числа фотографий, загруженных более одного года назад, A – это число фотографий, на которых изображен полностью или частично сам обвиняемый, B – это число фотографий, на которых запечатлено все то, что имеет четкое прямое или косвенное отношение к личности самого обвиняемого, но на которых не запечатлен полностью или частично сам он, C – число фотографий, на которых не запечатлено ничего, что имело бы очевидную, ярко выраженную прямую или косвенную связь с личностью обвиняемого. Поскольку на сегодняшний день требуются глубокие исследования, которые бы позволили провести более четкую градацию в процентных соотношениях между группами исследуемых пользователей в зависимости от указанных показателей, видится целесообразным предложить условную границу в 50% как демаркацию между группами пользователей. Заметим, что мы намеренно положили в основу условного деления дихотомическую градацию, в которой не предусматривается промежуточного усредненного варианта (к примеру, условно обозначив, что до 30% – это низкая степень, от 30% до 70% – средняя, а от 70% и выше – высокая) в целях упрощения задачи исследователя при оценке. Вместе с тем подчеркнем, что исследователь в любом случае остается свободен в оценке вероятности отнесе-

ния обвиняемого к той или иной группе на основе полученных им данных с учетом особенностей его ситуации. Показатель степени содержания новых фотографий из общего объема фотографий = $100\% / Z' \cdot X$. Показатель степени содержания старых фотографий из общего объема фотографий = $100\% / Z' \cdot Y$. Показатель процента содержания фотографий с участием обвиняемого = $100\% / Z' \cdot A$ или $100\% - (100\% / Z' \cdot (B + C))$. При формуле $100\% / Z' \cdot (B + C)$ мы получим процент числа фотографий, на которых не изображен обвиняемый ни полностью, ни частично. Показатель процента содержания фотографий, имеющих явное отношение к жизни и личности обвиняемого = $100\% / Z' \cdot B$ или $100\% - (100\% / Z' \cdot (A + C))$. При формуле $100\% / Z' \cdot (A + C)$ мы получим процент числа фотографий, на которых запечатлено все то, что имеет явное прямое или косвенное отношение к жизни и личности обвиняемого, но на которых не запечатлен он сам полностью или частично. Показатель процента содержания фотографий, не имеющих ярко выраженного прямого или косвенного отношения к жизни и личности обвиняемого = $100\% / Z' \cdot C$ или $100\% - (100\% / Z' \cdot (A + B))$. При формуле $100\% / Z' \cdot (A + B)$ мы получим процент числа фотографий, на которых запечатлено все то, что не имеет ярко выраженного прямого или косвенного отношения к жизни и личности обвиняемого. Если на выходе получилось, что процент новых фотографий меньше 50%, то связь аккаунта (страницы) с личностью обвиняемого низкая, если же от 50% и выше – то высокая. Это отражает степень актуальности трактовок, полученных в ходе анализа содержащихся в фотографиях криминалистически значимых данных. Если

на выходе получилось, что процент фотографий, на которых изображен сам обвиняемый полностью или частично, 50% и выше, то здесь можно сделать заключение о высоком содержании криминалистически значимых сведений о личности обвиняемого. То же самое касается случаев, если такой процент получается при выводе процента числа фотографий, на которых запечатлено все то, что не имеет ярко выраженного прямого или косвенного отношения к жизни и личности обвиняемого.

В целом можно сложить процент числа фотографий, на которых изображен обвиняемый полностью или частично с процентом числа тех фотографий, на которых он не изображен, но на которых запечатлено все то, что имеет явное отношение к его жизни и личности. Если же вышло так, что процент числа фотографий, на которых изображено все то, что не имеет четкого прямого или косвенного выхода на личность или жизнь обвиняемого, равен 50% и выше, – то следует ожидать, что степень содержания криминалистически значимых сведений о личности обвиняемого во всей представленной совокупности фотографий будет невысокой.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод об уровне познавательной ценности фотографий аккаунта (страницы) обвиняемого, содержащих криминалистически значимую информацию о его личности, знание которой способно повысить эффективность решения криминалистических задач подготовки и проведения к отдельным следственным действиям и обеспечить достижение цели расследования по уголовным делам.

Литература

1. Алексеева Т.А. Факторы, определяющие особенности устной речи допрашиваемого: личность допрашиваемого и ситуация допроса // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 174-180.
2. Ахмедшин Р.Л. Доказательства поведения в системе косвенных доказательств // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 107-108.
3. Ведерников Н.Т. Уголовно-процессуальный аспект изучения личности обвиняемого // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 4 (22). С. 30-35.
4. Воронкин А.С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ // Образовательные технологии и общество. 2014. № 1 (17). С. 650-675.
5. Коршунов А., Белобородов И., Бузун Н. и др. Анализ социальных сетей: методы и приложения // Труды Института системного программирования РАН. 2014. № 1 (26). С. 439-456.
6. Садыгова Т.С. Социально-психологические функции социальных сетей // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Педагогика, психология. 2012. № 3 (10). С. 192-194.
7. Шаповаленко А.А. Активность обвиняемого социальной сети (на примере vk.com) и особенности личностного самоопределения в юности // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 133-138.

М.О. Ясенева

Барнаульский юридический институт МВД России

СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ

Уже многие годы все чаще виной страшных дорожно-транспортных происшествий является состояние опьянения (алкогольное, наркотическое, токсикологическое) водителя. Средства массовой информации чуть ли не ежедневно сообщают о серьезных и «громких» дорожно-транспортных происшествиях.

Исходя из огромной распространенности правонарушений в сфере дорожного движения применение норм административного законодательства уже явно недостаточно. Поэтому 1 июля 2015 г. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен статьей 264.1, данная норма предусматривает уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию.

За 2015 год (июль-декабрь) по стране было зарегистрировано 41207 преступлений (из них в суд направлено 28958 уголовных дел), в 2016 г. – 85257 преступлений (из них в суд направлено 84183 уголовных дела), а в период с января по сентябрь 2017 г. зарегистрировано 62092 преступлений¹. Благодаря статистическим данным явно видно, что ст. 264.1 УК РФ активно применяется правоохранительными органами. Значительное количество материалов предварительных проверок и возбужденных уголовных дел по ст. 264.1 УК РФ, а также непродолжительность времени ее применения обусловили некоторое число проблемных вопросов, один из которых касается способа совершения преступления.

А.И. Винберг и Б.М. Шавер впервые рассмотрели способ совершения преступления на теоретическом уровне.

В дальнейшем И.Ш. Жордания, Г.Г. Зуйков, Г.А. Густов, В.К. Гавло, Э.Д. Куранова, Н.И. Панов, В.А. Пепелюшко и т.д. стали модернизировать и совершенствовать понятия способа

совершения преступления в своих научных трудах.

Данные о способе совершения преступления являются одним из важных элементов криминалистической характеристики. Так как знание способа совершения преступления в криминалистической характеристике позволяет лучше уяснить сущность расследуемого события, что особенно важно на этапе предварительной проверки и первоначальном этапе расследования в условиях дефицита информации [2, с. 233].

Под способом совершения преступления в криминалистическом смысле целесообразно понимать объективно и субъективно обусловленную систему поведения субъекта совершения преступления, оставляющую различного рода характерные следы, позволяющие с помощью криминалистических приемов и средств получить представление о сути происшедшего, своеобразии преступного поведения правонарушителя, его отдельных личностных данных и соответственно определить наиболее оптимальные методы решения задач расследования преступления [3, с. 76].

Способом совершения нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, во всех случаях является управление автомобилем или транспортным средством в состоянии опьянения. Необходимо понимать, что использование автомобиля может быть осуществлено как водителем в процессе движения и эксплуатации транспортного средства, так и инструктором-водителем при выполнении функций по обучению учеников. При этом лицо считается управляющим транспортным средством независимо от того, управляет ли оно самоходной машиной, которая движется с помощью собственной механической тяги (своим ходом) или на прицепе у другой автомашины [4, с. 249].

Преступление считается оконченным с момента начала движения транспортного средства независимо от продолжительности его движения.

¹ На основании формы государственного статистического наблюдения «Сведений о состоянии преступности и результатах расследования преступлений» (Форма 4-ЕГС) за 2015 г. – сентябрь 2017 г. По данным ГИАЦ МВД России.

Для квалификации по данному составу преступления не требуется наступления последствий.

Под действие данной статьи не подпадает заправка этого автомобиля, возможный ремонт, даже если эти действия осуществлял субъект, находящийся в состоянии опьянения.

Имеют место случаи, при которых отсутствует возможность привлечения виновных лиц к ответственности, что обуславливает факты вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и прекращении в отношении подозреваемых уголовного преследования.

Так, например, в УМВД России по г. Перми прекращено уголовное дело в связи с тем, что факт употребления спиртных напитков лицом, находившимся за рулем транспортного средства, не доказан, т.к. при задержании автомобиль был припаркован подозреваемым, а он, увидев сотрудников полиции, вышел из автомобиля и находился рядом с ним. Записи с видеорегистраторов и камер видеонаблюдения отсутствовали, что не позволило сотрудникам полиции доказать, что именно этот гражданин передвигался на данном автомобиле.

В Алтайском крае также было прекращено уголовное дело в отношении лица, находившегося в состоянии опьянения за рулем транспортного

средства. В дежурную часть поступило сообщение о том, что гражданин Р., будучи в состоянии опьянения, передвигается по селу на своем автомобиле. Сотрудники ГИБДД, прибывшие на место происшествия, обнаружили гражданина Р. в своем автомобиле, забуксовавшем в грязи. Сотрудники полиции провели первоначальный сбор материала, освидетельствование, но в последующем так и не смогли доказать виновность Р., а именно его реальное передвижение на автомобиле по селу, т.к. видеозапись из машины сотрудников ГИБДД содержала информацию о том, что гражданин Р. стоит на одном месте и просто буксует. Впоследствии он пояснял, что ремонтировал свой автомобиль и газовал на месте.

Безусловно, криминализация ст. 264.1 УК РФ стала важным событием по защите главных ценностей человека, как жизнь и здоровье. Вместе с тем совершенствование законодательства, устранение пробелов правового регулирования, ошибок и недостатков правоприменения, противоречий в официальном разъяснении вопросов судебной практики будут способствовать своевременному и справедливому уголовному наказанию нетрезвых водителей, а также дальнейшей минимизации фактов управления транспортными средствами в состоянии опьянения [1, с. 226].

Литература

1. Жуков А.М. Практические проблемы применения статьи 264.1 УК РФ (нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию) // Эволюция государства и права: история и современность: сборник научных статей II Международной научно-практ. конф-ции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета / отв. ред. С.Г. Емельянов. Курск: Университетская книга, 2017. С. 224-228
2. Мерецкий Н.Е. Исследования способа совершения преступления в криминалистической характеристике // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: мат-лы Всероссийской конф-ции (15-16 октября 2015 г.). Орёл: ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2015. С. 233-240.
3. Мохоров Д.А. Понятие способа совершения преступления // Юридическая мысль. 2006. № 5 (36). С. 74-82.
4. Ясенева М.О. К вопросу о содержании элементов криминалистической характеристики нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию // Евразийский юридический журнал. 2017. № 5 (108). С. 247-249.

Секция «Проблемы применения уголовно-процессуального законодательства»

*В.Ю. Белицкий, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России*

МОТИВИРОВАННОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК ОДНО ИЗ ТРЕБОВАНИЙ ИХ ЗАКОННОСТИ

Статья 7 УПК РФ регламентирует содержание принципа законности при производстве по уголовному делу. Одним из его элементов являются требования, предъявляемые к содержанию процессуальных решений. Так, принимаемые решения, облекаемые в форму определений или постановлений, должны быть законными, обоснованными и мотивированными (ч. 4 ст. 7 УПК РФ).

Вместе с тем уголовно-процессуальный закон не раскрывает содержание требования мотивированности процессуальных решений.

На страницах данной статьи раскроем содержание мотивированности как одного из требований, предъявляемых к содержанию постановлений сотрудников органов предварительного расследования: следователя, руководителя следственного органа, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя.

Анализ норм УПК РФ свидетельствует, что законодательное требование мотивированности закреплено в ряде специальных норм: ч. 3.2 ст. 28.1, ч. 4 ст. 39, ч. 2 ст. 81.1, ч. 4 ст. 96, ч. 8 ст. 115, ч. 6 ст. 152, ч. 3 ст. 223 УПК РФ.

При принятии иных процессуальных решений (продлении срока проверки сообщения о преступлении, срока предварительного следствия; избрании меры пресечения; производстве следственных действий, проведение которых допу-

скается только на основании постановления следователя (дознателя), либо судебного решения; приостановлении предварительного следствия и пр.), также необходимо приводить мотивы, поскольку в данном случае действует общая норма части 4 ст. 7 УПК РФ.

Полностью разделяем мнение В.В. Вандышева [1] и других ученых, которые отмечают, что в описательно-мотивировочной части постановления обязательно приводятся в том числе мотивы принятого решения.

При этом анализ материалов следственной практики позволяет сделать вывод о том, что сотрудники органов предварительного расследования не всегда отражают и раскрывают мотивы принимаемых решений. Безусловно, мотивированность имеет место в постановлениях, принимаемых на этапе окончания предварительного расследования и отражающих принятое итоговое процессуальное решение. Если же речь идет о решениях, связанных с избранием мер пресечения, решений о производстве следственных действий, производство которых требует вынесение постановления следователя (дознателя) (ч. 1 ст. 164 УПК РФ), то ситуация существенно меняется.

В частности, анализ постановлений о назначении судебных экспертиз свидетельствует о том, что мотивировка принятого решения имела место менее чем в 40% изученных постановлений.

Большее 50% изученных постановлений об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении носят формальный характер и не содержат мотивов принятого решения.

Считаем, что под мотивированностью решений сотрудников органов предварительного расследования следует понимать, во-первых, приведение доводов, аргументов, причин, соображений фактического, логического и правового характера, обусловивших необходимость принятия именно данного решения; во-вторых, обоснование принятого решения с приведением имеющихся в деле доказательств, указывающих на необходимость его принятия. В тех случаях, когда закон не требует приведения в решении доказательств, которые признаны достоверными, и мотивов, по которым отвергнуты другие доказательства, в качестве мотивов принятия решения могут быть использованы указания на обстоятельства, свидетельствующие о наличии условий и оснований, с которыми закон связывает выбор данного решения.

При принятии решения обязательно учитываются установленные уголовно-процессуальным законом условия и основания, обуславливающие возможность, а в некоторых случаях необходимость принятия того или иного решения (об избрании меры пресечения, приостановлении предварительного следствия и пр.). Думается, указание в постановлении на конкретные фактические обстоятельства, установленные по конкретному уголовному делу, объясняет выбор решения. Так, например, в постановлении об избрании меры пресечения должно быть отражено, в каком преступлении обвиняется (подозревается) лицо, сведения об этом лице, условия и основания для избрания и применения соответствующей меры пресечения, иные обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения, а в некоторых случаях также обстоятельства, обуславливающие невозможность избрания и применения иной

меры пресечения. Например, присмотра за несовершеннолетним обвиняемым.

По существу, в описательно-мотивировочной части постановления необходимо отразить мыслительную деятельность сотрудника органа предварительного расследования, которая привела его к определенному выводу, убеждению, выраженному в принятом решении [2, с. 156].

Мотивируя свое решение, сотрудник органа предварительного расследования должен раскрыть соответствие между установленными фактическими обстоятельствами и условиями и основаниями, предусмотренным нормами уголовно-процессуального закона.

Мотивировка должна убеждать, что решение обусловлено не субъективным усмотрением, а требованиями закона.

Мотивировать – значит объяснить, аргументировать сделанные выводы теми материалами уголовного дела, на которых сотрудник органа предварительного расследования основывает свое мнение, что, несомненно, обеспечивает соблюдение принципа законности при производстве по уголовному делу.

Таким образом, мотивированность решений органов предварительного расследования является обязательным элементом их уголовно-процессуальной формы, требованием, обуславливающим их законность.

Мотивировка принятого решения делает его убедительным, создавая условия для эффективной защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также осуществления ведомственного (процессуального) и судебного контроля и прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного расследования. Кроме того, мотивировка принятого решения дает возможность сторонам оценить его законность и в случае несогласия с приведенными в нем доводами и аргументами обжаловать принятое решение.

Литература

1. Вандышев В.В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: учебник для юридических вузов и факультетов. М.: Контракт, Волтерс Клувер, 2010. 720 с.
2. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М.: Юрид. лит., 1976. 168 с.

*С.В. Власова, канд. юрид. наук, доцент
Нижегородская академия МВД России*

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Для создания нового современного правового механизма противодействия преступности необходимо принятие новых УПК И УК РФ соответственно. Но этому должна предшествовать концептуальная переработка теоретико-методологических основ данного правового механизма.

В отечественном правоведении давно сложилось учение о механизме правового регулирования, юридической (уголовной) ответственности и применении уголовного закона, которое составляет концептуальную основу современного уголовного и уголовно-процессуального законодательства, и именно в нем мы усматриваем причину концептуальной несостоятельности УК РФ и УПК РФ. Авторы этих кодексов исходили из канона советской школы о государстве и праве, согласно которому государство – правоохранительный орган – привлекает к уголовной ответственности каждого совершившего преступление. Государство презюмировалось как некий единый «правоприменитель».

В юридической литературе под применением права понимается всякая активная деятельность по реализации юридических норм либо деятельность по организации осуществления норм в правоотношениях [3, с. 129; 4, с. 407]. В научном сообществе существует достаточно устойчивое мнение о том, что применение закона является элементом механизма правового регулирования. Сторонники этой точки зрения видят механизм уголовно-правового регулирования как своего рода самореализацию уголовно-правовых норм [2, с. 14; 7, с. 6]. Следуя данной логике, совершение преступления запускает механизм уголовно-правового регулирования, работа которого завершается реализацией уголовной ответственности. Фактическим основанием для уголовной ответственности является совершение деяния, которое содержит все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом (ст. 8 УК РФ) [3, с. 137]. Роль правоприменителя, «уголовно-процессуального фактора» в таком «механизме» не видна, зато постулируется неотвратимость уголовной ответственности.

Впрочем, большее число специалистов признают значение процессуального аспекта в процессе (механизме) применения норм уголовного права (реализации уголовной ответственности) [1, с. 97; 6, с. 7-34]. Можно констатировать, что в уголовно-правовой науке преобладает концепция, согласно которой преступление порождает основание уголовной ответственности и центральное уголовно-правовое отношение между государством и преступником; это отношение «реализуется» в ходе уголовного процесса; нормы уголовного закона применяются в ходе уголовно-процессуальной (правоприменительной) деятельности компетентных государственных органов. Сам правоприменительный процесс включает в себя доказывание, которое осуществляют правоохранительные органы.

Итак, классиками отечественной теории уголовного права категория «применение» рассматривается как форма реализации, при которой особые органы, которые наделены властными полномочиями, специально направляют свою деятельность на то, чтобы обеспечить претворение норм права в жизнь. Отсюда вытекало, что и следователь является таким правоприменителем, и он, т.е. следователь, уполномочен привлекать к уголовной ответственности обвиняемого путем вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Эти взгляды в целом соответствуют тем представлениям, что сложились в науке уголовного процесса. Уголовное судопроизводство выступает в качестве формы применения (реализации) уголовно-правовых норм. Уголовное право формально являет собой порядок осуществления уголовного закона, способы и формы его применения [5, с. 53].

Проанализировав позиции ведущих процессуалистов по вопросам о том, когда происходит применение уголовного закона, кто устанавливает основание для акта правоприменения, где происходит применение уголовного закона, как реализуется уголовная ответственность и пр., можно сделать вывод о том, что представление о служебной роли уголовного процесса (уголовно-

процессуального правоприменения) к механизму уголовно-правового регулирования, реализации уголовной ответственности не изменилось. Процессуальные акты, можно сказать, сопровождают, обеспечивают реализацию уголовной ответственности. Первичен материальный фактор, процессуальный – вторичен.

Необходимо подчеркнуть использование понятия уголовно-процессуальной формы сугубо в смысле *следственной формы*, закрепленной в законе. Следователь является таким же правоприменителем, что и суд. Более того, существующий на настоящий момент правовой механизм применения норм уголовного права является следственным и потому обеспечивает доминирующее положение следственной власти в процессе правоприменения. Это проявляется в том, что именно процессуальные решения следователя – постановление о возбуждении уголовного дела в отношении лица (подозреваемого), постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительное заключение – являются теми актами правоприменения, через которые реализуется уголовная ответственность. Суд в такой процессуальной системе занимает вторичное положение: его решение о применении уголовного закона предопределено предыдущим правоприменением, осуществленным органом предварительного расследования. В следственной системе именно в ходе предварительного следствия формируются уголовно-процессуальные доказательства, подтверждающие основание уголовной ответственности. Более того, следователь, прекращая уголовное дело по

ряду нереабилитирующих оснований (ст. 25, 28-28.1 УПК РФ), применяет нормы уголовного закона (ст. 75-76.1 УК РФ), разрешая основной вопрос уголовного дела самостоятельно, во внесудебном порядке.

Полагаем, что в правовом государстве механизм применения уголовного закона должен быть исключительно судебным. Состязательная процедура должна определять порядок правоприменения, привлечение к уголовной ответственности.

В организационно-правовом механизме применения уголовного закона должна быть заложена система сдержек и противовесов между обвинительной (исполнительной) властью и судебной властью, которые определяют состязательную правовую организацию деятельности всех участников правоприменительного процесса.

Полагаем, что первым шагом к приданию механизму правоприменения состязательной формы стало бы введение судебного порядка формулирования и выдвижения обвинения. Следователь в такой процедуре выступал бы как орган обвинительной власти – предъявлял обвинение в судебном органе (обвинительной камере суда). Все вопросы о применении уголовного закона, в т.ч. вопросы освобождения от уголовной ответственности с заменой на штраф или другую меру юридической ответственности, должны разрешаться в судебном порядке – через разрешение соответствующего ходатайства стороны обвинения – в лице органа предварительного расследования, прокурора.

Литература

1. Вульферт А. Реформа предварительного следствия. М., 1881.
2. Благов Е.В. Теория применения уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005.
3. Недбайло П.Н. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960.
4. Теория государства и права. М.: Госюриздат, 1955.
5. Шпилев В.Н. Сущность, содержание и формы советского уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 1983.
6. Щегловитов И.Г. Основные начала современного уголовного судопроизводства // Журнал министерства юстиции. 1903. № 9.
7. Яценко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.

Н.С. Диденко, канд. юрид. наук

Ростовский юридический институт МВД России;

А.А. Торовков

Барнаульский юридический институт МВД России

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В последнее время в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации в ходе досудебного производства всё в большей степени проявляется упрощение уголовного процесса по некоторым категориям уголовных дел. В этой связи всегда возникает закономерный вопрос, а не приведет ли такое упрощение к нарушению принципов уголовного судопроизводства и, как следствие, к нарушению прав участников, вовлеченных в эти правоотношения?

Свобода оценки доказательств как принцип уголовного процесса закреплена в ст. 17 УПК РФ, согласно которой определенные участники уголовного процесса, в т.ч. дознаватель, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. В части второй данной статьи указывается, что все доказательства не имеют заранее установленной силы.

В соответствии со ст. 88 УПК РФ любое доказательство должно быть оценено субъектами оценки с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а в совокупности – достаточности для принятия окончательного решения. На наш взгляд, оценить доказательства по своему внутреннему убеждению может любой участник уголовного процесса и исходя из этого определить свою позицию по уголовному делу, тем не менее эта оценка не будет иметь правового значения, если этот участник не является субъектом доказывания. Статья 17 УПК РФ называет субъектов оценки доказательств, к ним относятся только те лица, которые правомочны принимать решения по уголовному делу, в том числе дознаватель.

По мнению некоторых ученых-процессуалистов, юридическое значение в уголовном процессе имеет только оценка доказательств, осуществляемая судом; вторые считают, что суд выступает лишь в роли независимого арбитра, который оценивает доказательственные доводы сторон на предмет убедительности [2].

По нашему мнению, важным аспектом являются именно действия дознавателя, связанные с оценкой доказательств, при производстве дознания в сокращенной форме, это связано как с особенностями доказывания, так и с особенностями судебного производства при данной форме расследования. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ приговор постановляется на основании оценки только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении. Для того чтобы доказательства нашли свое отражение в обвинительном постановлении, дознаватель в ходе производства предварительного расследования должен оценить имеющиеся в уголовном деле доказательства и прийти к выводу о их достаточности для обвинения лица и в последующем разрешения уголовного дела по существу. Это связано с тем, что в силу положений уголовно-процессуального закона при особом порядке судья не проводит как в ходе обычного судебного разбирательства исследование и оценку доказательств, собранных в ходе сокращенного дознания. В связи с этим реализация принципа свободы оценки доказательств в большей степени проявляется в ходе досудебного производства при производстве дознания в сокращенной форме.

По мнению некоторых ученых-процессуалистов, предложенная законодателем форма исследования доказательств является исключительной. Так, Т.Н. Долгих считает, что под исследованием и оценкой доказательств законодателем имелось в виду ознакомление с ними суда при изучении поступившего уголовного дела, при постановлении приговора в совещательной комнате, т.е. своего рода исключительная форма исследования доказательств, заключающаяся в самостоятельном обособленном их исследовании судом [1, с. 27].

При изучении судебной практики можно сделать вывод, что при рассмотрении уголовных дел, расследованных в сокращенной форме дознания, непосредственного исследования доказательств в

суде не происходит, т.к. это бы искажало суть особого порядка принятия судебного решения.

Роль дознавателя при оценке доказательств, по нашему мнению, несомненно, возрастает при производстве дознания в сокращенной форме. Так дознаватель уже в стадии предварительного расследования должен произвести анализ полученных данных, оценить их с точки зрения относимости, допустимости и в совокупности достаточности и отразить в обвинительном постановлении.

Как справедливо указывает Е.В. Селина, доказательства фиксируются в соответствии с правилами практической достоверности и допустимости, они тщательно проверяются, исходя из правил коллективного опыта, накопленного правоохранительными органами [3].

Между тем при сокращенной форме расследования дознаватель не обязан не проверять доказательства, полученные им в ходе досудебного производства, если их не оспаривают иные участники. Исходя из этого может возникнуть вывод, что оценки доказательств может не быть вообще? На наш взгляд, конечно же, нет. Сказанное лишь подтверждает, что при производстве дознания в сокращенной форме принцип свободы оценки доказательств в досудебных стадиях должен проявляться в большей степени по сравнению с другими досудебными производствами. Между тем по сравнению с другими производствами на дознавателе с учетом особенностей доказывания при данной форме расследования лежит большая ответственность по оценке доказательств исходя из внутреннего убеждения, коль скоро данные доказательства не исследуются в суде, а суд исходит из того, что указано в обвинительном постановлении.

В последнее время много работ было посвящено особенностям доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, а именно вопросам относимости, допустимости доказательств, полученных при производстве дознания в такой форме на этапе проверки сообщения о преступлении. Считаем, что, коль скоро сам законодатель отошел от некоторых принципов доказательственного права, сделав исключения в получении доказательств, дознаватель в силу предписаний закона может оценивать и такие доказательства, в том числе не только по своему внутреннему убеждению, но и в совокупности с другими доказательствами.

Исходя из проведенного исследования, можно прийти к следующему выводу: дознаватель при производстве дознания в сокращенной форме на досудебном этапе должен объективно проверять собранную им информацию, в том числе фактические данные, полученные в стадии возбуждения уголовного дела. В последующем судья должен делать вывод о доказанности или недоказанности обвинения на основании тех доказательств, которые были предоставлены дознавателем в суд вместе с материалами уголовного дела и которые были указаны в обвинительном постановлении. Несмотря на наличие двух сокращенных по сути производств, и в стадии предварительного расследования и в ходе судебного разбирательства, принцип свободы оценки доказательств должен реализовываться в рамках обеих указанных стадий. На наш взгляд, роль дознавателя при оценке доказательств в сокращенной форме дознания возрастает, т.к. суд основывает свое решение на том, что ему предоставлено в обвинительном постановлении органами, осуществляющими дознание.

Литература

1. Долгих Т.Н. Особенности судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме // Российский судья. 2015. № 9.
2. Маслова М.В. Некоторые вопросы оценки судом доказательств в уголовном процессе по внутреннему убеждению // Современное право. 2015. № 3.
3. Селина Е.В. Свобода оценки доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6.

*Е.А. Зайцева, доктор юрид. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
Волгоградская академия МВД России*

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НОВЕЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА № 73-ФЗ ОТ 17 АПРЕЛЯ 2017 Г.

17 апреля 2017 г. был принят Федеральный закон № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», нацеленный на укрепление и расширение гарантий беспрепятственного осуществления адвокатской деятельности при производстве по уголовным делам [1]. Анализ текста данного закона дает основание для вывода, что применение некоторых положений данного Федерального закона на практике может оказаться затруднительным по ряду причин.

Прежде всего, речь идет о новой части 2.1 ст. 58 УПК РФ, которую необходимо толковать в системном единстве с другими законоположениями, регулирующими участие в уголовном судопроизводстве специалистов, в т.ч. с нормами ст. 71 УПК РФ.

В силу публичного характера уголовного судопроизводства вовлечение в доказывание специалиста (равно как и других лиц, способствующих правосудию) осуществляется по усмотрению лидирующих субъектов – должностных лиц органов предварительного расследования и суда, которые наделены правом определения статуса указанных лиц и которые, согласно положениям ст. 11 УПК РФ, уполномочены разъяснять права и обязанности участникам производства по уголовному делу, а также предупреждать их об ответственности, наступающей в случае прямых нарушений предписаний закона или ненадлежащего исполнения их процессуальных обязанностей. Применительно к специалисту указанная схема вовлечения в уголовно-процессуальные отношения срабатывает на досудебных стадиях с учетом положений ст. 168 УПК РФ, а в судебных стадиях вызов специалиста осуществляется судом (ст. 251 и 270 УПК РФ) по собственной инициативе или с учетом ходатайств сторон.

УПК РФ (п. 3 ч. 1 ст. 53) еще до принятия федерального закона от 17.04.2017 № 73-ФЗ наделял защитника в досудебном производстве полномочием привлекать специалиста по правилам ст. 58 УПК РФ к участию в следственных или иных процессуальных действиях. Анализ общих форм участия специалиста в производстве по уголов-

ному делу (дефинитивная норма, закрепленная в ч. 1 ст. 58 УПК РФ, предусматривает четыре формы) позволяет констатировать, что весьма сложно назвать специалистом сведущее лицо, которое помогает защитнику *обнаруживать, закреплять и изымать предметы и документы, применять технические средства, а также ставить на разрешение эксперта вопросы; которое разъясняет защитнику вопросы специального характера*. Дело в том, что по причине отсутствия нормативного регулирования подобного участия «специалиста» в адвокатских действиях, сведущее лицо, привлекаемое защитником, не наделяется соответствующим статусом, пока оно не попадет в сферу властных полномочий лидирующих субъектов уголовного судопроизводства, которые и определяют в конечном счете статус этого лица как специалиста.

Получается, что до тех пор, как по усмотрению должностных лиц и органов, осуществляющих производство по уголовному делу, в уголовно-процессуальные отношения не будет введена фигура сведущего лица в качестве специалиста, формально это компетентное лицо не является специалистом в смысле ст. 58 УПК РФ.

Данный тезис справедлив и в отношении консультационной формы участия специалиста. Так, закон предусматривает *два варианта* дачи разъяснений: *в письменном порядке*, когда представляется заключение специалиста согласно ч. 3 ст. 80 УПК РФ, и *в устном порядке*, что может фиксироваться в виде показаний специалиста (ч. 4 ст. 80 УПК РФ) в протоколе допроса специалиста или в протоколе следственного действия с участием специалиста, который дает пояснения по ходу выполняемых им действий или делает заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол (ч. 4 и 6 ст. 166 УПК РФ). При этом указанное лицо становится специалистом, а его действия подпадают под предписания ч. 1 ст. 58 УПК РФ только в том случае, если следователь или суд примет решение о допросе специалиста, о его участии в иных следственных или процессуальных действиях. Получается, что инициативная дача заключения таким «специалистом»

защитнику «выпадает» за рамки процессуальных процедур, т.к. статус его в качестве специалиста будет формально закреплён позже – только когда следователь (дознатель) или суд признают заключение компетентного лица «заключением специалиста» и в качестве такового приобщат к материалам уголовного дела. Однако подобный алгоритм в описываемой ситуации содержит противоречие: не может признаваться заключением специалиста письменное разъяснение им специальных вопросов, если статус этого лица как специалиста ещё формально не закреплён. По сути, исходя из буквального толкования закона, только при обращении следователя или дознавателя к специалисту за письменным разъяснением можно получить такой источник доказательственной информации, как заключение специалиста. При обращении защитника за разъяснением к сведущему лицу, чей статус специалиста ещё формально не определён, получается *письменный документ, содержащий суждения сведущего лица, которое специалистом в смысле ст. 58 УПК РФ ещё не является*. Следовательно, сложно назвать такой источник информации заключением специалиста – он в большей степени соответствует признакам документа-доказательства, закреплённым в ст. 84 УПК РФ.

Определённые сложности для правоприменения вызывает и ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ, т.к. отказ во введении в уголовный процесс фигуры специалиста по инициативе защитника законодатель связывает с наличием оснований для отвода этого лица, среди которых значится: *«если он находился или находится в служебной или иной зависимости от сторон или их представителей»* (ч. 2 ст. 71, п. 2 ч. 2 ст. 70 УПК РФ). При этом из буквального толкования указанного ограничения следует, что основание для отвода специалиста возникает при любом случае обращения защитника за помощью

к сведущему лицу на платной основе: оказание научно-технической и консультационной помощи защитнику по уголовному делу нередко порождает между ним и специалистом гражданско-правовые отношения по поводу возмездного оказания услуг (ст. 779 ГК РФ), что прямо предусмотрено п. 4 ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

По сути, указание в новой части 2.1 ст. 58 УПК РФ на статью 71 УПК РФ фактически блокирует инициативу защитника на вовлечение в производство по уголовному делу специалиста, с которым он заключил соответствующий договор возмездного оказания услуг. При появлении информации о таких взаимоотношениях между специалистом и защитником у следователя есть основание для отвода такого специалиста, чем, безусловно, он не преминет воспользоваться.

С учётом вышеизложенной аргументации полагаем, что для полноты воплощения замысла законодателя в части создания дополнительных гарантий осуществления адвокатской деятельности необходимо внести дополнения в ст. 71 УПК РФ, обозначив, что не является основанием для отвода специалиста заключение с ним защитником договора об оказании на возмездной основе научно-технической и консультационной помощи. Данная новелла в виде ч. 3 ст. 71 УПК РФ могла бы иметь следующее содержание:

«3. Оказание специалистом на договорной основе консультационных услуг адвокату в целях разъяснения ему вопросов, связанных с оказанием юридической помощи по уголовному делу, в соответствии с Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” не является основанием для отвода специалиста».

Литература

1. К проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: Пояснительная записка // Паспорт проекта федерального закона № 99653-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о дополнительных гарантиях независимости адвокатов при оказании ими квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве). URL: <http://asozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 11.02.2017).

*А.Н. Калюжный, канд. юрид. наук, доцент
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации*

СЛЕДСТВЕННАЯ ГРУППА КАК ФОРМА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ С ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ

Противодействие посягательствам на свободу личности, установление элементов составов совершенных преступлений, изобличение всех виновных и реализация назначения уголовного судопроизводства возможны лишь объединенными усилиями правоохранительных органов, а их межведомственное сотрудничество является одним из основных факторов, предопределяющих результативность данной деятельности. Проблемы взаимодействия следователей с должностными лицами органов дознания в целях выявления, раскрытия и расследования посягательств на свободу личности приобретают особую актуальность в связи с различной подследственностью данных посягательств, особенностями их законодательной конструкции и механизмом их совершения.

Практически все посягательства на свободу личности отнесены к компетенции следователей Следственного комитета Российской Федерации, а сопровождение расследования данных преступлений осуществляют сотрудники оперативных, экспертных и прочих подразделений других ведомств. Механизм же совершения посягательств на свободу личности предполагает сотрудничество следователей с должностными лицами органов дознания, задействованными в выявлении фактов их совершения, сокрытия, а также противодействия указанным негативным явлениям.

Не останавливаясь на понятии взаимодействия следователей с должностными лицами органов дознания, а также на основаниях их классификации, которые достаточно разработаны в уголовно-процессуальной науке и криминалистике [2, с. 240; 5, с. 318; 8, с. 290 и др.], отметим, что исходя из анализа различных точек зрения и стоящих перед нами задач практическое значение будет иметь форма деятельности как основание классификации форм исследуемого взаимодействия.

Сущность деления анализируемого взаимодействия по форме деятельности составляет правовая регламентация исследуемой проблематики, позволяющая данное сотрудничество раз-

делять на две формы: процессуальную и непроцессуальную. Полагаем неверной позицию авторов, считающих возможным к двум указанным добавить организационную форму [3, с. 242; 6, с. 82], поскольку происходит подмена основания для классификации данных форм (регламентация нормами права), а образующие ее содержание направления взаимодействия входят либо в процессуальные, либо в непроцессуальные формы.

Процессуальные формы взаимодействия представляют собой регламентированные уголовно-процессуальным законодательством способы отражения содержания и результатов совместной деятельности участников.

Одной из наиболее оптимальных форм процессуального взаимодействия следователей СК России, расследующих подавляющее большинство уголовных дел о посягательствах на свободу личности, с должностными лицами органов дознания является участие сотрудников последних в деятельности следственных групп. Правовая основа деятельности следственных групп закреплена в ч. 2 ст. 163 УПК РФ и не предполагает включение в их состав органов дознания, в силу чего мы ведем речь не о включении, а об участии органов дознания (в подавляющем большинстве оперативных работников) в деятельности следственных групп.

В научной литературе по данной проблематике встречаются названия «следственно-оперативная» группа, «следственная бригада» [4, с. 58] и «оперативно-следственная» группа [7, с. 51-53], однако все они предполагают непроцессуальную форму взаимодействия. По справедливому замечанию Ю.В. Бескровного, «...следственно-оперативная группа возникла и совершенствовалась на базе трансформировавшегося группового метода расследования в его новое качество – особый коллективный тип функционирования» [1, с. 103].

Решение о производстве предварительного следствия следственной группой принимает руководитель следственного органа, вынося постановление, в котором указывает, кто именно из

следователей в нее включен и кто из них является руководителем такой группы.

Исходя из отсутствия в структуре СК России подразделений дознания, полагаем более верным привлечение к участию в следственных группах оперативных сотрудников на основании ведомственных приказов, планов согласованных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий МВД России, ФСБ России или других правоохранительных органов, чьи сотрудники привлекаются для участия в них. Указание же в постановлении о создании следственной группы фамилий конкретных оперативных работников, привлекаемых к участию в них, более характерно для следственных подразделений тех ведомств, которые имеют свои органы дознания, однако не позволяет избежать необходимости вынесения им отдельных поручений для признания полученных ими доказательств допустимыми.

Практика последних десятилетий продемонстрировала эффективность, универсальность и

преимущество работы следственных групп по посягательствам на свободу личности, обусловленная: сложностью и многоэпизодностью таких дел, их значительным объемом, необходимостью одновременного производства следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий в различных регионах России и за рубежом, организованным характером посягательств на свободу личности, единым способом совершения рассматриваемых посягательств и другим.

Сложившаяся практика расследования уголовных дел в составе группы следователей и оперативных работников свидетельствует о неточности законодателя в формулировке и содержании ст. 163 УПК РФ, необходимости внесения в нее изменений и замене термина «следственная группа» на «следственно-оперативная группа», что позволит оптимизировать процесс расследования, исключив вынесение отдельных поручений на производство следственных и процессуальных действий оперативным сотрудникам таких групп.

Литература

1. Бескровный Ю.В. Организация раскрытия и расследования преступлений, подследственных органам внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 221 с.
2. Григорьев В.Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях: правовое обеспечение, организация, методика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 565 с.
3. Никонович С.Л. Теория и практика расследования преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней: дис. ... д-ра юрид. наук. Липецк, 2015. 436 с.
4. Улимаев Р.Ю. Следственно-оперативные группы: правовой статус, организация и деятельность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 210 с.
5. Федотов И.С. Расследование насильственных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних: правовые, теоретические и организационные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 466 с.
6. Чуносков В.С. Особенности расследования краж цветного металла: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 196 с.
7. Шамсутдинов М.М. Производство предварительного следствия следственной группой: процессуальные, управленческие и тактико-психологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 265 с.
8. Шмонин А.В. Общие положения методики расследования преступлений, совершаемых с использованием банковских карт: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 468 с.

*А.Е. Кригер, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России*

О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ПРОВОДИТСЯ ПРОВЕРКА

В свете реформирования уголовного судопроизводства за относительно небольшой период действия УПК РФ, чуть более 16 лет, в него посредством издания федерального закона № 221 было внесено свыше четырех тысяч поправок, которые с трудом вмещаются на 418 страницах машинописного текста, а, например, действующая редакция УПК РФ вполне помещается на 353 страницах. И это не считая постановлений и определений Конституционного Суда РФ.

Не осталась в стороне и стадия возбуждения уголовного дела. За последний год в порядок деятельности по предварительной проверке сообщений о преступлениях и ее участников было внесено около десяти изменений и дополнений. Неоднозначность перечня участников предварительной проверки сообщений о преступлении и их процессуального статуса как обязательного признака стадии возбуждения уголовного дела представляет, по нашему мнению, научный интерес.

По мнению Д.Н. Ушакова, участником является человек, принимавший или принимающий участие в чем-нибудь, какой-нибудь работе, деле [2, с. 1116], подобного мнения придерживается С.И. Ожегов, понимая под участником того, кто участвует в чем-нибудь. Объединяющим признаком будет являться участие – деятельность по совместному выполнению чего-нибудь [1, с. 752].

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству участником уголовного судопроизводства является лицо, принимающее участие в уголовном процессе (п. 58 ст. 5 УПК РФ). Учитывая вышеприведенные дефиниции, участником уголовного судопроизводства будет любое лицо, вступившее в уголовно-процессуальные отношения.

Анализируя содержание раздела II Уголовно-процессуального кодекса РФ, в котором закреплен перечень групп участников уголовного судопроизводства, можно заметить, что в указанном перечне отсутствуют нормы, определяющие наименование и процессуальный статус всего круга лиц, принимающих участие в ходе уголовного судопроизводства, в т.ч. при проверке сообщения о преступлении.

Проводя анализ норм УПК РФ, регламентирующих порядок предварительной проверки сообщения о преступлении, круг участников формально можно разделить на несколько групп: во-первых, это должностные лица органов дознания и предварительного следствия, производящие проверку; во-вторых, лица, заявившие о преступлении и их представители; в-третьих, лица, в отношении которых проводится проверка по поступившему сообщению и их представители; и в-четвертых, иные лица, оказывающие содействие при разрешении сообщения о преступлении. В данном случае не вызывает никаких затруднений участники первой и четвертой группы. Сложнее дело обстоит с лицами, относящимися ко второй и третьей группам, в данном случае автор не оговорился, именно с лицами, т.к. обратившись к перечню участников, закрепленных в УПК РФ, мы не найдем с вами таких участников уголовного судопроизводства, как «заявитель» и «лицо, в отношении которого осуществляется проверка», о процессуальном статусе которых и пойдет речь далее.

На этапе предварительной проверки сообщения о преступлении присутствует такая фигура, как лицо, в отношении которого проводится проверка, положение которого схоже с положением подозреваемого на этапе предварительного расследования.

Однако в Уголовно-процессуальном кодексе отсутствует процессуальное наименование данного лица, есть лишь указание на права, предусмотренные для лица, находящегося в статусе подозреваемого.

Такое лицо может появиться: во-первых, в случае, когда лицо застигнуто на месте совершения преступления; во-вторых, при явке лица с повинной; в-третьих, в случае, когда пострадавший указывает на конкретное лицо (правонарушителя), или в случае указания очевидцев происшедшего на лицо, совершившее преступление; в-четвертых, при получении оперативно-разыскной информации о причастности лица к совершению преступления.

Таким образом, при наличии вышеуказанных случаев в отношении лица начинается комплекс

мероприятий, указывающих на начало уголовного преследования (например, получение объяснений или образцов для сравнительного исследования, назначение и производство экспертизы и т.д.).

В связи с тем, что в соответствии с положениями ст. 48 Конституции РФ каждый обладает правом на оказание квалифицированной юридической помощи, помощи защитника (адвоката), то может учитываться тенденция законодателя о признании права пользоваться помощью адвоката на этапе предварительной проверки, может свидетельствовать именно о признаках уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела, что также отражено в позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, высказанной в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 29 от 30.06.2015: «...правом на защиту обладают: лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ...». Также в данном документе указывается на «...обязанность разъяснить обвиняемому его права и обязанности, а также обеспечить возможность реализации этих прав возлагается на лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации...». Тем самым разъясняется о допустимости именовать лицо, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении в порядке ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ «обвиняемым», что, на наш взгляд, не вполне уместно, т.к. ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса уже определены случаи, когда лицо признается обвиняемым.

В литературе встречаются попытки ученых определить наименование такого лица и дать ему определенное, например известный советский

процессуалист А.А. Чувилев один из первых ввел в научный оборот термин (наименование лица) «заподозренный», под которым понимал лицо, уже подозреваемое в совершении преступления, но еще не получившее официального статуса подозреваемого [3, с. 14]. Полагаем, что представленный вариант наименования подозреваемого на этапе предварительной проверки является верным и отражает сущность уголовного преследования на данном этапе.

В связи с этим можно утверждать о наличии совокупности прав и обязанностей у «заподозренного» на этапе предварительной проверки, признанного не только в научной сфере, но и в судебной практике (в указанном постановлении приводится перечень прав).

По-прежнему дискуссионным остается вопрос, что будет являться моментом возникновения статуса «заподозренного» для наделения его правами и обязанностями. Так, по нашему мнению, таким моментом может служить вынесение постановления о признании лица в качестве заподозренного.

В связи с вышеизложенным полагаем, что целесообразно внести дополнение в ст. 5 УПК РФ, включив в перечень основных понятий пункт 12.1 следующего содержания: «Заподозренным признается лицо, в отношении которого в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении вынесено постановление о привлечении лица в качестве заподозренного». Данные дополнения послужат процессуальному закреплению статуса заподозренного, а следовательно, его прав и обязанностей как полноправного участника уголовного процесса.

Таким образом, учитывая предложенные изменения, полагаем, что определение и закрепление процессуального статуса данного участника способствует полному и всестороннему производству действий при принятии решения по сообщению о преступлении.

Литература

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка: около 57000 слов / под ред. докт. филол. наук. проф. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1984.
2. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: «Альта-Принт», ООО Изд-во «ДОМ. XXI век», 2008.
3. Чувилев А.А. Институт подозреваемого в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968.

О.Н. Лаврова, канд. юрид. наук

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Н.Н. Горач, канд. пед. наук

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ПО МОТИВАМ РАСОВОЙ, НАЦИОНАЛЬНОЙ, РЕЛИГИОЗНОЙ НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ

По уголовным делам о преступлениях, совершенных по мотивам расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, предмет доказывания является тем же, что и по другим категориям уголовных дел. Он установлен ст. 73 УПК РФ, и никакие специальные технологии доказывания по делам данной категории недопустимы. Однако в связи с большой общественной опасностью вышеуказанных преступлений среди ученых-процессуалистов и практических работников продолжается обсуждение проблемы «достаточности» процессуальных средств выявления, раскрытия и расследования преступлений данного вида. В данном случае, с одной стороны, высока потребность общества в быстром раскрытии преступлений данной категории, изобличении виновных лиц и их привлечении к уголовной ответственности, а с другой стороны, необходимо обеспечить соблюдение конституционных прав и законных интересов лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства. На современном этапе в рамках доктрины уголовного процесса доказывание подразумевается как обнаружение, собирание, фиксация, проверка и оценка доказательств, обоснование всех выводов и процессуальных решений по уголовному делу [3, с. 96].

Следует отметить, что доказательствами по уголовному делу являются материалы проверки сообщения о преступлении, к которым относятся объяснения, результаты документальных проверок и ревизий, исследования предметов, документов и трупов. Так, по уголовному делу № 159356 в рамках проверки сообщения о преступлении было получено объяснение гражданина П., который показал, что в период времени с начала 2011 г. до 5 августа 2012 г. он проживал по адресу: г. Нижний Новгород, ул. Комсомольская, д. 13, кв. 201, совместно со своим отцом, братом, а также У., Э. и другими лицами. Все проживающие в квартире лица по национальности являлись таджиками, исповедовали ислам и совершали намаз. У. по прозвищу «Хаджи», совершившего хадж в

Мекку, они выбрали имамом. По мнению большинства проживавших в квартире лиц У. хорошо разбирался в исламе, лучше всех знал Коран. У. начинал намаз на фарси, а суры из Корана читал на память по-арабски. После намаза У. совершал проповедь, в которой обычно произносил, что все мусульмане должны жить по законам шариата, уточняя, что если все будут жить по законам ислама, то и страна станет исламской. После намаза У. включал видеофильмы «Пророк Мухаммед», а также видеозаписи проповедей Ходжи Мерзо на таджикском языке и проповедей Абували на узбекском языке. Кроме того, у У. имелись запрещенные книги без переплетов на арабском и на русском языках. Кроме жильцов вышеуказанной квартиры, в ней собирались близкие знакомые У. – Касимов Кодиржон и Артиков Абдурафик, узбек на национальности. Все собрания, на которых обсуждались религиозные темы, У. устраивал в условиях секретности. Через некоторое время его отец настоял, чтобы они вместе с братом переехали в другую квартиру, т.к., со слов отца, У. был «неправильным» человеком, салафитом. Салафитский ислам запрещен на территории Республики Таджикистан. Таким образом, статус доказательств могут получить сведения, предметы, документы, которые были получены помимо уголовно-процессуальной формы доказывания, но при условии их подлинной достоверности, а также соблюдения прав и свобод участвующих лиц [2, с. 41-42].

Существенными признаками определения мотивов расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды являются их экстремистский и низменный характер; нетерпимость и крайняя неприязнь к определенной национальности, религии, расе, социальной или политической группе; намерение виновного совершить действия, направленные против потерпевшего, по причине его принадлежности (либо симпатии) к определенной национальности, религии, расе, социальной или политической группе.

Следователям, дознавателям следует правильно разграничивать мотивы расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды и хулиганские побуждения. В первую очередь необходимо учитывать, что при выборе жертвы преступления экстремистской направленности преступник руководствуется принадлежностью человека к другой национальности, религии, расе, социальной или политической группе, проявляя при этом крайнюю неприязнь и нетерпимость. Это отличает рассматриваемую нами категорию преступлений от преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений.

Следует отметить, что в случае доказанности совершения преступления по мотиву национальной или расовой ненависти или вражды судами исключается как излишний ранее вмененный органами предварительного расследования мотив «совершение преступления из хулиганских побуждений».

При этом мотив национальной, расовой, религиозной, политической, идеологической, социальной ненависти или вражды в уголовных делах о преступлениях экстремистской направленности является квалифицирующим признаком или, в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, обстоятельством, отягчающим наказание.

Мотив преступного поведения обвиняемого должен быть доказан независимо от категории и вида совершенного им преступления.

Доказывание мотива расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды предполагает установление динамики рассматриваемого побуждения: зарождения и формирования данного мотива у подозреваемого, обвиняемого в услови-

ях той социально-психологической среды, в которой он находился; реализации рассматриваемого мотива в ходе совершения конкретных преступных действий; сокрытия указанного мотива после совершенного преступления.

Типичными версиями по уголовным делам рассматриваемой нами категории являются: 1) совершение преступления по мотиву расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды; 2) преступление совершено по иным мотивам; 3) имеет место инсценировка преступления и его совершения по мотивам ненависти или вражды.

Наиболее распространенной ошибкой следователей, дознавателей при доказывании мотивов национальной, религиозной ненависти или вражды является исследование только тех обстоятельств, которые происходили непосредственно при совершении преступлений против жизни и здоровья. Кроме нее, встречаются такие ошибки, как бессистемность и неконкретность изложения доказательств, подтверждающих факт совершения преступления по данным мотивам, а также недоказанность причин и условий их возникновения [1]. Кроме того, важным фактором, затрудняющим процесс доказывания вышеуказанных мотивов, является недостаточная активность следователей, дознавателей.

В заключение отметим, что в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности следователям, дознавателям необходимо подробно рассматривать и анализировать все факторы, затрудняющие доказывание мотива расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды.

Литература

1. Ахмедов У.Н. Особенности доказывания преступлений экстремистской направленности, совершенных несовершеннолетними: монография. Воронеж: ВИ МВД России, 2016.
2. Власова С.В., Шаутаева Г.Х. Выявление и пресечение преступлений террористической направленности: методические (практические) рекомендации. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015.
3. Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Изд-во Юрайт, 2012.

К.К. Логачев

Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОЧНОЙ СТАВКИ

Первоочередной целью очной ставки является устранение существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. «Однако из содержания текста ст. 192 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) не следует, что законодатель, конструируя процессуальную модель данного следственного действия, “снабжает” его именно названной выше целью. Часть первая ст. 192 УПК РФ называет лишь условия, при которых возможно производство очной ставки, а именно: если в показаниях допрошенных лиц имеются существенные противоречия. Что касается уголовно-процессуальных целей данного следственного действия, то они лишь подразумеваются – проверка и получение доказательств» [3, с. 89].

Таким образом, процессуальную цель очной ставки можно выяснить путем системного толкования содержания ст. 192 УПК РФ «Очная ставка» и ст. 14 УПК РФ «Презумпция невиновности», которая обязывает следователя принимать все меры к устранению сомнений в виновности обвиняемого. Результатом такого анализа будет выяснение уголовно-процессуальной, т.е. нормативной цели следственного действия.

Нормы УПК РФ напрямую не требуют от органов предварительного расследования предоставлять стороне защиты возможность задавать вопросы лицу, свидетельствующему против них, если сторона защиты не ходатайствует об этом. Помимо этого, УПК РФ указывает, что проведение очной ставки – это право следователя, а не его обязанность.

Перед проведением очной ставки, прежде всего, необходимо сообщить лицам, между которыми проводится указанное следственное действие, о возможности задавать вопросы друг другу, что закреплено в ч. 2 ст. 192 УПК РФ. Указание на данное право при проведении очной ставки является важным моментом, тем самым на стадии предварительного расследования защитнику и его подзащитным предоставляется реальная возможность задать вопросы лицу, дающему показания против них. И если в дальнейшем на стадии судебного разбирательства это лицо не сможет

участвовать в суде и давать показания, тогда право подсудимого задать вопросы лицу, дающему показания против него, нарушенным не будет.

В Определении Конституционный Суд РФ от 27 октября 2000 г. № 233-О по жалобе гражданина В.В. Щенникова, указал, что «в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах (подпункт “е” пункта 3 статьи 14) и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (подпункт “d” пункта 3 статьи 6) одним из обязательных условий справедливого судебного разбирательства является право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей или требовать, чтобы эти свидетели были допрошены» [4].

Также Верховный Суд РФ в своем постановлении от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» указал, ссылаясь на вышеуказанную Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, что «с учетом положений ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ суд не вправе оглашать без согласия сторон показания неявившихся потерпевшего или свидетеля, воспроизводить в судебном заседании материалы видеозаписи или киносъемки следственных действий, проведенных с их участием, а также ссылаться в приговоре на эти доказательства, если подсудимому в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена возможность оспорить показания указанных лиц предусмотренными законом способами (например, в ходе очных ставок с его участием задать вопросы потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями подсудимый не согласен, и высказать по ним свои возражения)» [5].

Анализируя сложившуюся практику расследования уголовных дел в Алтайском крае, можно сделать вывод, что органы предварительного расследования в 40% уголовных дел используют такое следственное действие, как очная ставка. Однако данное следственное действие они проводят не потому, что имеются существенные противоречия в показаниях тех или иных лиц, а для того чтобы «закрепить доказательственную базу». В большинстве случаев из тактических соображений, чтобы убедить сторону обвине-

ния, что органы предварительного расследования располагают достаточными доказательствами вины обвиняемого, т.е. свидетель в присутствии обвиняемого дает изобличающие показания, тем самым органы предварительного расследования вынуждают обвиняемого начать давать показания по существу. В 70% проведенных очных ставок имеющиеся противоречия не устранены, а по факту лицо, проводящее указанное следственное действие, и не стремится устранить имеющиеся противоречия, а ограничивается перекопированием ранее данных показаний свидетеля и обвиняемого из протоколов допросов в протокол очной ставки, заканчивая проведение очной ставки фразой «участник (например, свидетель Иванов) свои ранее данные показания в качестве свидетеля подтвердил и на них настаивает».

Также распространена практика проведения очной ставки с обвиняемым, который в соответствии со ст. 51 Конституции РФ отказался давать какие-либо показания по существу обвинения. По факту органы предварительного расследования проводят следственное действие при

отсутствии вообще каких-либо противоречий и оснований для его проведения. Тем самым наличие подмена очной ставки новым следственным действием, таким как допрос свидетеля в присутствии обвиняемого. Таким образом, органы предварительного расследования подстраховываются при рассмотрении уголовного дела в суде, т.к. в дальнейшем суд может огласить ранее данные показания свидетеля или потерпевшего при их неявке. А.Р. Белкин поддерживает идею проведения очной ставки с лицом, ранее отказавшимся от дачи показаний: «ответ на этот вопрос должен быть только положительным: в ходе очной ставки, услышав показания других лиц, это лицо вполне может изменить свое решение об отказе и все же согласиться дать показания» [1, с. 99].

Таким образом, мы поддерживаем идею С.П. Желтобрюхова о необходимости внести изменения в УПК РФ и дополнить его таким новым следственным действием, как допрос подозреваемого, обвиняемого с участием изобличаемого им лица [2, с. 28].

Литература

1. Белкин А.Р. Процессуальные проблемы очной ставки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 97-101.
2. Желтобрюхов С.П. Новая разновидность допроса, способная заменить очную ставку // Российская юстиция. 2017. № 9. С. 26-29.
3. Князьков А.С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2014.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Щенникова Валерия Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 276, частью первой статьи 277 и пунктом 2 части первой статьи 286 УПК РСФСР [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 27.10.2000 № 233-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О судебном приговоре [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Н.И. Лямкина

Новосибирский государственный университет экономики и управления

ПРОБЛЕМЫ ДОПРОСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Распад Советского Союза и открытие границ явились причиной того, что в нашу страну хлынул большой поток иностранных граждан, что естественным образом сказалось и на количестве преступлений, совершаемых как иностранцами и

лицами без гражданства, так и в отношении данной категории лиц. Особенно это касается выходцев из стран СНГ.

Статистика ГУ МВД России по Новосибирской области за последние три года свидетельствует о

том, что количество преступлений, совершенных иностранными гражданами, лицами без гражданства и гражданами государств СНГ в 2015 г. – 1289, 2016 г. – 1282, за 10 месяцев 2017 г. – 899 преступлений. Таким образом, как видно из статистики, 5-5,5% преступлений на территории Новосибирской области совершаются иностранными гражданами и лицами без гражданства. В отношении иностранных граждан, лиц без гражданства и выходцев из стран СНГ совершается порядка 0,5-0,7% преступлений. Становится очевидным, что около 7% совершаемых в области преступлений происходит с участием иностранных граждан и лиц без гражданства. Особо следует отметить, что в половине этих преступлений участвуют граждане – выходцы из стран СНГ.

Преимущественное большинство преступлений, совершаемых с участием иностранных граждан, связано с кражами, грабежами, корыстно-насильственными действиями. В то же время стоит отметить возрастающее число преступлений, совершенных на почве расовой и национальной розни. В течение трех дней после задержания или ареста иностранного гражданина необходимо оповестить через МИД посольство или консульство той страны, гражданин которой задержан или арестован. Сотрудники посольства или консульства имеют право на посещение задержанного гражданина, но только при наличии согласия с его стороны.

Иностранные граждане, будь то подозреваемые или потерпевшие, могут неадекватно реагировать на все происходящее, с трудом воспринимать обстановку. Чувство недоверия к органам власти, искаженное понимание законодательства, незнание правил судопроизводства – все это отрицательным образом влияет на общую обстановку при проведении предварительного следствия. В этом случае от следователя требуется терпение и внимание, чтобы достаточно ясно объяснить, что требуется от иностранного гражданина, но при этом соблюсти все процессуальные требования.

Возбуждение уголовного дела с участием иностранных граждан влечет за собой постановку целого ряда специфических вопросов. Прежде всего, необходимо определить правовой статус данного гражданина, выяснить, является ли его пребывание на территории Российской Федерации законным, установить сроки законного пребывания, что является крайне важным, ведь согласно ст. 144 УПК РФ срок проверки заявления о преступлении составляет 3 суток, в исключительных случаях – 10 суток. Таким образом, первоочередным является уложиться в срок пребывания иностранного гражданина на территории РФ.

И тут наступает еще один важный момент: при возбуждении уголовного дела необходимо выяснить, владеет ли иностранный гражданин русским языком и не нуждается ли он в переводчике. С целью обеспечения прав иностранных граждан и достоверного установления всех сведений иностранному гражданину должен быть предоставлен переводчик. При этом переводчик должен быть приглашен незамедлительно, так все процессуальные действия в дальнейшем необходимо производить именно в его присутствии. Возникает проблема: зачастую предоставить переводчика в сжатые сроки не представляется возможным.

Совершение преступления с участием иностранных граждан происходит вне зависимости от времени суток и дня недели, прием и регистрация заявлений ведется на постоянной основе. При этом на приглашение переводчика, который отсутствует в штате МВД, уходят часы, а то и дни. Языковой барьер не дает оперативно проводить процессуальные действия.

По статистике, большинство преступлений раскрывается именно в течение первых суток, по горячим следам. Промедление в сборе показаний, фактов, доказательств и т.д. приводит к тому, что драгоценное время теряется. Отсутствие в штате МВД переводчиков приводит к тому, что процессуальные действия по уголовным делам с участием иностранных граждан затягиваются. При этом часто приходится сталкиваться с ситуацией, когда пребывание иностранного гражданина в нашей стране кратковременно либо подходит к концу. В этом случае все необходимые следственные действия должны проводиться крайне оперативно.

Но и не только на стадии возбуждения уголовного дела преградой является языковой барьер. Переводчик должен присутствовать при каждом допросе и при общении подозреваемого либо потерпевшего иностранного гражданина с адвокатом.

Для проведения допроса иностранного гражданина следователь должен составить план допроса, а также скорректировать вопросы с учетом специфики перевода на иностранный язык. То же касается и предъявления вещественных доказательств, протокола осмотра и т.д. Перевод должен производиться заблаговременно для сохранения тактики допроса. Обвиняемый иностранный гражданин, в соответствии с УПК РФ, должен быть ознакомлен с материалами законченного производства по уголовному делу с участием переводчика.

Большую сложность в ходе предварительного следствия с участием иностранных граждан и лиц

без гражданства представляет проведение очной ставки, т.к. ее участниками могут оказаться иностранные граждане, говорящие на разных языках. В этом случае задачи следователя удваиваются, ведь требуется предоставление двух переводчиков. В случае же, когда иностранные граждане являются носителями одного языка, следователю необходимо пресечь возможность их переговоров без перевода, тем самым предупреждая возможность сговора. При этом переводчиком не может выступать заинтересованное лицо, также переводчик должен быть предупрежден об ответственности за недостоверный перевод в соответствии с УК РФ.

Именно поэтому видится необходимым введение в штат МВД переводчиков с иностранных языков. По этому поводу можно отметить тот

факт, что в Федеральной службе безопасности наличие штатных переводчиков является обязательным, что в значительной степени облегчает процедуру общения с подозреваемыми или потерпевшими иностранными гражданами.

Наличие штатных переводчиков позволило бы существенно сократить временные сроки, упростить проведение процессуальных процедур, в значительной степени способствовало бы устранению необходимости всякий раз предупреждать переводчика об ответственности за недостоверный перевод, а также предупреждать вопросы заинтересованности переводчика в исходе дела. Все это могло бы способствовать повышению раскрываемости преступлений с участием иностранных граждан.

А.Г. Маркелов, канд. юрид. наук, доцент

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова;

В.Н. Кошкин

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

УВЕДОМЛЕНИЕ О ЗАДЕРЖАНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

В соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 437-ФЗ в ч. 1 ст. 96 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) в части реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве были внесены дополнения, и законодатель изложил ее в новой редакции, а именно: «Подозреваемый в кратчайший срок, но не позднее 3 часов с момента его доставления в орган дознания или к следователю имеет право на один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения, о чем делается отметка в протоколе задержания. В случае отказа подозреваемого от права на телефонный разговор или невозможности в силу его физических или психических недостатков самостоятельно осуществлять указанное право такое уведомление производится

дознавателем, следователем, о чем также делается отметка в протоколе задержания. Дознаватель, следователь не позднее 12 часов с момента задержания подозреваемого также уведомляет о его задержании иных лиц, указанных в частях второй, второй.1, второй.2 и третьей настоящей статьи», а именно ст. 96 УПК РФ.

На первый взгляд, новый процессуальный порядок уведомления заинтересованных лиц о задержании существенно расширил права подозреваемых лиц в совершении преступлений [1, с. 67-70]. Однако при системном анализе новой редакции УПК РФ выявляются существенные недостатки (ошибки) [3, с. 449-450], которые, на наш взгляд, подлежат немедленному устранению и приведению в соответствие с реалиями сложившейся следственно-судебной практики.

Рассмотрим часть из этих «злободневных» проблем [5, с. 130-131] относительно уголовно-процессуального задержания, которые, на наш

взгляд, срочно нуждаются в переосмыслении и дополнительной законодательной регламентации.

1. Проблема предоставления одного телефонного разговора на русском языке. В соответствии с положениями ст. 18 УПК РФ в части реализации принципа языка уголовного судопроизводства уголовный процесс осуществляется на русском языке, а учитывая, что Россия – это многонациональный народ, то уголовный процесс России может вестись и на языках ее субъектов. Если участник уголовного процесса, не владеет или недостаточно владеет русским языком, то в этом случае государством лицу бесплатно предоставляется переводчик. В нашей ситуации, может возникнуть проблема, связанная с предоставлением телефонного разговора подозреваемому лицу, который не владеет или недостаточно владеет русским языком [2, с. 46-49]. По смыслу ст. 18 УПК РФ, это может сделать переводчик, но не совсем понятно, на каком языке он будет общаться с уведомляющими лицами, т.к. ч. 1 ст. 96 УПК РФ требует уведомления только на русском языке. Что самое интересное, законодатель обязывает следователя (дознателя) самому произвести уведомление о задержании в случае отказа лица или в силу определенных физических и психических недостатков, обнаруженных у подозреваемого. В этой связи ч. 7 ст. 14 ФЗ «О полиции» подходит проще и выражается в следующем: «Задержанное лицо в кратчайший срок, но не позднее трех часов с момента задержания, если иное не установлено уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, имеет право на один телефонный разговор в целях уведомления близких родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения. Такое уведомление по просьбе задержанного лица может сделать сотрудник полиции». Как показывает анализ указанной нормы, язык не имеет значения, главный упор законодателем сделан на обязанности произвести уведомление, и это может сделать сам сотрудник полиции. Считаем необходимым привести положения ч. 1 ст. 96 УПК РФ в соответствие с положениями ч. 7 ст. 14 ФЗ «О полиции».

2. Проблема установления круга лиц, кому подозреваемый звонит и сообщает о своем задержании. В соответствии с положениями ч. 1 ст. 96 УПК РФ по факту задержания подозреваемого им могут быть уведомлены его близкие родственники, а также родственники или какие-то близкие лица. Возникает закономерный вопрос у следователя: кому звонит подозреваемый, т.к. его информация может повлиять на раскрытие преступления и доказывание отдельных обсто-

ятельств уголовного дела. В этой связи считаем необходимым установить порядок предоставления телефонного разговора путем разъяснения и наступления возможных последствий для самого подозреваемого в случае сообщения о своем задержании, к примеру своим сообщникам или подельникам. При этом в обязательном порядке разъяснить (в протоколе задержания), что все сведения, сообщенные им в ходе такого разговора, будут записаны и могут быть использованы против него в процессе доказывания, а также в качестве доказательств по данному уголовному делу. При этом воспользоваться таким правом подозреваемый может только со специального стационарного телефона, расположенного в дежурной части правоохранительного органа. Стоит отдельно отметить, что сотовый телефон не относится к телефонным аппаратам, т.к. не соответствует стандарту КОД ОКП 637310 [4, с. 113-117].

Далее, телефонный разговор с нужным абонентом начинается не сразу, а после соединения с оператором правоохранительного органа, который обязан для начала установить номер, адрес, а также кому подозреваемый звонит, кем он является этому лицу, после чего происходит разговор, но не более 3 минут. При этом указанная информация в виде отдельной распечатки во всех случаях оператором предоставляется следователю, который приобщает ее к материалам уголовного дела. Все расходы по предоставлению телефонного разговора возложить на него самого или на близких родственников, кому он сообщает о своем задержании.

3. Проблема предоставления телефонного разговора несовершеннолетнему подозреваемому. В соответствии с положениями п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ подозреваемым может быть любое лицо, в т.ч. и несовершеннолетний, которое задержано по подозрению в совершении преступления в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ. Однако особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних законодатель выделил в отдельную главу 50 УПК РФ, где в ч. 1 ст. 423 УПК РФ указано, что задержание несовершеннолетнего подозреваемого, а также применение ему меры пресечения в виде заключения под стражу производится исключительно по правилам ст. 91, 97, 99, 100 и 108 УПК РФ. Таким образом, процессуальная гарантия в форме предоставления одного телефонного разговора несовершеннолетнему подозреваемому, установленная ст. 96 УПК РФ не предполагает предоставления такого права.

В этой связи считаем правильным не предоставлять такого права несовершеннолетнему

подозреваемому. Однако в соответствии с ч. 3 ст. 423 УПК РФ в любом случае по факту уголовно-процессуального задержания, следователь, дознаватель обязаны немедленно известить его законных представителей. При этом следователем или дознавателем устанавливаются телефонные номера законных представителей, их адреса и места фактического проживания.

4. Проблема уведомления о задержании иных сотрудников правоохранительных органов. К сожалению ст. 96 УПК РФ не предполагает какого-либо уведомления при задержании по подозрению иных сотрудников правоохранительных органов и должностных лиц, если они таковыми являются, лишь определяет их исчерпывающий перечень. В частности, к ним относит сотрудников органов внутренних дел,

военнослужащих, членов общественных наблюдательных комиссий, адвокатов, иностранных граждан.

В этой связи считаем необходимым в ч. 2 ст. 96 УПК РФ внести изменения, в частности заменить слова «сотрудника органа внутренних дел» на слова «сотрудника или работника правоохранительного органа или суда – руководитель органа, в котором трудится указанный сотрудник или работник».

Таким образом, на основании изложенного считаем, что новая законодательная формулировка, изложенная в ч. 1 ст. 96 УПК РФ, является не совсем удачной и должна быть устранена, дабы не порождать проблемы и трудности ее применения и реализации в непосредственной следственно-судебной практике.

Литература

1. Данилов А.В., Маркелов А.Г. К вопросу о деятельности органа дознания по выполнению неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно // Вестник Российского университета кооперации. 2012. № 4 (10). С. 67-70.
2. Даровских С.М., Даровских О.И. Реализация права подозреваемого на один телефонный звонок: проблемы и пути решения // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2017: мат-лы XIX Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2017. С. 46-49.
3. Маркелов А.Г., Бубнова О.Ю. О некоторых законотворческих ошибках современного УПК РФ // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 449-450.
4. Маркелов А.Г., Купцов В.А. Право на телефонный разговор в уголовном судопроизводстве России: гарантии и проблемы реализации // Вестник Российского университета кооперации. 2016. № 2 (24). С. 113-117.
5. Маркелов А.Г. О некоторых проблемах применения УПК РФ // Право и государство: теория и практика. 2008. № 4. С. 130-131.
6. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
7. Семенова П.А. Право подозреваемого на телефонный звонок // Культура. Духовность. Общество. 2016. № 23. С. 11-15.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 дек. № 249.

Н.А. Марцынкевич

Академия МВД Республики Беларусь

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ, КРИТЕРИИ, СВОЙСТВА

Институт процессуальных издержек имеет позитивные эффекты как для отдельного гражданина, вовлеченного в уголовный процесс, (в виде возмещения расходов, выплаты ему вознаграждения), так и для государства, общества в целом (в виде компенсации части расходов на уголовный процесс). Несмотря на это, до сих пор остаются неразрешенными проблемы теоретико-правового характера института процессуальных издержек, что оказывает прямое влияние на практику его функционирования. Во многом эти проблемы связаны с отсутствием адекватной дефиниции процессуальных издержек, позволяющей определить их место в системе затрат государства на осуществление уголовно-процессуальной деятельности и социальных затрат в целом.

Анализ имеющихся в юридической литературе понятий процессуальных издержек демонстрирует наличие в них очевидных логических ошибок, допущенных в ходе их построения (нарушение правила соразмерности определения, ошибка опосредованного («порочного») круга, подмена отношения равнообъемности между дефиниендумом и дефиниенсом отношением пересечения). Проведенное в этой связи комплексное исследование природы процессуальных издержек позволяет определить свойства процессуальных издержек в рамках пяти выделенных критериев, которые впоследствии и должны лечь в основу дефиниции определяемого выражения.

Так, в качестве первого критерия выступает определяющая категория, в рамках которой следует говорить, что процессуальные издержки составляют только денежные суммы (требования о возмещении морального вреда, возмещении вреда в натуре являются несостоятельными).

В качестве второго критерия выступают субъекты, чьи расходы относятся к процессуальным издержкам, в рамках которого следует констатировать, что к ним может относиться лишь государство в лице органов, ведущих уголовный процесс, местных исполнительных и распорядительных органов, иных государственных органов и организаций. Безусловно, затраты в ходе производства по материалам и уголовному делу терпят

привлекаемые к участию в нем физические лица, негосударственные организации. Однако согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства возмещение расходов и выплата вознаграждения участникам уголовного процесса производится из бюджетных средств, выделяемых органам уголовного преследования и суду на эти цели. Таким образом, законодательно определено, что расходы участников уголовного процесса переходят в ранг процессуальных издержек лишь в том случае, если органом, ведущим уголовный процесс, в установленном законом порядке фактически будут произведены выплаты в счет их возмещения из бюджетных средств, специально выделяемых на эти цели, в противном случае — указанные затраты останутся лишь личными потерями (убытками) лиц, привлекаемых к участию в уголовном процессе. Следовательно, возмещенные из средств государства расходы участников уголовного процесса становятся расходами уже самого государства.

В качестве третьего критерия выступают основания возникновения процессуальных издержек, в рамках которого определено, что фактическим основанием их возникновения являются имущественные отношения в ходе и в связи с ходом производства по конкретным материалам и уголовным делам. В этой связи объем процессуальных издержек по материалам и уголовным делам образуют только те расходы, которые вызваны производством процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом и являющихся основанием возникновения имущественных отношений между органом, ведущим уголовный процесс, и участниками уголовного процесса. В науке уголовного процесса имущественные отношения (именуемые так для практического удобства уголовно-процессуальные отношения имущественного характера) определяются как уголовно-процессуальные правоотношения, «направленные на обеспечение, защиту и восстановление имущественных прав и законных интересов участников уголовного процесса» [1]. Содержание данных отношений составляют наряду с отношениями по возмещению вреда по-

терпевшему от совершенного преступления также отношения по выплате вознаграждения участникам уголовного процесса, по возмещению расходов участникам уголовного процесса и процессуальных издержек государству [2].

Процессуальным же основанием возникновения процессуальных издержек является решение органа, ведущего уголовный процесс, о признании фактических расходов государства процессуальными издержками.

В качестве четвертого критерия выступают категории расходов, относящихся к процессуальным издержкам, в рамках которого следует называть такие их отличительные свойства, как денежные суммы, израсходованные: 1) на приобретение предметов и средств труда, не принадлежащих органам, ведущим уголовный процесс, и специально приобретаемых для целей конкретного производства по материалам и уголовным делам (например, расходных материалов для проведения экспертизы); 2) обеспечение имущественных прав лиц, не относящихся к органам, ведущим уголовный процесс и специально вовлекаемых для целей конкретного производства по материалам и уголовным делам (например, выплата вознаграждения переводчику).

В качестве пятого критерия выступают источники возмещения процессуальных издержек, в рамках которого определено, что расходы, вызванные производством по материалам и уголовному делу, в силу принципа публичности предварительно должны осуществляться из государственных средств, а по окончании производства по делу вопрос об их возмещении должен разрешаться в силу реализации вытекающих из правовой природы процессуальных издержек

превентивной и компенсационной функций. Принимая во внимание, что процессуальные издержки возникают вследствие вины преступника, в качестве источника их возмещения должны выступать средства подозреваемого, обвиняемого, осужденного, а также лиц, несущих материальную ответственность за их действия. В случае же оправдания, прекращения производства по уголовному делу либо уголовного преследования по реабилитирующим основаниям и по основаниям, не связанным с установлением виновности лица, процессуальные издержки государству не возмещаются, т.е. должны относиться на его счет. При оправдании обвиняемого по делу частного обвинения источником для возмещения расходов, вызванных уголовным процессом, становятся средства частного обвинителя.

Таким образом, исходя из выводов, полученных в ходе комплексного анализа природы процессуальных издержек, можно предложить следующую адекватную дефиницию изучаемого термина. Так, под процессуальными издержками следует понимать денежные суммы, израсходованные государством в ходе имущественных отношений в связи с приобретением предметов и средств труда или обеспечением имущественных прав лиц, не принадлежащих или не относящихся к органам, ведущим уголовный процесс, а специально приобретаемых либо вовлекаемых для целей конкретного производства по материалам и уголовным делам, которые подлежат возмещению за счет средств перечисленных в законе участников уголовного процесса в целях компенсации государству части понесенных расходов либо относимые в предусмотренных законом случаях на счет государства.

Литература

1. Селедникова О.Н. Понятие и классификация имущественных отношений в уголовном процессе Российской Федерации. URL: <http://sibac.info/conf/law/xv/28761> (дата обращения: 11.02.2017).
2. Ханов Т.А. Имущественные вопросы в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан. URL: <http://www.iuaj.net/node/699> (дата обращения: 11.02.2017).

Н.К. Маханбетов

Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева

ПОКАЗАНИЕ СВИДЕТЕЛЯ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ СПОСОБОВ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Основной задачей и принципом развития нового уголовного процессуального законодательства Республики Казахстан является принятие в короткие сроки окончательных процессуальных решений по уголовным делам и недопущение нарушений конституционных прав и свобод граждан.

Одним из основных способов доказывания вины подозреваемого (обвиняемого) в уголовном процессе являются показания свидетеля.

Согласно статье 78 УПК РК в качестве свидетеля для дачи показаний может быть вызвано и допрошено любое лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для дела.

Свидетель является важным субъектом в уголовном процессе, т.к. он создается самим фактом уголовного правонарушения.

Закон не устанавливает возрастных ограничений для допуска лиц в качестве свидетелей по уголовным делам. Как дети, так и престарелые граждане, несмотря на особенности их психики, могут сообщить ценные сведения об обстоятельствах уголовного дела. При допросе свидетеля до 14 лет, а по усмотрению следователя, суда и в возрасте от 14 до 16 лет, вызывается педагог. В случае необходимости приглашаются законные представители несовершеннолетних или их близкие родственники.

Актуальностью данной темы является то, что в наше время в качестве свидетелей выступает все меньше и меньше людей, в связи с тем что очевидцы происшедшего боятся быть свидетелями. А ведь зачастую свидетель играет решающую роль в раскрытии преступления.

Также у свидетеля, как и у всех участников уголовного процесса, есть свои права и обязанности.

К обязанностям свидетеля относятся:

- 1) явиться по вызову дознавателя, следователя, прокурора и суда;
- 2) правдиво сообщить все известное по делу и ответить на поставленные вопросы;
- 3) не разглашать сведения об обстоятельствах, известных ему по делу, если он был предупреж-

ден об этом дознавателем, следователем или прокурором;

4) соблюдать установленный порядок при производстве следственных действий и во время судебного заседания.

К правам же относится:

1) отказаться от дачи показаний, которые могут повлечь для него самого, его супруга (супруги) или близких родственников преследование за совершение уголовно наказуемого деяния или административного правонарушения;

2) давать показания на своем родном языке или языке, которым владеет;

3) пользоваться бесплатной помощью переводчика;

4) заявлять отвод переводчику, участвующему в его допросе;

5) собственноручная запись показаний в протоколе допроса;

6) приносить жалобы на действия (бездействие) дознавателя, следователя, прокурора и суда, заявлять ходатайства, касающиеся его прав и законных интересов, в т.ч. о принятии мер безопасности.

Право не давать показания против самого себя исходит из того, что эти положения являются общепризнанными международными нормами, которые лежат в основе понятия справедливой судебной процедуры, установленной статьей 6 Европейской конвенции по правам человека.

Высшими ценностями, указанными Конституцией Республики Казахстан, являются права и свободы человека, в связи с этим, согласно УПК Республики Казахстан, гражданин имеет право не передавать должностным лицам документы, предметы и вещи, которые могут доказывать его виновность, а также виновность его близких родственников в совершении преступления.

Также в ходе допроса свидетелей могут возникнуть ситуации, связанные с нежеланием давать показания, которые вызваны поддержанием допрашиваемыми установок криминальной среды, возможностью давления на них соучастников преступных операций с наркотиками, а также другими негативными факторами.

В случаях когда свидетели избегают ответов на определенные вопросы в силу различных причин, следует применять тактические приемы, направленные на изобличение их во лжи, и выяснять мотивы такого поведения. Не следует начинать допрос с выяснения конкретных обстоятельств, нужно предоставить свидетелю возможность самому рассказать все известные ему по делу факты. Свободный рассказ дает возможность выяснить позицию свидетеля и оценить его показания с точки зрения их достоверности, после чего можно приступить к детализации обстоятельств уголовного правонарушения.

В случае если на лицо указано в заявлении и сообщении об уголовном правонарушении как на лицо, его совершившее, либо против него дает показания свидетель, участвующий в уголовном процессе, но к данному лицу не применено процессуальное задержание либо не вынесено постановление о признании его подозреваемым, то оно приобретает статус свидетеля, имеющего право на защиту.

Свидетель, имеющий право на защиту, имеет право:

- 1) отказаться от дачи показаний, которые могут повлечь для него самого, его супруга (супруги) или близких родственников преследование за совершение уголовно наказуемого деяния или административного правонарушения;
- 2) самостоятельно или через третьих лиц пригласить адвоката;
- 3) давать показания в присутствии избранного им адвоката, участвующего в качестве защитника до начала допроса;
- 4) давать показания на родном языке или языке, которым владеет;
- 5) пользоваться бесплатной помощью переводчика;
- 6) заявлять отвод переводчику, участвующему в его допросе;
- 7) собственноручной записи своих показаний в протоколе допроса;

8) знакомиться с документами, указанными в части пятой настоящей статьи, за исключением материалов оперативно-разыскных, контрразведывательных мероприятий и негласных следственных действий;

9) знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания, представлять доказательства;

10) заявлять ходатайства, касающиеся его прав и законных интересов, в т.ч. о производстве экспертизы и применении мер безопасности;

11) заявлять отводы;

12) на очную ставку с теми, кто свидетельствует против него;

13) приносить жалобы на действия (бездействие) дознавателя, следователя, прокурора.

За дачу ложных показаний, отказ от дачи показаний свидетель несет уголовную ответственность, предусмотренную Уголовным кодексом Республики Казахстан. За уклонение от дачи показаний или неявку без уважительных причин по вызову органа, ведущего уголовный процесс, на свидетеля, в т.ч. имеющего право на защиту, может быть наложено денежное взыскание в порядке, установленном ст. 160 УПК РК.

Но в практической деятельности свидетели, которые привлекались к уголовной ответственности за дачу ложных показаний или отказ от дачи, это единичные случаи, т.к. не все следователи хотят заниматься тщательной проверкой их показаний в силу того, что иногда должностным лицам легче окончить дело и направить его в суд либо прекратить или прервать сроки досудебного расследования.

Это отражается на уголовно-правовой квалификации уголовного правонарушения и влияет на объективную оценку содеянного.

На основании вышеизложенного хотелось бы рекомендовать проведение проверок всех показаний свидетелей, которые подпадают под сомнение как на стадии досудебного расследования, так и на судебном разбирательстве.

Литература

1. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 3 сентября 1953 г. URL: <http://europeancourt.ru/konvenciya-o-zashhite-prav-cheloveka-i-drugie-oficialnye-dokumenty/konvenciya-o-zashhite-prav-cheloveka-i-osnovnyx-svobod/> (дата обращения: 21.11.2017).
2. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 21.11.2017).
3. УПК Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 21.11.2017).

*Т.А. Морозова, канд. юрид. наук
Нижегородская академия МВД России*

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ЭКСПЕРТОМ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОЙ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Говоря о значении взаимодействия следователя с экспертом при назначении судебной фоноскопической экспертизы, необходимо отметить, что при проведении экспертиз идентификационного характера необходимы образцы для сравнительного исследования. В этой связи важное значение имеет помощь специалиста при определении их вида и технологии получения. В случаях, когда получение образцов связано напрямую с экспериментальной деятельностью и текущим оценочным анализом, необходимость практической помощи специалиста в их получении не вызывает никакого сомнения. Анализируя практику, можно выделить ряд типичных ошибок, которые допускаются следователями при назначении судебной фоноскопической экспертизы:

1. Следователями допускается некорректная постановка вопросов, выносимых на разрешение экспертом в рамках фоноскопической экспертизы. В вопросе обязательно необходимо указывать границы нахождения файла и имя файла. Если запись сделана в рамках оперативно-разыскных мероприятий и в постановлении ставится вопрос о выявлении признаков изменения фонограммы, то фактически перед экспертом ставится задача оценки возможности использования результатов оперативно-разыскной деятельности в качестве вещественных доказательств и проверки действий оперативных служб, что не входит в компетенцию эксперта. В том случае если у следователя всё же возникают сомнения в достоверности вещественных доказательств, полученных в результате оперативно-разыскной деятельности, это должно найти отражение в обстоятельствах дела.

2. Некачественный отбор фонограмм (их количества и качества, представленного речевого материала на выбранных фонограммах). Следователями допускается расширительное толкование понятия полноты проведения исследований следов и объектов, при этом имеет место несоблюдение принципа достаточности направляемых на экспертизу материалов. В этой связи следователям можно рекомендовать проводить предварительную работу с имеющимися объектами,

которая подразумевает тщательный отбор из так называемого «массива» фонограмм с криминалистической значимостью, поскольку направление на экспертизу большого количества объектов никак не повлияет на квалификацию преступления, но при этом увеличит сроки производства экспертизы. Тогда как предоставление протокола осмотра и прослушивания фонограмм, в котором должна быть дословно изложена та часть фонограммы, которая, по мнению следователя, имеет отношение к данному уголовному делу, позволит сократить сроки производства экспертизы.

3. Направление фонограмм образцов, не соответствующих критериям пригодности для проведения исследований в соответствии с методиками экспертно-криминалистических подразделений Российской Федерации. При назначении идентификационной экспертизы необходимо предоставлять образцы голоса и устной речи гражданина, которые могут быть представлены в двух видах: свободные образцы и экспериментальные. Свободными образцами голоса и речи принято считать речь человека (личность которого известна), зафиксированную на магнитной или цифровой фонограмме, которая по времени и характеру происхождения не связана с назначением и производством фоноскопической экспертизы, которые могут быть получены следователем при обыске, осмотре, переданы свидетелями и т.п. В качестве свободных образцов голоса и речи могут быть представлены фонограммы публичных выступлений по радио и телевидению, любительская видеосъемка или звукозапись. Однако свободные образцы не всегда удовлетворяют необходимым требованиям и условиям экспертного исследования: не полностью отражают важные идентификационные признаки; не соответствуют требованиям качества; в отношении них нужны специальные гарантии несомненности происхождения от идентифицируемого объекта. Экспериментальные образцы устной речи – это речь человека, зафиксированная на магнитной или цифровой фонограмме, которую получают у обвиняемого, подозреваемого или свидетеля специально для производства судебной фоноско-

пической экспертизы. Главными условиями пригодности образцов голоса и устной речи, помимо удовлетворительного качества их записи, являются необходимый объем речевых сигналов идентифицируемого лица и сопоставимость образцов речи и спорной фонограммы по эмоциональной окраске голосов дикторов и форме речевого представления (свободная / подготовленная речь; монолог/диалог/полилог).

При назначении многообъектной судебной фоноскопической экспертизы или экспертизы, где необходимо идентифицировать двух и более лиц, следователю целесообразно рекомендовать вынесение отдельного постановления на каждое конкретное лицо.

Особые сложности возникают при назначении и производстве судебных фоноскопических экспертиз по фонограммам разговоров, в которых коммуникантами используются средства иного, не русского, языка. Производство идентификационных исследований по голосу и устной речи говорящих на языке, не знакомом эксперту, крайне затруднительно ввиду отсутствия необходимых технических средств, соответствующей методической базы, а также отсутствия в штате экспертно-криминалистических подразделений специ-

алистов в области каждого из этнических языков, использующихся на территории Российской Федерации.

Производство идентификационной фоноскопической экспертизы фонограмм разговоров коммуникантов, использующих средства иного, не русского, языка, возможно при соблюдении следующих условий:

- наличие в репликах иноязычного коммуниканта фрагментов, достаточных для исследования, произнесенных на русском языке;
- наличие протоколов осмотра и прослушивания отобранных фонограмм, включающих текст перевода звучащей речи, произнесенной не на русском языке;
- предоставление фонограмм, записанных в двухканальном режиме с разделением коммуникантов по каналам, для корректной дифференциации и атрибуции реплик лиц, участвующих в телефонном разговоре, фиксирующемся в рамках проведенных оперативно-разыскных мероприятий.

Именно активное содействие экспертов следователям при назначении судебной фоноскопической экспертизы позволит им не допускать указанных выше ошибок.

В.А. Передерий

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ФАКТАМ НЕВЫПЛАТЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И ИНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ВЫПЛАТ

Проблема невыплаты заработной платы (а именно по данной категории невыплат в большинстве своем расследуются уголовные дела по преступлениям, предусмотренным ст. 145.1 УК РФ) в настоящее время очень актуальна, и количество таких уголовных дел постоянно увеличивается, что, на наш взгляд, связано с нестабильной экономической ситуацией.

Предварительное следствие по указанной категории преступлений осуществляется Следственным комитетом Российской Федерации (далее – СК России), что закреплено в ст. 151 УПК РФ.

Сразу отметим, что преступления, предусмотренные ст. 145.1 УК РФ, являются преступлениями экономической направленности, их выявление, а также проведение по данным фактам качественного расследования невозможно без эффективного взаимодействия с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность (далее – органы ОРД).

Данное взаимодействие органам предварительного следствия необходимо осуществлять не только при расследовании уже возбужденного уголовного дела по данной категории преступле-

ний, но также еще до его возбуждения (на стадии доследственной проверки) или гораздо раньше – до возникновения поводов к проведению проверки в порядке ст. 144-145 УПК РФ.

Видится, что следственным подразделениям СК России необходимо принимать участие в выявлении данных преступлений, а также быть инициаторами в проведении проверок по информации о возможных задержках (невыплате) заработной платы на обслуживаемой территории.

Сложившаяся следственная практика показывает, что основным органом ОРД, выявляющим преступления по факту невыплаты заработной платы, являются органы внутренних дел.

Основное и подавляющее количество уголовных дел по указанным фактам возбуждается по ч. 1 или ч. 2 ст. 145.1 УК РФ, которые являются преступлениями небольшой тяжести. В связи с этим в ряде случаев оперативные подразделения органов внутренних дел не заинтересованы в их выявлении.

Считаем, что необходимо принимать дополнительные меры, направленные на повышение межведомственного взаимодействия по выявлению и расследованию указанных преступлений. Такое взаимодействие необходимо выстраивать на уровне следственного органа СК России по субъекту РФ (специализированного следственного органа) и реализовывать в форме межведомственных совещаний (рабочих встреч, «круглых столов») с участием руководителей подразделений органов внутренних дел, прокуратуры и государственных инспекций труда, по результатам совещания составлять протокол, который направлять всем его участникам.

Кроме того, деятельность на указанном направлении возможно закрепить в совместном межведомственном организационно-распорядительном документе (указание, приказ), что, несомненно, положительным образом будет влиять на взаимодействие следователя с указанными органами в ходе расследования уголовного дела, а также при проведении доследственных проверок по сообщениям о преступлениях.

Необходимо помнить, что прокурор является координатором борьбы с преступностью на поднадзорной ему территории (район, город, субъект РФ и т.д.), он заинтересован в слаженной работе всех правоохранительных и контролирующих органов по защите конституционного права граждан на получение вознаграждения за труд, своевременному выявлению проблем с оплатой труда работников на предприятиях и организациях различных отраслей и сфер деятельности.

Прокурор имеет все необходимые полномочия влиять на эффективность работы (в том числе органов, осуществляющих ОРД) по выявлению данных преступлений, которые он реализует в форме представлений, требований, предостережений и указаний.

Следует отметить, что вопросам межведомственного взаимодействия большинством следственных подразделений уделено должное внимание с учетом специфики сферы трудовых правоотношений, надзор за которыми помимо прокуратуры осуществляет специально уполномоченный орган – Федеральная служба по труду и занятости (далее – Роструд), а также входящие в ее структуру территориальные органы, представленные в каждом субъекте Российской Федерации (государственные инспекции труда).

С целью повышения эффективности межведомственного взаимодействия на указанном направлении между СК России и Рострудом 24.11.2016 было заключено соответствующее совместное соглашение. Во исполнение указанного Соглашения практически во всех следственных подразделениях СК России основы сотрудничества с государственными инспекциями труда нашли закрепление в соответствующих соглашениях либо в совместных организационно-распорядительных документах, одной из сторон которых зачастую выступали органы прокуратуры.

Например, следственным управлением СК России по Нижегородской области в 2016 г. было заключено совместное соглашение с прокуратурой области и Государственной инспекцией труда в Нижегородской области, которое, в частности, предусматривало ежемесячный обмен информацией по хозяйствующим субъектам региона, имеющим задолженность по заработной плате. Данная совместная деятельность позволила в 2016 г. возместить причиненный работникам ущерб (выплатить заработную плату) в полном объеме (более 197 млн рублей).

На наш взгляд, необходимо указать и такую форму взаимодействия, как совместное обсуждение с органами прокуратуры (при необходимости с привлечением органов ОРД) хода и результатов расследования по указанной категории преступлений в случаях, когда возникают проблемные вопросы при применении уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

При этом следственные подразделения (правоохранительные органы) имеют возможность инициировать проведение совместных обсуждений в соответствии с положениями п. 3.17 совместного указания Генеральной прокуратуры

ры, Следственного комитета и др. от 03.06.2015 № 275/36/1/206/2/5443/195/1-у/21/14 «Об организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства».

По результатам данных обсуждений прокуроры обязаны (в силу требований п. 1.7 Указаний) составлять и направлять участникам совещания протоколы для реализации принятых решений. На данных совещаниях обсуждалась, например, возможность направления уголовного дела в суд без заключения судебно-бухгалтерской экспертизы.

В качестве положительного примера хотелось бы отметить еще одну форму межведомственного взаимодействия. Так, СК России принимаются меры по сокращению сроков следствия по указанной категории уголовных дел. В связи с этим уже в ходе проведения проверки в порядке ст. 144-145 УПК РФ следователями принимаются меры к назначению соответствующей документальной

ревизии, которая, как правило, проводится ревизорами органов внутренних дел. В связи с этим особое значение приобретает предварительное взаимодействие с ревизорами, которые на стадии назначения исследования определяют необходимый объем требуемой им документации, а также корректируют задаваемые вопросы.

Таким образом, если в ходе доследственной проверки получено заключение документальной ревизии, то отпадает необходимость по указанным вопросам назначать судебно-экономическую экспертизу, так как заключение документальной ревизии признается доказательством по уголовному делу (это существенно сокращает сроки следствия).

Считаем, что совместная работа на указанном направлении не исчерпывается приведенными примерами, в правоохранительных, надзорных и контролирующих органах имеются все возможности для повышения эффективности межведомственной деятельности по защите трудовых прав граждан в сфере оплаты труда.

*Е.Н. Петухов, канд. юрид. наук, доцент
Алтайский государственный университет*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

В Большом современном толковом словаре русского языка под словом «интерпретация» понимается:

1. Истолкование, разъяснение смысла чего-либо; перевод на более понятный, простой язык.
2. Творческое раскрытие образа, темы или музыкального произведения, основанное на собственном ощущении исполнителя; трактовка [3].

Полагаю, что для уяснения термина «интерпретация» в сфере уголовно-процессуальной науки следует использовать его понимание как истолкование (раскрытие) смысла текста уголовно-процессуального закона в целом и отдельных его положений в частности, основанное на собственном ощущении интерпретатора.

В наших рассуждениях об интерпретации положений уголовно-процессуального закона

в качестве толкователя мы возьмем одного из многочисленных субъектов-правоприменителей, т.е. мы будем вести речь о неофициальном виде толкования – профессиональном, которое дают юристы.

Анализируя позиции авторов работ в уголовно-процессуальной сфере, которые проводили исследования, связанные с уяснением смысла положений уголовно-процессуального законодательства, мы приходим к выводу, что к настоящему времени большинство из них отождествляют интерпретацию с толкованием. На наш взгляд, разница кроется только в происхождении этих терминов, толкование – русское слово, а интерпретация – иностранное (западноевропейское). При этом в современной правовой науке превалирует позиция, что толкование (интерпретация) имеет

двойственное содержание – это уяснение смысла текста закона и его разъяснение [5, с. 290].

Отметим, что учение о толковании (интерпретации) исходит из глубины веков и подтверждает сущность этого явления сегодня, т.к. оно в целом не подверглось изменению. Ярким подтверждением этого вывода является аналогичность процесса познания смысла законов в Древнем Риме и в современной России. Так, можно напомнить, что в Древнем Риме властители империи наделяли правом разъяснения законов определенных лиц – истолкователей (*interpretos*), а император Юстиниан, например, только сам имел право толковать законы, тем самым определяя их смысл и в таком виде доводя его до своих подданных. Если мы вспомним мифы о богах в Древней Греции, то там вестником (разъяснителем воли) богов был бог Гермес. В современной России аналогичными полномочиями обладает Конституционный Суд, который выступает современным интерпретатором, определяя в своих решениях смысл положений закона, в т.ч. уголовно-процессуального, и тем самым разъясняя его судам и другим правоприменителям.

По общему мнению теоретиков и практиков, необходимость толкования (интерпретации) положений действующего уголовно-процессуального закона обусловлена потребностью его правильного применения. Далеко не всегда текст закона совпадает с действительным смыслом нормы. Кроме того, каким бы профессионалом ни был законодатель, он не может полностью объять все разнообразие жизни. В ходе законотворческой деятельности он может допустить пробелы, противоречия, коллизии и, как следствие, по субъективным и объективным причинам не может создать совершенный, идеальный с точки зрения безупречности закон. Отсюда и требуется, в первую очередь, правоприменителю уяснить, учитывая сложившуюся правовую обстановку (условия, обстоятельства и факторы, при которых реализуется положение) и не сбрасывая со счетов влияние морали и этики, сущность положения уголовно-процессуального закона, а уж затем, уверовав в истинно новый его смысл, правильно применить. При этом интерпретация является средством внесения дополнительной ясности в смысл закона, отсюда и появляется новый смысл.

Мы видим, что толкование (интерпретация) в уголовно-процессуальной сфере является мыслительной деятельностью по постижению сущности положений уголовно-процессуального закона и формулирование этой сущности для себя (интерпретатора – профессионала юриста) и для дру-

гих участников уголовного процесса однозначно и на более понятном языке.

Как верно отмечает в своей работе В.О. Белоносов, применительно к толкованию уголовно-процессуальных норм все элементы этого процесса познания наличествуют:

1) наличие субъекта уголовного процесса (дознателя, следователя, прокурора, судьи и т.д.) – интерпретатора - профессионального юриста;

2) неясно выраженный смысл уголовно-процессуальной нормы (регулирование только в общих чертах, наличие пробелов, противоречий, технических недостатков);

3) внутренняя направленность (желание) на постижение смысла (уяснение) либо внешняя направленность на то, чтобы сделать смысл более доступным для других субъектов (разъяснение) [2, с. 8].

Не в даваясь в дальнейший обзор аспектов, связанных с интерпретацией в уголовно-процессуальной сфере, покажем в практической плоскости значимость этой деятельности при уяснении и разъяснении возникающего нового смысла отдельных положений действующего уголовно-процессуального закона, порождаемого интерпретатором-правоприменителем.

Понятия, термины и формулировки, содержащиеся в нормах уголовно-процессуального закона и не подлежащие однозначному толкованию в уголовно-процессуальной науке, систематизированы и отнесены к различным категориям. Например, нам можно взять классификацию, которую использует в своей статье У.Д. Соловьева: понятия открытого перечня (иные сведения, другие данные, иные свойства и т.п.), оценочные понятия (при наличии оснований, по усмотрению, при наличии достаточных данных полагать и т.п.), управомочивающие понятия (вправе) [4, с. 53-54]. Исходя из данной признанной классификации мы и подтвердим необходимость интерпретации отдельных уголовно-процессуальных положений.

В пункте 54 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) законодатель определил судью как должностное лицо, уполномоченное осуществлять правосудие. То есть все субъекты уголовного процесса, в т.ч. и сам судья, должны определять такого субъекта уголовного процесса, как судью, через такое правовое явление, как правосудие. Учитывая то, что понятия правосудия в УПК РФ не содержится, интерпретатору ничего не остается, как в данной ситуации прибегнуть к расширительному толкованию правосудия и, привлекая знание результатов судебной практики, доктринальных позиций, приблизить его сущность к понятию «уголовное

судопроизводство». Только в результате такого умозаключения можно сделать правильный вывод относительно понятия термина «судья» – это должностное лицо, которое осуществляет полномочия, установленные УПК РФ, в ходе осуществления уголовного судопроизводства по уголовному делу, который в том числе может осуществлять и правосудие.

Интерпретация необходима и при уяснении смысла положения, закрепленного в п. 29 ст. 5 УПК РФ (применение меры пресечения – процессуальные действия, осуществляемые с момента принятия решения об избрании меры пресечения до ее отмены или изменения). Данное положение следует толковать ограничительно ввиду того, что в период времени, когда применяется мера пресечения, могут проводиться и такие процессуальные действия, которые не относятся к мерам пресечения, например следственные действия. Поэтому под процессуальными действиями, посредством осуществления которых происходит применение меры пресечения, следует понимать не любые процессуальные действия, а только те, которые ведут к ограничению реализации прав, ограничению свободы передвижения субъекта, в отношении которого избрана мера пресечения.

Также требует своего разъяснения ситуация, связанная с возможностью применения меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, если в п. 4 ст. 98 УПК РФ в качестве меры пресечения указан «присмотр за несовершеннолетним обвиняемым», а в ст. 105 УПК РФ законодатель определил другое название данной меры – «присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым».

В данной ситуации интерпретатор должен обратиться к системному анализу различных норм УПК РФ, содержащих понятие мер пресечения и указание на субъектов уголовного процесса, в отношении которых они применяются. В результате познавательного процесса уяснения их смысла приходим к выводу, что в данном случае имеется техническая погрешность законодателя в п. 4

ст. 48 УПК РФ, а указанная мера пресечения в исключительных случаях может применяться и к подозреваемому (см. ст. 100 УПК РФ).

Положение, содержащееся в ч. 1 ст. 13 УПК РФ (ограничение права гражданина на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допускается только на основании судебного решения) также нуждается в расширительном толковании. В частности, в анализируемом положении такие словосочетания, как «иных переговоров», «иных сообщений», требуют своей интерпретации. Под иными переговорами следует понимать переговоры с использованием систем видеоконференц-связи, через специальные программы, например, WhatsApp, Skype и др., а под иными сообщениями следует понимать SMS-сообщения, электронную почту, передаваемую в сети Интернет и т.п. Поскольку происходит постоянное совершенствование информационных технологий, то следует эти новшества учитывать в дальнейшей интерпретации, расширяя смысл указанных в законе понятий новыми иными видами переговоров и новыми иными видами сообщений.

Завершая, отметим, что уголовно-процессуальный закон и интерпретатор-правоприменитель должны являться одним целым. Это единство должно достигаться путем постижения смысла правоприменителем-интерпретатором текста уголовно-процессуального закона. Только в результате такой мыслительной деятельности по постижению сущности текста закона рождается смысл права, новый, совместно посеянный в тексте законодателем и рожденный интерпретатором смысл с учетом всех складывающихся обстоятельств на момент познания и правоприменения, в таком только виде этот правовой продукт и надлежит применять. Этот процесс, как верно пишет А.С. Александров, сравним с исполнением музыки: музыкант видит партитуру с нотами, как юрист текст закона, в результате у музыканта рождается музыка, которую он исполняет, а у юриста рождается смысл права, который он применяет [1].

Литература

1. Александров А.С. Интерпретация и право. URL: <http://www.iuaj.net/node/182> (дата обращения: 30.11.2017).
2. Белоносов В.О. Проблемы толкования норм уголовно-процессуального права России: монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006.
3. Большой современный толковый словарь русского языка. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/36736.html> (дата обращения: 30.11.2017).
4. Соловьева У.Д. Уголовно-процессуальный закон и его толкование // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право» № 19(236). 2011. Вып. 26. С. 53-55.
5. Теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М., 2001.

А.Р. Прусс

Алтайская краевая коллегия адвокатов

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ КОЛЛЕГИЕЙ ИЗ ТРЕХ СУДЕЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО СУДА ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Рассмотрение уголовного дела коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции является одной из форм судебного производства в суде первой инстанции. В отличие от суда с участием присяжных заседателей, который также относится к коллегиальным формам судебного производства, коллегия из трех судей федерального суда общей юрисдикции состоит только из профессиональных судей, назначенных в порядке статей 47 и 118 Конституции РФ. В сравнении с другими формами судебного производства рассмотрение уголовного дела коллегиальным составом суда имеет длительную отечественную историю существования и развития, долгое время оставаясь приоритетной формой рассмотрения уголовного дела. В научной литературе коллегиальность рассмотрения уголовного дела называлась в качестве одного из принципов советского уголовного процесса [6, с. 220].

В связи с упразднением института народных заседателей с 1 января 2004 г. при наличии ходатайства обвиняемого, заявленного до назначения судебного заседания в соответствии со ст. 231 УПК РФ, уголовные дела по тяжким и особо тяжким преступлениям стали рассматриваться коллегией из трех профессиональных судей федерального суда общей юрисдикции [1]. Введение этой формы судебного производства преследовало цель создать альтернативу упраздненному порядку рассмотрения дела в составе судьи и двух народных заседателей.

Практика работы федеральных судов общей юрисдикции показала, что эта форма судебного производства практически не используется. Большинство уголовных дел рассматриваются в общем или упрощенном порядке судебного производства в составе судьи единолично.

Согласно анализу справок о работе Железнодорожного районного суда г. Барнаула и Центрального районного суда г. Барнаула, за период с 2012 по 2017 гг. ни одно уголовное дело не рассматривалось коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции [2, 4]. В Алтайском краевом суде количество дел, рас-

смотренных по первой инстанции коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции незначительно. В 2009 г. рассмотрено 1 дело, в 2010 г. – 4 дела, в 2011 г. – 1 дело, в 2012 г. дела с ходатайством о рассмотрении коллегией из трех судей не поступали, в 2013 г. – 1 уголовное дело, в 2014 г. – 1 уголовное дело, в 2015 и 2016 гг. дела с ходатайством о рассмотрении коллегией из трех судей не поступали [3].

По нашему мнению, эта форма судебного производства практически не используется при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции по следующим причинам.

Во-первых, у правоприменителя отсутствует потребность в увеличении количества дел, рассматриваемых в такой форме судебного производства. В настоящее время уделяется существенное внимание показателю качества судебных решений, их внешнему соответствию уголовному и уголовно-процессуальному закону. Если судья единолично может вынести решение, соответствующее по форме уголовному и уголовно-процессуальному закону, то существует ли необходимость рассмотрения уголовных дел коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции, что требует повышенных трудозатрат и привлечения дополнительных ресурсов? Цель быстрого рассмотрения уголовного дела и вынесения решения («эффективного» правосудия) превалирует над повышенными правовыми гарантиями защиты личности, предоставляемых в усложненных порядках судебного производства. К последним относится рассмотрение дела коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции.

Во-вторых, рассмотрение дела коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции не имеет для обвиняемого явных преимуществ по сравнению с другими формами судебного производства. Например, «привлекательность института суда присяжных для подсудимых во многом объяснима большей распространенностью оправданий по делам <...>» [6, с. 82], рассмотренных судом в такой форме. При рассмотрении дела в

особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, подсудимому гарантируется снижение верхнего предела назначения самого строгого вида наказания, предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК РФ.

По нашему мнению, при рассмотрении дела коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции для обвиняемого создаются повышенные правовые гарантии от принятия незаконных и необоснованных властных решений [5, с. 194], что связано с привлечением к уголовно-процессуальной деятельности нескольких судей с их профессиональными знаниями, навыками и опытом. При рассмотрении уголовного дела единолично судья вынужденно следует материа-

лам уголовного дела, письменная форма которых учеными-процессуалистами называется рудиментом инквизиционного уголовного процесса [2]. Поэтому коллегиальность рассмотрения дела приобретает важное значение при рассмотрении многоэпизодных уголовных дел по тяжким и особо тяжким составам преступлений. Польза спора и совещания, коммуникации судей в коллегии не отрицается в научной литературе.

Полагаем, что рассмотрение уголовного дела коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции будет иметь перспективу применения и развития только в случае изменения оценки законодателем роли и значения усложненных форм судебного производства в уголовном процессе.

Литература

1. О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 29 мая 2002 г. №59-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации”» [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18 декабря 2011 г. № 177-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Смирнов А. В. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141202/272697983.html (дата обращения: 01.11.2017).
3. Справки о работе Железнодорожного районного суда г. Барнаула с 2012-2017 гг. URL: <http://zheleznodorozhny.alt.sudrf.ru> (дата обращения: 01.11.2017).
4. Справки о работе судебной коллегии по уголовным делам Алтайского краевого суда по первой инстанции за 2009-2016 гг. // Архив Алтайского краевого суда.
5. Справки о работе Центрального районного суда г. Барнаул с 2012-2017 гг. URL: <http://centralny.alt.sudrf.ru> (дата обращения: 01.11.2017).
6. Тарасов А.А. Единоличное и коллегиальное рассмотрение уголовных дел в системе принципов уголовного процесса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2001. № 2. С. 217-224.
7. Фадеева Е. И. Рассмотрение уголовных дел коллегиальным составом суда по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации и Уголовно-процессуальным кодексам стран СНГ: сравнительный анализ // Вестник Мордовского университета. 2009. № 4. С. 194-198.
8. Чурилов Ю.Ю. Проблемы эффективности оправдания судом с участием присяжных заседателей // Журнал российского права. 2009. № 2. С. 82-90.

Т.Ю. Сабельфельд, канд. юрид. наук

Институт повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

РАЗУМНЫЙ СРОК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Соблюдение разумного срока уголовного судопроизводства, в т.ч. на первоначальном этапе досудебного производства – на стадии возбуждения уголовного дела, провозглашает идею законодателя о необходимости сокращения процессуального времени, которое порой исчисляется месяцами, а иногда и годами с момента обращения гражданина в правоохранительные органы с заявлением о преступлении до принятия итогового процессуального решения в виде постановления о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела.

Статья 6.1 УПК РФ введена в действие в силу Федерального закона от 30.04.2010 № 69-ФЗ, и ее можно рассматривать как закономерное воплощение в национальном законодательстве положений п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, заключенной 4 ноября 1950 г., согласно которой «каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона» [1, с. 41].

Стадия возбуждения уголовного дела представляет собой часть уголовного процесса, его первый этап, который, как нам представляется, только на первый взгляд четко регламентирован установленными процессуальными сроками. Так, проверка сообщения о преступлении должна быть проведена в течение трех суток со дня поступления сообщения (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Руководитель следственного органа или начальник органа дознания вправе по мотивированному ходатайству следователя, дознавателя продлить этот срок до 10 суток, а при необходимости документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследования документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-разыскных мероприятий руководитель следственного органа по ходатайству следователя либо прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток с указанием на конкретные фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления (ч. 3 ст. 144 УПК РФ).

Исходя из позиции законодателя, процессуальные сроки проверки любого сообщения о преступлении в уголовно-процессуальном законодательстве закреплены, их неисполнение либо несоблюдение означает грубое нарушение закона, что влечет за собой привлечение виновных должностных лиц к дисциплинарной ответственности. Дознавателями и следователями, как правило, процессуальные сроки, установленные ст. 144 УПК РФ, соблюдаются. Поэтому говорить о разумности срока на этапе проведения первоначальной доследственной проверки, как правило, не приходится, т.к. сроки проверки установлены законодателем.

Все проблемные вопросы, которые возникают в связи с несоблюдением разумного срока уголовного судопроизводства на этапе рассмотрения и разрешения сообщения о преступлении, появляются позже, по истечении предельного срока, установленного законодателем для проведения проверки в 30 суток. Следует обратить внимание, что уголовно-процессуальным законодательством не установлены какие-либо процессуальные сроки для руководителя следственного органа и прокурора, при осуществлении им функции надзора за органами дознания и следствия, для оценки ими законности и обоснованности вынесенного следователем или дознавателем постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Таким образом, законодателем четко сформулированы процессуальные сроки для дознавателя и следователя, которые они обязаны соблюдать при принятии одного из решений, указанных в ст. 145 УПК РФ, но не указаны для руководителя следственного органа и прокурора при осуществлении процессуального контроля и прокурорского надзора. Необходимо уточнить, что только в отношении процессуального срока для оценки законности постановления о возбуждении уголовного дела законодатель определился, поскольку в ч. 4 ст. 146 УПК РФ установлено, что прокурор вправе в срок не позднее 24 часов отменить незаконное или необоснованное постановление о возбуждении уголовного дела. А в случае принятия следователем или дознавателем иного про-

цессуального решения, например постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, законодательством правовая позиция в отношении процессуального срока оценки прокурором или руководителем следственного органа (в пределах его полномочий согласно ст. 39 УПК РФ) законности и обоснованности принятого решения не сформулирована. Законодатель в ч. 4 ст. 148 УПК РФ установил лишь срок для следователей и дознавателей. Так, они обязаны направить прокурору копию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов. Дальнейшее законодательное закрепление процессуальных сроков в законе отсутствует.

Однако данные процессуальные сроки сформулированы в ведомственных приказах Следственного комитета Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Например, приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» обязывает прокуроров не позднее 5 суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении выносить мотивированное постановление об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в случае, если постановление признается прокурором незаконным или необоснованным [2].

Согласно данным статистического отчета Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за 9 месяцев 2017 г. прокурорами отменено 1 786 601 незаконное постановление

об отказе в возбуждении уголовного дела (за АППГ – 1 855 567) [3]. В данной ситуации стоит задуматься о соблюдении разумных сроков уголовного судопроизводства, поскольку в эти цифры входят сообщения, по которым дознаватели и следователи неоднократно принимали решения об отказе в возбуждении уголовного дела, а прокуроры – об их отмене. А по факту мы имеем то, что в подобных случаях должностными лицами правоохранительных органов не обеспечивается выполнение и реализация основной задачи уголовного судопроизводства – защита прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений.

В завершение отметим, что регламентированная законодательством ст. 6.1 УПК РФ позволяет в настоящее время, с учетом длительных сроков проведения доследственной проверки, по которой дознавателем или следователем неоднократно, более двух раз выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, обжаловать действия должностных лиц в судебном порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, в связи с нарушением разумного срока уголовного судопроизводства. В случае обоснованных требований граждан и установленных в судебном заседании допущенных нарушений должностными лицами разумных сроков уголовного судопроизводства, суд удовлетворяет жалобу, признает факт нарушения разумного срока и обязывает виновных должностных лиц незамедлительно устранить допущенные нарушения, тем самым способствует быстрому восстановлению нарушенных прав граждан.

Литература

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, А.П. Поляков. М.: Изд-во Юрайт, 2011.
2. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия [Электронный ресурс]: приказ Генерального прокурора от 28.12.2016 № 826. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Статистический отчет Генерального прокурора Российской Федерации за январь-сентябрь 2017 г. URL: <https://genproc.gov.ru/anticor/doks/> (дата обращения: 30.11.2017).

Е.И. Свечникова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
(Самарский университет)

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СВИДЕТЕЛЕЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Среди множества технических средств, используемых в уголовном процессе, значимое место занимает так называемая группа *частных технических средств*, конструктивно предназначенных для работы со сведениями [4, с. 28]. Наиболее актуальной проблемой, связанной с применением технических средств названной группы, является использование систем видеоконференцсвязи для обеспечения безопасности свидетелей в различных стадиях производства по уголовному делу. Федеральный закон от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ [6] дополнил ст. 240 частью 4, создавшей возможность допроса судом свидетеля и потерпевшего путем использования систем видеоконференцсвязи, а также ввел ст. 278.1, закрепившую особенности этой дистанционной формы допроса, что открыло новые возможности обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Безопасность участников уголовного судопроизводства необходимо признавать не только элементом принципа охраны прав и свобод человека и гражданина, но и важной процессуальной категорией, представляющей собою гарантированное законом состояние всесторонней защищенности правовой, физической и имущественной сферы частных лиц, которое достигается посредством комплекса правовых средств, направленных на предупреждение неправомерного посягательства на права, свободы и законные интересы частных лиц, а равно обеспечивающих восстановление их прав и законных интересов от любого уже состоявшегося неправомерного вмешательства [7, с. 11].

Согласно ч. 5 ст. 278 УПК РФ при необходимости обеспечения безопасности свидетеля суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства. Применение этой защитной меры является логическим продолжением обеспечения безопасности свидетеля, подлинные данные о котором изъяты из протоколов следственных действий с его уча-

стием и заменены псевдонимом. Отсутствие в приведенной статье указания на конкретный способ, исключающий визуальный контакт свидетеля и других участников процесса, позволяет сделать вывод о возможности допроса этого свидетеля посредством видеоконференцсвязи, когда судья находится в зале суда, а свидетель – за его пределами (в ином помещении того же суда, в другом здании либо в значительном отдалении от здания суда). Если свидетель скрыт псевдонимом, то при его допросе должны применяться аудио- и видеопомехи, позволяющие исключить возможность идентификации его личности присутствующими в зале суда. По данным Л.В. Брусницына, видеотехника российскими судами применяется достаточно часто. Так, в Свердловском областном суде в одном из дел свидетель давал показания посредством видеоконференцсвязи, находясь в другой области (здании Челябинского областного суда), при этом его голос искажался аудиопомехами, а изображение лица на экране было «размыто». Практика допроса в режиме видеотрансляции с генерируемыми помехами широко распространена в судах Курганской, Саратовской, Кемеровской, Нижегородской, Ростовской и Ярославской областей, Ставропольского и Хабаровского краев, а также в Башкирии и Татарстане [1, с. 60-61].

Рядом исследователей [2, 3, 5, 8] активно поддерживается идея внедрения системы видеоконференцсвязи в стадию предварительного расследования для производства отдельных следственных действий (в т.ч. допроса и очной ставки). Кроме того, возможность использования видеоконференцсвязи в досудебном производстве по уголовному делу расценивается как дополнительная мера безопасности для лиц, содействующих расследованию уголовного дела (и особенно свидетелей) [2, с. 5; 5, с. 3]. По данным опроса, проведенного С. Щербой и Е. Архиповой, только 2,2% прокуроров, 2,9% следователей и 5,9% адвокатов считают невозможным применение видеоконференцсвязи при производстве допроса, очной ставки, освидетельствования, следственного эксперимента и проверки показаний на ме-

сте, при том что 76,7% судей, 57,8% прокуроров, 47% следователей и 47% адвокатов высказали мнение о целесообразности использования видеоконференцсвязи при проведении допроса и поддержали предложение исследователей о формировании (создании) необходимых нормативных правил ее применения в досудебном производстве [8, с. 109-117]. Согласно данным проведенного нами анкетирования из 87 опрошенных следователей (100%) подавляющее большинство респондентов – 74 (85%) – не применяют в своей деятельности видеоконференцсвязь ни для каких целей. 13 (15%) респондентов применяют ее для решения вспомогательных задач, сопровождающих уголовно-процессуальную деятельность: участия в совещаниях и обмена информацией с коллегами. При этом негативно воспринимают возможность обеспечения безопасности свидетелей посредством распространения применения видеоконференцсвязи на стадии предварительного расследования 22 респондента (25%),

позитивно – 26 (30%) и 39 (45%) затруднились ответить.

Обеспечение безопасности свидетеля на предварительном расследовании посредством его допроса или проведения очной ставки с его участием с помощью систем видеоконференцсвязи обнаруживает технические (оснащение кабинета следователя; невозможность записи показаний ввиду трансляции в режиме реального времени) и процессуальные (возможность удостоверения протокола допроса (очной ставки) свидетеля; нарушение баланса прав подозреваемого/обвиняемого и свидетеля) проблемы. Таким образом, обеспечение безопасности свидетеля на стадии судебного разбирательства может быть успешно достигнуто посредством допроса защищаемого свидетеля с помощью видеоконференцсвязи, вместе с тем возможности ее распространения на стадию предварительного расследования сталкиваются с трудностями как технического, так и процессуального характера.

Литература

1. Брусницын Л.В. К использованию видеотехнологий в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2009. № 3. С. 53-62.
2. Дмитриева А.А. Меры безопасности, применяемые в отношении участников процесса на стадии предварительного расследования уголовного дела // Российский следователь. 2017. № 1. С. 3-6.
3. Желтобрюхов С.П. О необходимости предоставления органу предварительного расследования возможности применения видеоконференцсвязи на стадии досудебного производства // Российская юстиция. 2016. № 1. С. 62-64.
4. Казначей И.В. Использование технических средств коммуникации в уголовном судопроизводстве: пути совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014. 265 с.
5. Новиков С.А. Допрос с использованием систем видеоконференцсвязи: завтрашний день российского предварительного расследования // Российский следователь. 2014. № 1. С. 2-6.
6. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 20.03.2011 № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 13. Ст. 1686.
7. Таова Л.Ю. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина и его реализация в ходе предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 253 с.
8. Щерба С., Архипова Е. Правовые основы применения видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и перспективы их совершенствования // Уголовное право. 2014. № 4. С. 109-117.

Т.В. Топчиева, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

ОСНОВАНИЯ ОТКАЗА ПРОКУРОРОМ В ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Изучение практики применения в Алтайском крае норм, предусмотренных гл. 40.1 УПК РФ, за последние пять лет убедительно свидетельствуют о широком применении института досудебного соглашения о сотрудничестве при производстве по уголовным делам. При этом на фоне снижения заявленных ходатайств о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве наблюдается увеличение количества отказов прокурорами в их удовлетворении [1, с. 2].

Закон не устанавливает перечень оснований для отказа в удовлетворении ходатайства подозреваемого (обвиняемого) о заключении соглашения о сотрудничестве. Лишь ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ, определяющая основания применения особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, указывает на невозможность применения положений гл. 40.1 УПК РФ, если содействие подозреваемого или обвиняемого следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности. Поэтому при рассмотрении ходатайства подозреваемого (обвиняемого) о сотрудничестве следователь и прокурор имеют право отказать в его удовлетворении, ссылаясь на указанную норму закона, поскольку, как показывает практика, при разрешении дела в стадии судебного производства суд не находит оснований для применения особого порядка судебного разбирательства. Исходя из этого, на практике прокуроры довольно часто отказывают в удовлетворении заявленного подозреваемым (обвиняемым) ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, обосновывая свою позицию тем, что преступление совершено не в соучастии.

Вместе с тем следует учитывать, что уголовно-процессуальный закон не содержит прямого запрета на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым), совершившим преступление единолично, но готовым сообщить сведения о другом преступлении, лицах, его совершивших. Более того, нормы

ч. 2 ст. 317.1, п. 3 ч. 1 ст. 17.5 УПК РФ указывают, что в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемый (обвиняемый) может сообщить не только о преступлении, соучастником которого он является, но и о деяниях иных лиц.

Наиболее часто применяемым основанием отказа в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве является также отсутствие в заявленном ходатайстве конкретных обязательств подозреваемого (обвиняемого) по оказанию содействия органам следствия, поскольку в последующем прокурору сложно оценить характер и пределы содействия обвиняемого следствию.

Другим основанием для отказа в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве является отсутствие целесообразности, поскольку при решении вопроса о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве прокурорами обращается внимание на характер сведений, которые обязуются сообщить подозреваемые (обвиняемые), осведомленность правоохранительных органов об отдельных эпизодах криминальной деятельности и влияние сообщаемой подозреваемыми (обвиняемыми) информации на доказанность данных преступлений. Данное положение находит подтверждение и в правоприменительной практике. При проведении анкетирования 94,8% следователей следственных органов в системе МВД РФ и Следственного комитета РФ Алтайского края, Кемеровской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 64,7% прокуроров тех же регионов указали на отсутствие целесообразности как единственного основания для отклонения ходатайства стороны защиты [3, с. 98].

Одним из оснований для отказа в удовлетворении заявленного ходатайства о сотрудничестве является любое нарушение норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих процедуру заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (например, ходатайство подано недобровольно либо без консультации, подписи защитника; от имени защитника или несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) и иное). Например, заместителем прокурора

было отказано в удовлетворении ходатайства обвиняемого в связи с тем, что в ходе беседы, предшествующей заключению досудебного соглашения о сотрудничестве, обвиняемый не поддержал свое ранее заявленное ходатайство [1, с. 4].

Основанием для отказа сотрудничества стороны защиты может служить и отказ подозреваемого (обвиняемого) от дачи показаний, согласно ст. 51 Конституции РФ, поскольку институт досудебного соглашения о сотрудничестве предполагает активное сотрудничество с органами предварительного следствия, выражающееся в даче показаний о месте, способе, обстоятельствах, соучастниках совершенного преступления; месте нахождения орудия и предмета преступного посягательства; имуществе, добытого в результате преступления. Помимо этого, приказ Генерального прокурора РФ обязывает прокуроров при принятии решения о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обращать внимание на возможность реального исполнения обязательств, указанных в заявленном ходатайстве, при необходимости истребовать дополнительные сведения у инициаторов обращения и выяснять у подозреваемого (обвиняемого), какие конкретно действия

он выполнит в целях исполнения соглашения о сотрудничестве, проводить анализ перспективности сотрудничества правоохранительных органов с этим лицом [2]. Соответственно, гарантированное законом право не свидетельствовать против себя самого и близких родственников не способствует заключению досудебного соглашения о сотрудничестве.

Обозначенный перечень оснований отказа прокурором в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не является исчерпывающим, поскольку формируется из складывающейся правоприменительной практики, которая неоднородна, порой довольно противоречива. В целях выработки единого подхода к разрешению ходатайств о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве необходимы разъяснения относительно оснований в отказе заключения досудебного соглашения о сотрудничестве посредством внесения соответствующих дополнений в приказ Генерального прокурора от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам».

Литература

1. Обзорная справка Прокуратуры Алтайского края о практике заключения досудебных соглашений о сотрудничестве за 2015-2016 годы. Барнаул, 2016.
2. Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам [Электронный ресурс]: приказ Генерального прокурора РФ от 15 марта 2010 г. № 107. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Топчиева Т.В. К вопросу обеспечения прав подозреваемого (обвиняемого), которому отказано в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2017. № 2 (33). С. 118-122.

В.С. Удовиченко

Барнаульский юридический институт МВД России

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОДГОТОВКИ К ПРОВЕДЕНИЮ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 228 И 228.1 УК РФ

Немаловажное значение в повышении эффективности борьбы с незаконным оборотом наркотических средств отводится допросу подозреваемого. Качество расследования иногда напрямую зависит от полного и всестороннего получения сведений от подозреваемого (канал поставок, тайники, хранение и легализация денежных средств). Необходимым условием получения при допросе подозреваемого достоверных и полных сведений является тщательная подготовка к его проведению. Однако подготовка к допросу лица, подозреваемого в рассматриваемых видах преступлений, характеризуется ограниченностью информации о его личности и дефицитом времени для подготовки.

В науке криминалистики до сих пор нет единого подхода к определению элементов подготовки к следственному действию [1, с. 237; 2, с. 363-365; 3, с. 329], которые можно было бы использовать и при допросе. Однако для надлежащего производства допроса в рассматриваемых условиях, по нашему мнению, наиболее важны такие элементы, как первоначальное планирование и оценка психологических качеств личности.

Безусловно, планирование допроса должно включать фиксацию перечня вопросов, подлежащих выяснению. Условно эти вопросы в зависимости от обстоятельств, на выяснение которых они направлены, можно разделить на три группы, посвященные: характеристике личности и мотивам начала преступной деятельности; непосредственно процессу преступной деятельности; задержанию и оформлению с его участием документов сотрудниками полиции (протокол личного досмотра, получения образцов для сравнительного исследования, осмотра места происшествия и т.д.).

Деятельность следователя и дознавателя при планировании допроса лица, причастного к незаконному обороту наркотических средств, зависит от исходных криминалистических ситуаций, складывающихся в ходе предварительного расследования.

На данном этапе выделим, по нашему мнению, две основных ситуации по подготовке до-

проса. Первая предполагает, что задержанию лица предшествовали мероприятия, позволившие собрать некоторые данные о лице, причастном к незаконному обороту (характерно для сбыта наркотических средств), о его связях и преступной деятельности. Вторая предусматривает, что лицо задержано с поличным, о лице нет никаких сведений либо оно уже привлекалось за аналогичные преступления (характерно для хранения наркотических средств с целью употребления).

В первой ситуации планирование допроса подозреваемого в сбыте наркотических средств является для следователя более благоприятным, поскольку в этом случае возможно производство допроса лица, приобретавшего наркотическое средство и выступавшего в ходе оперативно-разыскных мероприятий в качестве «закупщика». В случае если покупатель наркотических средств не участвовал в оперативно-разыскных мероприятиях, он все равно является важным источником информации по подготовке к допросу подозреваемого. Как правило, такой покупатель хорошо знаком с продавцом наркотического средства, входит в круг доверенных лиц и поэтому владеет разносторонней информацией, в т.ч. и о личности продавца. Целесообразно выявлять и допрашивать лиц, так называемых «provokatorov», которые не участвовали в проверочной закупке, однако ранее также приобретали наркотическое средство у подозреваемого. От данной категории лиц может быть получена информация о прозвищах, условных знаках и других специальных сигналах, условленных с продавцом – подозреваемым. Информация об этих договоренностях необходима при подготовке к допросу подозреваемого в незаконном сбыте наркотических средств, т.к. позволит в полной мере использовать тактический прием преувеличенной осведомленности о преступной деятельности допрашиваемого.

Во второй ситуации следователь не имеет информации о личности подозреваемого. Поэтому подготовка к допросу в таком случае должна осуществляться наиболее тщательно, в первую очередь это получение информации о задержанном

из баз учета МВД России и от сотрудников полиции, проводивших задержание, с учетом всех подробностей задержания и доставления лица.

Во-вторых, подготовка допроса должна обязательно включать беседу между следователем и подозреваемым. Такая беседа проводится не обязательно об обстоятельствах преступления. Полагаем, наиболее эффективным для данной категории дел является использование этого приема одновременно с информированием о дальнейших процессуальных действиях по материалам уголовного дела, можно озвучить сроки задержания, необходимость допроса в течение 24 часов, возможность общения с защитником, рассказать про последующее судебное заседание для избрания меры пресечения, т.е. все, что предусматривает в данном случае уголовно-процессуальный закон.

В ходе беседы следователь сможет составить предварительный психологический портрет личности подозреваемого, даже в случае отказа от разговора, по его позе, мимике лица, жестам. В некоторых случаях на данном этапе наиболее вероятно достижение психологического контак-

та между следователем и подозреваемым, этому способствует благоприятная обстановка непринужденного и неформального характера (отсутствие посторонних, отсутствие защитника и т.д.).

Здесь необходимо отдельно отметить, что беседа следователя с подозреваемым до его допроса не следует расценивать как нарушение права на защиту, т.к. подобные действия не приводят к получению информации о преступлении и сбору доказательств. В действующем процессуальном законе нет прямого запрета на осуществление беседы с подозреваемым помимо допроса. В любом случае полученная информация от таких бесед не может быть признана показаниями и являться в последующем доказательствами, об этом тоже можно сообщить подозреваемому.

Подготовка к допросу должна обязательно включать в себя установление личности и проверку его по базам МВД России.

Не менее важной является тактика допроса подозреваемого при рабочем и заключительном этапе, но, учитывая требования, предъявляемые к настоящему исследованию, этот вопрос должен быть предметом отдельного осмысления.

Литература

1. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. М.: Юрист, 2001.
2. Криминалистика: учебник / под общ. ред. А.Г. Филиппова. М.: Юрайт, 2010.
3. Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко. М.: Контракт, 2010.

Е.Л. Федосеева, канд. юрид. наук

Уральский юридический институт МВД России;

А.А. Измайлов

Уральский юридический институт МВД России

ОСНОВАНИЯ ОТКАЗА СЛЕДОВАТЕЛЯ В УДОВЛЕТВОРЕНИИ ХОДАТАЙСТВА О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве является одним из элементов в системе уголовного процесса России. С момента введения данного особого порядка предварительного расследования прошло менее 10 лет. За это время судами было рассмотрено около 30 тыс. уголовных дел. 2157 дел рассмотрено только за первое полугодие 2017 г. [4]. Однако пробелы и явные недоработки законодателя ограничивают поле действия следователя, что напрямую влияет на достижение

целей предварительного следствия. Содержание главы 40.1 УПК РФ [5] свидетельствует об ослаблении нацеленности законодателя на установление истины в качестве цели уголовно-процессуальной деятельности в делах, разрешаемых путем компромисса, поэтому требование безусловного заключения соглашения о сотрудничестве при применении также нельзя рассматривать в качестве бесспорного. Указанный вывод открывает правовые возможности к расширению объема ос-

нований для отказа в удовлетворении ходатайства досудебного соглашения о сотрудничестве.

Проблемы в правоприменении возникают в том числе по причине того, что главой 40.1 УПК РФ введена новая для отечественного судопроизводства согласительная процедура. Законом впервые определен порядок подачи ходатайства о сотрудничестве, его заключения, составления досудебного соглашения и иные процедуры. Между тем вопрос, касающийся оснований для отказа в удовлетворении следователем ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, остается за рамками процессуального толкования. О давно существующих проблемах в принятии решения по заявленному ходатайству о сотрудничестве свидетельствует и прокурорская практика. Так, в Свердловской области за 9 месяцев 2012 г. обвиняемыми заявлено 71 ходатайство о заключении досудебного соглашения, в 15 случаях прокурорами приняты решения об отказе в их удовлетворении [1].

В соответствии со ст. 317.1 УПК РФ предусмотрен следующий процессуальный порядок заявления подозреваемого (обвиняемого) о желании сотрудничать. Ходатайство о заключении досудебного соглашения обвиняемый должен составлять в письменной форме и направлять прокурору через следователя. Оно должно быть подписано защитником. Если защитник не приглашен, то обязанность по вызову данного лица ложится на самого следователя. В данном документе лицо, желающее сотрудничать, обязано указать действия, которые оно выполнит в целях содействия следствию. В частности, обвиняемый обязан помочь следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого преступным путем. Из данной нормы закона можно заключить, что фактическим основанием для заключения с обвиняемым соглашения будет являться наличие информации, позволяющей раскрывать и расследовать преступления. Также нельзя не согласиться с мнением О.В. Климановой о том, что обязательным условием для заключения с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве является наличие у него объективных сведений о преступлениях, совершенных не только им, а также соучастниками преступной деятельности и иными лицами, совершившими преступления, о которых у лица имеется информация [2, с. 3-5].

При получении данного ходатайства следователь должен выполнить одно из двух процессуальных действий: направить его прокурору, обосновав свое решение в ходатайстве о заключении

досудебного соглашения, либо вынести постановление об отказе в удовлетворении такого ходатайства.

При выборе второго решения в арсенале следователя нет строго закрепленных оснований для отказа. С одной стороны, данное решение принимается лишь на основе его личных убеждений в том, что заключение соглашения не сыграет никакой роли и расследование можно продолжить в обычном порядке. Однако нарушаются права и интересы подозреваемого и обвиняемого на смягчение ответственности при выполнении ряда условий.

А.В. Рожкова считает, что закрепление определенных оснований об отказе в удовлетворении ходатайства ограничит следователя, создаст ему рамки, в которых будет трудно лавировать при выборе того или иного основания [3, с. 499]. С этим нельзя не согласиться, т.к. следователю будет легче использовать основания, которые не закреплены в законе. А это может быть все что угодно. Мы же рассматриваем вопрос с позиции соблюдения прав и интересов уголовно преследуемого лица. А на этот счет есть и другие мнения. Считаем необходимым закрепить основания для отказа в ходатайстве о сотрудничестве в нормах УПК РФ. Аргументируя данную позицию, следует отметить, что работа следователя связана со строгими правилами и порядком, который закреплен законодательно. Представляется, что в нормы гл. 40.1 УПК РФ необходимо ввести перечень оснований, используя которые следователь не только примет объективно верное решение, но и обеспечит соблюдение прав и законных интересов такого участника процесса как обвиняемого.

Еще одним из оснований отказа в ходатайстве может служить информация о том, что подозреваемый (обвиняемый) нарушит обязательства, которые он возьмет на себя при заключении непосредственно соглашения у прокурора. Такими данными может являться поведение подозреваемого, связанное с противодействием расследованию. Зачастую такие действия могут говорить о его истинном намерении. Например, когда обвиняемый с самого начала уголовного преследования угрожает свидетелям либо не является для производства следственных действий, дает ложные показания. Если изначально лицо отрицательно настроено к органам следствия, то говорить о сделке в данном случае не корректно. Опять же следователь будет принимать решение, основываясь лишь на своей интуиции. Ведь именно следователь непосредственно связан с подозреваемым в процессе производства следственных действий, когда происходит изучение личности обвиняемо-

го. Зачастую должностное лицо, осуществляющее расследование по уголовному делу, лучше других знает личность преступника и понимает, сможет ли это лицо раскрыть все обстоятельства дела, а самое главное изобличить соучастников преступления.

Целесообразность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве также может являться одним из оснований отказа в ходатайстве о сотрудничестве, поскольку следователь, расследуя дело и обладая процессуальной самостоятельностью, может сделать вывод о необходимости такого сотрудничества. В том случае, когда собраны все изобличающие лицо доказательства, нет сомнений в виновности лица, то и заключение соглашения будет неуместным.

Таким образом, закрепление строго регламентированных оснований для отказа в удовлетво-

нии ходатайства обвиняемого о сотрудничестве поможет следователю выполнять свои обязанности в соответствии с законом. Данные основания не будут ставиться под сомнения, что позволит соблюсти права и интересы уголовно преследуемого лица. В свою очередь лицо, заявившее ходатайство не сможет обжаловать данное решение следователя, т.к. имеются строго закрепленные основания, позволившие следователю отказать в ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

С учетом указанных предложений следователь сможет незамедлительно принимать правомерное решение по такому ходатайству, продолжая предварительное расследование в установленном законом порядке, что повлечет за собой быстрое и своевременное расследование по уголовному делу.

Литература

1. Заключение досудебного соглашения. URL: <http://www.prokuratura.ur.ru/main.php?id=330> (дата обращения: 29.11.2017).
2. Климанова О.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений // Российский следователь. 2017. № 11. С. 3-5.
3. Рожкова В.А. Некоторые проблемы правового регулирования заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и пути их решения // Молодой ученый. 2016. № 26. С. 499-501.
4. Судебная статистика. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 23.11.2017).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Л.В. Черепанова, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ «ЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ» ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 199.1 УК РФ

Налоговый агент, не исполнивший обязанности по исчислению, удержанию или перечислению налогов и (или) сборов, подлежит уголовной ответственности по ст. 199.1 УК РФ лишь в случае, когда его бездействие вызвано личными интересами, стремлением получить выгоду имущественного или неимущественного характера.

Доказывание мотива преступления, установление фактических данных, свидетельствующих о нем, их оценка всегда вызывали существенные затруднения [4, с. 56-58]. В Алтайском крае в

2016 г. только 25%, а в 2015 г. – 9% уголовных дел данной категории было направлено в суд с обвинительным заключением.

О наличии умысла в целом и личного интереса как мотива, как правило, может свидетельствовать анализ последующих действий должностного лица налогового агента, связанных с фактическими тратами денежных средств, подлежащих перечислению в бюджет.

Подтверждением личного интереса является, например, погашение текущих займов или бан-

ковских кредитных обязательств, выплата агентского вознаграждения; оплата задолженности поставщикам и подрядчикам за выполненные работы; выдача займов, в частности, должностным лицам и организациям, с которыми поддерживаются, выстраиваются взаимовыгодные отношения; снятие наличных денежных средств на хозяйственные нужды руководителем организации [5].

Доказательства могут быть получены из выписок о движении денежных средств на расчетных счетах налогового агента, о его кассовых операциях, из регистров бухгалтерского и налогового учетов, однако на этапе оценки доказательств досудебная и судебная практика по данному вопросу носит противоречивый характер.

Так, например, одни и те же доказательства по уголовному делу в отношении директора муниципального унитарного предприятия (МУП) г. Камень-на-Оби, не исполнявшего обязанности налогового агента и тратившего соответствующие денежные средства на хозяйственные нужды МУП, получили противоположную оценку.

Органами следствия оценивались как желание приукрасить положение дел на предприятии, создать перед собственником – руководством муниципального образования г. Камень-на-Оби мнение о себе, как способном и эффективном управленце, добиться положительной оценки своей деятельности, сохранить за собой должность руководителя, получать стабильную зарплату.

Приговором Каменского городского суда от 13.10.2015 директор МУП по ч. 1 ст. 199.1 УК РФ оправдан в связи с отсутствием в деянии состава преступления. Установив в приговоре, что директор МУП, в течение года умышленно не перечисляя в бюджет налоги, действовал в интересах предприятия, поскольку денежные средства тратил на хозяйственные нужды последнего, суд пришел к выводу, что данные действия свидетельствуют об отсутствии у него личной заинтересованности в уклонении от уплаты налогов и умысла на неисполнение обязанностей налогового агента. Апелляционная и кассационная инстанции суда Алтайского края приговор признали законным и обоснованным, в своих постановлениях привели аналогичные доводы.

Существенный анализ судебной практики по данному вопросу позволил заместителю директора департамента внутреннего контроля и выездных проверок Фонда «Сколково» А.Н. Лясколо в зависимости от характера получаемой выгоды (имущественной или неимущественной) [6], классифицировать как проявление личных интересов при неисполнении обязанностей налогового агента типичные следственные ситуации [3, с. 49-56].

Как получение выгоды имущественного характера судами, как привило, оцениваются следующие обстоятельства.

Обеспечение оплаты труда, в т.ч. премиальных выплат, подозреваемому лицу и его родственникам. Личные интересы следствием усматривались в расчетах с контрагентами, в выплате премий, однако специалисты считают, что оплату труда при наличии неисполненных обязанностей налогового агента не следует рассматривать как проявление личных интересов в силу обязательного характера и преимущества таких выплат по отношению к налоговым платежам [1].

Обеспечение прибыльной деятельности организации, в которой подозреваемый являлся учредителем. Вывод о личных интересах в неисполнении обязанностей налогового агента доказывается документально, расчетами, подтверждающими влияние дополнительных финансовых ресурсов, в виде перечисленных в бюджет налогов, на улучшение финансовых показателей организации и, соответственно, на увеличение ликвидности и рентабельности принадлежащих подозреваемому акций.

Увеличение имущественного комплекса организации, учредителем которой являлся подозреваемый. Сам по себе факт увеличения имущества организации, основных средств, нематериальных активов, долгосрочных финансовых вложений и других активов, приносящих организации доход за счет использования денежных средств, не перечисленных в бюджет налоговым агентом, не является прямым доказательством личных интересов [2]. Необходимы доказательства того, что действия подозреваемого по приобретению имущества привели, например, к увеличению его доли в уставном капитале общества.

Преимущественные расчеты по кредиту, поручителем по которому выступал подозреваемый. Поскольку просрочка погашения кредитных обязательств может привести к взысканию задолженности с поручителей по кредиту, которым или одним из которых являлся подозреваемый.

Преимущественные расчеты по займу, предоставленному организации виновным лицом. Например, суд пришел к выводу, что подсудимый действовал в личных интересах при неисполнении обязанности налогового агента по перечислению в бюджет удержанного с доходов работников ООО «Юнисейл» НДФЛ на сумму более 3 млн руб. и выплатах подсудимому как работодателю по договору займа суммы более 13 млн руб. [3, с. 49-50].

Преимущественные расчеты по сделкам с подконтрольными, в т.ч. аффилированными контрагентами. Например, подозреваемый обеспечивал преимущественные расчеты по сделкам

с ООО «Тепловые сети», учредителем которого с долей 100% в уставном капитале являлись сначала он, а затем его дочь [3, с. 50-54].

Предоставление займов, в т.ч. беспроцентных, под минимальные проценты, подконтрольным лицам. Судебной практикой расценивается как проявление личных интересов в неисполнении обязанностей налогового агента выдача займов, в состав которых могли входить неперечисленные в бюджет налоги. Например, по делу установлено, что денежные средства предприятия, в т.ч. удержанные в виде НДФЛ, использовались на предоставление займов подконтрольным лицам для обеспечения их участия в аукционе по выкупу акций в интересах подсудимой.

Обеспечение оплаты сотовой связи, аренды автомобиля и других управленческих расходов в пользу подозреваемого. Вместе с тем согласимся с А.Н. Ласкало, оплата труда в неденежной форме при наличии неисполненных обязанностей налогового агента не свидетельствует о проявлении личных интересов [7].

Еще большие затруднения вызывает оценка обстоятельств, указывающих на получение подозреваемым выгоды неимущественного характера как наличие или отсутствие личных интересов.

Выгода неимущественного характера усматривается чаще всего в следующих ситуациях: при преимущественных расчетах с контрагентами, при оплате труда персонала, при стимулирующих выплатах менеджменту с целью улучшить результаты хозяйственной деятельности организации, приукрасить действительное положение дел в организации, поддержать репутацию успешного руководителя или как проявление карьерных побуждений, а также расходы на оплату корпоративных мероприятий как желание повысить личный авторитет [3, с. 49-56].

Доказыванию в этих ситуациях подлежат обстоятельства, свидетельствующие, что эти расчеты, выплаты, расходы не имеют приоритета по отношению к уплате налогов, что между неперечисленными в бюджет и использованными в личных интересах денежными средствами имеется связь, т.е. именно в тот период времени, когда в распоряжении налогового агента имелись неперечисленные в бюджет в виде налогов денежные средства, им осуществляется расходование значительных денежных сумм, во много раз превышающих размер неперечисленных в бюджет налогов.

Причину затруднений в правоприменении чаще всего видят в самой норме закона, и соответственно решение вопроса предлагают через изменения ст. 199.1 УК РФ, путем исключения этого признака.

Действительно, обозначенные вопросы относятся к недостаточно разработанной проблематике применения оценочных, формально неопределенных категорий в праве, когда органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, сталкиваются с неоднозначностью понимания содержания понятия и, соответственно, неоднозначностью оценки установленных обстоятельств по уголовному делу. Такой технико-юридический прием, с одной стороны, приветствуется, поскольку позволяет учитывать нюансы конкретной ситуации при регулировании общественных отношений, предоставляет большую свободу судебному усмотрению, а с другой – позволяет оспаривать, ставить под сомнение правосудность решения. В данном случае не в полной мере использованы возможности судебного толкования, т.е. организационных гарантий. Существенная доработка Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 позволит снять большую часть проблемных вопросов [6].

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.03.2017) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Ласкало А.Н. Судебное толкование «личных интересов» как признака неисполнения обязанностей налогового агента // Адвокат. 2016. № 5.
4. Мешков М.В., Гайфуллин А.Н. Проблемы доказывания мотива преступления // Законность. 2013. № 9.
5. О направлении типовой формы справки (статья 199.1 УК РФ) [Электронный ресурс]: письмо ФНС России от 29.03.2016 № ЕД-4-2/5354. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 // Российская газета. 2006. 31 дек. № 297.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Секция «Проблемы борьбы с административными правонарушениями»

А.Г. Бачурин

Барнаульский юридический институт МВД России

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА НА МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Регулирование общественных отношений, складывающихся при организации и проведении массовых и публичных мероприятий, в т.ч. и обеспечение правопорядка при их проведении, в той или иной мере представлено и в законодательных нормах зарубежных государств. В частности, достаточно интересен опыт нормативного регулирования названной сферы общественных отношений в Республике Беларусь.

В данном государстве право граждан на мирные массовые акции, так же как и в Российской Федерации, закреплено в национальной Конституции. Так, статья 35 Конституции Республики Беларусь гарантирует своим гражданам свободу собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования, не нарушающих правопорядок [3].

Основой нормативного регулирования порядка проведения массовых акций в данном государстве является Закон Республики Беларусь от 30 декабря 1997 г. № 114-З «О массовых мероприятиях в Республике Беларусь» [5].

Порядок организации массовых мероприятий определяется исходя из заявленного количества участников. Так, при численности участников до 1000 человек их организатором может выступать гражданин Республики Беларусь, достигший 18-летнего возраста и обладающий избирательным правом. Организаторами массовых мероприятий при участии более 1000 человек могут

являться лишь коллективные субъекты – политические партии, профессиональные союзы или организации.

Лица, выступающие в качестве организаторов массовых мероприятий, должны соответствовать ряду условий, соблюдение которых является обязательными. В частности, они обязаны заключить договоры по обеспечению общественного порядка и безопасности при проведении массового мероприятия, медицинскому обслуживанию, уборке территории после проведения на ней массового мероприятия. Так, платные услуги охраны общественного порядка оказываются Департаментом охраны МВД Республики Беларусь [7]. По данным на 1 мая 2017 г., охранная услуга, оказываемая милиционером, стоит 1117,2 руб. Медицинское обеспечение массовых мероприятий общепрофильной врачебной бригадой предусматривает оплату в сумме 22,06 руб./час [6]. Отсутствие названных выше договоров позволяет местным органам власти отказать организатору массового мероприятия в его проведении.

Само заявление о проведении массового мероприятия подается в письменной форме в местный исполнительный и распорядительный орган, на территории которого планируется проведение массового мероприятия в срок не позднее 15 дней до дня его проведения.

Законом Республики Беларусь к организаторам и участникам массовых мероприятий предъ-

являются весьма жесткие требования в части соблюдения правопорядка. Например, запрещено создавать препятствия движению транспорта и пешеходов; устанавливать палатки или иные временные сооружения; препятствовать деятельности сотрудников органов внутренних дел и граждан, выполняющих функции по охране общественного порядка; иметь при себе оружие и боеприпасы (их имитаторы или муляжи); осуществлять пропаганду войны или экстремистскую деятельность и т.д.

Нарушение запретов или установленного порядка организации и проведения публичных мероприятий влечет ответственность в соответствии со ст. 23.34 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [2]. Следует отметить, что названная статья предусматривает ответственность и за вовлечение в участие в массовой акции за вознаграждение. Так, для лиц, нарушивших установленный порядок массовой акции за вознаграждение, устанавливается административная ответственность в виде штрафа в размере от тридцати до пятидесяти базовых величин или административный арест, а для организаторов – от сорока до пятидесяти базовых величин или административный арест. Базовая величина в Беларуси с 1 января 2017 г. составляет 23 рубля [1].

По нашему мнению, приведенный выше пример конструкции меры административной ответственности можно использовать и в российском законодательстве, предусмотрев, в частности, административную ответственность за вовлечение в проведение массового публичного мероприятия за вознаграждение в случае допущенных нарушений порядка его проведения, т.к. для Российской Федерации данное противоправное деяние редкостью не является. Так, комментируя несанкционированные массовые акции, прошедшие в Москве 26 марта 2017 г., официальный представитель Следственного комитета Российской Федерации

утверждал о наличии «оперативной информации о предложениях вознаграждения в случае задержания за участие в несанкционированной массовой акции 26 марта в Москве не только подросткам, но и другим участникам мероприятия [8]». А на сайте massovki.net можно увидеть и расценки на участие в массовых акциях. Так, часовой пикет оценивается в 1000 рублей, а митинг и шествие – от 300 до 500 рублей [4].

Для противодействия названным противоправным деяниям предлагается дополнить ст. 20.2 КоАП РФ, изложив ч. 9 в следующей редакции: «Совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1-6.1 настоящей статьи, сопровождающееся выплатой вознаграждения за участие в публичном мероприятии, –

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двухсот тысяч до трехсот тысяч рублей, или обязательные работы на срок от ста до двухсот часов, или административный арест на срок до тридцати суток; на должностных лиц – от пятисот тысяч до шестисот тысяч рублей; на юридических лиц – от восьмисот тысяч до одного миллиона рублей».

Закрепление в КоАП РФ предложенной нами нормы будет способствовать более успешному выполнению задач, стоящих перед законодательством об административных правонарушениях в части установления ответственности за нарушения правопорядка на публичных мероприятиях.

Таким образом, законодательство Республики Беларусь, регламентирующее сферу общественных отношений, связанных с массовыми публичными мероприятиями, во многом схоже с российским, однако имеет свою национальную специфику и собственный опыт применения. Так, отдельные её нормы имеет смысл использовать при нормотворчестве в Российской Федерации, оптимизируя институт административной ответственности.

Литература

1. Базовая величина в Беларуси с 1 января 2017 г. // Сайт ЗАКОНИПРАВО.hav.by. URL: <http://zakonipravo.hav.by/bazovaya-velichina-v-belarusi-s-1-yanvarya-2017>.
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях 21 апреля 2003 г. № 194-З. URL: <http://kodeksy.by/koap>.
3. Конституции Республики Беларусь: принята 15 марта 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). URL: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>.
4. Массовки // Форум о заработке на съёмках и промоакциях. URL: <https://massovki.net/viewforum.php?f=12&sid=2b659539b700ab5d2f305458d49eb3af>.
5. О массовых мероприятиях в Республике Беларусь: закон Республики Беларусь от 30 декабря 1997 г. № 114-З. URL: [http://www.pravo.by/pdf/2003-93/2003-93\(003-009\).pdf](http://www.pravo.by/pdf/2003-93/2003-93(003-009).pdf).
6. Официальный сайт городской станции скорой медицинской помощи г. Минска. URL: <http://minsk-smp.by/platnye-uslugi>.

7. Охрана субъектов хозяйствования // Сайт Департамента охраны МВД Республики Беларусь. URL: <http://ohrana.gov.by/wp/ru/our-services/protection-of-business-entities/>.

8. Участникам акции в Москве предлагали вознаграждение в случае задержания // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/2255089.html>.

Р.А. Брунер, канд. юрид. наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя;

А.А. Аносов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ИСПОЛНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАПРЕТА НА ПОСЕЩЕНИЕ МЕСТ ПРОВЕДЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНЫХ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ДНИ ИХ ПРОВЕДЕНИЯ

Федеральным законом № 192-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с обеспечением общественного порядка и общественной безопасности при проведении официальных спортивных соревнований» введен новый вид административного наказания – административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных мероприятий в дни их проведения [5].

По нашему мнению, введение данного наказания в системы мер административной ответственности является важным шагом на пути формирования законопослушного поведения граждан. Так, согласно ст. 32.14 КоАП РФ постановление о наложении данного вида наказания должно быть исполнено лицом, привлеченным к административной ответственности.

В соответствии со ст. 32.14 КоАП РФ ведение учета лиц, к которым было применено наказание в виде административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения, входит в обязанности ОВД, а именно ведение списка учета лиц, которым запрещено посещение мест проведения официальных спортивных мероприятий [4].

По состоянию на 1 ноября 2017 г., по данным МВД РФ, за совершение правонарушений во время проведения официальных спортивных соревнований в нынешнем году к ответственности привлечено 2527 человек [3].

При определении порядка исполнения рассматриваемого вида наказания законодатель пошел по пути законодательства Великобритании и

возложил обязанность по исполнению наказания на самого правонарушителя, но при этом не предусмотрел тот факт, что не всегда лицо, привлеченное к рассматриваемому виду наказания, самостоятельно будет его исполнять. Неидеальный механизм и порядок исполнения данного вида наказания дает правонарушителю возможность уклонения от его исполнения [2, с. 57].

В преддверии проведения в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA-2018 необходимо разработать четкий механизм исполнения наказания в виде административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения и механизм контроля со стороны ОВД за указанными лицами.

В целях решения существующих проблем в исполнении рассматриваемого вида наказания нам представляется возможным внесение изменений в КоАП РФ в части контроля ОВД за лицами, привлеченными к ответственности.

По мнению авторов, законодателью в настоящее время необходимо пойти дальше по пути законодательства Великобритании и внести изменения в ст. 32.14 КоАП РФ, дополнив ее следующим содержанием:

«Лицо, привлеченное к административному наказанию в виде административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения, обязано явиться в установленное время в день проведения соответствующего спортивного мероприятия в орган внутренних дел по месту жительства или

месту временного пребывания и отметиться у сотрудника органов внутренних дел, ответственного за ведение списка лиц, привлеченных к данному наказанию».

В случае внесения указанных изменений в КоАП РФ у ОВД появится реальная возможность осуществления контроля за лицами, которым назначен рассматриваемый вид наказания.

Законодателем при введении данной нормы в КоАП РФ не учтено, что официальные спортивные мероприятия на территории РФ могут проводиться не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов РФ и муниципальном уровне, также не учтена многогранность официальных спортивных мероприятий: соревнования по футболу, баскетболу, гандболу, шахматам, гольфу и т.д. [1, с. 33].

С учетом многогранности и разнообразия проведения официальных спортивных мероприятий на территории РФ в настоящее время целесообразно установление административной ответственности на уровне субъектов РФ за нарушение порядка проведения спортивных мероприятий, организуемых на официальном уровне именно субъектом Российской Федерации.

По мнению авторов, необходимо также внесение изменений в ст. 3.14 КоАП РФ в части конкретизации официальных спортивных соревнований, на которые распространяется данный вид

наказания, в связи с чем предлагаем дополнить данную статью п. 3 следующего содержания:

«Лицу, привлеченному к наказанию в виде административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения, запрещается посещение официальных спортивных мероприятий по тому виду спорта, за нарушение правил поведения зрителей, на котором ему было назначено такое наказание».

Таким образом, очевидно, что внесение изменений в части дальнейшего регулирования исполнения рассматриваемого вида наказания является весьма актуальным. Внесение указанных изменений будет способствовать повышению эффективности применения норм об административной ответственности за нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований.

В настоящей статье авторами предпринята попытка выявить ряд существенных особенностей и проблемных моментов, связанных с исполнением постановлений, предусматривающих рассматриваемый вид наказания, а также выявлены пробелы в действующем административно-деликтном законодательстве, устранение которых необходимо для надлежащего исполнения наказания в виде административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения.

Литература

1. Брунер Р.А., Аносов А.А. Административный запрет на посещение спортивно-массовых мероприятий // Современное право. 2017. № 6. С. 31-34.
2. Брунер Р.А. Правовое регулирование применения наказания в виде административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения // Современное право. № 1. 2017.
3. Запрет на посещение спортивных соревнований в России вынесен в отношении 384 граждан. URL: <http://tass.ru/sport/4708583>.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с обеспечением общественного порядка и общественной безопасности при проведении официальных спортивных соревнований: федеральный закон от 23.07.2013 № 192-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 30 (ч. I). Ст. 4025.

О.В. Бунова

Краснодарский университет МВД России;

А.Г. Репьев, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

ФУНКЦИИ ПОЛИЦИИ ПО КОНТРОЛЮ ЗА ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Одним из важнейших средств обеспечения общественной безопасности и правопорядка, предупреждения правонарушений в жилом секторе выступает реализация государственной функции по контролю за оборотом оружия. На сегодняшний день органом исполнительной власти, уполномоченным на ее осуществление, является Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардия). Тем не менее в рамках произошедшего реформирования правоохранительных структур контроль за соблюдением законодательства в области оборота оружия остался в качестве направления деятельности полиции.

С одной стороны, подобный подход весьма оправдан. В настоящее время на территории государства зарегистрировано 6 617 688 единиц оружия, 4 218 149 его владельцев. Несмотря на усложняющуюся процедуру оформления специального права на владение оружием (ужесточение общего порядка приобретения, увеличение государственной пошлины и пр.), количество единиц оружия, находящегося во владении граждан, ежегодно растет. Тревожной тенденцией к увеличению роста продолжает характеризоваться и количество преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. По итогам 9 месяцев 2017 г. данный показатель вырос относительно аналогичного периода 2016 г. на 2,3% и составил 22 739 [5].

С другой стороны, ученые и практики отмечают следующую тенденцию. Контрольные (надзорные) функции Росгвардии за порядком оборота оружия на сегодняшний день, к сожалению, сводятся лишь к предоставлению государственных услуг по выдаче разрешительных документов. Высказанный нами тезис подкрепляется как положениями действующих нормативных правовых актов, так и практикой их реализации.

В соответствии с Федеральным законом от 03.07.2016 № 226-ФЗ [3, п. 24 ч. 1 ст. 9], на подразделения Росгвардии, в числе прочих задач, возложено осуществление проверок мест хранения оружия, а также документов у граждан, под-

тверждающих законность владения, использования ими оружием. Вместе с тем порядок осуществления государственной функции по контролю за оборотом гражданского оружия, боеприпасов, патронов к оружию, их сохранностью определен нормативными положениями МВД России [2].

Проверка условий обеспечения сохранности оружия и патронов проводится при обращении граждан с целью приобретения оружия, продления срока действия разрешения на хранение и ношение оружия, при поступлении жалоб и сообщений (обращений) граждан или организаций о совершении правонарушения собственником оружия, при проведении профилактических и иных специальных мероприятий. Целями проверки являются: сверка имеющегося оружия выданным лицензиям и разрешениям, а также хранящихся у граждан патронов видам и моделям зарегистрированного оружия; обследование исправного, запирающегося на замок сейфа; удостоверение обеспечения условий, исключающих доступ посторонних лиц к оружию.

Как известно, любая контрольная деятельность (и сфера оборота оружия здесь точно не исключение) должна быть системной, периодичной, постоянной. Однако ежегодная проверка граждан – владельцев оружия по месту жительства на предмет соответствия и наличия принадлежащего им оружия, проверка условий его сохранности фактически отнесена к компетенции МВД России, хотя и формально во взаимодействии с подразделениями Росгвардии.

Основным субъектом данной формы контроля выступает участковый уполномоченный полиции. В соответствии с Наставлением по организации деятельности участковых уполномоченных полиции [1, п. 5.4] он принимает участие на закрепленном административном участке в контроле за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия. Полагаем, что «участие» – это все же совместная деятельность, взаимодействие с сотрудниками Росгвардии в пределах своей компетенции.

Сказанное вместе с тем не в полной мере подтверждается положениями законодательства и существующей практикой. В рамках общей профилактической работы участковый уполномоченный полиции обязан проводить не реже одного раза в год проверки сохранности гражданского огнестрельного оружия по месту жительства его владельцев и принимать к нарушителям соответствующие меры, информировать о выявленных недостатках подразделения по лицензионно-разрешительной работе [4, п. 7.8].

Наблюдается, как мы полагаем, несколько односторонний подход и едва ли взаимодействие. Безусловно, участковый уполномоченный полиции – один из ключевых субъектов профилактики правонарушений. Однако образование новой правоохранительной структуры преследовало, как думается, в первую очередь цель – усиление контроля за сферой оборота оружия путем сосредоточения данных функций у специализированного подразделения.

Практика на местах показывает иное. Проведенное нами исследование свидетельствует, что деятельность по контролю за оборотом огнестрельного оружия оказывает существенные, в первую очередь временные затраты на распределение участковыми служебных обязанностей. На проведение одной проверки условий хранения огнестрельного оружия гражданами участковый затрачивает в среднем до 27,5 минуты. При этом показатель нагрузки по владельцам огнестрельного оружия относительно городской и сельской местности распределен крайне неравномерно.

В случае если местом жительства заявителя является сельское поселение, отдаленная, труднодоступная местность, в которых отсутствует подразделение Росгвардии, направляется мотивированный письменный запрос о проведении проверки обеспечения условий сохранности в территориальный орган МВД России по месту жительства заявителя, т.е. участковому уполномоченному полиции. Эмпирические данные свидетельствуют, что средняя нагрузка на одного участкового составляет 73 владельца оружия. В то же время, например, на участкового уполномоченного полиции УМВД России по Приморскому краю, обслуживающего сельские поселения, приходится 117 человек. В целом по стране удельный вес данного направления деятельности в структуре рабочего дня участкового уполномоченного составляет 10,5%, что выглядит значительным, с учетом «вспомогательного» характера данной деятельности.

Резюмируя изложенное, полагаем, что в связи с образованием новой силовой структуры профилактика преступлений с использованием оружия должна быть приоритетным направлением Росгвардии при участии органов внутренних дел. Назрела необходимость реализации как мер законодательного регулирования по принятию необходимых регламентов осуществления контрольных мероприятий, так и усилению фактического контроля на местах за порядком соблюдения гражданами правил хранения, условий обеспечения сохранности принадлежащего им оружия и боеприпасов.

Литература

1. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции: приказ МВД России от 31.12.2012 № 1166 (в ред. от 08.09.2016) // Российская газета. 2013. 27 марта.
2. Об утверждении Административного регламента исполнения МВД России государственной функции по контролю за оборотом гражданского, служебного и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, сохранностью и техническим состоянием боевого ручного стрелкового и служебного оружия, находящегося во временном пользовании у граждан и организаций, а также за соблюдением гражданами и организациями законодательства Российской Федерации в области оборота оружия: приказ МВД России от 29.06.2012 № 646 (в ред. от 27.11.2015) // Российская газета. 2012. 12 окт.
3. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ // Российская газета. 2016. 6 июля.
4. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений») [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 17.01.2006 № 19 (в ред. от 20.01.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).
5. Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2017 г. // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 22.11.2017).

В.М. Вагайцев

Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О НЕЗАКОННОЙ ПЕРЕВОЗКЕ ПАССАЖИРОВ В РОССИИ

В Российской Федерации актуальным остается вопрос нарушения правил пассажирских перевозок. Так, по итогам заседания президиума Государственного совета Российской Федерации, состоявшегося в сентябре 2017 г., было принято решение проанализировать законодательство, предметом которого является ужесточение наказания за незаконные пассажирские перевозки, а также проверять качество перевозок посредством общественного контроля [2].

В настоящее время данное правонарушение, находящееся на грани преступления, не является единичным случаем. Одним из ярких примеров может быть недавнее ДТП под Калининградом, случившееся в сентябре 2017 г., когда автобус нелегально перевозил пассажиров и столкнулся с внедорожником, в результате чего погибло 7 человек. В Московской области подобные ситуации происходят периодически, данная проблема в столице особенно остра. Нарушение правил лицензирования пассажирских перевозок в регионах вновь обратило на себя внимание и после аварии в Республике Марий Эл, где столкновение маршрутного микроавтобуса и лесовоза привело к гибели 15 человек. В Республике Крым было возбуждено несколько уголовных дел по факту незаконной предпринимательской деятельности в сфере пассажирских перевозок. Алтайский край не является исключением. В г. Бийске в течение ноября 2017 г. сотрудники дорожно-патрульной службы ГИБДД проводили рейд «Маршрутка», целью которого являлось пресечение нелегальных пассажирских перевозок.

Отмеченные негативные последствия показывают, что вопрос об ужесточении мер административной ответственности актуален.

В чем же сложности легальной деятельности в этой сфере? В зависимости от вида сообщения перевозки могут быть городскими, пригородными, междугородными и международными [1]. Однако условия осуществления перевоза пассажиров схожи. Во-первых, для разрешения заниматься регулярными перевозками необходимо обязательное наличие лицензии. В целях осуществления заказных поездок требуется

оформить другой правоприменительный документ – договор фрахтования. Во-вторых, необходимо наличие маршрутного листа (выписывается Департаментом транспорта), согласно которому движется транспортное средство, не допускаются остановки в неположенных местах, так же как и нарушение временного режима. В-третьих, водителю необходимо иметь список пассажиров, путевой лист, документы об оплате. Он должен владеть информацией об опасных участках по пути следования, местах пунктов питания и отдыха, заправочных станциях и лечебных учреждениях. В-четвертых, транспортное средство должно быть надлежащим образом оснащено технически, а также снабжено условными обозначениями снаружи и полной информацией о маршруте, стоимости проезда, контролирующем органе, расположении огнетушителей, аптечек и т.д. внутри [4].

Проведенный анализ судебной практики (ст. 11.14.2 КоАП РФ) и правил перевозок пассажиров и багажа свидетельствует о том, что причинами нарушения вышеперечисленных требований являются:

- низкий уровень правосознания водителей;
- нежелание нести материальные затраты на оформление документов, а также «терять время» при посещении профильных инстанций;
- нелегальная деятельность как способ ухода от налогов, предполагающий выгодный заработок, при котором всю или большую часть выручки водитель оставляет себе;
- отсутствие контролирующего лица, проверяющего транспортное средство перед поездкой, а значит, возможность скрыть нарушения его эксплуатации;
- безнаказанность как следствие удачи или коррумпированности должностных лиц в структурах Ространснадзора, ГИБДД, сфере госзакупки и других органах.

Вместе с тем сами пассажиры не задумываются о надлежащем обслуживании транспортного средства, собственной безопасности, которая во время поездки находится в руках водителя, ставят низкую стоимость проезда или сэкономленное время в приоритет легальным перевозкам.

Кроме того, незаконные пассажирские перевозки населения увеличивают риск транспортировки попутных грузов и предметов, свободный оборот которых запрещен на территории Российской Федерации. В пунктах досмотра на границе Российской Федерации с другими странами неоднократно были обнаружены в багаже и личных вещах пассажиров, совершающих въезд в Россию на автобусе или автомобиле, наркотики, оружие, взрывчатые вещества, экзотические животные и др.

Исходя из вышеизложенного считаем необходимым принятие ряда комплексных мер по пресечению и профилактике незаконных перевозок пассажиров на территории РФ, основные из них:

1) усиление наказания водителей за данные правонарушения и замена ответственности с административной на уголовную, ведь ценой такой поездки может быть жизнь человека;

2) ужесточение контроля со стороны уполномоченных служб и подразделений, введение системы общественного контроля;

3) увеличение размера административных штрафов, указанных в санкциях ст. 11.14.2, 14.1.2, 14.4.1 КоАП РФ.

Несомненно, что новые законы и нормативные акты в данной сфере носят результативный характер только первое время, пока к ним не «приспособились». Многие водители, индивидуальные предприниматели и юридические лица находят различные пробелы в законе, действуя исключительно из личной материальной выгоды. Иногда такая деятельность все же входит в пределы действующего законодательства. Данный факт подтверждает необходимость реально действующих законов, которые будут использоваться на должном уровне, что поможет снизить уровень правонарушений на транспорте.

Литература

1. ГОСТ Р 51825-2001. Государственный стандарт Российской Федерации. Услуги пассажирского автомобильного транспорта. Общие требования (принят и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 14.11.2001 № 461-ст). М.: ИПК Издательство стандартов, 2002.

2. Заседание президиума Госсовета по вопросам комплексного развития пассажирских перевозок (22 сентября 2017 г.) // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/state-council/55679> (дата обращения: 25.11.2017).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 13.07.2015 № 220-ФЗ // Российская газета. 2015. 17 июля. № 156.

5. Об утверждении Правил перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 14.02.2009 № 112. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*А.А. Вакутин, канд. юрид. наук
Омская академия МВД России*

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕННЫХ ЗАТРАТАХ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ НА ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Производство по делам об административных правонарушениях все больше сближается с уголовно-процессуальным [3, с. 28], в т.ч. и по количеству производимых действий и объему доказывания. Данный факт приводит к существенному возрастанию трудовых и временных затрат на собирание необходимых доказательств и написание служебных документов, необходимых для привлечения лица к административной ответственности. При этом повышение правовой защищенности участников является далеко не бесспорным.

В ходе интервьюирования 94 участковых уполномоченных и сотрудников патрульно-постовой службы полиции в 2017 г. на тему затрачиваемого времени на производство по делам об административных правонарушениях, посягающих на порядок управления (ст. 19.3 КоАП РФ), а также общественный порядок (ст. 20.1, 20.20, 20.21 КоАП РФ), респонденты называли время от 40 минут до 2 часов, затрачиваемого на сбор материала, при отсутствии необходимости доставления в органы внутренних дел или производства медицинского освидетельствования на состояние опьянения. При производстве же указанных действий затраты возрастали до 4 и более часов. Следует отметить, что в указанный период сотрудники полиции не выполняют своего основного предназначения – защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействие преступности, а также охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности (ст. 1 Федерального закона «О полиции»). Это явно негативно сказывается на криминогенной обстановке и защищенности граждан, т.к. указанные правонарушения носят публичный характер [1, с. 296] и нередко предшествуют совершению преступлений.

Основными причинами, влияющими на длительность разбирательства, участковые уполномоченные и сотрудники патрульно-постовой службы полиции называли чрезмерные требования к перечню составляемых процессуальных и служебных документов. Так, в большинстве

регионов, представители которых интервьюировались, в ходе производства по делу об административном правонарушении, предусмотренному ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ (потребление алкогольной продукции в запрещенных местах), в материалах дела должны быть рапорт сотрудника, два объяснения от свидетелей, объяснение от лица, совершившего административное правонарушение, копия документа, подтверждающего личность, протокол об административном правонарушении. Нередко к указанным документам добавляется проект постановления о назначении административного наказания в трех экземплярах, подписываемый впоследствии лицом, уполномоченным рассматривать дело об административном правонарушении. Необходимость наличия всех документов из указанного перечня сотрудники объясняли требованиями отделов по исполнению административного законодательства, которые в некоторых регионах отказывались вносить материалы в базу данных, а также в ряде случаев требованиями прокуратуры и суда. Кроме того, имеются и факты издания методических рекомендаций, регулирующих данный вопрос [2].

На наш взгляд, подобные требования, предъявляемые к материалам дела об административном правонарушении, явно избыточны, не способствуют повышению доказательственной базы и правовой защищенности участвующих лиц и противоречат действующему законодательству. Перечень доказательств и, соответственно, необходимых документов должен определяться исходя из фактических обстоятельств правонарушения, а также наличия или отсутствия видеозаписи самого административного правонарушения. Кроме того, должностные лица зачастую не обращают внимания на тот факт, что протокол об административном правонарушении сам по себе является доказательством по делу. Существующие бланки протоколов содержат в себе графы, предусматривающие подтверждение подписью свидетелей факта совершения административного правонарушения, а также краткие показания лица, совершившего административное правонарушение.

Составление в данном случае отдельных объяснений, зачастую содержащих лишь фабулу из протокола, считаем явно избыточным. Видеозапись же правонарушения, являющаяся в соответствии с ч. 2 ст. 26.7 КоАП РФ доказательством по делу, вообще может исключать необходимость поиска и установления свидетелей, являясь наиболее объективным подтверждением наличия события административного правонарушения и виновности лица, его совершившего.

Таким образом, считаем необходимым отходить от практики «предустановленности» перечня необходимых материалов по делу об административном правонарушении и принимать меры к снижению затрачиваемого на составление служебных и процессуальных документов времени, что позволит сотрудникам полиции заниматься своей основной функцией – защитой граждан и обеспечением общественного порядка и общественной безопасности.

Литература

1. Административная деятельность полиции. Часть Особенная: учеб. пособие / под ред. проф. О.И. Бекетова. Омск, 2016. 355 с.
2. Методические рекомендации по вопросу применения административного законодательства при выявлении административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.21 КоАП РФ. Омск: УМВД России по Омской области, 2012.
3. Хорьков В.Н. Спорные правовые позиции Конституционного суда РФ, направленные на сближение уголовного процесса и производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2012. № 5. С. 28-30.

Я.Е. Верхоглядов

Барнаульский юридический институт МВД России

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ВЫДВОРЕНИЕ ЗА ПРЕДЕЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

На сегодняшний день одной из ключевых угроз для национальной безопасности Российской Федерации является экстремизм. Опасность данного вида противоправной деятельности обусловлена множеством факторов. В первую очередь это многонациональный и многоконфессиональный состав нашего государства, где распространение экстремистской идеологии способно подорвать основы благополучного сосуществования различных народов, их единство, привести к росту сепаратистских настроений.

Государство предпринимает меры, направленные на противодействие экстремизму, однако согласно статистической информации, на территории Российской Федерации зафиксирован рост преступлений экстремистской направленности. Так, если за 9 месяцев 2009 г. было совершено 427 преступлений рассматриваемой категории [4], то за аналогичный период 2017 г. уже 1189

[5]. Принимая во внимание эту негативную тенденцию, допустимо предположить, что в некоторые направления системы противодействия экстремизму возможно внести коррективы.

В качестве одного из потенциальных векторов развития можно выделить совершенствование отдельных положений административного законодательства. На наш взгляд, это обусловлено, при своевременном выявлении административного правонарушения и привлечения лица, его совершившего, к ответственности, возможностью предупреждения совершения им деяний, представляющих наибольшую общественную опасность.

Для того чтобы провести качественный анализ норм административного права и по его результатам сформировать конкретные предложения, необходимо сфокусироваться на составах правонарушений, относящихся к проявлениям

экстремизма, с чем возникают некоторые сложности. Нормативно закреплен лишь перечень статей УК РФ, которые отнесены к экстремистским (форма 10.4.2 Отчет о результатах рассмотрения уголовных дел по отдельным статьям УК РФ по вступившим в законную силу приговорам и другим судебным постановлениям, в т.ч. по преступлениям террористической и экстремистской направленности [3]). Аналогичной формы отчетности для статей КоАП РФ не предусмотрено.

Учитывая этот факт, логичным представляется рассмотреть из перечня подходящих под данную категорию составов (ст. 5.26, 5.62, ч. 2, 6 ст. 13.15, ст. 13.37, 20.3, 20.28, 20.29 КоАП РФ) наиболее часто встречающиеся на практике административные правонарушения, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 20.3 и 20.29 КоАП РФ. Согласно статистической информации Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 6 месяцев 2014 г. общее количество лиц, подвергнутых административному наказанию по ст. 20.3 КоАП РФ, составило 195; за аналогичный период 2015 г. – 618, 2016 г. – 1032, 2017 г. – 910; по ст. 20.29 КоАП РФ за первое полугодие 2014 г. – 286, 2015 г. – 562, 2016 г. – 864, 2017 г. – 911. Для сравнения: по остальным составам общее число лиц, привлеченных к ответственности, в совокупности не превышает 250 [1].

В некоторых случаях рассматриваемая нами категория деяний совершается иностранными гражданами, что представляет серьезную опасность, т.к. даже в случае привлечения их к ответственности, изъятии и последующей конфискации предметов правонарушения, экстремистскую идеологию, которой они придерживаются, скорей всего, одномоментно искоренить не представится возможным. Связано это с временным нахождением иностранца на территории РФ, преследуемыми личными целями, другим менталитетом и т.д. По этой причине нельзя абсолютно исключить того варианта, что эта категория лиц в перспективе среди своих соотечественников,

находящихся на территории РФ, продолжит распространять крайне радикальные идеи, направленные на возбуждение ненависти или вражды, пропагандировать исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по различным признакам. В качестве примера можно привести следующий факт: в июле 2016 г. привлечен к административной ответственности гражданин Таджикистана, который, временно находясь на территории Республики Саха, хранил экстремистскую литературу, не считал ее запрещенной и не отрицал факт массового распространения ее среди своих земляков [6].

На наш взгляд, административное наказание для физических лиц по ст. 20.3 и 20.29 КоАП РФ в виде штрафа, конфискации, ареста целесообразно дополнить обязательным выдворением. Именно принудительное и контролируемое перемещение иностранных граждан и лиц без гражданства через Государственную границу РФ за пределы РФ потенциально способно улучшить качество противодействия распространению экстремистской идеологии этой категорией лиц, т.к. общество и государство будут избавлены от их дальнейшего негативного воздействия. Также в результате реализации указанной меры дополнительно будет осуществляться общая профилактика преступлений и административных правонарушений.

Проведя анализ «экстремистских» и иных статей КоАП РФ, где предусмотрен данный вид наказания (ст. 6.8, 6.9, 6.13, 20.20, 20.31 КоАП РФ и т.д.), предлагаем либо дополнить новыми частями ст. 20.3 и 20.29 КоАП РФ, подразумевающими административное выдворение для иностранных граждан и лиц без гражданства, либо включить этот вид обязательного дополнительного наказания в санкцию рассмотренных статей.

Ранее ряд авторов уже выступал с аналогичным предложением [2], однако за прошедшее время изменения в законодательство не были внесены, а вопрос необходимости корректировки государственно-правовой политики в сфере противодействия экстремизму актуальности не потерял.

Литература

1. Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 29.11.2017).
2. Катаева О.В., Ряпухина И.А., Кочеткова Н.Д. Административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства как средство обеспечения общественной безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 7 (62). С. 86-89.
3. Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости и форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости [Электронный ресурс]: приказ Судебного департамента при

Верховном Суде Российской Федерации от 11.04.2017 № 65 (ред. от 11.04.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Состояние преступности: январь-сентябрь 2009 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/209643/> (дата обращения: 29.11.2017).

5. Состояние преступности: январь-сентябрь 2017 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/11341800/> (дата обращения: 29.11.2017).

6. Сотрудниками Центра противодействия экстремизму изъята запрещенная литература // Официальный сайт Министерства внутренних дел по Республике Саха (Якутия). URL: <https://14.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/8180048/> (дата обращения: 29.11.2017).

А.А. Гайдуков

Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ПРАВОНАРУШЕНИЕ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ»

В соответствии с Конституцией Российской Федерации государство выступает гарантом поддержки семьи как одного из важнейших социальных институтов современного общества. Защита семьи является непосредственной обязанностью государства, которая входит в предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [3]. Особенность защиты семьи от преступлений и административных правонарушений предполагает использование в семейно-бытовой сфере необходимых инструментов правового регулирования, понятийного аппарата и соответствующей законодательной базы.

Одной из важных проблем, связанных с выделением семейно-бытовых отношений в отдельную сферу, является отсутствие в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) юридически закреплённого понятия «семья». Тем не менее законодатель, устанавливая состав семьи, сам заложил в него критерии семейного и бытового характера. Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» в ст. 1, раскрывая понятие «семья», указал на лиц, связанных родством и (или) свойством, совместно проживающих и ведущих совместное хозяйство [6].

Похожая трактовка содержится в понятии «малоимущая семья», под которой понимается совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство супруги, их дети и родители, усынови-

тели и усыновленные, братья и сестры, пасынки и падчерицы [5]. Представленные нормы позволяют сделать вывод о том, что к критериям семейного характера относятся брак, родство и свойство, а к бытовым критериям – ведение совместного хозяйства и совместное проживание. Следует обратить внимание на тот факт, что в сферу регулирования семейного законодательства (ст. 2 СК РФ) входят как личные неимущественные (внутрисемейные) отношения между членами семьи, так и имущественные (бытовые).

По количеству участвующих субъектов, преимущественно за счет внебрачного либо добрачного сожительства и материально-хозяйственной составляющей, семейно-бытовые отношения гораздо шире семейных. Отправной точкой их возникновения являются добрачные отношения между мужчиной и женщиной. Они появляются с момента совместного проживания на одной жилплощади и ведения совместного хозяйства (совместная покупка продуктов питания, одежды, оплата коммунальных услуг и т.д.). Причем в большинстве случаев целью добрачного сожительства является дальнейшее вступление в брак. Внебрачное сожительство также присутствует в современном российском обществе, и отношения между лицами носят семейно-бытовой характер. Возникновению семейно-бытовых отношений способствует заключение брака в органах ЗАГС, в результате чего создается семья и между су-

пругами происходит четкое распределение прав, обязанностей и ответственности в семье. В соответствии со ст. 2 СК РФ к членам семьи относятся супруги, родители и дети. Принятая судебная практика и СК РФ рассматривают семью как единое целое, и поэтому в состав семьи входят как родители мужа, так и родители жены [7].

Таким образом, потерпевшими и правонарушителями в результате совершенного противоправного деяния в рассматриваемой сфере могут быть только лица, состоящие в семейно-бытовых отношениях, а именно: супруги; близкие родственники (родственники по прямой восходящей и нисходящей линии – родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры (полнородные и неполнородные), дедушки, бабушки, внуки); лица, связанные свойством (родители мужа, родители жены, родные братья и сестры мужа и жены); сожители.

Термин «семейно-бытовые отношения» нашел свое применение в нормативных правовых актах МВД России. В частности, в п. 63.3 и 67.3 приказа МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» представлена категория профилактического учета «Лица, совершившие правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющие опасность для окружающих» [1]. С 2015 г. приказ МВД России № 269 «Об утверждении формы статистической отчетности “Профилактика”» [4] выделил из категории преступлений, совершенных на бытовой почве, преступления, совершенные в сфере семейно-бытовых отношений, которые подлежат обязательному статистическому учету. К ним относятся: убийство (ст. 105 УК РФ); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ); умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ); нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116.1 УК РФ);

истязание (ст. 116.1 УК РФ); угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ); хулиганство (ст. 213 УК РФ).

Большинство из представленных преступлений посягают на жизнь и здоровье лиц, состоящих с правонарушителем в семейно-бытовых отношениях. Следует отметить, что существующий статистический учет правонарушений в исследуемой сфере далеко не полный. Во-первых, учет полицией преступлений ведется только в отношении женщин и несовершеннолетних. Не учитываются мужчины, старики и инвалиды. Во-вторых, без внимания оказываются административные правонарушения, предусмотренные КоАП РФ (ст. 5.35, 5.61, 6.1.1, 6.10), а также предусмотренные законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Таким образом, правонарушения в указанной сфере носят комбинированный характер и включают в себя противоправные деяния, юридическая ответственность за которые предусмотрена нормами административного и уголовного права [2, с. 98]. Это еще раз подчеркивает актуальность и сложность проблемы предупреждения и пресечения правонарушений в данной сфере и вместе с тем говорит о масштабах латентности совершаемых противоправных деяний, а также соразмерности применения полицией административно-правовых мер предупреждения и пресечения.

Принимая во внимание вышеизложенное, считаем, что под правонарушением в сфере семейно-бытовых отношений следует понимать противоправное, виновное, общественно опасное, наказуемое деяние лица, находящегося во внебрачных, брачных, родственных и (или) свойственных отношениях к потерпевшему, совместно проживающих и (или) ведущих совместное хозяйство, совершенное в результате семейно-бытового конфликта, которое посягает на жизнь и здоровье, личную свободу, права, честь и достоинство гражданина, общественный порядок.

Литература

1. Вопросы организации деятельности участкового уполномоченного полиции [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гайдуков А.А. О понятии «правонарушение в сфере семейно-бытовых отношений» // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2015. № 29. С. 98-102.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении формы статистической отчетности “Профилактика”: приказ МВД России от 19 февраля 2015 г. № 269 (документ официально опубликован не был).
5. О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной по-

мощи: федеральный закон от 5 апреля 2003 г. № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 14. Ст. 1257.

6. О прожиточном минимуме в Российской Федерации: федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 43. Ст. 4904.

7. Постановление ФАС Московского округа от 29.09.2008 № КА-А40/6198-08-О по делу № А40-59215/07-129-352 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*А.Г. Гришаков, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России*

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: АНАЛИЗ ПРОИЗОШЕДШИХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ИЗМЕНЕНИЙ

Мерой правового контроля, исторически доказавшей свою эффективность в предупреждении рецидивной преступности, является административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [1, с. 50]. В последнее время различным вопросам административного надзора (далее – АН) уделяется пристальное внимание не только в научной и учебной литературе, но и со стороны законодателя, ориентированного на правоприменительную практику территориальных органов МВД России.

В Федеральном законе от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [2] (далее – Федеральный закон «Об административном надзоре») законодатель сформулировал основное понятие АН, представляющего собой целенаправленное наблюдение за поведением поднадзорного лица с учетом установленных для него временных ограничений.

АН устанавливается для предупреждения совершения преступлений и административных правонарушений определенной категорией лиц, оказания на них индивидуального профилактического воздействия, а также защиты государственных и общественных интересов. Кроме этого, законодателем определены субъекты, в отношении которых устанавливается АН и основные сроки, которые могут устанавливаться судом.

АН устанавливается лицам, имеющим непогашенную либо неснятую судимость, за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, преступления при рецидиве преступлений, умышленного преступления в отношении несо-

вершеннолетнего, а также двух и более преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ст. 228.3, ч. 1. ст. 231, ч. 1. ст. 234.1 УК РФ, если в период отбывания наказания они признавались злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, или после освобождения из мест лишения свободы совершили в течение года два и более административных правонарушения (против порядка управления, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность или на здоровье населения и общественную нравственность, или административных правонарушений, предусмотренных ч. 7 ст. 11.5, или ст. 11.9, или ст. 12.8, или ст. 12.26 КоАП РФ) [2].

В то же время обращаем внимание, что после принятия Федерального закона «Об административном надзоре», на протяжении нескольких лет Главным управлением по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации Министерства внутренних дел Российской Федерации (ГУОООП МВД России) проводился постоянный мониторинг правоприменения указанного нормативного правового акта в различных субъектах, а также выявлялись «пробелы» законодательства, не позволяющие сотрудникам полиции своевременно инициировать и осуществлять АН за рассматриваемой категорией лиц. По результатам проделанной работы в центральном аппарате МВД России был подготовлен ряд обоснованных предложений, направленных на устранение выявленных проблем.

Заметим, что с августа 2017 г. законодатель дополнил перечень преступлений, за совершение которых в *обязательном порядке* (выделено авт. – А.Г.) устанавливается АН. Так, на сегодняшний день АН устанавливается в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость:

- за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего (за исключением лица, указанного в ч. 2.1 ст. 3 Федерального закона «Об административном надзоре»);

- совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений;

- совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, предусмотренного п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 4 ст. 150 (в случае совершения преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы), ст. 205-205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277-279, 282-282.3, 295, 317, 357, 360 и 361 УК РФ;

- совершение в период нахождения под АН преступления, за которое это лицо осуждено к лишению свободы и направлено к месту отбывания наказания (за исключением лица, указанного в ч. 2.1 ст. 3 Федерального закона «Об административном надзоре») [2].

Как показывает практика, в отношении поднадзорного лица устанавливаются различные административные ограничения (например, запрещение пребывания в определенных местах; запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий; запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток и др.), которые создают определенный «барьер», препятствующий повторному совершению административных правонарушений и преступлений.

В связи с этим заслуживают внимания произошедшие в июне 2017 г. изменения в Федеральном законе «Об административном надзоре», связанные с назначением административных ограничений. Так, на сегодняшний день обязательным является установление судом административного ограничения в виде обязательной явки поднад-

зорного лица от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства, пребывания или фактического нахождения для регистрации; запрещения поднадзорному лицу, имеющему непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, выезда за установленные судом пределы территории; запрещения поднадзорному лицу, не имеющему места жительства или пребывания, выезда за установленные судом пределы территории [2].

Безусловно, произошедшие изменения были вызваны определенной динамикой роста на территории Российской Федерации количества лиц, в отношении которых судом был назначен АН, о чем свидетельствуют сведения статистической отчетности: в 2012 г. – 42 080 человек; 2013 г. – 60 239 человек; 2014 г. – 73 720 человек; 2015 г. – 87 416 человек; 2016 г. – 100 271 человек; за 6 месяцев 2017 г. – 103 686 человек [4].

Кроме этого, существенным и своевременным дополнением Федерального закона «Об административном надзоре» стало определение *места фактического нахождения* (выделено авт. – А.Г.) поднадзорного лица, ранее не урегулированного законодательством. В настоящее время под местом фактического нахождения поднадзорного лица понимается избираемая им территория внутригородского муниципального образования города федерального значения, территория внутригородского района (в случае его отсутствия – города) либо территория городского или сельского поселения, на которой он будет проживать.

Таким образом, можно констатировать, что после внесения указанного дополнения в Федеральный закон «Об административном надзоре» была окончательно решена имеющаяся на практике проблема, связанная с уклонением от АН лиц, не имеющих определенного места жительства или пребывания.

В заключение нельзя не отметить, что рассмотренные изменения и дополнения, произошедшие в 2017 г. в Федеральном законе «Об административном надзоре», были своевременно инициированы ГУООН МВД России на основании данных, полученных из различных регионов Российской Федерации и, что самое важное, нашли соответствующую поддержку в лице законодателя [3].

Литература

1. Исакова Ю.И., Сараев Н.В. Институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в современной превенции правонарушений: теория и практика // Российский следователь. 2017. № 13.

2. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: федеральный закон от 28 мая 2017 г. № 102-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 22. Ст. 3071.

4. О состоянии работы органов внутренних дел по предупреждению преступлений и иных правонарушений, совершаемых ранее судимыми лицами, в том числе по осуществлению административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: обзор МВД России: исх. № 1/10624 от 30 августа 2017 г.

Е.В. Кашкина, канд. юрид. наук

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ УНИФИКАЦИИ НОРМ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

В современном российском обществе, наряду с различного рода проблемами, сосуществуют две, наиболее острые и значимые по своему содержанию, кругу распространения, общественно вредным последствиям, наносящим урон государству, обществу и человеку. Мы говорим о наркомании и алкоголизме. Оговоримся: вернее всего, иерархию влияния негативных последствий данных социальных проблем следует выстраивать от человека к государству. Исходя из ст. 2 Конституции Российской Федерации, было бы неверно ставить интересы общества и государства выше человека, иначе мы вернемся к нормам советского права, определяемых во главу угла интересы трудовых коллективов, производственной сферы и общества.

В первую очередь употребление алкогольной продукции, наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача влияет на физическое и психологическое состояние человека. Последствия приема указанной продукции, средств и веществ неблагоприятным образом сказывается на близком окружении человека, сокращает интеллектуальный потенциал общества, дестабилизирует эпидемиологическую, демографическую, экономическую ситуацию в целом по стране. Следовательно, говоря о сдерживании роста заболеваемости алкоголизмом и, как следствие, сокращении числа правонарушений, совершенных в состоянии опьянения, в первую оче-

редь необходимо закрепить в административном законодательстве ответственность за потребление алкогольной продукции. Можно возразить, что подобная норма уже существует – ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ «Потребление (распитие) алкогольной продукции в местах, запрещенных федеральным законом».

Однако речь идет не об административном правонарушении, родовым объектом которого является общественный порядок, а подразумевается противоправное деяние, посягающее на здоровье человека.

Предупреждение заболеваний, сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека является одной из целей органов государственной власти, осуществляющих меры политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в т.ч. санитарно-противоэпидемического характера [3]. Согласно п. 4 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции» [8] обязанность сотрудников полиции – выявлять причины преступлений и административных правонарушений и условия, способствующие их совершению, принимать меры по их устранению. Указанные действия подпадают под определение профилактики правонарушений [4, ст. 2]. Индивидуальную профилактическую работу с лицами, больными алкоголизмом или наркоманией, состоящими на учете в медицинской организации и представляющими опасность для

окружающих, проводят участковые уполномоченные полиции [1, подп. 63.2].

В настоящее время, в отличие от законодательно регламентированных понятий «наркомания» и «больной наркоманией» [7], понятия «алкоголизм» и «больной алкоголизмом» юридически не определены. Более того, алкоголь как вещество, относящееся к группе психоактивных веществ, к которым относятся наркотические средства [10], не внесен в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации [5].

Сформулированное законодателем понятие «индивидуальная профилактика правонарушений» [4, ч. 2 ст. 15], предполагающая применение специальных мер, позволяет сотрудникам полиции при проведении индивидуальной профилактической работы с лицами, состоящими на профилактических учетах и нарушающих законодательство Российской Федерации, применять меры административного принуждения [1, подп. 66.4]. Как известно, несмотря на видение в различной степени развернутости классификации понятия «административное принуждение», в трудах таких ученых, как А.Н. Крамник, А.И. Каплунов, И.А. Галаган, А.П. Корнев и др., меры административной ответственности являются одной из составляющих указанного метода государственного принуждения.

Ввиду отсутствия нормы в рассматриваемой сфере, при проведении профилактической работы с лицами, состоящими на профилактическом учете в органах внутренних дел (в т.ч. в медицинских организациях), привлечение лица к административной ответственности в качестве формы профилактического воздействия не представляется возможным. Это еще раз обосновывает необходимость включения потребления алкогольной продукции в отдельный вид административного правонарушения. Таким образом, целесообразно установить единую норму об ответственности за потребление алкогольной продукции (исключив ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ из гл. 20 КоАП РФ),

непосредственным объектом которой будет здоровье человека и общественная нравственность, что характерно для административных правонарушений, сгруппированных в гл. 6 КоАП РФ [2, с. 64]. Примерное изложение видится следующим образом:

«Потребление алкогольной продукции, в т.ч. потребление алкогольной продукции в местах, запрещенных федеральным законом...»

Примечание. К лицам, потребляющим алкогольную продукцию, следует относить лиц, больных алкоголизмом; лиц, состоящих на специализированных учетах в органах государственной власти, а также лиц, допускающих потребление алкогольной продукции в местах, запрещенных федеральным законодательством».

Таким образом, субъектом будет являться вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, подразделяемое на две категории:

1. Лица, потребляющие алкогольную продукцию:

- в местах, запрещенных федеральным законодательством [6];

- состоящие на специализированных учетах в государственных органах;

- допускающие действия, нарушающие права членов его семьи, а также лиц, проживающих с ним совместно, на здоровье, честь или достоинство, в т.ч. сопровождающиеся нецензурной бранью, а равно уничтожением и (или) повреждением имущества или шумом (семейно-бытовое дебоширство [9]).

2. Лица, признанные больными алкоголизмом, состоящие на учете в медицинской организации и представляющие опасность для окружающих.

Напомним, что исследуемая сфера затрагивает права и свободы человека, а также третьих лиц. Следовательно, вопрос привлечения к административной ответственности лица за потребление алкогольной продукции нуждается в более детальной проработке (выработке и установлению медицинских и правовых критериев), с целью недоведения до абсурда применения нормы.

Литература

1. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции [Электронный ресурс]: приказ МВД РФ от 31 декабря 2012 г. № 1166. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Газизов Д.А. К вопросу о классификации правонарушений в сфере оборота наркотических средств // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 4.
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об утверждении перечня наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О наркотических средствах и психотропных веществах [Электронный ресурс]: федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О профилактике семейно-бытового насилия [Электронный ресурс]: проект федерального закона № 1183390-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Психиатрия и наркология [Электронный учебник]. URL: <http://spbmu.s-psy.ru/obucenie/kurs-psihiatrii/5-kurs-lecebnyj-fakultet/elektronnyj-ucebnik-po-psihiatrii/tema-no15-alkogolizm> (дата обращения: 17.11.2017).

Ю.В. Кивич, канд. юрид. наук, доцент

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОШИБКИ КАК ПРИЧИНЫ ОБЖАЛОВАНИЯ ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, РЕШЕНИЙ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАССМОТРЕНИЯ ЖАЛОБ

Гарантируя право на участие в рассмотрении дела об административном правонарушении лица, в отношении которого ведется соответствующее производство, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях обеспечивает один из главных принципов административного процесса – соблюдение законности [1, с. 346-347].

Частью 2 ст. 25.1 КоАП РФ установлено, что в отсутствие такого лица дело рассматривается только тогда, когда имеются сведения об извещении надлежащим образом его о месте и времени рассмотрения дела и в случаях отсутствия с его стороны ходатайств об отложении рассмотрения дела, а также если такие ходатайства не удовлетворены [4].

Практика работы с делами об административных правонарушениях, по которым постановления вступили в законную силу, демонстрирует, что самым распространенным нарушением, влекущим отмену таких постановлений, является ненадлежащее извещение лица, привлекаемого к административной ответственности. Чаще всего

право на обжалование вступивших в законную силу постановлений по делу об административном правонарушении, а также решений по результатам рассмотрения жалоб, установленное ст. 30.12 КоАП РФ, реализуют лица, в отношении которых велось дело об административном правонарушении или их защитники.

В настоящее время извещение лиц, участвующих в деле, воспринимается субъектами административной юрисдикции формально. В качестве должного способа извещения используются:

- указание даты рассмотрения дела в протоколе об административном правонарушении;
- документ установленной формы о вызове в орган государственной власти, например, в суд (повестки);
- сведения книги исходящей документации и др.

В качестве одной из причин допускаемых до сих пор процессуальных нарушений в рассматриваемой сфере установлена неправильная трактовка разъяснений Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики. По сей день отдельные долж-

ностные лица допускают неверное толкование тезиса о том, что передача повестки о явке в суд с указанием в ней времени и места рассмотрения дела может быть произведена должностными лицами, возбуждавшими данные дела (например, сотрудниками органов внутренних дел), а событием, подтверждающим вручение повестки, является подпись на ее корешке, который впоследствии передается судье.

Вместе с тем указанное разъяснение Верховного Суда РФ должно применяться в соответствии с нормами КоАП РФ. Данный Закон недвусмысленно установил порядок вынесения определения о принятии и назначении дела к рассмотрению. В первую очередь это касается даты рассмотрения дела, поскольку ее определение возможно только после поступления соответствующих материалов по делу об административном правонарушении судье.

Именно такое толкование составляет основу вывода об однозначной подведомственности судьи в данном вопросе. Определение даты рассмотрения дела является его исключительной компетенцией. Поэтому должностные лица, участвующие в производстве по делам об административных правонарушениях, должны вручать повестки после передачи всех материалов и только по указанию судьи. В таком случае извещение считается сделанным надлежащим образом.

Вместе с тем случаются ситуации, при которых уже сами судьи создают определенные административные барьеры, усложняющие извещение о месте и времени рассмотрения дел. Например, это происходит при осознанном уклонении лиц, в отношении которых ведется дело об административном правонарушении, от получения извещений. Такое использование своих процессуальных прав входит в противоречие с их социальным назначением и, в свою очередь, влечет нарушение государственных интересов или интересов других лиц. Результатом подобного нарушения становится истечение сроков привлечения к административной ответственности. Однако отдельные судьи не стараются форсировать события и препятствовать такого рода нарушениям, а, наоборот, способствуют им [2, с. 33].

Следует отметить, что Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 24 марта 2005 г. № 5

«О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ» [5] отметил условия, не являющиеся препятствием для рассмотрения дел об административных правонарушениях. Среди них называются такие виды уклонения от получения извещений, как неявка в отделение почтовой связи и установление факта проживания извещаемого лица по иному, неизвестному адресу, в отличие от указанного.

Развернутое разъяснение права судьи осуществлять рассмотрение дел об административных правонарушениях в отсутствие лица, привлекаемого к административной ответственности, дается Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 52 от 27 декабря 2007 г. «О сроках рассмотрения судами РФ уголовных, гражданских и дел об административных правонарушениях» [6].

Руководствуясь нормами ч. 2 и 3 ст. 25.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, судья имеет право рассмотреть дело в отсутствие указанного лица, если:

1) у него имеются данные о надлежащем извещении лица о времени и месте рассмотрения дела;

2) по данному делу присутствие лица, в отношении которого ведется производство по делу, обязательным не является и обязательным признано не было;

3) лицом, в отношении которого ведется дело, не заявлялось ходатайство об отложении дела, либо такое ходатайство оставлено без удовлетворения [4].

Среди процессуальных ошибок, являющихся основанием для обжалования постановлений, вступивших в силу, и решений по результатам рассмотрения жалоб следует выделить слабую работу по созданию совокупности доказательств по делам об административных правонарушениях, которые приобретают решающее юридическое значение для принятия точного и верного вердикта [3, с. 105].

Игнорирование судами указанных правил ведет к дальнейшему нарастанию ошибок и создает определенные проблемы, в т.ч. и связанные с исполнением постановлений и решений по делам об административных правонарушениях.

Литература

1. Административно-процессуальное право: курс лекций / под ред. проф. И.Ш. Киясханова. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2004.
2. Брунер Р.А., Аносов А.А. Административный запрет на посещение спортивно-массовых мероприятий. // Современное право. 2017. № 6. С. 31-34.

3. Брунер Р.А., Кивич Ю.В. Критерии отнесения дел об административных правонарушениях к компетенции мировых судов // Современное право. 2016. № 1.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // Российская газета. 2001. 31 дек. № 256.
5. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ: постановление Пленума от 24 марта 2005 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 5.
6. О сроках рассмотрения судами РФ уголовных, гражданских и дел об административных правонарушениях: постановление Пленума ВС РФ № 52 от 27 декабря 2007 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

*Е.А. Клоков, канд. юрид. наук, доцент
Омская академия МВД России*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСЦЕНИВАНИЯ НЕОТВРАТИМОСТИ НАЛОГОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ОСЛАБЛЕНИЯ ЕЕ ПРЕВЕНТИВНОЙ ФУНКЦИИ

Как известно, институт налоговой ответственности выполняет не только карательную, но и превентивную функцию. Именно превентивные возможности налоговых санкций в немалой степени стимулируют большинство налогоплательщиков, налоговых агентов, плательщиков сборов и страховых взносов к соблюдению законодательства о налогах и сборах. От качества подхода к законодательному установлению налоговой ответственности, от правоприменительной практики, которой надлежит обеспечивать неотвратимость (неизбежность) ее наступления, во многом зависят налоговые поступления в бюджеты всех уровней.

С точки зрения интересов государства наиболее важным принципом налоговой ответственности является ее неотвратимость. Ведь наказание виновного свидетельствует о торжестве законности и справедливости в обществе, невозможность совершения деяний без негативных последствий для нарушителя повышает уровень налоговой дисциплины. И наоборот, каждое налоговое правонарушение, оставшееся безнаказанным, убеждает нарушителя в слабости закона и государства и, таким образом, прямо способствует совершению противоправных действий в дальнейшем.

На сегодняшний день принцип неотвратимости налоговой ответственности наиболее часто нарушается при реализации ст. 122 Налогового кодекса РФ, предусматривающей ответственность за неуплату (неполную уплату) налогов, сборов, страховых взносов. Причина такой си-

туации – складывающаяся правоприменительная практика, обусловленная появлением в 2013 г. Постановления № 57 Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. В пункте 19 Постановления без какой-либо аргументации указано, что «бездействие налогоплательщика, выразившееся исключительно в перечислении в бюджет указанной в налоговой декларации или налоговом уведомлении суммы налога, не образует состав правонарушения, установленного статьей 122 НК РФ. В этом случае с него подлежат взысканию пени» [4]. Такой подход означает, что налоговым органам фактически запрещено привлекать к налоговой ответственности за «единственно возможную» форму «других неправомерных действий (бездействия)», влекущих неуплату (неполную уплату) налогов [2, с. 36].

Согласно подпункту 1 п. 1 ст. 23 Налогового кодекса РФ ключевой обязанностью налогоплательщика является уплата законно установленных налогов. В зависимости от самого налога и способа его исчисления в одних случаях обязанность включает в себя самостоятельное определение налоговой базы, исчисление налога, заполнение и представление налоговой декларации, перечисление суммы налога, в других – только перечисление налога на основании полученного из налоговой инспекции налогового уведомления. Очевидно, что в обоих вариантах главное – это перечисление налога в наличной или безналичной формах, без которого обязанность не может

считаться исполненной (п. 4 ст. 45 НК РФ), без которого денежные средства не попадут в бюджет.

Исходя из этого, сам статус налогоплательщика и способ исчисления соответствующих налогов напрямую определяют возможность привлечения к налоговой ответственности за неуплату (неполную уплату) налогов. Все организации обязаны самостоятельно исчислять и декларировать свои налоги, следовательно, они имеют самую высокую вероятность совершить правонарушение. Физические лица могут быть привлечены к ответственности только за неуплату (неполную уплату) НДФЛ, неперечисление же имущественных налогов (по налоговому уведомлению) фактически ненаказуемо.

В подобных условиях практика исключения ответственности за неперечисление налогов в бюджетную систему – это не что иное, как «подливание масла в огонь». Так, в 2013 г. доля задолженности по имущественным налогам физических лиц составляла 11,97% от общей задолженности, 2014 г. – 14,37%, 2015 г. – 17,24%, 2016 г. – 17,01% [1]. Не исключено, что одной из причин устойчивой негативной тенденции роста задолженности по имущественным налогам физических лиц в последние годы является снижение превентивных возможностей норм НК РФ об ответственности за неуплату налога. Нетрудно спрогнозировать, что в ближайшие годы с учетом реформирования налога на имущество физических лиц «вклад» самой массовой категории налогоплательщиков в создание задолженности перед бюджетами будет увеличиваться.

Как уже было указано ранее, неперечисление налога в бюджет влечет начисление на сумму недоимки пени и ее последующее взыскание с налогоплательщика. Возможно, именно эти предусмотренные законом негативные последствия для лица за его неправомерное поведение могут служить оправданием весьма лояльной правоприменительной практики. Но может ли пеня полностью выполнить превентивную функцию штрафа, составить ему достойную конкуренцию?

Несмотря на то, что пеня и штраф для налогоплательщика в любом случае – дополнительные расходы, обусловленные несвоевременной уплатой

той налога, между ними существует значительное функциональное различие. К сожалению, приходится констатировать, что на практике функционал этой обеспечительной меры реализуется не всегда. Во-первых, стимул избежать дополнительных расходов из-за несвоевременной уплаты налогов в условиях кризисных явлений, недостатка денежных средств просто не срабатывает. При решении вопроса о приоритетности расходов, в т.ч. по обязательным платежам, их реальной обеспеченности средствами налогоплательщик всегда будет исходить из собственной экономической выгоды. Если для своевременной уплаты налогов потребуются привлечение заемных ресурсов, то они должны обойтись гораздо дешевле, чем сумма начисленных пеней за просрочку платежа. Есть опасения, что указанную ситуацию не изменит и увеличение с октября 2017 г. размера пеней, начисляемых за просрочку уплаты налогов организациями [3].

Во-вторых, и с компенсационной функцией пени, когда налогоплательщик должным образом не простимулирован, тоже может возникнуть проблема. Взыскать пеню с налогоплательщика удастся лишь в случае наличия у него денежных средств или имущества, в противном случае эта «условно карательная» мера опять же окажется бесполезной.

Таким образом, наличие в законодательстве о налогах и сборах правовых норм, не работающих в полной мере из-за судебного усмотрения, обесценивает угрозу неотвратимости (неизбежности) правовой ответственности. Полагаем, что единственный способ компенсации авторитета права в данной ситуации заключается в привлечении делинквента к правовой ответственности. Чтобы это стало возможным, достаточно доброй воли либо законодателя, либо высшей судебной инстанции. В первом случае потребуются внесение изменений в диспозицию ст. 122 НК РФ, устанавливающих ответственность за неперечисление налога (сбора, страховых взносов). Во втором случае необходим пересмотр позиции высшей судебной инстанции о тонкостях толкования «других неправомерных действий (бездействия)», влекущих неуплату (неполную уплату) налогов (сборов, страховых взносов).

Литература

1. Данные налоговой отчетности ФНС России за 2013-2016 годы (форма № 4-НМ).
2. Клоков Е.А. Неуплата (неполная уплата) налога: «вольности» трактовки деяния // *Налоги и налогообложение*. 2017. № 2. С. 32-44.
3. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2016 г. № 401-ФЗ // *Российская газета*. 2016. 5 дек.
4. О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 57. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В.В. Ковалёв, канд. техн. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России;

А.Ф. Вербилов, канд. техн. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России;

С.А. Ульрих, канд. техн. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно жертвами дорожно-транспортных происшествий становятся около 1,25 млн человек и от 20 до 50 млн получают в авариях тяжелые увечья. В современном мире дорожно-транспортные травмы являются основной причиной смерти молодых людей в возрасте 15-29 лет, а 90% случаев смерти на дорогах происходит в странах с низким и средним уровнем доходов, хотя на эти страны приходится примерно 54% всех транспортных средств в мире. Согласно прогнозам, при отсутствии последовательных контрмер к 2030 г. дорожно-транспортные происшествия станут седьмой по значимости причиной смертности среди населения.

14 марта 2016 г. в Ярославле под председательством Президента Российской Федерации В.В. Путина состоялось заседание президиума Государственного совета, посвящённое вопросам безопасности дорожного движения в Российской Федерации, где Президентом было сказано, что безопасность дорожного движения – задача комплексная. В её решении важна роль и органов власти всех уровней, и профильных ведомств, и хозяйствующих субъектов, и что необходима эффективная координация деятельности всех этих структур.

В своем выступлении В.В. Путин особо подчеркнул, что фактор массовой автомобилизации не может и не должен быть обоснованием неизбежности аварий и их трагических последствий – наоборот, мы должны добиться кардинального снижения числа погибших и пострадавших при дорожно-транспортных происшествиях. За прошедшее десятилетие в России в результате таких дорожно-транспортных происшествий получили ранения более трёх миллионов человек, погибло при этом более 350 тысяч человек, что сопоставимо с населением достаточно крупного города. Страшные, бессмысленные жертвы, которых можно было бы избежать. И абсолютное боль-

шинство таких трагедий произошло по вине водителей: именно агрессия и неуважение к другим участникам дорожного движения, как правило, приводят к тяжелейшим авариям. Считаю, сказал Президент, ключевой задачей воспитание культуры вождения, а это строгое исполнение Правил дорожного движения, следование нормам грамотного, дружелюбного поведения на дорогах, понимание ответственности и за свою жизнь, и за жизнь своих близких, за безопасность других участников движения.

Граждане нашей страны ежедневно становятся участниками дорожного движения, и поэтому все заинтересованы в нормальном и безопасном функционировании сферы дорожного движения и обеспечения его безопасности. Активная автомобилизация нашей страны, значительно ускорившаяся в последнее десятилетие XX в. и в начале XXI в., не сопровождалась адекватным изменением отношения общества к вопросам усовершенствования этой сферы. Меры по совершенствованию управления этой сферой отстают от темпов роста числа автотранспортных средств и их пользователей. Это стало одной из основных причин снижения дисциплины на дорогах, роста аварийности и гибели людей.

Наиболее распространенными видами дорожно-транспортных происшествий в России являются наезд на пешехода, столкновение, опрокидывание, наезд на препятствие, наезд на стоящее транспортное средство.

Необходимо обратить внимание на ряд важных, как масштабных, так и частных аспектов обеспечения безопасности дорожного движения.

Прежде всего, к ним надо отнести профессионализм сотрудников органов и структур, ответственных за организацию и обеспечение безопасности дорожного движения – Государственной инспекции безопасности дорожного движения, транспортной инспекции, дорожных ремонтно-строительных управлений. Особенное значение

имеют их отношение к вопросам обеспечения безопасности, уровень их квалификации, используемые средства и методы.

Проведенное исследование вопросов повышения профессионализма сотрудников ГИБДД (исследование проводилось в течение 2015-2016 гг. на базе Барнаульского юридического института МВД России при подготовке сотрудников по программам первоначальной подготовки) показало, что к основным недостаткам работы государственной автомобильной инспекции можно отнести:

- слабую направленность ее работников на выполнение функции социального обслуживания. Зачастую значительная часть сотрудников не в полной мере осознает, что их основная задача – организовывать дорожное движение, создавать удобные и благоприятные условия для передвижения на дорогах. Наблюдается нежелание и неспособность многих сотрудников действовать в условиях возникновения пробок на дорогах, а принимаемые ими меры порой только осложняют положение. Приоритет в деятельности – осуществление функций контроля, наказания участников дорожного движения, в результате чего формируется и культивируется негативный имидж сотрудника как «врага водителя и пешехода». Показательна и общая цифра по стране привлеченных к административной ответственности за нарушения в сфере дорожного движения – около 40 млн граждан в год;

- недостаточную реализацию пропагандистских функций в области безопасности дорожного движения;

- пассивность в организации безопасного дорожного движения;

- избирательный подход в принятии мер к нарушителям правил дорожного движения, игнорирование принципов объективности и беспристрастности при реализации правоприменительных функций. Например, водители и пешеходы нередко наблюдают случаи, когда водитель на «престижном» автомобиле на глазах у инспектора проезжает на красный сигнал светофора, пересекает разделительную линию, опасно резко маневрирует в потоке автомашин с одного края дороги на другой, но на сигналы инспектора не реагирует;

- нарушения законности, выражающиеся в применении мер, не предусмотренных законом или превышающих полномочия;

- общую низкую культуру общения, несправедливость и мелочную придирчивость во многих случаях, сопряженную с проявлениями коррупционного поведения.

Вред этих и других проявлений оказывает негативное воздействие не только на водителей и пешеходов, выражающееся в возникновении у них неуважения к закону, но и на самих сотрудников, призванных охранять закон.

Серьезные причины, сказывающиеся на аварийности, имеются и у работников технических и ремонтно-строительных служб. К ним можно, например, отнести:

- слабость понимания роли знаков дорожного движения и дорожной разметки в организации движения, предупреждающих заторы и не толкающих водителей на нарушения (наблюдается увлечение запретами, установлением зоны ограничений: зачастую запрещающие знаки ставятся там, где водителю удобно, например, остановиться, и т.д.);

- пренебрежение динамичным использованием различных знаков при проведении дорожно-ремонтных работ, возникновении повреждений покрытия и т.д. (знаки либо не ставятся своевременно, либо не переносятся, не убираются, за запрещающими знаками не следуют отменяющие и т.д.). Все это подталкивает водителей самостоятельно принимать решения по уменьшению или увеличению скорости, выбору места стоянки, а не руководствоваться всегда и везде дорожными знаками, подчиняясь беспрекословно их требованиям.

Очевидно, что серьезные причины недостатков в обеспечении безопасности дорожного движения присущи и главным его участникам – водителям и пешеходам.

В условиях интенсивной автомобилизации, увеличения количества транспорта, в т.ч. автомобилей иностранного производства, все более активизируется проблема конкурирующего поведения водителей, конфликтов между участниками дорожного движения, неверного толкования намерений и поведения водителей и пешеходов, искаженного восприятия конкретных дорожных ситуаций. Иногда отсутствует элементарная культура поведения на дорогах среди участников дорожного движения.

Следует отметить, что ситуация с аварийностью на дорогах сложна во всем мире. Однако в России есть положительные тенденции – удалось добиться постепенного, но непрерывного снижения числа автомобильных аварий, в т.ч. и с особо тяжкими последствиями. Это стало результатом комплексной работы, которая ведется государством в сфере безопасности дорожного движения.

Сегодня полным ходом идет реализация Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения на 2013-2020 годы». Первые два года реализации про-

граммы были начальным этапом – завершилось формирование научной, законодательной и технической базы. На современном этапе реализуется основной комплекс мероприятий, оказывающих влияние на безопасность дорожного движения.

В заключение необходимо отметить, что наряду с объективными причинами высокой ава-

рийности имеется целый ряд факторов, исключение которых может привести к значительному снижению дорожно-транспортных происшествий и, как следствие, дорожно-транспортного травматизма. Речь идет о культурном и вежливом общении и поведении всех участников дорожного движения.

Литература

1. Дорожно-транспортные травмы. Информационный бюллетень (май 2017 г.) // Сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs358/ru/>.
2. Заседание президиума Государственного совета, посвящённое вопросам безопасности дорожного движения в Российской Федерации (14 марта 2016 г., Ярославль). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51506>.
3. О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ (по сост. на 15.07.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О правилах дорожного движения [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 3 октября 2013 г. № 864г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Д.Т. Мендыбаева, магистр юрид. наук

Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Ширакбека Кабылбаева;

Ш.Ж. Тулкинбаева, магистр правоохранительной деятельности

Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Ширакбека Кабылбаева

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ СРОКОВ И ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

На основании статьи 33 Конституции Республики Казахстан граждане имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления [3]. С целью успешной реализации такого конституционного права физических и юридических лиц в 2007 г. был принят Закон Республики Казахстан «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» [5].

В жизни многих людей случалось, что на их жалобы и заявления в различные государственные и негосударственные органы они не получали ответов или получали их с нарушениями сроков рассмотрения обращений. В законодательстве Республики Казахстан нет четкого ответа на вопросы:

Как гражданам защитить свои законные права в исследуемой сфере общественных отношений?

Можно ли требовать наказания виновных лиц и устранения нарушений, допущенных в процессе разрешения обращений?

Как воздействовать на должностных лиц за халатное отношение к рассмотрению обращений граждан и коллектива?

В статье 17 Закона Республики Казахстан от 12 января 2007 г. № 221 «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» предусмотрено, что «нарушение законодательства Республики Казахстан о порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц влечет ответственность в соответствии с законами Республики Казахстан» [5]. Из содержания этой бланкетной нормы обоснован первый

вывод, что юридическая ответственность может быть предусмотрена только нормативно-правовым актом, по уровню являющимся законом или высшим по статусу, а именно кодифицированным законодательством.

Ответ на письменное заявление или жалобу должен предоставляться по выбору автора обращения в бумажной и (или) электронной формах на языке обращения. Ответ на устное обращение предоставляется в устной форме, но это обычно происходит в процессе личного приема физических лиц руководителями государственных органов или органов местного самоуправления. Хотя на основании ст. 827 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (КРКоАП) «жалобы могут быть устные и письменные. Устные жалобы заносятся в протокол, который подписывают заявитель и должностное лицо, принявшее жалобу. Устные жалобы, излагаемые лицами на приеме у соответствующих должностных лиц, разрешаются на общих основаниях с жалобами, представленными в письменном виде» [1].

За нарушение порядка и сроков рассмотрения обращений физических и юридических лиц предусмотрена административная ответственность по ст. 189 КРКоАП «Нарушение порядка и сроков рассмотрения обращений физических и юридических лиц». Но диспозиция ч. 1 статьи гласит: «Нарушение субъектом крупного предпринимательства порядка и сроков рассмотрения обращений физических и юридических лиц, установленных законодательством Республики Казахстан о порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» [1]. То есть субъектом административной ответственности по этой статье являются только юридическое лицо в виде субъекта крупного предпринимательства.

Административная ответственность иных юридических лиц, а именно субъектов среднего и малого предпринимательства, а также должностных лиц, уполномоченных рассматривать обращения по делам об административных правонарушениях и иные виды индивидуальных и коллективных обращений в государственные органы и органы местного самоуправления, не предусмотрена Кодексом Республики Казахстан об административной ответственности. По нашему мнению, такое положение является серьезным пробелом в национальном законодательстве.

Отсутствует исследуемая проблема в законодательстве России, где предусмотрена административная ответственность по ст. 5.9 «Нарушение порядка рассмотрения обращений граждан» с диспозицией: «Нарушение установленного зако-

нодательством Российской Федерации порядка рассмотрения обращений граждан, объединений граждан, в том числе юридических лиц, должностными лицами государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений и иных организаций, на которые возложено осуществление публично значимых функций...» [2].

Согласно Постановлению Конституционного Совета Республики Казахстан от 23 февраля 2007 г. № 3, «законодательство должно обеспечивать возможность физическим и юридическим лицам обращаться в государственные органы и органы местного самоуправления и получать информацию от них с соблюдением пункта 2 статьи 7 Конституции – в равной степени на казахском или русском языках, вне зависимости от языка, на котором ведется делопроизводство» [4].

Административная ответственность возможна, если физическое лицо требует от должностных лиц ответ (информацию) по своему обращению по ст. 78 КРКоАП «Отказ в предоставлении физическому лицу информации». Эта норма предусматривает три квалифицирующих признака правонарушения в виде:

- неправомерного отказа в представлении собранных в установленном порядке документов, материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы физического лица;
- предоставление физическому лицу неполной информации;
- предоставление физическому лицу заведомо ложной информации.

Порядок привлечения к административной ответственности по ст. 78 КРКоАП осуществляется путем возбуждения производства по делу об административном правонарушении прокурором на основании ст. 805 КРКоАП. На основании ст. 807 КРКоАП составлять протокол об административном правонарушении не обязательно. Решение о наложении административного взыскания налагает судья, рассмотрев постановление прокурора.

По содержанию объективной стороны правонарушения неправомерные действия должностного лица следует признавать только в виде действия в непредставлении информации по обращению по требованию или просьбе физического лица представить такую информацию. То есть если должностное лицо не даст ответ физическому лицу по его обращению без дополнительной просьбы, то такие действия нельзя квалифицировать по ст. 78 КРКоАП. В таком случае заявитель может обратиться к руководству должностного лица и, возможно, его смогут привлечь только к дисциплинарной ответственности

На основании подп. 4 п. 2 ст. 15 Закона Республики Казахстан «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» субъекты и должностные лица, рассматривающие обращения, обязаны сообщать физическим и юридическим лицам о принятых решениях в письменной форме либо в форме электронного документа [5]. В этой связи вполне обоснованно считать, что юридическая ответственность за нарушение порядка и сроков рассмотрения

обращений физических и юридических лиц должна быть предусмотрена кодифицированным законодательством. За правонарушения, совершенные впервые, считаем, что надо привлекать к административной ответственности. За повторные правонарушения, или если такие действия причинили какой-либо вред (моральный или материальный) заявителю, следует привлекать к ответственности как за уголовный проступок.

Литература

1. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235 (с изм. и доп. по сост. на 11.07.2017). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г. (с изм. и доп. по сост. на 10.03.2017). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029.
4. Об истолковании постановления Конституционного Совета Республики Казахстан от 8 мая 1997 г. № 10/2 «Об обращении Президента Республики Казахстан о соответствии Конституции РК представленного на подпись Президенту Республики Казахстан Закона Республики Казахстан “О языках в РК”, принятого Парламентом РК 12 марта 1997 г.»: дополнительное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 23 февраля 2007 г. № 3. URL: http://online.zakon.kz/Document/%5C?doc_id=30091074#pos=1;-142.
5. О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц: закон Республики Казахстан от 12 января 2007 г. № 221. URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=30086115.

*Ю.А. Прибытко, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России;*

*Е.А. Федяев
Барнаульский юридический институт МВД России*

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ, АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОТОРЫЕ ПРЕДУСМОТРЕНА СТАТЬЯМИ 17.7 И 19.3 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ НАПРАВЛЕНИЯ НА МЕДИЦИНСКОЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ)

Согласно Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. «О полиции» [1] требования сотрудника обязательны для выполнения гражданами и должностными лицами. Воспрепятствование же реализации служебных обязанностей, оскорбление, оказание ему сопротивления, насилие или угроза применения такового по отношению к сотруднику полиции в связи с выполнением им служебных обязанностей либо невыполнение его

законных требований влечет ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации. Статья 30 указанного закона закрепляет, что сотрудник полиции находится под защитой государства, одним из традиционных способов реализации которой считается институт административной ответственности. Как известно, основным нормативным правовым актом, ее предусматривающим, является Кодекс

Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Следовательно, гражданин, не выполняющий законное требование сотрудника полиции, в зависимости от ситуации совершает административное правонарушение, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ «Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, военнослужащего, сотрудника органов федеральной службы безопасности, сотрудника органов государственной охраны, сотрудника органов, осуществляющих федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы, либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации». Вместе с тем в КоАП РФ существует еще две нормы, предусматривающие ответственность за невыполнение законных требований сотрудника полиции. К таким составам можно отнести ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство», которая закрепляет, что фабула мелкого хулиганства может быть отягощена действиями, сочетающимися с неповиновением законному требованию представителя власти либо иного лица, исполняющего обязанности по охране общественного порядка или пресекающего нарушение общественного порядка. Вторым является предписание, предусмотренное ст. 17.7 КоАП РФ и закрепляющее ответственность за невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении.

Справедливо будет заметить, что КоАП РФ предусматривает и ряд иных составов, конструкция которых устанавливает ответственность за невыполнение каких-либо требований (ст. 12.25, 12.26, 19.4, 19.5), однако мы в своем исследовании рассмотрим примеры только по ч. 1 ст. 19.3 и ст. 17.7 КоАП РФ.

Анализ судебных решений позволяет констатировать, что у судей в каждом субъекте Российской Федерации складывается различная практика по привлечению лиц к административной ответственности в рамках исследуемого вопроса. Одним из проблемных моментов квалификации и конкуренции указанных составов является возбуждение дел об административных правонарушениях по факту отказа от прохождения медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения лица, не управляющего транспортным средством.

Приведем соответствующие примеры из судебной практики Алтайского края и

Новосибирской области. Так, в Алтайском крае гражданин О. был доставлен в помещение органа внутренних дел за появление в общественном месте в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, и направлен на медицинское освидетельствование, однако от его прохождения отказался. Суд постановил признать гражданина О. виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.7 КоАП РФ [6]. В другом случае гражданин С., находясь на улице в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, ответил категорическим отказом от прохождения медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения. Суд постановил признать гражданина С. виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ [5].

Аналогичная практика складывается и в Новосибирской области. Так, гражданин Г., находясь на перроне железнодорожного вокзала с признаками алкогольного опьянения (запах алкоголя изо рта, невнятная речь, неопрятный вид), отказался пройти медицинское освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, тем самым умышленно не выполнил законное требование должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении. Суд пришел к выводу о наличии в действиях гражданина Г. состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.7 КоАП РФ [3]. Однако в отношении гражданина Н., который, находясь на улице, оказал неповиновение законному требованию прапорщика полиции, исполняющего обязанности по охране общественного порядка и обеспечению безопасности, выразившееся в отказе от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, необходимого для подтверждения либо опровержения факта совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.21 КоАП РФ, суд постановил признать виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ [4].

Помимо приведенных примеров, анализ судебной практики по указанным составам правонарушений показал, что аналогичная «альтернативная» практика складывается и в таких субъектах Российской Федерации, как республики Алтай и Башкортостан, в Кемеровской, Тверской, Астраханской, Магаданской, Кировской областях и некоторых других. Кроме того, по указанному вопросу нет единого мнения и среди ученых-административистов.

Однако необходимо напомнить, что направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения предусмотрено ч. 3 ст. 27.12.1 КоАП РФ. Исходя из содержания указанной нормы, направление оформляется протоколом. Таким образом, применяется мера обеспечения производства, т.е. дело об административном правонарушении считается возбужденным (ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ). В связи с этим полагаем, что нежелание лица освидетельствоваться формально влечет образование состава административ-

ного правонарушения, предусмотренного ст. 17.7 КоАП РФ. Изложенная позиция разделяется и другими исследователями [7, с. 234, 293]. По мнению Н.Н. Цуканова, «отказ лица от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения препятствует нормальному осуществлению производства по делам об административных правонарушениях» [8, с. 83]. Примечательно, что в практической деятельности рассмотренные ситуации преимущественно квалифицируют по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

Литература

1. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Охохонин Е.М. Медицинское освидетельствование несовершеннолетних на состояние опьянения как мера административно-правового принуждения // Конституция и жизнь современного общества: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2015. С. 227-238.
3. Решение по делу 5-18/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-barabinskij-rajonnyj-sud-novosibirskaya-oblast-s/act-520409586/> (дата обращения: 28.11.2017).
4. Решение по делу 5-180/2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-mirovogo-sudi-2-novosibirskoj-oblasti-kujbyshevskogo-rajona-s/act-238394343/> (дата обращения: 28.11.2017).
5. Решение по делу 5-23/2016 URL: <https://rospravosudie.com/court-kytmanovskij-rajonnyj-sud-altajskij-kraj-s/act-537114212/> (дата обращения: 28.11.2017).
6. Решение по делу 5-898/2017 URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-1-g-zarinska-altajskogo-kрая-s/act-239356618/> (дата обращения: 28.11.2017).
7. Степанова Н.А. Медицинское освидетельствование на состояние опьянения как мера принуждения и проблема для сотрудника полиции // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. мат-лов XXI междунар. научно-практ. конф-ции (26-27 мая 2016 г.). Иркутск: ВСИ МВД России, 2016. С. 290-294.
8. Цуканов Н.Н. Статья 44 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и статья 27.12.1 КоАП РФ: к вопросу о соотношении оснований направления на медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: мат-лы XX междунар. научно-практ. конф-ции (20-21 апреля 2017 г.): в 2 ч. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017.

Т.А. Прудникова, доктор юрид. наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЫДВОРЕНИЯ И ДЕПОРТАЦИИ КАК МЕРА ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ И ЛИЦАМИ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Широкомасштабный приток различных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства оказывает все более возрастающее воздействие на внутрисполитическую ситуацию в

России, существенно сказывается на социальной сфере, ухудшает криминогенную обстановку.

Каждое государство устанавливает для иностранных граждан и лиц без гражданства режим

пребывания и проживания в стране, исходя из своей социально-политической природы и определяемой ею внутренней и внешней политики [12, с. 104].

Иностранный гражданин считается законно находящимся на территории Российской Федерации, если он имеет действительный вид на жительство, либо разрешение на временное проживание, либо визу и (или) миграционную карту, либо иные, предусмотренные международным договором Российской Федерации документы, подтверждающие право иностранного гражданина на пребывание (проживание) в Российской Федерации [1, с. 37].

Реализация института административной ответственности возможна только при наличии соответствующих оснований. Основанием применения мер административной ответственности является административное правонарушение, совершаемое иностранным гражданином или лицом без гражданства.

К числу основных форм незаконного въезда и пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации можно отнести следующие: несоответствие официально заявленных целей визита реальным; пребывание без постановки на учет в территориальном органе МВД России; проникновение на территорию Российской Федерации и пребывание без документов, по недействительным или поддельным документам; пребывание в результате незаконного пересечения государственной границы и др.

Созданная в Российской Федерации система иммиграционного контроля достаточно результативна, хотя для ее полноценного функционирования необходимо решить несколько задач.

Во-первых, это обеспечение масштабного контроля за исполнением законодательства по регулированию миграционных процессов. Во-вторых, эффективность иммиграционного контроля во многом зависит от уровня взаимодействия уполномоченных субъектов в сфере миграционного законодательства, возбуждающих и рассматривающих уголовные дела, связанные с незаконной миграцией, а также дела об административном выдворении.

Цель единой системы иммиграционного контроля – достижение в масштабе государства условий, обеспечивающих регулирование миграции, выполнение комплекса мероприятий по предупреждению незаконной миграции на территории Российской Федерации. Данная задача достигается путем определения целей въезда иностранных граждан, прибывающих или намеревающихся прибыть в Россию, в т.ч. и в поисках убежища.

Деятельность органов иммиграционного контроля заключается в выявлении и пресечении административных правонарушений в сфере миграции, подготовке материалов о депортации иностранных граждан и лиц без гражданства.

Административные правонарушения в сфере нарушения миграционного законодательства представляют собой противоправные виновные деяния (действия или бездействие) специальных субъектов (иностранных граждан, лиц без гражданства, а также граждан Российской Федерации, физических и юридических лиц, выступающих в качестве принимающей стороны), нарушающие предписания административно-правовых норм, регламентирующих миграционные отношения, складывающиеся по поводу режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации.

Несмотря на схожесть процедуры реализации административного выдворения за пределы Российской Федерации и депортации как мер государственного воздействия, данные процедуры отличаются по своей целевой направленности и по основаниям применения.

Административное выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации применяется в связи с совершением указанными лицами административных правонарушений на территории Российской Федерации. Депортация представляет собой принудительную высылку иностранного гражданина из Российской Федерации в случае утраты или прекращения законных оснований для его дальнейшего пребывания (проживания) в Российской Федерации.

В силу Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в РФ» № 115-ФЗ от 25.07.2002 [7], принудительное выдворение иностранного гражданина или лица без гражданства за пределы страны, т.е. депортация из России, допускается исключительно по решению суда при наличии следующих оснований:

- окончание срока пребывания иностранного гражданина в Российской Федерации;
- установление незаконности въезда и пребывания на территории Российской Федерации;
- прекращение действия или аннулирование разрешения на пребывание в Российской Федерации (в этом случае у иностранного гражданина есть 15 дней, чтобы самостоятельно покинуть страну).

Разница этих двух административных процедур заключается и в разных сроках обжалования: решение о депортации иностранный гражданин может обжаловать через суд в период трех меся-

цев с того момента, когда ему стало о нем известно, в то время как обжаловать постановление об административном выдворении из России можно только в период десяти суток.

Следует отметить, что в последнее время формируется положительная практика по оспариванию постановлений судов первой инстанции об административном выдворении [2, с. 33].

Причины отмены судом решения о выдворении или депортации также различны [3, с. 105]. Суд может снять административное выдворение на въезд в Российскую Федерацию по таким причинам:

- истек срок привлечения иностранного гражданина к административной ответственности;
- вина иностранного гражданина не была доказана;

- выявлены нарушения со стороны органов государственной власти и должностных лиц, которые занимались данным правонарушением иностранного гражданина.

Депортация может быть отменена:

- если нарушен процесс принятия решения или нет оснований того, что иностранный гражданин не может находиться на территории России;
- влечет за собой нарушение личных прав человека.

По материалам подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России, за 2016 г. выдворено в административном порядке за пределы Российской Федерации 55,2 тыс. иностранных граждан, из них треть – 16,9 тыс. человек – в форме принудительного перемещения через государственную границу Российской Федерации [8].

Литература

1. Акимов С.А. Особенности конституционного закрепления принципов регулирования отношений, связанных с гражданством // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 6 (юбилейный выпуск).
2. Брунер Р.А. Правовое регулирование применения наказания в виде административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения // Современное право. 2017. № 1.
3. Брунер Р.А., Кивич Ю.В. Критерии отнесения дел об административных правонарушениях к юрисдикции мировых судей // Современное право. 2016. № 1.
4. Концепция государственной миграционной политики России до 2025 г. URL: www.government.ru/.
5. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 203-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О правовом положении иностранных граждан в РФ [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Официальный сайт Главного управления по вопросам миграции МВД России. URL: <https://гувм.мвд.рф/>.
9. Прудников А.С. Методы административно-правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с миграционными процессами // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2.
10. Прудников А.С. Особенности административно-правового регулирования трудовой миграции в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2017. № 1.
11. Прудникова Т.А., Акимов С.А. Миграционные процессы в современной России // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2.
12. Прудникова Т.А. и др. Административное право России: учебник / под ред. В.Я. Кикотя. М.: Юнити-Дана, 2017.
13. Прудникова Т.А. Теоретико-методологические и правовые основы регулирования миграционных процессов (на примере России и государств – членов Европейского Союза): монография. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2015.

*А.В. Равнюшкин, канд. юрид. наук
Барнаульский юридический институт МВД России*

О ПОЛНОМОЧИЯХ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И ПРЕСЕЧЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Обеспечение безопасности дорожного движения является одним из направлений государственной политики Российской Федерации. Несмотря на общее снижение в 2016 г. основных показателей аварийности, сокращение числа погибших в дорожно-транспортных происшествиях, общее количество раненых и погибших остается на высоком уровне. В особенности много случаев получения ранений и гибели пешеходов в темное время суток (41,7% и 68,3% соответственно) [8].

Общеизвестно, что сотрудники дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции являются фактически основными субъектами, осуществляющими деятельность по профилактике и пресечению правонарушений в области дорожного движения [6]. Однако нормы Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») не определяют виды должностных лиц полиции, осуществляющих полномочия в данной сфере, а возлагают их в целом на полицию. Закрепление указанным законом функции по обеспечению безопасности дорожного движения в качестве общеполицейской позволяет расширить полномочия отдельных подразделений полиции в рассматриваемой сфере.

Рассматривая принятые в последние время нормативные правовые акты МВД России, можно наблюдать тенденцию, направленную на расширение полномочий участковых уполномоченных полиции (далее – УУП) в области обеспечения безопасности дорожного движения. Так, согласно п. 3 Положения о федеральном государственном надзоре в области безопасности дорожного движения (далее – Положение), к числу должностных лиц МВД России и его территориальных органов, уполномоченных осуществлять вышеназванный надзор, относятся и УУП [7].

Пунктом 4 Положения закрепляется право должностных лиц МВД России и его территориальных органов, включая УУП, на проведение плановых и внеплановых документарных и выездных проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей без каких-либо оговорок. Полномочия должностных лиц МВД России,

в т.ч. УУП, при проведении проверок охватывают такие предметы, как соблюдение юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями правил дорожного движения, обязательных требований к строительству и реконструкции автомобильных дорог, их ремонту и эксплуатационному состоянию, техническому состоянию и конструкции эксплуатируемых транспортных средств. Пунктом 8 Положения закрепляется целый перечень административных процедур, посредством выполнения которых осуществляется данный надзор.

Однако МВД России скорректировало объем полномочий по осуществлению УУП рассматриваемого федерального государственного надзора посредством проведенного в рамках полномочий нормативного правового регулирования. Несмотря на то, что в ч. 1 ст. 23.3 и п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ определяются полномочия должностных лиц органов внутренних дел (полиции), включая УУП, по составлению протоколов об административных правонарушениях по соответствующему перечню статей, их объем полномочий ограничен некоторыми условиями.

Прежде всего, необходимо назвать имеющееся условие, обозначенное в п. 1 Перечня должностных лиц системы МВД России, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, согласно которому протоколы об административных правонарушениях составляются с учетом полномочий [5].

Основным нормативным правовым актом МВД России, определяющим полномочия УУП, является Наставление по организации деятельности УУП (далее – Наставление), согласно п. 5.5 которого УУП при несении службы на административном участке принимает участие в обеспечении безопасности дорожного движения. Кроме того, УУП в сельском поселении, согласно п. 8.2 Наставления, при получении информации о дорожно-транспортном происшествии обязан осуществить определенные действия [1].

Кроме того, имеются и другие нормативные правовые акты МВД России, определяющие пол-

номочия УУП в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Так, пункт 32 приказа МВД России от 14 ноября 2016 г. № 727, направленного на регулирование исполнения государственной функции в части соблюдения требований по техническому обслуживанию и ремонту транспортных средств, изменению их конструкции, определяет, что УУП участвуют в данном виде надзора только на территории сельских поселений и в отдаленной, труднодоступной местности. В данном случае играет роль фактор приближенности к населению участкового, хотя и не обладающего глубокими познаниями в области дорожного движения, но выполняющего многие задачи при несении службы. При этом УУП уполномочены выявлять и пресекать административные правонарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 12.5, ст. 12.21 и 12.23 КоАП РФ [4].

Другой, недавно принятый МВД России Административный регламент [3] в п. 29 определяет, что УУП осуществляет обозначенный вид надзора с учетом требований Наставления по организации деятельности УУП [1]. Исходя из сказанного, следует, что привычное понимание деятельности УУП по обеспечению безопасности дорожного движения, сводящееся только к рамкам работы с нарушающими правила дорожного движения пешеходами, не отвечает действительности. С учетом указанных изъятий и основных обязанностей УУП имеет определенный статус должностного лица, наделенного определенными полномочиями в сфере обеспечения безопасности дорожного движения в зависимости от особенно-

стей территории обслуживания. В сельской местности, в отдаленных местах, УУП имеют право проводить необходимые мероприятия в связи с дорожно-транспортными происшествиями. В научной литературе соответствующий подробный анализ деятельности УУП по обеспечению безопасности дорожного движения ранее освещался [2].

Функция полиции, направленная на обеспечение безопасности дорожного движения, не является для УУП основной при несении службы. Он лишь участвует в осуществлении данного надзора. Однако в пределах административного участка он полномочен практически выполнять все указанные в Административном регламенте [3] административные процедуры, тем самым в условиях непосредственного наблюдения фактов нарушения правил дорожного движения решительно пресекать административные правонарушения.

В заключение необходимо отметить, что государственная пропаганда в части разъяснения полномочий УУП в области дорожного движения практически не реализуется, участники дорожного движения, в особенности лица, управляющие транспортными средствами, в большинстве случаев не обладают знаниями нормативных правовых актов, устанавливающих права УУП осуществлять в пределах полномочий действия по пресечению правонарушений в области дорожного движения, требовать соответствующие документы и осуществлять производство по делам об административных правонарушениях.

Литература

1. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гришаков, А.Г., Федяев Е.А. Обеспечение безопасности дорожного движения на территории административного участка как одно из направлений деятельности участкового уполномоченного полиции // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 2 (35). С. 116-122.
3. Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 23 августа 2017 г. № 664. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения в части соблюдения осуществляющими деятельность по эксплуатации транспортных средств, выполняющими работы и предоставляющими услуги по техническому обслуживанию и ремонту транспортных средств юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями и гражданами – участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации, правил, стандартов, технических норм и иных нормативных документов в области обеспечения безопасности дорожного движения к конструкции и техническому состоянию находящихся в эксплуатации автотранспортных средств и предметов

их дополнительного оборудования, изменению их конструкции, перевозкам пассажиров и грузов [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 14 ноября 2016 г. № 727. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 30 августа 2017 г. № 685. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1998 г. № 711. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О федеральном государственном надзоре в области безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2013 г. № 716. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Тенденция к снижению основных показателей аварийности на дорогах в России сохраняется: URL: <http://www.gibdd.ru/news/federal/3033060/> (дата обращения: 08.11.2017).

С.П. Стащенко, канд. юрид. наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя;

В.И. Ковшевацкий, канд. юрид. наук

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 20.13 КОАП РФ «СТРЕЛЬБА ИЗ ОРУЖИЯ В ОТВЕДЕННЫХ ДЛЯ ЭТОГО МЕСТАХ С НАРУШЕНИЕМ УСТАНОВЛЕННЫХ ПРАВИЛ ИЛИ В НЕ ОТВЕДЕННЫХ ДЛЯ ЭТОГО МЕСТАХ»

Анализ административных дел рассматриваемой нами категории свидетельствует о том, что полиция и суды в основном правильно применяют правовые нормы текущего законодательства, однако нередко случаются ошибки [1, с. 315].

Согласно статье 20.13 КОАП РФ «Стрельба из оружия в отведенных для этого местах с нарушением установленных правил» влечет наложение административного штрафа в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей с конфискацией оружия и патронов к нему или без таковой [4].

Стрельба из оружия в населенных пунктах или в других, не отведенных для этого местах, влечет наложение административного штрафа в размере от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей с конфискацией оружия и патронов к нему либо лишение права на приобретение и хранение или хранение и ношение оружия на срок от полутора до трех лет с конфискацией оружия и патронов к нему.

Действие, предусмотренное ч. 2 настоящей статьи, совершенное группой лиц либо лицом,

находящимся в состоянии опьянения, влечет наложение административного штрафа в размере от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей с конфискацией оружия и патронов к нему либо лишение права на приобретение и хранение или хранение и ношение оружия на срок три года с конфискацией оружия и патронов к нему.

Данные меры ответственности были введены сравнительно недавно, именно по этой причине, возможно, практическое применение этой статьи имеет несколько интересных нюансов [2, с. 33]. Часто сотрудники полиции совершают некоторые процессуальные ошибки, пытаясь привлечь человека по ст. 20.13 КоАП РФ. Первая из них – недобросовестное применение данной статьи. Рассмотрим пример. Гражданин М. стрелял из ружья в населенном пункте. Должностное лицо полиции составило на него протокол об административном правонарушении, предусмотренном ст. 20.13 КоАП РФ, не указав ее часть. Судья вернул в подразделение полиции административный

протокол и другие материалы в отношении М., указав на ошибки, и предложил устранить их: указать часть ст. 20.13 КоАП РФ, т.е. квалифицировать действия М. Должностные лица полиции, не устранив недостатки, вторично направили материал в суд в том же виде. Судья, руководствуясь п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ, вторично возвратил его в подразделение полиции, указав: «...в протоколе не указана часть ст. 20.13 КоАП РФ, по которой М. предъявляется обвинение. Кроме того, срок давности привлечения М. к административной ответственности истек. Совокупность вышеуказанных обстоятельств делает невозможным рассмотрение дела» [6]. Этот случай ярко иллюстрирует, что из-за недобросовестного отношения сотрудника полиции к своим обязанностям нарушитель не понес никакого наказания, хотя достаточно просто можно было бы квалифицировать действия гражданина М. по ч. 2 и своевременно направить дело в суд.

Еще одна ошибка, которую часто допускают сотрудники полиции при применении данной статьи – отсутствие учета крайней необходимости. А ведь согласно Федеральному закону «Об оружии» граждане Российской Федерации могут применять имеющееся у них на законных основаниях оружие для защиты жизни, здоровья и собственности в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости [5]. Стреляя (применяя оружие) в состоянии крайней необходимости, гражданин в соответствии со ст. 39 «Крайняя необходимость» УК РФ освобождается от уголовной ответственности. Если речь идет об административном правонарушении, то следует руководствоваться ст. 2.7 «Крайняя необходимость» КоАП РФ, которая освобождает от административной ответственности, но, так же, как и при уголовной ответственности, при условии, если опасность не могла быть устранена иными средствами и если причиненный вред в результате произведенных выстрелов является менее значительным, чем предотвращенный вред [4]. Пример из практики. Мировому судье из подразделения полиции поступил материал в отношении С. за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 20.13 КоАП РФ. В судебном заседании С. пояснил, что «он, управляя автомобилем, остановился на красный сигнал светофора и в это время почувствовал удар в заднюю часть своего автомобиля. Выйдя из автомобиля и обойдя его сзади, увидел, что автомобиль “газель” совершил столкновение с его автомобилем. Между ним и водителем “газели” произошел скандал, во время которого водитель “газели” взял в руки молоток и нанес удар им по его голове. Он увернул-

ся от удара, но молоток задел его лицо в области лба. Второй раз водитель “газели” нанес удар молотком по ребрам. Испугавшись за свою жизнь, он достал пистолет и произвел выстрел в воздух. Водитель “газели” бросил молоток и убежал за машину». Свои слова С. подтвердил справкой, выданной медицинским учреждением, в которой указан диагноз: «Закрытый перелом хрящевой части 6-го ребра справа, ушиб мягких тканей лица». Судья, изучив материалы, пришел к выводу, что «применение травматического оружия С. было произведено в состоянии крайней необходимости, для устранения насильственных действий со стороны водителя “газели” с применением молотка, так как последний уже нанес два удара. Причиненный вред в виде выстрела в воздух является менее значительным, чем причиненный вред здоровью С., то есть в действиях С. отсутствует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 20.13 КоАП РФ». В подтверждение своего вывода судья привел содержание ст. 2.7 КоАП РФ. На основании изложенного и руководствуясь ст. 29.9-29.11 КоАП РФ, судья постановил: «Прекратить производство по административному делу в отношении С. за отсутствием состава административного правонарушения. Вещественное доказательство – пистолет вернуть С.» [7].

Также стоит отметить один казусный момент. Очень часто сотрудники полиции и суды сталкиваются с тем, что приходится рассматривать дела, в которых человек применял пневматический пистолет [3, с. 105]. Является ли он оружием? Часто в руководствах к этому оружию написано: «Изделие относится к конструктивно сходным с пневматическим оружием изделиям и не является оружием». Но так ли это на самом деле? Многие граждане верят данной надписи, покупают такие «изделия», и с полной уверенностью, что не совершают ничего плохого, стреляют во дворе по тарелкам и т.п. Но нужно отметить, что и пневматический пистолет чаще всего попадает под оружие, за которое можно применить ст. 20.13 КоАП РФ. Объясняется это тем, что при проведении баллистической экспертизы пистолет может попасть под категорию «спортивного баллистического оружия», следовательно, возможно привлечение по ст. 20.13 КоАП РФ.

Говоря о пневматическом оружии, нельзя не упомянуть бесствольный пистолет «Оса». Это многофункциональный комплекс гражданского оружия, предназначенный для активной самообороны, подачи сигналов и освещения местности. В нашей стране данное оружие, как правило, используют сотрудники полиции и работники ох-

ранных структур и др. Попадает ли данный вид оружия под ст. 20.13 КоАП РФ? Можно ли использовать данное оружие в сельской местности и др.? К сожалению, очень часто даже сами сотрудники полиции не могут ответить на эти вопросы. Но нужно учитывать, что при выстреле из такого пистолета с расстояния 1-2 метра можно причинить существенный вред человеку. В истории судопроизводства имеется несколько дел, когда при использовании травматического пистолета люди уходили из жизни. Следовательно, практически любая баллистическая экспертиза докажет, что данный вид оружия также относится к спортивному оружию. И если пистолет «Оса» был применен без необходимых на то оснований, то

нарушитель может понести наказание по ст. 20.13 КоАП РФ.

Подводя итог, можно отметить, что в настоящее время практика применения должностными лицами полиции и суда правовых норм, предусмотренных ст. 20.13 КоАП РФ, только формируется, и поэтому неизбежно совершение некоторых ошибок. Для их устранения необходимо соответствующим органам своевременно дать правильный комментарий указанной статье КоАП РФ, нужно дать определение некоторым терминам, понятиям. Также можно констатировать, что большинство граждан нашей страны, которые имеют оружие, не умеют им правильно пользоваться и, более того, у них отсутствует культура обращения с оружием.

Литература

1. Бочаров С.Н., Брунер Р.А., Зырянов С.М., Кивич Ю.В. и др. Административное право Российской Федерации: курс лекций / под ред. канд. юрид. наук, проф. С.Н. Бочарова. М., 2015. Ч. 2. 300 с.
2. Брунер Р.А., Аносов А.А. Административный запрет на посещение спортивно-массовых мероприятий // Современное право. 2017. № 6. С. 31-34.
3. Брунер Р.А., Кивич Ю.В. Критерии отнесения дел об административных правонарушениях к компетенции мировых судов // Современное право. 2016. № 1.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // Российская газета. 2001. 31 дек. № 256.
5. Об оружии: федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2017) // Российская газета. 1996. 18 дек. № 241.
6. Судебный участок № 219 Реутовского судебного района Московской области. Д. № 5-15/2014 от 10.01.2014 // Сайт РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 29.11.2017).
7. Судебный участок № 19 Красноглинского судебного района г. Самары. Дело от 06.12.2013 // Сайт РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 29.11.2017).

В.В. Тырышкин, канд. юрид. наук
Барнаульский юридический институт МВД России

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Внутренние дела государства, в т.ч. включающие обеспечение общественной безопасности, представляют предметную область функционирования не только органов внутренних дел. Здесь тесно взаимодействуют между собой интересы иных властных структур: высших органов государственной власти и должностных лиц государства, региональных органов власти и органов местного самоуправления. Поэтому функции

управления в этой области призваны осуществлять не только органы отраслевого управления, представленные различными службами и подразделениями МВД России, но и органы власти общей компетенции.

В условиях существующих угроз стабильности общественной жизни, создаваемых глобальным экономическим кризисом, относительно низкого уровня правовой культуры населения и

других негативных социальных явлений, вопросы защиты прав и свобод граждан, обеспечения верховенства права выдвигаются в число приоритетных правительственных задач.

Вопрос взаимодействия органов внутренних дел и региональных органов государственной власти относится к числу системообразующих, т.к. в конечном счете является предпосылкой успешного выполнения стоящих перед ними правоохранительных задач, поскольку согласно ст. 10 Федерального закона «О полиции» взаимодействие с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и гражданами – один из основополагающих принципов полицейской деятельности. Его реализация способствует совершенствованию законодательства, укреплению правопорядка и общественной безопасности, соблюдению законности в деятельности органов внутренних дел, делает его публичным, доступным для государственного, общественного и гражданского контроля.

Взаимодействие осуществляется на всех уровнях управления в сфере внутренних дел. Однако именно на региональном уровне, в лице органов государственной власти субъектов РФ общей компетенции и отраслевых органов, соответствующих министерств и главных управлений (управлений) внутренних дел, начинает появляться «в чистом виде» территориальное и отраслевое управление [2, с. 73]. Названный уровень является стартовым, свидетельствующим о взаимодействии на низших уровнях системы управления в сфере внутренних дел. Однако этот уровень характеризуется наличием многих проблем в решении правоохранительных задач. Нужно верить в то, что их решение станет своеобразным ориентиром для решения аналогичных проблем на других уровнях управления в этой сфере.

Казалось бы, такая важная область правоприменения должна иметь достаточно детализированное правовое регулирование. В действительности все обстоит иначе. На сегодняшний день принят только один нормативный акт, регулирующий взаимодействие на региональном уровне территориальных структур правоохранительных органов, включая органы внутренних дел с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации [4]. Другие федеральные, региональные и отраслевые акты, тем или иным образом регулирующие эти отношения, либо изданы достаточно давно, поэтому не соответствуют современным реалиям, либо не содержат положений, достаточно детализирующих организа-

цию взаимодействия властных структур общей и специальной компетенции в области правоприменения, потому что не выполняют своего назначения. Следовательно, на федеральном уровне требуется предметное регулирование ключевых вопросов взаимодействия этих органов.

Все это снижает степень ответственности региональных органов власти за поддержание общественного порядка и общественной безопасности на соответствующей территории и на практике приводит к дистанцированию друг от друга органов управления внутренних дел на региональном уровне (МВД, ГУ МВД, УМВД по субъектам РФ) и органов государственной власти субъектов РФ (региональное правительство, администрация и др.). Кроме того, последние в лице своих руководителей практически не несут никакой ответственности за состояние законности и правопорядка в республиках, краях, областях и автономных округах.

Этот «пробел» в правовой основе взаимоотношений управленческих структур общей и специальной компетенции, нарушающий баланс совместных усилий органов государственной власти в области правоохранительной деятельности, не может не отражаться на выполнении этих мероприятий, негативно сказывается на качестве решений общих задач правоохранительных органов. Не случайно подавляющее большинство (87% опрошенных в 2016 г.) в ходе социологического опроса лиц руководящего состава МВД, ГУ МВД, УМВД по субъектам РФ и сотрудников региональных органов исполнительной власти обратили внимание на то, что механизм взаимодействия территориальных органов внутренних дел регионального уровня и региональных органов власти остро нуждается в улучшении [3].

Практика показывает, что все спорные вопросы могут быть решены на региональном уровне, с учетом особенностей конкретного субъекта РФ [2, с. 73]. Представляется, что пока не сформировано адекватное федеральное законодательство в этой сфере, решение возникающих проблем в сотрудничестве МВД, ГУ МВД, УМВД по субъекту РФ и региональных органов государственной власти должны взять на себя нормативные правовые акты регионального уровня.

Известно, что различные аспекты рассматриваемого взаимодействия государственных органов могут регулироваться правовыми актами регионального уровня: конституциями республик и уставами субъектов РФ, законами субъектов РФ, распоряжениями губернаторов, постановлениями законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ, решениями

конституционных (уставных) судов субъектов РФ в этой сфере [1, с. 28].

Думается, что в этой области правоотношений приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным возможно:

- закреплением в конституциях (уставах) субъектов РФ обязанности высших должностных лиц региональных органов государственной власти необходимости организовывать взаимодействие с территориальными органами федеральных органов государственной власти, определением их

контрольных полномочий в области обеспечения правопорядка, регламентацией процедур согласования интересов и мер ответственности за ненадлежащую организацию взаимодействия;

- закреплением в актах законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации процедуры совместного с территориальными органами федеральных органов государственной власти законотворческого процесса по вопросам правоохраны.

Литература

1. Бутылин В.Н. Конституционные основы механизма обеспечения безопасности Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2007. № 3.

2. Захватов И.Ю., Петрова О.В. Проблемы взаимодействия МВД, ГУВД, УВД по субъекту Российской Федерации и региональных органов государственной власти // Труды Академии управления МВД России. 2009. № 2 (10). С. 70-73.

3. Ильина Н.Е. Основные принципы взаимодействия территориальных подразделений полиции с исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления // Регионология Regionology. 2016. № 4.

4. О взаимодействии и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти: постановление Правительства РФ от 5 декабря 2005 г. № 725 // Собрание законодательства РФ. 2005. № 50. Ст. 5311.

А.А. Шабан

Академия МВД Республики Беларусь

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСПЕКЦИЙ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА

Анализ задач и функций государственных инспекций в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта в Республике Беларусь показывает, что по своему содержанию их деятельность носит государственно-управленческий характер. В этой связи исследование данной деятельности следует проводить с позиций теории управления.

Согласно теории управления основными его элементами являются субъект и объект, которые взаимодействуют посредством управляющего воздействия субъекта на объект. Кроме того, всякое управление представляет собой целенаправленное, упорядочивающее воздействие на организованные системы [1, с. 11-12], что обуславливает выделение такого элемента, как цель.

Объектами деятельности государственных инспекций в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта являются государственные органы, предприятия, учреждения, организации, а также граждане.

В качестве субъектов исследуемой деятельности выступают шесть инспекций¹, находящиеся в структуре органов государственного управления и выполняющие возложенную на них функцию контроля в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта.

¹ Государственная автомобильная инспекция МВД; Транспортная инспекция МТК; Главная государственная инспекция по надзору за техническим состоянием машин и оборудования Минсельхозпрода; Военная автомобильная инспекция Минобороны; «Белорусская инспекция речного судоходства» МТК; «Государственная инспекция по маломерным судам» МЧС.

Цель рассматриваемой деятельности – обеспечение соблюдения подконтрольными объектами требований норм права, регулирующих безопасность движения и эксплуатацию транспорта.

Отмеченное позволяет выделить характерные признаки деятельности государственных инспекций в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Во-первых, исследуемая деятельность осуществляется специальными субъектами – государственными инспекциями, реализующими функции и находящимися в структуре органов государственного управления. Это позволяет отметить такие особенности рассматриваемой деятельности, как публичность и государственную власть.

Публичность выражается в том, что государственные инспекции в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта действуют от имени и по поручению государства.

Государственная власть заключается в подчинении государственным инспекциям объекта их деятельности, обеспечиваемом возможностью применения мер принуждения. Так, государственные инспекции в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта для выполнения возложенных на них задач осуществляют проверку и изъятие документов, блокировку колес, задержание и (или) принудительную отбуксировку (эвакуацию), запрещают движение и эксплуатацию транспортных средств, отстраняют от управления водителей транспортных средств, привлекают лиц, виновных в совершении административных правонарушений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, к ответственности [2, п. 13; 3, п. 11; 4, п. 5; 5, п. 6], а также принимают иные властные решения.

При этом следует отметить, что деятельность государственных инспекций в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта носит не только государственный, но и правовой характер. Она осуществляется на основании и в рамках административного права, которым определяются права и обязанности названных инспекций, а также формы и методы их деятельности.

Во-вторых, в науке административного права принято считать, что государственное управление по своему содержанию является исполнительно-

распорядительной деятельностью. При этом ее основным направлением является исполнение, заключающееся в реализации норм законов и других нормативных правовых актов. Данная цель достигается посредством второго неотъемлемого направления данной деятельности – распорядительства, проявляющегося в издании административных правовых актов, а также осуществлении иных юридически значимых действий. Исходя из этого сущность деятельности рассматриваемых государственных инспекций заключается в выполнении требований законов и иных нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта, а также в издании указанными субъектами правовых актов и осуществлении иных юридически значимых действий в рамках выполнения возложенной функции контроля. Подтверждением отмеченному является наделение государственных инспекций в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта полномочиями на издание обязательных к исполнению правовых актов (предписаний об устранении нарушений законодательства), а также полномочиями на осуществление ряда других юридически значимых действий (регулирование дорожного движения, государственная регистрация и государственный технический осмотр транспортных средств, прием квалификационных экзаменов, выдача водительских удостоверений и т.д.) [2, п. 13; 3, п. 10; 4, п. 5; 5, п. 6].

В-третьих, деятельность государственных инспекций в рассматриваемой сфере является целенаправленной. Она выражается в управляющем воздействии ее субъекта на объект и заключается в осуществлении контроля (надзора) за соблюдением законодательства для обеспечения безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что под деятельностью государственных инспекций в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта следует понимать публичную, государственно-властную, исполнительно-распорядительную деятельность по реализации функции контроля (надзора) за соблюдением законодательства для обеспечения безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Литература

1. Административное право: учеб. пособие в 2 ч. / под. общ. ред. И.В. Козелецкого, А.И. Сухарковой. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2013. Ч. 1. 438 с.
2. Об утверждении положения о Военной комендатуре Вооруженных Сил и военных комендатурах [Электронный ресурс]: приказ начальника Генерального штаба Вооруженных Сил – первого замести-

теля Министра обороны Республики Беларусь № 326 от 07.08.2014 // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Доступ из информационно-поисковой системы «Эталон-Online».

3. Об утверждении Положения о Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь № 1851 от 31.12.2002 (в ред. от 07.05.2015) // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Доступ из информационно-поисковой системы «Эталон-Online».

4. О государственном надзоре за техническим состоянием тракторов, мелиоративных, дорожно-строительных и сельскохозяйственных машин и оборудования [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь № 377 от 18.06.1992 (в ред. от 26.11.2007) // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Доступ из информационно-поисковой системы «Эталон-Online».

5. О создании транспортной инспекции министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь № 1218 от 04.09.2002 (в ред. от 27.05.2014) // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Доступ из информационно-поисковой системы «Эталон-Online».

А.И. Щеглов

Барнаульский юридический институт МВД России

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОМАНИИ

Вопросы противодействия незаконному обороту наркотиков, усиления профилактической работы среди населения остаются актуальными на протяжении многих лет. Несмотря на принимаемые меры, ежегодно выявляются органами внутренних дел множество лиц, потребляющих наркотические вещества или психотропные средства без назначения врача, больных наркоманией, совершивших административные правонарушения и преступления в сфере незаконного оборота наркотиков. Немедицинское потребление наркотиков влечет негативные последствия не только в личной, семейной жизни каждого лица, но и ставит под угрозу общество и государство.

Так, за 10 месяцев 2017 г. на территории Алтайского края было выявлено и составлено сотрудниками полиции 885 протоколов об административном правонарушении в сфере незаконного оборота наркотиков. Из них по ст. 6.8 КоАП РФ «Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» – 240 протоколов, по ст. 6.9

КоАП РФ «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ» – 645 [1].

Следует отметить, что от общего числа выявленных лиц по данным статьям КоАП РФ доля женщин составила 6,9%, в абсолютном выражении – 61. Большая часть женщин из представленного числа задержаны за немедицинское потребление наркотиков – 47, за хранение – 14 [1].

Прослеживается характерная тенденция по датам совершения правонарушений рассматриваемого характера. Наибольшее число правонарушений было выявлено в январе 2017 г. – 121. Это объясняется большим количеством выходных и праздничных дней, в течение которых граждане пытаются себя развлечь, получить новое восприятие окружающего мира, расслабиться и т.д., т.е. когда спиртные напитки уже не интересны и люди более склонны к потреблению наркотиков, пытаясь, таким образом, разнообразить свой досуг. Также отметим июль – 109 и август – 115, когда наркосодержащие растения достигают периода своего созревания, в связи с чем в указанный период у наркопотребителей возрастает повышенный интерес к сбору и дальнейшему

потреблению, а данный наркотик (конопля) легкодоступен, произрастает во многих местах как сорняк и не требует дополнительных больших финансовых затрат. Месяцем с наименьшим числом выявленных правонарушений является октябрь, в течение которого было составлено лишь 14 протоколов [3].

Среди служб и подразделений органами внутренних дел, принявших участие в выявлении правонарушений по ст. 6.8 и 6.9 КоАП РФ, необходимо выделить следующие:

- ГИБДД – 2;
- дежурная часть – 11;
- отделы по исполнению административного законодательства (ИАЗ) – 5;
- иные подразделения – 18;
- Росгвардия – 6;
- подразделение по делам несовершеннолетних (ПДН) – 29;
- подразделение по контролю за оборотом наркотиков – 134;
- патрульно-постовая служба (ППС) – 98;
- уголовный розыск – 9;
- участковые уполномоченные полиции (УУП) – 567 [2].

Самый существенный вклад по данному направлению служебной деятельности внесен участковыми уполномоченными полиции (имеют значительные показатели), сотрудниками службы по контролю за оборотом наркотиков и патрульно-постовой службы.

По результатам проведенного нами сравнительного анализа административных материалов по ст. 6.8 и 6.9 КоАП РФ установлено следующее:

- прекращено 50 дел об административном правонарушении по причинам: отсутствия состава административного правонарушения – 30 дел, иным – 15, истечения срока давности – 2, смерти физического лица – 1, отсутствия события – 1;
- по иным материалам основным наказанием является: административный арест – 243, административный штраф – 415, предупреждение – 4 и обязательные работы – 1 [3].

Таким образом, наиболее назначаемым видом наказания является административный штраф, доля которого равна 62,6% из всех назначенных. Преимущественно назначенный административный штраф равен 4000 рублей – 399, иные размеры применяются намного реже: 4500 рублей – 5, 5000 рублей – 11 и как единичный случай в размере 6000 рублей. Однако из всех назначенных административных штрафов по состоянию на 1 ноября 2017 г. за 10 месяцев оплачено лишь 117 штрафов, что составляет 28%. Остальная часть (108) не оплачена, 190 просрочены [1].

Данное обстоятельство свидетельствует о неэффективности применения данного вида наказания. Во-первых, в силу тяжелого финансового положения у привлеченных лиц; во-вторых, в связи с явным нежеланием понести наказание. В дальнейшем они уклоняются от уплаты штрафа до истечения сроков давности по ст. 20.25 КоАП РФ «Уклонение от исполнения административного наказания». Как результат – растет безнаказанность за данные правонарушения.

Высокую озабоченность вызывает и тот факт, что из всего количества вынесенных наказаний (664) по состоянию на 1 ноября 2017 г. исполнено только 301, не исполнено 363 [1]. По нашему мнению, административное наказание за незаконный оборот наркотиков следует назначать чаще в виде административного ареста. Это позволит изолировать виновных лиц от окружающей обстановки (круга знакомых), оказать им определенную медицинскую помощь, а также осуществить профилактическое воздействие.

Проведя анализ административных материалов по правонарушениям, предусмотренным ст. 6.8 и 6.9 КоАП РФ, можно выделить чаще потребляемые наркотические вещества: наркотические средства каннабисной группы – 199, наркотические средства опийной группы – 69, наркосодержащие растения – 60, синтетические аналоги тетрагидроканнабинола – 36, героин – 1 факт, иные наркотические средства – 190 [1], что свидетельствует о разнообразии наркотических средств, которые пользуются популярностью среди лиц с неустойчивой наркотической зависимостью, так называемых начинающих наркопотребителей.

В дальнейшем, после привлечения к административной ответственности данных лиц, предполагается всех ставить на профилактический учёт в территориальном органе внутренних дел на районном уровне, и силами участковых уполномоченных полиции проводить с такими лицами индивидуальную профилактику [2]. Однако в действительности лиц, поставленных на профилактический учёт, которым назначено административное наказание за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также за их потребление без назначения врача, меньше, чем было привлечено по ст. 6.8 и 6.9 КоАП РФ [5]. В качестве причин непостановки на профилактический учёт является, к примеру, невозможность привлечения к административной ответственности из-за отсутствия акта о медицинском освидетельствовании на состояние опьянения или непредставления правонарушителя в суд на рассмотрение админи-

стративного дела по существу, когда его присутствие обязательно [6, с. 68].

На основании вышеизложенного анализа вышеперечисленных статистических данных полагаем, что назначение административного штрафа в большинстве случаев неэффективно, т.к. штраф остается неоплаченным по различным причинам. Представляется наиболее целесообразным в целях профилактики данного вида правонарушений применять административный арест. Обязать сотрудников органов внутренних дел по исполне-

нию административного законодательства по всем фактам привлечения к административной ответственности по ст. 6.8, 6.9 КоАП РФ уведомлять участковых уполномоченных полиции соответствующего отдела полиции (по месту жительства правонарушителя) путем направления в подразделение УУП копии постановления по делу об административном правонарушении для постановки привлеченных лиц на профилактический учет в территориальный орган внутренних дел.

Литература

1. Аналитическая справка по итогам 10 месяцев 2017 года ИАЗ ГУ МВД России по Алтайскому краю о результатах работы подразделений края по ст. 6.8 и 6.9 КоАП РФ.
2. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции: приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Справка о результатах работы по итогам 10 месяцев 2017 года ООДУУПиПДН ГУ МВД России по Алтайскому краю.
4. Статистические данные информационного центра ГУ МВД России по Алтайскому краю.
5. Статистические данные ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: <http://10.5.0.16/csi/> (дата обращения: 01.12.2017).
6. Щеглов А.И. Некоторые проблемы профилактической работы участкового уполномоченного полиции с лицами, больными алкоголизмом или наркоманией // Алтайский юридический вестник. 2017. № 3 (19). С. 66-72.

Е.В. Яковлева

Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВЫСЫЛКИ ЗА ПРЕДЕЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Положения ратифицированных международных актов и национального законодательства позволяют государству при наличии определенных обстоятельств высылать¹ иностранных граждан даже в случае их законного нахождения на территории Российской Федерации. При этом высылка за пределы государства пребывания предполагает существенное ограничение прав граждан. К примеру, последствием применения данной меры может стать разлука и разрушение семейного благополучия иностранного гражданина и членов его

семьи, являющихся гражданами высылаемого государства.

В таких ситуациях органы государственной власти, полномочные принимать решение принудительного удаления лица из страны, сталкиваются с проблемой, связанной с необходимостью защиты публичных интересов и предотвращению угрозы, которую представляет выдворяемый, не нарушая при этом международные нормы, принятые в демократических государствах, гарантирующие свободу выбора места пребывания граждан.

При изучении личности правонарушителя необходимо особое внимание уделять наличию у него семьи, состоящей из граждан Российской Федерации. Например, уделив достаточно време-

¹ В рамках данной статьи под высылкой иностранных граждан мы понимаем административное выдворение за пределы Российской Федерации, депортацию или реадмиссию.

ни на изучение личности гражданина Республики Камерун по фамилии Алим, обратившегося в Европейский Суд по правам человека для обжалования факта административного выдворения за пределы Российской Федерации, правовых последствий для Российской Федерации в виде возмещения ущерба можно было бы избежать. В Постановлении Европейского Суда по правам человека от 27 сентября 2011 г. указано, что Алим, нарушивший правила пребывания на территории Российской Федерации, был подвергнут административному задержанию до рассмотрения дела в суде, соответственно, у него не было возможности предоставить документы, подтверждающие наличие у него на территории РФ двух малолетних детей, а также он не смог пригласить в судебное заседание свою супругу, с которой проживал в гражданском браке [3].

Высылка иностранного гражданина из страны, где проживают члены его семьи, по мнению Европейского Суда по правам человека, может являться вмешательством в право, гарантированное ч. 1 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на уважение семейной жизни, в связи с чем высылка иностранного гражданина, результатом которой стала разлука с женой и детьми, являющимися гражданами Российской Федерации, требует изучения дополнительных фактов. Органам государственной власти, уполномоченным принимать решение о высылке иностранного гражданина, необходимо при анализе всех обстоятельств использовать любую «зацепку», которая позволит оставить иностранного гражданина в России [5, с. 52].

Зачастую такого же мнения придерживаются и суды Российской Федерации. Рассмотрим несколько примеров. Так, решением по делу № 46-АД14-11 от 15 мая 2014 г. Верховный Суд РФ жалобу Гордон Д.Ф. удовлетворил частично [4], отменив предыдущие решения судов в части назначения ему дополнительного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации. Верховный Суд в своем решении указал, что суд Самарской области не учел обстоятельств, характеризующих личность нарушителя, в частности, судом установлено, что Гордон Д.Ф. в течение длительного времени (более 10 лет) совместно проживает с гражданкой Российской Федерации, трудоустроен, положительно характеризуется по месту работы. Верховный Суд РФ, обосновывая изменение решения нижестоящих судов, указал, что Гордон Д.Ф. не представляет угрозы безопасности страны и общественному порядку, т.к. обладает высокой степенью интеграции в социальную среду России.

Верховным Судом Республики Башкортостан рассмотрена жалоба Бдайр Д.М.С., в которой он заявляет, что назначенное ему дополнительное административное наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации противоречит требованиям ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и влечет вмешательство со стороны государства в осуществление права Бдайр Д.М.С. на уважение семейной жизни. В обоснование данного довода он указал, что на территории Российской Федерации Бдайр Д.М.С. проживает с тремя детьми, которые являются гражданами данного государства. Однако его супруга в судебном заседании сообщила, что брак между ними расторгнут, Бдайр Д.М.С. злоупотребляет спиртными напитками, создает невозможные условия для совместного проживания, источников доходов не имеет и не стремится к их обретению. При таких обстоятельствах суд обоснованно пришел к выводу «о стойком нежелании Бдайр Д.М.С. соблюдать миграционное законодательство Российской Федерации, об игнорировании им установленного в данном государстве правопорядка» и оставил решение Чишминского районного суда Республики Башкортостан без удовлетворения [1].

Анализ указанных решений судов позволяет нам сделать вывод о необходимости более тщательного изучения данных о личности правонарушителя, которые бы подтверждали действительную необходимость назначения дополнительного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации. Такая мера ответственности должна применяться, когда без высылки за пределы страны невозможно достичь баланса публичных и частных интересов в рамках административного производства. Подобный вывод приемлем как для выдворения, так и для депортации.

Принудительный выезд иностранного гражданина, подозреваемого в шпионаже, вполне может превысить защищаемое государством семейное благополучие. При принятии решения о высылке за пределы страны оценке должны подвергаться и неоднократность нарушения норм иммиграционного законодательства, и общее неуважение к правопорядку страны пребывания. В качестве примера выступает решение Европейского Суда по правам человека, в котором гражданин Туниса был признан законно высланным из Франции, несмотря на наличие у него семьи. Решающим фактором стало то, что иностранец был осужден за ряд преступлений, в числе которых «сутенерство в особо опасной форме» [2]. Тяжесть последнего

преступления, а также наличие ранее совершенных нарушений законодательства Франции позволило Европейскому Суду по правам человека признать высылку гражданина Туниса обоснованной. Необходимо отметить, что надлежащей правовой оценке должен подлежать и сам брак. Вероятность удаления из страны должна увеличиваться, если иностранный гражданин не проживает со своей семьей, не оказывает им материальную помощь, не участвует в воспитании детей.

Следовательно, утверждение лица, подлежащего высылке за пределы Российской Федерации, о наличии у него семьи, состоящей из российских граждан, несмотря на то, что Конституция

Российской Федерации и международные нормы признают семью и семейную жизнь одной из основных ценностей, не имеет безусловного во всех случаях преимущества перед другими конституционно значимыми ценностями. Другими словами, наличие семьи не предоставляет беспорного иммунитета иностранному гражданину от законных и действенных принудительных мер в сфере миграционной политики, соразмерных опасности нарушения миграционного законодательства, однако подлежит безусловному изучению в качестве материалов, характеризующих личность правонарушителя, и соответствующей оценке при принятии решения о высылке с территории Российской Федерации.

Литература

1. Архив Верховного Суда Республики Башкортостан за 2017 год. Д. № 12-973/2017 от 22 ноября 2017 г., г. Уфа // Росправосудие: банк судебных решений. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-bashkortostan-respublika-bashkortostan-s/act-561106881/> (дата обращения: 28.11.2017).
2. Бугханеми (Boughanemi) против Франции [Электронный ресурс]: постановление Европейского Суда по правам человека от 24.04.1996. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Дело Алим (Alim) против России [Электронный ресурс]: постановление Европейского Суда по правам человека от 27.09.2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Верховного Суда Российской Федерации по делу 46-АД14-11 от 15.05.2014 по делу Гордон Д.Ф. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Шерстобоев О.Н. Принцип пропорциональности как необходимое условие высылки иностранных граждан за пределы государства их пребывания: пределы правоограничения // Российский юридический журнал. 2011. № 6. С. 51-59.

Секция «Проблемы гражданско-правовой ответственности»

*И.Г. Бублик, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России*

К ВОПРОСУ ОБ ОСПАРИВАНИИ ДОГОВОРА ЛИЗИНГА

За последние десять лет все большей популярностью в сфере развития малого и среднего бизнеса пользуется такой инструмент финансирования, как лизинг [2, с. 145]. По свидетельству экспертов, объем лизингового бизнеса за 2016 г. вырос на 36% и составил 742 млрд руб., достигнув, таким образом, уровня 2011 г. При этом, помимо крупных сделок, важным драйвером рынка выступил автолизинг, доля которого в автопродажах достигла 10%. В 2017 г. рынок лизинга, согласно базовому прогнозу RAEX, продолжит расти и превысит рекордные 800 млрд руб., а с 2018 г. на дальнейшую динамику и структуру данного сектора экономики начнет оказывать влияние реформа регулирования финансового лизинга [4].

Есть мнение, что российский рынок лизинга мощно стартовал с низкой базы после провала в кризис. В первом полугодии 2017 г. объем нового бизнеса (стоимости имущества) поднялся до рекордной отметки за всю историю рынка. Дальнейшее оживление экономики приведет рынок лизинга к новым рекордным показателям по итогам уже всего года. Такие выводы содержатся в обзоре «Рынок лизинга по итогам I полугодия 2017 года: субсидированный рост», подготовленном рейтинговым агентством «Эксперт РА». В частности, в указанный период рынок лизинга вырос на 55% и составил 427 млрд руб. – максимальный результат первого полугодия в истории рынка, говорится в обзоре. По оценке «Эксперт РА», позитивное влияние на рынок оказали реализация отложенного спроса на фоне выхода российской экономики из кризиса, а также дей-

ствие льготных госпрограмм. В основном рынок подняли авиационный, автомобильный и железнодорожный секторы – за полгода объемы нового бизнеса в них увеличились на 91%, 38% и 77% соответственно. Серьезный рост также зафиксирован в сегментах стройтехники (58%) и водного транспорта (225%).

Крупнейшим сегментом рынка остается автолизинг. Прирост объема бизнеса за шесть месяцев 2017 г. с легковым автотранспортом составил 24%, с грузовым около 55%.

Следует отметить, что рост автолизинга поддерживает программа льготного лизинга Минпромторга. В ее рамках в период первого полугодия 2017 г. был реализован примерно каждый пятый автомобиль. Так, в новом бизнесе с грузовым транспортом доля льготного лизинга составила 29%. По базовому прогнозу агентства, по итогам 2017 г. объем нового лизингового бизнеса продолжит увеличиваться и превысит рекордные 850 млрд руб. Рынок продолжает стимулировать восстановление экономики и отложенный спрос, но влияние последнего фактора, по мнению экспертов, в среднесрочной перспективе ослабнет [3].

Таким образом, показанная практика может свидетельствовать о том, что обращение к вопросам оспаривания договора лизинга является весьма своевременным. В силу того что сторонами финансовой аренды являются в большинстве случаев организации и индивидуальные предприниматели, споры, возникающие в процессе реализации лизинговой деятельности, подведомственны

и в большинстве своем разрешаются арбитражными судами.

Общие правовые условия признания договора лизинга недействительным сосредоточены во втором параграфе девятой главы Гражданского кодекса Российской Федерации. В случае недействительности договор лизинга не будет порождать правовых последствий, за исключением тех, которые связаны с этим фактом. Правоприменителям следует учитывать, что наиболее частыми являются ситуации признания недействительным договором по следующим основаниям:

- 1) сделка заключена вразрез с требованиями закона или иных правовых актов (ст. 168 ГК РФ);
- 2) сделка является мнимой или притворной (ст. 170 ГК РФ);
- 3) сделка заключена с неуправомоченным на то лицом (ст. 170 ГК РФ);
- 4) сделка была заключена под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК РФ);
- 5) сделка явилась следствием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой или стечения тяжелых обстоятельств (ст. 179 ГК РФ).

Как видно, приведенные основания недействительности являются универсальными. При этом в оспаривании лизинговых операций преобладающими являются факты отступления от порядка их проведения. Как показывает судебно-арбитражная практика последних лет, далеко не всегда лизингополучателю, настаивающему на оспаривании договора лизинга, удастся доказать обоснованность предъявляемых исковых требований в суде.

Так, например, ООО «Регионавтобетононасос» обратилось в арбитражный суд Новосибирской области к ООО «Сименсфинанс» о признании заключенного между ними договора финансовой аренды от 13.07.2015 № 38557-ФЛ/НС-15 недействительным на основании п. 1 ст. 178 ГК РФ (совершение сделки под влиянием заблуждения) и применении последствий недействительности сделки путем взыскания с ООО «Сименсфинанс» уплаченных лизинговых платежей в сумме 9259075 руб. 00 коп. и обязании ООО «Сименсфинанс» принять от истца предмет лизинга – автобетононасос.

В обоснование иска истец, в частности, ссылался на обстоятельства, свидетельствующие о несоответствии предмета договора лизинга: превышение указанной массы, нахождение предмета

в эксплуатации третьих лиц до передачи истцу, несоответствия в техническом паспорте и т.п.

По утверждению истца, ответчик, рекомендовав продавца (ООО «ТехАвтоКор») и дав неправильные характеристики предложенного к приобретению транспортного средства, ввел его в заблуждение, истец не участвовал в осмотре транспортного средства, 22.07.2015 осмотр предмета лизинга произведен с участием ответчика и третьего лица.

По справедливому возражению ответчика, заявление истца о том, что он фактически не принимал участия в приемке бетононасоса (подписал без проверки) может свидетельствовать только о том, что он не проявил должной осмотрительности при приемке-сдаче товара.

Содержание п. 5 ст. 178 ГК РФ в новой редакции в совокупности с п. 1 ст. 178 ГК РФ принято законодателем в силу сложившейся к моменту внесения изменений в закон правоприменительной практики, о которой указано в п. 5 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10.12.2013 № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации», где Высшим Арбитражным Судом был сделан вывод о том, что требование истца в признании недействительным договора как совершенного под влиянием заблуждения относительно качеств его предмета не подлежит удовлетворению судом, если истец не проявил требовавшуюся по обстоятельствам содержания сделки осмотрительность, обычную для деловой практики совершения подобных сделок [1].

Вполне ожидаемо решением Арбитражного суда Новосибирской области от 15 мая 2017 г. № А45-16627/2016 в удовлетворении исковых требований было отказано [5].

Таким образом, как было показано выше, юрисдикционная практика разрешения споров, возникающих из осуществления лизинговой деятельности, поистине разнообразна. По вопросам же обжалования решений по переквалификации сделок, принимаемых ФНС, суды преимущественно поддерживают предпринимателей. В то же время следует учитывать, что в разрешении споров позиция судов исходит в первую очередь из принципов законности, а не минимизации ущерба и общественного блага, и хозяйствующие субъекты здесь не являются исключением.

Литература

1. Вестник ВАС РФ. 2014. № 2. С. 49.

2. Мавлявиева А.И. Категория «финансовая аренда» в российский и международных стандартах финансовой отчетности // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 5. С. 145.
3. Рынок лизинга вырос до рекордного объема. URL: <https://rg.ru/2017/10/04/rynok-lizinga-vyros-dorekordnogo-obema.html> (дата обращения: 28.10.2017).
4. Рынок лизинга по итогам 2016 года: реактивное восстановление. URL: www.raexpert.ru/researches/leasing/2016.html (дата обращения: 28.10.2017).
5. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 15 мая 2017 г. № А45-16627/2016. URL: www.sudact.ru/Arbitral/docA7cL8atpfZb/?arbitral-txt.html (дата обращения: 28.10.2017).

С.В. Воронина, канд. юрид. наук, доцент
Алтайский государственный университет

СПОСОБНОСТЬ НЕСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ГРАЖДАНСКОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ

Гражданская дееспособность зависит от многих факторов, возникает в полном объеме по достижении гражданином восемнадцатилетнего возраста и означает способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя обязанности и исполнять их. Традиционно содержание дееспособности составляют сделкоспособность и деликтоспособность, получившие свое название в теории права. По поводу деликтоспособности существуют разные научные теории. Одни авторы рассматривают деликтоспособность, наряду с правоспособностью и дееспособностью, в качестве третьего самостоятельного элемента правосубъектности [4]. Другие определяют деликтоспособность как часть дееспособности и правоспособности [1]. Профессор А.М. Рабец пишет, что гражданская деликтоспособность – это составная часть гражданской правоспособности, и в самом узком своем значении она должна определяться как способность лица нести обязанность по возмещению причиненного вреда, в т.ч. ответственность за совершенное самим субъектом или другими лицами правонарушение. Способность лица самостоятельно нести гражданско-правовую ответственность должна включаться в содержание дееспособности. Гражданин неделиктоспособный с точки зрения дееспособности всегда является правоспособным [3, с. 71-72].

Отметим, что в современной интерпретации понятий правоспособность и дееспособность употребление термина «деликтоспособность» неуместно. Термин *delictum* – правонарушение, вос-

принятый современной наукой как данность, понимался в римском праве как причинение любого вреда, не связанного с нарушением договорных обязательств. Правильно различать не деликтоспособность, терминологически обозначающую правонарушение внедоговорных отношений, а способность нести ответственность за причинение вреда в договорных и внедоговорных обязательствах. Отметим, что термин «договорные обязательства» употребляется нами несколько условно, т.к. гражданин может совершать и иные юридически значимые действия, причиняющие вред.

Вообще гражданско-правовая ответственность сводится к обязанности лица возместить убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением договорного обязательства либо возместить в полном объеме причиненный вред имуществу и (или) личности. В науке гражданско-правовая обязанность определяется как мера должного поведения субъекта, который в зависимости от обстоятельств обязан либо совершить определенное действие, либо воздержаться от его совершения. При этом гражданско-правовая обязанность лица может быть результатом не только противоправных юридических действий и соответственно мерой юридической ответственности, но и результатом правомерного поведения. Например, заключение договора купли-продажи создает обязанность продавца передать вещь и обязанность покупателя принять вещь и уплатить за нее цену. Таким образом, способность нести обязанность как элемент правоспособности следует понимать, как способность нести

(исполнять) обязанности, не только принятые на себя добровольно, но также могущие возникнуть в результате совершения гражданского правонарушения [2]. Соответственно способность нести ответственность будет проявляться либо в регулятивном, либо в охранительном правоотношении, где гражданин является субъектом юридической ответственности.

Способность своими действиями исполнять обязанности, как элемент дееспособности, зависит от возраста и состояния здоровья лица. Поэтому закон не наделяет малолетних и недееспособных способностью нести обязанности и способностью самостоятельно исполнять обязанности по возмещению убытков в договорных обязательствах, т.к. первые не имеют собственных средств, а вторые не правомочны совершать сделки. В данном случае обязанности, в том числе ответственность по обязательствам, исполняют законные представители за счет собственного имущества.

Обязанность по возмещению вреда лицом, достигшим четырнадцати лет, совпадает с категорией «гражданско-правовая ответственность», а способность самостоятельно нести ответственность образует понятие «деликтоспособность». Способность несовершеннолетних нести деликтную ответственность дополняется способностью его законных представителей. Особенность имущественной ответственности родителей (лиц, их заменяющих) за деликты несовершеннолетних состоит в том, что она наступает за семейные

правонарушения, т.е. за ненадлежащее воспитание детей. То есть является элементом семейной родительской правоспособности и гражданской дееспособности одновременно. Основанием прекращения гражданской имущественной ответственности служит полная гражданская дееспособность несовершеннолетних.

Считаем необходимым наделить законных представителей субсидиарной ответственностью за сделки несовершеннолетних старше четырнадцати лет и рассматривать ее не только как ответственность за действия своих детей, но и как ответственность за свои собственные действия, а именно за дачу согласия на сделку. Ограничение дееспособности не влияет на способность лица самостоятельно нести имущественную ответственность как по сделкам, так и по обязательствам из причинения вреда, что является мерой ответственности за неправомерное поведение.

Таким образом, деликтоспособность¹ входит в содержание правоспособности и дееспособности и как правовая категория представляет собой: 1) способность нести обязанности и способность исполнять обязанности, созданные правомерными действиями лица в рамках регулятивных правоотношений; 2) способность нести обязанности и способность исполнять обязанности в охранительном правоотношении как результат неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства; 3) способность исполнять обязанности по возмещению причиненного вреда в рамках деликтного обязательства.

Литература

1. Веберс Я.Р. Основные проблемы правосубъектности граждан в советском гражданском праве и семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1974. 26 с.
2. Кузнецова Л.Г., Шевченко Я.Н. Гражданско-правовое положение несовершеннолетних. М., 1968. 136 с.
3. Рабец А.М. Категория деликтоспособности физических лиц в гражданском праве РФ // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Право. 2015. Т. 11. Вып. 1. С. 71-81.
4. Савельева Н.М. Правовое положение ребенка в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 19 с.

¹ Употребление термина в общепринятом смысле гражданского права.

И.И. Головкин, канд. юрид. наук, доцент

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии
Генеральной прокуратуры РФ

ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ КОРРУПЦИОННОГО ХАРАКТЕРА

Преступления коррупционной направленности обладают повышенной общественной опасностью, являются угрозой национальной безопасности. За последние 3,5 года за совершение коррупционных преступлений осуждено более 45 тыс. человек, из которых 4,5 тыс. – должностные лица правоохранительных органов, более 400 – депутаты представительных органов регионального и муниципального уровня, почти 3 тыс. – должностные лица органов власти и местного самоуправления [1]. Отметим, что ответственность за коррупционные деяния должна быть своевременной и соответствующей тяжести преступления. В этом есть и предупредительная составляющая, когда служащие видят, какую меру наказания применяют к виновным. Поэтому необходимо акцентировать внимание на особенностях гражданско-правовой ответственности, применяемой в комплексе с уголовной ответственностью.

По статистике, ущерб от коррупционных преступлений ежегодно составляет примерно 10% от суммы ущерба, причиняемого всеми видами преступлений в целом по стране, за последние 2,5 года сумма превысила 130 млрд руб., а добровольно возмещенный ущерб составил около 10 млрд руб. [1].

Взыскание в порядке гражданского судопроизводства ущерба, причиненного публично-правовым образованиям, государственным и муниципальным унитарным предприятиям в результате преступлений, если такие заявления не рассмотрены в порядке уголовного судопроизводства (ст. 44, 306 и 309 УПК РФ), является актуальным направлением исковой работы прокуроров. Итак, в настоящее время применяются два возможных подхода: предъявление гражданского иска прокурора в уголовном деле и рассмотрение иска прокурора в гражданском процессе после вступления в законную силу приговора по уголовному делу. При этом вне зависимости от порядка рассмотрения иска важно установление имущества виновных лиц, за счет которого будет исполняться решение суда, и его оценка в ходе расследования уголовного дела. Поэтому надзирающие проку-

раты должны уделять должное внимание указанным вопросам и добиваться полноты и своевременности принимаемых мер.

Как правило, в гражданском судопроизводстве прокуроры обращаются с исками об оспаривании сделок, противоречащих основам правопорядка и нравственности, – ничтожных, иницируют применение последствий недействительности сделки, предусмотренных ст. 169 ГК РФ (апелляционное определение Железнодорожного районного суда г. Читы от 27.11.2014 по делу № 11-41/2014; решение мирового судьи судебного участка № 2 Кольского судебного района Мурманской области от 13.09.2016 по делу № 2-736/2016; решение Старооскольского районного суда Белгородской области от 01.09.2017 по делу № 2-415/2017). Так, суд удовлетворил иск прокурора к бывшему начальнику управления по налоговым преступлениям УВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области С. о применении последствий недействительности ничтожной сделки, взыскании денежных средств в доход Российской Федерации. Иск предъявлен после вступления в законную силу приговора, которым С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (С. с марта по июль 2011 г. получил взятки от предпринимателя на общую сумму около 40 млн руб. за непроведение проверок деятельности подконтрольных предпринимателю фирм). Судебная коллегия по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда оставила решение без изменения, апелляционную жалобу С. – без удовлетворения [2].

Конституционный Суд РФ в определении от 08.06.2004 № 226-О, отметил, что ст. 169 ГК РФ особо выделяет опасную для общества группу недействительных сделок, противоречащих основам правопорядка и нравственности, признает такие сделки ничтожными и определяет последствия их недействительности: при наличии умысла у обеих сторон такой сделки – в случае ее исполнения обеими сторонами – в доход государства взыскивается все полученное по сделке, а в случае исполнения сделки одной стороной с другой

взыскивается в доход Российской Федерации все полученное ею и все причитавшееся с нее первой стороне в возмещение полученного; при наличии умысла лишь у одной из сторон такой сделки все полученное ею по сделке должно быть возвращено другой стороне, а полученное последней либо причитавшееся ей в возмещение исполненного взыскивается в доход Российской Федерации.

Так, по одному делу суд посчитал неверным применение прокурором иных оснований иска, а именно положений ст. 1102 ГК РФ (взыскание неосновательного обогащения), поскольку по смыслу нормы речь идет о возвращении предмета взятки взяткодателью, а не государству. При этом по делу ни один взяткодатель не был освобожден от уголовной ответственности и не был признан потерпевшим, значит возвращение предмета взятки взяткодателью недопустимо (решение Удорского районного суда Республики Коми от 09.08.2011 по делу № 2-271/2011).

Обратим внимание на важнейшее обстоятельство, подлежащее установлению при предъявлении иска, – срок исковой давности при оспаривании сделки. Согласно определению Конституционного Суда РФ от 08.04.2010 № 456-О-О, в п. 1 ст. 181 ГК РФ закреплена специальная норма, в соответствии с которой течение срока исковой давности по требованиям, связанным с недействительностью ничтожных сделок, определяется не субъективным фактором – осведомленностью заинтересованного лица о нарушении его прав, а объективными обстоятельствами, характеризующими начало исполнения сделки. Это обусловлено характером соответствующих сделок как ничтожных, которые недействительны с момента совершения независимо от признания

их таковыми судом (п. 1 ст. 166 ГК РФ), а значит не имеют юридической силы, не создают прав и обязанностей для сторон по сделке и третьих лиц. В то же время при обращении с иском прокурора надлежит учитывать п. 1 ст. 181 ГК РФ в действующей редакции, который определяет, что в случае предъявления иска лицом, не являющимся стороной сделки, течение срока исковой давности начинается со дня, когда это лицо узнало или должно было узнать о начале ее исполнения. Однако единого подхода судебная практика еще не сформировала.

В судебной практике по делам данной категории не применяется п. 4 ст. 93.4 БК РФ (исковая давность, установленная гражданским законодательством, не распространяется на требования в интересах Российской Федерации о неосновательном обогащении и возмещении убытков). Действие указанной правовой нормы распространяется на участников бюджетных правоотношений по получению, расходованию и возвращению бюджетных средств Российской Федерации и связанных с этим неосновательного обогащения и убытков государству, а ничтожные сделки по получению взяток не могут быть признаны бюджетными правоотношениями (решение Удорского районного суда Республики Коми от 09.08.2011 по делу № 2-271/2011).

Пропуск трехлетнего срока исковой давности является основанием для отказа в удовлетворении иска. Поэтому целесообразно заявлять ходатайства о восстановлении срока исковой давности, представлять доказательства наличия уважительных причин пропуска указанного процессуального срока. И более верным представляется предъявление гражданского иска в уголовном деле.

Литература

1. Коррупция нанесла РФ ущерб на 130 млрд. рублей за 2,5 года: интервью начальника управления по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Генеральной прокуратуры Российской Федерации А. Русецкого от 09.08.2017. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/08/09/10825598.shtml> (дата обращения: 26.11.2017).
2. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1230778/> (дата обращения: 26.11.2017).

Ю.С. Кабанова

Барнаульский юридический институт МВД России

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Вопросам защиты культурных ценностей посвящено достаточно много работ, однако положение в этой области со временем ухудшается. В большинстве работ анализируется нормативная база или характеризуется положение в области защиты ценностей культуры, при этом основная нагрузка по их защите ложится на государственные органы культуры, однако очевидно, что особая роль в защите культурных ценностей принадлежит правоохранительным органам, непосредственно органам внутренних дел.

7 февраля 2011 г. Федеральный закон Российской Федерации № 3-ФЗ «О полиции», определил назначение полиции в защите прав граждан, а также любых лиц на территории Российской Федерации от преступных и иных противоправных посягательств. Закон регламентирует защиту полицией культурных ценностей в рамках пунктов 37, 38, а именно изъятие вещей, убранных из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособных, обеспечение сохранности найденных либо сданных в полицию кладов, ценностей, вещей, документов и другого имущества [3].

Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 утверждено положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, в котором четко регламентированы вопросы, относящиеся к их компетенции. Так, из положений указа следует, что полиция занимается защитой культурных ценностей от преступных посягательств, при наступлении хищения данных ценностей – путем расследования преступлений и розыска лиц, к ним причастных [2].

Как показывает практика, защита культурных ценностей происходит двумя способами:

1. Охрана учреждений культуры от противоправных посягательств на содержащиеся в них культурные ценности;
2. Расследование хищений культурных ценностей.

С ноября 2015 г. полиция покинула свои посты в музеях, на их место пришли сотрудники частных охранных предприятий. Одной из причин перехода на охрану подобных объектов со-

трудниками частных охранных предприятий стала экономия бюджетных средств. По мнению Министра внутренних дел В.А. Колокольцева, дополнительные средства, которые требуются на охрану музеев, – это «копейки» (1 млрд рублей) по сравнению с более чем 60 млрд рублей, которые экономит федеральный бюджет [1].

Однако многие специалисты утверждают, что такая охрана неэффективна, потому что у ЧОП нет таких широких полномочий, которые были у полиции. М. Пиотровский, президент Союза музеев России, предложил обучать сотрудников музеев, библиотек и других подобных учреждений основам по защите экспозиций, однако основную массу сотрудников составляют женщины, причём чаще всего пенсионного возраста.

Примером эффективности защиты культурных ценностей органами внутренних дел служит пример из прошлого. В 1985 г. в Эрмитаже мужчина, имевший при себе также и взрывное устройство, достал банку с серной кислотой и выплеснул её на картину Рембрандта «Даная». Находившийся в зале сотрудник милиции применил меры задержания к правонарушителю. Вопрос в том, что бы было с произведением, если бы охрану не осуществлял сотрудник полиции, а вместо него – сотрудница музея, знакомая с основами по защите экспозиций, либо сотрудник охранного предприятия, у которого нет полномочий задерживать правонарушителей [5, с. 94-102].

Полиция не может защитить полностью, но обладает рядом важных факторов: наличие формы, оружия, обладание способностями к задержанию правонарушителей. Таким образом, музеям необходима государственная защита, для обеспечения охраны ценностей, содержащихся в них, в целях недопущения нарушения права человека и гражданина на доступ к культурным ценностям.

В соответствии с действующим наставлением по организации деятельности участковых уполномоченных полиции участковый уполномоченный полиции обязан выполнять функции по защите культурных ценностей [4, с. 45-47]. Также как и подразделения уголовного розыска, которые пресекают и раскрывают имевшие место

преступления на основе Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ. Это свидетельствует о том, что защита культурных ценностей является одной из приоритетных задач в деятельности органов внутренних дел.

Следует подчеркнуть, что в деятельности органов внутренних дел существует ряд проблем, связанных с защитой культурных ценностей. Так, акцент в работе органов внутренних дел делается на пресечении правонарушений, связанных с движимыми культурными ценностями (иконами, нумизматическими раритетами, предметами антиквариата, археологическими находками и т.п.). Вне пределов их внимания остаются недвижимые объекты (архитектурные памятники, памятники археологии и т.п.). В результате недвижимые объекты довольно просто превращаются в движимые, причем это может происходить как на законных основаниях, так и с грубейшим нарушением закона.

Ежегодно Департаментом уголовного розыска МВД России рассылались указания с целью акцентировать внимание сотрудников различных служб и подразделений органов внутренних дел на недопущении повреждения недвижимых культурных ценностей при проведении хозяйственных работ. Такая деятельность, несомненно, дает результаты, но лишь при правильном обслуживании объектов.

Существуют различные точки зрения, согласно которым выделяется ряд направлений совершенствования деятельности подразделений ор-

ганов внутренних дел, занимающихся защитой культурных ценностей.

Во-первых, предлагается создать в составе органов внутренних дел специализированную службу, в обязанности которой должна входить координация деятельности подразделений, защищающих культурные ценности в рамках органов внутренних дел. Данное положение целесообразно реализовать в городах с наибольшим сосредоточением культурных ценностей, таких как Москва, Санкт-Петербург, Владимир, Казань и других, имеющих наибольшее значение для истории России.

Во-вторых, необходимо создать автоматизированную базу данных, обобщающую сведения обо всех культурных ценностях, находящихся на территории России. Однако данная задача может быть реализовано только посредством координации всех учреждений культуры в данной области и своевременном ее ведении всеми организациями.

В-третьих, подготовить методические рекомендации для сотрудников органов внутренних дел по организации защиты права человека и гражданина на доступ к культурным ценностям, в которых необходимо осветить все основные термины и законодательство в рассматриваемой сфере, прописать все права и обязанности сотрудников при получении информации о нарушении права человека и гражданина на доступ к культурным ценностям, а также необходимые меры защиты культурных ценностей.

Литература

1. Мединский обсудит с главой МВД охрану музеев полицией. URL: <https://lenta.ru/news/2015/08/19/medinskiy/> (дата обращения: 10.01.2017).
2. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102419141&rdk=&backlink=1> (дата обращения: 01.09.2017).
3. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. Федерального закона от 29.07.2017 № 272-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900; 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4821.
4. Странцов А.А. Правовой режим административного участка участкового уполномоченного полиции // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2015. № 29. С. 45-47.
5. Шляпникова О.В., Цуканова Е.Р. Проблемы предупреждения преступлений в сфере оборота культурных ценностей и пути их решения // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 60. С. 94-102.

К.Ю. Казанцева

Сибирский юридический институт МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В СЛУЧАЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ КАБАЛЬНОЙ СДЕЛКИ

Существование гражданских правоотношений неразрывно связано с заключением их субъектами сделок, при этом субъекты не всегда соблюдают условия действительности сделки, что, в свою очередь, приводит к признанию такой сделки недействительной. В большинстве случаев причинами недействительности сделок являются отсутствие юридической грамотности сторон участников сделки и различного рода злоупотребления недобросовестных участников сделки.

В п. 1.1 проекта Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации отмечено, что «несмотря на небольшое количество общих норм о недействительности сделок, они имеют огромное значение для стабильности гражданского оборота в целом, поскольку являются основным инструментом защиты прав и интересов добросовестных лиц в случае их нарушения при совершении гражданско-правовых сделок».

Такой способ защиты гражданских прав, как признание недействительной сделки и применение последствий её недействительности, преследует общие цели превенции противоправных действий и восстановления нарушенных прав, посредством недопущения исполнения порочной сделки, а если на момент предъявления иска сделка исполнена – применение последствий недействительности частично или полностью исполненной сделки [1, с. 97].

Сущность рассматриваемого способа защиты заключается в том, что лицо стремится к восстановлению прав, нарушенных исполнением порочной сделки, или к предотвращению их нарушения возможностью такого исполнения в будущем и выражается в предъявлении им требования о признании сделки недействительной и применении последствий её недействительности или требования о признании недействительной сделки, исполнение которой не производилось.

Неправильное толкование и применение норм, входящих в институт недействительности сделки не позволяет участникам гражданских правоотношений эффективно защищать свои права и законные интересы. Поэтому для предупреждения

нарушений гражданских прав в данной сфере следует рассмотреть основные проблемы применения данного способа защиты гражданских прав и найти пути их решения.

Рассмотрим особенности защиты гражданских прав в случае заключения сделки под влиянием неблагоприятных обстоятельств – кабальной сделки.

В гражданском праве определение кабальной сделки содержится в п. 3 ст. 179 ГК РФ: «Сделка на крайне невыгодных условиях, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств, чем другая сторона воспользовалась (кабальная сделка), может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего». Анализ юридической литературы и судебной практики показал, что в настоящее время оспаривание кабальной сделки происходит крайне редко. Так, в проанализированных актах арбитражных судов кассационной инстанции (по 28 делам) по п. 3 ст. 179 ГК РФ нет ни одного случая признания сделки кабальной. Из более 280 судебных актов судов общей юрисдикции кассационной инстанции по данной норме требование о признании сделки кабальной было удовлетворено шесть раз [3, с. 115]. Сложившаяся ситуация вызвана тем, что несмотря на существующее в гражданском законодательстве легальное определение кабальной сделки, в научной литературе и на практике не сложилось единого понимания относительно состава кабальной сделки и следовательно предмета её доказывания.

Обозначим и выделим наиболее значимые, на наш взгляд, особенности, рассматриваемой сделки. Полагаем, что основными квалифицирующими признаками кабальной сделки будут являться:

1. Вынужденность совершения сделки вследствие стечения тяжелых обстоятельств. В юридической литературе понятие «стечение тяжелых обстоятельств» является оценочным и имеет множество толкований. На наш взгляд, под стечением тяжелых обстоятельств следует понимать такие обстоятельства, которые вынуждают лицо действовать не по своей воле и не предоставляя ему возможность выбора. Например, такие

обстоятельства могут касаться как самого лица, заключающего сделку (тяжелая болезнь, увольнение с работы), так и его близких (например, необходимость срочных затрат, связанных с болезнью жены или мужа). Лицо, заключая оспоримую сделку вследствие стечения обстоятельств, должно доказать, что не располагало ни временем, ни возможностями для поиска контрагента и заключения сделки на более выгодных условиях. Таким образом, если сторона сделки имела возможности преодолеть тяжелое стечение обстоятельств иным образом, но не воспользовалась им, то сделка не может быть признана кабальной.

Следует отметить, что если невыгодная сделка совершена по легкомыслию, неопытности, под влиянием азарта и т.п., для признания ее недействительной по ст. 179 ГК РФ нет оснований [2, с. 155].

2. Сделка совершается на невыгодных для потерпевшего условиях. Полагаем, что при установлении данной характеристики кабальной сделки будет целесообразным использование информационного письма Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 № 162, в котором указывается, что о крайней невыгодности условий по оспоримой сделке может свидетельствовать, в частности, чрезмерное превышение цены договора относительно иных договоров такого вида.

В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации предлагалась, но так и не нашла своего нормативного закрепления презумпция крайней невыгодности сделки для стороны, попавшей в затруднительное положение. Согласно такой презумпции сделка может считаться совершенной на крайне невыгодных условиях, если цена, процентная ставка или иное встречное предоставление, получаемое или передаваемое потерпевшей стороной, в два или более раза отличается от предоставления другой стороны.

Полагаем, что закрепление презумпции крайней невыгодности сделки позволит в полном объеме защитить права и законные интересы потерпевшей стороны и приведет к единообразию судебной практики по выявленной проблеме.

3. Недобросовестное поведение контрагента по сделке, заключающееся в том, что контрагент по сделке осознает обстоятельства, в которых находится потерпевшая сторона, и использует это в своих или чужих интересах, заключая сделку. Также следует отметить, что для квалификации сделки как кабальной не имеет значения, действовала ли сторона по сделке активно (т.е. сама предлагает заключить сделку) или просто принимает предложение контрагента, который сам предло-

жил заключить сделку на невыгодных для себя условиях [2, с. 157].

4. Прямая причинно-следственная связь между стечением у потерпевшего тяжелых обстоятельств и совершением им сделки на крайне невыгодных для него условиях.

Анализ судебной практики указывает, что по делам о признании сделок кабальными неразрешимым остается вопрос доказывания квалифицирующих признаков кабальных сделок и, как следствие, потерпевшая сторона остается незащищенной. Так, например, в одном случае суд посчитал, что для признания сделки кабальной недостаточно одного тяжелого обстоятельства, а необходимо стечение нескольких, другой суд потребовал доказать отсутствие иных способов преодоления тяжелых обстоятельств.

Таким образом, можно сделать вывод, что в судебной практике нет единой позиции по ключевым вопросам применения ст. 179 ГК РФ.

Полагаем целесообразным предложить следующие пути решения выявленных проблем.

1. В целях единообразия применения и толкования норм гражданского права в рассматриваемой сфере необходимо закрепить на законодательном уровне квалифицирующие признаки кабальной сделки, а в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» отразить их характеристику.

2. С учетом сложившейся судебной практики для более успешного разрешения дел данной категории необходимо внести ясность в п. 3 ст. 179 ГК РФ, а именно указать на необходимую достаточную совокупность тяжелых обстоятельств, вследствие стечения которых лицо было вынуждено совершить кабальную сделку.

3. Дополнить понятие кабальной сделки следующим квалифицирующим признаком – отсутствие у потерпевшей стороны других способов преодоления стечения тяжелых обстоятельств.

4. Закрепить презумпцию крайней невыгодности сделки для стороны, попавшей в затруднительное положение.

Таким образом, рассмотрев такой способ защиты гражданских прав, как признание сделки недействительной, следует отметить, что, несмотря на то что законодатель в ГК РФ закрепил общие нормы о недействительности сделок и все виды недействительных сделок, остаются проблемы с теоретической характеристикой и последующей квалификацией на практике отдельных характеристик недействительных сделок.

Литература

1. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М., 2010.
2. Рыженков А.Я. Юридический состав кабальной сделки: проблемы теории и практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2.
3. Савранская Д.Д. Кабальные сделки // Вестник гражданского права. 2016. № 5.

Н.И. Минкина, канд. юрид. наук, доцент

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ТРУДОВОЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Как отмечает министр труда и социальной защиты России М. Топилин, наиболее частые нарушения, выявляемые за последнее время в нашей стране, связаны с несоблюдением трудового законодательства [3], в то время как охрана трудовых прав является немаловажным элементом в обеспечении законности и социальных прав человека. При этом решающую роль в регулировании социально-трудовых отношений и защите трудовых прав играет Трудовой кодекс РФ (далее – ТК РФ) как кодифицированный акт.

На наш взгляд, ТК РФ, принятый 30.12.2001, является одним из неудачных решений законодателя. В отличие от других действующих кодифицированных актов он был весьма поспешно внедрен в жизнь (вступил в силу уже с 01.02.2002, а с учетом нерабочих праздничных дней, выпавших на данный период времени, фактически меньше, чем через месяц). И это не могло не сказаться на состоянии законности в сфере труда. Несмотря на длительные обсуждения четвертого в истории страны кодифицированного акта о труде и на сохранение в его многих нормах преемственности в регулировании трудовых отношений, в указанный срок общество не было готово выстраивать трудовые отношения по обновленным нормам трудового права. Более того, согласимся с высказыванием о том, что и акт, пришедший на смену КЗоТ, не смог решить всех задач кодификации трудового законодательства [2, с. 187]. Это находит свое подтверждение как во внушительном количестве поправок, принятых после вступления кодекса в силу, так и в сохраняющемся на сегодняшний день несовершенстве его содержания.

До принятия Федерального закона № 255-ФЗ от 29.07.2017 «О внесении изменений в ст. 5 ТК

РФ в части уточнения порядка внесения изменений в ТК РФ» кодифицированный акт о труде подвергался множественным и, порой, совершенно бессистемным изменениям и дополнениям. Указанным законом данный процесс, по сути, теперь упорядочен: с 01.09.2017 в ТК РФ вносятся поправки только отдельными федеральными законами. Поэтому изменения данного акта не допускаются теми федеральными законами, которыми вносятся изменения и в иные законы.

Говоря о несовершенстве содержания анализируемого кодекса, речь идет не о мелких дефектах кодифицированного акта, а о недоработках, которые носят принципиальный характер. Причем часть из них ранее уже обсуждалась в юридической литературе. Однако, к сожалению, они пока не находят своего отражения в развитии законодательства, в том числе при концептуальных изменениях ТК РФ в 2013-2014 гг. Надо заметить, что это, в свою очередь, создает неблагоприятную почву в вопросе однозначного толкования и соответственно соблюдения трудового законодательства, что сопровождается как разночтениями на практике, так и безответственным и недобросовестным поведением участников социально-трудовых отношений.

По-прежнему нерешенной остается проблема места ТК РФ в системе нормативных правовых актов, регулирующих государственную гражданскую службу, исключение из сферы действия трудового права отношений по прохождению государственной гражданской службы [1, с. 129].

Существующая структура предмета трудового права не в полной мере находит свое отражение в оглавлении ТК РФ, в котором нет ни отдельной главы, ни статьи, посвященной вопро-

сам занятости и трудоустройства. Присутствует логическая незавершенность кодифицированного акта. Представляется, что было бы логичным выделить главы, посвященной этим вопросам, с одновременной отменой Закона РФ «О занятости населения в РФ», как это произошло с Законом РФ «О коллективных договорах и соглашениях».

Проблемы толкования базовых терминов в правоприменительной деятельности сегодня привели к тому, что во многом пробелы ТК РФ заполняет постановление Пленума ВС РФ № 2. Возникает необходимость расширения легального понятийного аппарата непосредственно в нормах ТК РФ, причем не только путем заимствования из международных трудовых норм [4, с. 255].

Примечательно, что ТК РФ по каким-то причинам стал включать в себя и нормы временно-го характера. К примеру, ст. 351.2, закрепляющая... чемпионат мира по футболу FIFA 2018. С 01.01.2019 обозначенная норма планируется к исключению. Такое введение норм, не рассчитанное на длительное применение, не в полной

мере соответствует сложившемуся представлению о назначении норм любого кодифицированного акта.

На основании изложенного и в заключение, думается, целесообразно говорить не о «Своде нормативных актов» (с включением в него ТК РФ) и инкорпорации трудового права [2, с. 194], а о совершенствовании и необходимой доработке оглавления и норм ТК РФ как кодифицированного акта о труде, не оспаривая при этом его прогрессивный и значимый характер. Между тем для построения целостной и завершенной системы трудового законодательства РФ законодателю еще предстоит принять ряд нормативных правовых актов, к которым отсылает кодекс. Например, с 05.05.2014 имеется отсылка к федеральному закону в ст. 341.3 по вопросу юридических лиц, которыми могут заключаться договоры о предоставлении труда работников (персонала), который до сих пор не принят. Таким образом, следует продолжить модернизацию ТК РФ как одного из самых главных источников трудового права.

Литература

1. Головина С.Ю. Кодификация трудового законодательства // Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2008. С. 114-129.
2. Жильцов М.А. Инкорпорация как способ устранения системных дефектов трудового права // Российский юридический журнал. 2009. № 5 (65). С. 187-194.
3. Томилин М. Электронный инспектор «сэкономил» работодателям более 5 млрд рублей. URL: <http://rosmintrud.ru/labour/relationship/294> (дата обращения: 10.11.2017).
4. Шестерякова И.В. Проблемы совершенствования трудового законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6 (95). С. 253-259.

Ю.А. Михайленко, канд. юрид. наук, доцент

Рубцовский институт (филиал) Алтайского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СРОКОВ ДЛЯ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ

Статья 352 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) называет судебную защиту в числе основных способов защиты трудовых прав и свобод. Отметим, что более уместно в данном случае говорить не о способе защиты, а о форме. К способам же защиты трудовых прав (по аналогии со способами защиты гражданских прав) можно отнести: признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права,

и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; присуждение к исполнению обязанности в натуре; возмещение убытков; компенсацию морального вреда; установление, прекращение или изменение правоотношения; изменение формулировки причины увольнения; неприменение судом нормативного

правового акта, противоречащего нормативным правовым актам, имеющим более высокую юридическую силу; иные способы, предусмотренные законом.

Законодательство устанавливает достаточно короткие сроки для обращения за защитой нарушенных или оспоренных трудовых прав: трехмесячный со дня, когда работник узнал или должен был узнать о нарушении своего права; по делам об увольнении – месячный срок со дня вручения копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки; десятидневный со дня вручения копий решения КТС, если работник или работодатель обжалуют это решение; и в течение года со дня обнаружения причиненного работником материального ущерба работодателю по вопросам взыскания с работника этого ущерба (ст. 390, 392 ТК РФ). В 2016 г. увеличен срок обращения за разрешением индивидуального трудового спора о невыплате (неполной выплате) заработной платы и других выплат, причитающихся работнику. Он имеет право обратиться в суд в течение года со дня установленного срока выплаты указанных сумм, в т.ч. выплат, причитающихся работнику при увольнении (ч. 2 ст. 392 ТК). В случае пропуска по уважительным причинам сроки могут быть восстановлены судом (ч. 4 ст. 392 ТК РФ). Примерный перечень таких причин указал Верховный Суд РФ [1, п. 5].

Заметим, что Гражданским кодексом РФ (далее – ГК РФ) правила, касающиеся исчисления и применения срока исковой давности, определены гораздо детальнее: установлено, что исковая давность применяется судом только по заявлению другой стороны (ст. 199); течение указанного срока по регрессным обязательствам начинается со дня исполнения основного обязательства (п. 3 ст. 200); названы обстоятельства, приостанавливающие (ст. 203) и прерывающие течение срока исковой давности (ст. 204 ГК РФ). В связи с увеличением срока на судебную защиту требований о выплатах, причитающихся работнику, могут представлять интерес и нормы, касающиеся учета обстоятельств, приостанавливающих течение срока исковой давности, а также тех, с которыми может быть связано восстановление пропущенного срока: таковые учитываются, если имели место в последние шесть месяцев срока давности (п. 2 ст. 202, ст. 205 ГК РФ).

Анализ судебной практики показывает, что суды в обоснование своих решений активно ссылаются на указанные выше нормы и при разрешении трудовых споров, а равно споров, вытекающих из отношений по социальному обеспечению [2, 5]. Верховный Суд РФ, обобщая практику при-

менения трудового законодательства, также подчеркнул, что вопрос о пропуске истцом срока обращения в суд может разрешаться судом при условии, если об этом заявлено ответчиком. Однако, аргументируя свою позицию, Верховный Суд РФ сослался не на гражданское, а на гражданско-процессуальное законодательство, указав, что из содержания ч. 6 ст. 152 ГПК РФ, а также ч. 1 ст. 12 ГПК РФ, следует, что правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон [1, п. 5].

В соответствии с ч. 3 ст. 200 ГК РФ по регрессным обязательствам течение срока исковой давности начинается со дня исполнения основного обязательства. Ввиду отсутствия в трудовом законодательстве аналогичной нормы суды зачастую руководствуются указанной нормой и для определения начала течения срока обращения за судебной защитой и в случае, когда регрессное требование вытекает из трудовых отношений. Так, Л., водитель ГУП «Мосгортранс», 8 октября 2010 г. допустил дорожно-транспортное происшествие, в результате чего был причинен ущерб транспортному средству, принадлежащему С. Во исполнение решения суда о возмещении причиненного ущерба ГУП «Мосгортранс» 7 июня 2012 г. перечислило в пользу С. денежные средства, а затем обратилось в суд с требованием взыскать с Л. указанную сумму в порядке регресса. Возражая против иска, ответчик сослался на пропуск срока исковой давности, однако суд, сославшись на ч. 3 ст. 200 ГК РФ, определил момент начала течения указанного срока как дату исполнения основного обязательства [3].

Наконец, важное значение для исчисления срока для обращения за судебной защитой имеет правильное определение характера спора. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Татарстан И. была восстановлена на работу, а также в ее пользу была взыскана средняя заработная плата за вынужденный прогул, компенсация морального вреда, расходы на оплату услуг представителя. Однако апелляционное определение, вступившее в законную силу 22 января 2015 г., в части выплаты взысканной в судебном порядке суммы было исполнено ответчиком лишь 12 марта 2015 г. В связи с этим в июле того же года И. обратилась в суд с требованием взыскать с ответчика в ее пользу проценты за период задержки исполнения судебного решения, а также судебные расходы. Обосновывая требование об уплате процентов, истец первоначально ссылалась на ст. 236 ТК РФ, в соответствии с которой при нарушении работодателем установленного

срока выплаты заработной платы, оплаты отпуска, выплат при увольнении и (или) других выплат, причитающихся работнику, работодатель обязан выплатить их с уплатой процентов в размере не ниже одной трехсотой действующей в это время ставки рефинансирования Центрального банка РФ от невыплаченных в срок сумм за каждый день задержки. Представитель ответчика в судебном заседании заявил о неприменимости ст. 236 ТК РФ к возникшим между сторонами правоотношениям, а также о пропуске истцом срока исковой давности для обращения в суд, согласно ч. 1 ст. 392 ТК РФ (в редакции, действовавшей до внесения изменений Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 272-ФЗ).

Суд признал, что возникший спор не вытекает из трудовых отношений, а между сторонами возникли отношения, связанные с исполнением судебного акта. Учитывая, что ответчиком допущена просрочка исполнения денежного обязательства, на сумму задолженности подлежат начислению проценты за пользование чужими денежными средствами, рассчитанные в соответствии со ст. 395 ГК РФ. Поэтому довод о пропуске истцом срока на подачу искового заявления, предусмотренного ст. 392 ТК РФ, суд отклонил, поскольку положения указанной нормы в данном случае не подлежат применению, а следовательно в соответствии со ст. 196, 200 ГК РФ срок исковой давности не пропущен [4].

Литература

1. О применении судами РФ Трудового кодекса РФ [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Решение Лукояновского районного суда Нижегородской области от 18 июля 2017 г. по иску о взыскании детских пособий. Д. № 2-463/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/xG4Gx4jLofU9> (дата обращения: 11.12.2017).
3. Решение мирового судьи судебного участка № 329 Лосиноостровского района г. Москвы от 17 декабря 2013 г. Д. № 2-339/13. URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/FVmTcQQuC1NK> (дата обращения: 11.12.2017).
4. Решение мирового судьи судебного участка № 373 Таганского района г. Москвы от 22 октября 2015 г. Д. № 2-692/15. URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/jSCaP9y4Uwr9> (дата обращения: 11.12.2017).
5. Решение Ямальского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 19 июля 2017 г. по иску о выплате единовременного пособия молодому специалисту. Д. № 2-147/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ALTySlzp93o5> (дата обращения: 11.12.2017).

*Д.В. Пятков, канд. юрид. наук, доцент
Алтайский государственный университет*

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ: СУБЪЕКТЫ СОБСТВЕННОСТИ – СУБЪЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Согласно ст. 126 ГК РФ Российская Федерация, субъект РФ, муниципальное образование отвечают по своим обязательствам принадлежащим им на праве собственности имуществом. По общему правилу никакое публично-правовое образование не отвечает по обязательствам другого публично-правового образования. Такое решение вопроса может показаться странным, если учесть аффилированность Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований. Но ло-

гика современного отечественного права такова: все публично-правовые образования одинаково правосубъектны, в качестве собственников обладают полной имущественной обособленностью, по этим причинам способны к самостоятельной ответственности по обязательствам.

Современное решение вопроса о гражданской правосубъектности Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований не является очевидным. Оно в значительной мере

было подготовлено советской юридической наукой. В советском праве по вопросам участия государства в отношениях собственности известны труды таких ученых, как А.В. Венедиктов [2], П.П. Виткявичус [3], А.В. Карасс [4], С.М. Корнеев [5], Я.Ф. Миколенко [6], А.А. Пушкин [7], В.С. Якушев [8] и др. Большое распространение в советской юриспруденции получил взгляд на государство как систему. Причем на вопрос о правосубъектности такой системы различными авторами давались неодинаковые ответы.

Наиболее последовательное решение было предложено М.И. Брагинским [1]. Он рассматривал Советское государство в качестве правосубъектной системы, центром которой являлся Союз ССР, также действовавший в качестве самостоятельного субъекта права. СССР в гражданском праве не система, а часть системы. «Советское государство» и «Союз ССР» – это не только разные термины, но и понятия. С их помощью М.И. Брагинский пишет о разных субъектах. Система, которую возглавлял Союз ССР, состояла в первую очередь из союзных и автономных республик, а также всех известных административно-территориальных образований и государственных юридических лиц. Она охватывала все звенья государственного управления, которые рассматривались не в административно- или государственно-правовом, а в гражданско-правовом аспекте.

Субъектом права государственной собственности М.И. Брагинский признавал лишь саму правосубъектную систему – Советское государство. Причем институту права государственной собственности отводилось место в государственном праве. В сферу гражданско-правового регулирования попадали совершенно иные субъекты и отношения, а именно отношения оперативного управления. Субъектами права оперативного управления были признаны все звенья системы, каждый ее элемент: от Союза ССР до первичного административно-территориального образования, а также государственные юридические лица.

Столь важное для той эпохи единство государственной собственности нашло закрепление в нормах государственного права и выразилось в лице Советского государства, а столь необходимое для нормальной организации общественного хозяйства имущественное обособление субъектов закреплялось в гражданском праве и выражалось в лице Союза ССР, союзных республик и всех прочих звеньев системы.

Именно эта концепция, но получившая свое дальнейшее развитие, была одобрена российским законодателем и нашла отражение в ГК

РФ. Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования признаются самостоятельными субъектами гражданского права, как признавались субъектами гражданского права Союз ССР, союзные республики и советские административно-территориальные образования. Но теперь Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования признаются самостоятельными субъектами гражданского права в ранге собственников, а не в качестве обладателей вторичного права оперативного управления.

Образно говоря, в наше время элементы системы отняли титул собственности у системы, сделав существование системы фактом не столь значительным, как прежде. Если система в советское время именовалась Советским государством, то сегодня ее можно назвать Российским государством. Если центром Советского государства признавался Союз ССР, то центром Российского государства можно признать Российскую Федерацию. Если прочими звеньями Советского государства считались союзные республики и административно-территориальные образования, то прочими звеньями Российского государства можно считать субъекты РФ и муниципальные образования.

Возникает вопрос: неужели Российская Федерация как субъект права – это не Российское государство? В советское время не считалось зазорным думать и говорить, что такое государство как Союз ССР отличается от Советского государства. Во всяком случае М.И. Брагинский так говорил. Дело в том, что в гражданском праве словосочетание «Российская Федерация» используется не как географическое название, не для обозначения субъекта политики. Географические карты не помогут разобраться в вопросе о гражданской правосубъектности Российской Федерации и даже могут сбить с толку.

С гражданско-правовой точки зрения Российская Федерация – это не совокупность субъектов РФ, как Союз ССР не был совокупностью союзных республик именно в гражданском праве. Имущество Российской Федерации не совокупность имуществ субъектов РФ, как имущество Союза ССР не было совокупностью имуществ союзных республик. Как Союз ССР был центром системы, включающей союзные республики, так и Российская Федерация – центр системы, другими элементами которой являются субъекты РФ. Но если Советское государство было собственником, а звенья той системы собственниками не были, то Российское государство не рассматривается в качестве собственника, а звенья этой системы признаются таковыми. К Российскому государству, лишенному способно-

сти быть собственником, интерес гражданского права убавился, в текстах законодательства он и вовсе никак не проявляется.

Не удивительно, что гл. 5 ГК РФ называется: «Участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в отношениях, регулируемых гражданским

законодательством». Законодатель не стал упоминать о системе, о едином Российском государстве в гражданском праве, поскольку не только гражданская правосубъектность, но и субъективные права собственности теперь принадлежат элементам системы. Они и призываются к ответственности каждый по своим обязательствам.

Литература

1. Брагинский М.И. Участие Советского государства в гражданских правоотношениях. М.: Юрид. лит., 1981. 192 с.
2. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.–Л.: Изд-во Академ. наук СССР, 1948. 840 с.
3. Виткявичус П.П. Гражданская правосубъектность советского государства. Вильнюс: Минтис, 1978. 208 с.
4. Карасс А.В. Право государственной социалистической собственности (объекты и содержание). М.: Изд-во Академ. наук СССР, 1954. 280 с.
5. Корнеев С.М. Право государственной социалистической собственности в СССР. Изд-во МГУ, 1964. 256 с.
6. Миколенко Я.Ф. Государственные юридические лица в советском гражданском праве // Советское государство и право. 1951. С. 40-53.
7. Пушкин А.А. Советское государство как субъект гражданского права: конспект лекций для студентов. Харьков: Изд-во Харьковского юрид. ин-та, 1965. 23 с.
8. Якушев В.С. О самостоятельности института права государственной социалистической собственности и его государственно-правовой природе // Сборник научных трудов Свердловского юридического института. Свердловск, 1970. Вып. 13. С. 85-110.

*Н.А. Рябинин, канд. юрид. наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России*

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Механизм защиты гражданских прав является одним из важнейших механизмов российской правовой системы и представляет собой разновидность отраслевого механизма гражданского права, посредством которого происходит предупреждение и пресечение гражданских правонарушений, а также восстановление нарушенных субъективных прав.

«Действие механизма защиты гражданских прав можно представить как движение от одного этапа к другому, от достижения конкретного промежуточного правового результата к реализации следующего. Поэтапное действие правового механизма происходит по нормативно заданной схеме, которая предусматривает, какие юридические

средства, на каком этапе и при каких условиях должны вступить в работу. Завершающим этапом механизма должно стать реальное воплощение в жизнь конкретной цели, для достижения которой осуществлялась защита гражданских прав» [2, с. 47].

Содержание механизма защиты гражданских прав, особенности взаимодействия составляющих его юридических средств могут быть раскрыты благодаря учению о механизме правового регулирования, основоположником которого является известный российский ученый С.С. Алексеев [1].

Полагаем, что механизм защиты гражданских прав может осуществляться как в рамках

механизма правового регулирования (в том случае если управомоченный субъект гражданского правоотношения самостоятельно, не обращаясь к властным органам, осуществляет защиту в рамках предоставленных ему субъективных прав), так и в рамках отдельно существующего охранительного механизма (когда носитель субъективного права в установленном порядке обращается к компетентным органам за защитой). Механизм правового регулирования в своевременной юриспруденции всесторонне исследован, поэтому мы раскроем основные характеристики (стадии и элементы) защиты субъективных гражданских прав в рамках отдельно существующего охранительного механизма.

Первая стадия охранительного механизма защиты гражданских прав, как и стадия механизма правового регулирования, – стадия правообразования. Сущность данной стадии заключается в создании общих правил поведения в обществе. На этой стадии имеют место такие юридические средства, как норма права, нормативно-правовой акт, источник права, система права и др.

Специфика охранительного механизма защиты гражданских прав по отношению к механизму правового регулирования на данной стадии состоит в том, что мельчайшим юридическим средством на этой стадии выступает охранительное правовое предписание (норма права) и специальные процессуально-правовые нормы, создаваемые для ее реализации. Особенности охранительного гражданско-правового предписания заключаются в том, что охраняемые субъективные гражданские права и юридические обязанности возникают из оснований, предусмотренных законом и иными правовыми актами, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены законом или такими актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности. Поэтому для гражданско-правового механизма защиты (в отличие от большинства других отраслевых охранительных механизмов) характерно применение не только норм закона, но и общих начал, смысла (духа) закона, аналогии права и закона (ст. 6 ГК РФ), а также обычаев (ст. 5 ГК РФ).

Второй стадией охранительного механизма защиты гражданских прав выступает стадия конкретизации правовых предписаний. Сущность данной стадии заключается в том, что созданные на первой стадии охранительные нормативно-правовые предписания (адресованные неопределенному кругу лиц и рассчитанные на неоднократное применение) конкретизируются

применительно к определенным субъектам права и определенным жизненным ситуациям. На данной стадии основными юридическими средствами выступают такие средства, как юридический факт и правоотношение.

Юридический факт в охранительном механизме защиты гражданских прав особый – в большинстве случаев это гражданское правонарушение. Многообразие и особенности гражданских правоотношений допускают возможность возникновения и иных юридических фактов – факт спора о праве, факт угрозы совершения правонарушения или наступления неблагоприятных последствий, факт создания препятствий для реализации субъективного права, факт злоупотребления правом и другие. При этом особенностью гражданского права будет закрепление юридического факта как в нормативных правовых актах и других источниках (международных договорах, обычаях), так и в гражданско-правовом договоре.

Юридический факт неизменно влечет за собой особое охранительное гражданско-правовое отношение. Специфика охранительного гражданского правоотношения, возникающего на данной стадии, заключается в следующем:

- во-первых, охранительное отношение – это всегда отношение власти и подчинения, в котором субъекты расположены вертикально, при этом один субъект – властвующий (носитель властных полномочий), а другие – подвластные (обязаны исполнять требования властвующего субъекта);

- во-вторых, в охранительном отношении субъекты (за исключением инициатора защиты, который может отказаться от данного права) не имеют возможности самостоятельно определять варианты своего поведения, т.е. такое отношение регулируется с помощью императивного метода;

- в-третьих, охранительное отношение имеет особый объект – оно возникает и осуществляется по поводу оспариваемого, нарушаемого или нарушенного субъективного гражданского права;

- в-четвертых, выбор субъектом правоотношения конкретных способов и средств защиты субъективного гражданского права обусловлены как интересом управомоченного субъекта, так и природой нарушаемого (нарушенного) субъективного права. Так, например, защита прав собственника предполагает наделение его определенными правомочиями на защиту своих вещных прав от нарушений со стороны заранее не определенного числа лиц, использование таких средств защиты, как виндикация, негаторный иск, иск о признании. Пострадавший участник обязательственных правоотношений может прибегнуть к возможности возмещения убытков за

счет другого известного участника обязательства и т.д.

Третья, обязательная в отличие от механизма правового регулирования, стадия охранительного механизма защиты гражданских прав – применение права, в нашем случае состоящая в деятельности компетентных властных субъектов права, направленной на обеспечение реализации или восстановления субъективных гражданских прав путем определения мер государственного принуждения (в т.ч. и юридической ответственности) к субъектам, мешающим нормальной реализации гражданских прав (правонарушителям). Данная стадия завершается вынесением правоприменительного акта.

Применение права в охранительном механизме защиты гражданских прав имеет четыре специфические черты.

- особое основание для ее осуществления – спор о праве, угроза или совершение правонарушения, злоупотребление правом;

- специально уполномоченный субъект, осуществляющий применение права – правоохранительный орган и особый адресат – лицо, препятствующее нормальной реализации субъективного гражданского права;

- особая цель – защита субъективного права путем его признания, пресечения противоправных действий, возмещения убытков или восстановления права.

Четвертая заключительная стадия охранительного механизма защиты гражданских прав – непосредственная реализация правовых предписаний. На этой стадии право становится реальностью, т.е. воплощается в правомерном поведении субъектов права. Юридические средства,

присутствующие на этой стадии: формы непосредственной реализации права, акт реализации права, правомерное поведение. На этой стадии нарушитель прекращает совершение противоправных действий, возмещает причиненный вред, выплачивает неустойку, совершает иные предписанные ему действия.

Кроме основных обязательных стадий в охранительном механизме защиты гражданских прав может иметь место факультативная стадия, заключающаяся в толковании права. Отметим, что толкование права может иметь место на любой из стадий охранительного механизма защиты гражданских прав. Например, толкование права может осуществить правотворческий субъект, создающий охранительное нормативно-правовое предписание на первой стадий. Толкование права может понадобиться на второй стадии, при разъяснении участникам охранительных отношений их прав и обязанностей. Толкование права необходимо и на стадии применения права.

Таким образом, охранительный механизм защиты гражданских прав можно представить как форму правового воздействия, осуществляемого по инициативе управомоченного субъекта с помощью специального набора юридических средств, направленных на разрешение спора о праве, предупреждение и пресечение гражданских правонарушений и возмещение вреда, причиненного нарушителем субъективного гражданского права, путем применения закрепленных в гражданском законодательстве мер государственного принуждения. Механизм защиты включает в себя четыре основных обязательных стадии (правообразование, конкретизацию, применение и реализацию права) и одну факультативную (толкование права).

Литература

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.
2. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М., 2010.

А.С. Селиванов

Барнаульский юридический институт МВД России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОДХОДА К УСТАНОВЛЕНИЮ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯНИЯ, НАПРАВЛЕННЫЕ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Традиционно показания свидетелей считаются одним из важнейших источников информации. Благодаря данному средству доказывания можно наиболее полно восстановить произошедшие факты (события или совершённые действия). Связывая значимые факты воедино, показания помогают установить обстоятельства, подлежащие доказыванию.

В понятии, данном В.В. Молчановым, определено, что показания свидетеля – это устное сообщение юридически незаинтересованным лицом сведений об относимых к делу обстоятельствах, о которых оно осведомлено лично или из известных источников, полученное в установленном законом порядке [3].

Именно отсутствие юридической заинтересованности предопределяет достоверность излагаемой свидетелем информации. Вместе с тем в качестве мотивов лжесвидетельства может выступать не только юридический интерес к делу, но и желание помочь родственнику или знакомому, корыстные интересы, страх перед участником процесса и т.д.

Один из первых законов, по которому свидетели, нарушившие клятву говорить правду, привлекались к ответственности, появился в средневековой Англии. Закон 1563 г. предусматривал в качестве наказания как штраф, так и лишение свободы. Лжесвидетеля, которому нечем было заплатить штраф, прибавали за уши к позорному столбу на площади [1].

В отечественном законодательстве правила, требующие дисциплины при сообщении полезной информации суду, корректировалась для достижения целей процесса и соблюдения режима судопроизводства.

Так, публично-правовой характер обязанностей свидетеля сложился в конце XVII в., когда в ходе Петровских реформ в России утвердилась следственная форма судопроизводства. Свидетели перешли в разряд свидетелей, привлекаемых по инициативе суда, а не сторон, как было ранее при состязательном процессе. В середине XIX в. процесс вновь приобрел классическую состязатель-

ную форму, тем не менее обязанность, носящая публично-правовой характер, давать свидетельские показания при разбирательстве гражданских дел была сохранена. В советский период развитие гражданского процессуального права пошло по пути укрепления социалистической законности, что позволяло и делало обоснованным вмешательство государства в частноправовые отношения сторон. Поэтому публичная обязанность лица давать показания в суде, а также усиление ответственности и ужесточение санкций за неисполнение данной обязанности закрепились в процессуальных нормах [2].

Действующие процессуальные кодексы АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ и УПК РФ содержат указание на то, что свидетели за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний несут предусмотренную законом ответственность, отсылая к Уголовному кодексу. В Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» говорится о приведении свидетеля к присяге и предупреждении об уголовной ответственности за неисполнение своих обязанностей.

Санкция ч. 1 ст. 307 УК РФ, которая применяется за деяния свидетеля не только в уголовном судопроизводстве, предполагает меру ответственности в виде штрафа в размере до 80 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательные работы на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительные работы на срок до двух лет, либо арест на срок до трех месяцев.

Иная мера ответственности закреплена в ст. 17.9 КоАП РФ: при рассмотрении дела об административном правонарушении, за те же деяния, для свидетеля предусмотрена административная ответственность в виде наложения административного штрафа в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей.

Из этого следует, что в настоящее время в законодательстве наблюдается индивидуальный подход к установлению ответственности за со-

вершение деяния, которое уголовный закон определяет как преступление против правосудия.

Насколько оправдан такой подход?

Уголовный закон в силу своей правовой природы считается крайним средством, с помощью которого государство регулирует общественные отношения, и применяется лишь в тех сферах, регулирование которых с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности оказывается недостаточным.

Считаем необходимым унифицировать и распространить правила ст. 307 УК РФ на деяния свидетеля, а также эксперта, специалиста или переводчика, в том числе при производстве по делу об административном правонарушении.

В обоснование высказанной позиции, следует указать, что за первое полугодие 2017 г. по ст. 17.9 КоАП РФ судами подвергнуто наказанию 110 лиц. Самостоятельные данные по ст. 307 УК РФ

в материалах судебной статистики Верховного Суда РФ отсутствуют, вероятно, данный состав отнесен к графе «прочие уголовные дела», которую невозможно проанализировать [5]. Все это говорит об относительно небольшом количестве дел данной категории.

Общеизвестно, что лжесвидетельство резко не порицается и в том числе среди правоприменителей не считается серьезным нарушением. К тому же привлечь к ответственности и доказать заведомо ложный характер сведений, не просто. Однако ложь в правоотношениях, связанных с судопроизводством, увеличивает риски для личности, общества и государства.

Один лишь факт возможности привлечения к уголовной ответственности является дисциплинирующим для участников судопроизводства и позволит не допустить, чтобы лжесвидетельство приобрело массовый характер.

Литература

1. Дометеев В. Ответственность за заведомо ложные показания свидетелей // Законность. 2006. № 6. С. 38-40.
2. Молчанов В.В. Об ответственности в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 10. С. 28-31.
3. Молчанов В.В. Свидетели и свидетельские показания в гражданском судопроизводстве. М.: Изд. дом «Городец», 2010. 432 с.
4. Селиванов А.С. Уголовная ответственность за правонарушения в гражданском судопроизводстве // Сборник материалов межведомственного круглого стола. Барнаул, 2012. С. 107-110.
5. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4151> (дата обращения: 20.11.2017).

А.А. Серебряков

Алтайский государственный университет

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ ВЕДЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ

Регулирование преддоговорных отношений даже в самом общем виде было бы бессмысленным, если бы законодатель не предусмотрел ответственность за недобросовестные действия при проведении переговоров. Одним из примеров закрепления в международном праве ответственности за недобросовестное поведение при проведении переговоров о заключении договора являются положения статьи 2.15 Принципов международных коммерческих договоров [6]. В соответствии с пунктом 2 указанной статьи сторона, которая ведет или прерывает переговоры недо-

бросовестно, является ответственной за потери, причиненные другой стороне.

Современное российское законодательство также возлагает на недобросовестного участника переговоров обязанность возместить другой стороне причиненные своим недобросовестным поведением убытки. Однако вопрос о правовой природе преддоговорной ответственности остается открытым. В зарубежном законодательстве также нет единого подхода к решению вопроса об институциональной принадлежности преддоговорной ответственности. Так, А.В. Демкина, анализируя гражданские кодексы отдельных европей-

ских стран, приходит к выводу, что преддоговорная ответственность в Германии и Австрии рассматривается как ответственность, вытекающая из договорных отношений, а во Франции – как ответственность за деликт [2, с. 33]. В современной отечественной литературе авторы не склонны рассматривать преддоговорную ответственность в качестве разновидности деликтной ответственности. Однако договорной ее прямо не называют. Д.Н. Кархалев отмечает: «Преддоговорная ответственность по своей юридической природе в большей степени тяготеет к ответственности за нарушение обязательств» [3, с. 7]. К.В. Гнищевич характеризует преддоговорную ответственность как квазидоговорную [1, с. 12].

Упоминание в п. 8 ст. 434.1 Гражданского кодекса РФ возможности применения к отношениям, возникшим при установлении договорных обязательств, правил о деликтных обязательствах вряд ли можно рассматривать в качестве квалификации преддоговорной ответственности как деликтной. Во-первых, до возникновения обязанности по возмещению убытков участники переговорного процесса персонифицированы, т.е. между ними возникают относительные отношения. Во-вторых, участник переговоров, понесший убытки, должен доказать вину участника, прекратившего переговоры, т.е. его недобросовестность [4]. Содержащаяся в ст. 434.1 отсылка к главе 59 Гражданского кодекса РФ является не более чем юридико-техническим приемом восполнения возможных пробелов правового регулирования.

Необходимо отметить, что практика применения ст. 434.1 Гражданского кодекса РФ уже начала складываться. Одно из первых дел по правилам данной статьи было рассмотрено Арбитражным судом Московской области [7]. В данном случае потенциальный арендодатель предъявил иск к несостоявшемуся арендатору о взыскании убытков за недобросовестное ведение переговоров в виде упущенной выгоды – неполученных арендных платежей. Стороны в течение нескольких месяцев вели переговоры о заключении договора аренды, но после получения подписанного арендодателем экземпляра договора арендатор прекратил переговоры. В данном деле истцу не пришлось доказывать недобросовестность поведения ответчика, т.к. последний допустил внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать (в рассматриваемой ситуации пункт 2 ст. 434.1 Гражданского кодекса РФ предусматривает презумпцию недобросовестности). Примечательно, что в данном деле суды первой,

апелляционной и кассационной инстанции также не стали рассматривать преддоговорную ответственность в качестве деликтной.

Не менее интересным в данном деле является и то, какие убытки были взысканы с ответчика. Суд первой инстанции указал, что в данном случае юридическая ответственность ответчика предусмотрена не за расторжение истцом договоров аренды с прежними арендаторами, а за недобросовестное ведение переговоров как непрерывно длящегося, единого процесса, который находится в причинно-следственной связи с упущенной выгодой истца – неполученных арендных платежей от прежних арендаторов за период в 6 месяцев [7]. Правомерность взыскания упущенной выгоды по данному делу была подтверждена судами апелляционной и кассационной инстанций.

Однако в судебной практике встречается и противоположная точка зрения по вопросу допустимости взыскания упущенной выгоды в рамках преддоговорной ответственности. Так, в постановлении девятого арбитражного апелляционного суда отмечается, что участник переговоров вправе в порядке возмещения убытков потребовать от недобросовестной стороны возместить ему только понесенные расходы, но не доходы, которые этот участник получил бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено, то есть упущенную выгоду [5].

Представляется, что такая позиция вызвана не вполне удачной редакцией абз. 2 п. 3 ст. 434.1 Гражданского кодекса РФ. Сужение убытков только до расходов (реального ущерба) явно не будет соответствовать принципу полного возмещения убытков. Видимо поэтому в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 в отличие от Гражданского кодекса РФ говорится не о расходах, понесенных в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом, а об убытках, понесенных в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом [4]. И хотя такое толкование вступает в противоречие с нормой права, позиция Верховного Суда РФ представляется разумной и справедливой, т.к. обеспечивает реализацию гражданско-правового принципа полного возмещения убытков. В то время как ограничение ответственности недобросовестного участника переговоров будет подрывать саму идею закрепления в гражданском законодательстве преддоговорной ответственности.

Таким образом, в статье 434.1 Гражданского кодекса РФ следует прямо закрепить возможность взыскания с недобросовестного участника переговоров не только реального ущерба, но и упущенной выгоды.

Литература

1. Гнищевич К.В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве: culpa in contrahendo: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. С. 11-12.
2. Демкина А.В. О преддоговорной ответственности в гражданском праве // Гражданское право. 2016. № 1. С. 31-34.
3. Кархалев Д.Н. Преддоговорная ответственность в гражданском праве // Юрист. 2013. № 20. С. 7-9.
4. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.04.2017 № 09АП-9701/2017 по делу № А40-180188/16. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.11.2017).
6. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) 1994 г. // Закон. 1995. № 12.
7. Решение Арбитражного суда Московской области по делу № А41-90214/16 от 04.04.2017. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.11.2017).

А.А. Странцов

Барнаульский юридический институт МВД России

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ДОСТУПА ИНВАЛИДОВ К ЖИЛЫМ ПОМЕЩЕНИЯМ В МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМАХ

Актуальность заявленной сферы правовой реальности состоит в том, что в настоящее время, несмотря на юридические гарантии гражданам-инвалидам по максимальной государственной поддержке, физические лица, несколько ограниченные по медицинским показателям в конституционном праве на свободу перемещения по причине наличия серьезных травм, причиненных вредоносными событиями природного или антропогенного характера, («маломобильные граждане») фактически не способны воспользоваться функцией лестничного марша, в том числе и возле крыльца своего подъезда, не говоря уже о подъеме на соответствующий этаж. Вместе с тем основное право граждан определяется как возможность, позволяющая каждому гражданину избрать вид и меру своего поведения, пользоваться предоставленными ему благами [2, с. 49].

В российских населенных пунктах по-прежнему имеет место быть огромное количество многоквартирных домов малоэтажной и среднеэтажной застройки, не оборудованных не только пандусами и подъемниками, но и лифтами. Однако, как абсолютно верно считает Владимир

Путин, «внимание к людям с ограниченными возможностями по здоровью должно быть постоянным, не показным, а действия государства – эффективными... Здесь не нужно никаких украшательств, эти пандусы ничего не стоят, это всё копейки, просто внимание к этому должно быть соответствующим образом проявлено» [1].

С юридической точки зрения отправной основой для реализации прав и законных интересов инвалидов, ограниченных в перемещении в пространстве, по доступу к жилому помещению в многоквартирном доме является норма ст. 15 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Так, планировка и застройка городов, других населенных пунктов, формирование жилых и рекреационных зон, разработка проектных решений на новое строительство и реконструкцию зданий, сооружений и их комплексов, а также разработка и производство транспортных средств общего пользования, средств связи и информации без приспособления соответствующих объектов для беспрепятственного доступа к ним инвалидов и использования их инвалидами не допускаются.

Таким образом, речь идет об установлении императивного запрета относительно отсутствия специальных технических условий по доступу инвалида к социальному объекту, в т.ч. в составе частного жилищного фонда. Вопреки закону, иногда «случаются события в жизни инвалидов и семей с детьми-инвалидами, которые иначе как дискриминацией по признаку инвалидности не назовёшь» [1]. В связи с указанным Правительство РФ летом 2016 г. утвердило порядок по обеспечению условий доступности для инвалидов к жилым помещениям в многоквартирных домах («О мерах по приспособлению жилых помещений и общего имущества в многоквартирном доме с учетом потребностей инвалидов», утвержденные Постановлением Правительства РФ от 09.07.2016 № 649, далее по тексту – Правила). Однако данные положения в основном результативно применяются к строящимся объектам, когда в проекте в обязательном порядке предусматривается возведение пандусов, подъемников или иных технических устройств. К любым многоэтажным зданиям, построенным до 2016 г., названный порядок применяется малоэффективно. Так, на официальном сайте Уполномоченного по правам человека в Алтайском крае указывается, что длительное время на контроле Уполномоченного находилась жалоба жителя Алейска о недоступности здания суда для маломобильных граждан. Тогда краевой Судебный департамент проинформировал Уполномоченного о том, что в 2016 г. городской суд переедет в новое здание. Сегодня жалоба снята с контроля. Крыльцо обустроено пандусом, залы судебных заседаний расположены на первом этаже [3].

Кстати, обращаясь к судебной практике, необходимо констатировать отсутствие единообразного подхода по вопросу порядка установки пандусов в многоквартирных домах. С одной стороны, как ранее уже было отмечено, российским законодательством гражданам-инвалидам гарантируются условия для беспрепятственного их доступа к общему имуществу в многоквартирных домах. При этом представляется возможным сделать вывод о том, что установка пандуса или иного технического устройства для беспрепятственного доступа инвалида к своему жилому помещению не требует принятия соответствующего решения общим собранием собственников многоквартирного дома в соответствии с п. 5.1 ст. 2, ч. 3 ст. 15 Жилищного кодекса РФ, подп. «б» п. 14, п. 23 Правил. С другой же стороны, владение и пользование общим имуществом многоквартирного дома, к которому относятся, в частности, лестничный марш, лест-

ничные площадки, коридоры, крыльцо подъезда, осуществляется по соглашению всех участников общей долевой собственности в соответствии с п. 1 ст. 247, п. 1 ст. 290 Гражданского кодекса РФ; ч. 1 ст. 36, ч. 1 ст. 44 Жилищного кодекса РФ. Иными словами, чаще всего для инициирования процедуры по обеспечению технического доступа инвалида к своему жилому помещению необходимо организовать и провести общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме [1], что представляется достаточно сложно выполнимым для лица с ограниченными возможностями. Несмотря на то что общее собрание может быть создано по инициативе любого из собственников помещений, по общему правилу таковое будет правомочно, только если в нем примут участие собственники или их представители, обладающие более чем половиной процентов общего числа голосов, пропорционально общей площади жилых помещений. Кроме того, решение должно быть принято большинством голосов от общего числа голосов участников общего собрания и оформлено протоколом.

Вместе с тем, пройдя данный этап, необходимо констатировать, что рассматриваемая проблема имеет сомнительную перспективу своего разрешения. При управлении общим имуществом многоквартирного дома должны обеспечиваться благоприятные и безопасные условия проживания всех граждан, вне зависимости от каких-либо физических характеристик некоторых из них. В зависимости от способов управления (товарищество собственников жилья, управляющая компания и др.) необходимо составить и представить в исковую организацию заявление по поводу установки технического устройства с обязательным приложением протокола проведенного общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме. В этом случае на практике чаще всего имеют место быть отказы по финансовым, техническим или иным причинам. Безусловно, в таких ситуациях инвалиды (их представители) вправе обратиться в прокуратуру или суд. Но и в дальнейшем отсутствуют должные правовые гарантии для реализации права инвалидов, в том числе детей. Так, например, администрация Златоуста в Челябинской области не устанавливает пандус даже после решения суда [1].

Таким образом, требуются серьезные законодательные доработки рассматриваемой сферы правового регулирования с целью обеспечения прав и законных интересов маломобильных граждан как полноценных субъектов в составе российского гражданского общества.

Литература

1. Владимир Путин провел заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://protmen.ru/archives/5899> (дата обращения: 17.11.2017).
2. Кабанова Ю.С. Реализация права человека и гражданина на доступ к культурным ценностям в Российской Федерации // Закон и право. 2015. № 2. С. 49-53.
3. Удобно судьям, удобно гражданам. URL: <http://protmen.ru/archives/8081> (дата обращения: 17.11.2017).

*С.А. Ступина, канд. юрид. наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

По итогам 2015 г. по России вместе с Крымским федеральным округом зарегистрированы 329 преступлений экстремистской направленности (+29,7%) и 1538 – террористического характера (+36,3%).

За 2016 г. эти показатели соответственно составили 1450 преступлений экстремистской направленности (+9,1%) и 2227 – террористического характера (+44,8%!).

По словам генпрокурора Юрия Чайки, из 2227 террористических преступлений, зарегистрированных в России в 2016 г., более 1,5 тысяч составили выявленные факты участия граждан в террористических организациях в России и за ее пределами [1].

Анализ состояния исследуемых преступлений в Сибирском федеральном округе, согласно официальным данным МВД России, показывает, что больше всего по абсолютным показателям фиксируется преступлений террористического характера за последние три года в Красноярском крае (в 2014 г. – 5, в 2015 г. – 14, в 2016 г. – 12), Новосибирской (в 2014 г. – 1, в 2015 г. – 6, в 2016 г. – 10) и Кемеровской (в 2014 г. – 0, в 2015 г. – 5, в 2016 г. – 10) областях.

Согласно глобальному индексу терроризма [2], который измеряет уровень террористической активности внутри той или иной страны по таким четырём основным показателям, как количество террористических инцидентов, количество погибших, количество пострадавших и уровень материального ущерба, в 2017 г. Россия из 160 государств находится на 33 месте (индекс – 5,33).

Ее ближайшие «соседи» с несколько более негативными индексами – США (5,43), Китай (5,54), Палестина (5,55), Колумбия (5,6), Бурунди (5,64) и Ливан (5,64).

Не говоря уже о человеческих жизнях, которые не могут быть восполнены никакими мерами, отметим, что, по разным подсчетам, экономический ущерб от преступлений террористического характера измеряется миллиардами рублей. При этом с гражданско-правовой точки зрения обоснованно говорить об убытках, которые включают как убытки потерпевших, которым террористическими актами причинен вред, так и убытки государства, которые охватывают и средства на предотвращение, пресечение и борьбу с такими преступлениями, и средства на ликвидацию последствий. Отдельно следует помнить и о потерях бизнес-структур, что явно влияет и на всю экономику страны.

Как видно, современное состояние преступности террористического характера свидетельствует о необходимости повышения эффективности не только таких специально-правовых мер, как усиление уголовной ответственности, но и мер, которые должны в своей основе содержать приоритет всестороннего правового регулирования всевозможных форм восстановления прав потерпевших гражданско-правового характера.

Если обратиться к положениям современного гражданского законодательства, то, по нашему мнению, для указанного актуально обратить внимание на следующие положения.

В первую очередь в свете расширения актов международного терроризма следует обратить внимание на возможность учета в рамках российского законодательства ряда положений законодательства Европейского союза в части национальных компенсационных схем в европейских странах.

В ряде зарубежных стран вред, причиненный жизни и здоровью граждан в результате совершения насильственных преступлений, компенсируется из государственных фондов. Остальные виды ущерба покрываются компенсационными выплатами за счет разветвленной системы обязательного страхования.

В России давно уже специалистами ставится вопрос о создании государством фонда помощи жертвам преступлений.

Актуально то, что Комитет министров Совета Европы (КМСЕ) принял «Руководство по предоставлению поддержки, информации и компенсации жертвам терактов» с рекомендациями мер, которые должны принимать национальные власти. В документе подчеркивается обязанность государств «неукоснительно» следовать решениям Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ).

В новом документе обозначено, что ущерб, причиненный жертвам терроризма, требует введения на национальном уровне эффективной программы их защиты, финансовой помощи и выплаты компенсаций. Для этого могут создаваться спецфонды. В стране должен быть разработан механизм, позволяющий получить справедливую и достаточную компенсацию после прохождения простой процедуры и в разумные сроки [3].

Кроме указанного на сегодняшний день для всесторонней гражданско-правовой защиты лиц, которым причинен вред преступлениями террористического характера, необходимо на законодательном уровне детально разрешить вопросы,

связанные с конкретизацией положений о возмещении такого вреда в самостоятельных гражданско-правовых нормах с учетом положений генерального деликта ст. 1064 ГК РФ.

Кроме этого, обоснованно в рамках положений международного частного права ввести самостоятельные коллизионно-правовые нормы, предусматривающие правила применимого права при возмещении вреда, причиненного преступлениями террористического характера.

Нуждаются в дальнейшей разработке вопросы субъектного состава гражданского правонарушения в исследуемых ситуациях.

Следует обратить внимание на необходимость правового закрепления признаков потерпевших от террористических актов.

Кроме этого, недостаточно урегулирован вопрос определения субъектов, которые подлежат гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный террористическими актами. Особенно в ситуации возложения такой ответственности на близких родственников, родственников и близких лиц лица, совершившего террористический акт.

До настоящего времени мало внимания уделено гражданско-правовой регламентации ответственности государства в ситуации правомерного причинения вреда при предотвращении террористических актов. Безусловно, актуальны положения ст. 16.1 ГК РФ. Но необходимо и дальнейшее правовое развитие этих положений. Остается открытым вопрос о возмещении вреда при условии несвоевременного предотвращения или непредотвращения вреда от террористических актов.

Остаются и иные не в полной мере урегулированные вопросы гражданско-правового характера, которые нуждаются в пристальном внимании со стороны законодателя и научной общественности.

Литература

1. Генпрокуратура отметила снижение числа террористических преступлений в РФ. URL :<https://riafan.ru/739868-genprokuratura-otmetila-snizhenie-chisla-terroristicheskikh-prestuplenii-v-rf> (дата обращения: 17.11.2017).
2. Глобальный индекс терроризма. Гуманитарная энциклопедия. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index/info> (дата обращения: 17.11.2017).
3. Пушкарская А., Миклашевская А., Сарханянц К. Жертвам терактов обозначили права. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3303230> (дата обращения: 20.11.2017).

*О.С. Черепанова, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России*

К ПРОБЛЕМЕ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА

В соответствии со ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса РФ потерпевший имеет право предъявить гражданский иск не только о возмещении имущественного вреда, но и о денежной компенсации морального вреда. При этом уголовное и уголовно-процессуальное законодательство не содержат определение перечня общественно опасных деяний, при совершении которых у потерпевших возникает возможность потребовать компенсации морального вреда. В этой связи в литературе высказывается мнение, что потерпевший имеет право на данную компенсацию вне зависимости от вида преступления, в результате которого причинен такой вред и от того, имущественные или неимущественные права нарушены [5, с. 9].

Данная точка зрения представляется весьма спорной, поскольку компенсация морального вреда – это мера гражданско-правовой ответственности и основания ее применения определяются нормами гражданского законодательства. Согласно общему правилу, закрепленному в ст. 151 Гражданского кодекса РФ, моральный вред при нарушении имущественных прав взыскивается только в случаях, предусмотренных законом. В судебной практике четко укоренился подход, согласно которому компенсация морального вреда, причиненного преступлением против имущественных благ, невозможна [1, с. 15].

Между тем такая позиция представляется не вполне справедливой по следующим соображениям. Не вызывает сомнения, что в результате многих имущественных деликтов потерпевшим причиняются нравственные страдания. Например, все нажитое в течение жизни имущество похищено (ст. 158 УК РФ), водитель, работающий на личном автомобиле, лишается его по причине угона (ст. 166 УК РФ), в результате мошеннических действий гражданин утрачивает право собственности на единственное жилье (ст. 159 УК РФ). В приведенных ситуациях, очевидно, что лица будут не только нести имущественные потери, но и испытывать определенные переживания ввиду возникших сложностей в удовлетворении обычных потребностей, моральные страдания, чув-

ство бессилия и отчаяния, унижения собственного достоинства, связанное с невозможностью обеспечения достойного существования себе и своей семье. Однако если данные преступления не соединены с насилием, компенсация морального вреда не допускается.

В то же время одним из предусмотренных законом исключений, устанавливающих возможность компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав, является ст. 15 Закона РФ «О защите прав потребителей». В связи с этим резонно возникает вопрос: почему изготовители и продавцы товаров ненадлежащего качества несут повышенную ответственность, компенсируя моральный вред, а лица, совершившие преступления имущественного характера, освобождены от такой обязанности? И.А. Михайлова справедливо указывает на несопоставимость тяжести и длительности психических страданий, вызванных приобретением некачественного товара, с переживаниями тех, кто утратил свое имущество в результате хищения [2, с. 54]. Действительно, не вполне понятно, из каких соображений исходил законодатель при регламентации данных вопросов?

Полагаем, в силу сложности и многоаспектности социальных отношений заранее определить и закрепить в законе конкретные сферы общественных отношений, в которых гражданину могут быть причинены нравственные и физические страдания, невозможно. Поэтому исходить нужно не из квалификации деликта в качестве имущественного или неимущественного, а из того влияния, которое он оказал на личность потерпевшего. Наиболее точно по данному вопросу высказался И.А. Сухаревский, отметивший, что «в случае причинения неимущественного вреда при совершении имущественных преступлений важно не благо, на которое совершено посягательство, а результат, насколько он отразился на внутренней, душевной сфере потерпевшего» [6, с. 13].

Примечательно, что подобное мнение неоднократно выражал и Конституционный Суд РФ. Так, в Определении от 16 октября 2001 г. № 252-О ука-

зано, что отсутствие в законе прямого указания на возможность компенсации морального вреда по конкретным правоотношениям не всегда означает отсутствие права на такую компенсацию у потерпевшего. Положения ст. 151 ГК РФ не исключают возможности денежной компенсации морального вреда, причиненного деяниями, ущемляющими имущественные права гражданина [3]. Развивая данную мысль, в Определении от 6 июня 2016 г. Конституционный Суд РФ указал, что один лишь факт квалификации совершенного преступления как посягающего на имущественные права не предопределяет отказ в компенсации морального вреда лицу, которому преступлением были причинены физические и (или) нравственные страдания [4].

До настоящего времени это толкование осталось не воспринятым правоприменительной практикой. Несмотря на перспективность и справедливость данной позиции, она не может служить правовым обоснованием принимаемых судами решений. Поэтому можно с уверенностью предположить, что в условиях отсутствия

четких правовых предписаний в судебной практике будут встречаться противоположные подходы. При этом суды, отказывая в компенсации морального вреда в результате имущественного преступления, обоснованно могут ссылаться на то, что никакое судебное толкование (пусть даже и Конституционного Суда РФ) не может не соответствовать воле законодателя, в противном случае имеет место нарушение принципа разделения властей, поскольку суд наделяет себя несвойственными законотворческими функциями.

Сказанное свидетельствует о целесообразности внесения изменений в действующее законодательство, регулирующее вопросы компенсации морального вреда. В частности, ст. 1099 ГК РФ следует дополнить положением, согласно которому в случае отсутствия в законе указания на возможность компенсации морального вреда вследствие нарушений имущественных прав гражданина такой вред может быть компенсирован при доказанности причинения данным фактом нравственных и физических страданий.

Литература

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 3.
2. Михайлова И.А. Способ судебной защиты права собственности // Право собственности: вопросы теории и практики: сб. мат-лов межкафедр. семинара. Академия права и управления Минюста России. Рязань, 2001.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 16 октября 2001 г. № 252-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2016 № 1171-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Супрун С.В. Компенсация морального вреда, причиненного преступлением против собственности // Российский судья. 2010. № 4.
6. Сухаревский И.А. Компенсация морального вреда в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.

*А.А. Чесноков, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России*

К ПРОБЛЕМЕ ЗАРОЖДЕНИЯ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОГО ФУНДАМЕНТА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Известно, что огромное влияние на государственное строительство не только в России, но и во всем мире оказала Октябрьская революция 1917 г. Правовая основа регулирования общественных отношений, созданная дореволюционным законодательством, рухнула. После свержения монархии во время Февральской революции власть перешла к Временному правительству, которое явно не справлялось со своим предназначением, всего за 10 месяцев окончательно развалив армию и флот и вызвав гиперинфляцию ничем не обеспеченной денежной эмиссией.

Крах существующей системы был неизбежен, 26 октября 1917 г. временное правительство было арестовано, власть перешла к большевикам. Разрушенная экономика страны и гражданская война определили репрессивное назначение государственного аппарата как главной опоры советской власти. Жесткий классовый подход вытекал также из ее стремления освободиться от любых форм контроля со стороны оппозиции, часто имевшей опыт политической деятельности. Капиталистический уклад, основанный на частной собственности на средства производства, отвергался изначально.

Происходит крайняя централизация экономики, национализация сначала крупной, а затем средней и частично мелкой промышленности. Необходимость накормить страну в условиях разрухи вызвала введение режима военного коммунизма. Были национализированы банки (начиная с Дворянского земельного и Крестьянского), конфисковалось все золото в слитках, бумажные деньги в сумме более 5 000 рублей, лимит получения денег со счетов устанавливался в 500 рублей в месяц. Это способствовало инфляционным потерям неизъятых частей вкладов. С принятием Земельного кодекса РСФСР 1922 г. «навсегда» отменяется право частной собственности на земли, леса, водные ресурсы. Началось бегство капитала, иностранные предприятия, лишённые сверхприбылей из-за узаконенных стачек рабочих за повышение заработной платы и условий труда, также сворачивали производство. Для ограничения вывода ресурсов национализируется торговый флот и железнодорожное сообщение. Так как

материальное стимулирование труда в условиях разрушенной финансовой системы было затруднительно, вводится всеобщая трудовая повинность, запрет перехода на другую работу и прогулов. Интересный факт – первым преступлением, наказываемым смертной казнью в Советском государстве, становится самогонварение из зерна, что вполне логично в условиях нехватки продовольствия.

В связи с голодом введены государственная монополия на распределение многих продуктов сельского хозяйства, запрет частной торговли (как борьба со спекуляцией), продразверстка. Крестьянам оставалась норма потребления в размере 12 пудов зерна, 1 пуда крупы, что в действительности не соблюдалось, и они забрасывали часть земли, понимая, что избыточный продукт будет изъят. В условиях разрушенной экономической системы вполне логичен был отход от товарно-денежных отношений и переход к распределительным, милитаризация труда.

Национализация имущества крупных зарубежных финансовых корпораций (General Electric, Lena Goldfields, Standart Oil и др.) привели к санкционной политике западных стран, запрету на продажу Советскому государству средств производства и товаров первой необходимости, кредитной блокаде. Возникла существенная необходимость выхода на международные рынки, которую частично решали прямые расчеты золотом с наиболее прагматичными зарубежными корпорациями.

Наступающее государственное банкротство, массовый голод начала 1920-х гг., в ходе которого погибло более 5 млн человек, восстания в Сибири и на Украине, Кронштадтский мятеж создали необходимость «сделать шаг назад» и провести либерализацию национального хозяйства. 14 марта 1921 г. X съезд РКП(б) вводит Новую экономическую политику. Самой главной реформой был отказ от продразверстки в пользу продналога (процент изъятия продуктов у крестьян снижался с 70-80% до 20-30%), а также допущение рыночных отношений.

Большое значение имела денежная реформа. Была проведена деноминация, 1 млн рублей при-

равнен к 1 рублю. Излишек денежных средств изымался посредством государственных займов. Это позволило в 1924 г. перейти к устойчивой валюте, курс золотого червонца превысил курс доллара и фунта стерлингов.

Развивается долгосрочное кредитование и финансирование капитальных вложений посредством Центрального коммунального банка, Торгово-промышленного банка и Электробанка. Кредитно-расчетное обслуживание внешней торговли осуществляет Внешторгбанк.

Для развития сельского хозяйства разрешается заключение договоров аренды земли, но с условием самостоятельной обработки на срок севооборота (3-4 года). При этом зажиточные крестьяне облагались налогами по повышенным ставкам, что вело к усреднению доходов, но общий уровень жизни повышался.

В рамках нэпа вновь оказался востребованным принцип ведомственного управления государством. Было осуществлено укрупнение и объединение предприятий на основе трестов. Вводилась возможность самостоятельно заключать контракты, хозрасчет. Сбытовая сеть объединялась крупными корпорациями, которые монополизировали снабжение, сбыт, внешнеторговые операции.

В период с 1917 по 1926 гг. индекс промышленного производства вырос более чем в 3 раза, сельскохозяйственное производство удвоилось, среднегодовой прирост национального дохода составлял 18%.

Тогда же были сформулированы важнейшие принципы развития экономико-правовой системы:

- 1) народная собственность на средства производства;
- 2) государственная банковская, валютная, внешнеторговая монополия;
- 3) централизованное планирование и ведущая роль государства в экономике;

4) максимальная мобилизация трудовых и материальных ресурсов;

5) самодостаточность и ориентация на физические показатели производства, создание единого хозяйственного комплекса;

6) постоянное снижение себестоимости производства и повышение через это общей эффективности труда;

7) сочетание материальных и моральных стимулов;

8) усреднение уровня жизни населения и недопустимость нетрудовых доходов, с одной стороны, а с другой – его постоянный рост и обеспечение жизненно важных потребностей граждан;

9) ограничение товарно-денежных отношений.

Последнее позволяло контролировать объём денежной массы и инфляцию. Было сформировано два контура движения и, соответственно, два вида денег – для обращения между гражданами (в розничной торговле) и для обращения между хозяйствами. Смешение денег между контурами не допускалось. Вместе с постоянным снижением себестоимости производства это позволяло ежегодно снижать цены для населения.

Тогда как в 1930-е годы западные страны переживали сложный экономический кризис (великую депрессию), советское государство демонстрировало значительное развитие. Этот факт значительно повысил авторитет СССР на международной арене, позволил существенно расширить состав коммунистических партий в Великобритании, США, Франции и многих других странах.

Сама Октябрьская революция послужила точкой отсчета для применения совершенно иных, во многом идеалистических, ценностей, но отвечающих коллективному началу российского самосознания и приемлемых для широких слоев населения. Поэтому ее рассмотрение возможно лишь с учетом конкретной историко-политической, экономической и социальной обстановки.

Ю.П. Шубин

Санкт-Петербургская юридическая академия

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЗЫСКАНИЯ НЕУСТОЙКИ ПО ДОГОВОРУ ОБ ОКАЗАНИИ ВОЗМЕЗДНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Вопрос правовой природы договора об оказании возмездных образовательных услуг относится к числу наиболее дискуссионных в отечественной цивилистике. По нашему мнению, такую договорную конструкцию следует считать нетипичной для российского гражданского права как находящуюся на стыке гражданского и административного права, однако с преобладанием гражданско-правовых начал, что и подтверждается соответствующей судебной практикой (постановление ФАС СЗО от 21.01.2002 по делу № А56-21085/2001, решение АС г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 19.02.2015 по делу № А56-73570/2014).

Таким образом, условия исследуемой договорной конструкции, во-первых, не должны вступать в противоречие с нормами гражданского законодательства, а во-вторых, должны соответствовать императивным нормам законодательства об образовании.

В связи с тем что данный договор по своей правовой природе является не чем иным как договором возмездного оказания услуг, отношения, возникающие при заключении, исполнении и прекращении такого договора регулируются нормами главы 39 ГК РФ («Возмездное оказание услуг»), а также по общему правилу – общими положениями ГК РФ о подряде и положениями ГК РФ о бытовом подряде (ст. 779, 783 ГК РФ), кроме того к отношениям по данному договору применяется Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей). Также ряд предъявляемых к договору об оказании возмездных образовательных услуг (договору об образовании) требований предусмотрены ст. 54 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Названные выше правовые нормы не ограничивают право образовательной организации (исполнителя возмездных образовательных услуг) установить в договоре об оказании возмездных образовательных услуг ответственность за неисполнение обучающимся (заказчиком возмездных образовательных услуг) своих обязательств по

договору, в т.ч. в виде взыскания неустойки за просрочку в оплате образовательных услуг.

Следует отметить, что таких ограничений не предусматривают также Правила оказания платных образовательных услуг (п. 16 Постановления Правительства РФ от 15.08.2013 № 706) и Примерная форма договора об образовании на обучение по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования (п. 5.1 Приказа Минобрнауки России от 21.11.2013 № 1267). К тому же примерная форма договора, утвержденная Приказом Минобрнауки, является именно рекомендательной, но никак не обязательной, к чему, кстати, склоняются большинство судов (решение АС г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 19.02.2015 по делу № А56-73570/2014, постановление Невского районного суда Санкт-Петербурга от 21.01.2016 по делу № 5-1563/2015, решение Санкт-Петербургского городского суда от 24.05.2016 по делу № 12-940/2016).

Таким образом, данное обстоятельство не исключает возможность детализации условий договора, в т.ч. не лишает образовательную организацию права включать в договор условие о неустойке.

Однако иногда суды, руководствуясь тем, что взыскание неустойки по договору об оказании возмездных образовательных услуг законодательством и примерной формой договора прямо не предусмотрено, приходят к выводу о незаконности включения в договор условия о неустойке и рассматривают его в соответствии с п. 1 ст. 16 Закона о защите прав потребителей в качестве условия договора, которое ущемляет права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами РФ в области защиты прав потребителей (кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Марий Эл от 19.05.2011 по делу № 33-817).

На наш взгляд, подобная трактовка является неправильной (ошибочной), т.к. отсутствие в законе прямой нормы о возможности взыскания неустойки отнюдь не равнозначно прямому запре-

ту на включение подобного условия в договор об оказании возмездных образовательных услуг.

Необходимо отметить, что взыскание неустойки является одним из способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ), следовательно, какое-либо ограничение права на его применение должно быть обязательно прямо предусмотрено законом (п. 2 ст. 1 ГК РФ).

Однако такие ограничения для образовательной организации ни гражданским законодательством и ни законодательством об образовании не устанавливаются. В связи с этим условие договора об оказании возмездных образовательных услуг о взыскании неустойки за просрочку в оплате образовательных услуг нельзя рассматривать в качестве условия, ущемляющего права потребителя образовательных услуг по сравнению с правилами, предусмотренными законодательством. Вышеизложенные выводы неоднократно находили свое подтверждение в материалах судебной практики (кассационное определение Пермского краевого суда от 28.09.2011 по делу № 33-9900, определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 02.11.2010 № 33-34286/2010, решение мирового судьи судебного участка № 77 Чайковского муниципального района Пермского края по делу № 2-1355/2012, постановление Невского районного суда Санкт-Петербурга от 21.01.2016 по делу № 5-1563/2015, решение Санкт-Петербургского городского суда от 24.05.2016 по делу № 12-940/2016).

Для правоприменительной практики своего рода классическим является принцип недопустимости двойной ответственности, в т.ч. и в отношениях, регулируемых нормами гражданского права. В связи с чем чрезвычайно актуальным является вопрос о возможности одновременного взыскания по договору об оказании возмездных образовательных услуг двух разновидностей неустойки – штрафа и пени.

Как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, «если заявлены требования о взыскании неустойки, установленной договором в виде сочетания штрафа и пени за одно нарушение, а должник просит снизить ее размер на основании ст. 333 ГК РФ, суд рассматривает вопрос о соразмерности

неустойки последствиям нарушения обязательств исходя из общей суммы штрафа и пени» (п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»).

Из вышеизложенной позиции высшей судебной инстанции следует, что одновременное начисление штрафа и пеней не является возложением двойной ответственности, что подтверждает судебная практика по договорным спорам, не связанным с договорами об оказании возмездных образовательных услуг, однако выводы судов по таким спорам вполне уместны и по отношению к спорам, связанным с данным договором (постановление ФАС СКО от 26.10.2010 по делу № А53-3798/2010, постановление АС СЗО от 11.04.2016 № Ф07-1346/2016 по делу № А56-3337/2015).

В то же время необходимо сказать, что, несмотря на довольно четкую и вполне определенную позицию по данному вопросу, в т.ч. и высшей судебной инстанции, некоторые суды (прежде всего низовое звено – суды первых инстанций), тем не менее, все же иногда выносят решения об отказе в одновременном взыскании штрафа и пени, т.к. закон, по мнению таких судов, не предусматривает одновременное применение двух форм (видов) неустойки, в связи с чем условия соответствующих договоров об одновременном применении штрафа и пеней признаются противоречащими законодательству (решение АС г. Москвы от 05.06.2014 по делу № А40-137966/2013, решение АС Ярославской области от 31.05.2013 по делу № А82-2672/2013).

Вне сомнения, в свете последних тенденций развития судебной практики, такие судебные решения в судах апелляционной инстанции и (или) судах кассационной инстанции вряд ли будут «засилены», т.е. вероятнее всего будут отменены, однако такую судебную практику все же стоит учитывать, к тому же одновременное начисление штрафа и пеней при определенных обстоятельствах можно и рассматривать через призму статьи 10 ГК РФ (злоупотребление правом), что, как известно, влечет за собой отказ в защите соответствующего права.

Секция «Актуальные проблемы конституционного и международного права»

*О.А. Блинова, канд. юрид. наук, доцент
Алтайский государственный университет*

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ

В современный период практически любое государство осуществляет внешнеэкономическую деятельность, основой которой является внешняя торговля товарами, транспортными средствами, услугами, информацией и интеллектуальной собственностью. Ни одно государство не может существовать изолированно. Российская Федерация активно участвует в торгово-экономических операциях, связанных с перемещением товаров и услуг через таможенные границы государства, а соответственно, и контролирует эти перемещения, регулирует данный процесс в своих интересах посредством применения мер государственного воздействия. Особое место в решении данного вопроса отводится таможенным органам, призванным обеспечить свободное перемещение не только товаров и услуг, но и рабочей силы, капитала, других предметов. Либерализация отношений в этой сфере ставит определенные задачи о необходимости международного таможенного сотрудничества, информационном взаимодействии между таможенными органами разных стран с целью обеспечения экономической и государственной безопасности государств. Данные положения являются основными элементами современной таможенной политики, направленной на создание не только экономических и таможенно-правовых мер по регулированию вопросов внешней торговли, защите национальной экономики и решению фискальных задач [2].

Необходимость такого международного сотрудничества вытекает из многочисленных межгосударственных обязательств, содержащихся в договорах, конвенциях и соглашениях, опреде-

ляющих основные направления такого сотрудничества [1]. Таможенное сотрудничество связано с выработкой координационных позиций государств в области таможенной политики, тарифов, по участию в международных организациях и таможенных союзах. Особое место в этом сотрудничестве со стороны многих государств уделяется взаимодействию таможенных органов в борьбе с контрабандой, незаконным оборотом запрещенных к ввозу (вывозу) товаров, принятию мер по усилению таможенного контроля: санитарного, эпидемиологического, экологического, радиоактивного, ветеринарного, фитосанитарного, биологического и т.п. Реализация международных отношений по данным вопросам несколько не умаляет деятельность национальных таможенных органов по осуществлению собственной таможенной политики в пределах своей таможенной территории. Современная практика международного таможенного сотрудничества активно использует применение таможенных льгот, преференций и преимуществ на основе многосторонних договоров и соглашений между государствами, а также в рамках таможенных союзов и особых территорий.

Международное таможенное сотрудничество России осуществляется по нескольким направлениям: участие в Евразийском экономическом союзе, международных организациях, взаимодействие со странами СНГ и дальнего зарубежья. Взаимоотношения России и стран СНГ в таможенной сфере ранее базировались на Соглашении о принципах таможенной политики и других нормативных актах, в настоящий период регулирую-

ются двухсторонними договорами между странами. Основные полномочия по укреплению связей, упрощению и ускорению таможенного оформления грузов, товаров, транзитных перевозок в пределах таможенных территорий СНГ возложено на созданный Совет руководителей таможенных служб государств – участников СНГ.

Сотрудничество Российской Федерации со странами дальнего зарубежья основывается на соблюдении принципов и норм, вытекающих из односторонних и многосторонних договоров, являющихся базовой основой этих взаимоотношений. За последнее время были устранены серьезные торгово-экономические и политические препятствия в таможенной деятельности многих стран, вызванных санкционной политикой со стороны западных и европейских государств. Одним из приоритетных направлений в таможенной сфере остается поддержание контактов с Европейским союзом. Проводимая в современный период реформа таможенного законодательства ЕС позволит расширить рамки взаимодействия таможенных систем России и ЕС и благотворно сказаться на внешней торговле и обеспечении государственной и экономической безопасности. Результатом такой деятельности может стать создание общего рынка и единого экономического пространства и согласованной политики в области таможенно-тарифного и нетарифного регулирования внешнеторговой деятельности данных государств. Подтверждением серьезности таких намерений являются проводимые международные совещания и конференции по широкому кругу вопросов внешнеторговой политики и таможенного дела. Начиная с 2006 г. практически ежегодно проводятся международные конференции по таможенному сотрудничеству в рамках ЕС на уровне руководителей таможенных служб европейских государств, включая Россию. Итогом таких совещаний являются декларации, нацеливающие таможенные службы европейских государств на унификации таможенных процедур, внедрение систем анализа рисков упрощенных процедур и применение современных информационных технологий в борьбе с таможенными преступлениями. В сотрудничестве с зарубежными странами и их таможенными службами Россия значительно продвинулась благодаря участию в междуна-

родных организациях (на сегодняшний день она является полноправным членом Всемирной таможенной организации, Всемирной торговой организации и многих комитетов по финансовым, экономическим, торговым и таможенным вопросам).

Другим направлением развития международных таможенных отношений является трансграничное сотрудничество стран. Данное сотрудничество связано с взаимодействием таможенных органов с пограничными службами и органами пограничного контроля в пунктах пропуска товаров, транспортных средств и иных предметов, перемещаемых через таможенные границы данных стран, а также с национальными службами контроля за воздушными средствами и пространством. Приграничное таможенное сотрудничество существенно отличается по своему характеру от других форм сотрудничества и в большей степени регулируется национальным законодательством отдельных стран, но тем не менее включает в себя и нормы многосторонних международных договоров и соглашений и конвенций, направленных на урегулирование и развитие взаимовыгодного таможенно-пограничного сотрудничества (Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ властей – Мадридская конвенция о приграничном сотрудничестве, Европейская хартия местного самоуправления и др.). В данный период приграничное таможенное сотрудничество стало активно развиваться и на территории России, пограничных районах Северо-Западной части со странами Северо-Восточной Европы. Существенное развитие получило такое сотрудничество с Китаем (на протяжении российско-китайской границы находится около ста приграничных городов). Регулируется это сотрудничество созданным Координационным советом по международному и приграничному сотрудничеству.

Современный этап экономического развития России характеризуется не только совершенствованием имеющихся форм и способов международного таможенного сотрудничества, но и созданием новых направлений деятельности в этой области, связанных с созданием единого таможенного пространства и действием единых международных стандартов в таможенной сфере.

Литература

1. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Киотская конвенция) [англ.] (Вместе с Приложением F.1 «О свободных зонах» [рус.]): заключена в г. Киото 18.05.1973.
2. О таможенном регулировании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ (ред. от 29.07.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

М.А. Бучакова, доктор юрид. наук, доцент
Омская академия МВД России;
О.А. Дизер, канд. юрид. наук, доцент
Омская академия МВД России

МОРАЛЬ, НРАВСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Государство в качестве одного из направлений своей деятельности определяет вопросы духовного и нравственного формирования личности. Нравственное воспитание особенно актуально на рубеже XX-XXI вв. в условиях глобализации общества. Разрушение территориального пространства посредством использования сети Интернет позволяет деструктивным силам не только воздействовать на умонастроения молодежи, но и манипулировать их сознанием, пропагандируя «образ свободной и красивой жизни». Однако конечной целью такой деятельности является вовлечение молодых людей в экстремистскую и террористическую деятельность, результатом чего становится их стремление выступить на стороне ИГИЛ и других террористических организаций.

В этих условиях возрастает значение нравственности, нравственного воспитания, которое выступает в качестве условия гармонизации отношений в обществе. Исходя из этимологии этого понятия, «нравственность есть совокупность норм поведения человека в обществе» [4]. Толковые словари русского языка дают аналогичное понятие нравственности, определяя ее как «внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами» [2] или как «совокупность норм, определяющих поведение человека» [3]. Нравственность – термин, употребляемый, как правило, синонимично термину «мораль». В языках, где употребляются одновременно оба слова (как в рус. – «мораль» и «нравственность» или в нем. – *Moralität* и *Sittlichkeit*), они чаще выступают синонимами либо же каким-то образом концептуализируются для обозначения отдельных сторон (уровней) морали» [1].

Достаточно часто в нормативных актах и научной литературе используется понятие «общественной нравственности», которое, не отличаясь по сути от «нравственности», тем не менее подчеркивает взаимосвязь и взаимообусловленность этого феномена с обществом, уровнем его соци-

ально-культурного, экономического и духовного развития. Общественная нравственность необходима социуму для согласования частных и публичных обязанностей его членов, удержания от эгоизма и своеволия.

Нравственность становится необходима не только для решения общих задач, но и для удовлетворения потребностей индивида. Для этого создаются специальные механизмы ориентации поведения индивидов и организации межлических отношений, в том числе нормативные. В вопросе изучения общественной нравственности, прежде всего, встает вопрос, в каком отношении явления нравственного порядка могут быть предметом правового регулирования. Нравственные устои человека, являясь, прежде всего, явлениями внутренней (духовной) жизни, не могут быть подвержены внешнему воздействию. Сокровенная область общественной нравственности не допускает влияния на нее государственной власти. При этом государственные органы располагают лишь мерами внешнего воздействия, которые не могут являться средством влияния на нравственность индивидуума. Однако нравственность конкретного человека зависит от нравственного состояния общества, в котором он находится.

В этой связи государство не должно безучастно относиться к безнравственным проявлениям. С одной стороны, оно не в силах оказывать прямого воздействия на индивидуальную нравственность, однако оно вполне может оказывать опосредованное воздействие на нравственность, влияя на ее факторы, а также - на внешние проявления нравственных принципов.

Таким образом, задача государства состоит в нравственном воспитании своих граждан. Нет сомнения, что одним из важнейших факторов нравственного развития индивидуума являются условия его воспитания и образования; следовательно, содействуя широкому развитию воспитательных и образовательных учреждений, государство тем самым может содействовать нравственному воспитанию народа. С другой стороны, внутренние

нравственные принципы выражаются во внешних поступках, действиях, и вот эти-то внешние проявления нравственности или безнравственности подлежат государственному регулированию.

Следует отметить, что когда говорят о нравственности социальных групп либо общества в целом, то, по сути, имеют в виду нравственность как систему общесоциальных нравов, ценностей, идей и норм. Общественную нравственность можно определить как поведение и поступки людей, реализующих моральные нормы, сложившиеся в ходе исторического процесса и способствующие их упорядоченному существованию и взаимодействию.

Общественная нравственность – именно та сфера, которая противостоит существованию в обществе поведенческих проявлений наиболее распространенных человеческих пороков и отвечает за ограждение граждан от столкновения с ним в повседневной жизни.

История развития общества и государства свидетельствует, что на каждом конкретном этапе выделяется определенный перечень угроз в сфере общественной нравственности. В современный

период этот перечень охватывает проституцию и ей сопутствующие правонарушения, незаконный оборот наркотиков, пьянство и алкоголизм, бродяжничество и попрошайничество, что необходимо для правильного определения границ правоохранительной деятельности и установления средств и методов защиты. Учитывая то обстоятельство, что нравственность есть реальное воплощение моральных норм и ценностей в поведении людей, можно с уверенностью говорить о большой роли и высоком потенциале правовых средств в ее защите.

Проблема противодействия безнравственному девиантному поведению представляется актуальной еще и потому, что, несмотря на закрепление нравственности в качестве объекта правовой защиты, его содержание в нормативных правовых актах не раскрывается. Имеющиеся научные работы в области юриспруденции указанный пробел не устраняют. В связи с этим изучение подходов, существующих в различных отраслях науки, имеет значение и необходимо для формирования содержания термина «нравственность» как объекта административно-правовой защиты.

Литература

1. URL: <http://iph.ras.ru/enc.htm> (дата обращения: 02.10.2017).
2. URL: <http://tolkru.com/page/nravstvennosty.php> (дата обращения: 02.10.2017).
3. URL: <http://tolkslovar.ru/n9419.html> (дата обращения: 02.10.2017).
4. URL: <http://wictionary.org> (дата обращения: 02.10.2017).

Р.С. Галиев, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

ПРИНЦИП УВАЖЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ (ИНТЕРПОЛ)

Всеобщая декларация прав человека, принятая Резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (далее – ООН) 217 А (III) 10 декабря 1948 г., провозглашает, что права человека необходимо охранять властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения [2]. В настоящее время, в эпоху, когда значение прав человека все чаще подчеркивается, Международная

организация уголовной полиции – Интерпол (далее – Интерпол) в своей деятельности стремится содействовать уважению и соблюдению принципа уважения прав человека в соответствии с Уставом Интерпола. Устав Интерпола закрепляет цели организации, одной из которых является обеспечение широкого взаимодействия всех органов (учреждений) уголовной полиции в рамках существующего законодательства страны и в духе Всеобщей Декларации прав человека [11].

10 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла и провозгласила Всеобщую декларацию прав человека в качестве общего эталона для всех наций и народов. С принятием Всеобщей декларации прав человека ООН впервые признала достоинства и равные и неотъемлемые права, присущие всем членам человеческой семьи. С тех пор принципы, закрепленные в этом эпохальном для человечества документе и развивающие положения Устава ООН, стали общепризнанными нормами международного права.

Положения Всеобщей декларации прав человека направлены на обеспечение максимального уровня уважения наиболее существенных прав и свобод личности, вытекающих из самого существования человека. Важно отметить, что эти общепризнанные нормы международного права распространяются не только на внутрисударственную деятельность, но и на всех участников международных отношений, в т.ч. и на международные организации.

В Венской декларации и программе действий 1993 г. содержится указание на универсальность, неделимость, взаимозависимость и взаимосвязанность всех прав человека. Также в данной декларации установлена обязанность относиться к правам человека глобально, на справедливой и равной основе, с одинаковым подходом и вниманием, адресованная Международному сообществу¹ [1]. Именно в таком векторе осуществляет свою деятельность Интерпол, стремясь не только воздерживаться от нарушений прав человека, но и активно содействовать защите прав человека, где это считается необходимым в соответствии с Уставом Интерпола.

Важность соблюдения прав человека была признана Интерполом с первых дней Организации. В резолюции Генеральной Ассамблеи Интерпола № 3 принятой на ее 18-й сессии указывается, что все акты насилия или негуманного обращения, т.е. те, которые попирают человеческое достоинство, совершенные полицией при осуществлении своих судебных и уголовных полицейских функций, должны быть преданы правосудию [5, с. 50].

Подход к уважению прав человека, как уже упоминалось выше, был закреплен и в Уставе

организации в качестве одной из целей – взаимодействия всех органов (учреждений) уголовной полиции в духе Всеобщей Декларации прав человека.

Принятая в 1974 г. на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола резолюция «Конфиденциальность информации» требует от Национальных центральных бюро и Генерального секретаря учитывать при обмене информацией принцип охраны личных прав граждан [8].

С практической точки зрения приверженность Интерпола к соблюдению прав человека проявляется посредством нескольких инициатив. Одной из таких инициатив является сотрудничество с международными судебными органами.

Во-первых, Организация тесно сотрудничает с международными судами и трибуналами, мандаты которых предусматривают преследование и привлечение к ответственности лиц, совершивших тяжкие международные преступления [4, с. 231].

В настоящее время сотрудничество было установлено соглашениями между Интерполом и следующими судебными органами:

- Международный уголовный суд;
- Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии;
- Международный уголовный трибунал по Руанде;
- Специальный суд по Сьерра-Леоне;
- Специальный трибунал по Ливану.

Например, в случае Трибунала по бывшей Югославии основой сотрудничества с Интерполом является статья 39 Правил и процедур доказывания Трибунала (приняты в 1994 г.), в которой говорится, что «при проведении расследования Прокурор может запросить помощь любого соответствующего международного органа, в т.ч. Международной организации уголовной полиции (Интерпол)» [6].

Что касается Международного уголовного суда, оно прямо предусмотрено в статье 87 (1, b) Статута, в которой указано, что Суд вправе направлять государствам-участникам просьбы о сотрудничестве через Международную организацию уголовной полиции [10].

Интерпол в рамках сотрудничества с международными судебными органами выпускает уведомления о розыске предполагаемых преступников. В 2004 г. Генеральная Ассамблея Интерпола подтвердила свою приверженность в поддержке расследования и судебного преследования геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности [7].

Во-вторых, Интерпол гарантирует, что права человека соблюдаются при обработке лич-

¹ В юридической литературе не сложилось единого мнения относительно наименования и признания Международного сообщества в качестве актора международных отношений, однако многие международные соглашения содержат подобные формулировки (в настоящее время «Международное сообщество» упоминается более чем в пятидесяти международно-правовых документах различного характера (данные получены посредством справочно-правовых систем «КонсультантПлюс», «Гарант»)).

ной информации, аккумулирующей в организации и передаваемой через свои каналы. Контролирующую функцию по недопущению вмешательства в личную жизнь граждан и разглашения информации личного характера в рамках Интерпола исполняет Комиссия Интерпола по контролю за файлами. Комиссия контролирует процессы обработки и передачи информации в системе Интерпола с целью предупреждения злоупотреблений и предотвращения любых других угроз личным правам человека. В 2016 г. в ходе 85-й сессии Генеральной ассамблеи Интерпола, проходившей в Индонезии, впервые за последние 30 лет в состав комиссии был включен представитель Российской Федерации – сотрудник Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Комиссия является независимым органом, в задачи которого входит обеспечение того, чтобы соблюдались правила конфиденциальности при проведении операций, связанных с обработкой персональных данных, и, в частности, контролируется создание Интерполом новых файлов или новых методов обработки и передачи личной информации с целью недопущения нарушений прав человека.

Независимая комиссия по контролю над файлами Интерпола также отвечает за обработку за-

просов на доступ к файлам Интерпола, включая просьбы об исправлении или удалении.

В-третьих, одной из инициатив Интерпола, направленной на пропаганду уважения прав человека является реализация организацией информационно-воспитательной функции. В 1994 г. Генеральная Ассамблея, подчеркивая важность работы, проводимой Интерполом для защиты основных прав человека, рекомендовала государствам-участникам принять меры, направленные на обеспечение изучения прав человека в образовательных организациях, занимающихся подготовкой полицейских кадров [9].

Следует также отметить, что Интерпол, выражая свою приверженность к соблюдению и уважению прав человека, осуществляет сотрудничество с Советом по правам человека ООН, участвуя в сессиях Совета и проводимых им семинарах [2, с. 150].

Таким образом, Международная организация уголовной полиции, играя важную роль в сотрудничестве государств в противодействии преступности, в своей деятельности руководствуется общепризнанными нормами международного права и международными стандартами прав человека, что подтверждается принятыми соглашениями и решениями Интерпола, а также претворяется в жизнь в практике работы организации.

Литература

1. Венская декларация и программа действий (принята в г. Вене 25.06.1993 на 2-й Всемирной конференции по правам человека) // Московский журнал международного права. 1994. № 1. С. 153-180.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998. 10 дек.
3. Галиев Р.С. Противодействие международной преступности в контексте взаимодействия Международной организации уголовной полиции (Интерпол) с главными органами Организации Объединенных Наций // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2017. № 32. С. 149-152.
4. Каламкарян Р.А., Троицкий С.В., Галиев Р.С., Андреев А.Ф. и др. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебник. М., 2016.
5. Овчинский В. С. Интерпол (в вопросах и ответах). М.: Инфра-М, 2001.
6. Правила и процедуры доказывания Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года (приняты на 3-й сессии Международного Трибунала, Гаага, Нидерланды, 25 апреля – 5 мая 1994 г.). URL: http://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/Rules_procedure_evidence/IT032_rev1_en.pdf (дата обращения: 16.11.2017).
7. Резолюция Генеральной Ассамблеи Интерпола AG-2004-RES-17 «Increased ICPO-INTERPOL support for the investigation and prosecution of genocide, war crimes and crimes against humanity», принята на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола (Канкун, Мексика, 5-8 октября 2004 г.). URL: <https://www.interpol.int/content/download/5442/45534/version/5/file/AGN73RES17.pdf> (дата обращения: 16.11.2017).
8. Резолюция Генеральной Ассамблеи Интерпола AGN-1974-RES-1 «Privacy of information», принята на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола (Канны, Франция, 19-25 сентября 1974 г.). URL: <https://www.interpol.int/content/download/22976/216955/version/5/file/AGN-1974-RES-1%20-%20Privacy%20of%20information.pdf> (дата обращения: 16.11.2017).

9. Резолюция Генеральной Ассамблеи Интерпола AGN-1994-RES-16 «Training on human rights in police colleges», принята на 63-й сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола (Рим, Италия, 28 сентября – 4 октября 1994 г.) URL: <https://www.interpol.int/content/download/22497/211345/version/4/file/AGN-1994-RES-16%20-%20Training%20on%20human%20rights%20in%20police%20colleges.pdf> (дата обращения: 16.11.2017).

10. Римский статут Международного уголовного суда (принят в г. Риме 17.07.1998 Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Устав Международной организации уголовной полиции (Интерпол), принят на 25-й сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола (Вена, Австрия, 13 июня 1956 г.). URL: https://www.interpol.int/content/download/9429/69209/version/13/file/01%20E%20CONSTITUTION%2009%202017_ok.pdf (дата обращения: 16.11.2017).

С.А. Деньга, канд. юрид. наук

Правовой комитет администрации города Барнаула

ЭВОЛЮЦИЯ КОМПЕТЕНЦИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ГОРОДА БАРНАУЛА

Конституция Российской Федерации в главе 8 определяет местное самоуправление как одну из самостоятельных форм осуществления власти народом. Основным термином в определении компетенции местного самоуправления является установленная Конституцией Российской Федерации категория «вопросы местного значения». В соответствии со ст. 130 Конституции местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью.

Именно в целях решения вопросов местного значения создается и функционирует местное самоуправление как институт публичной власти в Российской Федерации, и именно вопросы местного значения определяют пределы и содержание полномочий его субъектов – населения, органов и должностных лиц местного самоуправления. Ключевую роль в развитии системы местного самоуправления играет Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ), который в соответствии с общими положениями о местном самоуправлении, закрепленными Конституцией Российской Федерации, установил общие принципы организации местного самоуправления и определил вопросы местного

значения муниципальных образований. С момента принятия Федерального закона № 131-ФЗ перечень вопросов местного значения увеличился почти в два раза без предоставления финансовых средств из федерального бюджета на их реализацию.

Специальные вопросы обеспечения жизнедеятельности в муниципальных образованиях при реализации вопросов местного значения закрепляются в иных федеральных законах. В результате решение каждого вопроса местного значения регулируется, наряду с Федеральным законом № 131-ФЗ, специальным законодательством – гражданским, бюджетным, налоговым, земельным, лесным, водным, градостроительным, жилищным и другим (в соответствии с установленным перечнем вопросов местного значения и полномочиями по их решению, а также иными правами и обязанностями органов местного самоуправления). При этом нередко выявляются противоречия между правовыми нормами отдельных нормативных правовых актов Российской Федерации либо пробелы правового регулирования, что создает определенные трудности для органов местного самоуправления на практике.

Использованные Федеральным законом № 131-ФЗ общие формулировки («создание условий...», «участие в...», «обеспечение условий...», «оказание содействия...», «содействие в разви-

тии...», в частности в п. 7, 7.1, 8, 15, 17, 17.1, 19, 20, 33, 37 ч. 1 ст. 16 Федерального закона № 131-ФЗ) для обозначения вопросов местного значения позволяют возлагать именно на органы местного самоуправления определенные обязанности в ходе судебной практики, несмотря на то что обозначенные вопросы часто пересекаются с предметами ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Связано это с тем, что, по сути, органы местного самоуправления решают две группы вопросов: вопросы местного значения (непосредственное обеспечение жизнедеятельности населения муниципального образования) и выполнение отдельных государственных полномочий (которые должны передаваться только федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации и с одновременной передачей необходимых материальных и финансовых средств). В силу ограниченного финансирования, выделяемого на осуществление делегированных органами государственной власти полномочий, зачастую эти полномочия превращаются в вопросы местного значения. В настоящее время органами местного самоуправления города Барнаула помимо установленных Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» вопросов местного значения, дополнительно осуществляется исполнение еще девяти государственных полномочий: организация деятельности административных комиссий и комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав; организация и осуществление деятельности по опеке и попечительству в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; обеспечение жильем ветеранов, инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов; учет граждан, выехавших из районов Крайнего Севера, в целях обеспечения их жильем; назначение и выплата компенсаций родителям, чьи дети посещают детские сады; компенсация на питание школьников из малообеспеченных семей; установление тарифов на перевозки пассажиров и багажа общественным транспортом на территории города; отлов и содержание безнадзорных животных. До октября 2016 г. администрация города Барнаула, исполняя государственные полномочия, осуществляла государственную регистрацию актов гражданского состояния.

Необходимо отметить, что введенные Федеральным законом от 29.12.2014 № 485-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами

государственной власти субъекта Российской Федерации», внесшим в 14 федеральных законов, регулирующих общественные отношения в конкретных сферах деятельности, дополнительные нормы о возможности перераспределения полномочий органов местного самоуправления и органов государственной власти субъекта Российской Федерации, позволили Алтайскому краю с 1 января 2015 г. перераспределить полномочия между органами местного самоуправления города Барнаула и органами государственной власти Алтайского края в сфере предоставления земельных участков в границах городского округа, государственная собственность на которые не разграничена. В результате такого перераспределения бюджет города стал недополучать значительный объем финансирования от продажи и использования таких земельных участков.

Зачастую органы власти субъектов Федерации в случае изменения полномочий по тем или иным вопросам не оперативно организуют работу, начиная с правового регулирования, по переданным федеральным законодательством вопросам, и органы местного самоуправления в целях не допустить нарушения жизнедеятельности населения продолжают их выполнять, что ведет к необоснованным по бюджетному законодательству затратам. Так, к примеру, с 1 января 2016 г. федеральным законодательством были внесены изменения в сфере обращения с отходами. Предполагалось, что организацией сбора, транспортировки и утилизации будет заниматься региональный оператор в соответствии с региональной программой в области обращения с отходами и территориальной схемой обращения с отходами. Вместе с тем до настоящего времени государственными органами Алтайского края данная работа практически не организована и органы местного самоуправления города Барнаула фактически продолжают осуществлять все полномочия, связанные с обращениями отходов, и нести соответствующие затраты.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что нередко на практике нарушается конституционный принцип о невозможности наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями без передачи им финансовых и материальных средств, необходимых для осуществления указанных полномочий. Несоблюдение этого принципа, как правило, ведёт к прямым и значительным расходам из местных бюджетов, которые затем так и не компенсируются из бюджетов вышестоящего уровня. Федеральный закон № 131-ФЗ не предусматривает необходимости получения согласия ор-

ганов местного самоуправления на передачу им отдельных государственных полномочий. Между тем существует вполне обоснованное мнение, что передача органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий без их согласия не способствует повышению эффективности их осуществления. Основными проблемами при наделении государственными полномочиями органов местного самоуправления являются отсутствие ограничений для передачи государственных полномочий по объёму и (или) содержанию, недостаточная гарантированность материально-финансового сопровождения переданных полномочий. В итоге остаётся не решённой основная проблема, на устранение которой была направлена муниципальная реформа 2014 г. – неразграниченность полномочий и ответственности между уровнями власти. А органы местного самоуправления в итоге оказываются целиком зависимыми от органов государственной власти субъектов Федерации. Анализ норм законодательства по вопросу о перечне государственных полномочий, передаваемых органам местного самоуправления, показывает, что в этой сфере отсутствуют единые, чёткие правовые подходы. Общие принципы и критерии оценки допустимости передачи государственных полномочий от органов субъектов РФ на местный уровень не в полной мере проработаны федеральным законодателем и не закреплены должным образом. Представляется, что

большинство существующих проблем в данной сфере можно разрешить путём принятия единого федерального закона о компетенции местного самоуправления. Необходимо упорядочить практику наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, существенно ограничить их перечень, особенно в отношении полномочий, передаваемых органами государственной власти субъектов Федерации. Особое внимание следует уделить детализации механизмов бюджетного регулирования, критериев предоставления местным бюджетам финансовых ресурсов из вышестоящих бюджетов при делегировании отдельных государственных полномочий. Компенсации также должны подлежать расходы, понесенные в связи с вынужденным исполнением полномочий, которые федеральным законодательством перераспределены между органами местного самоуправления и органами субъектов Российской Федерации, и последние в силу каких-либо причин не приступают к их осуществлению. Также представляется необходимым пересмотреть перечень вопросов, перераспределение которых стало бы невозможным между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, исходя из того, что решение данных полномочий является не только расходным обязательством, но и источником финансирования местных бюджетов.

Литература

1. Васильев В.И. Муниципальное право России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2012.
2. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Российская газета. 2003. 8 окт.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 485-ФЗ // Российская газета. 2014. 31 дек.
5. О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления муниципального образования город Барнаул Алтайского края и органами государственной власти Алтайского края [Электронный ресурс]: закон Алтайского края от 23 декабря 2014 г. № 102-ЗС // Официальный интернет-портале правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

*О.Л. Казанцева, канд. юрид. наук
Алтайский государственный университет*

К ВОПРОСУ О ДАЛЬНЕЙШЕМ ФОРМИРОВАНИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Формирование местного самоуправления в России оказалось одной из самых сложных задач новой государственности. В XXI в. произошло осознание того, что демократическое и правовое государство, которым является в соответствии с конституционными положениями Россия, должно иметь развитое местное самоуправление.

Актуальность в этой связи приобретает вопрос о месте и роли местного самоуправления в имеющейся системе публичной власти российского государства.

Конституция РФ [2] закрепила ряд значимых положений о местном самоуправлении, которые согласуются с Европейской хартией местного самоуправления, однако создание правовой основы, признание и гарантированность местного самоуправления еще не создает действительно эффективно работающей системы местного самоуправления, не предусматривает действенного механизма его самозащиты.

Россия постепенно реализует установленные правовые положения в сфере местного самоуправления, но вместе с тем само местное самоуправление не может в полной мере их реализовать на практике. Этому имеются объективные причины.

Во-первых, отсутствует изначально общепризнанная теория местного самоуправления. Это признается практически всеми учеными-правоведами. Различные подходы к местному самоуправлению не позволяют выработать единую государственную политику в этой сфере, о чем свидетельствуют многочисленные изменения в базовый Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3], а также нестабильность правовых основ местного самоуправления в целом.

Во-вторых, законодательно закрепленные общие принципы организации местного самоуправления представляют собой не столько общие руководящие идеи и начала в сфере организации и функционирования местного самоуправления, сколько подробную инструкцию для населения и органов и должностных лиц местного самоуправ-

ления по осуществлению практически всех вопросов, связанных с обеспечением жизнедеятельности населения в муниципальных образованиях.

Анализ ст. 5 и 6 ФЗ № 131, в которых закрепляются полномочия федеральных и региональных органов государственной власти в области местного самоуправления, явно демонстрирует перевес полномочий в сторону федерального центра. На федеральном уровне решаются в том числе и такие вопросы, как правовое регулирование прав, обязанностей и ответственности граждан, органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления по решению вопросов местного значения и при осуществлении отдельных государственных полномочий, которыми органы местного самоуправления наделены федеральными законами. Нормы ФЗ № 131 существенно ограничивают самостоятельность местного самоуправления, которая гарантируется Основным законом государства. Полномочия субъектов РФ в сфере местного самоуправления сужены настолько, что, как правило, законодательные акты на уровне регионов в большей степени дублируют положения федеральных актов, что, по сути, выхолащивает региональный уровень правотворчества.

В-третьих, несовершенство правовой основы местного самоуправления, пробельность и коллизияльность правовых норм, большое количество подзаконных актов в сфере местного самоуправления не позволяют четко определить полномочия органов местного самоуправления в различных сферах [1]. Зачастую органы местного самоуправления вынуждены своими муниципальными правовыми актами регулировать вопросы, не разрешенные на федеральном или региональном уровнях, выходя за пределы своей правотворческой деятельности. Безусловно, это неправильно, но органам местного самоуправления приходится на это идти осознанно, поскольку реализация права законодательной инициативы может затянуться, да и это не гарантирует еще принятия необходимого акта законодательными органами государственной власти, а реализовывать полномочия нужно сегодня и сейчас.

В-четвертых, несовершенство федеральных и региональных правовых актов влияет на качество муниципальных правовых актов, которые разрабатываются с учетом и во исполнение актов большей юридической силы. Кроме того, существует дефицит квалифицированных кадров в сфере местного самоуправления, что объясняется невысокой оплатой труда и растущей ответственностью за принимаемые решения.

В-пятых, материально-техническое обеспечение муниципальных органов власти не во всех муниципальных образованиях позволяет своевременно знакомиться с изменениями законодательства (отсутствие компьютерной техники, сети Интернет, правовых баз) и как следствие своевременно вносить изменения в муниципальные правовые акты.

В-шестых, информационное обеспечение местного самоуправления до сих пор представляется слабым. Недостаточно проводится просветительная работа с населением о значимости и развитии местного самоуправления, несмотря на законодательное расширение возможности участия населения в управлении местными делами. Органы местного самоуправления незаслуженно упрекаются за решения, принимаемые на более высоких уровнях власти, поскольку воспринимаются неотъемлемой частью государственного управления.

В-седьмых, отсутствует эффективная и жизнеспособная система финансовых основ местного самоуправления, что не позволяет даже самым

сильным законодательным нормам срабатывать вхолостую. Анализ муниципальной собственности позволяет отметить ряд особенностей, а именно: основную массу объектов, находящихся в муниципальной собственности, составляют объекты социальной направленности сферы услуг; высокая доля убыточных и требующих вложений объектов; малая доля предприятий производственной и торговой сферы; неурегулированность правоотношений между государственными и муниципальными органами при передаче объектов в муниципальную собственность. Данные обстоятельства позволяют констатировать, что местный уровень власти является наиболее финансово ущемленным в сравнении с другими уровнями власти.

В-восьмых, отсутствие упорядоченной правовой базы, регламентирующей формы и принципы взаимодействия органов всех уровней публичной власти, свидетельствует об имеющихся проблемах при создании слаженной системы взаимодействия населения, местного самоуправления и государственной власти.

Это лишь некоторые трудности, вставшие на пути развития местного самоуправления в нашем государстве. Однако поступательное воплощение в жизнь конституционных норм в сфере местного самоуправления с разработкой действенных механизмов реализации единой государственной политики в сфере местного самоуправления должно создать определенную стабильность основ местного самоуправления, что послужит толчком для его дальнейшего развития.

Литература

1. Казанцева О.Л. Проблемы правотворческой деятельности муниципальных образований в Российской Федерации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2013. Т. 9. № 2. С. 69-74.
2. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (в ред. от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.10.2017) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

Е.А. Казьмина, канд. юрид. наук, доцент

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

ПРИНЦИП ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ ПРИ ОГРАНИЧЕНИИ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ

Вопросы ограничения конституционных прав всегда стояли в центре внимания ученых-правоведов, однако на пути формирования правового государства они приобретают особое значение. Сами права получают свое стремительное развитие в настоящих условиях с развитием науки, информационных технологий и принимают совершенно новое звучание и содержание в современных условиях. Человек, с одной стороны, благодаря достижениям информационного общества становится объектом постоянного пристального внимания. С другой стороны, увеличение числа сфер его жизнедеятельности с расширением окружающего его пространства влечет за собой возникновение новых общественных отношений, объективно требующих своего правового регулирования.

Частная жизнь, казалось бы, в меньшей степени требующая воздействия правовых норм в силу особо тонкой и при этом существенной моральной составляющей, становится все более открытой и во многом ранимой. Однако одним из основополагающих принципов конституционного статуса личности является принцип гармоничного сочетания прав и законных интересов личности, иных лиц, общества и государства в целом. На реализацию этого принципа направлены и положения ст. 55 Конституции Российской Федерации, предусматривающие возможность ограничения прав и свобод федеральным законом (безусловно, наряду с международными правовыми актами) и исключительно в необходимой и достаточной мере для достижения определенных целей, а именно: защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. И вот здесь встает вопрос, как оценить, необходимы и достаточны ли ограничения, предусмотренные федеральным законом, или они вообще не требуются как таковые. Таким образом, на передний план выходит содержание принципа пропорциональности при ограничении конституционных прав и свобод. То есть, по сути, мы говорим о конфлик-

те или конкуренции ценностей и путях его предупреждения.

Весьма интересно сущность принципа пропорциональности описывается такими авторами, как М. Коэн-Элич и И. Порат, включающими в него четыре основополагающих элемента, в т.ч. легитимный характер поставленной цели, пригодность ограничения как средства достижения этой цели, необходимость достижения поставленной цели, балансирование ограничиваемого права и цели ограничения [2; с. 65]. Говоря о неприкосновенности частной жизни, Конвенция о защите прав человека и основных свобод в ст. 8 предусматривает возможность вмешательства в его осуществление в том случае, если оно необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц [1].

Тем не менее также необходимо учитывать, что требование о правовом основании для вмешательства и ограничения права не является простой формальностью в силу того, что Европейский суд по правам человека в своих позициях отражает потребность в соблюдении условий доступности и четкости или предсказуемости. Так, в знаменитом решении «Санди Таймс против Соединенного Королевства» суд отметил, что норма не может рассматриваться как «закон», если она не сформулирована с точностью, достаточной для того, чтобы гражданин мог регулировать свое поведение: он должен быть способен предвидеть с разумной степенью точности последствия, которые в зависимости от обстоятельств может повлечь конкретное действие. Такие последствия не должны быть предсказуемы с абсолютной точностью [5].

Можно установить, что правовая норма не является достаточно точной в случае, когда она предоставляет неограниченную свободу усмотрения, особенно свободу относительно обстоятельств, в которых могут осуществляться полномочия, а также лиц, в отношении которых

они осуществляются. Особый интерес в связи с этим представляет законодательство и правоприменительная практика в области проведения оперативно-разыскных мероприятий. К сожалению, сложившаяся в России система не позволяет с полной уверенностью говорить о том, что существует комплекс реальных гарантий от различных злоупотреблений в этой сфере. Так, статья 213 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации допускает контроль и запись телефонных и иных переговоров исключительно на основании судебного решения [3]. Таким образом, суд обладает достаточно широкой свободой усмотрения при принятии решений. Он руководствуется исключительно общими принципами допустимости ограничений конституционного права на неприкосновенность частной жизни. Практика международных органов отстаивает точку зрения, что даже интересы национальной безопасности не являются абсолютно бесспорными для ограничения конституционных прав. Так, в деле Аль-Нашиф против Болгарии Европейский суд отметил, что у каждого лица должна быть возможность обжаловать утверждения органов исполнительной власти о том, что затрагиваются интересы национальной безопасности. У независимых органов власти должна быть возможность отреагировать в случаях, когда ссылка на эту концепцию не имеет под собой фактического разумного основания либо обнаруживает такое толкование понятия «национальная безопасность», которое является неправомерным, противоречит здравому смыслу либо является произвольным [4].

Что касается целей ограничения, то в большинстве рассматриваемых международными органами дел невозможно оспорить то, что определенное ограничение служит достижению одной или нескольких этих целей. Особенный интерес вызывает формулировка «необходимо в демократическом обществе». Именно здесь отражается принцип соразмерности или пропорциональности, о котором в первую очередь и ведется речь. Суд традиционно оценивает значимость и достаточность вмешательства, общие последствия ограничения права, существование или отсутствие менее строгих альтернативных мер по разрешению определенной проблемы. При этом в указанном выше постановлении «Санди Таймс против Соединенного Королевства» суд установил свободу усмотрения самих государств в вопросе первоначальной оценки настоятельной общественной необходимости. При этом пределы свободы усмотрения неравнозначны в отношении каждой из целей, обосновывающих ограничения права. Так, например, в оценке норм о нравственности свобода усмотрения гораздо шире в силу особенностей того или иного общества: духовных, религиозных, культурных и т.п.

Все вышеизложенное позволяет говорить об отсутствии единственно верного подхода к вопросам ограничения прав и свобод. Дальнейшее развитие общественных отношений, безусловно, будет требовать и развития подходов к пределам ограничения прав и свобод. И наиболее остро они будут стоять именно применительно к частной жизни, требующей осторожного и трепетного отношения к ней.

Литература

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.; с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.)
2. Коэн-Элич М., Порат И. Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность: исторические корни // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 3 (82). С. 59-81.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
4. Case of Al-Nashif v. Bulgaria (Application no. 50963/99). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60522>.
5. Case of The Sunday Times v. The United Kingdom (Application no. 6538/74). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57584>.

*Н.А. Кандрина, канд. юрид. наук, доцент
Алтайский государственный университет*

О СУЩНОСТИ И ОСНОВНЫХ ПРИЗНАКАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее – Федеральный закон 2010 г.) является в настоящее время специальным законом, закрепившим правовой институт государственных и муниципальных услуг, предоставляемых органами публичной власти населению [4]. Вместе с тем остаются окончательно неразрешенными проблемы сущности, следовательно, правовой природы услуг, предоставляемых государственными органами и органами местного самоуправления.

Анализ содержания положений Федерального закона 2010 г. позволяет выделить следующие основные признаки государственных услуг. Государственные услуги являются специальной деятельностью органов публичной власти, связанной с реализацией функций этих органов; они предоставляются по запросам заявителей (физических и юридических лиц, не являющихся органами публичной власти). Важным признаком, характеризующим государственные услуги, выступает то обстоятельство, что инициатором их предоставления являются заявители, а не органы публичной власти. При этом органы публичной власти предоставляют услугу в пределах их полномочий, установленных нормативными правовыми актами РФ и субъектов РФ. Государственная услуга предоставляется в соответствии с административным регламентом, устанавливающим порядок и стандарт её предоставления; она может предоставляться в электронной форме, если это не запрещено законодательством, а также в специально уполномоченной организации - многофункциональном центре предоставления государственных и муниципальных услуг. В основном государственная услуга предоставляется на бесплатной основе, за исключением случаев, предусмотренных Федеральным законом 2010 г. Своего рода признаками – юридическими гарантиями государственной услуги являются положения Федерального закона 2010 г. о том, что в целях предоставления услуги возникает межведомственное взаимодействие различных органов публичной власти; предусмотрена ответствен-

ность (дисциплинарная или административная) за нарушение порядка предоставления государственной услуги в соответствии с Федеральным законом 2010 г., Кодексом РФ об административных правонарушениях [2], Трудовым кодексом РФ [6], федеральными законами о государственной службе [5].

И признак государственной услуги, думается, что весьма дискуссионный, о том, что порядок рассмотрения жалобы на нарушения прав граждан и организаций при предоставлении государственной услуги регулируется Федеральным законом 2010 г. и не применяются положения Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [4].

Не останавливаясь непосредственно на анализе каждого упомянутого признака государственной услуги, выскажем следующее. Во-первых, в Федеральном законе 2010 г. не определена истинная сущность государственной услуги, предоставляемой органами публичной власти; упомянутые её признаки в основном характеризуют соответствующие административные процедуры её предоставления. Буквальное истолкование этих положений может сводиться к тому, что сущность государственной услуги – это деятельность органов публичной власти по реализации их определенных функций. Почему инициатива в этом случае должна исходить от населения, каково содержание государственной услуги и её значение для заявителя? К сожалению, федеральный законодатель, да и некоторые исследователи оставляют упомянутые проблемы соответственно за пределами правового регулирования и без надлежащей научной проработки.

Во-вторых, думается, что важной особенностью государственной услуги является связь с правами, свободами и обязанностями человека и гражданина (как правило, в качестве способа их реализации), аналогичное суждение высказывают Г.И. Алькина и В.А. Герба» [1]. При этом необходимо непосредственное личное обращение (устное или письменное) о предоставлении услуги. Что касается последнего, наличие этого

правильного и необходимого с позиции формально-юридического подхода признака накладывает на органы публичной власти обязанность информировать население о возможности предоставления соответствующей услуги. Упомянутое вытекает не только из принципа открытости деятельности органов, предоставляющих государственные и муниципальные услуги, но и можно сказать, что в большей степени является конституционной обязанностью государства. Так как согласно Конституции РФ «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2); права и свободы личности «... определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и местного самоуправления...» (ст. 18) [3]. Обязанность органов публичной власти информировать население об услугах и способах их получения обусловлена также тем обстоятельством, что до недавнего времени соответствующие социальные выплаты устанавливались государством самостоятельно, особенно в отношении людей старшего поколения. Являясь правовым и социальным по своей природе, современное российское государство не может вы-

ступать в качестве только «сервисной» организации, т.е. довольствоваться тем, что если запроса об услуге нет, то гражданин-«клиент» доволен; да и меньшее количество предоставленных услуг населению способствует экономии затрат такой организации. Как бы в статусе «сервисной» организации наше государство не дошло до того факта, что полученная в результате не обращения с запросом о предоставлении услуги экономия бюджетных средств стала бы ориентиром «качества» работы служащих, основанием их поощрения. Следовательно, важным является обстоятельство, связанное с закреплением за органами публичной власти обязанности информировать население как о самой услуге, так и о способах её предоставления.

Таким образом, определение сущности государственной услуги, предоставляемой органами публичной власти, не может ограничиваться положениями Федерального закона 2010 г. Именно основополагающие конституционные принципы демократического правового социального государства, закрепляя основную цель государства и его органов – обеспечение реализации прав и свобод личности, закладывают особую форму взаимоотношений государства и личности – предоставление государственных услуг.

Литература

1. Алькина Г.И., Герба В.А. Сущность государственных услуг // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 3 (14). С. 129-134.
2. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
4. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.
5. О системе государственной службы Российской Федерации: федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

С.В. Кодавлович

Академия МВД Республики Беларусь

ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫМ КОМИТЕТОМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В соответствии с ч. 2 ст. 59 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности [1].

Особой защите со стороны вышеуказанных субъектов подлежат конституционные права и свободы человека и гражданина, что обусловлено их значимостью. Защита как данных, так и иных прав и свобод личности может осуществляться указанными субъектами в различных формах.

В философии под термином «форма» (лат. *forma*) понимается «прежде всего внешнее очертание, наружный вид предмета, внешнее выражение какого-либо содержания (см. Гештальт), а также и внутреннее строение, структура, определенный и определяющий порядок предмета или порядок протекания процесса в отличие от его «аморфного» материала (материи), содержания или содержимого» [5, с. 489].

В Словаре русского языка С.И. Ожегова термин «форма» трактуется в нескольких значениях. Так, он означает: «1. Способ существования содержания (во 2 знач.), неотделимый от него и служащий его выражением» [2, с. 853]. Также термин «форма» в данном словаре трактуется как «2. Внешнее очертание, наружный вид предмета» [2, с. 853].

В правовой науке большинство авторов при классификации форм защиты прав и свобод личности исходят из субъектов, осуществляющих защиту, выделяя при этом такие формы защиты, как государственные и негосударственные; судебные и несудебные и т.д.

Также в правовой науке широко используется термин «процессуальная форма» применительно к защите прав и свобод человека и гражданина. При этом отдельные авторы отмечают, что защита прав и свобод личности может осуществляться только в рамках процессуальной формы. По нашему мнению, защита прав и свобод личности может осуществляться в рамках как процессуальной, так и непроцессуальной форм. Так,

Следственный комитет Республики Беларусь (далее – Следственный комитет) осуществляет защиту прав и свобод личности посредством обеих указанных форм.

Применительно к процессуальной форме защиты прав и свобод личности Следственным комитетом следует отметить, что деятельность его должностных лиц, в основном, осуществляется в рамках досудебного уголовного производства. При этом деятельность его должностных лиц в сфере уголовного процесса регулируется нормами Конституции, Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) и иных нормативных правовых актов. Посредством применения норм УПК осуществляется защита различных прав и свобод конкретных лиц, к примеру, посредством применения мер безопасности (глава 8 УПК) [4] в отношении участника уголовного процесса устраняется угроза нарушения таких его конституционных прав, как право на жизнь (ст. 24 Конституции), право на тайну личной жизни (ст. 28 Конституции) [1] и т.д. Одновременно с этим полагаем необходимым отметить, что процессуальная форма защиты прав и свобод человека и гражданина не ограничивается лишь рамками уголовного процесса, поскольку она может проявляться и при осуществлении иной деятельности, регулируемой иными нормами, а не только уголовно-процессуальными. К примеру, в соответствии со ст. 25 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 403-З «О Следственном комитете Республики Беларусь» сотрудник Следственного комитета вправе использовать оружие для остановки транспортного средства путем его повреждения, если водитель не подчиняется заведомо очевидным для него законным неоднократным требованиям сотрудника Следственного комитета об остановке транспортного средства и его действия создают реальную угрозу жизни или здоровью сотрудника Следственного комитета, иных граждан либо имеются достоверные данные о том, что транспортным средством управляет лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление [3].

При таких обстоятельствах процессуальная форма защиты прав и свобод человека и гражданина, по нашему мнению, представляет собой урегулированную правовыми нормами деятельность уполномоченных субъектов, в данном случае Следственного комитета (его должностных лиц).

Что касается непроцессуальной формы защиты прав и свобод личности Следственным комитетом (его должностными лицами), то она не урегулирована правовыми нормами. В качестве примера проявлений данной формы можно привести следующее:

- осуществление следователем Следственного комитета планирования по уголовному делу, в ходе которого намечаются для проверки различные версии, в т.ч. выдвинутые подозреваемым (обвиняемым) в свою защиту;

- непосредственное информирование следователем Следственного комитета различных лиц о необходимости соблюдения мер предосторожности, а также выступления следователя в средствах массовой информации, трудовых коллективах по данному поводу. Так, в частности, разъяснение

участнику уголовного процесса о необходимости воздержания от общения с каким-либо лицом может предупредить совершение общественно опасного деяния в отношении него и его имущества, чем, соответственно, осуществляется защита таких его конституционных прав, как право на жизнь (ст. 24 Конституции), право собственности (ст. 44 Конституции).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы:

- под формами защиты прав и свобод личности Следственным комитетом следует понимать как регламентированную, так и нерегламентированную правовыми нормами деятельность Следственного комитета (его должностных лиц), направленную на предотвращение преступлений, устранение препятствий в пользовании личностью правами и свободами, а равно их восстановление;

- защита конституционных и иных прав и свобод личности Следственным комитетом (его должностными лицами) может осуществляться в процессуальной и непроцессуальной формах.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24.11.1996 и 17.10.2004. 8-е изд., стер. Мн.: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2012. 64 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1990. 917 с.
3. О Следственном комитете Республики Беларусь: закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 403-З (в ред. закона Республики Беларусь от 19.07.2016). URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11200403> (дата обращения: 28.11.2017).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (в ред. закона Республики Беларусь от 18.07.2017). URL: http://etalonline.by/?type=text&regnum=HK9900295#load_text_none_1_ (дата обращения: 28.11.2017).
5. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост.: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.: Инфра-М, 2005. 574 с.

Е.Е. Кошелева

Дзержинский филиал Национального исследовательского

Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

О ПОНЯТИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Феномен конституционной безопасности России имплицитно в систему национальной безопасности нашей страны. Поэтому чтобы сформулировать определение искомого понятия, мы должны определиться с пониманием более общего понятия «национальная безопасность» и родового понятия «безопасность».

С этимологической точки зрения «безопасность» понимается как «состояние, при котором не угрожает опасность» [7, с. 47]. Исходя из этого определения, некоторые ученые предполагают рассмотрение безопасности как отсутствие угроз [2, с. 88]. Мы полагаем, что это упрощенный подход. Дело в том, что в отношении любого объекта существует как сама опасность, так и реальная угроза ее наступления; поэтому безопасность не есть само отсутствие факторов наличия угроз, а состояние, при котором она, опасность, сводится к минимуму, и причинение ею реального вреда становится почти невозможным. Более того, исторически понимание безопасности отождествлялось с неким состоянием, при котором наличествует защищенность чего-либо [1, с. 482].

Легальное определение безопасности ранее содержалось в Законе «О безопасности». Так, согласно ему безопасность есть «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [5]. В связи с принятием в 2010 г. ФЗ «О безопасности» [6], вышеуказанный нормативно-правовой акт был отменен, и в российском праве в настоящее время отсутствует конкретное законодательное закрепление понятия «безопасность».

Поэтому в науке можно встретить различные определения указанной категории. Хотя отождествление безопасности с состоянием и может вызвать критику, связанную с тем, что такое понимание может послужить поводом к фактическому отрицанию динамичного характера системы, тем не менее мы считаем, что безопасность есть, прежде всего, устойчивое состояние. Таким образом, безопасность рассматривается нами как устойчивое состояние защищенности чего-либо от всевозможных угроз. В зависимости от объекта обеспечения

выделяются разные виды безопасности. Среди существующих разновидностей безопасности выделяется также национальная безопасность. В юридической науке нет единой позиции на определение данного понятия. Так, по мнению Н.В. Михалкина, «национальная безопасность – это система политико-общественных институтов, эффективное функционирование которых и создает возможность обеспечить состояние защищенности» [4, с. 7].

М.И. Дзлийев понимает под национальной безопасностью Российской Федерации «состояние защищенности ее национальных интересов во всех сферах жизни общества, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства» [3, с. 59-60].

На наш взгляд, концептуально верное понятие национальной безопасности России сформулировал законодатель: «Под национальной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности [8]. Примечательно, что законодатель определил объект национальной безопасности комплексно, включающим в себя безопасность личности, общества и государства. По нашему мнению, это только подчеркивает те положения Конституции РФ, в которых говорится об уникальной роли нации в системе поддержания безопасности и формирования институтов власти.

Национальная безопасность России – это сложноорганизованное системное явление правовой действительности. Как и любая система, национальная безопасность включает в себя несколько видов: экономическая, военная, информационная, экологическая, демографическая и др. В числе ее разновидностей следует различать и конституционную безопасность России.

Среди других разновидностей национальной безопасности России конституционную безопасность отличает целый ряд специфических признаков. Рассмотрим их более подробно.

Во-первых, специфический объект обеспечения конституционной безопасности. Объектом обеспечения выступают общественные отношения, вытекающие из основ конституционного строя России, т. е. фундаментальные базовые общественные отношения, представленные в основных институтах государства и общества и урегулированные нормами Конституции РФ.

Во-вторых, специфическая цель обеспечения. Целью обеспечения конституционной безопасности России является незыблемость конституционного строя страны.

В-третьих, специфические задачи. Обеспечение конституционной безопасности России преследует достижение следующих задач: обеспечение формирования правового и демократического государства; достижение состояния устойчивости базовых общественных отношений, составляющих конституционный строй страны; максимальная реализация положений основ конституционного строя, установленных Конституцией РФ.

В-четвертых, система обеспечения конституционной безопасности предполагает наличие специфических субъектов обеспечения – Президент РФ, Совет Безопасности РФ, Федеральная служба безопасности РФ, Прокуратура РФ, Конституционный Суд РФ и некоторые другие. Особенность заключается в том, что перечень субъектов конституционной безопасности максимально приближен к перечню субъектов обеспечения национальной безопасности России.

В-пятых, специфические угрозы. Традиционно угрозы делят на внутренние и внешние. Данного подхода придерживаемся и мы. Исходя из него выделим внешние угрозы конституционной безопасности России:

- «двойные стандарты» в международном общении, касающемся выработки политики в отношении территориальной целостности государства и права наций на самоопределение;
- поддержка рядом зарубежных государств сепаратистских тенденций в некоторых субъектах РФ;
- финансирование международными террористическими организациями незаконных вооруженных формирований на территории РФ [9, с. 49-50].

К внутренним угрозам конституционной безопасности России следует отнести:

- принятие субъектами РФ нормативных актов, противоречащих Конституции РФ и федеральному законодательству;
- несоблюдение на практике нормативно закреплённого принципа равноправия субъектов;
- создание общественных организаций и вооруженных формирований, целью которых является насильственное свержение конституционного строя России;
- отсутствие реальной конституционной ответственности должностных лиц федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ за антиконституционные действия (бездействие), связанные с осуществлением ими своих должностных (служебных) обязанностей;
- функционирование деструктивных религиозных организаций, организаций сепаратистской направленности и другие [10, с. 91].

На основе вышеперечисленных признаков можно сформулировать следующее определение искомого понятия. Под конституционной безопасностью России следует понимать устойчивое состояние защищенности конституционного строя страны от всевозможных угроз.

Литература

1. Антология мировой философии: В 4 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3.
2. Белов П.Г. Системные основы обеспечения национальной безопасности России // Безопасность: Информационный сборник. 1994. № 6. С. 88.
3. Дзалиев М.И., Романович А.Л., Урсул А.Д. Проблемы безопасности: теоретико-методологические аспекты. М., 2001.
4. Михалкин К.В. Безопасность Российской Федерации. Вопросы теории и практики. М., 1993.
5. О безопасности [Электронный ресурс]: закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О безопасности: федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Российская газета. 2010. 29 дек.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991. 1692 с.
8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Российская газета. 2015. 31 дек.
9. Репин М.Е. Организованная преступность как уголовно-правовое понятие // Общество и человек. 2015. № 1-2 (11). С. 49-50.
10. Серебровская Д.Д., Репин М.Е. Некоторые особенности привлечения к административной ответственности за демонстрацию нацистской символики в виде татуировок // Глобальные риски – локальные решения: сб. мат-лов ежегод. междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф. (18 мая 2016 г.). СПб., 2016. С. 91.

Е.С. Пастушик

УВД Брестского областного исполнительного комитета

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ «БЕЖЕНЕЦ» И «ВЫНУЖДЕННЫЙ ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ» В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ СТРАН СНГ

Беженцы относятся к наиболее уязвимым категориям населения и рассматриваются как самая большая трагедия человечества в наше время.

Особенностью национального регулирования понятия «беженец» является то, что явно прослеживаются ограничительные тенденции [6, с. 33].

Понятие «беженец», закрепленное в законодательстве стран – членов СНГ базируется на определении, которое приводится в Конвенции о статусе беженцев 1951 г. В частности, под беженцами понимают лицо, которое в результате событий, происшедших до 1 января 1951 г., и в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений. В приведенном определении понятия «беженец» необходимо выделить следующие критерии: 1) нахождение вне страны происхождения (гражданства или прежнего постоянного местожительства); 2) вполне обоснованные опа-

сения; 3) преследования; 4) признаки преследования: раса, вероисповедание, гражданство, принадлежность к определенной социальной группе и политические убеждения; 5) отсутствие защиты страны происхождения.

Однако, если обратиться к национальному законодательству государств, например государств, входящих (входивших) в состав СНГ, то можно обнаружить особенности в трактовке данного понятия «беженец». В частности, в законодательстве о беженцах Азербайджанской Республики, Республики Казахстан, Украины, Российской Федерации к признакам преследования, в дополнение к конвенционным, относится и национальность. В Законе Кыргызской Республики в определении понятия «беженец» содержится «реальная опасность подвергнуться преследованию в вооруженных и межнациональных конфликтах».

Следует отметить, что в Законе Республики Беларусь от 23.06.2008 № 354-З «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты в Республике Беларусь» определение понятия «беженец» отсутствует. Согласно ст. 18 указанного закона следует, что в Республике Беларусь статус беженца предоставляется иностранному гражданину, находящемуся на территории Республики Беларусь в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований в го-

сударстве гражданской принадлежности по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, который не может или не желает в силу таких опасений пользоваться защитой этого государства, или лицу без гражданства, находящемуся на территории Республики Беларусь вследствие указанных опасений, которое не может или не желает вернуться в государство прежнего обычного места жительства в силу таких опасений) [4, с. 4]. В свою очередь данное определение было закреплено в Законе Республики Беларусь от 22.08.1995 № 3605-ХІІ (посл. ред. от 10.01.2006 № 95-3) «О беженцах» (документ утратил силу) [2, с. 4].

Следует обратить внимание, что определение, данное в ст. 18 Закона Республики Беларусь «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты в Республике Беларусь» от 2008 г., в основном соответствует Конвенции 1951 г., но включает дополнительное основание – национальность.

В 1993 г. странами СНГ принято Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам, где впервые был использован термин «**вынужденные переселенцы**» [1, с. 33]. В частности, в соответствии с указанным соглашением им признается лицо, которое, являясь гражданином Стороны, предоставившей убежище, было вынуждено покинуть место своего постоянного жительства на территории другой Стороны вследствие совершенного в отношении него или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, политических убеждений, а также принадлежности к определенной социальной группе в связи с вооруженными и межнациональными конфликтами» [7, с. 3].

В 1993 г. Российская Федерация принимает Закон «О вынужденных переселенцах» (с изменениями и дополнениями) от 19.02.1993 № 4530 [6, с. 1]. По обстоятельствам, предусмотренным п. 2 ст. 1 указанного нормативного акта, вынужденным переселенцем признается:

1) гражданин Российской Федерации, вынужденный покинуть место жительства на территории иностранного государства и прибывший на территорию Российской Федерации; 2) гражданин Российской Федерации, вынужденный покинуть место жительства на территории одного субъекта Российской Федерации и прибывший

на территорию другого субъекта Российской Федерации [3, с. 1].

Если обратиться к законодательству Азербайджанской Республики, то в соответствии со ст. 1 Закона «О статусе беженцев и вынужденных переселенцев» (лиц, переселенных в пределах страны) от 21.05.1999 № 668 (с изменениями от 30.12.2016) следует, что *вынужденный переселенец (лицо, переселенное в пределах страны)* – лицо, вынужденное покинуть постоянное место проживания в результате военной агрессии, стихийных и техногенных бедствий на территории Азербайджанской Республики и переселиться на другое место [5, с. 2].

Что касается Республики Беларусь, то данное понятие в законодательстве нашей страны отсутствует. Исходя из анализа вышеуказанных определений в законодательстве Российской Федерации, Азербайджанской Республики следует, что указанная категория (вынужденные переселенцы) – это лица, которые в основном перемещаются по территории одной страны ввиду различных обстоятельств (техногенного характера, военного и т.д.). Вместе с тем в законодательстве Российской Федерации определение «вынужденный переселенец» более расширено и включает в указанную категорию лиц (граждан Российской Федерации), вынужденных покинуть место жительства на территории иностранного государства. В связи с географическим расположением Республики Беларусь (отсутствие катастроф природного характера, ведение мирной политики (отсутствие военной агрессии)) понятие «**вынужденный переселенец**» в части *«вынуждено покинуть постоянное место жительства в пределах одного государства или покинуть место жительства на территории одного субъекта государства и прибыть на территорию другого субъекта этого же государства ввиду различных причин»* является нехарактерным для нашего государства.

Вместе с тем предлагаем взять за основу некоторые обстоятельства российского законодательства о вынужденных переселенцах, что в дальнейшем может поспособствовать внесению соответствующих изменений в законодательство Республики Беларусь. Таким образом, понятие «**вынужденный переселенец**» можно определить как гражданин Республики Беларусь, вынужденный покинуть место жительства на территории иностранного государства и прибывший на территорию Республики Беларусь.

Подводя итог по данному вопросу следует отметить, что содержание термина «беженец» определяется в соответствии с принципами общего международного права. Конвенция (1951) значи-

тельно расширила и конкретизировала понятие «беженец». Что касается определения понятия «вынужденный переселенец», то указанное понятие в законодательных актах стран-участниц СНГ разнится ввиду различного рода обстоятельств. Предлагается закрепить понятие вынужденно-

го переселенца в законах государств СНГ, в т.ч. Республике Беларусь, что позволит и обеспечить возможность для нашего государства в дальнейшем оперативно и на законных основаниях принимать решения в области правового регулирования вынужденных переселенцев.

Литература

1. Васильева Л.А. Вынужденная миграция в Республике Беларусь. Теоретико-правовые и организационные аспекты: монография. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2000. 124 с.
2. О беженцах [Электронный ресурс]: закон Республики Беларусь от 22 февраля 1995 г. № 3605-ХП: с изм. и доп. (утратил юридическую силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь».
3. О вынужденных переселенцах [Электронный ресурс]: закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4530-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: закон Республики Беларусь от 23 июня 2008 г. № 354-З: с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь».
5. О статусе беженцев и вынужденных переселенцев: закон Республики Азербайджан от 29 сентября 1992 г. № 668 (с изм. от 30.12.2016) // Официальный сайт Международного общественного объединения по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие». URL: <http://evolutio.info>.
6. Павлова Л.В., Селиванов А.В. Международно-правовой статус беженца: пособие для студентов вузов. Минск: Тесей, 2006. 192 с.
7. Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам от 24 сентября 1993 г. // Официальный сайт Международного общественного объединения по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие». URL: <http://evolutio.info>.

С.В. Троицкий, канд. юрид. наук

Международный институт экономики и права

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОСКОРБИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ИНТЕРНЕТЕ В СИСТЕМЕ ВЫВОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Свободный доступ к всемирной сети Интернет и возможность общения с любыми его пользователями часто сопровождается свободой выражений мнений и высказываниями, рамки которых в большинстве случаев ограничиваются только нормами морали, при этом указанные выражения могут являться оскорбительными. В указанном случае пользователь сети Интернет сталкивается с такой проблемой, как оскорбления в свой адрес, размещенные другими, порой неизвестными лицами. За подобные действия предусмотрена административная ответственность по ст. 5.61

КоАП РФ и ответственность по ст. 128.1 УК РФ [1].

Столкнувшись с высказываниями оскорбительного содержания в социальных сетях, пользователь в большинстве случаев не знает о том, как защитить свои права от такого рода нарушений, несмотря на наличие предусмотренных видов ответственности, а также возможности использовать механизм защиты достоинства личности, чести и деловой репутации согласно ст. 152 ГК РФ [3, с. 53-63].

Практика Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) также содержит примеры

рассмотрения дел о восстановлении нарушенных прав при выявлении информации оскорбительного содержания во всемирной сети Интернет. [2, с. 375] К примеру, в Постановлении ЕСПЧ по делу Делфи АС против Эстонии, суд разрешил вопрос об ответственности онлайн-СМИ за «чужой» контент. При определенных условиях возложение ответственности за «чужой» контент может не противоречить праву интернет-портала на свободное распространение информации.

В отношении объема обязанностей интернет-порталов из Постановления ЕСПЧ вытекает, что системы удаления комментариев по запросу и автоматического удаления комментариев, содержащих ненормативную лексику, может оказаться недостаточно для того, чтобы освободить портал от ответственности за пользовательский контент. При этом из Постановления не следует, что интернет-порталы должны вводить премодерацию комментариев. Привлечение собственника интернет-портала за причинение морального вреда третьими лицами исходя из наличия размещенных пользователями интернет портала грубых и оскорбительных комментариев не свидетельствует о нарушении права на свободное распространение информации, гарантированного ст. 10 Конвенции [6].

Европейский суд по правам человека также принял во внимание важность пожелания пользователей Интернета не раскрывать своего лица, осуществляя, таким образом, свое право на свободу слова. Вместе с тем суд отметил, что легкость обнародования информации в интернете и ее значительные объемы усложняют выявление клеветнических заявлений и их удаление [5, с. 19-26].

Однако лицо, столкнувшееся с предусмотренными механизмами защиты от оскорбительных высказываний в Интернете, должно учитывать системное толкование конституционного права на свободу слова и мысли, а также на свободу массовой информации, поскольку существует много проблемных вопросов, требующих правового разрешения. Это неполная регламентация конституционного права на свободу слова и мысли и отсутствие эффективных механизмов реализации и защиты данного права в Российской Федерации.

Ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года и ст. 29 Конституции Российской Федерации гарантируют каждому лицу право на свободу слова и мысли, а также право на свободу массовой информации. При этом, согласно позиции ЕСПЧ, при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации национальным судам надлежит раз-

граничивать утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и наличие оценочных мнений, суждений и убеждений, которые не являются предметом защиты в порядке статьи 152 ГК РФ, поскольку субъективное мнение и взгляды не могут быть проверены на предмет соответствия их объективной действительности.

В соответствии с прецедентной практикой ЕСПЧ свобода выражения мнения является одним из фундаментальных принципов демократического государства и одним из основополагающих условий для развития института демократии в обществе. Принимая во внимание п. 2 ст. 10 Конвенции 1950 г., свобода выражения мнения распространяется не только на «мнения» и «информацию», считающиеся неоскорбительными или рассматриваемые как нечто нейтральное, но и на оскорбительные или наносящие беспокойство. Это является требованием плюрализма мнений, терпимости и либерализма, без которых не существовало и не развивалось «демократического общества» (Постановление ЕСПЧ по делу Хэндисайд против Соединенного Королевства от 7.12.1976; Постановление ЕСПЧ по делу «Йерсилд против Голландии» от 23.10.1994; Постановление ЕСПЧ по делу «Гринберг против России» от 21.07.2005 (жалоба № 23472/03); Постановление ЕСПЧ по делу «Торгейр Торгейрсон против Исландии» от 25 июня 1992 г.; Постановление ЕСПЧ по делу «Лингенс против Австрии».

Европейский Суд придерживается позиции, согласно которой факты и утверждения могут быть доказаны в суде, правдивость оценочных мнений и суждений не поддается и не подлежит доказыванию. Требование о доказывании правдивости оценочного мнения и суждения неисполнимо и нарушает права на свободу мнения, что является неотъемлемой частью конституционного права, гарантированного в том числе и ст. 10 Конвенции 1950 г. (Постановление ЕСПЧ по делу «Лингенс против Австрии», § 46; Постановление ЕСПЧ по делу «Обершлик против Австрии (№ 1)» (Oberschlick v. Austria (no. 1)) от 23 мая 1991 г.).

Позиция ЕСПЧ по вопросу критики по отношению к политикам и должностным лицам, размещающим о себе информацию общего характера в сети Интернет отражена в Постановлениях ЕСПЧ Austria v. Lingens от 08/07/1986, Oberschlick v. Austria от 23/05/1991, где указано, что пределы приемлемой и допустимой критики по отношению к политику шире, чем по отношению к частному лицу, и свобода политических дебатов позволяет прессе самостоятельно определять форму критики в отношении политиков, Castells v. Spain

от 23/04/1992 (пределы приемлемой критики по отношению к правительству и его деятельности шире, чем по отношению к политике и тем более частному лицу);

Применительно к действиям, квалифицирующимся как клевета, ЕСПЧ в решении *Dalban v. Romania* от 28/09/1999 отразил, что применение наказания за клевету в виде лишения свободы и лишения права заниматься определённой деятельностью является ограничением, установленными ст. 10 Конвенции 1950 г.

ЕСПЧ неоднократно указывал на нарушение в рамках журналистской деятельности и размещения информации в Интернете: *the United Kingdom v. the Sunday times* (№ 2) от 26/11/1991 (наличие критериев неправомерности запрета на размещение информации, в т.ч. и конфиденциальной); *Iceland v. Thorgeir Thorgeirson* от 25/06/1992 (право на несущественную или техническую ошибку в материале, который представляет публичный интерес); *Spain v. Casado Coca* от 24/02/1994 (ст. 10 Конвенции гарантирует право на свободу самовыражения независимо от какой-либо цели коммерческого характера, которую преследовал распространитель информации); *Denmark v. Jersild* от 23/09/1994 (у журналиста есть право дать народу свое представление об экстремистских взглядах, проповедуемых определенной частью демократического общества, поскольку такое информирование преследует публичный интерес); *Austria v. Prager and Oberschlick* от 26/04/1995 (свобода

самовыражения включает в себя и право журналиста прибегнуть к некоторой степени преувеличения); *the United Kingdom v. Tolstoy Miloslavsky* от 13/07/1995 (наложение штрафа на лицо, превышающего 1 000 000 фунт стерлингов, за публикацию информации, которая может быть расценена как клевета, является ограничением, несоразмерным целям, установленным ст. 10 Конвенции); *the United Kingdom v. Goodwin* от 27/03/1996 (аргументирование права журналиста на защиту источников информации); *Belgium v. de Haes and Gijssels* от 24/02/1997 (признание за редактором журнала права на защиту источников информации наравне с обычным журналистом); *Austria v. Oberschlick* (№ 2) от 01/07/1997 (свобода выражения мнения включает в себя право журналиста на размещение оскорбительной информации в отношении оппонента, если поведение последнего является провоцирующим, а употребление некоторого эпитета необходимо для создания общественного резонанса для темы, представляющей публичный интерес) [4].

В связи с этим требуется разрабатывать действенные механизмы реализации права на свободу мысли и слова и эффективные механизмы защиты от оскорбительных высказываний в сети Интернет с учетом сложившейся практики Европейского Суда по правам человека, которая определяет системное толкование прав пользователей Интернета и общие подходы к блокированию сайтов по IP-адресу.

Литература

1. Каламкьян Р.А., Андреев А.Ф., Самодуров Д.И., Галиев Р.С. и др. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебник. М., 2016.
2. Котляров С.Б. Перспективы противодействия коррупции на государственной службе // Роль и значение науки в вузе и ее влияние на образовательный процесс: мат-лы междунар. заоч. науч.-практ. конф. / отв. ред. Б.Ф. Кевбрин. М., 2015.
3. Кукушкин О.В., Каргин Ю.И., Котляров С.Б., Чичеров Е.А. Правосудие в системе применения права // Инновационный подход в решении проблем современности: теория, методология, практика / под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза, 2016.
4. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М.: Волтерс Клувер, 2008. 696 с.
5. Сучкова М. Делфи АС против Эстонии: развитие дискуссии об ответственности за оскорбительные высказывания на интернет-порталах // Международное правосудие. 2015. № 3 (15).
6. European Court of Human Rights [Grand Chamber]. *Delfi AS v. Estonia*. Application № 64569/09. Judgment of 16 June 2015.

*Д.А. Шапоров, канд. ист. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В ВЫБОРАХ

Одним из наиболее действенных механизмов осуществления народовластия в современном демократическом государстве являются выборы.

В результате выборов формируются различные звенья и уровни власти государственного механизма управления. Посредством выборов осуществляется народный контроль в отношении власти, что обеспечивает её ответственность перед избирателями, а значит и эффективность работы.

Содержание части 2 ст. 32 Конституции РФ определяет, что «граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме» [1]. Вместе с тем практика последних десятилетий показывает, что значительная часть потенциальных избирателей уклоняются от участия в выборах.

Проблемы, связанные с неучастием граждан в выборах, на протяжении долгого времени выступают в качестве постоянного объекта изучения отечественных и зарубежных ученых, политиков и общественных деятелей, исследующих процессы, протекающие в политической жизни общества.

Принимая во внимание особенности социального статуса молодежи, обусловленного тем, что значительная часть молодых избирателей еще находится в состоянии социальной адаптации и составляет при этом значительную долю избирателей в общей массе электората, вопрос о её вовлеченности в политическую жизнь страны представляется весьма актуальным.

Учитывая, что практика проведения выборов наглядно показывает, что активность молодых избирателей в последнее время снижается¹, следует принять во внимание наличие разнообразных проблем, по-разному влияющих на активность молодых избирателей: социальные, экономические, психологические и др. В российской политической традиции их принято объединять в три основные группы: правовой нигилизм, недовер-

ие к власти, негативная социальная адаптация. Таким образом, становится очевидной необходимость выработки комплекса мер по формированию политико-правовой культуры молодежи с целью преодоления её электоральной пассивности и выстраиванию диалога между молодым поколением и властью. Конечно, здесь может возникнуть вопрос – для чего это нужно? Не проще ли молодое поколение оставить в покое? Однако дело обстоит не так просто, как представляется на первый взгляд.

С одной стороны, современная политическая практика убедительно доказывает, что участие широких групп населения в политическом процессе, прежде всего в выборах, является одним из главных условий успешного функционирования любого демократического общества. Напротив, вследствие уменьшения численности граждан, принимающих участие в выборах, уменьшается и степень легитимности власти, получившей мандат по результатам голосования. Таким образом, постепенно выборы могут перестать быть средством нахождения политического компромисса и баланса различных интересов групп общества. Рост числа граждан, уклоняющихся от участия в выборах, очевидно, указывает на недоверие граждан к выборным органам власти, является своеобразным симптомом нарастания социальной напряженности и свидетельствует о расхождении интересов политической элиты с потребностями широких слоев общества.

Согласно информации о работе Избирательной комиссии Алтайского края по повышению правовой культуры молодых и будущих избирателей и работе с избирателями с инвалидностью, работа по правовому воспитанию и повышению правовой культуры молодежи является ведущим направлением в деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, ряда некоммерческих общественных организаций в Алтайском крае

По данным ГАС «Выборы» [2], на 1 января 2016 г. в Алтайском крае около 600 тыс. молодых избирателей (580 889) в возрасте от 18 до 35 лет обладают избирательным правом, что составляет 31% от общего числа избирателей.

¹ Так, по данным Избирательной комиссии Алтайского края, 18 сентября 2016 г. в едином дне голосования приняли участие 27,55% (138 093 человек) молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет от числа включенных в списки избирателей.

В Алтайском крае создана и действует система по повышению правовой культуры и электоральной активности молодежи. Работа в этом направлении ведется различными субъектами политического процесса: Администрацией Алтайского края, Алтайским краевым Законодательным Собранием, Избирательной комиссией Алтайского края, которые действуют во взаимодействии с государственными и краевыми учреждениями и организациями, региональными отделениями политических партий, другими общественными объединениями в соответствии с их компетенцией.

С 2001 г. в крае действует комплекс мер по повышению профессиональной подготовки организаторов выборов и референдумов и правовому обучению избирателей в Алтайском крае, который разрабатывается и утверждается Избирательной комиссией Алтайского края каждые четыре года. С 2011 г. реализуется План мероприятий, направленных на повышение правовой культуры населения Алтайского края, утверждаемый каждые три года распоряжением Администрации Алтайского края. В целях координации деятельности заинтересованных органов, проведения совместных мероприятий по повышению правовой культуры избирателей при Избирательной комиссии Алтайского края созданы Координационный совет по вопросам правового обучения избирателей, участников референдума и Научно-методический совет, в состав которого входят представители образовательных организаций и научных со-

обществ, общественных объединений. С 2015 г. ежегодно утверждается План мероприятий по реализации Молодежной электоральной концепции в Алтайском крае.

На базе юридического факультета Алтайского государственного университета проводится ставшая уже традиционной Краевая олимпиада по вопросам избирательного права и избирательного процесса среди студентов юридических высших учебных заведений Алтайского края, организуемая Избирательной комиссией Алтайского края.

Активное участие в пропаганде правовых знаний принимают сотрудники Барнаульского юридического института МВД России, которые в своей деятельности руководствуются приказом МВД России от 05.01.2007 № 5 и Наставлением по организации правовой работы в системе МВД России, утвержденным приказом МВД России от 05.01.2007 № 6.

Организация информационно-правовой деятельности профессорско-преподавательского состава и курсантов института сосредоточена прежде всего на участии в пропаганде правовых знаний среди молодежи, участии в различного рода конкурсно-оценочных мероприятиях, организации научно-представительских мероприятий различного уровня.

Безусловно, проводимые мероприятия могут привести к желаемому результату, но только при наличии постоянства и системности в работе, а также привлечении как можно более широкого круга заинтересованных субъектов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.14.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. URL: <http://www.cikrf.ru/gas/> (дата обращения: 10.01.2017).

Секция «Вопросы противодействия проявлениям терроризма, экстремизма и коррупции»

Е.К. Балымов

Актюбинский юридический институт МВД Республики Казахстан имени М. Букенбаева

ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Впервые термин «экстремизм» и образованные на его основе слова и словосочетания появились в законодательстве государств-участников СНГ в начале 90-х гг. XX в. В 2000 г. Советом глав правительств СНГ принята Программа государств-участников СНГ по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма на период до 2003 г., в которой содержалось поручение Межпарламентской Ассамблеи СНГ разработать проект модельного законодательного акта по вопросам борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма.

Однако принятие Модельного закона СНГ «О противодействии экстремизму» в намеченный срок не произошло. Вследствие этого в Российской Федерации в условиях возрастающей угрозы экстремистских проявлений был принят Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [7]. В дальнейшем на основе российского закона был разработан Модельный закон государств-участников СНГ от 14 мая 2009 г. № 32-9 «О противодействии экстремизму», а также национальное антиэкстремистское законодательство некоторых государств-участников СНГ (в частности, Казахстана, Белоруссии, Молдовы, Кыргызстана и Таджикистана).

В ряде стран СНГ (например, в Азербайджане, Туркменистане, Узбекистане, Армении и Украине) специальный закон о противодействии экстремизму до сих пор не принят, хотя в национальном законодательстве этих государств термин «экстремизм» встречается достаточно часто.

При этом, как ни странно, отсутствие в некоторых странах СНГ законодательного определения понятия «экстремизм» не является препятствием для установления юридической ответственности за него.

В ряде законов о противодействии экстремизму стран СНГ выделяются даже отдельные виды экстремизма. Согласно ст. 1 Закона Республики Казахстан «О противодействии экстремизму», в стране существуют такие разновидности экстремизма, как политический, национальный и религиозный. При этом каждый из названных видов экстремизма имеет свое собственное определение. Например, под политическим экстремизмом понимается «насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыв национальной безопасности и обороноспособности государства, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, создание, руководство и участие в незаконном военизированном формировании, организация вооруженного мятежа и участие в нем, разжигание социальной, сословной розни». Национальный экстремизм трактуется как «разжигание расовой, национальной и родовой розни, в т.ч. связанной с насилием или призывами к насилию». Религиозный экстремизм по казахстанскому законодательству характеризуется как «разжигание религиозной вражды или розни, в т.ч. связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызываю-

щей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан» [4].

При этом УК Республики Казахстан в ст. 182 устанавливает уголовную ответственность за создание, руководство экстремистской группой или участие в ее деятельности, в ст. 183 – за дачу разрешения на публикацию в средствах массовой информации экстремистских материалов, а также начиная со ст. 255 по ст. 260 УК РК предусматривает привлечение к ответственности за преступления, связанные с терроризмом и экстремизмом, а именно – ст. 255 «Акт терроризма», ст. 256 «Пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма», ст. 257 «Создание, руководство террористической группой и участие в ее деятельности», ст. 258 «Финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму», ст. 259 «Вербовка или подготовка либо вооружение лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности», ст. 260 «Прохождение террористической или экстремистской подготовки».

Если взять Уголовный кодекс Республики Узбекистан 1994 г., то только по ст. 244.1 и 244.2 ответственность устанавливается за изготовление, распространение или хранение с целью распространения материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма, а также за создание, руководство, участие в религиозных экстремистских организациях, не раскрывая содержания понятия экстремизма.

Похожая ситуация наблюдается в Азербайджане, где формируется список государств, предположительно участвующих в поддержке экстремизма, но в национальном законодательстве этой страны понятие экстремизма отсутствует.

Вследствие этого может создаваться возможность для оценочного понимания правоприменителем значения терминов «экстремизм» и «экстремистская организация» (постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 23 мая 1993 г. «О сотрудничестве во имя безопасности» [2]).

В тех же государствах – участниках СНГ законодательно закреплено определение понятия «экстремизм»:

- в Законе Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» [3].

- Законе Республики Молдова от 21 февраля 2003 г. № 54-XV «О противодействии экстремистской деятельности» [6].

- Законе Кыргызской Республики от 17 августа 2005 г. № 150 «О противодействии экстремистской деятельности» [5].

- Законе Республики Таджикистан от 8 декабря 2003 г. № 69 «О борьбе с экстремизмом» [1].

Определение экстремизма по законодательству стран СНГ схоже с понятием экстремистской деятельности, содержащемся в первоначальной редакции российского антиэкстремистского Закона РФ 2002 г.

В дальнейшем понятийный аппарат этого Закона претерпел существенные изменения: в частности, некоторые формы российского понятия «экстремистская деятельность» были исключены, другие – преобразованы, а также добавлены новые формы. Однако в национальные законы о противодействии экстремизму других стран СНГ соответствующие изменения не вносились.

Вследствие этого стала возможной ситуация, когда одно и то же деяние по законодательству одного государства – участника СНГ признается экстремистским, а в другом – таковым не является. Например, в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» указываются такие формы экстремистской деятельности, как «захват или удержание государственной власти неконституционным путем», «создание незаконных вооруженных формирований» и «унижение национальной чести и достоинства», которые были исключены из российского Закона «О противодействии экстремистской деятельности» в 2007 г. В то же время понятие экстремизма по законодательству Молдовы, Казахстана и Таджикистана имеет свои отличительные черты. Так, ст. 1 Закона Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» в качестве самостоятельных форм экстремизма выделяет «организацию вооруженного мятежа и участие в нем» и «разжигание родовой и сословной розни».

Модельный закон СНГ «О противодействии экстремизму» в понятие «экстремистская деятельность» включает в числе прочих общественно опасные деяния, которые ни в одной из стран СНГ экстремистскими не признаются.

Особый интерес представляет определение понятия «экстремистские материалы», которое по законодательству о противодействии экстремизму государств – участников СНГ также имеет свои отличия.

Во-первых, ни один из законов о противодействии экстремизму государств – участников СНГ в отличие от российского закона не относит труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии и фашистской партии Италии к экстремистским материалам.

Во-вторых, в некоторых законах о противодействии экстремизму стран СНГ, в том числе в Модельном законе СНГ «О противодействии экстремизму», имеется указание на дополнительные признаки экстремистских материалов.

Так, согласно ст. 3 Закона Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» материалами экстремистского характера могут быть признаны анонимные документы, а в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» к экстремистским материалам относится лишь та информационная продукция (печатные, аудио, аудиовизуальные и другие информационные сообщения и (или) материалы, плакаты, транспаранты и иная наглядная агитация, рекламная продукция), которая признана экстремистской на основании решения суда.

Казахстанский законодатель трактует экстремистскую организацию как юридическое лицо, объединение физических и (или) юридических лиц, осуществляющие экстремизм и признанные судом экстремистскими.

Таким образом, на основании понятийно-терминологического анализа законодательства о противодействии экстремистской деятельности стран СНГ можно выделить следующие проблемы: отсутствие полноценной правовой основы противодействия экстремизму в рамках СНГ.

В пяти из 11 государств – участников СНГ отсутствуют специальные законы о противодей-

ствии экстремистской деятельности, хотя в законодательстве каждого из них либо имеются упоминания об экстремизме, либо за это деяние установлена юридическая ответственность; во-вторых, рассогласованность понятийного аппарата законодательства о противодействии экстремистской деятельности.

Правоприменитель, раскрывая то или иное понятие, руководствуется исключительно своими личными представлениями о нем, что может повлечь расширительное толкование законодательства о противодействии экстремистской деятельности и произвольное установление события правонарушения; в-четвертых, декларативный характер законодательства о противодействии экстремистской деятельности стран СНГ.

С одной стороны, в ряде государств – участников СНГ приняты и действуют специальные антиэкстремистские законы, с другой – юридическая ответственность непосредственно за осуществление экстремистской деятельности не установлена.

Представляется, что необходима планомерная совместная работа как Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, так и самих стран СНГ по гармонизации и унификации модельного и национального законодательства о противодействии экстремистской деятельности в целях своевременного выявления, предупреждения и пресечения деятельности экстремистов.

Литература

1. О борьбе с экстремизмом: закон Республики Таджикистан от 8 декабря 2003 г. № 69. URL: <http://www.cisatc.org/135/155/285/481.html> (дата обращения: 12.11.2017).
2. Об утверждении положения о постоянных комиссиях Межпарламентской Ассамблеи (с изменениями и дополнениями от 18.03.1994): постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 23 мая 1993 г. URL: (дата обращения: 12.11.2017).
3. О противодействии экстремизму: закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10700203> (дата обращения: 12.11.2017).
4. О противодействии экстремизму: закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 г. № 31-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.12.2016. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30004865 (дата обращения: 12.11.2017).
5. О противодействии экстремистской деятельности: закон Кыргызской Республики от 17 августа 2005 г. № 150. URL: <http://cdb.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1748> (дата обращения: 12.11.2017).
6. О противодействии экстремистской деятельности: закон Республики Молдова от 21 февраля 2003 г. № 54-XV. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=313209&lang=2> (дата обращения: 12.11.2017).
7. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

М.П. Баранов

Барнаульский юридический институт МВД России

ЭКСТРЕМИЗМ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И ПРОФИЛАКТИКА СРЕДИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Развитие и широкое распространение киберпространства поставили перед государством ряд проблем в сфере противодействия экстремизму.

Во-первых, специалистами отмечается изменение структуры экстремистских организаций, переход от строгой иерархической организации к сетевой форме, в связи с чем снижается возможность государства противодействовать их деятельности [1, 4].

Широкие возможности киберпространства изменили тактику действий экстремистских организаций, предоставив в руки экстремистов мощный инструмент вербовки.

Использование социальных сетей позволяет целенаправленно обращаться к определенной аудитории, например к определенной возрастной группе, либо к последователям определенной религии, представителям групп повышенного протестного потенциала (обманутых дольщиков, безработных и т.д.), либо групп, посвященных проблемам алкоголизма, наркомании, депрессии и т.д., выбирая максимально действенную стратегию.

Для вербовки используются не только сайты, социальные сети, форумы, но и игровые чаты [2]. Вовлечение в деятельность экстремистских организаций может осуществляться с помощью привычной для молодежи формы онлайн-игр, таких как «Большая Игра. Сломай систему».

Использование социальных сетей и мессенджеров позволяет осуществлять координацию действий, организовывать массовые акции и флэшмобы, при этом организаторов флэшмобов достаточно сложно выявить, а «мирный» флэшмоб может в любой момент перерасти в насильственную акцию с помощью заранее спланированной манипуляции.

Киберпространство позволяет обращаться к широкой аудитории, не ограниченной территориями государств, передавая огромные объемы информации за короткое время, при этом оставаясь анонимным. Кроме того, организация распространения экстремистских идей в киберпространстве не требует высоких финансовых затрат. Появление виртуальных криптовалют позволило

повысить скрытность проведения финансовых операций.

Объем информации, размещенной в интернете, и скорость её обновления затрудняют возможность её оперативной оценки уполномоченными органами и снижают возможность критического осмысления и объективной оценки пользователями, позволяя экстремистам манипулировать фактами. Информация может храниться в виде неограниченного количества копий на различных серверах, компьютерах пользователей либо других носителях.

В условиях невозможности определения государственных границ в киберпространстве единственным действенным способом контроля государства становится блокировка доступа к нежелательной информации.

Так, в целях ограничения оборота нежелательной информации в соответствии со ст. 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) [6] создан «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено». В реестр включаются доменные имена и (или) указатели страниц сайтов в сети Интернет; сетевые адреса, позволяющие идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Закон предписывает оператору связи ограничить доступ к такому сайту.

Однако ограничение доступа к нежелательной информации сталкивается с рядом проблем технического характера. Так, обойти ограничение доступа возможно с помощью прокси-серверов, сети Tor, используя технологию VPN.

В связи с этим с 1 ноября 2017 г. вступили в силу изменения в Закон об информации, в частности, запрещающие владельцам информационно-телекоммуникационных сетей, информационных ресурсов, посредством которых обеспечивается

доступ к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен на территории Российской Федерации, предоставлять возможность использования на территории Российской Федерации принадлежащих им информационно-телекоммуникационных сетей и информационных ресурсов для получения доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен на территории Российской Федерации.

Проблема реализации данных положений Закона об информации заключается в том, что серверы, при подключении к которым пользователь может получить доступ к ресурсам, доступ к которым ограничен на территории Российской Федерации, физически располагаются за пределами Российской Федерации, и их количество может быть неограниченно, а адреса могут постоянно меняться. Так, в то время как ряд сервисов («Лаборатория Касперского», Opera VPN, анонимайзеры 2ip.ru) тестирует возможность взаимодействия с Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по возможности блокировки ресурсов другие либо не определились (Hidemy.name, Cyberghost, Vemeo), либо заявили о том, что не собираются подчиняться требованиям российских законов и отказали в сотрудничестве (Tunnelbear, Zenmate, ExpressVPN) [5].

Исходя из изложенного, для эффективного противодействия пропаганде экстремистских идей в сети Интернет необходимо создать эффективный механизм непрерывного мониторинга киберпространства и оперативного удаления либо блокирования нежелательной информации, что на современном этапе развития технически затруднено. Кроме того, для ограничения доступа к контенту необходима его правовая оценка, что сказывается на оперативности.

Таким образом, исходя из обозначенных проблем, вопрос профилактики и противодействия экстремизму в сети Интернет становится не только задачей государства, но и, возможно, даже в большей степени задачей гражданского общества. Определяющим фактором становится профилактическая работа среди детей и подростков.

В первую очередь профилактика экстремизма среди детей и подростков включает в себя работу по разъяснению принципов информационной безопасности, предупреждению о возможности подвергнуться воздействию со стороны вербовщиков экстремистских организаций, основных признаков экстремистских материалов.

Кроме того, современные программные средства позволяют ограничивать распространение нежелательной информации среди детей и подростков.

Так, ограничения по доступу к информации можно настроить в операционной системе Windows с помощью настройки параметров учетных записей, настроить фильтрацию поиска, исключив из результатов нежелательный контент, в поисковых системах Google и Yandex, а также с помощью использования специальных программных комплексов «родительского контроля» (KinderGate, родительский контроль в Kaspersky Internet Security и др.).

Кроме того, все социальные сети, в т.ч. Одноклассники, ВКонтакте, Facebook, а также сервисы Youtube, Rutube, позволяют пожаловаться администрации сайта на неприемлемый контент, который может быть заблокирован.

Об экстремистских материалах можно сообщить через сервис Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет (НЦПТИ) по адресу <http://нцпти.рф/> либо на сайте Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по адресу <http://eais.rkn.gov.ru/feedback/>.

Перспективным направлением может стать поддержка государством стихийно складывающихся в сети Интернет добровольных объединений пользователей, стремящихся противостоять распространению экстремистских материалов, распространение профилактической информации в социальных сетях, а также создание в виртуальном пространстве площадок для реализации потенциала детей и подростков, в т.ч. в процессе принятия общественно значимых решений, привлечения «лидеров мнений» молодежи для пропаганды идей мультикультурализма и толерантности.

Литература

1. Диль В.А. Тенденции развития современного экстремизма: молодежный и информационный экстремизм // Известия ТПУ. 2009. № 6. С. 167-170.
2. ИГИЛ – угроза человечеству. Почему необходимо уничтожить терроризм / под общ. ред. С.А. Орджоникидзе. М.: Изд-во «Буки Веди». 2016. 40 с.
3. Лашин Р.Л., Чурилов С.А. Противодействие экстремизму и терроризму в сети Интернет и образовательной среде // Обзор.НЦПТИ. 2016. № 7. С. 34-39.

4. Мозговой В.Э. Особенности информационной экстремистской деятельности: социологический анализ // Вестник КГУ. 2014. № 7. С. 220-224.
5. Новые правила: как VPN-сервисы относятся к запрету на обход блокировок. URL: <https://vc.ru/28288-novye-pravila-kak-vpn-servisy-otnosyatsya-k-zapretu-na-obhod-blokirovok> (дата обращения: 05.11.2017).
6. Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
7. Чурилов С.А., Быкадорова А.С. О противодействии распространению и профилактике радикальных идеологий в молодежной среде и сети Интернет // Обзор.НЦПТИ. 2016. № 8. С. 39-43.

Т.В. Барышева

Администрация города Барнаула

ОРГАНИЗАЦИЯ МОНИТОРИНГА СОСТОЯНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И РАННЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В Г. БАРНАУЛЕ

Сохранение территориальной целостности государства, обеспечение безопасности, создание условий для жизнедеятельности человека возможны только в условиях межнационального, межконфессионального мира и согласия.

Межэтнические отношения, как определяет Большая психологическая энциклопедия, – субъективно переживаемые отношения между людьми разных национальностей, этническими общностями.

В Российской Федерации проживает более 190 народов, в Алтайском крае – более 140, а в г. Барнауле – более 100.

Для представителей всех национальностей в равной мере предоставлены социально-бытовые и культурные услуги, обеспечивается право на охрану жизни и достоинства.

Для народов, населяющих как г. Барнаул, так и муниципальные образования Алтайского края, характерно объединение людей в некоммерческие организации по национальной принадлежности, национальные объединения в виде клубов без образования юридического лица.

На сегодняшний день в Управлении Министерства юстиции по Алтайскому краю на территории г. Барнаула зарегистрировано 31 национально-культурное объединение.

Законодательное регулирование межэтнических отношений осуществляется на основе федеральных законов от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», от 17.06.1996 № 74-

ФЗ «О национально-культурной автономии», от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». В 2012 году принята Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года.

Представленная законодательная база создает правовое поле не только для развития национально-культурных объединений, но и для реализации органами власти возложенных на них полномочий, в т.ч. по противодействию экстремизму.

На муниципальном уровне организация мониторинга состояния межэтнических отношений напрямую связана с осуществлением взаимодействия с представителями национально-культурных объединений, выстраивания партнерских отношений. На регулярной основе проводится анализ информации, размещаемой в СМИ, осуществляется взаимодействие с правоохранительными органами по вопросам состояния криминогенной ситуации и преступлений, совершенных на межнациональной почве.

Раннее предупреждение конфликтных ситуаций между представителями различных национальностей и вероисповеданий является приоритетным направлением в работе администрации города Барнаула.

На постоянной основе ведется реестр национально-культурных объединений, что позволяет отслеживать статус действующих организаций, а вновь зарегистрированные привлекать к сотрудничеству, вовлекать в среду взаимодействия.

С вступлением в силу ст. 31.1 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» четко определились направления поддержки национально-культурных объединений.

В зону взаимодействия с органами власти входят социально ориентированные некоммерческие организации, занимающиеся социальной и культурной адаптацией и интеграцией мигрантов, развитием межнационального сотрудничества, сохранением и защитой самобытности, культуры, языков и традиций народов Российской Федерации, профилактикой социально опасных форм поведения граждан (например, экстремизм).

В качестве финансовой помощи органы власти из бюджета выделяют средства на проведение конкурсов-грантов, поддержку проектов, направленных на реализацию государственной национальной политики и противодействие экстремизму.

Оказывается имущественная поддержка для ведения уставной деятельности национально-культурными объединениями. В муниципальных помещениях создаются центры национальных культур.

Сохраняется принцип равенства при предоставлении площадки в СМИ и размещении информации.

Итоги работы в этносфере отражаются в сборнике итогов работы за год. Издан журнал, посвященный татарскому празднику «Сабантуй», обобщен 15-летний опыт работы с национально-культурными объединениями в журнале «Традиции и обычаи многонационального Барнаула».

В целях формирования первоначального уровня доверия между властью и руководителями национально-культурных объединений представители последних ежеквартально принимают участие во встречах с руководителями администрации города, являются приглашенными на ежегодные отчеты главы города и главы администрации города перед депутатами.

На рабочих встречах с руководителями города рассматриваются вопросы сохранения и развития национальных культур, противодействия экстремизму с приглашением специалистов.

Ежегодно составляется план совместной работы, в рамках которого проводятся более 70 мероприятий, приуроченных дням национальных культур и независимости государств, национальные праздники и памятные даты – Новруз, татаро-башкирский Сабантуй, Чага-Байрам, Рош-а-Шана, День памяти и скорби российских немцев, Дни Литвы и Польши на Алтае, День геноцида армян и др.

На постоянной основе проходят рабочие встречи с представителями национально-культурных объединений по вопросам ведения уставной деятельности, организации мероприятий, использования муниципальных помещений. Оказывается содействие в выделении необходимого инвентаря для проведения мероприятий, готовятся награды на членов организации.

Особым мероприятием для сообщества является проведение фестиваля национальных культур «Единой семьей в Барнауле живем» в рамках Дня города.

В фестивале принимают участие национально-культурные объединения города Барнаула и Алтайского края. Такой формат мероприятия позволяет создать атмосферу равенства, единства и показать на практике, что представители разных национальностей могут жить в мире и согласии.

В целях минимизации возникновения конфликтных ситуаций на межнациональной почве администрация города ведет работу по формированию у представителей диаспор чувства равенства и единения между собой. Обязательным для представителей национально-культурных объединений является участие в праздновании Дня Победы, Дня памяти и скорби, Дня народного единства.

Прививая чувство толерантности, в настоящей форме руководителям организаций рекомендуется принимать участие в мероприятиях других национальностей. Это в большинстве своем находит положительный отклик и становится действенной мерой профилактики экстремизма на ранней стадии.

Немаловажной традицией стало направление от руководства администрации города поздравительных телеграмм национально-культурным объединениям с днями независимости государств, с юбилейными датами организации и днями рождения их лидеров, которые озвучиваются на общих мероприятиях организаций.

Одной из форм профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, является взаимодействие со студентами высших и средних учебных заведений, проведение классных часов, семинаров, круглых столов, встреч с молодежными активами, в т.ч. диаспор, по вопросам межнациональной и межконфессиональной терпимости и толерантности.

Все вышеуказанные меры позволяют администрации города с участием лидеров национальных диаспор оперативно предупреждать и решать конфликтные ситуации, возникающие на межнациональной почве.

Литература

1. Большая психологическая энциклопедия: более 5000 психологических терминов и понятий. М.: Эксмо, 2007. 542 с.
2. О некоммерческих организациях: федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ.

Я.Е. Верховлядов

Барнаульский юридический институт МВД России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Одной из современных угроз национальной безопасности Российской Федерации является экстремизм. Особое беспокойство вызывает стабильный рост числа регистрируемых противоправных деяний экстремистской направленности. Так, если за 10 месяцев 2003 г. было зафиксировано 139 преступлений, а в 2010 г. – 549, то за аналогичный период 2017 г. уже 1305 [6].

Причин, объясняющих данную негативную тенденцию, множество. Их можно подразделить как на внутренние (социальные, экономические и т.д.), так и на внешние (в т.ч. прямое или опосредованное вмешательство извне лиц, заинтересованных в наступлении неблагоприятных последствий для Российской Федерации).

К проявлениям второго комплекса причин относится деструктивная деятельность некоторых иностранных граждан, осуществляемая в информационном пространстве глобальной сети Интернет (распространение видео, аудио, текстовой информации; вербовка) либо непосредственно в реальном мире по прибытию на территорию нашего государства. К примеру, в ноябре 2017 г. в Москве в результате проведенных мероприятий правоохранными органами были задержаны 69 участников запрещенной в Российской Федерации экстремистской организации «Таблиги Джамаат». Руководили ячейкой представители Центральной Азии и вовлекали в свое сообщество не только соотечественников, но и россиян [5]. Опасность указанной организации обусловлена не только пропагандируемыми радикальными идеями, но и осуществляемым рекрутингом для террористических организаций [4, с. 11-12]. В целом подобные факты встречаются достаточно часто, т.к. терроризм является крайней формой экстремизма.

Рассматривая противоправную деятельность иностранных граждан на территории Российской Федерации, обратимся к статистическим данным. По итогам проведенного нами анализа судебных отчетов о результатах рассмотрения уголовных дел установлено, что за первое полугодие 2017 г. за преступления экстремистской направленности из 217 осужденных – не менее 4 иностранцев; за преступления террористической направленности из 511 – не менее 32 [1]. Процентное соотношение количества привлеченных к ответственности иностранцев и граждан Российской Федерации не должно вводить в заблуждение органы государственной власти. Учитывая повышенную общественную опасность, возможные негативные последствия даже от одного преступления в сравнении, к примеру, с общеуголовными делами, а также высокую степень конспирации экстремистов и вытекающую из этого латентность противоправной деятельности рассматриваемой категории, необходимым видится совершенствование системы противодействия.

Кроме того, за осуществление экстремистской деятельности предусмотрена и административная ответственность, как минимум статьями 20.3 и 20.29 КоАП РФ. За 6 месяцев 2017 г. по первой статье привлечено 910 лиц, по второй – 911 [1]. К сожалению, в общем доступе не представилось возможным найти информацию о количестве иностранцев, подвергнутых наказанию, но версию о том, что таковые привлекались, категорически отвергать нельзя. В качестве предложения возможно целесообразно опыт по корректировке форм судебных отчетов по уголовным делам экстремистской и террористической направленности (изменения формы 10.4.2 были в 2013 г., в 2015 г. и в 2017 г.) перенести и в ад-

министративно-правовую сферу для улучшения анализа практики применения антиэкстремистского законодательства.

В глобальном смысле одним из наиболее перспективных способов разрешения проблемы противодействия экстремизму видится улучшение качества взаимодействия между государствами. Главным препятствием является отсутствие общепринятого определения экстремизма, что неминуемо влечет снижение качества противодействия. Так, принятый в феврале 2016 г. Генассамблеей ООН План действий по предупреждению воинствующего экстремизма (A/70/674), ранее подготовленный генеральным секретарем ООН, не только не вносит ясности в понятийный аппарат, но и еще сильнее размывает границы разделения экстремизма и терроризма. Принимая во внимание тот факт, что на протяжении длительного времени невозможно избрать единую позицию и соответственно нормативно закрепить базовые понятия в рамках наиболее масштабной международной организации, возможно наиболее реальной будет формулировка определений в меньших по численности объединениях.

В качестве примера стоит рассмотреть Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Начиная с момента ее создания, одним из первых принятых документов была Конвенция, направленная на борьбу с сепаратизмом, экстремизмом и терроризмом, в которой нормативно

были закреплены основные понятия [8]. К возможной попытке устранить некоторые различия, имеющиеся между общими определениями Конвенции 2001 г. и более детализированными в национальных законодательствах (Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»), можно отнести принятие в 2017 г. Конвенции ШОС по противодействию экстремизму [3]. Изменения и дополнения, внесенные в основные термины и понятия настоящим нормативным правовым актом, предположительно поспособствуют улучшению качества противодействия экстремистской деятельности. Например, потенциально может быть исключена ситуация, когда в одной стране литература находится в свободном обороте, а в другой – признана экстремистской и запрещена к хранению и распространению [2; 7].

Справедливости ради надо отметить, что во временной промежуток между принятием указанных выше Конвенций, государства-участники ШОС проводили иные совместные мероприятия, в т.ч. организационного плана, которые также носили антиэкстремистский характер. На наш взгляд, опыт ШОС, полученный с момента принятия Конвенции в 2001 г., следует рассмотреть в рамках ООН, для выработки общемировых мер по противодействию как экстремизму, так и терроризму, потому что оба эти противоправных явления взаимосвязаны.

Литература

1. Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 29.11.2017).
2. Казахстан открыл доступ к заблокированным Ozon.ru и Pikabu.ru. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5a0590129a7947264f276177> (дата обращения: 29.11.2017).
3. Конвенция ШОС по противодействию экстремизму. URL: <http://ecrats.org/ru/about/documents/> (дата обращения: 29.11.2017).
4. Моисеев С.В., Шаганиян А.М. Экстремистская религиозная партия «Джамаат таблиг»: история происхождения, деятельность, проблемы противодействия: учеб.-метод. пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. 24 с.
5. Не спрятались. В Москве задержали 69 участников запрещенной экстремистской организации. URL: <https://rg.ru/2017/11/14/fsb-zaderzhala-v-moskovskom-regione-69-ekstremistov.html> (дата обращения: 29.11.2017).
6. Состояние преступности. URL: <https://xn--blaew.xn--plai/folder/101762> (дата обращения: 29.11.2017).
7. Сотрудниками Центра противодействия экстремизму изъята запрещенная литература. URL: <https://14.xn--blaew.xn--plai/news/item/8180048/> (дата обращения: 29.11.2017).
8. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс]: заключена в г. Шанхае 15.06.2001. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А.А. Гусейнов

Уфимский юридический институт МВД России

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

На сегодняшний день борьба с терроризмом и экстремизмом является одной из важнейших проблем человечества. И важную и непосредственную роль в этой борьбе играет Россия. Нужно полагать, что соответствующее внимание на нее направлено и со стороны террористов. В связи с этим на территории Российской Федерации ведется постоянная работа различных силовых структур по предотвращению экстремистских и террористических актов. В данной статье мы рассмотрим деятельность сотрудников органов внутренних дел в этом направлении.

Противодействие сотрудников ОВД терроризму определяется общегосударственной системой противодействия, прописанной в «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации» [3] от 5 октября 2009 г. Данная система состоит из субъектов противодействия, в число которых относятся ОВД, и определяющих их деятельность нормативно-правовых актов. Согласно этим актам, субъектам следует выявлять и устранять все возможные условия и причины, которые могут спровоцировать совершение терактов; помогать пресекать террористические акты, раскрывать и расследовать их; свести к минимуму и устранить последствия террористической деятельности.

Специфика же деятельности сотрудников ОВД связана с непосредственным пресечением и предупреждением террористических актов, а также защитой прав и свобод человека и гражданина в РФ. Так, по части 16 статьи 12 «Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации», утвержденного Указом Президента от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении положения о МВД Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе МВД по субъекту Российской Федерации» [5], сотрудники ОВД должны принимать соответствующие федеральному закону меры по выявлению, предупреждению и пресечению террористической и экстремистской деятельности. Также сотрудникам следует поддерживать правовой режим контртеррористической операции, защищать объекты, на которые могут посягнуть террористы,

контролировать места массового пребывания граждан, следить за безопасностью и антитеррористической защищенностью объектов системы МВД России. Первостепенной же задачей антитеррористической деятельности сотрудников ОВД является профилактика терроризма – работа, связанная с выявлением и устранением причин и условий, ведущих к террористической деятельности.

Принято различать следующие пути антитеррористических профилактических действий:

- 1) системно противодействовать террористической и экстремистской идеологии;
- 2) улучшать способность интересующих террористов объектов противостоять посягательствам;
- 3) усиленно контролировать соблюдение административных, правовых и других режимов.

Необходимость профилактики терроризма ставит перед сотрудниками ОВД задачи [1, 4, 6]: спланировать и провести действенные антитеррористические и антиэкстремистские мероприятия на обслуживаемой территории, позволяющие предупредить или устранить потенциальные причины совершения терактов; выявлять лица, которые склонны к экстремизму или пытаются возбудить национальную и другую вражду, и вести с ними определенную профилактическую работу; пресекать деятельность экстремистских организаций, проповедующих радикальный ислам; устанавливать и разыскивать лица, намеревающиеся осуществить теракт; прогнозировать потенциальную террористическую угрозу, выявлять ее возможные истоки, информировать об этом в соответствующие органы; пресекать каналы финансирования террористических и экстремистских организаций.

Профилактику антиобщественных действий, которые в дальнейшем могут перерасти в экстремистскую/террористическую, необходимо проводить в тесном взаимодействии всех подразделений полиции и с другими субъектами, противодействующими терроризму и экстремизму.

Нужно отметить, что в научных статьях последних лет уделяется большое внимание вопро-

сам взаимодействия различных ведомств органов внутренних дел России, международного сотрудничества [4, 7, 8]. Например, указывается, что для эффективности антитеррористической деятельности необходимо активное межведомственное и международное сотрудничество. В первую очередь это касается информационного обеспечения. Необходима и согласованность по направлению и исполнению запросов об оказании правовой по-

мощи. Важно и совместное проведение следствия, оперативно-разыскных мероприятий, уголовного преследования. Должна быть согласованность по экстрадиции лиц, совершивших теракт. В связи с активным распространением террористической и экстремистской идеологии в сети Интернет [2, 3] особое внимание должно быть уделено подготовке специалистов по борьбе с кибертерроризмом и киберэкстремизмом.

Литература

1. Аккаева Х.А. Характеристика терроризма в современной России и основные направления деятельности органов внутренних дел по борьбе с данным социально опасным явлением // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 419-421.
2. Гусейнов А.А. Борьба с идеологией терроризма в сети Интернет: социальные сети // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2. С. 345-347.
3. Диденко К.В., Демченко Н.В. Предупреждения распространения идеологии терроризма и экстремизма в сети Интернет // Ленинградский юридический журнал. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdeniya-rasprostraneniya-ideologii-terrorizma-i-ekstremizma-v-seti-internet> (дата обращения: 14.11.2017).
4. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации. URL: <https://rg.ru/2009/10/20/zakon-dok.html> (дата обращения: 14.11.2017).
5. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. Овсянников Е.М., Рудов Д.Н. Некоторые вопросы совершенствования межведомственного взаимодействия по линии противодействия терроризму // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 2. С. 51-54.
7. Румянцев А.Ю. Межведомственное и международное сотрудничество в борьбе с терроризмом и другими особо опасными преступлениями // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2013. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhvedomstvennoe-i-mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-v-borbe-s-terrorizmom-i-drugimi-osobo-opasnymi-prestupleniyami> (дата обращения: 14.11.2017).
8. Шамаев А.М. Особенности взаимодействия следователя и оперативных служб при расследовании преступлений террористического характера // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 140-142.

Ю.С. Даниленко

Крымская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации

ПРИМЕНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В XXI в. человечество столкнулось с еще одним врагом, представляющим реальную и страшную угрозу мирному существованию людей – экстремизмом. Экстремизм как форма выражения ненависти, вражды, интолерантности и его разновидность – терроризм – на данном этапе развития мирового сообщества представляются наиболее опасной формой конфликта, приводящей к столкновениям людей на почве политических, идеологических, межнациональных, религиозных и прочих разногласий.

Сегодня в мире насчитывается более тысячи групп и организаций, использующих идеологию и практику применения насилия (терроризм) для достижения своих целей. По данным Росстата в 2016 г. в России было зарегистрировано 25 преступлений, связанных с совершением террористических актов, всего с 2000 по 2016 гг. – 490 преступлений [7].

Сложность борьбы с экстремизмом (терроризмом) заключается еще и в том, что это «выгодный» враг. Терроризм сегодня настолько тесно переплетен с коррупцией, что эффективность первого невозможна без второго. Основными причинами этого симбиоза являются: обоюдная заинтересованность друг в друге, оказание помощи, стабильное финансирование структур и формирований из различных международных и внутригосударственных криминальных источников [3, с. 11]. Террористы, привлекая на свою сторону сотрудников правоохранительных органов и представителей власти, получают возможность продвижения своих интересов, приобретения средств осуществления террористических актов, получения необходимой для их деятельности информации. Для представителей власти основной целью коррупционного взаимодействия с экстремистскими организациями и террористическими формированиями является личное обогащение [2, с. 18-19].

Таким образом, экстремизм, терроризм и коррупция представляют собой единую проблему, решение которой – это не только задача государства, но и представителей гражданского общества, т.к. экстремистские идеи получают в

обществе все большее распространение. Одной из необходимых мер по борьбе с экстремизмом (терроризмом) является его превенция, т.к. проводить профилактику экстремизма гораздо проще, чем ликвидировать его последствия. Важнейшим фактором в борьбе с указанными преступлениями являются превентивные меры по отслеживанию и ликвидации интернет-ресурсов, пропагандирующих идеологию экстремизма и терроризма, содержащих призывы к совершению преступлений экстремистской и террористической направленности.

Экстремистские организации используют интернет-ресурсы для привлечения в свои ряды новых сторонников, формирования положительного отношения и готовности к совершению противоправных (экстремистских) действий. Число сайтов, содержащих материалы экстремистского характера, превышает семь тысяч, в том числе более ста пятидесяти русскоязычных, и оно постоянно растет.

Так, например, террористическая организация «Исламское государство» (ИГ) весьма эффективно пропагандирует свои идеи посредством распространения соответствующей литературы, создания видеороликов и полнометражных фильмов, качество которых находится на достаточно высоком уровне. Существует целое медиаотделение «Аль-Фуркан», которое занимается продвижением идей ИГ. Основным полем его деятельности является Интернет.

Уполномоченные органы, фиксируя факты размещения в сети Интернет подобного рода материалов, часто испытывают затруднения – можно ли квалифицировать некий материал как экстремистский, содержит ли он экстремистские значения. Для ответа на данные вопросы нужны специалисты, обладающие специальными знаниями в области лингвистики и психологии. Лингвистические методы позволяют установить, какое семантическое значение выражено в исследуемом материале, психологический анализ позволяет выявить субъективные установки автора и социальные установки, целенаправленно формируемые им у адресата. Таким образом, линг-

вистический анализ и психологический анализ создают объективную основу для последующей правовой оценки материала [5].

Экспертами СЭУ Минюста России по поручениям судов, органов дознания, лиц, производящих дознание, и следователей проводятся комплексные психолого-лингвистические экспертизы и экспертные исследования материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, по утвержденной «Методике проведения комплексной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму» (авторы: О.В. Кукушкина, Ю.А. Сафонова, Т.Н. Секераж. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014).

Исходя из положений примечания 2 к ст. 282.1 УК РФ, к числу преступлений экстремистской направленности относятся преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (например, ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ), а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ признаются обстоятельствами, отягчающими наказание (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [5]).

В Федеральном законе от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» указаны содержательные типы высказываний, которые коррелируют с понятием «терроризм»: пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности, а также подстрекательство к террористическому акту [6].

В методических целях можно выделить семь основных типов значения, признаки которых подлежат установлению (такие значения можно условно назвать «экстремистскими»: 1) пропаганда определенных взглядов (негативного отношения, исключительности, превосходства, неполноценности человека по признакам, указанным в законодательстве); 2) призыв (побуждение) к тем или иным «экстремистским» действиям, террористическим действиям; 3) оправдание определенных

действий и взглядов (терроризма, совершенных противоправных – дискриминационных, насильственных и др. – действий); 4) обвинение конкретного лица в определенных действиях; 5) унижение человеческого достоинства по признакам расовой, национальной, религиозной, языковой, социальной принадлежности; 6) угроза применения насилия в отношении определенных лиц; совершения определенных действий (поджога, взрыва и др.); 7) возбуждение вражды (ненависти, розни) к определенной группе лиц (национальной, религиозной, социальной, языковой) [5, с. 22-23]. Так как эксперты не дают юридическую квалификацию деяниям, а дают согласно вышеуказанной Методике лингвистическую и психологическую оценку содержания материала – устанавливают признаки выраженного в материале значения, важные для принятия решения по делу, правовые понятия «экстремистская деятельность», «призыв» и др. должны быть раскрыты через специальные признаки – их лингвистические и психологические маркеры, для исследования которых разработаны экспертные диагностические критерии. Указанные маркеры того или иного значения должны носить семантический (смысловой) характер. С семантической точки зрения указанные в законах «экстремистские» значения разложимы на три обязательные составляющие: 1) указанное в законодательстве содержание (предмет речи и информация о нем); 2) выраженное отношение к предмету речи; 3) цель сообщения информации адресату [5, с. 18-19].

Таким образом, каждое из «экстремистских» значений представляет собой комплекс, содержащий обязательные составляющие: предмет речи, выраженное к нему отношение, коммуникативную цель (цель сообщения об этом предмете речи). Анализ этих трех компонентов является основой экспертного исследования и определяет набор специальных признаков наличия/отсутствия искомого значения.

«Экстремистское» значение каждого из выделенных семи типов (призыв, пропаганда, оправдание, обвинение, угроза, унижение, возбуждение) имеет свои специальные признаки (диагностический комплекс признаков), установление которых и составляет конкретную экспертную задачу. Эксперт эксплицирует значение, выраженное в тексте, и, сопоставляя его с соответствующим диагностическим комплексом, устанавливает факт наличия/отсутствия в материале специальных признаков определенного значения (одного из семи типов).

В Республике Крым, с учетом ее полиэтничности (в составе населения присутствуют бо-

лее 40% национальных образований (украинцы, крымские татары, белорусы, татары, армяне, евреи, поляки, молдаване, азербайджанцы, узбеки, корейцы, греки, немцы, цыгане, болгары и др.), противодействие экстремизму является одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры, МВД, СК и ФСБ России. Востребованность экспертиз материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму, растет. Так, в 2015 г. в отдел судебных экспертиз и экспертных исследований по делам, связанным с проявлением экстремизма, ФБУ Крымская ЛСЭ Минюста России поступило 74 судебных экспер-

тизы и экспертных исследования по делам данной направленности, в 2016 г. их было уже 102, по состоянию на 01.11.2017 – 112.

Таким образом, проблема противодействия экстремизму и терроризму как основной угрозе национальной безопасности РФ, не теряет своей актуальности. Профилактика экстремистской деятельности в Российской Федерации может достигнуть цели только при взаимодействии органов власти, правоохранительных органов, образовательных структур, общественных организаций и представителей гражданского общества.

Литература

1. Буткевич С.А., Коноплева А.А. Распространение экстремизма в Республике Крым: проблемы противодействия и пути их решения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 1 (19). С. 76-82.
2. Грачев С.И., Морозова А.С. Детерминирующие факторы в превенции коррупции, терроризма и экстремизма среди студенческой молодежи на протяжении новейшей истории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 18-22.
3. Грачев С.И. Терроризм и его активная интеграция с организованной преступностью в условиях глобализма // Российский следователь. 2007. № 18. С. 11-14.
4. Григорьев А.А. Взаимосвязь терроризма с организованной преступностью и коррупцией. URL: <http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2009/03/19/?print> (дата обращения: 20.11.2017 г.).
5. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
6. О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
8. Россия в цифрах. 2017: крат. стат. сб. М.: Росстат, 2017. 511 с.

*А.А. Дыжова, канд. с.-х. наук, доцент
Могилевский институт МВД Республики Беларусь*

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

За основу при написании статьи взяты результаты опроса, проведенного в рамках научно-исследовательской темы «Социальные факторы противодействия коррупции в современном белорусском обществе». В ходе проводимых исследований особое внимание уделялось изучению форм проявления коррупции в различных сферах жизнедеятельности.

В настоящее время проблема коррупции является одной из самых важных и насущных в по-

литической, экономической, социальной жизни как в нашей республике, так и в мире в целом. Каждый знает, что такое коррупция, и думается, что многие сталкивались с таким видом коррупционных преступлений, как взяточничество, в своей жизни. Опасность заключается в том, что коррупция проявляет себя практически во всех сферах жизни общества, при этом в самых разнообразных формах и видах. К сожалению ситуация такова, что большинство людей, чтобы гаранти-

ровать себе решение сложных ситуаций, предпочитают дать взятку и тем самым ускорить решение возникшей проблемы.

Так, Постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь и Следственного комитета от 27.12.2013 № 43/9/95/571/571/274 дается перечень коррупционных преступлений, среди них наиболее опасным проявлением коррупции является взяточничество [2].

В соответствии со статистическими данными Министерства внутренних дел Республики Беларусь, за период с января по сентябрь 2017 г. всего задокументировано 5569 преступных деяний по направлениям борьбы с коррупцией и экономическими преступлениями, в т.ч. 3132 тяжкой и особо тяжкой категории, что составило на 2,1% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Больше выявлено хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, а также путем присвоения или растраты. При этом сохраняется тенденция по снижению указанных фактов в крупных и особо крупных размерах. Единственным регионом, где одновременно снизилось как общее количество хищений, так и в особо крупных и крупных размерах, является Могилевская область. Вместе с тем продолжает расти число выявленных преступлений против интересов службы (увеличение на 31%), в том числе фактов взяточничества (увеличение на

56%). За период с января по сентябрь 2017 г. число зарегистрированных видов коррупционных преступлений, таких как взяточничество, составило 1710 случаев, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями – 702 (прирост по сравнению с 2016 г. – 1,3%), злоупотребление властью или служебными полномочиями – 292 случая (прирост 32,1%) [1].

В ходе проводимых нами исследований в рамках научно-исследовательской темы гражданам был задан вопрос о том, как они относятся к неофициальным вознаграждениям должностных лиц. Из анализа опроса стало понятным, что большая часть респондентов считают для себя вполне возможным нарушить закон и дать взятку. Так, 14,5% опрошенных указали, что если должностное лицо решает положительно проблему, то они считают себя обязанными отблагодарить его, 16,4% отмечают, что вознаграждение должностного лица допустимо, если будут обеспечены необходимые для них результаты. В свою очередь 12,0% граждан думают о необходимости дачи взятки в силу сложившихся традиций, 17,0% говорят, что это необходимость, поскольку иначе проблему не решить, и лишь 24,5%, или четверть опрошенных, считают, что это недопустимо в принципе.

Как уже было отмечено ранее, коррупция пронизывает все сферы жизни в обществе, в связи с этим в ходе проводимых нами исследований мы решили задать вопрос нашим респондентам, в каких сферах и ведомствах они сталкивались с коррупционными действиями их сотрудников, в том числе и с требованиями «неофициальных вознаграждений». Наиболее распространенные ответы на поставленный вопрос отражены на рис. 1.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «В каких сферах деятельности Вы сталкивались с «неофициальными вознаграждениями» сотрудников», в %

(Примечание: В вопросе можно было отметить несколько вариантов, поэтому сумма по столбцам может составлять более 100%.)

Как видно на рисунке, основными сферами коррупционной деятельности являются правоохранительные органы, в частности ГАИ (28,2%), милиция (9,5%), затем указаны медицинские учреждения (26,4%), вузы (17,7%) и школы (18,0%). Также респонденты отметили дошкольные детские учреждения, администрацию предприятия, налоговые органы, санитарно-эпидемиологические службы, таможенные службы и суды. Как видно из анализа диаграммы, достаточно широко проявляются коррупционные преступления, в частности взяточничество, в сфере образования. Отметим, что именно на преподавателях, учителях и воспитателях лежит особая ответственность и основные требования по воспитанию в подрастающем поко-

лении и соблюдению ими моральных и правовых норм.

В целом можно отметить, что коррупция в целом получает все большее распространение во всех сферах деятельности республики. Все это, в конечном счете, несет угрозу безопасности страны в целом. Борьба с коррупцией должна быть связана не только с ужесточением санкций, применяемых в уголовном праве к лицам, совершившим коррупционные преступления, но и с привлечением всех существующих в республике институтов гражданского общества, включая общественные объединения, средства массовой информации, предпринимателей. Особое внимание необходимо уделять повышению правового воспитания и правовой культуры граждан республики.

Литература

1. Министерство внутренних дел Республики Беларусь. Общая статистика: URL: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=162163> (дата обращения: 07.11.2017).

2. Перечень коррупционных преступлений [Электронный ресурс]: постановление Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь и Следственного комитета от 27.12.2013 №43/9/95/571/57//274. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Беларусь».

А.С. Исаков

УМВД России по г. Новокузнецку

ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ДОСТУПА К КОНТЕНТУ, СОДЕРЖАЩЕМУ ПРИЗЫВЫ К ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Благодаря информационно-коммуникационным возможностям сети Интернет происходит существенное изменение способов распространения материалов экстремистской направленности. В настоящее время отдельные формы экстремистской деятельности перемещаются в сеть Интернет, таким образом продолжая выполнять свои задачи посредством данной сети. Виртуальная форма существования экстремизма предполагает дальнейший его переход вновь в реальность, в условиях конкретной социальной среды. Несмотря на значимость глобальной сети Интернет как коммуникативного средства современного общества она также является одним из основных источников пропаганды деструктив-

ных идей, а также одним из каналов связи экстремистских и террористических организаций. Лидеры и рядовые участники экстремистских формирований пользуются информационно-коммуникационными технологиями и процессом информатизации для укрепления элементов своей инфраструктуры, делая их менее уязвимыми для правоохранительных органов. Образуются террористические организации, в основе которых лежит принцип сетевых структур, что в современных условиях значительно увеличивает их потенциал [1].

Для запугивания населения, получения общественной известности и пропаганды экстремистской идеологии такие организации широко освещают

щают свою деятельность в медиасервисах сети Интернет.

Одним из главных факторов широкого распространения посредством сети Интернет экстремистских материалов является относительная анонимность и, соответственно, безнаказанность инициаторов интернет-пропаганды экстремистских идей.

Анонимность коммуникации в сети способствует тому, что с использованием современных программных средств как технически подготовленный, так и неподготовленный участник экстремистской группировки может скрыть свои личные данные и фактическое местоположение. В связи с этим возникают трудности в привлечении таких лиц к ответственности, даже с применением современных средств ведения оперативно-разыскной деятельности.

Блокировка доступа к сайтам с незаконным контентом в настоящее время осуществляется с помощью внесения этих сайтов в «Федеральный список экстремистских материалов» [2], в т.ч. если такие сайты являются официальной страницей организации, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации решением суда в соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности». В таких случаях всем поставщикам связи и организациям, предоставляющим интернет-хостинг, на серверах которых размещены подобные сайты, Министерством юстиции рассылается информация о запрете. Как следствие, если оборудование и организации, предоставляющие услуги по размещению Интернет-ресурсов на своих серверах, находятся на территории Российской Федерации, то сайты, содержащие запрещенный контент, удаляются физически, однако, как правило, поставщики связи запрещают доступ к таким сайтам на локальном уровне. Немаловажно, что решения о признании сайтов, содержащих экстремистский контент, через суд не обеспечивают быстроты принятия решения, а значит, не являются в полной мере эффективным

методом. До момента принятия судебного решения данные с сайтов, содержащих запрещенный контент, могут быть опубликованы на десятках других ресурсов [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что в данном направлении присутствуют следующие проблемы: отсутствие взаимодействия государств в сфере противодействия экстремистским идеологиям в глобальной сети Интернет, а также международных нормативно-правовых актов; несовершенство нормативно-правовой базы РФ в сфере противодействия экстремизму в сети Интернет; отсутствие как на федеральном, так и на региональном уровнях единого органа, основная функция которого - мониторинг информационно-коммуникационного пространства; слабая техническая оснащенность и обученность кадров; малые активные профилактические меры, направленные на привлечение общественности к выявлению радикальных материалов в сети Интернет и передачи данных в НЦПТИ.

Таким образом, первоочередными мерами для решения вышеизложенных проблем должны стать: разработка и принятие в рамках ООН международного правового акта по взаимодействию стран в сфере противодействия экстремистским идеологиям в сети Интернет; разработка новых и совершенствование существующих алгоритмов контент-анализа для поисковых роботов; выведение с регионального на национальный уровень блокировок доступа к запрещенным сайтам; привлечение общественности для выявления фактов пропаганды радикальных идей. Механизм реализации должен включать создание не только интернет-ресурсов, но и «горячих линий», приспособленных для принятия информации о противоправном контенте от граждан различных социальных групп; создание федерального органа и его территориальных отделений, наделённых полномочиями и оснащённых техническими средствами для мониторинга и анализа информации сети Интернет на наличие контента экстремистской направленности.

Литература

1. Принципы борьбы с экстремизмом в сети. URL: <http://www.securitylab.ru/news> (дата обращения: 25.11.2017).
2. Федеральный список экстремистских материалов. URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials> (дата обращения: 25.11.2017).
3. Функционально возможные инструментальные средства противодействия распространению идей экстремизма и терроризма в сети Интернет на территории РФ. URL: <http://www.bibliofond.ru/view> (дата обращения: 23.11.2017).

*Н.М. Канашевич, канд. ист. наук, профессор
Могилевский институт МВД Республики Беларусь*

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Международному сообществу пока не удалось выработать приемлемое определение экстремизма. Поэтому будем руководствоваться самым общим пониманием экстремизма как социально-деструктивного явления, проявляющегося в приверженности крайним взглядам, мерам и действиям, выражаемого в проявлении агрессии, применении нелегитимного насилия, протестных противоправных деяниях. Экстремизм выступает одной из идейных основ терроризма – политики насильственных действий против гражданского населения с целью навязывания власти определенной линии поведения, а террористические акты являются крайней формой реализации экстремистской идеологии.

В современном мире появились новые факторы активизации и новые технологии экстремистской деятельности, что свидетельствует о сложности и многоплановости данного явления, его способности быстро адаптироваться к новым условиям. События в Ираке, Ливии, Сирии, Украине продемонстрировали, что на смену традиционным войнам и военным конфликтам в XXI в. пришли так называемые «гибридные формы» их ведения. Гибридная война – особый вид вооруженного противостояния стран, для которого характерно соединение классических и нетрадиционных инструментов ведения вооруженных действий, в которых особая роль отводится действиям экстремистски настроенных гражданских лиц (повстанцев, сепаратистов), организации протестных массовых беспорядков, террористическим атакам и информационным войнам.

Республика Беларусь не является страной с выраженной угрозой экстремизма, цветных революций или гибридных войн. В стране сохраняется общественно-политическая и социальная стабильность, конфессиональный мир и межкультурное взаимодействие между представителями более 80 национальностей, проживающих здесь. Однако геополитическое положение республики, граничащей с политически нестабильными государствами, а также продолжающиеся вооруженные конфликты в странах Ближнего Востока и Северной Африки, в Сирии и Украине, усиле-

ние потоков мигрантов из воюющих стран требуют усиленного внимания правоохранительных органов к потенциальным источникам экстремистских и террористических угроз. Терроризм также не обошел стороной нашу страну. 11 апреля 2011 г. в Минском метрополитене прогремел взрыв, в результате которого погибли 15 человек и получили ранения различной степени тяжести около 400 человек.

С конца 2010 г. в республике действует новая Концепция национальной безопасности, в основу которой был положен комплексный подход к обеспечению национальной безопасности, не ограничивающейся сегодня только военной безопасностью. В соответствии с этим документом формирование, проникновение и распространение идеологии экстремизма либо деятельность придерживающихся или распространяющих подобные взгляды лиц определялись как внутренний источник угроз национальной безопасности Беларуси [3]. Однако до последнего времени Уголовный кодекс республики не содержал ни одной нормы, предусматривающей ответственность за экстремизм.

В условиях изменения угроз национальной безопасности потребовалось совершенствование нормативно-правовой базы Республики Беларусь в сфере борьбы с проявлениями экстремизма. 20 апреля 2016 г. в Закон Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» (от 04.01.2007 № 203-3) были внесены поправки, обеспечивающие возможность адекватного реагирования правоохранительных органов на современные угрозы экстремизма. В ст. 1 Закона расширено понятие экстремистской деятельности, содержится исчерпывающий перечень видов экстремистской деятельности граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства; определено, что представляют собой «экстремистские материалы» и «экстремистская организация»; основания и порядок признания деятельности и действий экстремистскими (ст. 9-11); меры по противодействию изданию и распространению экстремистских материалов (ст. 14) Беларуси [4].

Обострение противоречий между мировыми и региональными центрами в условиях глобализации потребовало уточнения официально принятых в государстве взглядов на обеспечение его военной безопасности – принятия в январе 2016 г. новой Военной доктрины Республики Беларусь, в которой дан системный анализ изменения характера угроз национальной безопасности. В этом документе определены меры противодействия пропаганде деструктивной экстремистской идеологии, созданию на территории Беларуси террористических и экстремистских организаций, подготовке членов незаконных вооруженных формирований, организации и проведению массовых беспорядков, актов терроризма. Впервые подробно разъяснена сущность понятия «незаконное вооруженное формирование» [2].

На противодействие распространению нацистской символики направлено дополнение в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (от 09.01.2017) в виде статьи 17.10, предусматривающей ответственность за пропаганду и (или) публичное демонстрирование и (или) распространение нацистской символики или атрибутики. Статья 17.11 Кодекса уста-

навливает административную ответственность за распространение, изготовление, хранение, перевозку информационной продукции, содержащей призывы к административной деятельности или пропагандирующей ее [1]. В республике имеются прецеденты, когда нарушители данных статей Кодекса по решению судов были подвергнуты административным взысканиям.

За годы становления Республики Беларусь как независимого государства было создано правовое поле в области противодействия экстремизму, сложилась эффективная государственная система реагирования на изменение угроз национальной безопасности, осуществляется активное сотрудничество органов внутренних дел республики с правоохранительными структурами других государств. Однако многие вопросы, связанные с противодействием экстремизму, требуют своего решения.

Полагаем необходимым совершенствовать в рамках СНГ и Евразийского экономического союза комплексную правовую базу координации действий в сфере противодействия экстремизму посредством унификации национальных законодательств на основе модельных законодательных актов.

Литература

1. Кодекс об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 21 апр. 2003 г., № 194-3: принят Палатой 17 дек. 2002 г.; одобрен Советом Республики 2 апр. 2003 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».
2. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь [Электронный ресурс]: закон Республики Беларусь от 20 июля 2016 г. № 412-3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».
3. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575: в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 24.01.2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».
4. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс]: закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-3: в ред. Закона Республики Беларусь от 20.04.2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

Ю.Н. Кириченко, канд. юрид. наук, доцент

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина;

В.Л. Михайликов, канд. юрид. наук, доцент

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕТОДОЛОГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Экстремизм и терроризм в начале XXI в. вошли в число наиболее опасных угроз международному миру и безопасности [8, 14]. Преодоление экстремизма, искоренение терроризма требует соединения усилий всего мирового сообщества [4].

Деятельность экстремистских и террористических организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения, деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей вошли в состав основных угроз государственной и общественной безопасности Российской Федерации [12, п. 43].

В силу повышенной общественной опасности экстремизма и терроризма перестройка системы противодействия этим явлениям должна стать естественным элементом совершенствования всей системы обеспечения национальной безопасности страны.

Разработка методологии противодействия экстремизму и терроризму, организация эффективного противодействия их проявлениям невозможны без понимания глубинных причин возникновения, развития и воспроизводства (генезиса) экстремизма и терроризма.

Фундаментальной первопричиной экстремизма и терроризма, по нашему убеждению, является нигилизм. Нигилизм, экстремизм и терроризм, при всём их различии, являются звеньями одной цепи.

Нигилизм (от лат. *nihil* – ничто) определяется как мировоззренческая позиция, ставящая под сомнение (в крайней своей форме абсолютно отрицающая) общепринятые ценности, идеалы, нормы нравственности и культуры.

Предтечей, предпосылкой экстремизма и терроризма делают нигилизм многообразие форм его проявления (религиозный, моральный, идеологический, политический, культурный, эстетический, правовой и др.) [7, 16] и интенсивность выражения.

Нигилизм индивидуален в той мере, в какой он присущ отдельной личности.

Нигилизм становится социальным явлением, когда он получает заметное распространение в обществе.

Нигилизм становится предтечей экстремизма, когда он «дозревает» до оправдания экстремизма. Слияясь с экстремизмом, нигилизм становится его составной частью в качестве идеологической основы и психологического самооправдания. Точно таким же образом и в том же качестве нигилизм становится предтечей, а затем и идеологической и психологической составляющей терроризма. Не исключается также и вариант, когда непосредственной причиной, фактором терроризма становится уже сформировавшийся экстремизм [15].

Различие между экстремизмом и терроризмом, таким образом, имеет лишь количественный, но не качественный характер. Это различие определяется интенсивностью выражения, потенциалом нигилизма, имплементировавшегося, соответственно, в экстремизм и терроризм.

Понимание неразрывной связи, единства и взаимодействия нигилизма, экстремизма и терроризма позволяет выстроить новую парадигму противодействия экстремизму и терроризму. Эта парадигма исходит из необходимости включения нигилизма в качестве нового, дополнительного объекта противодействия – как основы, фундамента, на котором произрастают и экстремизм, и терроризм, и преступность в целом [11]. Тем

самым акцент противодействия смещается в сторону первопричины – не снимая при этом необходимости противодействия экстремизму и терроризму. При этом уточняется состав объектов, в отношении которых новая парадигма предполагает и пересмотр методологии противодействия экстремизму и терроризму.

Разрабатываемая методология противодействия экстремизму и терроризму предусматривает:

- выработку новой идеологии противодействия экстремизму и терроризму;
- уточнение спектра задач, пересмотр субъектного состава противодействия экстремизму и терроризму;
- корректировку правовой основы противодействия экстремизму и терроризму.

Новая идеология противодействия экстремизму и терроризму, не отвергая меры, предусматриваемые действующим законодательством в этой сфере, видит необходимость в конкретизации, усилении и расширении профилактической составляющей этого противодействия.

Конкретизация профилактической составляющей противодействия экстремизму и терроризму предусматривает, во-первых, включение в состав объектов профилактики, помимо экстремизма и терроризма, также и нигилизма, во-вторых, индивидуализацию профилактической деятельности.

Необходимость включения нигилизма в состав объектов профилактики экстремизма и терроризма вытекает из его исключительной роли в формировании криминальной психологии экстремизма и терроризма (см. выше).

Индивидуализация профилактической деятельности – необходимое условие эффективного воспитательного воздействия на конкретных лиц в целях недопущения совершения ими любых правонарушений, в т.ч. экстремистского или террористического характера. Усложняющими решением задач профилактики факторами являются информационная пресыщенность населения и многоликий нигилизм, захлестнувший весь современный мир, включая Россию.

Развиваемый подход в полной мере соответствует установке недавно принятого Федерального закона «О профилактике правонарушений в Российской Федерации», требующего обеспечивать выявление *причин и условий*, способствующих совершению правонарушений [9, ч. 2 ст. 2].

Совершенно очевидно, что выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений, должно осуществляться на основе

сочетания положительно зарекомендовавших себя методик и современных инновационных технологий.

Положительно зарекомендовавшие себя методики включают опыт исследования криминальной обстановки в социуме [2], определённые достижения, связанные с формированием знаний и навыков, необходимых сотрудникам органов внутренних дел в противодействии экстремизму [13], прогнозированием криминальной ситуации на территории Российской Федерации [6], расширяющую практику взаимодействия органов внутренних дел с органами местного самоуправления [1] и средствами массовой информации.

Перспективные инновационные технологии, как нам представляется, должны включать в себя:

- расширение и алгоритмизацию социологических исследований, направленных на выявление причин и условий распространения нигилизма, экстремизма и терроризма;
- формирование единых баз данных о состоянии и динамике криминальной обстановки в Российской Федерации;
- расширение социальной базы противодействия нигилизму, экстремизму и терроризму внутри страны;
- оптимизацию организационной структуры системы противодействия нигилизму, экстремизму и терроризму, преступности в целом, включая её организованную часть;
- укрепление международного сотрудничества в этой сфере.

Перспективным направлением научных исследований, направленных на выявление причин и условий формирования нигилистской, экстремистской и террористической идеологии, в целом идеологии современного преступного мира, на наш взгляд, является изучение психолого-криминологической стратификации социума [5].

Такие исследования должны планироваться в масштабах Российской Федерации, её субъектов и отдельных муниципальных образований (муниципальных районов и городских округов).

Достижения современной социологии позволяют организовывать такие исследования по множеству необходимых (требуемых) срезов, тем самым помогая воссоздавать объёмную модель ситуации в её статике.

Изучение психолого-криминологической стратификации общества в *статике* призвано решать и способствовать решению ряда задач, основными из которых являются:

- уточнение факторов и причин, *детерминирующих* преступность как социальное явление;

- выработка общих и адресных технологий и мер, направленных на эффективное *предупреждение* преступности;

- выработка общих и адресных технологий и мер, направленных на эффективную *борьбу* с преступностью.

Повторение исследований с заданной периодичностью (их алгоритмизация) позволит воссоздавать ситуацию в её *динамике*. Использование при этом методов математического моделирования [5] даст возможность с высокой вероятностью [10] выявлять *детерминанты* и *тренды* преступности в пределах любых пространственных и достаточно широких временных границ.

Реализация данных идей вооружит руководство страны, правоохранные и контролирующие органы объективной информацией о состоянии преступности в стране, позволит на регулярной основе отслеживать эффективность принимаемых мер по борьбе с преступностью, будет предоставлять исходные данные для стратегического планирования и разработки государственных программ борьбы с преступностью.

Реализация поручения Президента Российской Федерации о создании федеральной информационной системы биометрических учётов и оперативно-разыскных данных [3] становится при этом естественным результатом выполнения исследований по психолого-криминологической стратификации общества.

Необходимость расширения социальной базы противодействия экстремизму и терроризму и вообще преступности внутри страны вытекает из включения нигилизма в состав объектов этого противодействия. Такое расширение достигается за счёт целенаправленного вовлечения активной

части населения, в том числе молодёжи, пенсионеров, ветеранов правоохранительных органов, в соответствующие воспитательные, консультационно-информационные и иные мероприятия профилактического характера.

Расширение профилактической составляющей противодействия экстремизму и терроризму должно производиться с учётом граничных условий, вытекающих из объективных представлений о видах и масштабах угроз, необходимости и разумной достаточности пакета мер, предпринимаемых для отражения этих угроз. Учёт этих условий обеспечит *экономичность* функционирования системы предупреждения преступности и борьбы с ней.

Включение нигилизма в состав объектов противодействия потребует изменения структуры системы противодействия нигилизму, экстремизму и терроризму, преступности в целом.

Укрепление международного сотрудничества в указанной сфере осознаётся как насущная потребность пока что только Россией и её ближайшими союзниками [4, 14]. Тем не менее усилия России, направленные на борьбу с международным терроризмом, находят всё более заметное понимание и в других странах, в первую очередь тех, которые в наибольшей степени страдают от атак внутреннего и международного терроризма.

Не вызывает сомнения, что доработанная методология может сослужить добрую службу укреплению правопорядка в стране, повышению эффективности и экономичности всей правоохранительной деятельности, в конечном счёте будет способствовать более качественному обеспечению и защите прав и свобод личности, укреплению России как правового государства.

Литература

1. Богмацера Э.В., Богмацера В.В. Взаимодействие органов внутренних дел и органов местного самоуправления как фактор повышения уровня доверия населения к полиции // Научный портал МВД России. 2016. № 3. С. 95-98.
2. Временное наставление по службе штабов органов внутренних дел. Утверждено приказом МВД России от 12.02.1997 № 86 (ред. от 08.02.2011). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. Докторов Б.З. О надёжности измерения в социологическом исследовании. Л.: Наука, 1979.
4. Заявление глав государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности по итогам сессии СКБ 15 сентября 2015 года (г. Душанбе). URL: http://www.odkb-csto.org/session/detail.php?ELEMENT_ID=5405 (дата обращения: 01.11.2017).
5. Ильичев И.Е., Лазарева С.А. Психолого-криминологическая стратификация социума как ресурс повышения эффективности правоохранительной деятельности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 1.
6. Методические рекомендации по прогнозированию криминогенной ситуации на территории Российской Федерации. М.: ВНИИ МВД России, 2005. 60 с.
7. Никитин А.Г. Виды и классификация экстремистского поведения: общетеоретические и правовые проблемы // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 186-192.

8. Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе: Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 29 сентября 2003 г. № 1344. URL: [https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2003\]/\[Sept_2003\]/Res%201344%20Rus.asp](https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res%201344%20Rus.asp) (дата обращения: 01.11.2017).
9. О профилактике правонарушений в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Основы математического моделирования в деятельности органов внутренних дел: учеб. пособие. М.: Изд-во Академии МВД России, 1993. 160 с.
11. Саврушева М.И. Нигилистическая сущность современной преступности // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2008. № 1 (63). С. 66-69.
12. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Суслонов П.Е. Способы и приёмы формирования знаний и навыков, необходимых сотрудникам органов внутренних дел в противодействии экстремизму // Научный портал МВД России. 2016. № 1. С. 79-82.
14. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: принята в Шанхае 15 июня 2001 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 01.11.2017)
15. Шинкевич В.Е. Молодёжный экстремизм как фактор возникновения террористических угроз в обществе: социально-философский аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 3 (25). С. 12-15.
16. Donald A. Crosby. The Specter of the Absurd: Sources and Criticisms of Modern Nihilism. Albany, NY: State University of New York Press, 1988. 456 p.

А.Н. Клычников

Администрация г. Барнаула

ЭКСТРЕМИСТСКИЕ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ, В Т.Ч. ИСЛАМИСТСКОГО ТОЛКА, ЗАПРЕЩЕННЫЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Экстремизм за последнее десятилетие приобрел международный масштаб. Выйдя за рамки государственных границ, экстремизм представляет опасность для субъектов международных отношений, политики мирного сотрудничества государств и в целом для международной безопасности.

В связи с этим активизация экстремистских проявлений все чаще привлекает внимание международной общественности. К проблеме экстремизма обращаются на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН и заседаниях Совета Безопасности ООН, во время встреч на высшем уровне между Россией и США, Англией, Германией и другими странами.

Обращает на себя внимание тот факт, что ООН изначально делала акцент на борьбу с экс-

тремизмом в контексте борьбы с терроризмом, но в последнее время борьба с экстремизмом получила относительно самостоятельное направление деятельности ООН. Подтверждением этого является заявление Генерального Секретаря ООН от 15 января 2016 г., в котором экстремизм рассматривается в качестве отдельной угрозы международному миру и безопасности.

7-8 апреля 2016 г. в Женеве прошла конференция министерского уровня по предотвращению насильственного экстремизма, организованная Правительством Швейцарии и Секретариатом ООН. Мероприятие представляло собой первое широкое международное обсуждение представленного в ООН 15 января 2016 г. «Плана действий по предотвращению насильственного экстремизма» Генерального секретаря ООН.

На первый взгляд, проблема экстремизма не самая важная, так как количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности ничтожно мало по сравнению с преступлениями иных видов. Но эти преступления подобны детонатору, так как посягают на мир и согласие между различными социальными (национальными, религиозными и тд.) группами общества.

Экстремизм и терроризм националистов, неонацистов, религиозных фанатиков сегодня стал самостоятельным криминогенным явлением в общественно-политической жизни общества, принимающим в настоящий момент угрожающие масштабы.

«Пионерами» насильственного экстремизма и, как следствие, терроризма международного характера в XX в. стали сикхские экстремистские группировки, ведущие борьбу за восстановление этно-конфессионального государства **Халистан**, североирландские террористические объединения («Ирландская республиканская армия») и «Братья-мусульмане».

Во второй половине XX в. список террористических группировок именно конфессионального происхождения стал увеличиваться в геометрической прогрессии.

Наряду с западными деструктивными сектами типа «Храма Солнца», японской «Аум Синрике», особое распространение получил насильственный экстремизм, мотивированный идеями превосходства ислама.

В 70-х гг. прошлого века в афро-азиатском регионе сформировалось высокое число экстремистски настроенных группировок:

- на **Ближнем Востоке** функционировали «Братья-мусульмане», «Боевой авангард», «Движение исламского освобождения», «Фаланги Мухаммеда», «Воины Аллаха»;

- в **Марокко** сформировались «Авангард ислама», «Ассоциация исламского возрождения»;

- в **Тунисе** – «Исламская ориентация», исламская партия «Шура»;

- в **Египте** – «Исламская партия освобождения», «Исламские группы», «Молодежь Мухаммеда», организации «Священная война» и «Новая священная война»;

- в **Судане** – «Исламская республиканская партия»;

- в **Саудовской Аравии** – «Хусейновы комитеты мучеников»;

- в **Афганистане** – движение «Талибан» и тд.

В России в 2000-х гг. действовали «Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа», «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»). Международной угро-

зой человечеству стала группировка «Исламское государство» (другие названия: «Исламское Государство Ирака и Сирии», «Исламское Государство Ирака и Леванта», «Исламское Государство Ирака и Шама»).

Определенной ценой за права и свободу человека и общества и разнообразие в общественной жизни стало появление радикальных сообществ, ориентированных на насилие.

В Российской Федерации в настоящее время 63 наименования объединения включены в список организаций, признанных судами различной юрисдикции экстремистскими и запрещенными на территории России (см. приложение). Из них 23 экстремистских сообщества действовали на основе различных религиозных идеологий, 17 организаций – на основе нацизма и национализма, чьи члены совершили преступления экстремистского характера по мотивам национальной и религиозной ненависти или вражды.

Наиболее известные мировые радикальные группировки исламистского толка.

Прежде всего, понятие «исламского фундаментализма» достаточно условно. Каждая из стран самостоятельно решает, какую группировку считать радикальной, и, соответственно, вносит их в список террористических организаций.

Поэтому в США существует свой список, в ЕС – второй, в России – третий. Главный критерий внесения группировки в список террористических организаций – угроза для национальной безопасности.

«**Аль-Каида**» переводится с арабского как «базовый принцип» или «ключевая идея». **Лидер группировки – Айман аз-Завахири.**

Официально группировка была создана в 1988 году, хотя на самом деле её формирование началось еще в первой половине 80-х гг. при активном содействии спецслужб США, прежде всего ЦРУ, для противостояния СССР в Афганистане и Центральной Азии. Самым авторитетным лидером группировки за весь период её существования считается **Усама бен-Ладен**, который по официальной версии США был ликвидирован подразделением «морских котиков» в пригороде Исламабада в мае 2011 г.

Цель и основная идея «Аль-Каиды» – уничтожение светских режимов во всех мусульманских странах и регионах с преобладающим мусульманским населением и создание «**Великого исламского халифата**».

На территории Российской Федерации к сфере своего влияния «Аль-Каида» относит респу-

блики Северного Кавказа, Татарстан, Башкирию, Поволжье и т.д.

«Исламское государство». Лидер – Абу Бакр Аль-Багдади. Возникло в 2006 году в Ираке на фоне борьбы с американской оккупацией после свержения в 2003 г. режима Саддама Хусейна и первоначально называлось **«Исламское государство Ирака» (ИГИ)**. Финансировала её создание Саудовская Аравия, которой был нужен вооруженный противовес новым властям Ирака, представляющим шиитское большинство населения Ирака.

«Исламское государство» вобрало в себя значительную часть офицерского состава иракской армии и элитной Республиканской гвардии, которые служили там до американского вторжения. После поражения в войне с США новые проамериканские власти де-факто выкинули этих людей на улицу, оставив без средств существования. Многие из них были кадровые военные, прошедшие обучение в советских и российских военных училищах и академиях.

Практически сразу после развязывания гражданской войны в Сирии в 2011 г. боевики ИГИ начали принимать участие в боевых действиях сначала в составе группировки **«Джебхат ан-Нусра»**, затем самостоятельно.

С конца 2011 г. именует себя **«Даулят Исламия валь-Ирак аш-Шам»** («Исламское государство Ирака и Сирии», арабскими буквами складывается аббревиатура ДАИШ).

29 июня 2014 г. Абу Бакр Аль-Багдади провозглашает создание «Исламского халифата» на завоеванных территориях в Сирии и Ираке, которое произошло после стремительного захвата двухмиллионного г. Мосул в северном Ираке, который является нефтяной столицей данной страны.

Отличия «Аль-Каиды» и ИГ:

- «Аль-Каида» выступает за создание халифата постепенно и не только военным путем, но и путем **«просвещения»** так называемых «неверных».

- «Исламское государство» провозгласило в 2014 г. – **«Халифат здесь и сейчас!»** и выступает за силовые методы его расширения.

Чем опасны ИГ и «Аль-Каида» для России?

Прежде всего идеей уничтожения всех «неверных».

В обоих движениях к мусульманам-суннитам любой национальности и расы относятся достаточно хорошо. Но если человек исповедует любую другую религию – христианство, буддизм или ислам, но шиитского толка, человеку оставляют только один выбор – принять «правильный ислам» в трактовке Халифата либо умереть.

«Исламское государство» первым из подобного рода группировок провозгласило намерение **создать Халифат в масштабах всей планеты.**

Идеология Халифата является своего рода нацизмом, но если **бандеровщина** – это классический нацизм на национальной почве, то **исламизм** – это нацизм на религиозно-идеологической основе.

Сильная сторона ИГ – сетевая структура. В сети Интернет существуют сотни исламистских сайтов, прославляющих Халифат, при чем действуют они на самом высоком профессиональном уровне, успешно промывая мозги, прежде всего подросткам и молодежи. Пример печально известной студентки МГУ Варвары Карауловой, завербованной ИГИЛ, очень показателен – третий по популярности язык на мировых исламистских сайтах после арабского и английского – это русский язык.

«Хизб Ут-Тахрир Аль-Ислами» (Партия исламского возрождения).

Действует в Средней Азии и России. Создана в 50-х гг. прошлого века в Иерусалиме. Запрещена в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане и России, но только в России признана террористической.

Выступает за шариат, достаточно редко прибегает к насилию, но представителей немусульман тоже не считает за людей.

В Российской Федерации последователи данной группировки есть на Северном Кавказе, а также в Татарстане и Башкирии, Республике Крым (среди части крымских татар).

«Братья Мусульмане» – создана в Египте еще в 1928 г. Одна из первых исламистских организаций вообще. Запрещена и признана террористической в России, Египте, Саудовской Аравии и ряде других стран. Лидер – **Мухаммед Бади**, арестован и отбывает пожизненное заключение в египетской тюрьме.

В России есть разрозненные последователи «Братьев Мусульман» в Башкирии, Татарстане, на Северном Кавказе. Движение является союзником «Аль-Каиды».

«Талибан» – Афгано-пакистанская группировка, созданная студентами медресе. Талибы – дословно «ученики». Сторонники установления шариата военным путем, но предпочитают ограничиваться Центральной Азией. **Союзник «Аль-Каиды».** Стал своего рода «школой» для очень многих боевиков, действовавших на территории российского Северного Кавказа и республик Средней Азии. Опасен тем, что рвется в Среднюю Азию, прежде всего в таджикский Бадахшан, Ферганскую долину (Узбекистан,

Таджикистан, Киргизия), являющуюся наиболее взрывоопасной и густонаселенной областью всего региона, где проживает многомиллионное население, в случае дестабилизации которой огромный миграционный поток устремится по единственному пути – на север, на территорию Российской Федерации.

Радикальные группировки исламистского толка на территории Российской Федерации

«Имарат Кавказ» (он же – Кавказский эмират) – группировка, созданная в 2007 г. «президентом Ичкерии» **Доку Умаровым**. Цель – объединение всего Северного Кавказа в единый эмират на базе шариата. Аффилирует себя с «Аль-Каидой».

Сейчас лидера как такового нет. «Имарат» сильно фрагментирован и находится в упадке. Формально на Северном Кавказе действует и «Имарат Кавказ» и «Исламское государство», но ИК в упадке, а ИГИЛ еще не создало единого центра, поэтому обе группировки достаточно слабые и ФСБ довольно эффективно их отслеживает и ликвидирует. При этом наблюдается рост количества боевиков-одиночек – сторонников ИГ, что тоже довольно опасно.

«Джамаат Булгар». Группировка, действующая в основном в Татарстане и Поволжье. Союзная «Аль-Каиде» и «Талибану». Численность неизвестна, возможны «спящие» ячейки, которые могут взорвать ситуацию во всем Поволжье.

Г.В. Королев

Комитет по работе с обращениями граждан и общественными объединениями администрации города Барнаула

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С МУНИЦИПАЛИТЕТОМ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Публичные мероприятия (далее – ПМ) в современных условиях являются неотъемлемым атрибутом жизни гражданского общества, в котором отдельные коллективы (структуры) и физические лица (граждане) выражают свое волеизъявление. ПМ – также один из важнейших способов реализации конституционного права на свободу слова. Одновременно ПМ следует рассматривать как событие, подлежащее обязательному сопровождению муниципальными органами и органами внутренних дел (далее – ОВД) – это их служебная обязанность. Знания и умения действовать в условиях ПМ является одним из многочисленных требований к профессиональной пригодности сотрудника полиции.

В городе Барнауле с численностью всего населения менее 700 тыс. человек, ежегодно проходит в среднем от 600 до 1 тысячи ПМ. Общее количество лиц, принимавших в них участие, колеблется в пределах 25-30 тыс. человек. Всплески происходят в годы важных выборов кампаний, стабилизация наступает в межвыборные периоды.

Взаимодействие в данной сфере условно делится на несколько этапов:

- отработка теоретических вопросов обеспечения ПМ), изучение нормативно-правовых актов, проведение совместных оперативных игр, тренировок и учений, специализация сотрудников, разбор результатов ранее состоявшихся ПМ;
- рассмотрение поступившего (поступивших) уведомления: оповещение ОВД о поступлении уведомления, проведение консультаций о целесообразности согласования проведения ПМ в указанном месте и времени, изучение по учетам ОВД личности организатора (не имеет ли он ограничений на проведение вследствие неснятой судимости за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства или имеющегося наказания по ст. 5.38, 19.3, 20.1-20.3, 20.18, 20.29 КоАП РФ);
- подготовка сил и средств к обеспечению ПМ: назначение уполномоченных лиц от администрации и от ОВД, обмен телефонными координатами, формирование резерва (при необходимости),

задействование транспорта, получение средств видеофиксации, доставка личного состава, оформление места ПМ турникетами (при необходимости), обследование территории предстоящего ПМ кинологом (при необходимости);

- непосредственно обеспечение ПМ: официальное представление организатору ПМ уполномоченного администрации муниципального образования и старшего наряда ОВД, письменное предупреждение организатора о недопустимости экстремистских проявлений, визуальное наблюдение за ходом ПМ, оказание помощи организатору (при необходимости), консультации между уполномоченным муниципального образования и ОВД (при принятии решения о предостережении), обращение в дежурную часть ОВД с сообщением о правонарушении(ях), пресечение правонарушений, согласование численности участников ПМ для доклада руководителям муниципального образования и ОВД.

Необходимо усвоить некоторые элементы взаимодействия из числа указанных на условных этапах.

Специализация сотрудников на примере г. Барнаула подразумевает, что в структуре администрации города существует отдел по обеспечению публичных мероприятий (3 человека), работники которого специально готовятся к обеспечению своих функций. В УМВД России по г. Барнаулу основным подразделением по обеспечению ПМ является отдел охраны общественного порядка, сотрудники которого регулярно несут службу в таких условиях. Естественным образом у партнеров вырабатывается слаженность понимания задач, возможностей, компетенции взаимодействующей стороны.

Оповещение ОВД о поступлении уведомлений осуществляется работниками отдела администрации по обеспечению публичных мероприятий. Когда сроки для подготовки к проведению ПМ минимальны (3 дня), это делается в два этапа – сначала устно, затем письменно. Когда сроки не экстремальны (от 10 до 15 дней) – достаточно письменной информации. В городе Барнауле, столице региона, выработана практика оповещения нескольких правоохранительных структур (ОВД, ФСБ, Росгвардии) и органов власти (Правительства Алтайского края, представительства Президента, других) надзирающих органов (прокуратуры края и города) – всего в 17 адресов. Делается это в виде таблицы, направляемой на электронные адреса. В таблице отражаются вид ПМ (митинг, собрание, шествие, демонстрация, пикет), место, время начала и окончания, цель, количество участников, кто организатор.

Изучение по учетам ОВД личности организатора возлагается на отдел охраны общественного порядка, осуществляется через ИЦ ГУ МВД РФ по Алтайскому краю и базам данных, включающих административные наказания.

Подготовка сил и средств к обеспечению ПМ подразумевает в первую очередь назначение уполномоченных. В администрации города уполномоченные от муниципалитета назначены на постоянной основе распоряжением. В ОВД уполномоченные назначаются распорядительным документом в зависимости от сложности и объема стоящих задач (малочисленный пикет может обслужить приближенный патрульный наряд, многотысячный митинг потребует группы в составе нескольких служб – оперативных, ООП, ДПС ГИБДД и т.д.). В целях экономии личного состава и для усиления малочисленного наряда следует предусматривать группу народных дружинников, которые при необходимости станут надежными свидетелями. Главный принцип в подготовке – достаточность сил и средств. Этому способствует умение спрогнозировать развитие событий на ПМ. Верно спрогнозировать смогут только подготовленные, опытные работники муниципалитета и ОВД, располагающие дополнительной (например, из СМИ), в т.ч. оперативной информацией.

Официальное представление организатору уполномоченных лиц муниципалитета и ОВД означает, что процесс ПМ с этого момента введен в правовое русло и отклонение от норм может повлечь ответственность. Целесообразно представляться совместно, а не поодиночке, дабы исключить разночтения в ответах на вопросы организатора, которые, как правило, возникают на первоначальном этапе. Дисциплинирующее воздействие оказывает письменное предостережение организатору, выносимое представителем ОВД, о недопустимости экстремистских проявлений.

Предупреждения и требования уполномоченного администрации во время проведения ПМ должны быть обращены к организатору в присутствии уполномоченного от ОВД, желательно с фиксацией на аудио-, видеоносители. При отказе организатора от их выполнения принимается следующее решение. Это может быть требование о временном или полном прекращении ПМ, просьба о содействии в прекращении нарушения общественного порядка. Практике известно много случаев, когда слаженные действия взаимодействующих сторон (ОВД и муниципалитета) исправляли самые критические ситуации. Но были и случаи рассогласованности действий, которые вели к печальным результатам (насмешки над властью, демонстративное продолжение нарушений).

Согласование численности участников ПМ – обязательное условие взаимодействия. От этого зависит объективность информации, передаваемой вышестоящему руководству, вплоть до федерального центра. Нужно понимать, что информация о ПМ стекается в одном месте для правильной оценки общественно-политической ситуации в населенном пункте, регионе, стране.

Важные правила:

1. Не допускать рассогласованности мнений и действий муниципального чиновника и полицей-

ского при оценке происходящего на ПМ – есть состав правонарушения или нет, нужно пресекать действия или нет, вызывать подкрепление или ограничиться имеющимися силами. Это должно происходить скрытно от окружающих, без выражения эмоций, быстро и конкретно.

2. Устраивать публично дебаты между собой – абсолютно неприемлемый вариант поведения полицейского и муниципального чиновника во время ПМ. Уважение и поддержка – залог успешного взаимодействия.

Литература

1. О порядке проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований на территории Алтайского края: закон Алтайского края от 31.12.2004 № 76-ЗС.

2. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях [Электронный ресурс]: закон Российской Федерации от 19.04.2004 № 54-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А.Ю. Лукьяненко

ГУ МВД России по Алтайскому краю

НЕИЗГЛАДИМЫЕ СИМВОЛЫ НАСЛЕДИЯ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ НА ТЕЛЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. ПРОБЛЕМЫ ТАТУИРОВАНИЯ НАЦИСТСКОЙ СИМВОЛИКИ

С момента победы над нацистской Германией и ее идеологией прошло больше 70 лет, но и в наше время возникает проблема пропаганды или демонстрация нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходной с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения [3]. Наравне с данной проблемой немаловажной является проблема нанесения людьми разного возраста нацистской атрибутики или символики на собственное тело, т.е. ее татуирование.

По информации электронного справочника «2 ГИС» в г. Барнауле находится 21 организация (салоны, студии), оказывающие услуги по нанесению художественной татуировки. В основном они расположены в центре города (максимальное скопление учреждений профессионального и высшего образования), а также в спальных районах и новостройках Индустриального района (места скопления молодежи и молодых семей).

Чем же регламентирована деятельность тату-салонов (студий)?

На деятельность организаций и предприятий независимо от их организационно-правовой фор-

мы и на индивидуальных предпринимателей, оказывающих услуги косметического татуажа, распространяется ГОСТ Р 55700-2013 «Услуги бытовые. Косметический татуаж. Общие требования».

Согласно п. 3.1 данного ГОСТ косметический татуаж – услуга косметического характера и назначения по удовлетворению эстетических потребностей клиента путем введения пигментов в кожу человека. А согласно примечанию п. 3.1 термин «татуаж» является синонимом терминов «тату» и «татуировка» [2].

В современном мире существует понятие художественная татуировка, которая является определенным видом искусства боди-арт. Также стоит выделить такой вид татуировок, как нацистская свастика.

Свастика – санскритское наименование символического знака, изображающего крюковой крест (у древних греков этот знак, ставший им известным от народов Малой Азии, назывался «тетраскеле» – «четвероногое», «паук»).

С 1923 г., накануне «пивного путча» Гитлера в Мюнхене, свастика становится официальной

эмблемой гитлеровской фашистской партии, а с сентября 1935 г. – главной государственной эмблемой гитлеровской Германии, включенной в ее герб и флаг, а также в состав эмблемы вермахта – орла, держащего в когтях венки со свастикой.

Также гитлеровской Германии использовались и другие символы: «Молнии СС»; «Мертвая голова» (Totenkopf); «88»; руны и руноподобные символы, например, Одал, Вольфсангель.

За короткий исторический срок, не просуществовав и полных десяти лет, свастика становится символом варварства и человеконенавистничества, эмблемой всех зверств и преступлений фашизма [4].

За демонстрацию нацистских символов и символики экстремистских организаций предусмотрен штраф статьей 20.3 КоАП РФ [3].

Данный факт об отсутствии ответственности за детальность тату-мастеров по нанесению тату с нацистской символикой находит отражение в статье Р. Аветисян и А. Змановской «В тату-салонах России запретят наносить свастику».

В данной статье говорится о разрабатываемом Госдумой законопроекте, запрещающим тату-салонам наносить клиентам свастику, нацистские символы; предлагается ужесточить штраф за публичную демонстрацию символики: для физических лиц штраф должен составить от 5 тыс. до 10 тыс. рублей, а для юридических – от 100 тыс. до 500 тыс. рублей [1].

К сожалению, в стране, которая победила фашизм и нацистскую Германию, среди российских граждан имеются люди с татуировками нацистской символики.

Так в декабре 2013 г. в городе Бийске Алтайского края было возбуждено административное дело по ч. 1 ст. 20.3 КоАП (публичное демонстрирование нацистской символики) против ранее судимого молодого человека, опубликовавшего в социальной сети «ВКонтакте» фотографии с нацистской символикой, в том числе фото собственных татуировок со свастикой [5].

Данный случай не является единичным, что находит свое отражение в практике решений судов других регионов Российской Федерации.

Даже единичный случай пропаганды нацистской символики посредством средств массовой информации (далее – СМИ) или информационно-телекоммуникационной сети Интернет охватывает весьма обширный круг людей, и в некоторых случаях, может вызвать «вау-эффект» у молодых людей в силу ограниченности их понимания социального опыта и познаний исторических событий.

Также в настоящее время особую популярность татуировки набирают среди зна-

менитостей-спортсменов (А. Емельяненко, Р. Павлюченко и др.) и звезд российского шоу-бизнеса (Тимати, Наргиз, И. Охлобыстин и др.). Данная категория носителей часто освещается в СМИ, в сети телекоммуникационного и информационного вещания Интернет, и становится поводом для обсуждения и подражания среди молодежи. Кроме того, татуировки в виде различных надписей, символов, узоров и художественных рисунков сегодня присущи людям не только разных социальных слоев населения, но и разного возраста, что говорит о глобальной социализации татуировки.

К основным мотивам, побуждающим подростков нанести татуировку, могут относиться: стремление вызвать интерес у противоположного пола; подражание сверстникам, знаменитостям из мира шоу-бизнеса и спорта; стремление выделиться в кругу друзей; желание казаться взрослее, чем они есть на самом деле; протест против правил и ограничений, устанавливаемых взрослыми; потребность к принадлежности к какой-либо группе. Иногда нанесение татуировки подростком может быть вызвано другими причинами (например, «на спор», под влиянием общества или даже экстремистской организации).

Однако желания подростков редко совпадают с их возможностями, и в таком случае их выбор падает на индивидуального тату-мастера, работающего на дому. При этом в домашних условиях могут быть нанесены татуировки, содержащие нацистскую символику.

Учитывая вышесказанное, можно сформулировать следующие предложения:

1. Разработать и утвердить перечень запрещенных символов, в т.ч. символы нацистской свастики и символики, связанной с нацистской атрибутикой или символикой либо атрибутикой или символикой, сходной с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, утвержденный Минюстом России.

2. Внести поправку в ст. 20.3 Кодекса об административных правонарушениях (КоАП) РФ, запрещающую тату-салонам наносить клиентам татуировки, содержащие запрещенные символы.

3. Регламентировать законодательно деятельность тату-салонов (студий) и тату-мастеров в области оказания услуги по нанесению татуировки, лицензированию их деятельности в сфере медицинских услуг.

4. Проанализировать и обобщить опыт судебной практики по вопросу применения татуировок с запрещенной символикой, в т.ч. нацистской, а также законного основания по удалению указанных татуировок.

Литература

1. Аветисян Р., Змановская А. В тату-салонах России запретят наносить свастику // Известия. 2015. 3 февр. URL: <https://iz.ru/news/582439> (дата обращения: 12.11.2017).
2. ГОСТ Р 55700-2013. Услуги бытовые. Косметический татуаж. Общие требования. Введ. 2014-10-01. М.: ФГУП «Стандартинформ», 2013. 19 с.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.10.2017, с изм. и доп. от 29 июля 2017 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М.: ЗАО Центрополиграф, 2004. 543 с.
5. Приверженец фашизма получит 15 суток за пропаганду свастики на Алтае URL: <http://www.asfera.info/news/one-83727.html> (дата обращения: 12.11.2017).

С.В. Моисеев, канд. ист. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ – НОВЫЕ ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Активные действия вооруженных сил Сирийской Арабской Республики и подразделений армии России, направленные на ликвидацию формирований боевиков, как показывают события, носят успешный характер. Становится очевидным тот факт, что с ИГИЛ (деятельность запрещена на территории Российской Федерации), Джебхат ан Нусра и их сторонниками будет покончено в ближайшее время. Идеологический проигрыш боевиков наступил еще раньше, как только стали известны свидетельства крайней жесткости исламистов и насилия, проявляемые ими в отношении всех без исключения несогласных, вне принадлежности к религии. Средневековые идеи «псевдоджихада», выдернутые лидерами террористов из религиозных исламских текстов и получившие новую, осовремененную трактовку, объективно не могли стать долговечными в условиях XXI века. В сущности, армия убийц изначально была обречена на поражение. Однако стоит сказать о том, что решение этой проблемы влечет за собой появление новых и борьба с экстремизмом и терроризмом не закончится с ликвидацией ИГИЛ и их сторонников в Сирии и Ираке.

Анализ деятельности различных экстремистских религиозных политических организаций, действующих на территории нашего государства и сопредельных стран, показывает, что они достаточно быстро и успешно приспосабливаются

к новым условиям [7]. В качестве примера таких можно привести запрещенные в Российской Федерации экстремистские группировки «Хизб-ут Тахрир аль-ислами», «Джамаат Таблиг», «Нурджулар», активно осуществлявшие деструктивную деятельность в Западно-Сибирском регионе [3, с. 6-16; 8, с. 7-21; 9, с. 7-15].

Террористический акт, произошедший 3 апреля 2017 года в г. Санкт-Петербурге, резкий рост террористической и экстремистской активности в 2016-2017 гг. в Республике Казахстан, продолжающийся количественный рост мигрантов, прибывающих на территорию Российской Федерации из республик Центральной Азии, актуализировал обращение к проблеме изменения географического вектора экстремистской и террористической угроз [4].

Как свидетельствуют события последних двух лет, связанные с экстремистскими проявлениями и террористической активностью, основную часть организаторов и исполнителей составляют исламисты, представляющие различные организации. Несмотря на то что каждая группировка имеет свои характерные особенности деятельности, отличные от других, существуют и общие черты. Так, все группы и организация в целом имеют своего духовного наставника и руководителя, структура группировки имеет сетевой вид, действуют независимые друг от друга ячейки на

принципе взаимной координации, явная иерархия не присутствует, рядовые члены организации не общаются напрямую с лидерами, во всех организациях значительное внимание уделяется пропагандистской работе среди населения и вне зависимости от национальности акцентируется внимание на устранении либо нейтрализации традиционных мусульманских лидеров, усиливается деятельность по привлечению новых адептов в местах лишения свободы из числа лиц, совершивших тяжкие уголовные преступления, совершенствуются технические способы пропаганды и вербовки.

Среди получивших известность в последние три года видов религиозного политического экстремизма в последнее время начинает выделяться так называемый «мигрантский», или «ферганский», получивший распространение в среде мигрантов из стран Центральной Азии. Причина возникновения и развития этого движения заключается в активизации деятельности проповедников из стран Персидского залива и Саудовской Аравии и за счет миграции исламистов, которые выделяются высокой криминальной активностью [7].

В настоящее время существует вероятность того, что в связи с отвлечением внимания специальных силовых структур на обеспечение операции в Сирии и отслеживание провокационных действий со стороны украинских властей, поддержание контроля над ситуацией на Северном Кавказе представители радикальных экстремистских движений, базирующихся в странах Центральной Азии, будут стремиться к активизации своей деятельности на территории Российской Федерации. Особую остроту этому направлению в развитии событий придает процесс возвращения боевиков из Сирии и Ирака, как граждан России, так и стран СНГ. Таким образом, смещается географический вектор экстремистской и террористической угроз от Северного Кавказа, где власти субъектов и силовики научились успешно пресекать экстремистские проявления и деятельность бандформирований к достаточно протяженным азиатским границам России.

В последнее время значительные усилия государства как на федеральном, так и на уровне субъектов акцентированы на создание эффектив-

ных механизмов противодействия незаконной миграции. Однако, несмотря на принимаемые меры число нарушений законодательства, выявленных только прокуратурами, в этой сфере за 2016 г. достигло 40 тысяч. Интернет заполнен предложениями о различных способах заключения фиктивных браков, продаже паспортов гражданина Российской Федерации, видов на жительство и иных документов, подтверждающих законность пребывания на территории государства. Так, в Алтайском крае, Республике Саха – Якутия и в других регионах прокуроры были вынуждены добиваться через суды блокировки доступа к таким сайтам [1].

В качестве примера, в Алтайском крае ситуация в рамках рассматриваемой проблемы выглядела следующим образом. В 2016 г. было зарегистрировано 26 преступлений экстремистской направленности, 19 с использованием сети Интернет, 89 административных правонарушений, 84 совершены с использованием сети Интернет, 36 фактов распространения экстремистских материалов [2].

Кроме чисто криминального аспекта проблемы трансграничных территорий существует риск распространения пропаганды экстремистских религиозных организаций, позиционирующих себя в качестве «исламских». Определить на пограничном пункте пропуска, является ли тот или иной приехавший представителем какого-либо политического движения, практически невозможно и требует значительных усилий по поиску информации, что занимает большое количество времени и, по сути, дает малый эффект. Также нет возможности определить принадлежность содержания ввозимой литературы, так как требуются специальные знания теологического характера, владение восточными языками. В настоящее время эта проблема не разрешена и скорее всего не будет решена в ближайшем будущем.

В складывающейся ситуации положение российских трансграничных регионов оказывается в зависимости от географического изменения экстремистской и террористической активности, взаимосвязанного с увеличением миграционных потоков, следствием чему может стать рост нестабильности и угроз общественной безопасности.

Литература

1. Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 26 апреля 2017 г. URL: <https://genprok.gov.ru>.
2. Информационно-аналитические материалы к отчету начальника Главного управления МВД России по Алтайскому краю генерал-лейтенанта полиции О.И. Торубарова перед депутатами Алтайского краевого Законодательного Собрания. Сведения о состоянии оперативной обстановки и

результатах деятельности органов внутренних дел Алтайского края за 2016 год. Противодействие организованной и групповой преступности, терроризму и экстремизму. URL: <https://22.мвд.рф/Dejatelnost/otchinas> (дата обращения: 22.10.2017).

3. История происхождения и деятельность экстремистской организации «Хизб-ут Тахрир»: учебно-методическое пособие / сост. С.В. Моисеев, М.О. Тяпкин. Барнаул: БЮИ МВД России, 2013. 31 с.

4. Казымова Е. Теракт в Санкт-Петербурге, сегодня 3 апреля 2017 года. URL: <https://chto-proishodit.ru> (дата обращения: 25.10.2017).

5. Мостовой З. 12 терактов предотвращено в Казахстане за 2016 год. URL: <https://365info.kz> (дата обращения: 25.10.2017).

6. Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам – членам ОДКБ на центрально-азиатском и афганском направлениях / под ред. И.Н. Панарина, А.А. Казанцева. М.: Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017. 50 с.

7. Шибутов М.М. Терроризм в России – нарастающая динамика. URL: <http://rusrand.ru>.

8. Экстремистская организация «Нурджулар»: история происхождения, деятельность, проблемы противодействия: учебно-методическое пособие / С.В. Моисеев, А.М. Шаганиян. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. 31 с.

9. Экстремистская религиозная партия «Джамаат Таблиг»: история происхождения, деятельность, проблемы противодействия: учебно-методическое пособие / С.В. Моисеев, А.М. Шаганиян. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. 22 с.

*Ни Юйся, магистр техн. наук
Синьцзянская полицейская академия*

РИСК ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ НОВЫМИ ВИДАМИ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ И МЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ

В последние годы без должного внимания государственного контроля над психическими наркотическими средствами новые психоактивные вещества пользуются огромным спросом на рынке, что значительно увеличивает трудность и сложность работы по борьбе с наркотиками. Сталкиваясь с проблемой сверхпопулярности новых психоактивных веществ, многие страны разработали соответствующие законодательные и нормативные меры, а также работают над созданием механизмов борьбы с угрозой появления новых психоактивных веществ. Таким образом, китайские органы по борьбе с наркотиками также обратили внимание на риск употребления новых психоактивных веществ, а также сделали акцент на разработку системы профилактики и контроля по борьбе с наркотиками. В данной работе исходя из определения концепции новых психоактивных веществ проанализирована и обобщенно представлена ситуация употребления новых психоактивных веществ и ее характерные тенденции,

предложены специальные меры мониторинга и регулирования оборота новых психоактивных веществ для предотвращения более серьезной проблемы злоупотребления психоактивными веществами.

Обзор новых психоактивных веществ

1. Концепция нового психоактивного вещества

Сходства и различия существуют между новыми психоактивными веществами, психоактивными средствами и наркотиками. Чтобы понять концепцию нового психоактивного вещества, нужно сначала понять взаимосвязь между этими тремя наименованиями.

Во-первых, связь между психоактивными средствами и наркотиками.

Во-вторых, связь между новыми психоактивными веществами и психоактивными средствами.

С учетом этого, с точки зрения реальной ситуации злоупотребления наркотиками в нашей стране понятие новых психоактивных веществ

трактуются следующим образом: так называемые новые психоактивные вещества – это вещества, которые еще не находятся под полным государственным контролем и могут вызывать у человека зависимость, злоупотребление или создают реальную или потенциальную угрозу для здоровья и безопасности населения. Эта концепция не полностью соответствует определению, данному вышеупомянутым международным агентством по борьбе с наркотиками, поэтому предложение и введение новой концепции новых психоактивных веществ может помочь нам всесторонне и глубоко понимать существующие проблемы злоупотребления наркотиками, в частности причины появления разнообразных видов новых психоактивных веществ.

2. Основные типы новых психоактивных веществ

Новые психоактивные вещества (NPS) представляют собой промежуточные переходные состояния от психоактивных веществ к наркотикам. Диапазон видов NPS непрерывно изменяется, новые виды продолжают появляться, некоторые виды также были внесены в перечень наркотиков из-за злоупотреблений со стороны граждан некоторых стран. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности в докладе «Вызов новых психоактивных веществ 2013 года» перечисляло 7 видов наиболее опасных NPS ныне по всему миру, таких как:

1. Синтетические каннабиноиды (Synthetic Cannabinoids).
2. Синтетические катионы (Synthetic Catchiness).
3. Кетамин (Ketamine).
4. Фениламины (фенометиламины (Phenethylamines)).
5. Пиперазины.
6. Растительные вещества (Plant-based substances).
7. Другие новые психоактивные вещества (Miscellaneous substances).

Вышеуказанные семь категорий веществ главным образом были обнаружены на международном рынке, некоторые из них были постепенно включены в «Каталог психотропных препаратов» в нашей стране для регулирования, такие как катион, меткатион, кетамин, 2C-B и т.д.

3. Характеристики новых психоактивных веществ

1. Новые психоактивные вещества не полностью регулируются государством.
2. Уровень потребления новых психоактивных веществ растет.

3. Новые психоактивные вещества обновляются быстрее, метод их синтеза прост.

4. Риск злоупотребления новыми психоактивными веществами

Эти новые психоактивные вещества, идентифицированные ЮНОДК (UNODC), стали представлять серьезную угрозу в мировом масштабе. Некоторые из этих NPS классифицируются как наркотики некоторыми странами, в то время как другие по-прежнему свободны от мер контроля над наркотиками в разных странах. Наркопреступники используют инструменты лоббирования в национальных антинаркотических мероприятиях между странами, продолжают искать и производить новые NPS и распространяют их в остальных частях мира через производство и наркобизнес. Согласно публикации ЮНОДК «Вызовы новых психоактивных веществ 2013 года», в настоящее время из 80 основных стран мира в 70 оказались NPS, такие как в Океании – 2, 7 в Африке, в Северной и Южной Америке – 11, Азии – 19, Европе – 31.

В целом, риск злоупотребления новыми психоактивными веществами в основном проявляется в следующих четырех аспектах:

1. Привлечение людей к употреблению путем создания легального, незапрещенного образа.
2. Поток из регулируемых регионов в неконтролируемые регионы для поиска и развития новых потребительских рынков.
3. Отсутствие заметного вреда здоровью на ранних этапах употребления может в конечном итоге привести к серьезным проблемам общественного здравоохранения.
4. Негативное влияние на способность самосознания и самоконтроль лиц, злоупотребляющих NPS, может легко привести к серьезным последствиям, которые угрожают общественной безопасности.

5. Проблемы профилактики и контроля над новыми психоактивными веществами

(А) Реальная угроза новых психоактивных веществ.

(В) Лазейки в регулировании оборота новых психоактивных веществ.

1. Соответствующие вспомогательные законы и правила не успевают за развитием рынка.
2. Отсутствие экспертных оценок и экспертиз данных веществ вводит в заблуждение возможных потребителей.
3. Отсутствие сотрудничества на региональном уровне затрудняет своевременное получение соответствующей разведывательной информации.

(С) Вызовы, которые новые психоактивные вещества поставили перед системой противодействия наркотикам и контроля в Китае.

В последние годы употребление и оборот новых психоактивных веществ в нашей стране резко привлек внимание международного сообщества. Во-первых, синтетические психоактивные вещества, такие как синтетические кетоны и кетамин, в Китае, Гонконге и Тайване были перечислены в качестве незаконных наркотиков, но злоупотребление ими продолжает расти. Вопрос о производстве NPS в Китае и соседних с ним странах вызвал всеобщую обеспокоенность международного сообщества. В годовом отчете Международного комитета по контролю над наркотиками 2012 г. подчеркивается: «Существует все больше доказательств того, что в Китае и Индии производят много новых психоактивных веществ. Комитет настоятельно призывает правительства Китая и Индии изучить этот вопрос и предпринять решительные действия, чтобы предотвратить производство новых психоактивных веществ на своей территории».

Статьи 19, 20 «Закона по борьбе с наркотиками Китая» предусматривают реализацию системы лицензирования культивации наркосодержащих растений, Статья 21 также предусматривает реализацию системы лицензирования связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами. В статье 3 Положения об управлении наркотическими средствами и психоактивными веществами говорится, что «наркотики и другие вещества, продаваемые, но еще не включенные в каталог, или злоупотребление психоактивными веществами второй категории, которые вызвали или могут нанести серьезный социальный вред, должны быть исследованы уполномоченными государственными органами. А Государственное управление по лекарственным средствам вместе с органом общественной безопасности и компетентным департаментом здравоохранения при Государственном совете незамедлительно включают лекарство и вещество в каталог или корректируют психотропное вещество второго типа на первый тип психотропного вещества». В ст. 2 Положения об управлении химическими наркотическими веществами говорится: «Если необходимо скорректировать классификацию и разновидности химических наркотических веществ, орган общественной безопасности Государственного совета совместно с

органом управления продуктами питания и лекарственными средствами при Государственном совете, департамент надзора и управления производственной безопасностью, компетентным департаментом торговли, Компетентными органами здравоохранения и Главным таможенным управлением выдвигают предложения и представляют их в Государственный совет для утверждения». Из всего этого мы можем сделать вывод, что в Китае существует трехступенчатый процесс контроля над наркотиками: мониторинг – оценка – решение о том, следует ли контролировать оборот данных веществ. Но этот процесс не включает новые психоактивные вещества в канал регулирования, не хватает исследований коренных причин злоупотребления новыми психоактивными веществами. Если мы не управляем новыми психоактивными веществами и не контролируем увеличение их оборота до серьезных злоупотреблений, мы упускаем время для предотвращения и пресечения злоупотребления синтетическими наркотиками и поощряем создание ситуации, которая еще больше выходит из-под контроля.

6. Контроль над новыми психоактивными веществами

(А) Пропаганда ООН по профилактике и борьбе с новыми психоактивными веществами.

(В) Исследования ЕС по новым психоактивным веществам.

© Создание механизма предупреждения и контроля над новыми психоактивными веществами в Китае.

1. Совершенствовать правовую систему профилактики и борьбы с новыми психоактивными веществами.

2. Создать всеобъемлющий многоуровневый механизм мониторинга и управления новыми психоактивными веществами.

Таким образом, производство и употребление новых психоактивных веществ неуклонно растет, и если в ближайшем времени не разработать меры по контролю за их оборотом, то в скором времени они начнут представлять серьезную угрозу для здоровья населения и общественного порядка. Так что Китай должен ускорить процессы сотрудничества с международным сообществом, предпринимать совместные действия для предотвращения и борьбы с изготовлением новых психоактивных веществ, наркотиков, тем самым воплощая цель создания системы борьбы с оборотом наркотических веществ.

Литература

1. Чжан Ли, Чжан Туо. Исследование проблемы профилактики злоупотребления и контроля над новыми психоактивными веществами. Китайский Народный университет общественной безопасности (Social Science Edition), 2013.

2. Сюй Пэн, Лю Кэлин; Гао Лишэн. Исследовательский прогресс новых видов наркотиков // Китайский журнал лекарственной зависимости. 2012. № 6.
3. Чжан Тао. Тестирование на наркотики и идентификация. Пекин: Издательство Китайского народного университета общественной безопасности, 2011.

А.В. Ошеев

Уфимский юридический институт МВД России

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПОИСК ДЕЙСТВЕННЫХ МЕТОДОВ БОРЬБЫ С НИМ

Самую большую опасность для всего человечества представляет такое набравшее в последнее время силу явление, как терроризм, имеющий транснациональную распространенность. Терроризм считается одним из наиболее разрушительных для государства и общества элементов преступности. Имея разные формы проявления, он превратился в одну из самых острых и злободневных проблем глобальной значимости.

В развитии терроризма в последнее время прослеживается ряд достаточно четких тенденций, изучение которых имеет немаловажное значение как для понимания данного явления как глобальной угрозы человечеству, так и для научной разработки системы мер, которые необходимы для результативной борьбы с ним [1, с. 55].

Одной из общих современных тенденций терроризма выступает увеличение его общественной опасности для граждан, государства и международного сообщества в целом. Возрастающая угроза терроризма определяется тем, что он становится одним из методов решения политических вопросов, распространяется во всех странах мира, применяется насилие и разрушительные средства [4, с. 101].

Еще одна тенденция, присущая современному терроризму, связана с увеличением его социальной базы, расширением форм и способов вовлечения в политическую экстремистскую деятельность и, как следствие, значительное увеличение числа вовлекаемых (объектом вовлечения становятся граждане самых разных стран). Сегодня очевидной оказывается активизация террористических проявлений, что во многом обусловлено увеличением возможностей для создания более обширной инфраструктуры террористических организаций,

наличием дополнительных трудностей для выявления и пресечения террористических акций, деятельностью их лидеров и исполнителей [5, с. 24].

Кроме того, терроризм принял характер долговременного фактора современной политической жизни, стал постоянным явлением в развитии общества. За последнее время терроризм не только превратился в широко распространенный феномен социально-политических отношений в основных регионах мира, но и приобрел социальную устойчивость вопреки всем активным усилиям по его локализации и искоренению, которые предпринимаются как в рамках отдельных стран, так и на уровне мирового сообщества [9, с. 117].

Существует и ряд других факторов, обуславливающих активизацию террористической деятельности. Рост национализма, распространение религиозного и религиозно-политического экстремизма, регионального и национального сепаратизма, обострение радикализма и др., а также ряд других асоциальных явлений будут продолжать оказывать определяющее влияние на развитие терроризма [6, с. 39]. Нельзя не отметить и новый по своему качеству уровень организации террористической деятельности [2, с. 87], в частности, речь идет:

- о создании развернутой инфраструктуры террористической деятельности;
- наличии у многих экстремистских структур развитых связей с политическими организациями и источниками средств преступной деятельности внутри страны и за рубежом;
- наличии механизма пропагандистского обеспечения деятельности наиболее значительных террористических формирований [8, с. 111], например, использование и распространение экс-

тренистской литературы, пропаганда через различные социальные сети и др.

Не последнее место в цепи тенденций, присущих современному терроризму, занимает создание блоков террористических группировок на территории отдельной страны и в международном масштабе. Прежде всего сюда относятся формирование и осуществление сотрудничества между структурами, которые близки или подобны по своим идейно-политическим позициям [7, с. 264]. Например, Вилаят Синай – экстремистская исламистская группировка боевиков на Синайском полуострове – присягнула на верность Исламскому государству.

Серьезное политическое и оперативное значение имеет тенденция объединения терроризма и организованной преступности. В различных странах мира данный процесс протекает неодинаково; это во многом объясняется различными уровнями организованной преступности в данных странах,

а также степенью и формой ее претензий на участие в политической власти [10, с. 70].

Базой для объединения организованной преступности и терроризма выступает необходимость финансирования террористических структур для успешного функционирования, приобретения оружия и т.д. Наглядным примером подобного сотрудничества является участие некоторых террористических организаций Латинской Америки в наркобизнесе [3, с. 119]. Объединение терроризма с организованной преступностью дает возможность значительного расширения финансовых, материальных и оперативных возможностей терроризма, усиления его инфраструктуры.

Таким образом, выделяя наиболее важные тенденции развития современного терроризма, возможно определить и пути борьбы с ним – разработать новые действенные методы предотвращения и профилактики подобного рода преступных действий.

Литература

1. Антонян Ю.М., Антонян Ю.М., Ростокинский А.В., Гилинский Я.И. Экстремизм и его причины: монография. 2-е изд. М.: Логос, 2013.
2. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Международные отношения в XXI веке. М.: Восток-Запад, 2011.
3. Белоцерковский С.Д., Васнецова А.С., Гуськов А.Я. Борьба с организованной преступностью, терроризмом и экстремизмом: монография. М.: Юрлитинформ, 2012.
4. Бычков В.В., Сабитов Р.А., Сабитов Т.Р. Противодействие преступлениям экстремистской и террористической направленности: криминологические, уголовно-правовые и криминалистические аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2013.
5. Власов В.И. Экстремизм, терроризм, сепаратизм: политико-правовое осмысление в условиях глобализации: лекция. М.: РАГС, 2011.
6. Иванов Э.А. Ответственность международных террористических организаций: монография. М.: Юрлитинформ, 2013.
7. Косов Ю.В. Мировая политика и международные отношения: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2012.
8. Хмелев В.Л. Современные международные отношения. Томск: Изд-во Томского политех. ун-та, 2010.
9. Щебланова В.В. Динамика рисков современного терроризма: монография. Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2010.
10. Эриашвили Н.Д., Казанцев С.Я. Терроризм и организованная преступность: монография. 2-е изд. М.: Юнити-Дана, 2010.

М.Е. Репин

УМВД России по г. Нижнему Новгороду

Д.Д. Серебровская

Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

КОРРУПЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КУДА МЫ ДВИЖЕМСЯ?

На протяжении нескольких последних лет коррупция в Российской Федерации неуклонно растет, несмотря на множество принятых антикоррупционных нормативных правовых актов. Главное место в списке источников права антикоррупционной политики занимают Федеральный закон РФ «О противодействии коррупции» [10] и Указ Президента РФ «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016-2017 годы» [8].

Согласно последнему докладу Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 1 полугодии 2017 г. было выявлено 21539 преступлений коррупционной направленности, что на 5,1% больше, чем в аналогичный период прошлого года (АППГ – 20319) [4].

Государство воспринимает коррупцию как систематичное явление, возникшее в результате развития общества и государственно-правовых отношений между различными его членами. Поэтому имеет место необходимость принятия определенных действенных мер со стороны государства по предотвращению и противодействию коррупционных отношений.

Эксперты говорят, что проблему необходимо решать усилением роли парламента и общественных организаций. Одной из основных причин проблемы является недостаточный контроль и надзор со стороны законотворцев. Бороться с коррупцией можно только с помощью усиления института законодательной власти.

Принятый Федеральный закон о парламентском расследовании сейчас практически не работает [9]. Одним из выходов может послужить возможность созыва парламентской комиссии по расследованию коррупции на разных уровнях РФ, в т.ч. и на уровне субъектов РФ. Итоговое решение парламентской комиссии, если оно несет отрицательный характер, должно послужить весомым аргументом для органов предварительного расследования для последующего возбуждения уголовного дела.

Также в борьбе с коррупцией помимо парламентского расследования необходимо создавать

общественный контроль. Если мы действительно хотим «изжить» коррупцию, то нужно создавать институты общественного контроля, институт контроля доходов и расходов, не с помощью чиновников, а с помощью самих «рядовых» граждан России.

Общественный контроль в России отчасти уже существует. Одной из его форм можно считать контроль за соблюдением антикоррупционного законодательства.

Мы полностью солидарны с бытующим мнением некоторых известных авторитетных отечественных ученых и практиков о том, что антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов – одна из эффективнейших мер профилактики коррупции в условиях современного общества [1, с. 280-282; 2, с. 36-39; 3, с. 20-25; 5, с. 176-178]. Целью такой экспертизы является выявление коррупциогенных факторов и их последующее устранение [6]. Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе» устанавливает правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов [7].

В настоящее время предпринимается немало попыток для снижения уровня коррупции. Так, на сегодняшний день, в России созданы такие антикоррупционные организации, как:

1. Российское Антикоррупционное партнерство.
2. Общероссийская Общественная Организация «Комиссия по борьбе с коррупцией».
3. Межрегиональное общественное движение «Против коррупции».
4. Межрегиональная Общественная Организация «Общественный Антикоррупционный комитет».

Но, несмотря на все предпринимаемые старания в рамках проводимых мероприятий, основным направлением которых является снижение уровня коррупции, он по-прежнему остается достаточно высоким и вызывает серьезные опасения и тревогу. Такой застой может быть обуслов-

лен следующими основными причинами и проблемами:

- органы власти с неохотой предоставляют информацию о своей деятельности, которая зачастую является не совсем соответствующей действительности;

- некоторые представители от институтов общественного контроля недостаточно компетентны и подготовлены в вопросах применения антикоррупционных мер;

- структуры гражданского общества слабо мотивированы на участие в мероприятиях, направленных на предупреждение коррупции (например, отказ от участия в общественных слушаниях).

Мы считаем, чтобы обеспечить эффективный контроль и надзор со стороны общества в сфере борьбы с коррупцией и различными ее проявлениями, следует решать существующие проблемы путём формирования понятия среди должностных лиц органов государственной власти о том, что положительный эффект от снижения уровня коррупции получают не только сами граждане, но и должностные лица органов государственной вла-

сти, органов местного самоуправления, чья деятельность станет значительно эффективней.

В настоящее время Россия занимает 131-е место (из 176 имеющихся в списке стран) по уровню восприятия коррупции [11]. Противодействие коррупции – огромная проблема в государственном и муниципальном управлении России. На сегодня проблема коррупции в Российской Федерации приобретает все более глобальный характер и наносит ущерб не только экономическому, но и социальному развитию государства и общества:

- ущемляет права и свободы граждан;
- разрушает политические ценности государства;
- дискредитирует государственный аппарат и т.д.

К нашему сожалению, совсем искоренить коррупционные проявления нереально и невозможно. Всем хорошо известен тот факт, что коррупция имеет прочное основание и фундамент в социальном, политическом и экономическом устройстве общества и государства. Однако при этом есть реальная возможность и необходимость хотя бы снизить её глобальные, пугающие масштабы.

Литература

1. Афанасьев А.Ю. Коррупциогенность законодательства как причина экономической преступности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 280-282.
2. Афанасьев А.Ю., Лубин А.Ф., Миловидова М.А. Судебная антикоррупционная экспертиза правовых актов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 36-39.
3. Афанасьев А.Ю., Репин М.Е. Экспертиза правовых актов на коррупциогенность: базовая методика // Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях: мат-лы IV междунар. научно-практ. конф-ции (Уфа, 1 октября 2015 г.). Уфа, 2015. С. 20-25.
4. Генеральная прокуратура Российской Федерации: Аналитическая справка «О состоянии работы по выявлению коррупционных преступлений, следствия и прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью правоохранительных органов в сфере борьбы с коррупцией». URL: <https://www.genproc.gov.ru/anticor/doks/document-1124023/> (дата обращения: 22.11.2017).
5. Лубин А.Ф., Афанасьев А.Ю. Антикоррупционная экспертиза как культурное средство оптимизации уголовно-процессуального законодательства // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 176-178.
6. Независимая антикоррупционная экспертиза. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Независимая_антикоррупционная_экспертиза (дата обращения: 24.11.2017).
7. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Российская газета. 2009. 22 июля.
8. О Национальном плане противодействия коррупции на 2016-2017 годы: указ Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 // Российская газета. 2016. 13 апр.
9. О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации: федеральный закон от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ // Российская газета. 2005. 29 дек.
10. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Парламентская газета. 2008. 31 дек.
11. Россия опустилась... URL: <https://lenta.ru/news/2017/01/25/corruption/> (дата обращения: 20.11.2017).

*Сюй Хао Мяо, магистр юрид. наук
Синьцзянская полицейская академия*

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕР ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ТЕРРОРИЗМА ОДИНОЧЕК

В течение последнего десятилетия терроризм одиночек был одной из самых быстрорастущих форм терроризма. Преступный потенциал и возможный вред от террористической деятельности одиночек столь же высок, как и террористических групп. В качестве примера можно привести Андерса Брейвика, который 22 июля 2011 г. взорвал бомбу в Осло (Норвегия), убив 8 невинных людей, после чего он застрелил еще 69 людей на острове Утоя.

1. Причины формирования терроризма одиночек

1. Что такое терроризм одиночек?

Сам термин «терроризм одиночек» можно применять в широком и узком смыслах. В узком смысле терроризм одиночек конкретно относится к тем террористическим актам, которые стоят отдельно и не имеют какой-либо связи с какой-либо другой террористической организацией или террористической группой. В этом смысле только два преступника в настоящее время соответствуют этому определению: американский Унабомбер и норвежский Андерс Брейвик. В широком смысле терроризм одиночек применим к террористу, который не является ни членом террористической организации, ни выполняющим директиву любой террористической организации. Но террорист-одиночка не рождается в вакууме, он имеет духовные или организационные связи с террористическими организациями. Рошонара Чоудри решительно «радикализировалась» благодаря более чем 100 видеопроповедям Анвара аль-Авлаки, которые она самостоятельно нашла и скачала. Фейсал Шахзад, который пытался взорвать автомобильную бомбу на Таймс-сквер в Нью-Йорке, является членом пакистанского Талибана. Поэтому типичной особенностью терроризма одиночек является то, что он осуществляется в одиночку при планировании и осуществлении террористической деятельности без инструкций террористической организации или ее помощи. В данной работе мы используем данный термин в широком его смысле.

2. Классификация преступлений, связанных с терроризмом одиночек

Бейтс различает терроризм одиночек в целях создания хаоса и профессиональный терроризм одиночек. Первое относится к одному террористу-одиночке, который хочет создать единичный инцидент, в результате которого было бы большое количество жертв и который бы оказал значительное влияние на общественность, например Андерс Брейвик. Последнее относится к непрерывной реализации серии террористических действий, проводимых террористами-одиночками в течение длительного периода времени, таких как террористическая деятельность Унабомбера в Соединенных Штатах.

Основываясь на модели рационального выбора, Филлипс определил два основных типа террористов-одиночек: террористы, предпочитающие не рисковать, и террористы, готовые к рискованным действиям. Террористы-одиночки первого типа проводят «низкоуровневый цепной терроризм», поэтому время их активности может быть более продолжительным; напротив, одиночка, готовый на риск, готов рискнуть собой ради своих «высоких целей».

Пантуччи разделяет их на четыре категории на основе средств и контекста индивидуальной саморадикализации, также на основе тактики и доступной поддержки их участия в террористической деятельности: «одинокий» (loner), «одинокий волк» (lone wolf), «стая одиноких волков» (lone wolf pack) и «одинокий нападающий» (lone attacker).

3. Особенности терроризма одиночек

Во-первых, скрытность деятельности. Поэтому чрезвычайно сложно идентифицировать и захватить одиночек, и очень сложно предотвратить преступление терроризма одиночек.

Во-вторых, разнообразие средств. Одно из них заключается в том, что есть много каналов для одиночек, чтобы получать инструменты для совершения преступлений и овладеть методами для их совершения. Во-вторых, все больше и больше преступлений с так называемой «низкой себестоимостью», т.е. с использованием примитивных средств вроде холодного оружия, ножей, наездов с использованием личного автотранспор-

та, а в-третьих, фактор подражания привел к резкому росту террористической деятельности одиночек.

В-третьих, высокая опасность. Не сталкиваясь с ограничениями коллективного процесса принятия решений одиночки могут свободно совершать любые виды нападений, о которых они могут думать без малейшего страха перед возможными последствиями. Также одиночки не так боятся остаться без поддержки, как это делают некоторые террористические группы, не боятся преследования со стороны властей и, следовательно, могут осуществлять бесконечную эскалацию насилия.

4. Процесс превращения индивидуума в террориста

1) Уникальные психологические характеристики одиночек. Хотя большое количество исследований показало, что психические расстройства или психические аномалии не являются ключевыми факторами террористической деятельности, одиночки не являются типичными психопатами. Тем не менее исследования показали, что у некоторых одиночек очень мало друзей в повседневной жизни и они находятся в «социальной изоляции». Некоторые одиночки страдают от разного рода психических заболеваний, такие как Брейвик, который изначально был объявлен шизофреником, и позднее у него также было выявлено расстройство нарциссической личности, у Джареда Лаунера была затяжная депрессия и после ареста у него была диагностирована шизофрения.

2) Процесс психологической эволюции одиночек: формирование радикальных идей. Первый этап: подавляющее большинство одиночек страдают от какого-то неудачного жизненного опыта, такого как безработица, развод, смерть их близких, психологическое отторжение от общества. Второй этап: личная проблема ими начинает восприниматься как вина общества или государства, физические лица становятся политически мотивированными. Третий этап: поиск соратников в Интернете и саморадикализация с онлайн-наставниками. Четвёртый этап: скрывание и превращение в «бомбу замедленного действия». Основным канал индивидуальной саморадикализации – это Интернет.

Сотрудники ФБР США Макколи, Москаленко и Бонгхан Юн в 2006 г. разработали модель процесса, посредством которого индивид превращается в террориста.

3) Осуществление террористической деятельности. Только когда люди с радикальными идеями находятся на месте в определенное время и имеют соответствующие средства, они могут пред-

принять радикальные действия и осуществить террористические действия.

Последние два аспекта характеристик имеют большое значение для правоохранительных органов по выявлению и аресту одиночек, предотвращению их попыток организации террористических актов.

2. Механизм и меры предупреждения терроризма

(1) Установление правил, исключающих пассивное отношение к насилию и терроризму; (2) работа по искоренению причин и мотивов людей, вовлеченных в терроризм; (3) сдерживание преступлений посредством угрозы наказания или других негативных последствий; (4) прекращение планируемых террористических атак; (5) принятие мер, затрудняющих ведение террористической деятельности и создающих более серьезные риски для жизни и свободы лиц, замешанных в террористической деятельности; (6) снижение вреда от потенциальных террористических нападений; (7) сокращение желанных одиночками социальных последствий от террористических нападений; (8) арест активистов или потенциальных террористов; (9) обеспечение безопасности лиц и групп лиц, добровольно отказавшихся от участия в террористической деятельности.

3. Механизмы и меры по предотвращению преступности в терроризме одиночек

Основываясь на девяти механизмах предотвращения терроризма, выдвинутых Буойгом, можно предложить соответственные меры по борьбе с терроризмом одиночек. Механизмы и меры по предотвращению преступления одиночек в основном включают следующее:

1) Акцент на борьбе с терроризмом в Интернете. Если процесс вербовки, поддержки и обучения одиночек привязан к каким-либо онлайн-платформам, эти сайты должны контролироваться и изучаться.

2) Акцент на предупреждение ситуационной преступности. Самая большая потенциальная опасность терроризма одиночек – это сочетание радикальных идей, средств и возможностей для проведения радикальных действий.

3) Усиление мер технической профилактики. Расширение применения средств видеонаблюдения (CCTV) в общественных зданиях и других местах; Расширение применения техники биометрии, включая использование анализа походки для определения скорости, темпа и других характеристик идущего человека для того, чтобы определить, переносит ли он взрывчатые вещества или другое оружие, анализ выражения лица, чтобы предсказать враждебные намерения.

В.Г. Франк

Администрация города Барнаула

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ, ТЕРРОРИЗМУ

В настоящее время проблема борьбы с экстремизмом и терроризмом актуальна для города Барнаула. Для того чтобы избежать тенденции развития экстремизма и терроризма, следует предпринять меры по противодействию. Совокупность мер должна содержать план действий органов государственной власти на федеральном уровне, на уровне субъекта Российской Федерации, а также на муниципальном уровне. Немаловажным субъектом противодействия экстремизму и терроризму выступают граждане, формирующие активную позицию противодействия.

На сегодняшний день существует несколько законодательно закрепленных трактовок экстремизма и терроризма. Например, определение экстремизма содержится в Шанхайской концепции 2001 г. о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, ратифицированной Российской Федерацией. В российском законодательстве официальная трактовка понятия «экстремизм» закреплена в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

В юридической науке явление экстремизма может характеризоваться как распространение радикальных идей, догм, доктрин с целью устранить возможность осуществления свободного распространения и обмена идеями и установления собственной идеологии в качестве государственной.

Экстремизм – это многоаспектное противоправное общественно опасное явление, носящее асоциальный характер, охватывающее все сферы общественной жизни, имеющее целью подрыв государственных и общественных устоев посредством крайних насильственных методов, выраженное в неприятии иных суждений, а равно в силовом навязывании собственных догм обществу.

В ч. 1 ст. 3 Федерального закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» сформулировано определение понятия «терроризм» как центрального для всего данного закона [6]. Терроризм определяется как «идеология насилия и практика

воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международной организацией, связанные с устрашением населения и иными формами противоправных насильственных действий».

Понятие данного термина широко раскрыто учеными.

М.Ю. Антонян трактует понятие терроризм через категорию устрашения: «Терроризм – это в первую очередь устрашение, наведение страха, создание атмосферы ужаса для достижения каких-либо целей» [1]. Указывается, что главным признаком терроризма является самоустрашение, целью которого является достижение различных целей: денежных, политических, религиозных.

А.Г. Ткаченко дает схожее с Федеральным законом определение: «терроризм – это применение устрашающего насилия как средство воздействия на государство, общество или личность в политических или криминальных целях» [2].

Деятельность органов исполнительной власти в сфере противодействия экстремизму, терроризму можно разделить на три основных уровня: федеральный, региональный, муниципальный. Компетенцию органов исполнительной власти на федеральном уровне определяет Правительство РФ. Помимо определения компетенции, Правительство РФ проводит подготовку организации разработки мероприятий по противодействию экстремистской и террористической деятельности, а также реализации данных мероприятий.

Постановлением Правительства РФ от 4 мая 2008 г. № 333 «О компетенции федеральных органов исполнительной власти, руководство которых осуществляет Правительство РФ в области противодействия терроризму» установлены основные цели действия данных органов [5].

На уровне субъекта Российской Федерации полномочия определяются высшим должностным и высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ. В данный момент в Алтайском крае действует государственная программа «Противодействие экстремизму и идеоло-

гии терроризма в Алтайском крае». В программе определены стратегические направления развития регионального противодействия проявлениям экстремизма, распространения идеологии терроризма. Ее целью является создание эффективных мер для предупреждения распространения идеологии экстремизма и терроризма [3].

На муниципальном уровне полномочия органов исполнительной власти заключаются не в борьбе с терроризмом в прямом смысле, а в его предупреждении и профилактике.

Решением Барнаульской городской Думы от 29 августа 2013 г. «Об утверждении положения о полномочиях органов местного самоуправления по участию в профилактике терроризма и экстремизма» устанавливаются полномочия администрации города Барнаула, районов. Среди них следует выделить следующие полномочия: создание антитеррористической комиссии города; создание мер профилактики терроризма; устранение причин и условий, позволяющих проявляться терроризму; проведение мер по предупреждению насилия об общественной опасности терроризма [4].

В сфере средств массовой информации постоянно проводятся мероприятия, позволяющие формировать толерантное отношение к лицам

различных национальностей и конфессий посредством выхода публикаций. В специальных рубриках местных новостных программ освещаются вопросы, касающиеся противодействия экстремизму и терроризму.

Следует отметить роль образовательных учреждений города Барнаула. Большое значение имеет деятельность работников образовательных учреждений.

Благодаря совместным действиям Администрации Алтайского края, города Барнаула, ФСБ и ГУВД МВД России по Алтайскому краю в 2017 г. не допущено преступлений террористического характера, вместе с тем зарегистрировано 34 по краю, а по городу Барнаулу 25 преступлений экстремистской направленности. В 95 случаях по краю, а 71 – в городе Барнауле применялись меры административной ответственности в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

Подводя итоги, можно сказать, что противодействие экстремизму и терроризму возможно только при совместной работе представителей органов всех ветвей власти, правоохранительных органов, образовательных учреждений, общественных организаций.

Литература

1. Антонян Ю.М., Белокуров Г.И., Боковиков А.К. Этнорегиональный терроризм // Юридическая психология. 2007. № 1. С. 6-22.
2. Затолокин А.А. К вопросу о сущности терроризма // Вестник Красноярского университета МВД России. 2015. № 1. С. 31-34.
3. Об утверждении государственной программы Алтайского края «Противодействие экстремизму и идеологии терроризма в Алтайском крае» на 2015-2019 гг.: постановление Алтайского края от 31 декабря 2014 г. № 602 // Алтайская правда. 2015. № 7.
4. Об утверждении положения о полномочиях органов местного самоуправления по участию в профилактике терроризма и экстремизма, а так же минимизации и (или) ликвидации последствий проявления терроризма и экстремизма на территории города Барнаула: решение Барнаульской городской Думы от 28 августа 2013 г. № 159 // Вечерний Барнаул. 2013. № 130.
5. О компетенции федеральных органов исполнительной власти, руководство которых осуществляет Правительство РФ в области противодействия терроризму: постановление Правительства Российской Федерации от 12 мая 2002 г. № 333 // Собрание законодательства РФ. 2008. № 19. Ст. 2172.
6. О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

*Чжоу Минхун, магистр юрид. наук
Синьцзянская полицейская академия*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И КОНТРОЛЬ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ И КОНТРОЛЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ ПОДРОСТКОВ В СИНЬЦЗЯНЕ

Исследования доказали, что террористическая преступность среди подростков в Синьцзяне развивается следующим образом: в малом возрасте занятия с непрофессиональными имамами → с малых лет тесное соприкосновение с материалами, имеющими религиозно-экстремистское содержание, такими как «иджилат», «джихад» → распространение незаконных экстремистских материалов, «тайбилик» → участие в «джихаде» → совершение террористических и иных преступлений.

I. Общие характеристики подросткового терроризма

1. Общие личностные характеристики

(1) Террористы в основном молодые юноши-уйгуры.

(2) У них, как правило, низкий уровень образования.

(3) Они, как правило, отличаются низким уровнем благосостояния.

(4) Они, как правило, имеют проблемы с эмоциональной эмпатией.

2. Семейные характеристики

(1) Бедная семья.

(2) Безответственные родители, уделяющие мало времени воспитанию детей.

(3) Применение насилия при воспитании детей.

3. Характеристики в школе

(1) Неудовлетворенность концепцией школьного образования.

(2) Основная причина, повлекшая за собой преступление, – это то, что преступник бросил школу.

(3) Ощущение себя за бортом школьной жизни.

4. Характеристики в отношениях с друзьями

(1) Знакомство с друзьями происходит в школе, районе проживания либо в местах проведения досуга.

(2) Большинство несовершеннолетних террористических преступников имеют родственников или друзей с судимостью. Они считают, что их

преступление могло стать результатом их влияния.

(3) С друзьями несовершеннолетние преступники часто занимаются религиозной деятельностью либо групповым досугом.

5. Характеристики в религиозно-социальном аспекте

(1) Исповедуют ислам, часто участвуют в религиозных мероприятиях.

(2) Неформальные занятия с нелегальными служителями культа в детстве.

(3) Основная причина религиозности – получение недостающей эмоциональной поддержки.

(4) Более половины несовершеннолетних террористов имели дело с видеороликами порнографического и экстремистского содержания, посещали сайты религиозно-экстремистской и националистической направленности.

(5) Террористический преступник считает, что основная причина, повлекшая за собой преступление – просмотр в сети религиозно-экстремистских роликов и национальное разделение терроризма.

(6) Несовершеннолетние преступники считают, что основная социальная причина, повлекшая за собой преступление, – это пропаганда со стороны экстремистов.

6. Характеристики в религиозном аспекте

(1) Большинство подростков-преступников не знают или знают не в полной мере историю ислама, имеют несформированные, беспорядочные религиозные взгляды.

(2) Высокая степень набожности, мечты о совершении хаджа (паломничества).

(3) Нетерпимое отношение к людям, исповедующим иные религиозные убеждения.

(4) Увлечение идеями местных либо зарубежных нелегальных имамов, манипулирование их цитатами и речами с целью пропаганды религиозного экстремизма.

(5) Несовершеннолетние экстремисты считают, что религиозные убеждения, духовная жизнь являются наиболее важными, а реальная жизнь не

имеет значения, показывая тем самым консервативное, отсталое и экстремистское мышление.

(6) Отличаются сверхвысокой степенью доверия к семье, клановостью и чрезвычайно низкой степенью доверия к государству.

II. Анализ факторов, влияющих на уровень террористической преступности среди подростков

1. Семейные факторы

(1) Семейные экономические факторы.

(2) Семейное воспитание.

(3) Фактор атмосферы в семье.

2. Социальные факторы.

(1) Отсталость в экономическом и образовательном развитии открывает широкие возможности для рынка незаконной религиозной деятельности.

(2) Сохранение нелегальных религиозных собраний, которые служат местом концентрации террористических элементов.

(3) Незаконные религиозные пропагандистские материалы и Интернет обеспечивают террористам идеологическую мощь.

III. Условия для постепенного перевоспитания террористических элементов

1. Изменение мышления.

2. Изменение поведения.

3. Изменение социального окружения.

4. Изменение религиозных убеждений.

5. Изменение психологического характера.

IV. Контрмеры по предотвращению и контролю

1. Сосредоточение внимания на 18-25-летних молодых уйгурских мужчинах, изменении их мышления и поведения.

2. Укрепление контроля над социальными сетями, создание «чистого» интернет-пространства.

3. Совместное осуществление программ воспитания и обучения профессиональным навыкам трудных подростков.

4. Борьба с нищетой и трудоустройство детей из малообеспеченных семей.

5. Создание хорошей семейной среды и укрепление правовой грамотности и пропагандистской работы с учащимися в школе.

*Чжун Янь, магистр юрид. наук
Синьцзянская полицейская академия;
Чжань Кунь, магистр юрид. наук
Синьцзянская полицейская академия*

ИССЛЕДОВАНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ «ЖЕСТКОГО УДАРА ПО ТЕРРОРИЗМУ» В КИТАЕ

1. История происхождения уголовной политики «жесткого удара»

1. Исторический фон жесткой уголовной политики

С началом реализации Политики реформ и открытости в экономической, политической и культурной жизни Китая произошли огромные изменения. Но это также и привело к расцвету преступности. Учитывая высокий уровень преступности, в период с сентября 1983 г. по январь 1987 г., в период с апреля 1996 г. по февраль 1997 г. и 2001 г. Китай проводил специальные кампании «жесткого удара» в отношении преступлений высокого риска.

2. Содержание уголовной политики «жесткого удара»

Суть политики так называемого «жесткого удара» – «жестко и быстро в рамках закона нанести преступности сосредоточенный удар», руководствуясь при этом сочетанием принципов строгости и снисходительности. «Жесткий удар» сосредоточился на мобилизации ограниченных судебных ресурсов, нанёс мощный удар по преступности, в течение короткого времени снизил высокую частоту уголовных преступлений, поддержал общественный порядок и стабильность.

Отрицательные эффекты «жесткого удара» (недостатки)

Тем не менее при непоследовательном стремлении нанести один точный «удар», система общественного управления не успевает перестроиться, и в результате этого уровень преступности

очень быстро восстанавливается. В то же время одностороннее стремление правоохранительных органов к «жёсткому и быстрому удару» по преступности привело к несоблюдению прав человека, пыткам. Было возбуждено большое количество несправедливых и ложных дел, что привело к снижению авторитета судебных органов.

2. Теоретическая основа и реальные потребности жёсткого удара

С 1990-х гг. геополитическая ситуация в Восточной Европе и СССР сильно изменилась. На фоне изменения международной обстановки в Китае «три силы зла (терроризм, сепаратизм, экстремизм)» продолжают устраивать террористические атаки в Синьцзяне в виде взрывов, убийств, отравлений, поджогов, грабежей и других жестоких террористических преступлений. Это нанесло большой вред социальной стабильности, жизни и собственности людей.

3. Развитие и эволюция криминальной политики «жёсткий удар» по терроризму

С изменениями в борьбе с терроризмом и углублением понимания терроризма криминальная политика «жёсткий удар» по терроризму на разных этапах имеет различное содержание, цели и тактику. Сравнения концепции «жёсткий удар» на разных этапах:

(А) 1990-2009 гг.

Контрреволюционные беспорядки 5 апреля в поселке Барын уезда Акто округа Кашгар в 1990 г. показали, что террористическая деятельность в Синьцзяне вступила в период обострения. В течение 1990-х гг. террористы совершили более 250 насильственных и террористических актов в Синьцзяне, убив или ранив более 600 человек. В 1997 г. была проведена специальная кампания, направленная на упорядочение и борьбу с насильственными террористическими преступлениями. Мы придерживались политики «активной атаки, заметить и уничтожить, произвести упреждающее нападение на противника». Благодаря данной операции в течение десяти лет после 2000 г. противник не мог набирать силу и потенциал, утратил способность устраивать масштабные беспорядки и бунты на территории Синьцзяна.

(В) 2009-2016 гг.

Инцидент 5 июля в Урумчи в 2009 г. стал ужасным террористическим инцидентом, который вызвал наибольшее количество жертв, нанес самый серьезный урон имуществу с момента образования нового Китая. С тех пор антитеррористическая борьба в Синьцзяне вступила в новую фазу, более сложную и интенсивную, чем когда-либо прежде.

1. «Активная атака, заметить и уничтожить, превентивный удар». Решительно и оперативно бороться с преступником, который может принести обществу реальный вред, и пресечь все виды насильственных террористических действий до начала преднамеренных действий.

2. «Антинасилие, верховенство закона, порядок». Акцент делается на то, чтобы «независимо от того, каких люди этнических групп и их мотивы, они должны соблюдать закон и действовать в рамках законодательства».

3. «Удар в строгом соответствии с законом, прецизионный удар».

4. С 24 мая 2014 г. в течение двух лет была начата специальная кампания по борьбе с терроризмом.

(С) с 2016 г. по настоящее время. «Внимательно защищать и строго наказывать»

1. Продолжать проведение специальной кампании против терроризма в соответствии с законом.

2. Твёрдо владеть инициативой в борьбе с терроризмом и защите общественного порядка, наносить превентивный удар на ранней стадии по маленьким боевым группам, всегда быть готовыми проявить инициативу атаковать, уметь преследовать, не давая передышки террористам.

3. Следить за любыми террористическими атаками, не давать террористам возможности контролировать киберпространство, следить за границей, контролировать трудовых мигрантов из Синьцзяна во внутреннем Китае.

4. Внедрить систему ответственности за антитеррористическую работу и обеспечить принятие всех антитеррористических мер.

3. Размышления и предложения о «жёсткой» криминальной политике против терроризма в Китае

(1) Сочетание верховенства закона и нравственных ценностей в управлении государством.

Совершенствование законодательства о борьбе с терроризмом, улучшение мер предотвращения и противостояния риску террористических преступлений; совершенствование системы общественного управления в городе и селе.

(2) Придерживаться стратегии «Управление Синьцзяном по закону и на основе укрепления солидарности разных этносов».

Укрепление национального и религиозного единства, укрепление низовых звеньев государственного управления, улучшение уровня общественного благосостояния.

(3) Строгий контроль над террористической деятельностью.

(4) Придерживаться принципа сочетания «жесткого удара и активного перевоспитания».

(5) Народная война против терроризма.

Усовершенствовать механизм поощрения антитеррористической разведки, создать многосекторальный механизм совместной координации борьбы с терроризмом.

А.М. Шаганиян, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕКТЫ «СВИДЕТЕЛИ ИЕГОВЫ»

В отношении секты «Свидетели Иеговы», ее деятельности и распространении ими соответствующей религиозной литературы неоднократно выносились решения судов о ликвидации секты, запрете ее деятельности и признании распространяемой ими литературы экстремистской в различных регионах Российской Федерации.

В настоящее время во многих городах России периодически происходят столкновения властей с представителями секты. Чаще всего членов секты обвиняют в вовлечении в секту несовершеннолетних против их воли и без разрешения родителей, побуждении верующих порвать все отношения с родными и близкими, в нарушении конституционных прав и свобод граждан, отказе по религиозным соображениям от медицинской помощи, кражах детей, убийствах, подстрекательствах к убийству и самоубийству, дезертирстве, мошенничестве, воровстве, расизме, вымогательстве, нанесении телесных повреждений, проституции [2], воздействии на психическое здоровье и др.

Тоталитарные религиозные организации (секты), к которым, безусловно, относится секта «Свидетели Иеговы», в настоящее время несколько видоизменили тактику и форму действий: совершаются экономические диверсии, подкуп должностных лиц, легендированное проникновение в органы государственной власти; религиозно ориентированные предприятия и фирмы выступают как ресурсные элементы «пособнической базы» сект; миграционные процессы осуществляются в том числе под эгидой этнических радикальных религиозных и национальных центров.

С учетом трансформации деятельности такого рода организаций сегодня существуют многочисленные проблемы различного свойства объективного и субъективного характера привлечения членов секты «Свидетели Иеговы» к любому из существующих видов юридической ответственности.

Так, например, для того чтобы конфисковать полиграфическую продукцию, распространяемую иеговистами, необходимо установить виновность лица, которое их создало с целью распространения, либо распространяло экстремистские материалы, либо их производило или хранило в целях распространения. То есть создание, производство, хранение экстремистских материалов влекут ответственность лишь при наличии умысла, направленного на распространение экстремистских материалов. Такой подход разрешает проблему владения в личных целях материалами, признанными экстремистскими, в частности владения в научных целях.

Мало того, что случаи привлечения адептов секты «Свидетели Иеговы» к какой-либо ответственности – большая редкость, так и размеры санкций за подобную деятельность незначительны, если не ничтожны. Организация обладает колоссальной юридической и финансовой поддержкой. Зачастую привлекаемые к юридической ответственности лица пользуются услугами высококвалифицированных, хорошо оплачиваемых правовых защитников.

Однозначно пристального внимания заслуживают вербовщики в секту. Следует отметить, что эти люди приезжают в основном легендированно

под маской трудовых мигрантов. При этом все сопутствующие документы, требуемые миграционной службой, у них оформлены в соответствии с предъявляемыми требованиями. Формально такие лица нормы права не нарушают. А между тем ими организуется строительство ячейки с перспективой дальнейшего максимального вовлечения новых членов, для начала – из числа земляков. За месяц активной работы такой вербовщик может рекрутировать довольно значительное количество людей в секту. Прежде всего, вербовщиков интересуют единоверцы из молодежи, причем из таких населенных пунктов, где мало социальных перспектив, отсутствует интерес к учебе, профессии, спорту. Отдельное направление деятельности секты «Свидетели Иеговы» – работа с немусульманской молодежью, как правило, от 17 до 25 лет. Так, практика показывает, что именно эта категория граждан является наиболее уязвимой для пропаганды радикальных религиозных идей, они наиболее остро реагируют на такие проблемы современного общества, как резкая имущественная дифференциация различных национальных и социальных групп населения, малоэффективная миграционная политика, высокий уровень безработицы, инфляция и т.п.

Следует отметить, что универсальный способ вербовки отсутствует. На секту работает армия лиц, обладающих психологическим образованием и владеющих различными методиками манипуляции сознанием человека. Разработаны варианты воздействия на различные возрастные и социальные группы населения. Наиболее распространенная схема: активные адепты секты начинают разговор издали, например, о религии, что человек ходит не в ту церковь, неправильно молится. Далее они предлагают к прочтению книги, в которых по их утверждению максимально доступно изложены библейские постулаты и, прочтя которые, человек найдет ответ на все интересующие его вопросы. При согласии человека или

проявлении нерешительности в его поведении, начинается тщательная его обработка с конечной целью сделать его новым адептом секты.

Напомним, что в современном мире деятельность секты «Свидетели Иеговы» запрещена в Китайской Народной Республике, Северной Корее, Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, Саудовской Аравии, Иране, Ираке и ряде других стран. Однако, несмотря на это, по подсчетам самой секты, в ней по состоянию на август этого года числится около семи миллионов человек [1].

Исходя из этого, на наш взгляд, в числе задач, решение которых будет способствовать предупреждению вовлечения лиц в секты, следует рассмотреть следующие: совершенствование нормативного правового регулирования юридической ответственности за деятельность религиозных организаций тоталитарного свойства; подготовка и распространение доступной и объективной информации по вопросам противодействия вовлечения в секту (возможно размещение в средствах массовой информации соответствующих короткометражных видеороликов); анализ и прогнозирование миграционной ситуации, а также профилактическая работа в этнических диаспорах; разработка и распространение в учебных заведениях информационного бюллетеня, содержащего сведения о том, как распознать методы вербовки в секту «Свидетели Иеговы» и вариантов противостояния им.

Практика показала, что особенно эффективно проведение профилактических мероприятий по информационному противодействию деятельности секты. Реалии доказывают, что только совместными согласованными действиями возможно противостоять рассматриваемой сегодня угрозе. И особая роль здесь принадлежит, безусловно, государственным органам, органам местного самоуправления, образовательным учреждениям различного уровня.

Литература

1. Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/05d/dvorkin/sects/contents.html> (дата обращения: 15.01.2015).
2. Факты об опасности «Свидетелей Иеговы». URL: <http://apologet.in.ua/apologetika/totalitarnye-sekty/svideteli-iegovy/stati-o-quotvidetelyach-iegovyquot/3577-fakty-ob-opasnosti-quotvidetelej-iegovyquot.html> (дата обращения: 04.07.2015).

*Ши Хуэйянь, магистр юрид. наук
Синьцзянская полицейская академия*

ДОКЛАД FATF: ФОРМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА

1. FATF

В 1989 г. главы стран «Большой семерки» встречались в Париже, чтобы обсудить финансовые возможности международных наркокартелей и организованных преступных групп и другие вопросы. На основе данной встречи была создана Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF), которая профессионально исследует риски отмывания денег, способы предотвращения отмывания денег и пути координации международных инициатив по борьбе с отмыванием денег. На сегодняшний день FATF и ее региональные подразделения включают 187 стран-членов и стали одним из самых влиятельных международных авторитетов в области борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма в мире. В феврале 1990 г. FATF в своем ежегодном докладе о борьбе с отмыванием денег подняла вопрос о «сорока рекомендациях по вопросам противодействия отмыванию денег», после чего государства-члены разработали или изменили собственное законодательство в рамках «40 рекомендаций» для дальнейшего проведения совместной борьбы с отмыванием денег.

2. Доклад FATF: типы финансирования терроризма

1. Типы финансовых потребностей терроризма

Согласно исследованию о типе финансирования терроризма FATF, существует два типа финансирования террористической деятельности, которые происходят на разных узлах цепи террористической деятельности. Первый вид финансирования террористической деятельности относится к непрерывному процессу финансирования

террористических движений, т.е. к расходам на поддержание деятельности организации и продвижению их идеологии. Второй тип финансирования террористической деятельности – это финансирование конкретных террористических актов и нападений.

1) Поддержание деятельности террористических групп.

Во-первых, для достижения своих политических целей террористическим организациям необходимо концентрировать в своих руках больше денег, чтобы продвигать свои идеи и осуществлять террористические атаки. Во-вторых, постоянное финансирование необходимо для поддержания основной деятельности организации, такой как набор и подготовка новых членов, строительство баз и пропагандистская работа. В-третьих, финансирование необходимо для поддержки своих сторонников во всем мире и других террористических организаций-«единомышленников».

2) Финансирование конкретных террористических актов и нападений.

Финансирование расходов террористической организации или террориста в целях организации террористического акта, включая расходы на оборудование и предметы снабжения, необходимые для совершения террористического нападения, и транспортные расходы лиц, совершивших террористические нападения.

2. Формы финансирования международного терроризма

1) Сбор средств

От пожертвований благотворительных организаций к террористической деятельности (скорее всего, благотворительные организации создаются самими террористическими группами) или из благотворительных организаций, чье руководство проникнуто террористами, которые могут на законных основаниях получать и использовать благотворительные пожертвования для своей террористической деятельности.

2) Привлечение средств через преступную деятельность

Террористы также используют различные виды преступной деятельности для привлечения

¹ Данная работа является одним из результатов исследований 2015 г. «Исследования по предотвращению и контролю за финансированием терроризма и преступностью терроризма» (проект Молодежного проекта в области образования, гуманитарных и социальных наук) (проект № 15YJC820048), руководитель проекта: Ши Хуэйянь. Исследование также поддерживается Проектом по предотвращению и борьбе с преступностью против терроризма в Кашгаре в 2015 г. «Три перекрытия», финансируемого Фондом исследований и планирования философских и социальных наук Синьцзян-Уйгурского автономного района (номер проекта: 2015BFX028). Руководитель проекта: Ши Хуэй Ян.

средств, таких как вымогательство, грабежи, кражи и незаконный оборот наркотиков.

3) Добровольные пожертвования от зарубежных групп других стран, организаций, отдельных лиц и этнических групп

Добровольные взносы, основанные на общих убеждениях, также являются основными источниками финансирования террористических организаций.

4) Новые каналы незаконного финансирования – финансовые преступления.

3. Возможные формы перемещения капитала международного терроризма

1) Использование коммерческой банковской системы для трансграничного перевода средств.

2) Использование системы Хавала для перевода средств.

3) Использование корпоративной структуры для перевода средств.

Террористические организации также объединяют террористические фонды с заговорщическими счетами по всему миру или с прикомандированными благотворительными организациями, чьими средствами они манипулируют. После изъятия наличных средств через развертывание вышеуказанной системы физическая перевозка наличных средств осуществляется автотранспортом, водным транспортом, самолетами, вьючными животными, людьми.

3. Борьба с финансированием терроризма: выявление оперативной финансовой информации

1. Изложение по финансовой информации в Годовом докладе FATF.

Исследовательский доклад FATF о типах финансирования терроризма через анализ существующих и формирующихся угроз для финансовой системы выявил тенденции и методы финансирования терроризма, разработал и обновил международные стандарты по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, усовершенствовал новые функции FATF долгосрочной борьбы с финансированием терроризма. Тем не

менее нынешний финансовый кризис принес много проблем всем странам. Вопрос, как обеспечить стабильную работу финансовой системы и чтобы финансовые учреждения не контролировались и не использовались преступниками, становится все более важным. Бдительность финансовых учреждений является решающим фактором в борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма. Таким образом, увеличение обмена оперативной финансовой информацией, углубление применения финансовой разведки и создание мощного механизма обмена информацией по борьбе с отмыванием денег являются ключевыми мерами в борьбе с финансированием терроризма.

2. Соображения о выявлении глубокой информации в финансовой разведке.

1) Точный аудит и проверка клиента и отчетности о подозрительных сделках.

Статья 1 Рекомендации FATF предусмотрела ответственность банков по соблюдению различных обязательств в борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, такие как идентификация клиентов, отчетность о подозрительных сделках и требования к их учету. Четкие обязательства финансовых учреждений и их практиков по борьбе с отмыванием денег и финансированию терроризма помогут сократить использование финансовых систем в террористической деятельности, а также будут способствовать лучшему контролю и экспертизе финансовых регулирующих органов.

2) Добросовестная проверка клиентов.

Добросовестная проверка клиентов требует от сотрудников банка не только знания персональных данных клиентов, но и знания его финансового бэкграунда.

3) Уведомление о подозрительных сделках.

Подозрительные сделки – сделки с аномалиями поведения контрагентов, выражаемыми в подозрительной частоте, объемах, назначении и направлении. Уведомление соответствующих органов о подозрительных сделках включает следующие действия: подозрение, выявление, доклад.

Литература

1. FATF. Annual Report and ML/FT Typologies Reports, 2008.
2. FATF. Money laundering and terrorist financing in the securities sector, 2009. URL: www.fatf-gafi.org.
3. FATF. Risk-based Approach: Guidance for Money Service Businesses [EB/OL], 2009. URL: www.fatf-gafi.org.

Ян Жуй

Синьцзянская полицейская академия;

Ли На, магистр юрид. наук

Синьцзянская полицейская академия

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ МАРИХУАНЫ ПОДРОСТКАМИ СИНЬЦЗЯНА

Синьцзян-Уйгурский автономный район (далее – СУАР) расположен во внутренних районах Евразии, граничит с восемью государствами, с древних времен является важным путем сообщения между Китаем и Европой, воротами древнего Шелкового Пути. По этой причине с давних пор именно отсюда опиум и марихуана входили в Китай вместе с многими иными товарами. Поскольку в СУАР имеется долгая история употребления марихуаны, ее употребление превратилось в привычку местного населения, и поэтому злоупотребление марихуаной является одной из тяжелейших проблем региона, которая к тому же очень тяжело решается. Проблема «омоложения» потребителей марихуаны в Синьцзяне становится все острее, поэтому изучение проблемы употребления марихуаны подростками Синьцзяна актуально как никогда.

1. История вопроса

Из-за истории, географии, климата и других факторов Синьцзян стал районом, где марихуана стала культивироваться раньше всего в Китае. Климатические условия в Синьцзяне подходят для выращивания марихуаны, и, таким образом, хорошее качество марихуаны, произведенной в Синьцзяне, привело к постоянному спросу на нее, посевные площади для ее культивации также постоянно расширяются. Хотя в истории Синьцзяна три раза проводились крупномасштабные антинаркотические кампании, начиная от династии Цин и вплоть до правительства Гомиьндана, но из-за слабого управления и коррупции местных властей в то время проблема культивирования марихуаны и опия и злоупотребления наркотиками в Синьцзяне не была эффективно решена. После основания КНР выращивание марихуаны и опиума в Синьцзяне было в основном ликвидировано, но к 1960-м годам проблема культивирования марихуаны возникла снова. В течение долгого времени некоторые люди в Синьцзяне неправильно понимали сущность марихуаны и не считали ее наркотиком, а скорее видели в ее употреблении «привычку» местных жителей.

2. Причины употребления марихуаны подростками Синьцзяна

1) Исторические причины

С древних времен Синьцзян был основным каналом торговли между Востоком и Западом, восточная и западная цивилизации сталкиваются здесь, создавая разнородную социальную среду. Еще в XVI-XVII вв. марихуана вошла в Синьцзян как обычный товар. Сначала марихуана использовалась как масличная и медицинская культура, но были обнаружены эффекты эйфории и болеутоляющий от ее употребления. Так, употребление марихуаны как наркотика, начав свое распространение с высших слоев общества и торговцев, постепенно распространилось среди представителей всех социальных слоев.

2) Семейные причины

Синьцзян является одной из экономически слабо развитых провинций в приграничных районах Китая, население сельско-хозяйственных и пастбищных районов составляет более половины населения Синьцзяна. Особенно в южных районах Синьцзяна семьи полагаются главным образом на сельское хозяйство, животноводство в качестве основного экономического дохода, часто страдают от климатических катаклизмов, семейный доход очень маленький. В этнических семьях Синьцзяна обычно много детей, родители уделяют им мало внимания. Многие родители имеют низкий уровень образования, у них нет возможности дать детям хорошее воспитание, некоторые даже сами связаны с криминалом. У подростков, растущих в таких семьях, наблюдается низкий уровень самосознания, они не могут противостоять соблазнам внешнего мира, проще приобретают зависимость от наркотических средств, в частности марихуаны.

3) Социальные причины

Благодаря поддержке, получаемой в рамках реализации Политики реформ и открытости, Политики освоения западной части Китая, инициативы «Один пояс – один путь» и пр., Синьцзян претерпел огромные изменения в социальном

укладе, уровень жизни людей заметно улучшился. Но разрыв общего уровня развития Синьцзяна по сравнению с другими провинциями все еще существуют. Есть много проблем в развитии образования в Синьцзяне, таких как отсталость методик преподавания, низкий уровень управления и нехватка учителей. Социальные предрассудки привели к тому, что общество уделяет недостаточное внимание подросткам, которые употребляют марихуану, просто вешая на них ярлык «проблемные подростки» и игнорируя тот факт, что они все еще дети. Общество не захотело заботиться и помогать «проблемным подросткам», в результате эти подростки привнесли в общество хаос, затрагивая своим противоправным поведением еще больше молодежи.

4) Личные причины

Подростки находятся в стадии физического и умственного развития личности, обладают сильным любопытством и соревновательным духом, любят подражать неким образцам, плохо могут себя контролировать. Если подростки получают относительно полное образование, их способность противостоять внешним воздействиям может быть достаточно высокой, но если подростки имеют низкий образовательный уровень, трудно прогнозировать последствия их подверженности воздействию групп риска.

3. Предложения по решению проблемы употребления марихуаны подростками Синьцзяна

1) Усиление образовательно-профилактической работы по предотвращению наркомании среди подростков в Синьцзяне

Проблема употребления марихуаны в Синьцзяне имеет долгую историю и не может быть решена в одночасье, необходимо полагаться на семьи, школы и общество, чтобы вместе создать хорошую и здоровую социальную среду.

- Роль семьи

Слова и поступки родителей оказывают очень сильное демонстрационное воздействие на детей, поэтому родители играют важную роль в семейном воспитании. Сотрудники низовых звеньев органов государственной власти должны вступать в контакт с семьями, проводить воспитательную работу по вопросам борьбы с наркотиками со взрослыми и подростками, собирать информацию

о наркоманах и своевременно уведомлять органы общественной безопасности.

- Роль школы

Для подростков из разных возрастных групп школы должны предпринимать целенаправленные образовательные меры, основываясь на жизненных примерах, повышать осведомленность школьников о вреде наркотиков.

- Роль общества

Повышение уровня правовой грамотности всего общества, создание благоприятной атмосферы для борьбы с наркотиками, улучшение социальной среды – основа решения проблемы злоупотребления марихуаной среди подростков.

2. Борьба с такими правонарушениями, как культивация и продажа марихуаны

Решение проблемы употребления марихуаны подростками Синьцзяна неотделимо от сотрудничества соседних провинций и городов в борьбе с наркотрафиком. Необходимо продолжать бороться с незаконным оборотом наркотиков, в особенности с преступниками, продающими марихуану подросткам.

3) Перевоспитание употребляющих марихуану подростков

Общество должно иметь возможность объективно смотреть на этих молодых людей, избегать предрассудков и отказаться от навешивания ярлыков. Перед лицом все более серьезной проблемы злоупотребления марихуаной среди подростков в Синьцзяне семьи, власть и общество несут общую ответственность и обязательство активно участвовать в работе по реабилитации наркоманов. Исходя из физических и психологических особенностей подростков необходимо исследовать способы борьбы с употреблением марихуаны, которые будут соответствовать характеристикам молодежи в Синьцзяне и повысят эффективность проводимой работы.

4) Повышение уровня начального образования в южном Синьцзяне

Необходимо с опорой на местные муниципальные власти поощрять сообщества земледельцев и скотоводов южного Синьцзяна к эффективному использованию свободного от сельскохозяйственных работ и вечернего времени для создания и участия в работе вечерних школ.

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание. Доклады

<i>Абызов Р.М.</i> Опыт изучения комплексного анализа криминальной ситуации в регионе	3
<i>Ларин Б.В.</i> Соблюдение прав граждан в деятельности правоохранительных органов – сфера внимания Уполномоченного по правам человека	8
<i>Лен К.В.</i> 300 лет российской полиции. Векторы развития. Уроки прошлого	11
<i>Цзян Сюлань, Ван Янь.</i> Проведение оперативно-разыскных мероприятий в международном сотрудничестве в рамках уголовного судопроизводства	13

Секция «Проблемы совершенствования оперативно-разыскной деятельности»

<i>Бандорина И.В.</i> Приемы исследования документальных данных в практике раскрытия экономических преступлений	15
<i>Глушков Е.Л., Свистильников А.Б.</i> Особенности получения материалов о лицах, подозреваемых в неправомерных действиях при банкротстве и преднамеренном банкротстве предприятий (организаций)	17
<i>Дронова О.Б.</i> К вопросу об использовании специальных знаний субъектами ОРД при расследовании преступлений в сфере потребительского кредитования	19
<i>Ермаков С.В.</i> Особенности оперативно-разыскной характеристики мошенничеств, совершаемых с использованием средств сотовой связи	21
<i>Иванов С.И.</i> Особенности проведения оперативно-разыскных мероприятий в сети Интернет	23
<i>Климачков А.В.</i> К вопросу о запрете провокации при проведении оперативно-разыскного мероприятия «Проверочная закупка» по делам о незаконном сбыте наркотических средств	25
<i>Кукарцев В.Н.</i> Отдельные особенности проведения опроса с использованием средств аудио-записи и оформления его результатов	27
<i>Леденёв В.А., Проскурин И.М.</i> Некоторые аспекты осуществления опроса лиц, совершивших мошеннические действия с использованием сети Интернет	29
<i>Никитина И.Э.</i> Экспертно-криминалистическая и оперативно-разыскная деятельность в новой концепции сотрудничества государств в противодействии глобальным вызовам	31
<i>Омелин В.Н.</i> Законодательное регулирование оперативно-разыскных мероприятий в Российской Федерации и Республике Таджикистан: сравнительный анализ	33
<i>Рябков Е.М.</i> Оперативно-разыскные аспекты информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений в части возмещения материального вреда	35
<i>Самороковский С.А.</i> Отдельные проблемы борьбы с хищениями в сфере ЖКХ	37
<i>Шатохин И.Д.</i> К вопросу о типичных нарушениях конституционных прав граждан при осуществлении оперативно-разыскной деятельности	39
<i>Шмидт А.А.</i> О дублировании оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий (на примере наведения справок и истребования предметов и документов)	41

Секция «Криминалистическое обеспечение деятельности ОВД по расследованию преступлений»

<i>Алехин Д.В.</i> Деятельность следователя по проверке версии об инсценировке преступного события при рассмотрении сообщения о безвестном исчезновении человека	44
<i>Ахмедшин Р.Л.</i> О некоторых элементах методики расследования псевдотеррористических актов (обобщение зарубежного опыта)	46
<i>Балко В.И.</i> К вопросу о подготовке рук трупа к дактилоскопированию	47
<i>Бартенев Е.А.</i> Типичные ошибки, допускаемые следователями при фотофиксации осмотра места происшествия и изготовлении фототаблиц	49
<i>Беседина Е.Б., Остробородов В.В.</i> Особенности почерка и анамнеза пациентов, находящихся на принудительном лечении с диагнозом «параноидная шизофрения», с различной длительностью заболевания	51
<i>Бойко М.А.</i> Криминалистическая характеристика преступлений, совершенных в отношении журналистов в связи с их законной профессиональной деятельностью	53
<i>Бойко Ю.Л., Симонова Т.С.</i> Криминалистическая профилактика как элемент структуры частной методики расследования преступлений	55

<i>Брызгалов Г.Е.</i> Механизм слеодообразования по делам о хищениях денежных средств, совершаемых с использованием вредоносных программ	57
<i>Жук И.О.</i> К вопросу о личности субъекта экстремистской деятельности	58
<i>Ильин Н.Н.</i> О направлениях использования информации в целях криминалистического установления личности.....	60
<i>Ильина И.Я.</i> Розничная продажа и интернет-продажа несовершеннолетним алкогольной продукции – суррогата алкоголя.....	62
<i>Кабанова Ж.Ю.</i> О понятии сущности «криминалистическая деятельность»	64
<i>Кондраткова Н.В.</i> Реализация конституционного права на вознаграждение за труд через призыву уголовно-правовых запретов	66
<i>Кузнецов С.Е.</i> Видеозапись как источник доказательственной информации	67
<i>Куликова Н.А.</i> Использование полиграфа в раскрытии и расследовании преступлений.....	69
<i>Локтевич О.И.</i> Планирование проведения следственного действия с участием защитника.....	71
<i>Мамкин А.Н.</i> Понятие объекта судебно-бухгалтерской экспертизы.....	73
<i>Мигунов О.С.</i> О некоторых проблемах, возникающих на этапе предварительной проверки материалов по фактам сбыта поддельных денежных купюр.....	75
<i>Михалева Д.А.</i> К вопросу о проверке сообщений о причинении вреда здоровью.....	77
<i>Нугаева Э.Д.</i> Алгоритмы следственных действий на первоначальном этапе расследования мошенничества при оказании оккультных услуг, совершенных дистанционным способом	79
<i>Овсянников В.В.</i> О некоторых особенностях осмотра места происшествия, сопряженного с пожаром.....	80
<i>Погребной А.А.</i> Морфология пороховых зерен 5,45-мм патрона МПЦ.....	82
<i>Поляков Н.В.</i> К вопросу о документировании и доказывании фиктивной деятельности фирм-однодневок при осуществлении незаконной банковской деятельности.....	85
<i>Русанов Н.Ю.</i> К вопросу о назначении фоноскопической судебной экспертизы.....	87
<i>Сажжаев А.М.</i> Организация и тактика допроса потерпевшей по делам об изнасиловании, совершенном группой несовершеннолетних	89
<i>Сиделев В.В.</i> Специальная служба по борьбе с организованной преступностью: история и современность	91
<i>Скобелин С.Ю.</i> Техничко-криминалистическое сопровождение расследования преступлений на современном этапе	93
<i>Стукалин В.Б.</i> Некоторые организационные вопросы заключительного этапа осмотра места происшествия, сопряжённого с осмотром трупа.....	94
<i>Табурова Т.С.</i> Проблемы психолого-лингвистической экспертизы текстов экстремистской направленности с признаками манипулятивного воздействия.....	96
<i>Хорошева А.Е.</i> Криминалистическая деятельность как основа для формирования учения о криминалистическом обеспечении судебного разбирательства уголовных дел.....	98
<i>Цымбалюк Е.В., Медведева М.В.</i> Квалифицированная подделка подписей в экспертной практике	100
<i>Черкасова Е.С., Галитарова Ю.Г., Соловьева И.Г.</i> Особенности личности несовершеннолетних преступников как элемент криминалистической характеристики.....	103
<i>Шишкина Е.В.</i> К вопросу о сущности проверки показаний на месте	105
<i>Шкурихина Н.В.</i> К вопросу о возбуждении уголовного дела по факту заведомо ложного доноса.....	107
<i>Юань В.Л.</i> Криминалистически значимая ценность фотографий аккаунта (страницы) в социальной сети обвиняемого	109
<i>Ясенева М.О.</i> Способ совершения преступления как элемент криминалистической характеристики нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию	111

Секция «Проблемы применения уголовно-процессуального законодательства»

<i>Белицкий В.Ю.</i> Мотивированность процессуальных решений органов предварительного расследования как одно из требований их законности	113
<i>Власова С.В.</i> Уголовно-процессуальный механизм применения уголовного закона	115

Диденко Н.С., Торков А.А. Реализация принципа свободы оценки доказательств при производстве дознания в сокращенной форме в ходе досудебного производства	117
Зайцева Е.А. Проблемы применения некоторых новелл Федерального закона № 73-ФЗ от 17 апреля 2017 г.	119
Калюжный А.Н. Следственная группа как форма процессуального взаимодействия следователей с должностными лицами органов дознания в ходе расследования посягательств на свободу личности	121
Кригер А.Е. О процессуальном статусе лица, в отношении которого проводится проверка	123
Лаврова О.Н., Горач Н.Н. Особенности процесса доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных по мотивам расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды	125
Логачев К.К. Процессуальные проблемы, возникающие при проведении очной ставки	127
Лямкина Н.И. Проблемы допроса иностранных граждан в уголовном судопроизводстве	128
Маркелов А.Г., Кошкин В.Н. Уведомление о задержании подозреваемого в свете реализации права на телефонный разговор	130
Марцынкевич Н.А. Процессуальные издержки в уголовном процессе: понятие, критерии, свойства	133
Маханбетов Н.К. Показание свидетеля как один из основных способов доказывания в уголовном процессе	135
Морозова Т.А. К вопросу о взаимодействии следователя с экспертом при назначении судебной фоноскопической экспертизы	137
Передерий В.А. Межведомственное взаимодействие при выявлении и расследовании преступлений по фактам невыплаты заработной платы и иных обязательных выплат	138
Петухов Е.Н. Интерпретация отдельных положений уголовно-процессуального закона	140
Прусс А.Р. О перспективах рассмотрения уголовных дел коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции в суде первой инстанции	143
Сабельфельд Т.Ю. Разумный срок уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела	145
Свечникова Е.И. Перспективы использования систем видеоконференцсвязи для обеспечения безопасности свидетелей по уголовным делам	147
Топчиева Т.В. Основания отказа прокурором в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве	149
Удовиченко В.С. О некоторых особенностях подготовки к проведению допроса подозреваемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ	151
Федосеева Е.Л., Измайлов А.А. Основания отказа следователя в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения	152
Черепанова Л.В. Проблемы доказывания «личных интересов» при расследовании уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 199.1 УК РФ	154

Секция «Проблемы борьбы с административными правонарушениями»

Бачурин А.Г. Административно-правовое регулирование обеспечения правопорядка на массовых мероприятиях в Республике Беларусь	157
Брунер Р.А., Аносов А.А. Об отдельных вопросах исполнения административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных мероприятий в дни их проведения	159
Бунова О.В., Репьев А.Г. Функции полиции по контролю за оборотом оружия: проблемы правового регулирования и реализации	161
Вагайцев В.М. К вопросу о незаконной перевозке пассажиров в России	163
Вакутин А.А. К вопросу о временных затратах сотрудников полиции на производство по делам об административных правонарушениях	165
Верхогляд Я.Е. Административное выдворение за пределы Российской Федерации как один из способов противодействия распространению экстремистской идеологии	166
Гайдуков А.А. К вопросу о понятии «правонарушение в сфере семейно-бытовых отношений»	168
Гришаков А.Г. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: анализ произошедших в законодательстве изменений	170
Кашкина Е.В. К вопросу о необходимости унификации норм административного законодательства, регламентирующих ответственность за потребление алкогольной продукции	172

Кивич Ю.В. Процессуальные ошибки как причины обжалования вступивших в законную силу постановлений по делам об административных правонарушениях, решений по результатам рассмотрения жалоб	174
Клоков Е.А. Отдельные аспекты обесценивания неотвратимости налоговой ответственности и ослабления ее превентивной функции.....	176
Ковалёв В.В., Вербилов А.Ф., Ульрих С.А. К вопросу об организации дорожного движения в Российской Федерации	178
Мендыбаева Д.Т., Тулкинбаева Ш.Ж. Юридическая ответственность за нарушение сроков и порядка рассмотрения обращений физических и юридических лиц	180
Прибытко Ю.А., Федяев Е.А. Проблемы квалификации деяний, административная ответственность за которые предусмотрена статьями 17.7 и 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (на примере направления на медицинское освидетельствование)	182
Прудникова Т.А. Сравнительная характеристика административного выдворения и депортации как мера воздействия в предупреждении правонарушений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства	184
Равнюшкин А.В. О полномочиях участковых уполномоченных полиции по выявлению и пресечению правонарушений в области безопасности дорожного движения	187
Стаценко С.П., Ковшевацкий В.И. Практические аспекты применения статьи 20.13 КоАП РФ «Стрельба из оружия в отведенных для этого местах с нарушением установленных правил или в не отведенных для этого местах»	189
Тырышкин В.В. Некоторые вопросы взаимодействия органов внутренних дел и региональных органов государственной власти в сфере обеспечения общественной безопасности.....	191
Шабан А.А. О деятельности государственных инспекций в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта	193
Щеглов А.И. Привлечение к административной ответственности как один из способов профилактики наркомании.....	195
Яковлева Е.В. Особенности изучения личности правонарушителя при определении целесообразности высылки за пределы Российской Федерации.....	197

Секция «Проблемы гражданско-правовой ответственности»

Бублик И.Г. К вопросу об оспаривании договора лизинга.....	200
Воронина С.В. Способность нести ответственность как элемент гражданской дееспособности	202
Головко И.И. Проблемы возмещения ущерба, причиненного преступлениями коррупционного характера.....	204
Кабанова Ю.С. Способы защиты культурных ценностей подразделениями органов внутренних дел.....	206
Казанцева К.Ю. Актуальные проблемы защиты гражданских прав в случае заключения кабальной сделки	208
Минкина Н.И. Трудовой кодекс Российской Федерации: необходимость совершенствования	210
Михайленко Ю.А. Некоторые особенности определения сроков для судебной защиты трудовых прав.....	211
Пятков Д.В. Публично-правовые образования: субъекты собственности – субъекты ответственности	213
Рябинин Н.А. Особенности механизма осуществления права на защиту гражданских прав.....	215
Селиванов А.С. Некоторые аспекты индивидуального подхода к установлению ответственности за деяния, направленные против правосудия	218
Серебряков А.А. Практика применения норм об ответственности за недобросовестное ведение переговоров.....	219
Странцов А.А. Правовые проблемы обеспечения технического доступа инвалидов к жилым помещениям в многоквартирных домах	221
Ступина С.А. Актуальные вопросы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный преступлениями террористического характера	223
Черепанова О.С. К проблеме компенсации морального вреда, причиненного преступлением имущественного характера	225

Чесноков А.А. К проблеме зарождения экономико-правового фундамента советского государства.....	227
Шубин Ю.П. Некоторые вопросы взыскания неустойки по договору об оказании возмездных образовательных услуг	229

Секция «Актуальные проблемы конституционного и международного права»

Блинова О.А. Особенности международного сотрудничества в таможенной сфере.....	231
Бучакова М.А., Дизер О.А. Мораль, нравственность в системе правового регулирования.....	233
Галиев Р.С. Принцип уважения прав человека в деятельности Международной организации уголовной полиции (Интерпол)	234
Деньга С.А. Эволюция компетенции органов местного самоуправления города Барнаула.....	237
Казанцева О.Л. К вопросу о дальнейшем формировании местного самоуправления в Российской Федерации	240
Казьмина Е.А. Принцип пропорциональности при ограничении права на неприкосновенность частной жизни в России	242
Кандрина Н.А. О сущности и основных признаках государственных услуг, предоставляемых органами публичной власти.....	244
Кодавбович С.В. Формы защиты прав и свобод личности Следственным комитетом Республики Беларусь	246
Кошелева Е.Е. О понятии конституционной безопасности Российской Федерации	248
Пастушик Е.С. Определение понятий «беженец» и «вынужденный переселенец» в соответствии с законодательством стран СНГ	250
Троицкий С.В. Ответственность за оскорбительные высказывания в Интернете в системе выводов Европейского суда по правам человека.....	252
Шапоров Д.А. Актуальные проблемы участия молодежи в выборах	255

Секция «Вопросы противодействия проявлениям терроризма, экстремизма и коррупции»

Балымов Е.К. Понятийно-терминологический анализ экстремистской деятельности в Республике Казахстан и зарубежных странах.....	257
Баранов М.П. Экстремизм в киберпространстве: проблемы противодействия и профилактика среди детей и подростков.....	260
Барышева Т.В. Организация мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций в г. Барнауле.....	262
Верхогляд Я.Е. Некоторые аспекты международного противодействия экстремизму	264
Гусейнов А.А. Противодействие терроризму и экстремизму в деятельности сотрудников органов внутренних дел.....	266
Даниленко Ю.С. Применение специальных лингвистических и психологических знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности	268
Дыжова А.А. Особенности проявления коррупции в различных сферах деятельности	270
Исаков А.С. Проблемы ограничения доступа к контенту, содержащему призывы к экстремистской деятельности в сети Интернет	272
Канашевич Н.М. Нормативно-правовые основания противодействия экстремистской идеологии в Республике Беларусь.....	274
Кириченко Ю.Н., Михайликов В.Л. О некоторых проблемах методологии противодействия экстремизму и терроризму	276
Клычников А.Н. Экстремистские и террористические группировки, в т.ч. исламистского толка, запрещенные в Российской Федерации	279
Королев Г.В. О взаимодействии органов внутренних дел с муниципалитетом при обеспечении публичных мероприятий	282
Лукьяненко А.Ю. Неизгладимые символы наследия нацистской Германии на теле современного человечества. Проблемы татуирования нацистской символики.....	284
Моисеев С.В. Экстремизм и терроризм – новые вызовы региональной безопасности.....	286
Ни Юйся. Риск злоупотребления новыми видами психоактивных веществ и меры административного контроля.....	288

Ошеев А.В. Современный терроризм: основные тенденции развития и поиск действенных методов борьбы с ним.....	291
Репин М.Е., Серебровская Д.Д. Коррупция в Российской Федерации: куда мы движемся?.....	293
Сюй Хао Мяо. Исследование мер по предотвращению терроризма одиночек	295
Франк В.Г. Взаимодействие органов местного самоуправления в сфере противодействия экстремизму, терроризму.....	297
Чжоу Минхун. Совершенствование законодательства и контрмер по предотвращению и контролю террористических преступлений среди подростков в Синьцзяне.....	299
Чжун Янь, Чжань Кунь. Исследование судебной практики реализации уголовной политики «жесткого удара по терроризму» в Китае.....	300
Шаганян А.М. О некоторых аспектах деятельности секты «Свидетели Иеговы»	302
Ши Хуэйянь. Доклад FATF: формы финансирования терроризма	304
Ян Жуй, Ли На. Изучение проблемы употребления марихуаны подростками Синьцзяна	306

Научное издание

Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями

*Материалы шестнадцатой международной
научно-практической конференции*

Часть I

Редактор	Ю.С. Жолобова
Корректурa	М.В. Егерь, О.Н. Татарниковой, С.В. Калининой, Е.Г. Авдюшкина
Компьютерная верстка	О.Н. Татарниковой

Лицензия ЛР № 0221352 от 14.07.1999 г.
Лицензия ПЛр № 020109 от 15.07.1999 г.

Подписано в печать 31.01.2018. Формат 60х84/16. Ризография. Усл.п.л. 39,3. Тираж 100 экз. Заказ № 41.
Барнаульский юридический институт МВД России. Научно-исследовательский и редакционно-издательский
отдел. 656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49. www.бюи.мвд.рф.